

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

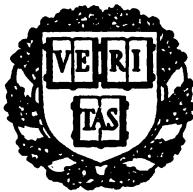
- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

27 231.15

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

FROM THE
Subscription Fund
BEGUN IN 1858

БЫТЬ
РУССКАГО НАРОДА.

ЧАСТЬ II.

СВАДЬБЫ.

Сот. А Перещенки.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ВОЕННО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВѢДЕНІЙ.

1848.

27231.15

HARVARD COLLEGE LIBRARY

1874, Dec. 18.

Subscription Fund.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 17 апрѣля 1847 года.

Ценсоръ А. Мещеряковъ.

46-6
3333
494

I. ОБЗОРЪ СВАДЕБНЫХЪ ОБРЯДОВЪ.

Обрядъ обрученія въ древности. Многоженство и много-
мужіе, и каменные статуи вмѣсто женъ. Покупка дѣвиць.
Приданое. Вѣно. Подать съ жениха по черной куніи. Кра-
жа дѣвиць. Предѣлы родства въ язычествѣ, при вступле-
ніи въ бракъ. Разводъ. Значеніе любви и супружескаго
союза, въ гражданскомъ обществѣ. Христіанскій бракъ.
Вѣчаніе. Воспрещеніе развода. Обряды славянскихъ пле-
менъ, при бракосочетаніи. Бывшее многоженство въ Рос-
сіи и у некоторыхъ славянскихъ племенъ. Брачная вѣр-
ность и денежные наказанія за нарушеніе цѣломудрія.
Вѣчная память. Значеніе свадьбы. Отступленіе отъ сва-
дебнаго благоправія. Брачныя записи и платежъ за не-
устойку. Разуваніе сапога. Возрастъ для супружества.
Постель новобрачныхъ. Угощеніе въ банѣ и питье воды,
но омовеніи тѣла. Каравай и мѣсто молодыхъ. Кокосникъ,
кика, коса и повойникъ. Вскрываніе молодыхъ. Особые
названія при свадьбахъ. Порча молодыхъ. Заключеніе.

СВАДЬБЫ.

I. ОБЗОРЪ СВАДЕБНЫХЪ ОБРЯДОВЪ.

Жизнь каждого народа рѣзко отражается въ его забавахъ, празднованіяхъ и обычаяхъ семейныхъ, за-вѣтно передаваемыхъ изъ рода въ родъ, и берегомыхъ усердно, какъ святыня. Однако, какъ ни сохраняютъ эти обычаи, но со степенью образованія государствъ, весьма многое въ нихъ измѣняется. Образованность, гражданская жизнь и свѣтская изысканность, хотя имѣютъ сильное на нихъ вліяніе, за всѣмъ тѣмъ, свадебные обряды еще много удержали старины. Этому служитъ доказательствомъ отправленіе ихъ по древнему обычаю, производимому понынѣ въ престонародіи.

У древнихъ и новыхъ народовъ, ни одна свадьба не начиналась безъ сопровожденія брачныхъ обрядовъ. Евреи, при собраніи постороннихъ людей, обручали молодыхъ нерстнями, въ знакъ не разрывнаго союза; давали имъ пить сладкое вино изъ сосуда, зайдая лч-
менной лепешкою, и клялась въ взаимной любви и вѣрности. Потомъ молодые, бросая на землю нѣсколь-
ко глиняныхъ кувшиновъ, разбивали ихъ и топтали ногами.

У Грековъ и Римлянъ, употреблялись вѣнны и обру-
чалыныя кольца, свѣчи свадебныя, подарки, осыпаніе

Обрядъ
обруче-
ніа въ
древно-
сти.

новобрачныхъ хмѣлемъ, деньгами и хлѣбными сѣменами.

У Римлянъ запрещалось совершать браки дѣвицъ въ праздникъ, а браки вдовъ въ будни для того, чтобы при вѣнчаніи первыхъ, могло быть болѣе зрителей, а при вѣнчаніи послѣднихъ, сколько можно менѣе: въ праздничные дни народъ развлекался играми, зрѣлищами и гуляньемъ. Супружество дѣвицъ славилъ, а вдовъ срамили, ибо повтореніе брака считалось за распутство.

Многоженство и многолюбіе, и даже была статуя этого жонъ.

На востокъ дозволялось имѣть много женъ, что дошло въ обыкновеніи между послѣдователями Магомета (*). Египтяне, Вавилоняне, Ассиріяне, Мидяне и древніе Персы, считали многоженство необходимостію,

(*) По алкорану, султаны турецкіе обязаны жениться на рабыняхъ, и родившійся отъ первой сынъ, провозглашается наследникомъ престола; его мать объявлялась женой султана, и имѣвалась матерью правовѣрныхъ, а всѣ прочія жены почитали ее султаншею и дѣйствительной женою. Русская плыница, Роксолана, первая нарушила этотъ обычай. Солиманъ великодушный, гроза германской имперіи и ужасъ Европы, имѣлъ первую женою отличной красоты черкешенку; рожденный отъ нея сынъ, Мустафа, былъ объявленъ императоромъ; но вторая его жена, Роксолана, успѣла до того овладѣть сердцемъ султана, что соперница ея потеряла его любовь. Роксолана, имѣя отъ него дѣтей, вздумала воззвать сына своего на престолъ, и потому внушала султану, что Мустафа и его мать ищутъ погибели ему самому и ея дѣтямъ. Чтобы достигнуть своей цѣли, она настояла у султана, выдать одну дочь свою за Рустава, великаго визиря, бывшаго въ силѣ; потомъ съ намѣреніемъ сдѣлалась покровительницею магометанской вѣры, къ коей Солиманъ былъ преданъ до суетверіи, и вознамерилась построить великолѣпную мечеть, чтобы пріобрѣсть расположеніе народа. По этому предмету она совѣтовалась съ Мустафи, который совершенно одобрилъ ея предначертаніе; но наущен-

(за 1800 л. до Р. Х.). Мидянамъ приписываютъ введение многоженства, и варварскій обычай держать въ гаремахъ евнуховъ. — Древніе думали, что многоженство способствуетъ къ скорому размноженію человѣческаго рода; но это ошибочно. Многоженство истощаетъ

нѣкій вѣдунъ въвремя, онъ напомнилъ ей, что она, какъ рабыня, не можетъ этого сдѣлать. Она притворилась печальною, впадала въ задумчивость, лишила себя всѣхъ радостей и наконецъ возненавидѣла самую жизнь. Султанъ, находясь въ походѣ, услышалъ о ея помѣшательствѣ, и о причинѣ разстройства ума, объявилъ ее свободною. Роксолана по прежнему сдѣлалась веселою, и начала строить мечеть. По возвращеніи Салимана въ столицу, онъ отправилъ къ ней, по обычаю евнуха, пригласить ее раздѣлать съ нимъ ложе. Она отвѣчала евнуху, что ей очень прискорбно, что не можетъ согласиться на волю своего государя; что она всегда готова повиноваться ему, но онъ нарушилъ законъ пророка, и сдѣлаетъ великое преступленіе, пригласивъ свободную жену; что ни одинъ султанъ не дѣлаетъ этого; — но если онъ непремѣнно рѣшился, то она не смеетъ противиться. Салиманъ, котораго страсти увеличивались при препятствіяхъ, воспламенился еще большею къ ней любовію, за нѣжное предостереженіе, и прибѣгнулъ къ совѣту муфти. Этотъ подтвердилъ во всемъ значаніи Роксоланы самымъ алкораномъ, и чтобы уничтожить всѣ препятствія, сказалъ ему, что одно только остается средство: объявить ее законной женою. Страстно-влюбленный монархъ ревностно исполнилъ предположеніе: онъ торжественно женился на ней (въ 1553 г.). До него ни одинъ изъ султановъ не былъ женатъ. — Роксолана неограниченно завладѣла сердцемъ Салимана, и Мустафа былъ лишенъ престола; потомъ, въ глазахъ отца, заколелъ его, и сынъ Роксоланы провозглашенъ наследникомъ престола. The works of Wil. Robertson, с. 317—319, vol. II. ed. Lond. 1829 г. — Любопытно было бы изслѣдовать: кѣмъ и когда взята въ плѣнъ Роксолана? Кто она родомъ? Какъ она попала въ сераль? — Роксолана не есть имя русское, и оно, конечно, ей дано послѣ плѣна.

преждевременно силы человека; заглушаютъ въ немъ чистую любовь, обращая ее въ одну слепую потребность. Сколько же раздоровъ между женщинами! Изъ зависти изъ предпочтенія одной къ прочимъ, всѣ посягаютъ на семейное счастье. Тогда самыя дѣти встаютъ противу отца, губятъ и умерщвляютъ другъ друга съ зѣвскимъ остервененіемъ. Мечь потушаетъ тогда священное родство и всѣ обогриваются кровью. Въ этомъ союзѣ не знаютъ ни добродѣтели, ни нравственности. Прелесть безпредѣльнаго наслажденія чувственностію, — вотъ основаніе многоженства. Послѣднее еще вредно тѣмъ, что умерщвляетъ оплодотвореніе, и прекращаетъ размноженіе человѣчества.

Между магометанами позволено вступать въ бракъ на условленное время : на годъ и пр. Понинѣ между многими изъ нихъ въ обычаѣ, какъ между нѣкоторыми дикарами, присылать прѣзжимъ, или иностранцамъ своихъ женъ. Ханскіе жены присылаютъ къ нимъ гаремныхъ дѣвушекъ. Язычники обѣихъ Индій, Японіи и острововъ южной части Азіи, вступаютъ въ бракъ по договору, и произвольному согласію жениха съ невѣстою.

Въ Россіи, между исповѣдующими магометанскій законъ и нѣкоторыми язычниками, существуетъ многоженство. У нашихъ Коряковъ, племени Камчадаловъ, было прежде въ обыкновеніи имѣть, вмѣсто женъ, каменные статуи. Ихъ одѣвали въ платье, клали съ собою спать, шутили съ ними и забавляясь, какъ бы съ существами чувствующими удовольствіе и радость.

Покупка
дѣвицъ.

Нѣкоторые народы имѣли обыкновеніе! приобретать женъ и дѣвицъ покупкою, и купленная считалась настоящей женою. Такое понятіе произошло изъ многоженства. Вавилоняне, за 2000 л. до Р. Х., выводили на городскую площадь, однажды въ годъ, продавать женъ

и дѣвицъ. Сначала продавали красавицъ, и кто болѣе всѣхъ за нее давалъ, тотъ получалъ ее, и купленная считалась неотъемлемою его собственностію и женою. За тѣмъ продавали менѣе пригожихъ, а наконецъ некрасивыхъ и безобразныхъ. На послѣднихъ никогда не бывало охотниковъ; почему продавцы, изъ вырученныхъ денегъ за красавицъ и хорошихъ, прикладывали отъ себя столько денегъ, чтобы мужчины согласились вступить въ бракъ съ некрасивыми или дурными. Добрачные деньги составляли приданое. Покупка и продажа дѣвицъ были укрѣплены гражданскимъ постановленіемъ, и это отнюдь не считалось безчестіемъ семейству. Самые брачные обряды совершались у нихъ однажды въ годъ. Во Фракіи, за 1500 л. до Р. Х., родители выводили взрослыхъ дочерей на торгъ и продавали. Купившій себѣ жену, особенно за дорогую цѣну, отпѣчалъ на ее челѣ, во что она куплена. Домынѣ въ Константинополѣ, Египтѣ и на многихъ азіатскихъ базарахъ производится торгъ дѣвками-невольницами, которыя покупаются богачами для своихъ гаремовъ, по нѣскольку вдругъ; а когда онѣ имъ наскучатъ, тогда отпускаютъ ихъ на волю, или дарятъ чѣмъ нибудь, въ знакъ своей милости и благорасположенія.

Въ древности долго не знали приданого. Дѣвицу ^{Приданое.} брали, не спрашивая о ея состояніи. У Евреевъ было постановлено, что женихъ долженъ былъ давать невѣстѣ дѣвицѣ, на убранство, не менѣе 50, а вдовѣ 25 сикловъ серебра. Греки покупали невѣсту (1500 л. до Р. Х.); но въ послѣдствіи сами невѣсты стали приобрѣтать жениховъ, объявляя имъ о своемъ приданомъ. Медea (за 1200 л. до Р. Х.) называла несчастными тѣхъ Гречанокъ, которыя своимъ богатствомъ жертвовали на покупку мужей.— Спартанскій законодатель,

Ликургъ, (за 880 л. до Р. Х.) запретилъ невѣстѣ имѣть болѣе трехъ паръ платья, и постановилъ обращать главнѣйшее вниманіе на нравственность дѣвицы, а не на ея состояніе. — Афинскій законодатель, Солонъ, тоже самое ввелъ въ своей республикѣ (за 580 л. до Р. Х.). Римляне не воспрещали вступать въ бракъ; но взаимному согласію; но у нихъ господствовала общее мнѣніе, что невѣста должна приносить приданое своему жениху. Этотъ обычай Римлянъ распространился по Европѣ, гдѣ не ищутъ доброй и образованной невѣсты, но денегъ. Въ Россіи также не смотрятъ на благородныя свойства дѣвицы, а на то, сколько при ней дупръ, хотя бы она была безъ души, но пословицъ: *приданое на рядкѣ, а уродъ на рукавѣ.*

О бывшей покупке невѣстъ, между всѣми славянскими племенами, при продажѣ косы и мѣста молодой въ свадебныхъ пѣсняхъ, доселѣ сохранилось воспоминаніе. Въ то время, когда молодой хочетъ садиться подлѣ своей невѣсты, братъ ея, или кто другой изъ родственниковъ, не допускаетъ его. Тогда дружка вступаетъ съ нимъ въ торгъ. Сестра умоляетъ брата не продавать ее, а если продавать, то дорого :

Братецъ, постарайся,
Братецъ поломайся!
Не продавай сестру,
Ни за рубль, ни за золото.

Когда братъ продаетъ то поютъ :

Братецъ татаринъ,
Продай сестру за талеръ,
Русу косу за полтну.

Или, изъ червонорусской свадьбы :

Он татаръ братчикъ, татаръ,
Продавъ сестру за татаръ,
Русу носу за шостакъ,
Быле личько такіи такъ.

По продажѣ молодой садится, а невѣста говорить
ему :

Садись, доброй молодець,
Не съ гордостью, не со спѣсью;
Садись съ Божьею милостью.

Въ христіанскомъ мірѣ приданое извѣстно подъ именемъ *вѣно*. Между эльбскими и одерскими славянами оно означало плату, которую женихъ давалъ за невѣсту, отцу или ея сродникамъ (*). Посему языческое вѣно означало вознагражденіе за дѣвическую невинность; слѣдовательно дѣвицы покушались; но жениковъ обязывали особыми договорами, содержать будущихъ своихъ женъ прилично до самой смерти, и въ случаѣ несогласія, или разрыва между ними, надѣлять ихъ особымъ содержаніемъ. — Государя и владѣтельные князья давали, на собственное содержаніе женъ, города и области; вельмежи и богачи, на тотъ же предметъ отписывали часть имѣнія; недостаточные обязывались вознаградить одновременно (**).

У насъ княжескія невѣсты не приносили приданого.

(*) Abhandl. von dem Heyrathgebrauche der Ober-Laufitzsch. Weiden; Gebhardi: Geschichte der Slawen, Anton: Versuch etc.

(**) Магометане покупаютъ невѣсть *калымомъ*, назначеніемъ приданого, которое поступаетъ въ ея собственность, какъ за вознагражденіе дѣвства, такъ и въ обезпеченіе ея вдовства — Чѣмъ дороже калымъ, тѣмъ жена почетнѣе. —

Когда Эванда, супруга В. К. Георика, родила Игоря, то онъ далъ ей въ вѣно городъ Изюру съ окрестностями. Равноапостольный В. К. Владимиръ I., женивъ на греческой царевнѣ Аннѣ, возвратилъ ей дядюшъ городъ Корсунъ, вмѣсто вѣно (*). В. К. Ярославъ I. отдалъ супругѣ своей Ингигердѣ ижорскую страну, вмѣсто вѣна и проч. Слѣдовательно вѣно тогда разумѣлось уже приданнымъ, опредѣляемымъ при брачныхъ условіяхъ.

Подать
отъ жени-
ха по
черной
куми.

У насъ существовало еще обыкновеніе, что за дѣвственную непорочность брали съ жениха, вмѣсто подати, по черной куми, въ пользу князя. Эта подать, наложенная В. К. Ольгою (въ началѣ X вѣка), освобождала новобрачную проводить первую ночь съ княземъ, или съ тѣмъ, на чьей землѣ жила она. Ольга, уничтоживъ это право, возвысила нравственность семейственной жизни. Въ послѣдствіи сей сборъ обращенъ въ денежный: но онъ долго, до конца XVIII в., назывался кумичымъ. Помѣщики брали со свадьбы деньгами. Теперь получаютъ вѣчный поборъ одни священники. При феодалномъ правленіи, также было въ обыкновеніи по всей Европѣ, что владѣтель земель проводилъ съ новобрачною первую ночь (**).

Крѣпа
дѣвицъ.

Въ древнія времена, вѣнялось молодымъ людямъ въ особую честь приобретать женъ воровствомъ. Молодой

(*) Ошибочно показано въ нашей исторіи, что В. К. Владимиръ I. былъ женатъ на родной сестрѣ греческихъ императоровъ Василія и Константина, царевнѣ Аннѣ. Она была имъ племянница, и у нихъ была одна сестра Теофанія, которая выдана за мужъ за германскаго императора Оттона II.—*Marguis de Gastelnau: Ess. sur l'hist. anc. et. mod. de la nouvelle Russie. 1. c. 116, ed. Par. 1820.*

(**) Татищевъ, И. Р. к. II. с. 45, пр. 135; Успен. Оп. нов. древ. Русскихъ, с. III.

человѣкъ не прежде могъ имѣть дѣвицу своею женою, пока не украдетъ ее. Спартапцевъ съ дѣтства приучали къ искусному воровству; посему никто изъ нихъ не могъ вступать въ бракъ, не похитивъ дѣвицы. Послѣ похищенія, женихъ объявлялъ о томъ своимъ родителямъ, которые хлопотали уже о бракѣ. Неудачное похищеніе наказывалось розгами, а это не считалось порокомъ: похищенная дѣвушка была всѣми признаваема за настоящую жену. Въ первыхъ вѣкахъ монархическаго правленія Римлянъ, было также въ обыкновеніи похищеніе дѣвицъ. По разрушеніи Римской Имперіи, это обыкновеніе продолжалось долго между германскими народами, и потомъ перешло къ славянскимъ племенамъ: Родимичамъ, Вятичамъ и Сѣверянамъ. Во время игръ и плясокъ, мужчины выбирали невѣсть и уводили ихъ съ собою, вмѣсто женъ. Древляне просто похищали. Обычай похищенія дѣвицъ продолжался у насъ очень долгое время. Венды, Алты и дунайскіе Славяне похищали дѣвицъ на празднествахъ, и похищенная дѣлалась женою.

Инженеръ Бопланъ, жившій въ Украинѣ около 17 лѣтъ, описываетъ кражу дѣвицъ, совершавшуюся въ его время, въ половинѣ XVII вѣка (*). Въ Украинѣ, во всякое воскресенье и всякій праздникъ, говоритъ Бопланъ, собираются послѣ обѣда къ корчмѣ кабаки съ женами и дѣтьми. Мужчины и замужнія женщины проводятъ время въ питьѣ, а юноши и дѣвушки забавляются на лугу пляскою, подъ дудку. Сюда приходитъ

(*) De Beauplan. Descr. d'Ukraine. Ed. 1660 г. Первое его изданіе было напечатано въ 1650 г., а второе въ 1660 г. Последнее находится въ Импер. Публич. Библиот. и въ Румянцовск. Музеумъ, въ собраніи всемірнаго путешествія, въ которіи Украинны Энгеля и въ собраніи Тавернье.

помѣщикъ съ своимъ семействомъ, чтобы посмотрѣть на забавы молодыхъ, иногда и самъ онъ съ своимъ семействомъ принимаетъ участіе въ веселостяхъ. Тогда козакъ, по старому между ними обыкновенію, похищаютъ дѣвицъ, даже дочерей помѣщика. Въ семъ случаѣ необходимы ловкость и проворство. Похититель непременно долженъ ускользнуть въ своею добычею, и скрываться въ лѣсу не менѣе 24 часовъ. Этимъ только онъ спасается, иначе препала его голова. Открытаго въ лѣсу, до истеченія сутокъ, лишали жизни. Если уведенная дѣвушка пожелаетъ вытти за него замужъ, то онъ обязанъ жениться на ней, въ противномъ случаѣ лишается головы. Если же дѣвица не изъявитъ желанія вытти за него замужъ, то онъ свободенъ отъ смерти. Увести благородную дѣвицу слишкомъ опасно: надобно имѣть быстрыя ноги и предварительное согласіе самой дѣвушки (*).

(*) Карпинъ, посѣщавшій золотую орду въ XIII ст., говорить о Татарахъ, что мужчины покупали у родителей дочерей, и купленная считалась настоящею женою. *Voyage de Carpine en Tartarie* въ 1246 г.; помѣщено въ Собр. Бержерона, изд. 1735 г: in. 4, с. 28. Татищевъ, *Ист. Рос. Кн. 1. с. 588*, рассказываетъ, что онъ былъ свидѣтелемъ обряда похищенія невѣсты между Татарами, когда онъ ѣхалъ изъ Кунгуръ (Царск. губ.) въ Сибирь на заводы (въ 1721 г.). Богатый Башкирецъ просилъ его захватить къ нему на свадьбу (мая 15). Онъ согласился, и пріѣхалъ къ нему вечеромъ. До его пріѣзда было уже собрано 40 вооруженныхъ Татаръ. Поутру, съ разсвѣтомъ, женихъ отправился съ нимъ въ деревню невѣсты. Батыръ, или предводитель, отправилъ отъ себя развѣдать, гдѣ находится невѣста? Посланный доносъ, послѣ нѣкотораго времени, что невѣста гуляетъ въ полѣ. Батыръ, подъѣхавъ къ деревнѣ съ людьми, скрылся въ лѣску, а женихъ съ тремя челоукаками отправился искать невѣсты. Завидя ее гуляющею съ нѣсколькими

До какой степени родства въ язычествѣ допускалось вступать въ бракъ—на это не совсѣмъ можно отвѣчать удовлетворительно. У Египтянъ дозволялось брату жениться на сестрѣ, исключая жрецовъ. Азіятскіе народы: Финикіяне, Ассиріяне, Вавилоняне и Мидяне, не запрещали братьямъ жениться на родныхъ сестрахъ. Едва ли не то самое было въ малоазійскихъ грече-

Предѣлы
родства
въ язычествѣ
при вступленіи въ
бракъ.

женщинами, онъ обскакалъ ихъ, схватилъ свою невесту и тотчасъ, посадивъ ея на лошадь, ускакалъ съ нею. Женщины начали кричать и плакать. Отецъ похищенной, узнавъ о причинѣ ихъ слезъ, ударилъ въ бубны. Собралось около 30 человекъ въ панцыряхъ и съ ружьями и погнались за похитителемъ. Женихъ, прихавъ съ своею невестою домой, ввелъ ее въ избу, гдѣ мать и прочія жены, числомъ болѣе 20, сидѣли на коврахъ. Невеста со слезами пала предъ матерью, которая посадила ее подлѣ себя, а служанки тотчасъ стали раздавать ее. Батыръ остановился съ своею толпою на концѣ деревни, приготовясь къ бою. Отецъ похищенной немедленно прискакалъ сюда съ своею дружиною. Вступили съ обѣихъ сторонъ въ переговоры. Между тѣмъ, жениха съ невестой, по прочтеніи надъ ними молитвы, отвели въ особый покой, а тестъ прибылъ мирово къ его дому. У крыльца стояли привязанными быкъ и лошадь. Тестъ, какъ бы въ отмщеніе за обиду, отсѣкъ своею саблею шею у лошади, а шуринъ у быка. Животныхъ тотчасъ стали рѣзать, и готовить обѣдъ. Кумысъ и буза были заготовлены женихомъ. Зять встрѣтилъ тестя у крыльца и просилъ прощенія, а тестъ замахивался на него саблею. Потомъ помирились, вошли въ избу, гдѣ пировали безъ женщинъ; женщины же угощались въ особой избѣ, и тѣмъ кончился увозъ.

Жениху дозволяется, внести половину, или третью часть калыма, ходить къ невестѣ во всякое время и спать съ нею. Такое посвященіе его называется *за пазуху ходить*. Когда же родятся отъ него дѣти, тогда женихъ увольняется отъ уплаты, а она дѣлается его женою.

Но у татаръ нынѣ покупаютъ невестъ, внося родителямъ калымъ, договоренную сумму денегъ, и потомъ женятся.

скимъ послеліяхъ: ибо изъ законовъ Солона видно, а законы сие почерпалъ отсюда, что брату можно было жениться только на сестрѣ по матери, а не по отцѣ. Вообще, въ древности, долгое время не разбиралось кровосмѣшеніе. Братъ могъ жениться на вдовѣ своего брата, какъ это было прежде и осталось дониндѣ у Евреевъ. Спартанскіе законы умалчиваютъ о близкомъ родствѣ; тамъ строго воспрещалось выходить дѣвушкамъ замужъ ранѣе 20 л., а мужчинамъ 30 л. По смягченіи греческихъ нравовъ, въ блистательный вѣкъ Перикла (за 430 л. до Р. Х.), родство было почтено: женились уже въ третьемъ колѣнѣ, что однако не всегда соблюдалось. Римляне сначала допускали брачную свободу, и, можно сказать, что это продолжалось до временъ Императоровъ, болѣе 700 л.—Христіанская вѣра положила предѣлы брачному родству.

У Калмыковъ—язычниковъ, не могутъ сочетаться бракомъ изъ своего рода, но берутъ женъ изъ другихъ племенъ.

Разводъ. Древніе народы допускали разводъ, при изобличеніи жены въ нарушеніи вѣрности. Тамъ, гдѣ господствовало многоженство, мужъ произвольно давалъ разводъ своей женѣ, часто по одной прихоти, и никто ему не воспрещалъ брать другую. Въ послѣдствіи времени постановлено закономъ, что мужъ, отпуская жену, обязывался обезпечить ее содержаніемъ.—Евреи разводились при всякой винѣ жены. (*)

Въ старину существовалъ у насъ произвольный разводъ, напоминавшій остатки язычества. Если супруги, по дальнему разстоянію Епископа отъ ихъ жительства, не могли явиться къ нему, для испроше-

(*) Второзак. гл. 24; Матв. гл. 19.

на поселенія на разводъ, то они выходили за деревню, и остановившись на перекрестной дорогѣ, развѣртывали утиральникъ, который вдвоемъ держали по концамъ, а свидѣтели развѣртывали его по срединѣ, и этимъ оканчивался разводъ. Тогда мужъ говорилъ разведенной: ступай себѣ, куда хочешь. (*) У донскихъ казаковъ разводили супруговъ съ согласія круга. Мужъ являлся въ казачій кругъ съ женою, и объявлялъ старшинамъ, что онъ не согласенъ жить съ нею. Тогда жена оборачивала своего мужа посреди избы, и потомъ покидала его, — этимъ все и оканчивалось (**). Такой обычай, по рассказамъ стариковъ, существовалъ и между дѣйствующими казаками.

Въ предосторожность невиннаго порицанія невѣсты, отдавали родителямъ на нѣхъ сохраненіе брачную рубашку невѣсты. Такой обычай долгое время господствовалъ по всей Европѣ. Изъ исторіи нашей видно, что Царь Феодоръ Алексѣевичъ, полюбивъ Агафію Симеонову Грушецкую, объявлялъ рѣшительное желаніе на ней жениться. Мама и дядьки хотѣли женить его на другой, а потому клеветали ее; но царь, признавъ послѣ брака старыхъ бояръ и клеветниковъ, показалъ нѣтъ свою молодую въ рубашкѣ (***) Петръ I. строго воспретилъ сіе обыкновеніе (****). Магометане разводятся по произволу; но у нихъ рѣдко случается, чтобы жена просила развода, исключая тиранскаго съ нею обращенія. Одна жена просила развода, потому что

(*) *Itaem. in tractatu de Sarmatia, nom. inter scriptores Reg. Moscov. C. 154.*

(**) *Korb. Diar. itineris in Moscoviam, ed. Vien. in f. C. 209.*

(***) *Татищ. Ист. Рос. Кн. 1. стр. 594, 595.*

(****) Это обыкновеніе за всѣмъ тѣмъ не безъ уничтожилось и въ наше время.

мужу ея обрѣзали носъ за воровство. Кадѣи позволили ей вступити въ бракъ съ другимъ.

Разводы происходили и происходят, — отъ неуваженія половъ одного къ другому, и отъ стремленія къ одному сладострастію; послѣднее принимаютъ за дѣйствительность любви, не понимая настоящаго нравственнаго ея смысла. Въ юные, кипучіе годы, всё кажется любить; но всё ошибаются: въ эти годы только влюбляются; любить же можно, при одномъ здоровомъ рассудкѣ, и тогда наступаетъ жизнь настоящей любви.

Значеніе
любви и
супружескаго
союза, въ
гражданскомъ
обществѣ.

И дѣйствительно, жизнь только тамъ, гдѣ здравая любовь; потому любовь есть ничто иное, какъ внутренній міръ души, отрадное бытіе человѣка. Одни эгоисты никого не могутъ любить, кромѣ самихъ себя, потому что въ нихъ задавлено нравственное развитіе; но они составляютъ исключеніе изъ всеобщаго понятія, о дѣйствительности міра любви. Сердце и разумъ не всегда живутъ въ согласіи: первое есть одно чувство нѣжности, а второй чувство справедливости, — и отсюда проистекаетъ естественное понятіе о значеніи человѣка, его удовольствіи и торжественнаго союза любви, образовавшей бракъ, который установленъ, самимъ гражданскимъ обществомъ, для его собственнаго благоденствія, если бы даже и не освятила его христіанская церковь. Пробѣжимъ мысленно появленіе любви, какъ основы брачнаго союза. — Востокъ, колыбель народовъ, первый выразилъ на себѣ чувство сердца, но сердца пламеннаго: тамъ все было основано на чувственномъ стремленіи одного пола къ другому; все ограничивалось одной заботливостію о страстномъ наслажденіи, — и потому тамъ люди не были выше животныхъ. Такое развитіе востока, сколь ни противно понятію чистой нравственности, утвердило

въ немъ семейственность ; тамъ общества жили отдѣльными семействами, и законы давались для нѣсколькихъ семействъ ; вотъ шаткѣй камень восточныхъ государствъ ! Восточный житель, глава семейства, считалъ для себя первой заботой, — оставить послѣ себя потомство. Не имѣть дѣтей, — было знаменіемъ небснаго гнѣва. У Іудеевъ бесплодныя женщины были побиваемы камнями. Отцы женивъ своихъ сыновей еще отроками. Братъ долженъ былъ жениться на вдовѣ своего брата, чтобы не прекратился родъ въ его семействѣ (*). Отсюда родилась законная полигамія (многоженство), которая издревле господствовала у мидійскихъ народовъ, основавшихъ гаремы, которые тамъ же подирѣплены были общественнымъ мнѣніемъ. Тѣ ошибаются, которые считаютъ гаремы исключительной выдумкою исламизма. Восточный житель всегда смотрѣлъ и теперь смотритъ на женщину, какъ на необходимое условіе его удовольствія. Отъ нея онъ требуетъ одной покорности; для него она вещь, игрушка, очень мило устроенная для его наслажденія. Для востока не существуютъ ни идеалъ красоты, ни идеалъ женщины : тамъ всѣ понятія сосредоточены въ вождѣленіи, въ сладострастіи, въ одной идеѣ вѣчной воспроизводительности подобныхъ себѣ существъ.

Не таковое чувство любви проявилось въ Греціи. Тамъ она была идея красоты; тамъ въ самыхъ минаахъ излилась мысль любви, въ общей дѣйствительности всемірной жизни, — въ Эротѣ, — послѣ коего провстек-

(*). Кн. 5 Моисея, второзакон. гл. 24 и гл. 25. Если бы братъ не захотѣлъ жениться на вдовѣ, то она требовала его къ сулу, и тутъ снимала сапогъ съ ноги его, и плюнувъ ему въ лице, говорила : сице да сотворятъ челоуьку, иже не совиждеть дому брата своего во Израилн.

ло рожденіе женской красоты, — въ Афродитѣ. Едва она вышла на берегъ, родившись изъ пѣны морекон, то немедленно пристали къ ней любовь и желаніе. Этотъ сладостный мнѣзъ красоты объясняетъ очищенное понятіе о прекрасномъ и изящномъ. Грекъ плѣнился красотой, а красота возвышала понятія до сравненія ее съ божествомъ. Не одна земная прелесть Венеры привязывала пламеннаго Грека къ здѣшной земли: онъ создалъ еще три любви: небесную, олицетворенную въ Ураніи, обыкновенную въ Пандемосѣ, и предохранительную въ Апострофіи. Это нравственное чувство лежало въ основѣ эллинскаго духа. По этому на Эрота Греки смотрѣли какъ на страшнаго бога, для котораго было забавою губить невинность. Этотъ маленькій крылатый божекъ вполне оправдывалъ ихъ мнѣніе: онъ изображался съ коварной улыбкою на устахъ, съ натянутымъ лукомъ въ рукѣ и стрѣлами въ кочанѣ, висѣвшемъ за плечомъ. Сколько легендъ оставилъ послѣ себя лукавый Эроть! Сколько онъ породилъ несчастій отъ страстной любви, оканчивавшейся смертію безъ достиженія взаимнаго ея участія, какъ напримѣръ Сафо къ Фаону, или же казню раздраженныхъ боговъ, за преступную связь между братьями и сестрами, дочерьми и отцами, сыновьями и матерями! Но сколько было нѣжности и неисчерпаемой радости въ той любви, которая увѣнчивалась чистѣйшею взаимностію! Греки не безъ причины выразили поэтическую мысль брачнаго сочетанія любви съ душою, — Эрота съ Психеею. — Павзаній прекрасно объясняетъ нѣжное чувство любви, статуей *стыдливости*, которая изображала дѣвушку: голова ея была наклонена и накрыта покрываломъ. Но эта статуя стыдливости, представлявшая Пенелопу, взята изъ самого событія. Улиссъ, женившись на Пенелопѣ, рѣшился возвратиться въ свое царство,

Итаку. Тогда престарѣлый царь Лакедемонскій, Икаръ, не вынося мысли о разлукѣ съ дочерью, умолялъ Улисса остаться у него. Улисса ничто не тронуло; онъ уже готовъ былъ сѣсть на корабль, но царственный старецъ палъ къ его ногамъ. Улиссъ, обратясь къ нему, сказалъ, чтобы онъ спросилъ свою дочь: кого она выберетъ между ними: отца или мужа? Пенелопа, не говоря ни слова, накрылась покрываломъ. Изъ этого безмолвнаго и нѣжно-страстнаго движенія, старецъ понялъ, что мужъ для нея дороже отца, но что робость и стыдливость оковали уста ея. — Въ ученіи Платона, любовь возвышена до небснаго созерцанія. «Наслажденіе красотою, говоритъ онъ, возможно въ этомъ мірѣ, по одному воспоминанію о той истинной красотѣ, которая стремится къ первоначальной ея родинѣ — къ горней красотѣ, къ божественному источнику всякой красоты. — Развратный стремится къ красотѣ, не понимая, что онъ носитъ ея имя; подобно четверовоному онъ ищетъ одного чувственнаго наслажденія. Посвященный въ таинство нравственности, изображаетъ красоту богоподобнымъ сіяніемъ и радостно трепещетъ предъ ея величіемъ: онъ, видя въ ней одно прекрасное, обожаетъ уже ее; онъ воздвигъ бы ей олтари, если бы не зналъ, что его назовутъ безумнымъ!» — Вообще женщина для Грека, была прекрасная, и назначеніе ея было чувство изящной страсти. Боги и смертные называли троянскую Елену безстыдной, за не сохраненіе стыдливости; но Киприда покровительствовала ей; за нее сражались цари и народы.

Прекрасно выражена стыдливость въ антологіи Батюшкова:

О радость! здѣсь они сей поясъ разрѣшили,
 Стыдливости дѣвической оплотъ.

Вы видите кругомъ разсыяны небрежно
 Одежды пышныя надменной красоты,
 Покровы легкіе изъ дымки блысннжной,
 И обувь стройная и свѣжіе цвѣты :
 Здѣсь все развалины роскошнаго убора,
 Свидѣтели любви и счастья Нмкогора!

Здѣсь женщина, наслажденіе ; а стыдливость, упоеніе любви! Страсть насытилась, но любовь создаетъ новые предметы очарованія. Грекъ оставался вѣрнымъ чувству изящнаго, и въ осень дней своей владычицы, онъ смотрѣлъ на любовь, какъ на изящное наслажденіе.

Ты въ красотѣ не измѣнилась, ...
 И для любви моей
 Отъ времени еще прелестнѣе явилась,
 Ты страсть вдохнешь и въ мертвый камень,
 И въ осень дней твоихъ не погаснетъ пламень,
 Текущій съ жизнію въ крови.

Или :

Но мнѣ мнѣ ея потушенные взоры
 И слезы горести внезапной на очахъ.
 Я въ сумерки, вчера, одушевленный страстью,
 У ногъ ея любви все клятвы повторялъ.
 Смущенный, я прижалъ ее къ груди моей :
 Что сдѣлалось, скажи, что сдѣлалось съ тобою?
 — Спокойна, ничего, бессмертными клянусь!
 Я мыслию была встревожена одною :
 Вы все обманчивы, и я.... тебя боюсь!

Вотъ гдѣ мука страсти, отторгнувшейся отъ изящнаго наслажденія! Это вопль женщины, оплакивающей свое паденіе; это скорбная память сердца, пораженнаго минутнымъ упоеніемъ!

У Грековъ любовь и совершенство ея, чувство и сочувствіе, находились въ вѣчной борьбѣ съ земными силами, — съ страстями; но разумное сознаніе восторжествовало въ образѣ олимпійскихъ боговъ, и Греки олицетворили чувство любви, въ сочетаніи боговъ съ людьми.

Въ средніе вѣки любовь проявилась въ дыхательномъ романтизмѣ. Это произошло не отъ ошибки, но отъ недостатка просвѣщенія, отъ невѣжества. Въ Греціи все боролось съ совершенствомъ боговъ, а въ Европѣ, въ средніе вѣки, все создавалось безразсудной фантазією, потому что все носило на себѣ печать противорѣчія и бессмыслицы, и тогда снова разлилось туманное понятіе востока, объ истинной любви и красотѣ. Движеніе чувствъ было сердечное и страстное; но оно не совершалось во имя разсудка. Рыцарская вѣрность была высшей мудростію, а смерть была жизнь, которая развивалась въ словахъ будущей таинственности: *тамъ, мы будемъ не разлучны!* Все жило надеждой безъ дѣйствительности, желаніемъ безъ достиженія цѣли. Чувствованія были тревожныя, а жизнь безпокойною. На тѣло смотрѣли, какъ на темницу для души, не думая о томъ, что въ здоровомъ тѣлѣ обитаетъ здоровая душа. Дикія противорѣчія шли рука объ руку: злодѣйство и преступленіе прикрывались притворнымъ поканіемъ; набожность и святотатство, обрядными моленіями; честь и справедливость заключались въ формѣ, а не въ самомъ дѣлѣ. Рыцарь считалъ безчестіемъ отказываться отъ вызова на поединокъ, а между тѣмъ не стыдился грабить по дорогамъ. Любовь не была дѣйствительная жизнь, но ароматнымъ обояніемъ, между тѣмъ какъ женщина была царицею! Умереть за одинъ ласковый взглядъ ея, было наградою! Доказывать, что владычица его души, добродѣтельнѣе и очаче

ровательнѣе всѣхъ богинь-красавицъ въ мірѣ, было обыкновеннымъ дѣломъ: мечъ былъ судью, а наградою нѣжное слово: *мой рыцарь!* Это значило, — мой защитникъ. Каждый рыцарь смотрѣлъ на избранную свою красавицу, какъ на существо безплотное: имя ея призывалъ въ битвахъ, и умиралъ съ ея именемъ! Но это благоговѣнное чувство, ни сколько не шло ему жениться на другой, или быть въ связи постыдной со многими женщинами. Вступить въ бракъ съ владычицею своего сердца, значило осквернить безотчетно святѣйшія къ ней вѣрованія, увлечь ее до простой женщины, и увидѣть въ ней обыкновенное земное существо. Если молодой юноша, влюбившійся въ дочь вассала, слышалъ изъ устъ красавицы привѣтъ любви, то онъ считалъ себя невыразимо счастливымъ. Если же, по несчастію, не было отвѣта на сочувствіе, то онъ умиралъ съ горя: бракъ былъ тогда гробомъ для любви. Но когда царица души дѣлалась женою, тогда поступали съ нею со всею необузданностію воли и по праву сильнаго. Царица была унижена до рабыни: безропотное ея рабство было добродѣтельно, терпѣніе — утѣшеніемъ въ жизни. При малѣйшемъ сомнѣніи въ вѣрности ее убивали, или зарывали живую въ землю. И вотъ любовь рыцарскихъ временъ! — У Грековъ, красота сосредоточивалась въ изящныхъ формахъ воодушевленнаго тѣла, а въ средніе вѣки, въ выраженіи одежды, глазъ, лица и поступи. У первыхъ самыя статуи представлялись нагими и полунагими, а у вторыхъ онѣ облакались въ покровъ неопредѣленности.

Свѣтъ просвѣщенія, разрушивъ неопредѣленный міръ олимпійскихъ и рыцарскихъ боговъ, произвелъ потребность духовной природы: любовь чистую, нравственную.

Нѣтъ сомнѣнія, что и нынѣ сердце есть основа, а любовь краеугольный камень счастья; что и нынѣ человекъ безъ сердца и любви—призракъ. Сердце не есть уже игра пламенной фантазіи, а любовь уже не поэзія. Но горе тому, кто зданіе своего блаженства вздумаетъ нынѣ соорудить на одномъ сердцѣ! Если кто захочетъ жить только сердцемъ, и въ женщинѣ искать цѣль и весь смыслъ жизни, то онъ непремѣнно дойдетъ до противорѣчія о любви, до холоднаго эгоизма, который только живетъ для себя; тогда мужчина и женщина должны отказаться отъ благороднаго ихъ назначенія самой природою. Въ наше время общество не угнетаетъ человека за возвышенные помыслы сердца, не отрываетъ его отъ общественной дѣятельности. Жизнь и дѣятельность, есть уже необходимость, не для одного мужчины, но и для женщины. Въ наше время женщина есть такъ же дѣятельный и полезный членъ общества; ограничить ея дѣятельность, въ дѣвическомъ состояніи, одною скромностію и невинностію, а въ замужествѣ, спальнею и кухнею, — значитъ лишить ее всѣхъ обязанностей человека. — Скажутъ: женщина должна быть только матерью, а должность матери весьма трудна и священна: воспитать своихъ дѣтей. Но воспитать не значитъ выкармливать, — это дѣлаетъ всякое животное, по природному влеченію. Воспитать, значитъ дать благородное направленіе сердцу и уму, а для этого требуется не одна наука, но основательныя свѣдѣнія, или лучше сказать, самосознаніе о назначеніи дѣтей для пользы общества; следовательно, міръ знанія, столько же долженъ быть открытъ женщинѣ, сколько и мужицѣ; на этомъ основаніи жена у мужа, и мать и хозяйка. Страшно слышать, что жена только умѣетъ любить мужа и дѣтей своихъ, а больше ничего и знать не хочетъ. О, тогда

она жалка и недостойна любви! Жалокъ и недостойнъ женской любви и тотъ мужчина, который только способенъ любить жену и дѣтей. Истинно человѣческая любовь состоитъ въ взаимномъ уваженіи другъ въ другъ человѣческаго достоинства, а это производить равенство и свободу въ взаимныхъ отношеніяхъ. Мужчина тогда уже не властелинъ, а женщина не раба. Вѣрность дѣлается тогда долгомъ, ибо она въ постоянномъ сочетаніи сердца и любви. — Человѣкъ нашего времени не можетъ уже плѣняться однѣми изящными формами красоты: онъ хочетъ видѣть въ ней возвышенныя достоинства, какъ человѣка, какъ гражданина. Идеаль женскихъ совершенствъ существуетъ только въ горячей фантазій! Но въ чемъ, по понятію нашего времени, состоятъ возвышенныя качества женщины и блаженства любви? Первыя: въ нравственномъ существованіи и простомъ уразумѣніи, даже высокихъ предметовъ; а вторыя въ сознаніи дорожить существомъ, одареннымъ благородной душою. Наша любовь проще, естественнѣе, духовнѣе и нравственнѣе всѣхъ предшествовавшихъ развитій въ человѣчествѣ. Мы не бросимъ женщину, какъ наскучившую намъ игрушку, какъ было на востокѣ; не преклонимъ уже колѣнъ предъ женщиною, за то только, что она прекрасна, какъ дѣлали Греки; не станемъ драться, чтобы заставить признать любимую нами женщину, за идеаль красоты и добродѣтели, какъ это дѣлали рыцари; не станемъ утверждать, что женщина безплотное существо, какъ это было въ средніе вѣка, — мы уважимъ въ женщинѣ дѣйствительныя ея права. Для насъ уже не существуетъ идеаль дѣвы не земной; идеаль нашего времени не живетъ въ мірѣ мечтаній, а въ дѣйствительности любви, а потому брачныя узы

союза, происстекли изъ нравственнаго назначенія чело-
вѣка.

Изложивъ мнѣнія о любви, основанныя на поняті-
яхъ разныхъ вѣковъ, надобно сказать, что брачная
любовь есть одна изъ чистѣйшихъ нравственныхъ по-
ложеній; что супружеская любовь должна непремѣн-
но быть освящена и обществомъ и церковію.

Творецъ, создавъ первыхъ двухъ человекъ, соединилъ <sup>Христи-
анскій
бракъ.</sup> ихъ и благословилъ. Этими самымъ Онъ показалъ намъ,
что ни многоженіе, ни многоженство не соотвѣтствуютъ
природѣ челоѣка: поэтому единоженство утвердилось
во всемъ христіанскомъ мірѣ.

Единоженство водворяетъ спокойствіе семейное, обла-
гороживаетъ и возвышаетъ чувствованія челоѣка и
укрѣпляетъ священный союзъ любви. Любить многихъ
вмѣстѣ нельзя, и въ жизни любить можно только од-
нажды. Если любятъ многихъ, то это не есть любовь,
но страсть, удовлетворяющая одну чувственность. Мо-
лодость лѣтъ, обворожительная наружность, увлека-
тельная красота, возбуждаютъ, говоря обыкновеннымъ
языкомъ, всеобщую любовь; но это минутное очарова-
ніе, произведенное прелестями красавицы. Явится дру-
гой предметъ, очаровательнѣе перваго, всѣ влюбятся
въ него, и забываютъ, что прежде любили. Есть ли
это любовь? Настоящая любовь постоянна и неизмѣн-
на; она можетъ существовать въ одномъ только еди-
ноженствѣ; въ многоженствѣ же она не имѣетъ мѣста.
Дѣти отъ одного отца, но отъ многихъ матерей, воз-
стаютъ противу отца и матерей, и семейство обли-
вается кровью.

Апостолъ Павелъ опредѣлилъ и священникамъ имѣть
по одной женѣ. Восточная Церковь приняла это за у-

законоученіе; западная же церковь, основываясь на его словахъ: *добро есть, аще кто удержится во всемі, за- претила священникамъ вступать въ бракъ, и это ввелъ папа Григорій VII. Гильдебрантъ, въ XI в.*—Протестанты считаютъ бракъ необходимымъ для священниковъ.

Восточная церковь допускаетъ три законныя жены. Старѣе 60 лѣтъ воспрещается вступать въ бракъ. Все это принято нами. Въ язычествѣ награждали вѣнкомъ тѣхъ женъ, кои имѣли одного мужа, призывая повтореніе брака за распутство. При посвященіи въ Весталки, дочь Полліона была предпочтена дочери Фонція Агриппы, потому что ея мать имѣла одного мужа.

(*) Единомужнія жены пользовались еще многими преимуществами, и между прочимъ тѣмъ, что онѣ могли возлагать на голову богини Счастія вѣнецъ. Въ надгробныхъ надписяхъ означали: *одномужняя*,—это такъ много значило, что почитали достойнымъ славы. Либаній, говоря, что мать Іоанна Златоуста, будучи сорока лѣтъ, вдовствовала еще 20 л., произнесъ съ восторгомъ: «Боже Великій! какія жены въ христіанствѣ!» Это служитъ доказательствомъ, что тогда эти примѣры были уже рѣдки, и что вдовы проводили жизнь непорочную.

Въ нача-
ніе.

Обрученіе и вѣнчаніе сопровождаются повсюду чтеніемъ молитвъ и наставленіемъ для сочетавающихся; а самый бракъ въ нашей православной церкви составляетъ одно изъ семи Св. таинствъ (**).

(*) Tacit. Annal. кн. 3 гл. LXXX. VI.

(**) Супружество есть начало и конецъ жизни, потому оно необходимо должно быть освящено постановленіями Церкви. Но какъ оно соединяетъ на всю жизнь, то вступающіе въ бракъ должны сочетаться по истинной любви другъ къ другу, по сему и бракъ долженъ быть неразрывнымъ. Въ какой степенн Церковь наша утвердила важность брака, это можно

Въ первые вѣки христіанства бракосочетаніе прои-^{Воспре-}
водилось дома или въ церкви, безъ особыхъ свидѣ-^{щеніе}
телей; но въ послѣдствіи, когда стали отпадать отъ ^{развода.}
браковъ и самолично разводиться; тогда постановлено
совершать обрядъ въ церкви, при собраніи народа и
свидѣтеляхъ, дабы не могли отречься отъ вступленія
въ бракъ. Самъ спаситель воспретилъ разводы. (*)

Въ нашей церкви запрещено вступать въ бракъ до
седьмого колѣна, между тѣмъ какъ у протестантовъ
и реформатовъ, родные братья могутъ жениться на род-
ныхъ сестрахъ, изъ другаго семейства, или братья на
двоюродной сестрѣ, съ разрѣшенія духовнаго началь-
ства.

Какіе обряды совершались между славянскими пле-^{Обряды}
менами, — объ этомъ мы весьма мало знаемъ. Несторъ го-^{славян-}
воритъ, что Поляне были права кроткаго и тихаго; слыдъ ^{скихъ}
украшалъ женскій полъ. Женихъ не ходилъ на невѣ-^{плосень}
стою; но вечеромъ привели ее къ нему, а поутру ^{при бра-}
привосили ее приданое. ^{косочо-}
^{таніи.}

Древляне жили въ дѣсахъ, подобно звѣрямъ; въ
осорахъ убивали другъ друга, и браковъ не знали, но
уводили дѣвицъ. Сѣверяне, Родимичи и Вятичи имѣ-
ли одинъ обычай: жили звѣрьми въ дѣсахъ, срамсло-
вили предъ отцами и женщинами. Браковъ также не зна-
ли. Молодые люди обоого пола сходились на игры между
сѣденіями, плясали и пѣли *блговескія пѣсни*, потомъ
уводили съ собою невѣсты; жили съ ними безъ совер-
шенія обрядовъ, но по одному согласію — *съ нею сож-*
дашесь. Хороводная пѣснь, которая понынѣ въ упо-

видѣть изъ обрядныхъ постановленій церкви. См. подробности:
Требникъ, изд. Кіево-Печерской Лавры 1808 года, въ статьѣ:
Послѣдованіе обрученія и вичанія, листъ 45-61.

(*) Матв. гл. XIX ст. 3. 4 и 8.

требленіи: «А мы просо сѣяли, сѣяли и т. д.» напоминаеть, въ сдовахъ: *нашего поля прибыло, а нашего убыло*, древній обычай похищенія женъ, и тогда не считалось за безчестіе держать по двѣ и по три жены, и болѣе. Похищеніе дѣвицъ продолжалось долгое время; но когда именно уничтожилось оно, а равно и несовершенство браковъ по языческому обряду?—нѣтъ ни какихъ объ этомъ свѣдѣній. Нѣтъ сомнѣній, что христіанская вѣра дѣйствовала на нихъ благотворно, но извѣстно, что она не могла вдругъ искоренить, и что языческое обыкновеніе отправлялось долго, долго, пока правительственныя мѣры не прекратили ихъ. Между нѣкоторыми расколами бракъ не считался дѣйствительнымъ, доколѣ женихъ не похитилъ дѣвицу съ ея согласія. Такое обыкновеніе было въ употребленіи еще недавно въ нѣкоторыхъ уѣздахъ витебской губерніи: динабургскомъ, рѣжецкомъ, люценомъ и проч. между раскольниками. Тамъ молодые парни и дѣвицы на масляницѣ собирались въ питейный домъ, на гулянье, называемое *кирмашъ*: плясать, пить и веселиться. Отцы и матери знали къ чему клонилось веселье, потому-что оно было обрядное. Молодой парень, условившись съ дѣвицею, уходилъ съ нею съ кирмаша, и посадивъ на сани, отправлялся съ нею въ лѣсъ къ заветному дубу: объѣзжалъ его три раза, и тѣмъ оканчивалось его вѣнчанье, а она дѣлалась его женою. Въ люценомъ уѣздѣ находится огромное озеро, которое у раскольниковъ считается священнымъ; мушны, похищая дѣвушекъ, объѣзжали озеро три раза, — и бракосочетаніе было дѣйствительное. Мужъ жилъ съ похищенною неопредѣленное время, и могъ въ одинъ годъ вѣнчаться много разъ. Кромѣ кирмаша могли жениться и въ другое время, но не иначе, какъ чрезъ

похищеніе. Женихъ, вмѣсто брачнаго кольца, дарилъ свою невѣсту шелковымъ платкомъ:

Нынѣ введено между ними церковное бракосочетаніе, послѣ котораго они уже не нарушаютъ брака.

Великій Князь Владиміръ, будучи язычникомъ, имѣлъ ^{Емее} ^{юго -} ^{ство} ^{Рос-} ^{а и у} ^{икото -} ^{м хъ} ^{извѣс-} ^{тн хъ} ^{донств.} многихъ женъ, и сверхъ того содержалъ 300 наложницъ, (конхъ Несторъ называетъ *содимыми*). Онъ имѣлъ въ Вышгородѣ близъ Кіева 100, и въселѣ Берестовѣ 200.— Это доказываетъ, что у насъ, до введенія христіан-ской вѣры, было терпимо многоженство, и что совершеніе браковъ не было въ общемъ обыкновеніемъ. Несторъ говоритъ: *Имѣху бо обычаи свои, и законъ отецъ своихъ и преданія*. Это значитъ, что еще въ то время, въ половинѣ XI вѣка, соблюдали обычаи предковъ язычниковъ; но оскорбитель цѣломудренной жены, наказывался какъ убійца (*).

Древніе Богемцы не знали браковъ; у нихъ всѣ женщины были общими женами. Венды, кромѣ одней жены, держали по нѣскольку наложницъ. Всѣ они поступали съ своими женами, какъ съ приобрѣтенною добычею. На нихъ возлагали тяжкія домашнія работы, и онѣ спали не на постелѣ, а на-толой землѣ, поому матери равнодушно умерщвляли родившихся дочесей, чтобы онѣ не терпѣли подобно имъ.

Древніе писатели хвалятъ цѣломудріе южныхъ славянокъ. Не одиѣ жены, но и мужья строго наблюдали супружескую вѣрность. Мужья, требуя доказательствъ дѣвственной непорочности, оставались ей всегда вѣрными. Славянки не переживали мужей, и добровольно ^{Брачная} ^{вѣр-} ^{ность} ^{и довер-} ^{енна на-} ^{казанія,} ^{за нару-} ^{шеніе} ^{цѣлomu-} ^{дрія.}

(*) Кар. И. Г. Р. т. 3 с. 218 и 219. Примѣч. 274. *Sehardi*: *Fortsetz. der Allgem. Weltgesch. der Neuen Zeit.* ч. 33, с. 226 и 227. изд. 1780 г.

осжигались съ ними на костре. Вдова минала бедственным семейство. Но при всемъ этомъ жены находились въ рабствѣ: онѣ не смѣли ни въ чемъ противорѣчить мужу, ни жаловаться, и думали, что супруга должна служить мужу и на томъ свѣтѣ.

Предлюбовѣннѣе наказывалось жестоко. У холостякъ Славянъ отдавали виновному на выборъ: сдѣлаться вѣнухомъ или умереть. (*) По уставу о церковныхъ судахъ, который несправедливо приписанъ В. К. Ярославу, половины XI вѣка, но вѣроятно сочиненный въ XIV вѣкѣ, предоставлено епископамъ исключительное право судить: оскорбленіе невинности и уголовныя дѣла, и за такое преступленіе опредѣлена денежная плата (**).

*) Нестор. по Кевигсб. сп. с. 12. ; Кар. Н. Г. Р. т. I. с. 61 и 62, пр. 136 и 137.

(*) Если кто уведеть дѣвушку или незаконничать ее, и она была изъ знатнаго боярскаго рода, то ей платилось за безчестіи 5. гривенъ золота, и епископу тоже; изъ незнатныхъ боярскому гривну золота, столько же и епископу; изъ добрыхъ людей 5. грив. серебра. За разводъ боярыни безъ ея вины, платилось жевѣ за безчестіе 5. грив. золота, столько же и епископу; изъ почетныхъ гражданъ 8. рубл., и епископу тоже. Кто похитилъ дѣвушку а другой сталъ бы поносить ее безсестной, то съ уведшаго взымалось 4. грив. серебра. Если мужъ имѣлъ связь незаконную съ другой женою, тогда онъ отдавался суду епископскому, а Князь наказывалъ виновнаго смерью. Если мужъ вступалъ въ бракъ съ другой женою или дѣвушкой, не разведшись съ первой своей женою, то по суду епископскому мужъ долженъ былъ жить съ первой, а вторую выкупилъ ея родственники отъ церковнаго наказанія. Мужу не дозволялось разводиться съ своей женою, если бы она оправдала недугами, свяотомъ или продолжительной болѣзнію, и на бороть, по тѣмъ же причинамъ жена не могла просить развод. Если мужъ имѣлъ связь незаконную съ своей женою, то на нихъ налагалась опитиія а епископу платилась гривна золота. Кто грѣшилъ съ сестрою, тогъ съ нею подвергался опитиіи, а епископу платилось 100. грив. серебра. Бракъ въ близкомъ родствѣ разводился, а въ пользу епископа вносили 80. грн. Кто жилъ съ двумя женами, тотъ долженъ развестись

Около того же самаго времени вошли въ обыкновен-<sup>Виде-
нае на-
нать.</sup> ные письменныя свидѣтельства, которыя давались ду-ховными на совершеніе бракосочетанія и назывались *свѣдѣтельными памятями*. Собираемыя за нихъ деньги об-ращались въ епископскій доходъ. Петръ I. повелѣлъ

съ послѣдней и жить съ первой; но если бы онъ обходился съ нею дурно, то его присуждали къ смерти. Кто произвольно разводился съ женою, то съ него взымали въ доходъ епи-скопа 12. грив. Если свекоръ грѣшилъ съ снохою или черни-цею, то съ него 100. грив.; съ двумя сестрами 30 грив., съ мачихою 40 грив.; два брата съ одной женою 100 грив. Если дочь или сынъ вступали въ бракъ по принужденію родителей, то послѣднихъ отдавали суду епископскому. Если кто жену изъ знатныхъ бояръ поношилъ безсечестнымъ именемъ, то ей пла-тилось 5. грив. золота, столько же и епископу; кто же без-сечестилъ жену княжескую, того казнили. За поношеніе жень изъ знатныхъ бояръ, платилось имъ по 3. грив. золота, изъ горожанъ 3. грив. серебра, а изъ простыхъ одна гривина се-ребра. Если чернецъ или черница, попъ или попадья, или про-курница (пекущая просвиры) согрѣшатъ съ камъ либо, то ихъ отдавали на судъ епископу, безъ участія *мірянъ* или власти свѣтской. —

Въ лѣтописи Нестеровой и Русской правдѣ достоинство гривны обозначается цѣвностію металла, но какъ самая древняя гривна равнялась вѣсомъ фунту своего металла, а въ послѣдст-віи полуфунту, то можно приблизительно опредѣлить достоинст-во гривны по вѣсу настоящаго металла, такъ: фунтъ золота ра-внѣ 350 р. сер, а фунтъ серебра 30 р. сер. Въ XI. вѣкѣ гри-на серебряная вѣсила полуфунта серебра, по этому нынѣш-нихъ серебряныхъ рублей полагать можно десять. Въ XVI. вѣкѣ рубль В. К. Василія Іоанновича содержалъ въ себѣ около пяти нынѣшнихъ серебряныхъ рублей (Основательное изло-женіе о гривнѣ, см. Кар. Ист. госуд. рес. т. I. прим. 298. и т. II. прим. 79, изд. 1818 г.)

Уставъ Ярослава подложенъ и писанъ самими духовными, но дѣйствіе его имѣло силу до XVII вѣка. Владиміровъ уставъ (конца X. вѣка) равно подложный и сочиненный не позже XIII. вѣка, отдаетъ на судъ духовенству, между многими дѣлами, распри и неварность супруговъ и т. д. — Меленій: de Russor. relig. et ritib. ed. 1581 г., говоритъ между прочимъ о прелю-бодѣяннѣ: *pro adulterio non computant, si vir habens uxorem, cum solita concuberit, excepte uxore alterius. Eos quoque, quod publice pecant, ex communicatione persequuntur, quod eorum lingua obscha vocant.* — См. еще Гваньина: *in tractatu de Sar- matiae, nom. inter scriptores rerum Moscovitarum, q. 134.*

(указ. 1709 г. гонв. 25.), обратитъ этотъ сборъ на больницы.

Значеніе
свадьбы.

Игры между селеніями заключали свадебныя обряды. Откуда же произошло названіе свадьбы? — Толкуютъ различно. Иные думаютъ, что *свадьба*, слодетвузшая съ латинскимъ словомъ *свада* (Svada), богиня веселій у Римлянъ, обратилась въ значеніе нашей свадьбы (*); другіе производятъ отъ глагола *сводити*, соединять, основываясь на томъ, что бракъ есть соединеніе двухъ лицъ; другіе производятъ отъ *святости*, утверждаясь на томъ, что Славяне свято чтли бракъ; другіе отъ *свата*, — свидѣтеля свадебнаго сговора; но *свадьба* произошла отъ древняго слова *свататься*, означавшее прежде сговариваться, соглашаться (**).—Въ подтвержденіе послѣдняго мы видѣли примѣры между нѣкоторыми славянскими племенами, въ томъ, что женихъ уводилъ дѣвицу и съ нею *совѣщались*,—слѣдовательно бракъ тогда означалъ сговариваніе и согласіе. Выраженіе же играть свадьбу, произошло отъ употребленія игръ и забавъ во время свадебнаго веселія—

Въ одной нашей лѣтописи употреблено слово *каша*, вмѣсто свадьбы. Когда Александръ невскій женился (въ 1239 г.) въ городѣ Торопцѣ, то онъ праздновалъ здѣсь *кашу*, потомъ по возвращеніи въ Новгородъ другую,—т. е. давалъ здѣсь свадебный столъ (***). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малороссіи хранился еще обычай, что молодой ночью разбивалъ палкой на дворѣ горшокъ каши, а дружка добивалъ его. Это означало торжество супруга надъ невинностію молодой.—Будучи въ Германіи, я видѣлъ, что свахи били горшки или склянки на

(*) Снегир. Русск. прост. праздн. и пр. вып. I. с. 60.

(**) Кар. Ш. Г. Р. т. I. пр. 136.

(***) Воскрес. лѣт. т. II. с. 206 подъ годомъ 6747. (1239 г.)

дорогѣ, не только предъ окнами молодыхъ, но ходя по улицамъ—знаменуя снѣжь, что завтра или чрезъ нѣсколько дней будетъ свадьба и веселье молодого.

Радость также выражала у насъ свадебное веселье и свадьбу,—и это значеніе было самое древнее; оно встрѣчается въ XII вѣкѣ. Какъ нынѣ, такъ и прежде, радость сопровождалась пѣснями.

Отшельникъ Іаковъ, современникъ Нестора, жаловался митрополиту Іоанну, что свадьбы между простымъ народомъ совершаются безъ благословенія, и что только вѣнчаются одни бояре и князья. Митрополитъ Іоаннъ, наименованный современниками пророкомъ Христа (жив. въ концѣ XI вѣка), осуждалъ тогдашнее обыкновеніе великихъ князей, выдававшихъ дочерей за государей латинской вѣры; налагалъ эпитимию на тѣхъ, которые вступали въ бракъ съ правнучатами, или женились безъ вѣнчанія; отлучалъ отъ Церкви священниковъ, благословившихъ союзъ мужа съ третьею женою, и установилъ духовное покаяніе, для преступниковъ благонравія и цѣломудрія. Изъ посланія В. К. Владиміра Мономаха къ князю Олегу (въ XII в.), видно, что свадьбы сопровождалась пѣснями.

Отступленіе отъ свадебнаго благонравія.

Митрополитъ Фотій, жившій въ XV вѣкѣ, наказывалъ трехлѣтнею эпитиміею мужа и жену, вступившихъ въ бракъ безъ благословенія церковнаго, и потомъ дозволялъ сочетаться имъ церковнымъ обрядомъ; велѣлъ вѣнчать послѣ обѣдни, но не въ полдень, а вечеромъ и въ полночь. Позволялъ третій бракъ молодымъ людямъ, не имѣвшимъ дѣтей, и съ условіемъ, не ходить въ церковь пять лѣтъ, и не давать въ теченіе этого времени причастія; пившимъ до обѣда, воспрещалъ давать хлѣба Св. Богородицы, и преслѣдовалъ *лихихъ бабъ съ узлами, ворожбою, заговорами*

и *зеленъ* (*). Изъ столба видне (гл. 15), что въ половинѣ XVI вѣка, во время свадебнаго веселія, играли *глумотворцы, арташки, смѣхотворцы, музыкальнн,* и пѣли бѣсовскія пѣсни. Когда ѣхали вѣнчаться, тогда священникъ ожидалъ ихъ со крестомъ, и предъ нимъ скакали со *сельми бѣсовскими* играми. Не мудро послѣ этого, что свадебныя забавы именовались *духовешствомъ бѣсовскими*. Даже невинныя увеселенія: хороводы и рождественскія забавы, сопровождаемыя гаданіемъ, переряживаніемъ, колядованіемъ и проч. именовалось ими же *сотанинскими* и *чревоблснованіемъ*.

Священникамъ и причетникамъ запрещалось, по церковнымъ правиламъ, участвовать на брачныхъ играхъ.

Брачныя
записи и
платежъ
за неустойку.

Многія обыкновенія, употребляемыя нынѣ въ простонародіи, съ нѣкоторыми измѣненіями, принадлежатъ глубокой древности. По исторіи нашей извѣстно, что княжескихъ невѣстъ привозили въ великокняжескія палаты, и потомъ совершали обрученіе въ храмѣ. Однако иногда женихи ѣздили для сговора къ невѣстамъ и давали записи, по конѣ назначали день сочетанію и самому обряду; опредѣляли платежъ за неустойку, соразмѣрно съ придаными невѣсты. Если за нею было 1000 руб., то за неустойку платилось столько же. Это обыкновеніе господствовало долгое время между боярами и князьями. Иногда женихи дѣлали сговоръ, не видя невѣсты, отъ чего происходила несогласія съ обѣихъ сторонъ: потому что приводили къ вѣнцу не тѣхъ невѣстъ, за конѣ сваталась. Сей обычай и записи продолжались до временъ

(* Кир. Н. Г. Р. т. 5. ст. 239-240., *въ послан. росс. житрополитова, хранящ. въ Синод. библ. № 164.*

Петра I, который указомъ 1701 года постановилъ, что если бы жениху не понравилась невѣста, или она была бы не та, за которую онъ сватался, то, хотя бы она была въ церкви, онъ можетъ отказаться отъ нея. Родители же не должны принуждать ни дѣтей, ни слугъ своихъ къ бракосочетанію, безъ собственнаго ихъ согласія.

Родители, опекуны и помѣщики обязаны были присягою или подтвердить письмомъ, подѣ страхомъ суда Божьяго, что они не принуждаютъ къ вступленію въ бракъ (Ук. 1724 г. января 5). Но это постановленіе не ограничивало родительскаго вліянія на участь дѣтей, и дѣтямъ не давалось права поступать безъ совѣтовъ, согласія и благословенія ихъ. Дѣти всегда должны помнить: *благословеніе бо отчье утверждаетъ дома чадъ, клятва же матерня искореняетъ до оскопанія*(^{*}). *Проклятъ безчестяи отца своего, или матери свою; и рекуть вси людіе: буди!* (^{**})

Невѣста, въ знакъ всегдашней покорности, обязана была въ первую ночь снять сапогъ съ ноги мужа. Женихъ клалъ въ правый сапогъ деньги, а въ лѣвый плеть. Когда невѣста бралась прежде за лѣвую ногу, тогда женихъ, вынувъ плеть, билъ ее; когда за правую, тогда отдавалъ ей деньги. В. К. Владиміръ, плѣненный красотою Рогнѣды, дочери полоцкаго князя Рогольда, которая была сговорена за В. К. Ярополка, требовалъ чрезъ пословъ ея руки (980 г.); но она отвѣчала ему: *не хочу изути робичича* (не хочу разуть сына рабыни), потому что мать Владиміра была ключ-

(^{*}) Сираха Премудр. гл. III. ст. 9.

(^{**}) Кн. 5 Моисея, второзак. гл. 27. ст. 16.

ницею В. К. Ольги (*). Дядя его, Добрыня, понесъ надмѣнность Рогнѣды, присовѣтовалъ ему взять ее силою, и жениться.

Баронъ Герберштейнъ и Олеарій упоминаютъ въ своихъ путешественныхъ запискахъ, что въ бытность ихъ въ Москвѣ, (**) совершался обычай разуванія при княжескихъ и боярскихъ бракахъ. Послѣ брачнаго стола, вводили невѣсту въ почивальню, гдѣ она ожидала своего жениха, въ спальномъ платьѣ. Женихъ садился на кровать, держа въ рукѣ плеть. Невѣста подходила къ нему, и снимала съ ноги его сапогъ. Онъ билъ ее три раза по плечамъ и спитѣ, для напоминанія, что она, сдѣлавшись его женою, должна повиноваться своему мужу. Повиновеніе женъ продолжалось у насъ, до введенія чужеземнаго воспитанія. В. К. Владиміръ Мономахъ (скончав. въ 1125 г.) въ духовномъ завѣщаніи къ своимъ дѣтямъ, говоритъ между прочимъ: *жену свою любите, но не давайте ей надъ собою власти.* Англійскій посланникъ Флетчеръ, бывшій въ Москвѣ въ концѣ XVI в., говоритъ, что въ числѣ подарковъ, которые женихъ посылалъ невѣстѣ съ ящикомъ, и въ коемъ находились иголки, нитки, шелковыя и льняныя матеріи, ножницы, винныя ягоды, взюмъ и другія вещи, занимала первое мѣсто—*плетка.*

Избраніе жениха и невѣсты зависило отъ воли родителей. Это обыкновеніе заимствовано отъ Татаръ.

(*) Мать Владиміра называлась Малуша. Она была дочь мальчика, простаго жителя города Любеча. Городъ этотъ находился недалеко отъ Чернигова; теперъ онъ не существуетъ.

(**) Первый былъ въ нач. XVI в. два раза, а второй въ въ нач. XVII в.

Однако, ни женихъ, ни невѣста не могли видѣть другъ друга до сговора, что соблюдалось не только между простыми сословіемъ, но и между государями. Когда посолъ римскаго императора Фридриха III, отправленный къ В. К. Іоанну III (въ 1498 г.), для испрошенія въ супружество одной изъ его дочерей за своего родственника, прибылъ въ Москву, и объявилъ причину своего прибытія; тогда онъ просилъ, чтобы ему позволили видѣть одну изъ какихъ нибудь княжонъ. Ему отвѣчали, что Великій князь не дозволитъ видѣть своихъ дочерей прежде совершенія сватовства; что это было бы противно издавна принятому обычаю, чего князь не намѣренъ нарушить.

Предки наши имѣли обыкновеніе женить своихъ дѣтей въ малолѣтствѣ, и это было въ обычаѣ не только между простыми сословіемъ, но между дворянствомъ и великими князьями. Всеволодъ Георгиевичъ, В. К. Владимірскій женилъ десятилѣтнаго сына своего Константина (въ 1195 г.) на внучкѣ умершаго князя смоленскаго, Романа. Въ бракъ вступали почти дѣтми: это видно изъ посланія митрополита Фотія (въ 1410 г.) къ новгород. архіеп. Іоанну, гдѣ онъ строго воспрещаетъ выходить дѣвицамъ замужъ прежде двѣнадцати лѣтъ. У одного иностраннаго писателя XVI в., сохранилось извѣстіе, что дѣвицы десяти и одиннадцати лѣтъ бывали уже женами. При вѣнчаніи священникъ спрашивалъ невѣсту: будетъ ли она попечительною матерью и хозяйкою? будетъ ли она любить мужа, если онъ потеряетъ зрѣніе, прійдетъ въ дряхлость или лишится какого либо члена? Когда она все это подтверждала, тогда священникъ клалъ на ея голо-

Возрастъ
для су-
пружес-
тва.

ву деревянный, зеленый вѣнецъ, съ надписью вокругъ:
раститесь и множитесь (*).

Еще въ недавнее время, между поселянами, совершалось супружество въ юношескихъ и даже въ дѣтскихъ лѣтахъ: но это обыкновеніе истреблено чинѣ. Петръ Великій первый запретилъ дворянству (указ. 1714 г. марта 23) вступать въ браки: мужескому полу ранѣе 20-ти, а женскому 17 л. Екатерина II повѣляла (указ. 1775 г.), чтобы обвиняемыхъ мужескаго пола, моложе 15 л., а женскаго 13; разводить; священниковъ же лишать сана. Нынѣ не дозволено вѣнчаться, если невѣстъ нѣтъ 16, а жениху 18 л.; нѣющимъ же болѣе восьмидесяти лѣтъ отъ роду, воспрещено вступать въ бракъ (**).

Посады
новобра-
чнныя.

Новобрачныхъ не клали спать въ жилой избѣ, но въ пустой и нетопленной, хотя бы это было зимою. Нѣкоторые нарочно строили для этого отдѣльные покои. Постель была изъ соломы, и покрывалась полотномъ. Одинъ изъ родственниковъ, или знакомыхъ, во всю ночь вѣдичъ верхомъ около брачной комнаты, съ голою саблею, и онъ назывался *дружкой*. Сіе названіе произошло отъ дружбы, потому что женихъ избиралъ въ дружки одного изъ лучшихъ своихъ друзей.

Угощеніе въ банѣ, и питье воли, по омовеніи тѣла.

Послѣ первой ночи, водили молодыхъ въ баню, и потомъ угощали въ постелѣ кашею. При выходѣ изъ бани, осыпали ихъ хмѣлемъ, или деньгами. Осыпаніе производилось еще послѣ вѣнчанія, по выходѣ изъ церкви, и при входѣ въ домъ.

(*) Кар. И. Г. Р. т. 3. ст. 80., т. 5. ст. 239-240.; Посл. Рос. Митропол., хранящ. въ Синод. библ. № 164.; Reutenf. de reb. Moscov. с. 230; de russor. relig. et ritib., ed. 1581 г.

(**) Св. зак. гражд. т. 10. с. 3-4., изд. 1842 г.

Въ старину, многія жены, забывъвъ нерасположеніе къ нимъ своихъ мужей, прибѣгали къ суевѣрнымъ дѣвствіямъ: омывъ свое тѣло водою, давали ее пить мужьямъ, вѣря, что онѣ послѣ этого, будутъ ими любимы. Сіе обыкновеніе въ XII с. было столь обще, что чернорадецъ Кирикъ, спрашивалъ разрѣшенія у новгородскаго епископа (въ 1156 г.), чтобы на таковыхъ налагать недѣльную эпитимию (*).

Въ свадебной комнатѣ стоялъ на столѣ каравай Каравай и нѣсто молодыхъ. (круглый высокій хлѣбъ, съ разными изображеніями), окруженный другими небольшими караваемъ, медовыми пирогами, перепечами и сладкими лѣтвями. Столы были дубовые, скатерти бранныя, посуда деревянная, меды крѣпкіе. Новобрачные вервые вкушали каравай, который изображалъ собою брачный союзъ. Молодыхъ сажали въ углу, подъ иконами, на ржаныхъ снопахъ, и угощали ихъ медомъ и шивомъ.

Надѣваніе на новобрачную кокошника и кики, или Кокошникъ, кика, коса и повойникъ. кокуя, плетеніе и раздѣленіе косы, и покрываніе головы повойникомъ, ведется изстари. Дѣвицъ, отправлявшихся подъ вѣнецъ, сопровождали дружки и родственники; волосы на головѣ не заплетали въ косу, а оставали разбросанными по плечамъ. По совершеніи бракосочетанія, свахи отводили новобрачную въ трапезу или на паперть, оставивъ молодого въ церквѣ на вѣнчальномъ мѣстѣ. Съ головы невѣсты снимали дѣвичій уборъ, и раздѣливъ волосы на двое, заплетали двѣ косы, и обвертѣвъ послѣднія вокругъ головы, надѣвали кокошникъ; потомъ покрывали фатой и подводили къ новобрачному. На другой день совершали

(*) Кириково вопрошеніе, особо напечатанное, и въ исторіи Карам. т. 2. пр. 380.

обрѣзаніе косы, которое сопровождалось рыданіемъ молодой. — Обрѣзаніе производилось, въ ознаменованіе перехода, изъ дѣвическаго въ замужнее состояніе.

Вскрѣ-
ваніе мо-
лодыхъ.

Было еще обыкновеніе — вскрывать молодыхъ. Это заимствовано, какъ должно думать, отъ восточныхъ народовъ, у коихъ оно совершалось до XVII в.

Особые
названія
при сва-
дбахъ.

При свадебныхъ радостяхъ и поѣздахъ, давали особые названія молодымъ: женихъ назывался *княземъ* а невеста *княгиню*. У всѣхъ славянскихъ племенъ *солнце* именуется *княземъ*, а *луна* *княгиню*, — и это названіе употребительнѣе у дунайскихъ Славянъ. — У насъ, доселѣ народъ величаетъ солнце *княземъ*, а луну *княгиню* (*). Древняя церковь обручала жениха золотымъ кольцомъ, какъ знаменіемъ солнца, а невесту серебрянымъ кольцомъ, какъ знаменіемъ мѣсяца, и въ предъявленіе подчиненности послѣдней первому. Въ довершеніе вѣчнаго союза, возлагали на нихъ вѣнцы, отъ чего вошло въ пословицу: *вѣнцы, всему дѣлу конецъ* (**).

(*) У Литовцевъ сохранилась древняя пѣснь, о вступленіи въ союзъ солнца съ мѣсяцемъ :

Xiążyc pojął słońce,
To była pierwsza wiosna.
Słoneczko wstawało rano,
A xiążyc gkrył się w dali.
Xiążyc samotnie chodził,
Zakochał się w jutrzeńce.
Za co się rozgniewał Perkun,
Rozdwaił do mieczem.

Na coś ty słońce opuścił?
Na cos się w jutrzeńce rozmiłował?

Narb. Dzieje staroż. narod. litewsk. т. I. с. 128.

(**) У древнихъ Грековъ и Римлянъ, кольцо вообще означало

Нашею церковью также положено, чтобы при обрученіи молодыхъ, вручать жениху золотой перстень, а невестѣ серебряный (*).—Пріятеля жениха, участвовавшіе въ поѣздѣ, назывались *боярми*, распоряжавшіе весоліемъ, *дружками*. Тѣ же самыя лица, со стороны невесты были *боярми* и *дружки*. — *Тыслцкіе* занимали почетное мѣсто у князя, а *сваты* окружали его съ боярами, служивали и принимали гостей. — Еще до свадьбы, свать преимущественно заботился о выборѣ невесты, сговорѣ и приданомъ. Невѣста и женихъ, обязывались письменно, или при свидѣтеляхъ, объявить приданое, какого бы рода оно ни было. Все это переписывалось. Въ случаѣ развода, имущество отдавалось женѣ, и сверхъ этого, мужъ долженъ былъ наградить ее. Изъ самыхъ древнихъ великокняжескихъ браковъ мы знаемъ, что польскій король Казиміръ, выдавая дочь свою (1046 г.) за В. К. Ярослава, прислалъ ему въ вѣно 800 человекъ; когда же самъ Казиміръ женился на Маріѣ, сестрѣ Великаго Князя, то получилъ за нею великое множество серебряныхъ и золотыхъ сосудовъ, и иныхъ драгоценныхъ украшеній (**). Свадебный пиръ у молодыхъ назывался *княжевецкимъ* и *княжимъ столомъ*.

Думали, что счастію молодыхъ мѣшаютъ вол-^{Порча}шебство и колдовство, что одни кудесники могутъ ^{моло-}отвратить отъ чаръ и порчи, и потому самыя свадь-^{дмъ.}

дружбу и любовь. Брачное кольцо украшалось маленькимъ ключикомъ, въ знакъ того, что мужъ поручалъ своей женѣ все домашнее хозяйство.

(*) Требникъ 1808 г. Кіевъ, см. послѣдованіе обрученія на об 46 л.

(**) Кар. И. Г. Р. т. 2. с. 31. изд. 1816 г.

бы были неразлучны съ суевѣрными примѣтами. Приглашали *знахарей*, которые одни были въ состояніи предохранить новобрачныхъ отъ неминуемой бѣды. Самые Великіе Князья разводились съ своими женами, по этому суевѣрному предубѣжденію. В. К. Симеонъ Гордый отослалъ супругу свою Евпраксію (въ 1345 г.) къ ея отцу, за то, что она на свадьбѣ была испорчена, и всякую ночь казалась ему мертвецомъ; но не смотря на то, она вышла во второй разъ замужъ за Кн. Оуминскаго, Θεодора Краснаго, а Симеонъ женился въ третій разъ, на княжнѣ Тверской, Маріи.

Заключеніе.

Сначала происходило обрученіе. Послѣ обрученія, слѣдовало торжественное вѣчаніе, (*) при свидѣтеляхъ; на молодыхъ возлагали вѣнцы, на пальцы надѣвали кольца, молодые держали въ рукахъ зажженные свѣчи. Читали молитвы, водили около наложь и давали пить вино или медъ изъ чаши. Молодые топтали ногами сосудъ, изъ коего пили. Женщины разбрасывали хмѣль и ленъ по церквѣ, съ проношеніемъ словъ: *о, святые защитники наши! отерайте отъ новобрачныхъ зло, и наставьте насъ всему доброму.* Но люди съ предрасудками, наблюдали тутъ всѣ движенія молодыхъ, и по нимъ выводили счастливыя и несчастливыя предзнаменованія для ихъ будущей жизни. — Даже до поѣзда въ церковь,

(*) Прежде было въ обыкновеніи, что молодые, за несколько дней до брака, постились, исповѣдывались и принимали Св. Тайны. Такое обыкновеніе соблюдается досель между Армянами: оно и должно быть такъ, потому что бракъ есть таинство. Поэтому вступающіе въ новую жизнь, должны прежде очистить себя отъ всѣхъ греховъ; потомъ скрывать предъ церковью свой объѣтъ въ неизменной любви и непорочности.

всякую встрѣчу и поступь судили по своему : если, при выходѣ изъ дома, встрѣчался кому либо изъ молодыхъ заяцъ, старуха, или кто изъ молодыхъ вступалъ въ церковь лѣвой ногою, то предвѣщало несчастье (*).

(*) Дедерлейнъ : *Antiquitates gentilismi Nordgaviensi*. См. стр. подъ буквою O., ed. Regensb. 1734 г. с. 85.; *Eckhart. de observ. pagana vel inchoatione rei alicujus*, с. 424. и слѣд. О бракѣ см. *de Russor. relig. et ritib.* ed. 1581 г.

II. СВАДЬБЫ ВЕЛИКОКНЯЖЕСКІЯ.

I. Феодосіа, дочери В. К. Іоанна III. — II. В. К. Василія. — III. В. К. Іоанна IV.

II. СВАДЬБЫ ВЕЛИКОКНЯЖЕСКІЯ.

I. ОГОДОСИ, ДОЧЕРИ В. К. ЮАННА III.—II. В. К. ВАСИЛІЯ.—III.

ЮАННА IV.

Мы совершенно лишены свѣдѣній о старинныхъ ^{Скуч-}свадѣбахъ, отправлявшихся въ простомъ и дворянскомъ ^{ность}преданіи ^{о ста-}сословіяхъ. Кой-гдѣ говорится о нихъ, иностранными ^{ринныхъ}писателями, не прежде XVII ст., и то съ большими ^{свадѣ-}пропусками, невѣрностями и сбивчивостію. Что сказалъ ^{бахъ.}одинъ, то повторялось всѣми, съ прибавленіями, или съ извращеніемъ смысла. Никто изъ иностранцевъ не передалъ намъ ни одной свадебной пѣсни, ни одного причитанья. Въ сочиненіяхъ ихъ говорится только о нѣкоторыхъ обрядахъ, и преимущественно объ однѣхъ странностяхъ, ими же вымышляемыхъ, или осмѣивавшихъ то, что было принято и освящено обычаемъ и временемъ, не думая, что обрядныя дѣйствія ихъ страны, для другихъ не менѣе смѣшны и странны.

Описаніе свадѣбъ появляется у насъ самихъ, только съ половины XVIII в., и то съ большими недостатками. Въ началѣ XIX в., стали думать о собраніи свѣдѣній о народныхъ обычаяхъ.

1. Феодосія,
дочери
В. К.
Иоанна
III.

Въ началѣ XVI в. находимъ ны описаніе однихъ великокняжескихъ свадбъ, и что замѣчательно, вѣнчаніе совершалось весьма часто митрополитами. В. К. Иоаннъ III., любя меньшую дочь свою, Феодосію, не хотѣлъ разстаться съ нею, и потому не искалъ жениховъ ей внѣ отечества. Къ этому побуждало его и горестное супружество первой дочери его, Елены, бывшей за В. К. Литовскимъ Александромъ (*). Онъ избралъ для нее Кн. Василя Холмскаго, сына знаменитаго Данила, прославившагося побѣдами подъ Казанью, и сочеталъ ихъ (въ 1500 г.). Въ поѣздѣ съ женихомъ находилось болѣе ста князей, и много дѣтей боярскихъ изъ знатнаго рода. Кн. Данилъ Александровичъ Пенько-Ярославскій былъ въ тысяцкихъ, а Кн. Петръ Васильевичъ Нагой-Оболенскій въ дружкахъ, при коемъ былъ *поддатникъ-дружкою*, окольничій Ив. Вас. Чебетъ, и три разсылщика: Иванъ, Никонъ и Петръ Осокины. Дьяки назначали свѣчниковъ, коровайниковъ и фонарьниковъ. Одни чиновники стояли у изголовья мѣстнаго, а другіе несли подушки въ церковь; подъ ноги жениха и невѣсты,

(*) При отправленіи Елены къ ея жениху, Александру, въ 1495 г. былъ данъ тайный наказъ кн. Раполовскому, чтобы ее вѣнчали въ греческой церкви, въ русской одеждѣ, и на вопросъ епископа о любви ея къ Александру, отвѣчала бы: «любь мя и не остави ми его до живота, ни коя ради болазни, кромѣ закона; держать мнѣ греческій, а ему не пудитъ меня къ римскому.»—Рос. вивл. т. XIV. с. 1—21. При обрученіи княжны въ Москву, литовскій посолъ Станиславъ Гастольдъ, занималъ мѣсто жениха, потому что старшему послу, Воеводѣ Петру, низшему вторую жену, не дозволили быть дѣйствующимъ лицомъ въ семъ обрядѣ.

слали камни. Кесеръ княжій держалъ Никол. Ангеловъ, перемѣнялъ съ Ив. Барызовымъ. У саней Великихъ Княгинь : Софій и Елены, шли бояры.—Митрополитъ вѣчалъ молодыхъ въ храмѣ Успенія. Поцъ Афанасій стоялъ съ крестомъ у постели. — Веселились и пировали во дворцѣ до ночи. Конюшій Гридя Афанасовъ, окруженный 15 дѣтьми боярскими, ѣздилъ на жеребцѣ, около новобрачной почивальни (*).

Нани Великіе Князья вступали первоначально въ брачные союзы и съ иностранными принцессами; но раздѣленіе Россіи на удѣльные княжества, размноженіе удѣльныхъ князей, порабошеніе нашего отечества Татарами, принудило ихъ вступать въ родство, смотря по политическимъ обстоятельствамъ, то съ своими единоплеменниками, то съ татарскими властителями.—Нѣкоторые изъ Великихъ Князей высматривали для себя невѣсть внутри своего государства, и преимущественно выбирали красавицъ, ни мало не уважая знатности, и это продолжалось включительно до начала XVIII ст., до временъ Петра I. Тогда нарочные ѣздили смотрѣть невѣсть по всей Московіи; искусныя и опытыя бабки осматривали тайныя ихъ прелести; счастливѣйшая изъ дѣвицъ-невѣсть наименовалась въ тотъ же день нареченою невѣстою, и провозглашалась по церквамъ.—Когда В. К. Василій вступалъ въ первый бракъ, тогда было собрано ко дворцу 1500 дѣвицъ; изъ числа ихъ онъ выбралъ Соломонію Юрьевну Сабурову, и послѣ двадцатилѣтняго съ нею супружества, онъ развелся съ нею за неплодіе ея.—По избраніи невѣсть прочія дѣвицы или надѣлялись подарками, или онѣ отдавались за молодыхъ придворныхъ.

(*) Древ. Рос. вѣст. ч. XIII. изд. 1790 г. с. 1-5., и Бжеотова Разряд.

В. К. Василій, женихъ (въ 1306 г. гоним. 21.) на княжнѣ Еленѣ Галицкой, праздновалъ свадьбу великолѣбно, а дворъ его блеснулъ пышностію. Нарядясь въ одежду жениха, онъ сѣдѣлъ совсѣмъ своимъ пѣвцомъ въ брусняной столовой избѣ. Невѣста его Елена шла изъ своего дома въ среднюю палату: съ женою тысяцкаго, двумя сважками, боярынями и многими знатными людьми. Передъ нею несли двѣ брачныя свѣчи въ фонирахъ, два каравая и серебряныя деньги. Въ палатѣ были приготовлены два мѣста, покрытыя бархатомъ и камками; на нихъ лежали два изголовья и два сорока черныхъ соболей, а третій сорокъ былъ приготовленъ для опахиванья жениха и невѣсты. На столахъ, покрытыхъ скатертью, стояло блюдо съ клочками и солью. Изъ хоромъ средней палаты вышла Елена въ сопровожденіи жены тысяцкаго, сважъ, боярынь и бояръ. Предъ княжною несли свѣчи и караванъ, а на караваннѣхъ лежали по десяти пѣвцовъ большикъ серебряныхъ, съ одной стороны золоченыя и чеканеныя, а съ другой бѣлыя и гладкія. Елена сѣла на свое мѣсто, сестра ея Анастасія на жениховомъ; жена тысяцкаго и свахи, находились по своимъ мѣстамъ, около княжны; съ лѣвой стороны сважъ держали свѣчи и караванъ; боярыни стояли вокругъ стола. — Василій прислалъ туда брата своего, кн. Юрія, который, занявъ большое мѣсто, велѣвъ звать жениха. Посланное сказала: *Князь Великій Государь князь Юрій Ипатьевичъ велѣлъ тебѣ говорить: зрими тебѣ Государю итти къ званому дѣлу.* В. К. вошелъ съ тысяцкимъ и со всѣми чиновниками, поклонился иконамъ, свелъ Анастасію съ своего мѣста и самъ сѣлъ. За этимъ читали молитву. Жена тысяцкаго чесала гребнемъ голову Василію и Еленѣ. Свѣчами богоявленскими, которыхъ горѣли въ навечеріи Богоявленія Христова, при освященій водѣ;

зажгли брачныя, оботнутыя соболями и вдѣтыя въ кольца. Невѣстѣ подали киву и фату. На золотой мшѣ лежали по тремъ угламъ: хмѣль, 27 соболой, 27 однопѣстныхъ платковъ: бархатныхъ, атласныхъ, камчатныхъ, мѣрою каждый въ длину аршинъ съ четвертью, а въ ширину аршинъ съ вершкомъ, и пѣвян числомъ по девяти въ каждомъ углѣ, величиною въ червоонецъ или меньше. — Жена тысяцкаго осыпала хмѣлемъ Великаго Князя и Елену, а потомъ опахивала соболями. — Дружка Государевъ, благословясь, изрѣзалъ перепечъ и сыры для всего поѣзда; Еленинъ дружка раздавалъ ширники. По встаніи Великаго Князя и Княжны, положили на ихъ мѣста по 40 соболой, — и потомъ они отправились въ церковь Успенія: Государь съ братьями и вельможами, а Елена въ саняхъ съ женою тысяцкаго и двумя большими свахами; за нею шли бояры и чиновники, а передъ нею несли караван и свѣчи. — Княжна Анастасія отправилась съ боярынями въ хоромы Великой Княжны. Женихъ стоялъ въ церкви на правой сторонѣ у столба, невѣста на лѣвой, гдѣ находились зажженные свѣчи и лежали караван; у другаго столба на лѣво поставили скамью съ засланнымъ ковромъ и двумя красными изголовьями. Они шли къ вѣнчанію по разостланнымъ камкамъ и соболямъ: знатнѣйшая боярыня держала скляницу съ фряжскимъ виномъ; митрополитъ подаль ее Государю и Государынѣ: оба пили съ одной скляницы. Государь, когда вышилъ за другимъ разомъ вино, бросилъ склянку на землю и самъ растопталъ ее ногою (*).

(*) Скляница значить стеклянный сосудъ. Олеарій, въ бытность его въ Россіи, пишетъ, что въ это время употреблялись позолоченные кубки; съ которыми такъ же и поступали, какъ со склянницами, именно: новобрачный, бросивъ кубокъ на землю,

Когда совершился священный обрядъ, тогда новобрачные сѣли на двухъ красныхъ изголовьяхъ. Митрополитъ, князья и бояры, поздравляли ихъ; пѣвчіе пѣли многолѣтїе. Государь отправился потомъ во дворецъ, прежнимъ ходомъ, а Государыня одна поѣхала на своихъ саняхъ, прямо въ свои хоромы; за ней тысяцкая жобѣ свахи. По прїѣздѣ ея во дворецъ, сѣлъ на ее сани ясельничій, и поѣхалъ на конюшню. Свѣчи съ короваями отнесли въ спальню, называемую *сплникъ*, который внутри былъ обтянутъ запонами, и поставили въ кадъ пшеничную. — Колець со свѣчей не снимали три дня, потомъ, по обычаю, велѣно хранить ихъ въ церквѣ. Въ четырехъ углахъ сѣнника были воткнуты стрѣлы, и тамъ лежали на столикахъ калачи съ соболями; у кровати лежало два изголовья, двѣ шапки, одѣяло кунье и шуба, покрытая простынею; на лавкахъ стояли *оловянники* съ медомъ; въ головахъ кровати были иконы: Рождества Христова, Богоматери и крестъ *воздвиженный*; на стѣнахъ висѣла икона Богоматери, державшей на рукахъ младенца Иисуса Хри-

и попирая его ногами, говорилъ : « да будутъ такъ попораны ты, которые имѣютъ намѣреніе посвятить между нами несогласіе и вражду. » Это обыкновеніе уже не существуетъ нынѣ, но доселѣ пьютъ вино изъ одной чарки, попеременно три раза. Сей обычай принятъ нами съ первымъ принятіемъ христіанства. Пить изъ одного сосуда и прикасаться къ нему своими губами, было у Грековъ и Римлянъ знакомъ любовной страсти и волонитства. Они думали, что любовь возбудить можно черезъ питье изъ одного сосуда, даже чрезъ прикосновеніе къ нему однихъ своихъ губъ. Ревнивая Юнона упрекала часто Юпитера, что онъ пьетъ изъ одного сосуда съ Ганимедю. — Въ царствованіе императора Августа было уже въ обычаи, что женщины не отдавали мужчинамъ своего сосуда, изъ котораго она пила; но волокиты старались выхватить изъ ихъ рукъ, только чтобы приложить свои губы къ тому месту, къ которому прикасались женскія уста.

ста; надъ дверью, окнами, внутри и снаружн почивальни, находились кресты. Постель слали на 27 ржаныхъ снопахъ. Великій Князь завтракалъ съ людьми ближними; потомъ онъ ѣздилъ верхомъ по монастырямъ и обѣдалъ со всѣми своимъ дворомъ. Князь Юрій опять сидѣлъ на большемъ мѣстѣ, а В. К. Василій рядомъ съ Еленою. Передъ ними поставили жаренаго пѣтуха, но дружка, взявъ его, обвернулъ верхнюю скатертью и отнесъ съ калачемъ и солонкою въ спальню, куда вскорѣ повели молодыхъ. Знатнѣйшій бояринъ выдавалъ въ дверяхъ Великую Книжницу и говорилъ рѣчь. Жена тысяцкаго, надѣвъ двѣ собольи шубы, взяъ конхъ одну на выворотъ, вторично осыпала новобрачныхъ хмѣлемъ; а дружки и свахи кормили ихъ курицею. Во весь обѣденный столъ и во всю ночь, конюшій Государевъ ѣздилъ на жеребцѣ подъ окнами спальни, держа въ рукахъ обнаженный мечъ. На другой день ходили новобрачные въ мыльню, и тамъ ѣли кашу на постелѣ. Во время свадебнаго веселія, называвшагоса еще *радостію*, играли на сурнахъ, трубахъ и били въ накромы (бубны); во весь день и ночь пѣли пѣсни, а иногда псалмы.—Небогатые люди не имѣли музыки, но веселили себя пѣснями, и потому свадьбы тогда уже были съ *трубами и безъ трубъ*, т. е. съ музыкою и безъ музыки.

Царь Алексѣй, праздуя свое бракосочетаніе съ Наталіею, велѣлъ, чтобы вмѣсто трубъ, органовъ и свадебныхъ потѣхъ, пѣли его пѣвчіе попеременно стихи духовнаго содержанія, какъ выражено въ современномъ извѣстїи: *драгія вещи со всякимъ благочиніемъ* (*).

Употреблявшіяся и нынѣ употребляемыя, при свадебныхъ обрядахъ хлѣбныя произрастѣнія и другія вещи, имѣютъ особой свой смыслъ.—Хмѣль,—означаетъ лю-

(*) Новик. Древ. Рос. дивл. ч. XIII. с 5 - 19.

бобы, ржаные снопы и пшеница, — чадородіе; соборы и доньги, богатство; брачныя свѣчи, зажженныя богоявленскими, предохраненіе отъ порчи и волшебства; топтаніе склянки ногами, — пошваніе враговъ семейнаго счастья; иконы, благословеніе.

III.
Свадьба
В. К.
Іоанна
IV.

В. К. Іоаннъ IV, цо восшествіи своемъ на престолъ (въ 1547 г.), немедленно разослалъ знатныхъ сановниковъ по всей Россіи, чтобы они смотрѣли всѣхъ дѣвицъ благородныхъ, и лучшихъ изъ нихъ представили бы ко двору. Въ Новгородъ былъ посланъ окольнічій И. Д. Шеняъ, а въ Вязму кн. И. С. Мезецкій и дворцовый дьякъ Гаврило Щенокъ, съ грамотами: «велѣлъ есми (Царь) смотрити у васъ дочерей дѣвокъ, намъ невѣсты, ... а которой дочь дѣвку у себя утантъ и тому быть въ великой опалѣ и въ казни». Жители Вязмы и Дорогобужа не хотѣли отпустить своихъ дочерей, потому было повторено имъ: «вы дочерей своихъ не везете, а нашихъ грамотъ не слушаете, и вы то чините не гораздо.» Изъ представленныхъ невѣстъ Царь избралъ Анастасію Романовну, дочь вдовы Захарьиной (*). При вступленіи его въ третій бракъ, было привезено въ Александровскую слободу 2000 невѣстъ, изъ коихъ онъ избралъ Марю Васильевну Собакину, дочь новгородскаго купца, и въ то же время (1571 г.) избралъ невѣсту для старшаго своего Царевича, Евдокію Богдановну Сабурову (**).

(*) Собр. государ. грам. т. II. с. 43

(**) Кар. И. Г. Р. т. IX. с. 187 прим. 364.—Описанія старинныхъ свадьбъ: кн. Андрея Ивановича, Царя Іоанна IV, брата его Юрія, кн. Владиміра Андреевича, казанскаго царя Симіона, кн. Ив. Дм. Бельскаго, короля Арцымагнуса, перваго Јжедимитрія, Царя Василія Шуйскаго, царевича Михаила Канбулина, напечатаны Новиковымъ въ Древ. вивл. ч. XIII. изд. 1790 г. Я не помѣстилъ ихъ здѣсь, потому что все онѣ однообразны и отличаются только числомъ позажавныхъ и гостей.

III. СВАДЬБЫ ЦАРСКІЯ.

I. Царя Михаила Феодоровича II. Царя Алексія Михайловича и III. Царевны Анны Петровны.

I. Царя Михаила. — Нареченіе невесты. Речь жениху и благословеніе родителями его. Одежда жениха, свадебныхъ чиновъ и украшеніе грановитой палаты. Ожиданіе невесты въ своихъ хоромахъ, и свадебныя принадлежности. Шестіе молодыхъ въ грановитую палату. Совершеніе обрядовъ въ грановитой палатѣ. Совершеніе обрядовъ въ церковь. Возвращеніе молодыхъ въ грановитую палату и угощеніе ихъ. Выдача невесты и свѣнникъ. Кормленіе молодыхъ, музыка, обѣды и подарки.

II. Царя Алексія. — Выборъ невесты. Свадебныя чины. Обѣдъ наканунѣ свадьбы. Слушаніе молебствія предъ свадьбою. Украшеніе дворцовой палаты. Платье молодыхъ и свадебныхъ. Прибытіе молодыхъ и свадебныхъ. Прибытіе молодыхъ въ палату и благословеніе. Угощеніе. Чесаніе косы, укручиваніе и подарки. Вѣчаніе. Наставленіе протоіерея и возвращеніе молодыхъ въ палату. Угощеніе, уводъ новобрачныхъ въ спальню и конюшій. Спрашиваніе о добромъ здоровьи молодыхъ. Хожденіе въ баню и подарки. Княжій и княгининъ столъ, сопровождаемый музыкою. Обѣдъ съ подарками. Обѣдъ для духовныхъ и свѣтскихъ людей и обдариваніе ихъ. Милостыня и выпускъ преступниковъ на волю.

III. Царевны Анны. — Измѣненіе старинныхъ обрядовъ. Свадебное устройство и свадебныя чины. Извѣщеніе о свадьбѣ и совершеніе бракосочетанія.

IV. Свадьба благородныхъ и простолюдиновъ, по извѣ-

стію Кошикина, жившого въ XVII вѣкѣ. — Сватовство. Приданое. Смотрѣльщица. Запись. Свадебный обрядъ. Хожденіе молодыхъ въ баню и обдариваніе ихъ. Правила ко вступленію въ бракъ. Вѣчаніе второбрачныхъ. Однообразіе въ совершеніи свадьбъ. Обманы при выдачѣ невѣсты и наказаніе.

V. Свадьба начала XVII вѣка, по извѣстію Петрея. Сватовство. Смотрѣ невѣсты и жениха. Вѣчаніе. Посыпаніе молодыхъ и веселіе. Плеть. Дареніе.

.VI. Свадьба около половины XVIII вѣка, по извѣстію Олсарія.—Опредѣленіе степени родства для вступленія въ бракъ. Свадьба благородныхъ. Сватовство. Скрываніе и подлогъ невѣсты. Свадьба знатныхъ людей и приготовленіе брачной постели. Чесаніе головъ молодымъ и обмыва колець. Повздъ. Вѣчаніе. Пированіе и отправленіе молодыхъ въ свинникъ. Мыльня новообрачныхъ. Веселіе. Свадьба простаго сословія и горожанъ.

III. СВАДЬБЫ ЦАРСКІЯ.

I. ЦАРЯ МИХАИЛА, П. ЦАРЯ АЛЕКСѢЯ И ПІ. ЦАРЕВНЫ АННЫ.

I. Свадьба Царя Михаила Феодоровича, 1626 г. февр. 5.

За три дни до свадьбы Царя Михаила, ввели въ <sup>Нарече-
ніе посты.</sup> Государскіе хоромы невѣсту его Квдекію Лукьяновну Стрешневу, и нарекли Царевною. Потомъ объявили кому быть на радость въ свадебныхъ обязанностяхъ, съ строгимъ подтвержденіемъ, чтобы никто не считался мѣстничествомъ, и чтобы никто не укорялъ другъ друга ни въ чемъ.

По утру въ воскресенье, въ день свадьбы, Госу- <sup>Речь ме-
нику, и
благосло-
веніе
его ро-
дителъ-
ни.</sup> дарь слушалъ раннюю обѣдню, потомъ благословлялся у своего отца, святѣйшаго патріарха и говорилъ ему рѣчь: «Великій Государь отецъ нашъ, Филаретъ Накитичъ, святѣйшій патріархъ московскій и всяя Россіи! По волѣ Всеблагаго и соизволенію вашему и матери нашей, иноки Великой Государыни Марѣы Ивановны, назначено быть нашей свадьбѣ, а сего дня моя радости. Святѣйшій патріархъ! благослови своего сына.» Патріархъ, благословляя сына, говорилъ: «Всемогущій и неизреченный въ милости, вознесшій тебя на Царскій престолъ за благочестіе, Тотъ и благословляетъ тебя. Да подастъ Онъ тебѣ и супругъ твоей, долгоденствіе и размноженіе роду. Да уаришь на престолѣ сыны сыновъ твоихъ и дщери дщерей твоихъ, и да защититъ Онъ всѣхъ васъ отъ враговъ, распространить мо-

гушество ваше отъ моря до моря, и отъ рѣкъ до концевъ вселенныя.» — Потомъ патріархъ благословилъ его образомъ Св. Богородицы.

Одежда жениха, освѣбнитъ чепухъ и украшеніе грановитой палаты.

Послѣ этого Государь ходилъ молиться въ монастыри и церкви, и наконецъ испрашивалъ благословія у своей матери, которая благословила его образомъ Св. Богородицы Эдигитрія.

Государь, по изготовленіи себя къ свадьбѣ, отправился въ золотую среднюю палату, бывъ одѣтый въ золотный аксамитный коужухъ на соболяхъ, и въ русскую соболью шубу, крытую золотнымъ бархатомъ, которой полы за металъ назадъ за плеча; поясъ его былъ изъ кожаннаго золота. Предъ женихомъ шли поѣзжанные; столъники, дворяне, бояры, князья и дружки, все они въ золотыхъ одеждахъ, ожерельяхъ и черныхъ шапкахъ. Дружками съ его стороны были: бояр. кн. Дм. Мам. Чернаскій и бояр. кн. Дм. Мих. Пожарскій, а со стороны невесты бояр. Мих. Бор. Шенинъ и сынъ кн. Пожарскаго, Романъ. Государя велъ подъ руку тысяцкій, боярину кн. Ив. Бор. Чернаскій. По прибытіи въ палату, женихъ поклонился образомъ и сѣлъ на лавкѣ, застланной персидскимъ бархатомъ: Тысяцкій и дружки сѣли на большой лавкѣ, а поѣзжанные на другой.

Чертожное мѣсто (царское) было приготовлено за рашею для молодыхъ, въ грановитой палатѣ: оно было обито червчатымъ бархатомъ и покрыто двумя бархатными изголовьями, шитыми золотомъ; на немъ лежали по сороку соболей, а третія сорокъ, назначенныя для опахиванія, держалъ дьякъ Андр. Подлѣсовъ. Предъ чертожнымъ мѣстомъ находился столъ, покрытый тремя скатертями; на нихъ лежали перепечъ; ширинки; сыръ и стояла пустая солонка; на столѣ, подлѣ перепечи, была солонка съ солью. Грановитая палата была

украшенъ образами, а лавки застланы поволокиными и суконными боярами, съ изображеніемъ на нихъ львовъ.

Невѣсту нарядили въ дорогое платье и на голову ея на- Омѣле-
ніе не-
вѣсты въ
своихъ
хоро-
вахъ и
свадеб-
ныхъ при-
надлеж-
ности.
дѣли золотой вѣнецъ съ городами, осыпанный дорогими
камнями и жемчугомъ. Тогда она свѣдѣла въ своихъ хо-
ромахъ, съ своими свахами и боярами. Свахами со сто-
роны жениха были: боярыни-княгини Елена Алексѣев.

Черкасская и Праск. Варв. Печарская, а со стороны
невѣсты: бояр. Мар. Мих. Шеина и кн. Авдот. Андр.
Пожарская. На столѣ лежали порцавъ, обшитыя червча-
тымъ бархатомъ. Государевъ коровай былъ обшитъ зо-
лотымъ турецкимъ бархатомъ, а Государыни золотымъ
участковымъ атласомъ; на верху короваевъ были нашиты
по 27 серебряныхъ золоченныхъ пѣвзлей: съ одной сто-
роны золоченные чеканенные, а съ другой бѣлые гладкіе.
Тутъ стояли двѣ свѣчи, обернутыя въ обручи широкіе,
чеканенные и волоченые по краямъ, изъ конхъ свѣчи же-
ниха вѣсили въ три пуда, а невѣсты въ два пуда. У свѣчей
и фонарей находились особые свѣчники, а у короваевъ кар-
равайники: свѣчники и фонарники были изъ столяниковъ.

Вѣнценосный женихъ отправилъ по невѣсту ея Шестое
и оло-
дихъ въ
грашови-
тую па-
лату.
дружковъ. Она шла изъ своихъ хоромахъ черезъ пала-
ту; впереди ея шли свѣчники, фонарники и карравай-
ники, одѣтые въ золотыхъ на соболяхъ терликахъ, и въ
черныхъ лисьихъ шапкахъ. Обручальныя и Богоулен-
скія свѣчи, несли стряпчіе; за ними несъ осыпало, на
золотой мисѣ, думный дякъ. На мисѣ лежали по тремъ
угламъ хмѣль, 27 соболей, 27 бѣличьихъ мѣховъ, 27
золотыхъ участковыхъ платковъ, каждый длиною одинъ
аршинъ пять вершк., шириною полъарш.; 18 золоченныхъ
пѣвзлей и 9 венгерскихъ червонцевъ. Потомъ шли дружки
и они берегли путь, чтобы никто не переходилъ его; за
ними шелъ благовѣщенскій поивъ Иванъ насѣдка, ко-
торый кропилъ путь святой водою. Государыни,

вели подъ руку старшія свахи, за нею шли боярыни; жена постельничаго несла куклу, прочія боярыни несли убриспы и ширинки.

По прибытіи въ грановитую палату, благовѣщенскій вопль окропилъ чертожное мѣсто святой водою, потомъ посадили невѣсту, а на мѣсто жениха посадили съ нею кн. Якова Куден. Черкаскаго. Свахи стояли у стола, боярыни сидѣли на большой лавкѣ, за другимъ столомъ; на правой сторонѣ стояли со свѣчами, а съ лѣвой съ коровами и фонарями. Мѣсто посаженнаго отца и матери занимали: бояр. Иванъ Никитичъ и жена его Ульяна Феодоровна Романовы.—Посаженный отецъ, посидѣвъ не много, послалъ за женихомъ кн. Дав. Ив. Мезецкаго, который говорилъ ему: «бояринъ Иванъ Никитичъ, велѣлъ тебѣ говорить, прося у Бога милости: время тебѣ Государю итти къ своему дѣлу.»

Государь, помолившись образамъ и вринявъ крестное благословеніе отъ благовѣщенскаго протопопа, отъправился совсѣмъ своими поѣзжавыми и дружками. Его велъ подъ руку тысяцкій, впереди шелъ благовѣщенскій іерей и кропилъ путь святой водою; за Царемъ шелъ, съ колпакомъ въ рукѣ, кн. Татевъ.—Свадебнымъ порядкомъ распоряжались два дьяка.

Вошедши въ грановитую палату, протоіерей провозгласилъ: Достойно есть, и благословилъ Царя крестомъ. Старшій дружка свелъ съ мѣста кн. Як. Черкаскаго, а Царь сѣлъ на его мѣсто, подлѣ своей невѣсты. Всѣ прочіе, сидѣвшіе на своихъ мѣстахъ, остались въ прежнемъ порядкѣ.

Совершение о-брадовъ въ грановитой палатѣ.

Спустя нѣсколько времени протоіерей читалъ молитву покровенію головы, послѣ того сваха чесала гребнемъ головы молодымъ, обмакивая гребень въ медовую чару, а думный дьякъ держалъ мису съ осыпаломъ. Въ то время зажгли обручальныя свѣчи богоявленскими ве-

черниши. По'зчесаніи волосъ, надѣли на голову невѣсты кичу, и закрыли фатой, которую покрыли убрусомъ, унизаннымъ жемчугомъ съ золотомъ. Потомъ сваха осыпала ихъ хмѣлемъ. Старшій дружка Царя рѣзалъ перепечь и сыръ, а старшій дружка невѣсты поднесъ жениху, отъ имени невѣсты, низанный жемчугомъ тафтяный убрусецъ, ширинку и коровай, а патриарху и инокинь Марѣѣ Ивановѣ, убрусы, ширинки перепечь и сыръ. Меньшій дружка невѣсты, кн. Ром. Пожарскій, разносилъ короваи, сыръ и ширинки посаженнымъ родителямъ, тысяцкому, сидячимъ боярынямъ и поѣзжанымъ. Постельнымъ боярамъ и боярынямъ, бывшимъ у постели молодой, онъ разносилъ сдѣвъ ширинки. Царицѣ Даріи, бывшей супруги Іоанна IV., отправили съ нарочнымъ въ Тихвинъ: убрусецъ, ширинку, коровай и сыръ (*). Дорогу молодыхъ устилали камками червчатыми, а у лѣтницы дворцовой

(*) Дарья Ивановна Колтовская, происходившая изъ простаго рода, была шестою женой Іоанна Грознаго. Царь не разсудилъ требовать святительскаго разрѣшенія на этотъ бракъ, который совершился въ 1573 г., но совѣтъ заставила его просить епископовъ, объ утвержденіи сего брака. Созванный соборъ по этому случаю, *проливалъ слезы*, боязнуя о кающемся, такъ сказано въ дѣяніи этого собора, и положилъ утвердить бракъ *ради теплаго покаянія*; но Царь развеялся въ послѣдствіи съ нею: оѣ постригла въ монахини въ Веденскомъ тиввинскомъ монастырѣ, и тутъ она была погребена скиминцею въ 1627 г. — Въ исторіи Карамза т. IX. с. 193. изд. 1821 г., сказано, что четвертая жена Іоанна была Анна Алексѣевна Колтовская — Полагать надобно, что имя Анны написано имъ по ошибкѣ, потому что въ описаніи свадьбы Царя Михаила, она названа Даріею. — Царь Михаилъ, вступая въ бракъ два раза: въ 1624 и 1626 г., посылалъ свадебные подарки не Аннѣ, а Даріи, которую признавали за вдовствующую Царицу.

приготовили армака. Государь, сѣвши на лошадь, ѣхалъ площадью; впереди его ѣхали поѣзжанные, болѣе 40 челом., за ними дружки, а съ боку жениха тысяцкій; около лошади молодого шелъ пѣшкомъ бояринъ кн. Лыковъ. Невѣста ѣхала за поѣздомъ жениха въ большихъ саняхъ *инаалцовскихъ*, обитыхъ золотымъ атласомъ; противу нея сидѣли четыре свахи: за санями шли: окольниковъ, дьякъ, 23 дворянина, большею частію изъ княжескаго рода, и 20 боярскихъ дѣтей. Последніе берегли путь, чтобы никто не переходилъ его. Потомъ молодые отправились въ Успенскій соборъ.

Въ это время первую скатерть, на которой рѣзали короваи и сыръ, сняли и отдали ключницу на сохраненіе, а двѣ остались на столѣ. Изголовье жениха, на коемъ онъ сидѣлъ, положили на изголовье молодой; а поверхъ его два сорока соболей.

Совер-
шеніе о-
брадовъ
въ церк-
вѣ.

Съ молодыми вошли въ церковь: дружка, свахи и тысяцкій. Невѣсту ввели подъ руки старшія свахи, а меньшія шли позади. Свѣчи, фонари и короваи внесли впереди всѣхъ. Поѣзжанные ѣздили въ то время на своихъ коняхъ: на армакѣ конюшій кн. Лыковъ, а въ саняхъ окольникн. Волконскій. — Боярскія дѣти берегли путь.

Молодые стояли противу царскихъ дверей; со свѣчами стояли съ правой стороны, а съ короваями съ лѣвой, близъ крылоса. У лѣваго столба стояла скамейка, застланная кызыльбаскимъ (краснымъ) золотымъ ковромъ; на немъ лежали два бархатныя золотистыя изголовья, покрытыя сукномъ. Скамья стояла на двухъ колодкахъ (столбахъ), обитыхъ золотымъ участкомъ. Свивъ вдвое червчатую камку куфтеръ, длиною въ три аршина, смали ее подъ ноги молодымъ, а поверхъ камки положили 40 соболей.

Благовѣщенскій протоіерей Максимъ вѣнчалъ ихъ;

и: онъ подавалъ имъ пить фряжское вино изъ склянны-
ды, три раза, которую держалъ бояринъ Вас. Морозовъ. Эту склянницу тогда же отдалъ Государь въ алтарь,
чтобы тамъ хранили ее. Послѣ вѣщавія сѣли новобращ-
ные у столба, на приготовленномъ дзголови: молодой
по правую а молодая по лѣвую сторону. Протоіерей
поучалъ ихъ; а потомъ поздравилъ; за нимъ приво-
ди поздравленіе тысячій и дружки; пѣчіе сѣли мно-
голітїе *большимъ дѣствомъ*.

Государь, взявъ новобрачную за руку, вывелъ <sup>Возра-
шеніе</sup> ея изъ церкви; потомъ онъ сѣлъ на арсамака, а <sup>и о л о-
днѣ въ</sup> новобрачная въ сани, съ двумя свяхами. По прибытіи
къ грановитой палатѣ, Государь опять взялъ за руку
свою молодую и ввелъ ее во дворецъ; путь имъ устла-
ли червчатыми ковриками. Въ то время сѣлъ на арсамакъ
конюшій и отправился къ сѣннику; онъ ѣздилъ около
него до утра, держа въ рукахъ обнаженный мечъ. Сани
отвезъ ясельничій а свѣчи и цорован поставили на преж-
нихъ мѣстахъ. Въ грановитой палатѣ сѣли новобращ-
ные на прежнихъ мѣстахъ, а за ними сѣли, на своихъ,
боярыни и повѣзжавые. Потомъ привнесли кушанья и
фряжскія вина, и поставили ихъ предъ повѣзчанными.
Послѣ третьяго кушанья подали имъ *серченого цмляка*.
Старшій дружка молодого, обернувъ перечень и содом-
ну съ блюдомъ, другою скатертью, отнесъ въ сѣнникъ;
Тогда молодой, вставъ изъ-за стола и взявъ за <sup>Выдача
невесты
и сѣн-
никъ.</sup> руку молодую, отправился съ нею въ сѣнникъ. Бояринъ
Иванъ Никитичъ Романовъ проводилъ ихъ до дверей
палаты, идя впереди; потомъ онъ выдавалъ цѣвѣсту у
дверей, и говорилъ: «по волѣ Всемогущаго, благода-
рствію твоихъ родителей, ты сочетался привѣдѣтымъ
бракомъ. И ты свою Царьцу, а нашу Государыню, лю-
би, какъ предписано Богомъ.» Потомъ онъ имъ по-
клонился; Прочіе бояре и сидѣчи боярыни приво-
ди

ли ихъ до сѣнника; тутъ боярыня Ульяна Феодоровна, посаженная мать, встрѣтила ихъ въ собольей шубѣ на выворотъ, и осыпала хлѣбомъ.

Свѣчи и короваи поставили въ сѣнникѣ: одну въ пишеничной кадкѣ, а другую у постели; сѣнникъ былъ точно такъ же убранъ, какъ описано въ свадьбѣ В. К. Василія, только что поверхъ 27 ршанныхъ сноповъ, было послано семь пернѣй и *булажмши*; наголовья (подушки) бархатныя, камчатныя и атласныя, были покрыты одѣяломъ. Въ ногахъ лежали: коверъ, одѣяло и двѣ собольи шубы; надъ дверьми у сѣнника были золотыя кресты съ мощами.

Провода новобрачныхъ въ спальню, бояры сѣли за большой столъ по правую сторону, поѣзжанные и дворяне по лѣвую; мать посаженная отираивалась съ боярынями въ хоромы Царицыны.

Спустя нѣсколько времени Государь потребовалъ къ себѣ бояръ, посаженныхъ родителей, тысяцкаго, дружекъ, свахъ, ближнихъ и постельныхъ боярынь. Посаженные родители и ближніе бояры кормили Государя въ сѣняхъ предъ сѣнникомъ, а Государыню въ сѣнникѣ ея, свахи и боярыни.

Кормленіе молоданъ, кушанъ, обѣды и подарки

На другой день, въ понедѣльникъ, Государь ходилъ въ мыльню и тутъ кушалъ; потомъ онъ угощалъ ближнихъ бояръ и окольныхихъ разными яствами и романею въ кубкахъ. Послѣ кушанья новобрачные были въ сѣнникѣ; съ ними находились посаженные родители, тысяцкій, ближніе боярыни и свахи. Посаженный отецъ, подвѣсивъ покровъ стрѣлою, вскрывалъ Царицу. Царь между тѣмъ принималъ въ сѣнникѣ: бояръ, окольныхихъ и думныхъ людей. За тѣмъ молодыхъ кормил кашею, изъ двухъ фарфоровыхъ горшечковъ, поставленныхъ на одномъ блюдѣ, и обернутыхъ двумя парами соболей. Кашу Государя держалъ старшій его дружка, а кашу Госуда-

Государыня старшая сваха. Во весь день играли на дворцѣ въ сурмы и трубы, и били въ шапры (родъ бубенъ). Въ тотъ же самый день былъ обѣдъ у Государя въ грановитой палатѣ; молодые сидѣли вмѣстѣ за золотымъ столомъ, близъ стѣны; свахи стояли подлѣ нихъ и подчивали гостей. Посаженыя отецъ и мать, тысяцкій и сидячіе бояры сидѣли за большимъ столомъ; въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нихъ сидѣли, за отдѣльными столами, всѣ поѣзжаные и участвовавшіе въ свадьбѣ. На другой день былъ обѣденной столъ въ хоромахъ новобрачной; такое же угощеніе возобновилось и на третій день, по прежнему обряду. Въ четвертый день, въ среду, Государь извѣстилъ своего отца патриарха о благополучномъ совершеніи свадьбы, и ожидалъ его въ малой золотой палатѣ. Отецъ былъ встрѣченъ сыномъ въ сѣняхъ. Послѣ *достойно есть*, патриархъ осыпалъ его крестомъ, окропилъ святой водою, поздравилъ его и благословилъ образомъ Пречистой Богородицы. Потомъ Государь и патриархъ сѣли на золотыхъ подушкахъ. Князь Львовъ подносилъ Царю дари отъ имени патриарха; потомъ митрополитъ крутицкій, епископъ, архимандриты и игумены подносили отъ себя: серебряные кубки, стопы, золотые атласы и соболи; за ними дарили бояры и думные сановники, послѣ приходили съ подарками торговые люди, но Государь не принималъ отъ нихъ подарковъ. За тѣмъ Царь отправился съ отцемъ въ хоромы своей Царицы, въ сопровожденіи знаменитаго духовенства и бояръ. Патриархъ встрѣтилъ Государыню съ воздвизательнымъ крестомъ, кропилъ ее святой водою, поздравлялъ и благословлялъ образомъ и золотымъ крестомъ. Духовные и бояры приносили ей поздравленіе и дары. Въ этотъ день обѣдалъ патриархъ у Царя со всѣмъ своимъ

Часть VIII.

духовенствомъ, въ грамовитой палатѣ. Кушанье, завары и овощи ставили на столъ по свадебному обряду. Самъ угощеніемъ заключилось свадебное торжество (*).

(*) Новик. Древ. вивл. ч. XVI. с. 144. 177.—Царь Михаилъ Феодоровичъ праздновалъ второй свой бракъ гораздо пышнѣе, нежели первый, потому я избралъ здѣсь для описанія вторичное его бракосочетаніе.—Въ первый разъ онъ былъ женатъ на Маріи Владиміровнѣ, дочери кн. Влад. Тимоѣ. Долгорукого, (въ 1625 г. сент. 19), но она въ томъ же году померла, генв. 7. (по старому исчисленію), и погребена въ Вознесенскомъ девичьемъ монастырѣ. Замѣчательно, что въ оба его свадьбы были посажеными родителями бояр. Иванъ Никитичъ Романовъ съ своей женою; святѣйшій патріархъ Филаретъ не участвовалъ въ брачномъ обрядѣ, но напутствовалъ своего сына торжественно во храмъ, и не поздравлялъ его во время первой свадьбы.

II. СВАДЬБА ЦАРЯ АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА, БЫВШАЯ ВЪ 1648 Г. ФЕВ. 16.

Царь Алексѣй Михайловичъ, вскорѣ послѣ своего коронованія (1646 г. сев. 28) соеѣтовался съ патриархомъ, духовными чинами, боярами и думными людьми, о вступленіи его въ бракъ. Патриархъ и духовные чины благословили, а бояры приговорили. Царь свидѣвъ, что у одного изъ приближенныхъ его была дочь отличная умомъ и красотою, сердцемъ добрая и по-ступною величавая, приказалъ взять ее къ себѣ во дворець, и ее поручилъ попеченію своихъ сестеръ Царевенъ, съ оказываніемъ ей царской почести. Бояры и ближніе люди, у коихъ были дочери, но с коихъ Царь не думалъ, равно отцы и матери тѣхъ дѣвицъ, которыя жили у Царевенъ, стали завидовать счастію невесты и умыслили погубить ее, потому ополли зельемъ, думая, что послѣ этого Царь возьметъ за себя дочь знатнаго боярина или приближеннаго. Скоропостижной смертію царевенной, Государь весьма опечалился: нѣсколько дней онъ не принималъ пищи и не думалъ о знатныхъ дѣвицахъ. По прошествіи многого времени случилось ему быть въ церквѣ, и здѣсь онъ увидѣлъ двухъ дочерей дворянина Ильи Милославскаго. Одна изъ нихъ, Марія Ильинична, такъ ему понравилась, что онъ тотчасъ поручилъ

Выборъ
невесты.

придворнымъ дѣвицамъ взять ее къ себѣ въ верхъ, и послѣ обѣдни посѣтилъ ее : смотрѣлъ и полюбилъ. Тогда онъ отдалъ ее на попеченіе своимъ сестрамъ и богобоязливымъ боярынямъ, нарекъ ее Царевною и облекъ въ царскія одежды. Однако свадьба не скоро совершилась: не ранѣе двадцати мѣсяцевъ (въ 1648 г. генв. 16) отъ смерти первой невѣсты.

Свадеб-
ные чи-
ны.

Государь избралъ въ свадебные чины людей не по родамъ и не по мѣстамъ, а какъ ему вздумалось. Думные дѣяки представили ему роспись за скрѣпкою, съ означеніемъ обязанности каждаго и съ наказомъ: чтобы всѣ были готовы къ извѣстному дню, въ томъ чинѣ, въ какомъ кому написано. Кто же изъ бояръ, окольныхъ, думныхъ и ближнихъ людей станетъ считаться породою, мѣстами, чиномъ и дѣлать *скуту* и *помашку*, за то казнить ихъ смертію, безъ всякой пощады; помѣстья и вотчины отписать на Царя. Послѣ свадьбы ни кому ни кого не поносить, кто кого былъ въ чинѣ ниже; не величаться, кто кого былъ выше; въ противномъ случаѣ виновный подвергнется великой опалѣ и наказанію.

Свадебный чинъ со стороны Государя былъ устроенъ въ слѣдующемъ порядкѣ: въ первомъ чинѣ сидѣли посаженные родители, во второмъ поѣзжаные, протоиоузъ съ крестомъ и тысяцкій, потомъ Царь и восемь бояръ. Поѣзжаные, присутствовавшіе при вѣчаніи и за столомъ, сидѣли выше всѣхъ. Въ третьемъ чинѣ находились по 12 *сидячихъ бояръ* и 12 *сидячихъ боярынь*, которые сидѣли гостями за столомъ, съ посаженными родителями, и въ церковь не отправлялись. Въ четвертомъ чинѣ былъ дворецкій, съ своими обрядными товарищами; онъ смотрѣлъ за кушаньемъ и питьемъ. Со стороны Царицы, въ первомъ чинѣ: родные ея отецъ и мать, во второмъ сидячіе бояры и боярыни; въ треть-

онъ дружка, свахи, дружковы жены; свѣчникъ и коровайники. Свадебныя чины, которые распорядились радостію, были слѣдующіе: дружки, подружье, свахи, свѣчникъ, коровайники и конюшій. Дружка и подружье созывали гостей на свадьбу, говорили рѣчи отъ имени тысяцкаго и Царя, и разносили подарки; свахи и дружковы жены укручивали Царицу (одѣвали), наряжали и снимали съ нея платье; свѣчу держалъ свѣчникъ, предъ укручиваніемъ Царицы; коровайники носили корованъ въ церковь и изъ церкви, на носадкахъ, обитыхъ бархатомъ золотымъ и закрытыхъ шитымъ покрываломъ и соболями; конюшій разъѣжалъ съ своими товарищами на коняхъ.

На канунъ радости былъ обѣдъ у Царя для бояръ боярынь и родителей невесты. Государь сидѣлъ съ нареченной Государынею за своимъ столомъ, а бояры и боярыни за другимъ. Царскій духовникъ благословлялъ крестомъ Царя и Царицу предъ кушаньемъ, и требовалъ, чтобы они поцѣловались. Тогда бояры и боярыни поздравляли ихъ съ обрученіемъ.

По утру въ день свадьбы Царь былъ въ соборной церкви Успенія, и слушалъ молебствіе. Послѣ молебна патриархъ благословлялъ его крестомъ, окроплялъ святою водою и благословилъ его на вступленіе въ бракъ. Государь прикладывался здѣсь къ образамъ и мощамъ угодниковъ; потомъ ходилъ въ другую соборную церковь (архангельскій соборъ), гдѣ погребены прежніе Цари; служилъ по нимъ за упокой, испрашивалъ у нихъ гробовъ прошенія и потомъ отправился къ себѣ во дворецъ.—

Во дворцѣ убрали одну палату бархатомъ, полы застлали турецкими и персидскими коврами. Царское мѣсто устроили предъ столомъ, и поставили еще особые столы, за которыми сидѣли бояры и боярыни.

Обѣдъ на канунъ свадьбы.

Слушаніе молебствія предъ свадьбою.

Украшеніе дворцовой палаты.

На столахъ, застланныхъ суктотью, положили кѣльи съ медомъ.

Платье
и о л о-
дихъ и
свадеб-
ныхъ.

Государь нарядился въ царскія одежды, какъ предъ коронаціею; Царевну одѣли въ царскія украшенія, за исключеніемъ короны, и вмѣсто вѣнца убрали голову вѣнкомъ. Вояры, свадебные чины, стольники, стряпчю, московскіе дворяне, дьяки, полковники, головы и гости, блестяли золотыми одеждами.

Примѣ-
тіе въ
палату и
благос-
ловенію.

Когда все было готово, тогда повѣстили Царя, который приказалъ всемъ идти въ дворцовую палату, вмѣстѣ съ Царевною и ея родителями, и ожидать его прішествія. По приходѣ въ палату, Царевну посадили на устроенное мѣсто, а потомъ сами сѣли на своихъ мѣстахъ, по росписи. Царю доложили, что всѣ уже заняли свои мѣста. Тогда онъ объявилъ своему духовнику, что часъ ему идти. Духовникъ читалъ молитву, а Государь, со свадебнымъ чиномъ, молился съ образомъ. Послѣ молитвы духовникъ благославлялъ его и всѣхъ съ нимъ. Друзки и свадебный чинъ просили благословенія на поѣздъ къ невѣстѣ, у посаженныхъ родителей; потомъ самъ Царь просилъ у нихъ благословенія, которые, благославляя его, говорили: *благослови Боже*, и всѣ уже отправились. Предъ Государемъ несли корован и хлѣбы. Въ палату прежде всѣхъ вошелъ духовникъ, за нимъ свадебный чинъ и потомъ Царь; тогда всѣ встали. Читали молитву и всѣ молились. Потомъ дружки и полружья испрашивали благословенія у родителей невѣсты, чтобы садиться молодымъ на свои мѣста. Они благословили ихъ, говоря: *благослови Боже*. Молодые сѣли на одной подушкѣ, а потомъ и всѣ разсѣлись по своимъ мѣстамъ, за особыми столами.

Угощеніе.

Стольники начали разносить кушанье, которое прежде всѣхъ ставили предъ новобрачными, по одному

му блюду, а предъ свадебнымъ чинемъ по пяти блюдъ одного кушанья, потому что они сидѣли другъ отъ друга далеко. По постановленіи кушанья, духовникъ читалъ «Отче намъ». Друзья и подружья просили благословенія у родителей невѣсты чесать косу, а духовникъ и весь воѣздъ, стали ѣсть и пить, для одного обряда. Предъ молодымъ ставали только кушанье и немедленно снимали со стола, потому что оно ничего не должно быть ѣсть. По расчесаніи косы, дружки и подружья спрашивали благословенія у родителей невѣсты.—*крушить* ее (одѣвать).

При чесаніи косы и укручиваніи, закрыли молодыхъ покрываломъ, съ вышитымъ на немъ крестомъ; некрывало держали свѣчники; свахи расчесывали косу и одѣвали. Предъ Царемъ тогда же поставали, на большомъ блюдѣ, хлѣбъ и сыръ, которые разрѣзывали на куски; клали на тарелки, по верху хлѣба и сыра, подарки со стороны невѣсты,—ширинки (платки), которые бывали бѣлые тафтяные, шитые вокругъ золотомъ и серебромъ, и съ таковыми же кистями, и ихъ разносили по росписанію: прежде духовнику, родителям невѣсты, тысяцкому, а потомъ Царю, поѣзжанымъ, сидачимъ боярамъ, боярынямъ, дружкамъ, снахамъ, конюшему и дворянскому съ окружающими его. Дружка невѣсты разносила такіе же подарки: посаженнымъ родителямъ, Царевнамъ и прочимъ назначеннымъ по росписи; патриарху послали бѣлое полотно. По окручиваніи покрыли молодыхъ прежнимъ покрываломъ, и тогда сняли вѣнокъ съ головы невѣсты и отдали на сохраненіе. Духовникъ при третьемъ кушаньи читалъ послѣ-обѣденую молитву.

Дружки обратились тогда къ посаженнымъ родителямъ, и просили ихъ благословенія на воѣздъ къ вѣн-

Чесаніе
косы, о-
кручива-
ніе и по-
дарки.

Вѣнча-
ніе.

цу. — Молодыхъ благословила окладными въ золото образами, покрытыми жемчугомъ и драгоценными каменьями. Отецъ и мать невѣсты, взявъ ее за руку, отдали Царю и простились съ нею. Духовникъ благословилъ всѣхъ крестомъ, и всѣ отправляясь въ царскую домовую церковь. Молодой велъ свою невѣсту за правую руку, и во время шествія звонили въ колокола, по всѣмъ церквамъ; вѣдь дворянъ церкви духовникъ благословилъ молодыхъ крестомъ, и всѣхъ съ нимъ. Молодые стали по срединѣ церкви, противъ алтаря, на золотной обьярѣ. Царя держалъ подъ руку дружка, а Царевну сваха. При совершеніи вѣнчанія сняли покрывало съ Царевны; протоіерей возложилъ брачныя вѣнцы, и самъ снялъ ихъ, когда подносилъ имъ пить красное французское вино. Потомъ на Царя была возложена корона, вѣнцы вѣнца.

По окончаніи обряда протоіерей поучалъ ихъ жить въ миролюбіи: не сердиться другъ на друга, и подтвердилъ жемъ быть въ повиновеніи у мужа, который, въ случаѣ ея вины, можетъ поучити ея слегка жезломъ; чтобы они жили въ чистотѣ и богобоязни, постылись бы въ понедѣльникъ, среду и пятницу; соблюдали бы праздники и въ эти дни грѣха не совержили бы; постыщали церковь, давали подаяніе, совѣтовались бы съ отцомъ духовнымъ, той бо на вся блазая научить. — Послѣ поученія онъ взялъ Царицу за руку, передалъ ее Государю, и требовалъ, чтобы они подѣловались; потомъ покрыли Царицу, и всѣ поздравили молодыхъ съ вѣнчаніемъ. Во время вѣнчанія посаженные родители, сидячіе бояры и боярыни, ожидали молодыхъ въ прежней дворцовой палатѣ, а протоіерей, когда онъ совершилъ вѣнчаніе, разоблачился и вышелъ изъ церкви,

Настав-
ленію
протоіе-
рея
возвратъ
женію
к о л о-
дникъ въ
палату.

со всѣми присутствовавшими, чтобы встрѣтить молодых у дверей палаты, и тутъ благословлялъ ихъ крестомъ. При шествіи новобрачныхъ звонили въ колокола повсюду, а тысяцкій послалъ дружку къ посаженнымъ родителямъ, сидячимъ боярамъ и боярынямъ, сказать, что Царь и Царица вѣнчались въ добромъ здоровьи и идутъ къ нимъ. Они отвѣчали, что ихъ ожидаютъ. Посаженыя родители благословили ихъ образами и поздравили съ вѣнчаніемъ; за ними бояры и боярыни.

Новобрачные сѣли за свой столъ, а всѣ прочіе за свои столы, и нотожъ разносили кушанье и напитки; всѣ пили и ѣли до принесенія жаренаго лебеда. Въ то время дружка испрашивалъ благословенія у родителей и тысяцкаго, чтобы весть новобрачныхъ окончить, на что они отвѣчали: *благослови Боже*. Ихъ провожали до спальни: отецъ, мать, во многіе бояры и боярыни, и потомъ всѣ они возвратились къ своему столу, за комъ ожидали извѣстія отъ Царя о его добромъ здоровьи. Во всю ночь до разсвѣта ѣздилъ конюшій верхомъ, около спальни, съ обнаженнымъ мечемъ.

Спустя часъ послѣ увода молодыхъ въ почивальную, родители и тысяцкій посылали дружку къ новобрачнымъ спросить о ихъ здоровьи. И когда Царь объявилъ, что все въ добромъ здоровьи, тогда явились къ нему родители и весь свадебный чинъ.

Поздравившіе молодыхъ съ добрымъ здоровьемъ, получили отъ нихъ въ подарокъ кубки и ковши; потомъ новобрачнымъ дали поѣсть самого легкаго кушанья, ибо они постились во весь тотъ день. Послѣ кушанья Царь отпустилъ домой всѣхъ свадебныхъ, и приказывалъ имъ съѣзжаться на другой день къ обѣду, на-

Угомо-
ніе. У-
водъ но-
вобрач-
ныхъ въ
спальню
и коню-
шій.

Спраши-
ваніе о
добромъ
здоров-
ьи.

эвасному мляжилю столамъ, а самъ легъ спать съ Царицею.

Хомле-
ннн въбо-
ню в по-
дарки.

Поутру готовили для нихъ баню, въ коей бани только Царь, дружка и постельничій; послѣ мыльни надѣли на него бѣлую рубашку и новое платье, а прежнюю рубашку отдали на сохраненіе постельничаго; послѣ онъ слушалъ заурезю, пока Царица находилась въ мыльнѣ. Съ молодой были мать, свекъ и близкія знакомыя и ее одѣли по выходѣ изъ мыльни. Когда она была одѣта, тогда дали знать о томъ Царю, который со всѣмъ своимъ поѣздомъ отправился къ ней. Она была уже во всенъ царскомъ одѣянн и съ царскимъ вѣнцемъ на головѣ. Молодыхъ поудавили, а Царица обдаривала мыльными подарками, начиная отъ Царя до послѣдняго гостя свадебнаго. Она дарила рубашками и сподвижъ платьемъ, которыя были золотныя и тафтяныя, шитыя золотомъ и серебромъ. Потомъ Царь отправился на благословеніе къ патриарку; отъ него въ разныя церкви, гдѣ слушалъ молебствіе.

Княжнн
и княжн-
нннъ
столь
съ ну-
змой.

По наступленн времени княжско стола, Царь и Царица обѣдали въ прежней палатѣ за своимъ столомъ на маестатльхъ (на тронѣ); а прочіе гости за своимъ столами. Послѣ обѣда давали сахаръ, ягоды и равныя овощи, которыя раздавали гостямъ, и послѣдніе принимали ихъ стоя. Посаженыя родители Царицы, свядчн бояры и боярыни и тысящій, благословили ихъ окладными образами, а потомъ дарили бархатомъ, атласомъ, камками, золотыми и серебряными обьярами, соболями и серебряными кубками; пили за ихъ здоровье и потомъ разъѣхались. На третій день былъ дашь отъ Царицы обѣдъ, называемый княжнннн, съ таковымъ же обрядомъ какъ княжнн.

На царскомъ дворѣ и въ передней играли во вре-

ни обѣда въ трубы и сурени, и били въ литавры; а на дворѣ жгли дрова во всю ночь, по разнымъ мѣстамъ, вмѣсто освѣщенія.

Въ четвертый день обѣдали у Государя: патриархъ, митрополиты, архіепископы, епископы, архимандриты, игумены и колары; послѣ обѣда все духовенство благословляло молодыхъ образами, и дарило. Царь и Царица подносили имъ кубки и ковши съ напиткомъ, а духовные, выпивъ за ихъ здоровье, разѣхались. Потомъ новобрачные посылали имъ на домъ подарки, состоявшіе изъ денегъ, полотна, кушанья и напитковъ.—Іереевъ, дьяконовъ и весь причетъ церковный угощали на царскомъ дворѣ, нѣсколько дней сряду; ншимъ посылали, даже на домъ, кушанье и напитки; дарили деньгами по десяти и пяти рублей, и не меньше полтины, чтобы они молились за ихъ здоровье; рассылали стольниковъ, стряпчихъ и жильцевъ по церквамъ и монастырямъ всей Россіи съ денежными подарками, полотномъ и платками, которые раздавались духовенству, чтобы оно молебствовало о царскомъ здоровьи. Привезшихъ подарки, духовные благословляли образами и дарили, чѣмъ могли.—Въ слѣдующіе дни давались обѣды для стольниковъ, стряпчихъ, московскихъ дворянъ, гостей сотенныхъ, старостъ, городовыхъ, выборныхъ и посадскихъ. Они подносили молодымъ подарки, которые принималъ одинъ Царь.

Послѣ свадьбы Царь съ Царицею посѣщалъ монастыри, гдѣ совершались молебны; тамъ они кормили монаховъ и раздавали каждому изъ нихъ подарки денежные, отъ 20 до 2р., по два платка и холотенцу. Монашествующіе же благословляли ихъ оладными образами и хлѣбомъ. Потомъ молодые ходили по богадельнямъ и тюрьмамъ, раздавали милостыню, надѣляли нищихъ

Обѣды для духовныхъ состояли изъ напитковъ и облатки ихъ.

Милостыня и принужденіе преступниковъ.

и убогихъ, давая каждому не менѣе полтины. — Изъ всѣхъ городовъ Россіи выпускали изъ темницъ преступниковъ, исключая убійцевъ. (*)

(*) Коших: о Россіи въ царствов. Алексѣя Михайловича, гл. 1. С. 4-12; Новик. Древ. вивл. Ч. XIII.—Ст. 174-233.

Царь Алексѣй Михайловичъ женился на дочери Иліи Даниловича Милославскаго. Этотъ бояринъ до того возгордился въ послѣдствіи, что сдѣлался несноснымъ самому Царю, который мерзко собственноручно сморазъ его надмѣнность. Нѣмецкій посланникъ бар. Маербергъ, бывшій въ Москвѣ 1661 и 1662. г., говоритъ, что Царь и Царица называли своего отца, просто *Илія*, но никогда *батюшкой*. Маербергъ, Voyage en Mosc. С. 297-299, ed. Leid. 1688, г.

III. СВАДЬБА ЦАРЬВИИ АННЫ ПЕТРОВНЫ, СОВЕРШЕННАЯ ВЪ 1725 Г.

МАЯ 21.

Съ наступленіемъ XVIII столѣтія русскія свадьбы Истинные старинные обряды. стали мѣняться въ высшемъ сословіи и дворянствѣ. Иноземные обычаи, которые во многомъ не соответствовали тогдашнему времени, быстро потрясли въ самомъ основаніи древніе обряды. Свадьбы старинныя часто осмѣивались уже съ намѣреніемъ: тогда думали, что со введеніемъ новизны, распространятся науки, поселится вкусъ и образованность, которая водворилась въ Европѣ съ умной медленностію, въ теченіи многихъ вѣковъ. Преобразованія нельзя вводить насильно: оно растетъ по ширѣ счастливыхъ успѣховъ гражданственности. Благоразумное споспѣшествованіе и поощреніе, суть необходимыя условія для усиленія народнаго образованія, а не поспѣшное во всемъ измѣненіе и подражаніе. Отъ таковыхъ дѣйствій народъ дѣлается подражательнымъ и теряетъ свою самобытность. Время и потребность вѣка, вотъ истинные путеводители благоразумныхъ развитій, и при этомъ всегда надобно дорожить отечественнымъ. Прадѣдовскіе обряды и преданія старинныя,

не умираютъ въ народѣ: она живутъ въ немъ и оживляютъ его душу плѣнительнымъ воспоминашемъ.

Я сказалъ, что въ началѣ XVIII вѣка свадьбы измѣнились, и это видимъ въ совершеніи свадьбы Царевны Анны, дочери Петра В., которая праздновалась Императрицей Екатериною I. Съ этого уже вѣка дочери нашихъ Государей начали вступать въ брачныя союзы съ иностранными владѣтелями. Вѣчное осужденіе Царевенъ, оставаться въ дѣвухкахъ и постригаться въ монахини, тогда же кончилось.—Простой народъ, крѣпко любящій отеческія нравы и обычаи, сохранилъ ихъ, если не во всей силѣ, то по крайней мѣрѣ дорожить ими.

Свадебное устройство в Свѣдѣніяхъ.

Царевна Анна при жизни своего отца, Петра Великаго, была обручена имъ за Шлезвигъ-голлштейнъ-готторпскаго герцога Карла, а свадьба совершилась послѣ уже смерти Императора. Въ мѣтномъ дворцѣ, находящемся воннѣ въ мѣтномъ садѣ, былъ остроенъ великолѣпный залъ, длиною 20 а шириною 7 сажень, и въ немъ были поставлены два балдахина. Свѣтлѣйшій кн. Менишковъ занимался симъ устройствомъ. Залъ украсилъ богатыми обоями; балдахинъ невѣсты былъ украшенъ гербомъ и короною российской имперіи, а балдахинъ жениха, поставленный насупротивъ невѣстнинаго, былъ украшенъ герцогскимъ гербомъ. Вмѣсто тысячныхъ были уже маршалы: кони были кн. Менишковъ и генераль-прокуроръ Ягушневскій, а вмѣсто дружокъ было 24 шафера. Посажеными отцами были: генераль-адмиралъ гр. Апраксинъ и государственный канцлеръ гр. Головкинъ; посаженными матерями: Цесаревна и герцогиня мекленбургская Екатерина, дочь Іоанна I, и свѣтлѣйшая кн. Менишкова. Мѣста братьевъ занимали: генераль-фельдцейхмейстеръ гр. Брюсъ и подполковникъ гвардіи Вутурлинъ. Мѣста сестеръ: канцлерша гр. Головкина и Вутурлина.

Въ ближнихъ дѣвцахъ, замѣнявша дружекъ, бѣли: Цесаревна Елисавета, Великая Княжна Наталія, а краѣтѣмъ былъ кн. гессенъ-гомбургскій.

Мая 18 разѣзжали по городу особые офицеры съ Нѣтъ же-
ніе о
свадьбѣ
и совер-
шеніе
брака о-
сочета-
нія. трубачами и литавричками, возвѣщая жителей о предстоящемъ бракосочетаніи; мая 21, въ пятницу, въ день самой свадьбы собирались въ новостроенную залу, въ седьмомъ часу утра, приглашенные маршалы, шаферы, сенаторы, генералитетъ, знатные чиновники и чужестранные министры, а дамы собирались въ одиннадцатомъ часу. Въ полдень отправлялись маршалы, въ сопровожденіи особыхъ чиновниковъ, въ свои каретахъ во дворецъ жениха; впереди ихъ ѣхали трубачи и литаврички, въ богатыхъ одеждахъ. Пробывъ полчаса во дворцѣ, они отправлялись въ лѣтній дворецъ Императрицы, въ прежнемъ порядкѣ; за ними уже ѣхали: прапорщикъ, два гофъ — фурьера и нѣсколько гренадеровъ; потомъ шелъ штатъ герцога, за нимъ ѣхалъ верхомъ двора его оберъ-камергеръ и гофмаршалъ, послѣ ѣхалъ въ каретѣ самъ женихъ; по сторонамъ его кареты шли его кавалеры; за ними ѣхали его министры, въ особыхъ каретахъ; между каретами шли лакеи, а возлѣ каретъ пажы. Въ первомъ часу по полудни всѣ прибыли въ лѣтній дворецъ; тутъ встрѣтили жениха посаженные родители и братья. Его отвели въ комнаты Императрицы. Отсюда герцогъ отправился съ Цесаревной въ Троицкой соборъ, (*) въ уборной цѣлѣной баржѣ, (крытой линейкѣ), въ коей сидѣли: Цесаревна Елисавета, герцогиня Екатерина и Великая

(*) Она донынѣ на прежнемъ мѣстѣ, на петербургской сторонѣ. Она уже ветхій деревянный, и окруженъ плаучими березами. Сколько государственныхъ событій совершилось въ этомъ храмѣ!

Княжна Наталія. Въ прочихъ баржахъ ѳхали: наршалаы, редители посаженные, братья и дамы въ цвѣтномъ богатомъ платьѣ. — Невѣста была въ Императорской коронѣ, украшенной бриліантами и дорогими камями, и въ шорфурѣ изъ пурпороваго бархата, подбитой горностаями. По приближеніи къ церквѣ, зазвонили въ колокола. Государыня вскорѣ поѳхала за ними въ печальной баржѣ, одѣтая въ траурное платье; впереди ея несли штандартъ. Псковскій архіепископъ Теофанъ, окруженный епископами: тверскимъ и бѣлогородскимъ, архимандритами и многочисленнымъ духовенствомъ, совершилъ вѣнчаніе. По окончаніи брачнаго обряда, Императрица надѣла на новобрачную орденъ Св. Екатерины, съ красныъ бантомъ, и поздравила новобрачныхъ, которые послѣ принимали поздравленіе отъ всего двора. Потомъ всѣ отправилась, въ 4 часу по полудни, въ лѣтній дворецъ, при пушечныхъ выстрѣлахъ: изъ Петропавловской крѣпости, адмиралтейской пристани и яхты.

Молодые прибыли въ большую залу и сѣли кушать подъ устроенными балдахинами. Подъ первымъ балдахиномъ сѣдѣла невѣста съ Великими Княжками: Елисаветой, Екатериной, Наталіей, княгиней Меншиковой, графиней Головкиной и Бутурлиной. Подъ вторымъ, устроеннымъ противу невѣсты, сѣдѣлъ женихъ съ гр. Апраксинымъ, гр. Головкинымъ и Бутурлинымъ. За прочими столами сѣдѣло до 400 званыхъ гостей, въ богатыхъ цвѣтныхъ одеждахъ. Въ продолженіи обѣда стрѣляли изъ яхты и играли на трубахъ, съ литавринымъ боемъ. Въ 7 часу Императрица вышла на лугъ, (нынѣ царскій лугъ), къ стоявшей въ строю гвардіи. Тогда открыли два фонтана, которые заструились краснымъ и бѣлымъ виномъ. Императрица остановилась посрединѣ луга; гвардія привѣтствовала ее бѣлымъ огнемъ изъ

ружей. Послѣ стрѣльбы пили солдатъ виномъ, стру-
ившимся изъ фонтановъ; угощали кушаньями, жарен-
ными быками и баранами, нарочно здѣсь раставлен-
ными на столахъ.

Въ 9 часу Императрица отпустила молодыхъ, ко-
торые поѣхали въ свой дворецъ въ Императорской
каретѣ, въ прежнемъ порядкѣ. Потомъ разъѣхались
всѣ гости. — На другой день въ субботу, новобрач-
ные прибыли въ 4 часу по полудни въ лѣтній дво-
рецъ, и обѣдали у Императрицы. Молодые сидѣли
уже вмѣстѣ за однимъ столомъ. Ихъ встрѣчали мар-
шалы. За обѣдомъ присутствовали придворныя осо-
бы; въ продолженіи обѣденнаго стола стрѣляли изъ
пушекъ. Послѣ обѣда всѣ гуляли въ саду. На третій
день былъ обѣдъ у герцога. Императрица сидѣла за
особымъ столомъ, окруженная молодыми, Великими
княжнами, В. К. Петромъ и герцогиней мекленбург-
ской; за прочими отдѣльными столами, сидѣли знат-
ные сановники, иностранные министры и придворныя
дамы. Во время обѣда не было музыки; играли толь-
ко на трубахъ и стрѣляли изъ пушекъ. Герцогскимъ
обѣдомъ заключилось трехдневное торжество. (*)

(*) Новик. Древ. авл. ч. XIII. с. 235-247. Въ первой день
свадьбы многіе получили первостепенные орденскіе знаки и по-
вышены чинами.—Родившійся отъ брака Цесаревны Анны, Карлъ
Фридрихъ Урлихъ, въ 1728 г. февр. 10; а поимыма мая 3, вызванъ
былъ въ послѣдствіи, родной его теткою Императрицею Ели-
саветою, въ Россію, и объявленъ Императоромъ, подъ именемъ
Петра III.—Онаъ померъ въ 1762 г. іюл. 6., въ Ровша.

IV. СВАДЬБА БЛАГОРОДНЫХЪ И ПРОСТОЛЮДИНОВЪ, ПО ИЗВѢСТІЮ СООТЕЧЕСТВЕННИКА НАШЕГО КОШИХИНА, ЖИВШАГО ВЪ ХІІІ ВѢКѢ.

Старинныя свадьбы совершались единообразно во всѣхъ сословіяхъ и отличались только богатствомъ, ибо вездѣ были одноименные свадебные чины и у княжескихъ и простыхъ родовъ: тогда господствовала простота, и нарушить свадебный порядокъ, считалось великимъ грѣхомъ. Небольшое отступленіе отъ невыполненія нѣкоторыхъ обыкновений, было уже предметомъ осужденія и нареканія. Вотъ почему всѣ наши древніе свадьбы, до начала ХVІІІ в., были общія, народныя.

До насъ дошли извѣстія о дворянскихъ и простонародныхъ свадьбахъ, соотечественника нашего Кошихина, однако не ранѣе ХVІІ в. Изъ его описаній видно, что онѣ совершались единообразно, быть можетъ, какъ было еще до него за триста лѣтъ или болѣе.

Свято-
ство.

Бояринъ или дворянинъ, намѣревавшійся вступить въ бракъ, провѣдывалъ сначала невѣсту, и если она ему нравилась, по одному даже слуху, то онъ посылалъ къ ея родителямъ кого либо изъ своихъ друзей, изъ

ищущинъ или женинннъ, — сватать за него, и потомъ пораспросить: есть ли какое за нею приданое? и въ чемъ оно состоитъ: въ плати ли, деньгахъ, вотчинахъ или дворовыхъ людяхъ? Если предложеніе или сватовство не отвергалось, то отецъ отвѣчалъ, что онъ радъ выдать свою дочь за мужъ, только подумасть о томъ съ своею женою, родственниками, и подумавъ, давалъ рѣшительный отвѣтъ. Когда же онъ не соглашался на выдачу своей дочери, тогда прекращалось сватовство.

По совѣщаніи между собою родственниковъ и родителей, о выдачѣ дочери за мужъ, составлялась роспись приданому, заключавшемуся въ деньгахъ, серебряной посудѣ, плати, вотчинахъ и дворовыхъ людяхъ; и посылалась эта опись къ жениху чрезъ довѣренныхъ отъ него. — Невѣстѣ ничего не говорили объ этомъ, до самаго замужества. Когда жениху нравилась невѣста по приданому, то онъ просилъ дозволенія видѣть ее; но родители всегда отвѣчали, что они охотно ее покажутъ, только не ему, а ближнимъ его родственникамъ: отцу, матерѣ, сестрѣ или сродственницѣ, и отправлявшаяся смотрѣть невѣсту, называлась смотрѣльщицею.

Приданое.

Невѣсту наряжали въ лучшее платье, и сажали за столъ; гостей собирали изъ сродственниковъ. Смотрѣльщцу принимали съ почетомъ и сажали подлѣ невѣсты, которую она занимала различными разговорами, чтобы испытать ея умъ; всматривалась въ лице и глаза, чтобы пересказать потомъ жениху все, что замѣтила. Когда дѣвушка была хромя, косноязычная, лицомъ дурная, на глазъ не добрая или не нравилась смотрѣльницѣ, почему либо; тогда она доносила обо всемъ жениху и отсвѣтовывала ему жеваться. Невѣста добрая, красивая и умная, приходилась всегда по сердцу: тогда женихъ объявлялъ, что онъ

Смотрѣльщица.

полюбилъ ее и посылалъ прежнихъ довѣренныхъ къ ея родителямъ, для совершенія сговора и записи.

Запись

Отецъ и мать невѣсты приглашали тогда жениха къ себѣ, съ немногими его довѣренными. Онъ наряжался въ самую лучшую одежду, и отправлялся къ нимъ съ отцемъ и родственниками. Ихъ принимали у дверей съ почетомъ; вводили въ хоромы и сажали по чину. Посидѣвъ не много, отецъ или сродственникъ жениха объявлялъ, что они пріѣхали сюда для добраго дѣла. Отецъ невѣсты отвѣчалъ, что онъ весьма радъ ихъ пріѣзду, и готовъ приступить къ сговору. — Тогда условливались съ обѣихъ сторонъ о приданомъ и времени свадьбы; дѣлали запись, въ коей имя невѣсты стояло въ третьихъ; въ случаѣ неустойки кого либо противу условій, взыскивали за *рядъ* на виновномъ 1000, 5,000 и 10,000 р., сколько между ними было соглашено. Въ продолженіи сговора угощали кушаньемъ и напитками; но ни женихъ, ни невѣста, не видали другъ друга. Въ то же время мать невѣсты, замужняя сестра или жена сродственная, дарила жениха ширинкою, отъ имени невѣсты.

Когда женихъ послѣ сговора отказывался отъ невѣсты, или невѣста отъ жениха, узнавъ другъ про друга что либо дурное; тогда родители били челомъ патриарху на виновнаго, за нанесенное имъ безчестіе, и просили удовлетворенія. Патриархъ приказывалъ изслѣдовать, и съ виновнаго взыскивалось, сколько было положено по записи за неустойку, въ пользу праваго жениха или оправданой невѣсты, и каждому изъ нихъ не запрещалось потомъ вступать въ бракъ.

Свадеб-
ный об-
рядъ.

Женихъ приглашалъ на свадьбу родственниковъ и знакомыхъ, изъ коихъ составлялись поѣзжаные, точно такіе же, какіе при царской свадьбѣ. Тоже самое было со стороны невѣсты. Въ день радости готовили столъ

въ домѣ молодыхъ. Женихъ отправлялся за невѣстою по тому порядку, какъ происходило въ царской свадьбѣ; напередъ несли корован на носилкахъ, послѣ ѣхали поѣзжаные верхомъ, если это было лѣтомъ, а зимою въ саняхъ; священникъ держалъ въ рукахъ крестъ, потомъ ѣхали бояры, тысяцкій и женихъ. По приѣздѣ на дворъ невѣсты, всѣ входили въ хоромы по чину; отецъ невѣсты и гости встрѣчали ихъ почестію. Предъ поѣздомъ къ вѣнчанію, дружка испрашивалъ у родителей невѣсты благословленія для новобрачныхъ. Ихъ благословляли образами, говоря: *благослови Боже*, и взявъ за руку дочь, вручали ее молодому. Весь свадебный чинъ, попъ и молодой, который шелъ съ своею невѣстой подъ руку, выходили изъ хоромъ, въ сопровожденіи родителей. Молодой сажалъ невѣсту въ колымагу или каптанъ, съ нею садились двѣ свахи со стороны новобрачныхъ, а женихъ ѣхалъ верхомъ или въ саняхъ, съ своимъ поѣздомъ. Отецъ невѣсты и гости возвращались въ свои покои, гдѣ пили и веселились, до полученія вѣсти о благополучномъ совершеніи вѣнчанія; таковая же вѣсть посылалась къ отцу новобрачнаго. Послѣ вѣнчанія весь поѣздъ отправлялся въ домъ молодого. По прибытіи на дворъ, родители, родственники и гости встрѣчали новобрачныхъ; жениха и невѣсту благословляли образами, подносили хлѣбъ—соль и сажали ихъ за столъ. Потомъ угощали ихъ и всѣхъ гостей, и тогда только открывали лице молодой. За третьимъ кушаньемъ дружка испрашивалъ благословенія у посаженныхъ родителей, чтобы вѣсть новобрачныхъ въ почивальную. Тутъ дружки снимали платье съ жениха, а свахи съ невѣсты. Уложивъ ихъ спать, они возвращались къ лирующимъ гостямъ, а посаженные родители и тысяцкій, спустя часъ, посылали дружку къ жениху, чтобы спросить его о доб-

ромъ здоровьи. Когда молодой отвѣчалъ, что все въ добромъ здоровьи, тогда боярыни отправлялись въ почивальную, поздравляли молодыхъ и пили заздравные кубки, а тысяцкій посылалъ дружку съ родителями невѣсты, сказать, что новобрачные въ добромъ здоровьи. Они, за доставленіе радостной вѣсти, подчивали его и дарили ширинкою, и потомъ все гости разъѣзжались. Молодыхъ же оставляли почивать. Конющій ѣздилъ до разсвѣта верхомъ около спальни, съ обнаженнымъ мечемъ.

Хомло-
ніе по-
лоднѣ
въ баню
и обда-
риванію
ихъ.

Поутру новобрачные ходили въ баню, сначала одинъ молодой а потомъ молодая: молодой мылся съ дружкою а молодая съ свахою и близкими ея знакомыми. Послѣ мыльни надѣвали на молодыхъ новое бѣлье и платье. Новобрачная обдаривала поѣзжаныхъ мыльными подарками: рубашками и споднею одеждою. Потомъ молодой съ дружкою, ѣздилъ просить гостей на обѣдъ. Родителей же своей жены онъ благодарилъ за то, что они вскормили; вспоил и выдала за него въ добромъ здоровьи свою дочь. Если же она называлась лишениною добродѣтели, то онъ укорялъ ихъ въ тихомолку. По сѣздѣ гостей новобрачная подносила поѣзжанымъ подарки. До обѣда ѣздилъ новобрачный, со всемъ поѣздомъ, бить челомъ Царю, Все они кланялись Государю въ землю, который сидѣлъ, не снимая шапки, и спрашивалъ про его здоровье и его жемы. Царь поздравлялъ его съ супружествомъ; послѣ молодой кланялся въ землю; Царь благословлялъ его, а молодую заочно, окладными образами; назначалъ ему жалованья по сорока соболей, дарилъ бархатомъ, атласомъ, золотною обьярью, камкою, тафтою, серебряною посудою; подносилъ тысяцкому, молодому и всему поѣзду по кубку романен (греческое вино) и

ковшу зинзиваго меда; потому они отиравались въ обѣду.

Молодая посылала отъ себя подарки Царицѣ и Царевнамъ, какъ то: убрusy (полотенца) тафтяные, нитые золотомъ, серебромъ и жемчугомъ. Онѣ принимали и посылали отъ себя спрашивать о ея здоровьи.

Молодой не ѣздилъ съ помоловомъ къ Царю, когда его молодая не сохранила дѣвственности: потому что Государю доносили обо всемъ, до ея прїѣзда, и ему воспрещалось являться предъ царскія очи.

За обѣдомъ пили и ѣли вдоволь; послѣ обѣда родители и гости благословляли новобрачныхъ образами и дарили, кто чѣмъ могъ, и наконецъ разѣзжались по домамъ. На третій день новобрачные и гости съѣзжались на обѣдъ къ родителямъ молодой, гдѣ послѣ обѣда снова благословляли образами и облачивали ихъ. Этимъ оканчивали веселіе, къ коему не приглашали дѣвицъ, и на немъ не бывало музыки. Играли только на трубахъ и били въ литавры. Такой точно совершался обычай при сочетаніи вдовыхъ.

Священникъ вѣнчалъ съ разрѣшенія патріарха или другой духовной власти, и иначе, какъ получивъ письменное свидѣтельство за печатью. Ему поставалось въ обязанность изслѣдовать въ точности, чтобы женихъ и невѣста не были между собою въ кумовствѣ, сватовствѣ, крестномъ братствѣ, свойствѣ по шестому и седьмому колѣну, и чтобы мужъ и жена не были четвертаго брака. Если онъ все это не узналъ и вѣнчалъ, то лишали его священническаго сана; если же онъ сдѣлалъ съ намѣреніемъ, то не только лишали его званія, но налагали на него большую пеню и сажали на годъ на покаяніе. Новобрачныхъ разводили и имъ, кромѣ грѣха, ничего не вѣнчали и даже дозво-

Правила
по вступленію
въ бракъ.

лялось имъ вступать въ новый бракъ, исключая, если они были уже тресбрачные.

Вѣнчаніе второе
втораго брака
и тресбрачныхъ.

При вѣнчаніи второбрачнаго вдовца съ дѣвицею, клали ему вѣнецъ на правое плечо; тресбрачному вдовицу на лѣвое плечо, — дѣвицѣ же на голову. Тоже самое совершали со вдовою, выходившею въ другой и третій разъ за мужъ. Свадьбу же праздновали по обыкновенію. Вступившіе въ бракъ, вдовецъ со вдовою, не вѣчались, но читали надъ ними молитву и свадебный обрядъ отмѣнялся.

Однообразіе въ совершеніи свадьбы.

Сговоры и свадьбы совершались одинаковымъ образомъ: у стольниковъ, стряпчихъ и дворянъ, только что они не ѣздили къ Царю бить челомъ; ибо этою милостію пользовались думные люди, спальники, ихъ дѣти и знатные роды. — Между купеческимъ сословіемъ, свободными людьми и крестьянами, тотъ же совершался свадебный обрядъ; отличались же онѣ одеждою и угощеніемъ.

Обманъ при выдачѣ невесты и наказаніе.

Случалось, что родители во время сватовства показывали, смотрѣльщицѣ дочь красавицу, а выдавали за мужъ увѣчную, безобразную и не ту, которую показывали. Женившійся на такой, не могъ вдругъ ее разсмотрѣть, потому что при совершеніи свадьбы она закрывалась. Хромую же водили свахи подъ руки. Мужъ жаловался тогда патриарху или другой духовной власти; назначалось слѣдствіе, и если оказывалось, что дочь выдана обманомъ и противу записи, то ихъ разводили и съ виновнаго взыскивали пеню. Иногда отца невесты наказывали кнутомъ. Если женихъ просилъ на невесту, что она увѣчная или безобразная, и таковою онъ ее видѣлъ при сватовствѣ, то ему повелѣвалось жить съ нею, чтобы онъ зналъ, на комъ женился. Иногда вмѣсто настоящей невесты наряжали горнишную дѣвушку или красивую вдову, и вы-

водили къ смотрѣльщицѣ. Малорослыхъ и коротконогихъ ставили на подставки такъ искусно, что ничего не было замѣтно. Обманъ открывался только на другой день послѣ веселія. Въ такихъ случаяхъ мужъ совѣтовалъ своей женѣ постричься въ монахини; если она не соглашалась, то онъ билъ ее, мучилъ и не спалъ съ нею, пока она не пострижется. Родственники мучимой жены, когда она не хотѣла идти въ монастырь, жаловались на мужа патриарху или другой духовной власти. Тогда наряжался повальный обыскъ, и если оказывалась жалоба справедливою; то мужа ссылали въ монастырь на годъ и полгода, и потомъ приказывалось ему жить въ любви съ женою. Когда же онъ не жилъ въ согласіи, тогда ихъ разводили; имѣніе дѣлили между ними по поламъ, и до семи лѣтъ воспрещалось обонимъ вступать въ новый бракъ. Бывало, что мужъ, когда его женили на увѣчной или безобразной, самъ постригался съ горя въ монахи, а вныне мужа и жены опаивали другъ друга отравами. — Старыхъ и уродливыхъ дѣвицъ сами родители отдавали въ монастырь.

Женихъ, который самъ смотрѣлъ невѣсту, потомъ говорилъ объ ней дурно, безчестилъ и отбивалъ отъ нея другихъ жениховъ, обзывался по духовному приговору жениться на ней. Если же онъ до приговора успѣлъ жениться на другой, то платилъ за безвѣстіе первой невѣстѣ. Имѣніе помершей отъ родовъ, но оставившей послѣ себя дѣтей, доставалось ей дѣтямъ; умершей же безъ дѣтей, отбиралось имѣніе отъ мужа и отдавалось назадъ, кому принадлежало. (*)

(*) Коших.: о Рос. въ царствов. Алексія Михайловича гл. XIII. с. 119-126; Beschf. der Reis in die Rossow, so Hr.

Шарботсѣ gethan ч. 1., помѣщ. въ собр. Визм. с. 195 и 196. Вар-
бѣчь, описавшій свое путешествіе въ концѣ XVI в., тоже го-
ворить, что женихъ выдалъ свою невѣсту только на другой
день послѣ свадьбы. Mottley: The hist. of the life of Peter the
great ч. 1. с. 128 и 129. Онъ говоритъ, что для развода на-
добно сильныя доказательства; но если вструдялись разводомъ,
то мужъ могъ итти въ монахи: Struys: Voyag. en Moscov. Tartar.
Регле и пр. с. 127-132, éd. 1681 г.; Korb. diar. itin. in Mos-
cov., ed. Уіен. in f. с. 209-212. Отецъ, вручая жениху дочь
свою, билъ ее слегка плетью и говорилъ: любезнѣйшая дочь
моя! я бью тебя въ послѣдній разъ, ибо власть моя надъ то-
бою кончилась; теперь ты должна повиноваться своему мужу:
онъ заступилъ мое мѣсто, а этой плетью онъ будетъ наставлять
тебя, если забудешь свой долгъ. - Тогда онъ передавалъ плеть
ей мужу, который говорилъ въ оправданіе своей невѣсты: я
не думаю, чтобъ была надобность въ плети.

У. СВАДЬБА НАЧАЛА ХУІІ ВѢКА, ПО ИЗВѢСТІЮ ПЕТРЕЯ.

Объ обрядныхъ дѣйствіяхъ свадьбъ сохранились еще сказанія двухъ иностранцевъ—самовидцевъ: Петрея и Одеарія. Первый былъ въ началѣ ХУІІ в., а второй въ половинѣ того же вѣка.

Молодой человекъ, желавшій жениться, объявлялъ Сватовство. о томъ своему отцу. Это соблюдалось весьма строго, не только между простолюдинами, но вельможами и всякаго сословія людьми. Ни женихъ, ни невѣста не могли сами дѣлать предложенія, — это было дѣло отца. Родитель невѣсты, освѣдомленный о сватовствѣ, совѣтовался съ своими пріятелями и отправлялся съ сватомъ къ родителямъ жениха, гдѣ узнавалъ о его богатствѣ, родѣ, умѣ и достоинствахъ, и рассмотрѣвъ его внимательно, говорилъ ему, если онъ нравится ему: мой милой! твои родители, мои добрые друзья, а ты мнѣ по сердцу: честенъ, добръ, любезенъ и можешь быть любимымъ всѣми, потому я хочу отдать за тебя свою дочь, если она поправится тебѣ. Я на-

гражу ее приданымъ и всякого рода украшеніями: сергами, платьемъ, серебромъ, золотомъ, скотомъ, лошадьми, прислугою и домашними вещами. — По согласіи съ обѣихъ сторонъ, свать отвѣчалъ за жениха: тебѣ угодно выдать за меня дочь, а меня имѣть своимъ сыномъ, — я подумаю прежде. Объ остальномъ распроси моихъ родителей и друзей, и что ими будетъ сдѣлано и утверждено, тѣмъ я буду доволенъ. Если сватовство съ обѣихъ сторонъ не встрѣтило препятствій, и самое приданое обоюдно утверждено, то назначали день свадьбы.

Смотри
невѣсты
и жени-
ха.

Отецъ и друзья жениха просили тогда показать не-
вѣсту, но ее отецъ отвѣчалъ: этого нельзя; о ней
освѣдомиться можно отъ постороннихъ. Вы знаете,
кто она такова, и этимъ можете быть довольны; объ
остальномъ узнаете по совершеніи свадьбы. — Тогда
отецъ и свать говорили ему: если нельзя видѣть
жениху, то позволь намъ, чтобы удостовѣриться въ ее
недостаткахъ и свойствахъ. — Отецъ, мать и двѣ ближ-
няя родственницы отправлялись къ невѣстѣ. Если
она зажиточная и богатая, въ домѣ много покоевъ и
свѣтлицъ; то она сидѣла въ своей свѣтлицѣ, убран-
ная и наряженная. Если безъ состоянія и бѣдная,
въ домѣ нѣтъ ни одной свѣтлицы, то она сидѣла въ
углу избы за занавѣсомъ, безъ всякаго наряда. Мать
жениха, подойдя къ ней, просила вытти, и взявъ ее за
руку, ходила съ нею, разсматривая со вниманіемъ: не
слѣпая ли она, или хромоногая, или нѣтъ другихъ ка-
кихъ либо недостатковъ. Если ничего не было найде-
но, то она садилась съ веселымъ лицомъ за столъ. По-
слѣ того мать невѣсты отправлялась къ жениху и разсмат-
ривала его подобнымъ образомъ, и не найдя въ немъ
никакихъ тѣлесныхъ недостатковъ, приступали обоюд-
но къ письменному условію, въ томъ, что если кто не

сдержать своего слова, тотъ долженъ заплатить по записи опредѣленную сумму денегъ. Не смотря на это, продолжались съ обѣихъ сторонъ частыя осматриванія молодыхъ, дабы не ошибиться, и чтобы дѣтѣмъ не исполнилась пословица: *пнравилась сатана, лучше яснаго сокола.* (*) Были примѣры, что не разсмотрѣвъ молодыхъ, они оказывали въ послѣдствіи другъ къ другу холодность, отъ чего происходили семейные раздоры. — Дѣвицы высшаго сословія всегда находились въ затворничествѣ, и ихъ непрежде могли видѣть, какъ только въ день свадьбы.

По наступленіи свадебнаго дня, для котораго готовили ^{Вѣнчаніе.} въ изобиліи кушанья и напитки, и въ этотъ день всѣ пили, отправлялся въ церковь весь свадебный причетъ и съ нимъ родители молодыхъ. Лице невѣсты покрывалось фатою. Священнику подносили прежде пироги; онъ тогда благословлялъ молодыхъ и пѣлъ изъ псалма 127: *Блаженни вси боящіеся Господа, ходящіи въ путехъ его. Труды плодовъ твоихъ съѣси, и т. д.*; (**) погомъ, подступивъ къ молодому, клалъ на его голову свою руку и говорилъ: ты берешь молодую и милую: будешь ли ее любить въ радостяхъ и бѣдности? Не будешь ли издѣваться надъ нею и поступать съ нею грубо? Если она состарѣется, здѣлается немощною или больною, то не покинешь ли ее?—Женихъ отвѣчалъ: *нѣтъ.* То-

(*) *Quisquis comat ganam, ganam putat esse Dianam.*

(**) У Петра ошибочно приведенъ 128 псаломъ вместо 127., ибо псаломъ 128 начинается такъ: *множицею брашася со мною отъ юности моя, да речеть убо Израиль: множицею брашася со мною отъ юности моя, ибо не премогана мя. На хребтъ мовъ дѣлаша грѣшницы: продолжиша беззаконіе свое, и т. д.*

гда онъ обращался къ невѣстѣ и говорилъ: ты еще молодая и неопытная, будешь ли жить съ мужемъ въ согласіи, какъ слѣдуетъ доброй женѣ? Будешь ли смотрѣть за хозяйствомъ? Пребудешь ли ему вѣрною, когда онъ состарѣется и ослабѣетъ?—Она отвѣчала: да!—Послѣ этого священникъ бралъ вѣнцы, клалъ на ихъ головы и говорилъ: *раститесь и множитесь*. Читалъ потомъ молитву, благословлялъ ихъ три раза крестомъ и произносилъ: что Богъ соединяетъ, того не разсторгнуть человѣку. — Затѣмъ всѣ зажигали восковыя небольшія свѣчи.—Послѣ священникъ подавалъ новобрачнымъ позолоченную чашу съ медомъ, изъ которой они пили, и наконецъ поздравлялъ ихъ со вступленіемъ въ бракъ. Потомъ молодые бросали на землю чашу, топтали ее ногами, приговаривая: да будутъ такъ попораны наши враги, которые захотятъ поселить между нами ненависть и раздоръ.

Посыпаніе ко-
лодихъ и весе-
ліе.

При выходѣ новобрачныхъ изъ церкви, женщины осыпали ихъ коноплянымъ сѣмянemъ, желая имъ здоровья и долговѣчной жизни. Потомъ всѣ возвращались домой, гдѣ веселились и пили во всю ночь. — На другой день отводили молодыхъ въ тотъ домъ, гдѣ они должны жить, съ великимъ плачемъ и воемъ.

Плеть.

Молодой, ложась спать, билъ плетью свою молодую, и потомъ вѣшалъ ту же плеть на стѣнѣ, въ ознаменованіе его любви, ибо жены думали, что если мужа бьютъ ихъ часто, то этѣмъ они доказываютъ къ нимъ свою любовь, въ противномъ случаѣ онѣ жаловались на своихъ мужей, говоря всѣмъ, что мужа разлюбили ихъ.—

Дареніе.

Въ продолженіи свадебнаго пированія дарили молодыхъ, каждый соразмѣрно своему состоянію, разными вещами, которыя укладывали потомъ въ сундуки и это составляло ихъ приданое.

Русскія матери чрезвычайно любятъ своихъ дѣтей, говоритъ Петрей, а отцы болѣе любятъ сыновей, нежели самыхъ женъ своихъ (*).

(*) Petrejus: Histor. und Bericht von dem Großfürstenthum Moskow, с. 627 — 637, edit. Лейпцигъ 1620 года. Петрей находился въ Россіи четыре года, въ самыя смутныя ея времена, когда самозванцы, соседніе враги и искатели Русской короны, терзали ее войнами. Онъ былъ сюда посланъ шведскимъ королемъ Карломъ IX., вмѣстѣ съ предводителемъ войскъ Яков. Де-ле-гарди, и участвовалъ въ переговорахъ и политическихъ дѣлахъ со стороны своего правительства.

VI. СВАДЬБА ОКОЛО ПОЛОВИНЫ XVII ВѢКА, ПО ИЗВѢСТІЮ ОЛЕАРІЯ.

Опреде-
леніе
степени
родства,
для всту-
пающихъ
въ бракъ. Русскіе весьма строги въ брачныхъ союзахъ; вся-
кому позволяется жениться на одной; вдовцу позволя-
лось жениться въ другой и третій разъ, но въ четвер-
тый никому не позволялось. Священникъ, вѣнчавшій
кого либо въ четвертый разъ, лишался своего сына.
При вступленіи въ бракъ наблюдались родственныя
степени: два брата не могли жениться на однихъ се-
страхъ, равно и на тѣхъ, съ коими принимали дѣтей
отъ куцели.

Свадьба
благоро-
дныхъ
сватов-
ство. До совершенія брака происходило сначала сватов-
ство. Ни молодой человѣкъ, ни дѣвушка не имѣли
возможности видѣться преждевременно, а тѣмъ болѣе
соглашаться о вступленіи въ бракъ,—это было дѣло
родителей. Отецъ взрослой дочери отправлялся въ домъ,
гдѣ женихъ по его мыслямъ. Онъ говорилъ съ нимъ, его
родителями или его друзьями, о своей невѣстѣ; хвалилъ
ее и возбуждалъ въ немъ желаніе жениться на ней. Если
предложеніе было принято, то желали напередъ видѣть
въ домѣ, его. Онъ сначала уклонялся, потомъ дозволялъ
посмотрѣть, только матерѣ и ея знакомымъ. Если не

находили недостатки : не была слѣпая, или хромоногая ; то договаривались о приданомъ.

Люди сколько нибудь значительные, воспитывали своихъ дочерей въ запертыхъ теремахъ и скрывали ихъ отъ людей, потому женихъ могъ видѣть свою невѣсту, когда онъ принималъ ее въ своей спальнѣ. По этой причинѣ часто происходили обманы : вмѣсто пригожей, давали дурную или уродливую ; вмѣсто дочери боярской, какую нибудь дѣвку. Такіе примѣры бывали и между знатными людьми, посему не удивительно, что мужья жили съ женами, какъ кошка съ собакой, и ихъ крѣико били.

При княжескихъ и боярскихъ свадьбахъ наблюдали слѣдующіе обряды : со стороны жениха и невѣсты назначались, по одной свахи, которыя всѣмъ распоряжались въ томъ домѣ, гдѣ игралась свадьба. Сваха невѣсты отправлялась, въ день свадьбы, въ домъ жениха и приготавливала тамъ брачную постель ; за свахой несли на головахъ, около ста лакеевъ, одѣтыхъ въ кафтаны, всѣ тѣ вещи, которыя принадлежали къ постелѣ и украшенію спальни. Постель слали на 40 ржаныхъ снопахъ, за ранѣе приготовленныхъ женихомъ ; возлѣ постели ставили кадъ съ пшеницей, ячменемъ и овсомъ.

По окончаніи всѣхъ приготовленій, женихъ отправлялся вечеромъ съ своими дружками, въ домъ невѣсты ; съ нимъ ѣхалъ священникъ, который долженъ былъ вѣнчать. Дружки невѣсты принимали жениха съ его дружками, весьма ласково ; старшихъ или ближайшихъ дружекъ, сажали за столъ, на коемъ ставили три кушанья, но ихъ однако никто не трогалъ. На первомъ мѣстѣ сидѣлъ мальчикъ ; подлѣ него женихъ, который постоявъ нѣсколько минутъ, совѣтовался съ своими дружками о занятіи имъ своего мѣста ; потомъ онъ сводилъ его учтиво съ мѣста и самъ сѣлся.

Часть II.

7

Человѣкъ
голова
моло-
ды
обязанъ
полюбить.

приходили невѣсту, закутанную въ дорогое платье, сажали ее подлѣ жениха; но чтобы никто изъ нихъ не видѣлъ другъ друга, то два мальчика держали между ними красную тафту. Сваха расчесывала волосы невѣсты, распускала ихъ по плечамъ; потомъ плела въ двѣ косы, надѣвала на голову вѣнокъ (должно быть цинку) и открывала лице. Вѣнокъ дѣлался изъ алюмо-мого золота или серебра, и подбивался матеріей; по краямъ его висѣли, близъ ушей, четыре, шесть и болѣе жемчужныхъ нитокъ, которыя циспадали на грудь. Платье невѣсты и рукава ея рубашки, которыя бывали около трехъ аршинъ шириною, и воротникъ, вышивались жемчугомъ. Такое платье стоило болѣе одной тысячи талеровъ (*). Башмаки дѣлались съ подборами, вышиною около четверти локтя, что едва можно было ходить; иныя носили сапоги. — Другая сваха чесала голову жениху, между тѣмъ прочія женщины, ставъ на скамьи, пѣли веселья пѣсни. Послѣ приходило двое молодыхъ подружьевъ (Gesellen), одѣтыхъ весьма хорошо, и приносили на поднось: соболи, сыръ и хлѣбъ; послѣдній назывался короваемъ. Священникъ благословлялъ сыръ и коровай, который несли потомъ въ церковь. На столъ ставили серебряное блюдо, на коемъ лежали атласъ, тафта, гладкія четверугольныя деньги, хмѣль, ячмень и овесъ. Сваха закрывала невѣсту и осыпала бояръ и всѣхъ гостей тѣми вещами, какія были положены на блюдо; они подбирали съ земли атласъ и деньги, если хотѣли, между тѣмъ, въ то же самое время пѣлись пѣсни. Родители молодыхъ, вставъ съ своихъ мѣстъ, размѣщали кольца у молодыхъ.

(*) Талеръ по нынѣшнему курсу около 94 к. сер.

Послѣ сихъ обрядовъ сваха сажала невѣсту въ сани, ^{Потомъ} покрывала ее платомъ и ѣхала съ невѣстой въ церковь. Запряженную лошадь въ сани и хомуть, обшивали лисьими хвостами. Женихъ съ своими друзьями и священникомъ ѣхалъ за невѣстою верхомъ; подлѣ саней шли дружки и прислуга, и всѣ пѣли веселыя пѣсни.

То мѣсто въ церквѣ, на коемъ совершалось вѣнчаніе, ^{вѣнчаніе} застилалось красной тафтою, а подѣ ноги молодыхъ слали особую ткань. Предѣ вѣнчаніемъ подносили священнику пирога и перепечъ, а надѣ головами молодыхъ держали большія иконы.—Священникъ, благословивъ ихъ, бралъ жениха за правую руку а невѣсту за лѣвую, и спрашивалъ у нихъ по три раза: любятъ ли они другъ друга, и будутъ ли взаимно уважать? Послѣ троекратномъ да, онъ водилъ ихъ вокругъ цалоя и пѣлъ: Исаія лннуѣ... Потомъ клалъ имъ на головы вѣнцы (Жаженъ-Жѣнцѣ) и говорилъ: *раститеся и множитесь*; за тѣмъ соединялъ ихъ и произносилъ: что Богъ соединяетъ, того человекъ не разторгнеть. Присутствующіе зажигали въ церквѣ не большія восковыя свѣчи; священнику подавали деревянную позолоченную чашу, или стеклянный погаль, съ краснымъ виномъ: онъ пилъ за здоровье новобрачныхъ, которые въ свою очередь пили три раза. Потомъ женихъ бросалъ на землю сосудъ, и топталъ его съ невѣстой, говоря: такъ должны погибнуть тѣ, которые захотятъ поселить между нами раздоръ и не согласіе. Женщины обсыпали новобрачныхъ льнянымъ и коноплянымъ сѣменемъ, и желали имъ счастья. Нѣкоторые дергали невѣсту за платье, показывая видъ, будто они котятъ увести ее, но молодые держались другъ за друга. Послѣ женихъ проводилъ свою невѣсту до

саней, садился на свою лошадь; возлѣ саней везли шесть восковыхъ свѣтильниковъ а поѣзжаные пѣли всякія пѣсни.

Парованіе и отправление молодо-даго въ свинскъ

По прибытіи въ домъ жениха, гости сядились съ молодымъ за столъ: тутъ они ѣли, пили и веселились, а невѣсту между тѣмъ раздѣвали и клали въ постель. Лишь только молодой начиналъ ѣсть, тотчасъ требовали его къ невѣстѣ. Путь ему освѣщали впереди, шесть или восемь мальчиковъ, зажженными факелами. Молодая, услышавъ о его приближеніи, вставала и накинувъ на себя соболевую шубу, привѣтствовала дорогого гостя наклоненіемъ головы. Мальчики втыкали горящіе факелы въ кадъ съ пшеницей и ячменемъ, и получали за то въ подарокъ по парѣ соболей и уходили. Женихъ садился съ невѣстой за накрытый столъ, которую только теперь онъ могъ видѣть въ лице. Имъ подавали кушанье и между прочимъ жареного пѣтуха; молодой разрывалъ его на части, бралъ крыло или ногу, бросалъ черезъ себя, и потомъ ѣлъ. Послѣ непродолжительного ужина, молодые ложились въ постель; за дверьми оставался только старый служитель, который расхаживалъ взадъ и впередъ. Между тѣмъ родители и знакомые обѣихъ сторонъ, гадали и ворожили о счастіи молодыхъ. Служитель, спустя нѣсколько времени, спрашивалъ: совершилось ли дѣло? Молодой отвѣчалъ: уже. Тотъ часъ раздавались трубы и литавры, и всѣ предавались радости.

Мыльня ново брач-ныхъ.

Веселіе.

Вскорѣ послѣ этого, молодые отправлялись въ етѣльные мыльни; тутъ ихъ мыли водой, смѣшанной съ медомъ и виномъ. Послѣ бани юная жена дарила своего молодого мыльной сорочкою, коей воротникъ бывалъ унизанъ жемчугомъ, и новымъ дорогимъ платьемъ. Слѣдующіе два дни проводили въ роскошныхъ угощеніяхъ; тутъ играла музыка, танцовали и веселились,

какъ только можно. На сихъ то пирахъ, когда мужья порядочно подгуливали, жены находили случай позабавиться съ посторонними мужинами...

Во время свадьбы простого сословія или горожанъ, женихъ посылалъ невѣстѣ, за день до ея свадьбы: новое платье, шапку, пару сапогъ, ящичекъ съ румянами, гребень и зеркало. Въ день свадьбы приходилъ священникъ съ серебрянымъ крестомъ; два мальчика освѣщали ему путь восковыми свѣчами. Онъ благословлялъ сначала мальчиковъ, потомъ гостей; молодые садились за столъ и между ними держали красную ткань. — Когда сваха убирала невѣсту, тогда молодая и молодой смотрѣли въ зеркало, и оба любовались собою. Потомъ сваха осыпала ихъ и гостей хмѣлемъ. За тѣмъ всѣ отправлялись въ церковь, гдѣ совершалось вѣнчаніе прежнимъ порядкомъ.

По вступленіи въ бракъ, жены содержались въ заперти: онѣ никакія не посѣщали общества, никого не принимали къ себѣ изъ своихъ знакомыхъ и сами ихъ не посѣщали (*).

(*) Олеар. *Offt begehrte. Beschf. der Neuen orient. Reise.* с 137—141. ed. Лейпц. 1647 г. —

Позанимствованныя свадьбы изъ Петрея и Олеарія, наполнены во многихъ мѣстахъ странностями, которыя конечно должно приписать невѣрности взгляда самыхъ самоудцевъ; но во всякомъ случаѣ ихъ описаніе любопытно. Никто не долженъ осуждать правы предковъ, ибо то въ нихъ время было приличнѣе теперь оно смѣшно и даже можетъ быть неблагопріимымъ. На все свое время. Если мы удивляемся многими странностями, описанными Петреемъ и Олеаріемъ, — а этому прошло болѣе 200 л., — то, что скажутъ о нашихъ нравахъ во истеченіи столѣтнихъ же лѣтъ? Вѣроятно многое будетъ осуждено, и то, что мы считали утонченнѣе, свѣжестію и изыскан-

ностію,—не будетъ ли предметомъ посмѣянія? Потомки наши будутъ удивляться: какъ мы не могли видѣть своихъ слабостей и недостатковъ, и не могли исправить ихъ!—Такъ и мы судимъ о своихъ предкахъ.—Мы могли увлекаться некоторыми вещами, предаваться многимъ постыднымъ увеселеніямъ и забавамъ, и между ними преимущественно картежной игрѣ! Нѣтъ сомѣнія, что послѣдняя забава будетъ болѣе всего осмѣяна, а съ нею и мы!—Не ужели нашъ вѣкъ осужденъ на изученіе однихъ картъ? Не ужели самое образованіе сосредоточилось въ картахъ?—На самомъ дѣлѣ это такъ. Отъ ученого до школьника, отъ званнаго до очаровательной невинности,—все погружено въ изысканіе картежной премудрости. — Горе намъ! но еще больше горя, что доселѣ не подумаемъ, въ какихъ мы впали ошибки, и какіе истекаютъ отсюда пороки, напримѣръ: страсть къ игрѣ, которая сокращаетъ нашу жизнь, потому что она вся проходитъ въ картахъ.

VII. ИЗМѢНЕНИЕ СВАДЬБЪ.

Вышедшіе изъ обычая многіе обряды. Выраженіе свадебныхъ пивней. Обрядъ престоцародной свадьбы до конца XVIII вѣка.

VIII. ОЧЕРКЪ НЫНѢШНИХЪ СВАДЕБНЫХЪ ОБРЯДОВЪ.

Разнообразіе свадьбы. Сватанье. Сговоръ. Повзжанье. Девичникъ. Расчесываніе косы. Выдача невесты. Отдѣланіе предъ вѣнцемъ. Появленіе дружки. Поводъ къ вѣнцу и вѣчаніе. Угощеніе. Веселіе. Уводъ молодыхъ въ сѣнникъ. Свадебный расходъ.

IX. СВАДЬБА ВЪ ПСКОВСКОЙ ГУБЪ.

Сватовство. Рукобитье. Смотряны. Отправленіе приданого. Баня. Вечеръ бояръ и девичникъ. Окончательный свадебный обрядъ.

X. СВАДЬБА ВЪ КОСТРОМСКОЙ ГУБЪ.

Сватовство. Сговоръ. Калымъ, лапша и баня. Продажа косы. Девичникъ. Замѣчаніе о снѣ невесты. Обряды предвѣщныя. Обряды послѣ вѣчанія. Дополненіе.

XI. СВАДЬБА ВЪ ОРЛОВСКОЙ ГУБЪ.

Сватовство. Сговоръ. Девичникъ. Продажа невесты. Поводъ молодыхъ. Приемъ молодыхъ.

ХІІ. СВАДЬБА ВЪ ОЛОНЕЦКОЙ ГУБ.

Сватовство. Плачь невесты послѣ заporученья или рукобитья. Сводъ жениха и невесты. Девичникъ. Обрядъ предвѣщальный. Окончательный обрядъ.

ХІІІ. СВАДЬБА ВЪ ВОЛОГОДСКОЙ ГУБ.

Сватовство. Сосватокъ. Девичникъ. Окончаніе свадьбы.

ХІV. СВАДЬБА ВЪ НИЖЕГОРОДСКОЙ ГУБ.

Сватовство или доброе дѣло. Совѣтливый сговоръ. Рукобитье. Приготовленіе къ свадьбѣ. Благословеніе молодыхъ. Угощеніе въ домъ невесты. Уводъ молодой въ свеникъ. Обдариваніе молодыхъ. Юнецъ въ честь молодыхъ.

ХV. СВАДЬБА ВЪ ПЕНЗЕНСКОЙ ГУБ.

Сватовство. Вечеринка у невесты. Благословеніе. Окончательный обрядъ.

ХVІ. СВАДЬБА ВЪ САРАТОВСКОЙ ГУБ.

Сватовство. Смотрны. Запой. Девичникъ. Вечеринки. Сборъ вечеринки. Обрядъ отъ начатія поезда до встрѣчи молодыхъ отъ вѣнца. Встрѣча молодыхъ и окончательный обрядъ. Голосовыя пѣсни.

ХVІІ. СВАДЬБА ВЪ СМОЛЕНСКОЙ ГУБ.

Главные лица въ засватаніи. Запѣвальный обрядъ. Благословеніе. Обдариваніе. Девичникъ. Благословеніе. Окончательный обрядъ.

ХVІІІ. СВАДЬБА ВЪ БѢЛОРУССІИ.

Сватовство. Заручины. Надѣлъ. Выкупъ молодой. Провожаніе къ вѣнцу и отъ вѣнца. Обдариваніе и окончаніе свадьбы.

ХІХ. СВАДЬБА ЛИТОВСКАЯ.

Заботливость дѣвушекъ. Сватовство. Малая попойка. Сговоръ. Окончаніе свадебнаго обряда.

XX. СВАДЬБА МАЛОРОССІЙСКАЯ.

Свѣдѣніе иностранца объ малороссійской свадьбѣ. Свойство веселья. Сватовство. Похвала молодымъ. Приходъ жениха. Сговоръ. Пированіе. Избраніе дружекъ. Печеніе короваевъ. Дѣвичникъ. Обрядъ предъ вѣнчаніемъ и послѣ вѣчанія. Встрѣча молодаго. Продажа невесты. Танцы. Кушанье. Покрываніе. Провоженіе молодыхъ и радость о благополучіи молодой. Покровеніе головы. Веселіе свадебныхъ гостей въ продолженіи недѣль.

XXI. СВАДЬБА ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВЪ МАЛОРОССІЯНЪ, САРАТОВСКОЙ ГУБ.

Сватовство, Пированье. Вечеръ у жениха. Печеніе короваля. Собираніе дружекъ. Благословеніе. Сажаніе на посадь. Отправленіе молодаго къ невестѣ. Молодые на посадь. Обрядъ до вѣчанія. Послѣ вѣчанія. Приемъ молодаго тещею. Покупка молодой. Сажаніе молодыхъ за столъ. Покрываніе молодой. Отвозъ приданнаго.

XXII. ЗАМѢТКИ О СВАДЕБНЫХЪ ОБРЯДАХЪ ВЪ ГУБЕРНІЯХЪ :

калужской, пермской, сибирской, эстляндской, въ земляхъ донскихъ казаковъ и между уральскими казаками.

УИ. ИЗМѢНЕНІЕ СВАДЬБЪ.

Обрядъ свадьбъ боярскихъ, дворянъ и простого званія, былъ весьма долгое время единообразно общій, и отличался только пышностію поѣзда и клязьменскими миромъ; свадебное же веселіе заключалось болѣе въ однихъ угощеніяхъ, ибо ни танцевъ, ни музыки тогда не знали еще. Не ранѣе половины XVII в. появились музыкальныя забавы, и то при дворѣ. Правда въ половинѣ XVI вѣка встрѣчаются гусельники и гудочники; но они веселили простой народъ по праздникамъ. Когда Петръ I. ввелъ, почти во всё забавы музыку, тогда она появилась на свадьбахъ. — Въ царствованіе Елисаветы измѣнились свадьбы еще болѣе, а нынѣ дворянство и простое сословіе отправляетъ ихъ совершенно отдѣльно. Дворянство, особенно живущее въ столицахъ и большихъ городахъ, заимствуя иностранныя обыкновенія, отчуждалось отъ своихъ отечественныхъ, и тогда уже названія дружекъ, сватовъ, свахъ, князъ и княгини, уже исчезли. Въмѣсто дружекъ ввелись шаферы. Вѣнчаніе сопровождается пышнымъ поѣздомъ, а свадьба сопровождается нерѣдко бальною музыкою и роскошнымъ вечернимъ угощеніемъ. Тутъ все широкое пьетъ шампанское за здоровье молодыхъ, съ провозглашеніемъ вмѣ

Выходше изъ
общаго
многихъ
обрядовъ.

счастія на многія лѣта. Музыка отвѣчаетъ на поздравительное провозглашеніе тухемъ, и послѣ угощенія разѣзжаются гости. — Всѣ роды танцовъ втѣснились въ брачное веселіе. Польской занялъ первое мѣсто. Коровай, перепечь, жареный пѣтухъ, уже считаются простонародными. Коровай замѣнили сахарными хлѣбами, украшаемыми цвѣтами и плодами. Варенья, конфекты и шоколадъ, вытѣснили медовые напитки. Хожденіе молодыхъ въ баню и кушанье каши въ постели, совсѣмъ изгнаны изъ употребленія. — Благословеніе молодыхъ иконою и хлѣбомъ солью, посаженнымъ отцемъ и матерью, еще въ употребленіи. — Посыпаніе жѣлѣзомъ и деньгами, опахиваніе соболями, снавіе въ холодной комнатѣ на ржащихъ снѣгахъ, обереганіе новобрачной спальни дружкойю, которой иѣблюю ночь ѣздилъ верхомъ на лошади съ обнаженной саблею, забыто во многихъ мѣстахъ. Раздѣваніе молодой въ овальнѣ, въ присутствіи посаженной матери и нѣкоторыхъ подругъ, еще продолжается. Въ наше время уже считается неприличнымъ, чтобы давать и свадебные пиры, называя это *купеческимъ разгуломъ*. По торжественномъ вѣнчаніи съѣзжаются гости, какъ говорится, на одну чашку чая и потомъ разѣзжаются. Это однако введено въ недавнее только время. Въ хорошемъ обществѣ избѣгаютъ утомительныхъ свадебныхъ веселій, и уже отъ воли молодыхъ, чтобы, въ замѣнъ свадебнаго пира, дать балъ или обѣденный столъ, спустя нѣсколько дней послѣ свадьбы. Дѣвичникъ, расплетаніе и заплетаніе косы, сопровождаемая пѣніемъ пѣсенъ, еще въ употребленіи въ простомъ сословіи. Надѣваніе кики съ фазою, замѣнено, между дворянами, убираніемъ головы цвѣтами и вѣнками, в особымъ подвѣнечнымъ покрываломъ, а вмѣсто цвѣтнаго платья, въ которое произвольно одѣвали молодую, нынѣ наряжаютъ въ бѣлое,

и весь наряд бѣлый, отъ головы до ногъ. Подруги молодой одѣваются тоже въ бѣлое платье, а голову украшаютъ цвѣтами. Женихъ, если онъ военный, бываетъ въ своей формѣ; гражданскіе же одѣваются по общепринятому обыкновенію. Самое замѣтаніе косы и уборка головы, производится парикмахеромъ, за нѣсколько часовъ до свадьбы, которая теперь по большей части происходитъ вечеромъ. — Вѣнчаніе днемъ бываетъ весьма рѣдко, даже между купеческимъ сословіемъ. — Въ Петербургѣ обѣды и пиры свадебные часто приготовляютъ по заказамъ.

Вообще, едва остались слѣды прежнихъ свадебъ между дворянствомъ, и должно сказать къ чести купеческаго сословія, особенно простаго, что оно бережетъ еще преданія старины.

Простонародныя свадьбы и свадебныя пѣсни, проникнутыя сердечными изліяніями чувствъ, выражаютъ дѣйствіе семейной радости или печальной разлуки. Тутъ каждое дѣйствіе запечатлѣно особыми приговорами и причетами. Сговоръ, дѣвичникъ, расплетаніе косы, одѣваніе и пр. напоминаютъ каждой дѣвушкѣ будущую обязанность жены и хозяйки, счастливую и несчастливую ея жизнь, горестъ и радость; однимъ словомъ: ей напоминаютъ, въ жалобныхъ пѣсняхъ, потерю счастливаго ея состоянія, когда она бывало лѣзлась подъ крыломъ нѣжной матери; оставленіе ею родимаго дома, отъѣзда въ дальнюю сторону, которая въ нашихъ пѣсняхъ называется *чужою*, ибо въ старину, оставить родительскій домъ, значило жить на чужой сторонѣ, — все это было для невесты не свое, не родное. Самый женихъ, который въ свадебныхъ и хороводныхъ пѣсняхъ величается *соболемъ* а невеста *черною кунью или кунцею*, былъ для нее *сужденою* или *суженою*, потому что онъ назначался родителями. Тогда же вошло въ пословицу: *сужденого котилъ не обьѣдемъ*, ибо

Выра-
женіе
свадеб-
ныхъ пѣ-
сней.

кого избирали родители, тотъ былъ для нее уже не однимъ суженымъ, но и назначеннымъ судьбою, и невеста не могла думать иначе, говоря: *моя судьба!* Самый обрядъ вѣнчанія, назывался въ старину *Божьею судьбою*. Это видно изъ самыхъ свадебныхъ пѣсней; наприм.:

Ивановъ конь рззовъ, (рззовъ)
 Машеньку везеть,
 Ко Божьему суду,
 Ко золотому вѣнцу

Или:

Я возьму тебя по праву руку,
 Поведу тебя къ суду Божьему,
 Къ суду Божьему, къ золотому вѣнцу,
 Отъ злата вѣнца къ себѣ на дворъ.

Иные думаютъ, что *куничное* и *куница*, употребляемыя въ старинныхъ свадебныхъ пѣсняхъ, происходятъ отъ норманскаго слова *копа* или *кипа*, означавшее женщину. Но по чему куничное или кумица обращено въ символическое значеніе женщины?—не объяснено словопроизводителями. Имъ хотѣлось только показать, что они знаютъ норманское слово *копа*, не имѣющаго никакого смысла съ куничнымъ. У Литовцевъ и даже во всей Европѣ было долгое время извѣстно *синагишм*, и оно означало окупъ за дѣвицу. Последнее значеніе болѣе всего ближе къ той истинѣ, что за невесту платили прежде, а это значило, что ихъ приобретали покупкою. У насъ было въ обычаѣ, еще въ началѣ Х. вѣка, что каждый молодой вносилъ податъ за сору невесту не черной куми, и это дѣлалось имъ для того, чтобы освободить новобрачную проводить первую ночь съ своимъ господиномъ, следовательно куничное или

или кунца, сначала окупъ за невесту. — Въ Литвѣ и Малороссіи былъ обычай: наказывать дѣвицъ, нарушившихъ цѣломудріе: ихъ сажали пра дверяхъ приходской церкви на желѣзной цѣпи. Эти цѣви въ Литвѣ назывались *кунцами* и *кунами*, а въ Малороссіи *кандалами*. — но и этотъ обрядъ съ значеніемъ куничьимъ, никакого не имѣетъ сходства.

Самыя древнія свадебныя пѣсни, какія дошли до насъ, суть не ранѣе XVII вѣка, покрайней мѣрѣ древнѣе ихъ не знаемъ. Упоминаемыя въ нихъ *ладо*, *турь* и *люли*, обращенныя потомъ въ *люли*, суть припѣвы а не имена языческихъ (славянскихъ) божествъ, какъ многіе объ этомъ думали, и доселѣ утверждаютъ нѣкоторые приверженцы старинныхъ припѣвовъ.

Простонародныя свадьбы совершались до конца XVIII в., почти какъ въ старину (*). На канунъ вѣнчанія приглашался въ домъ жениха семи или шести-лѣтній мальчикъ, для укладки вещей въ ларчикъ, кувшины для невесты, и въ тотъ же вечеръ женихъ отвозилъ ей подарокъ, который состоялъ изъ башмаковъ, серегъ, опашада, пражки, бѣлалъ, румянъ, перчатокъ, иголокъ, нитокъ и ножницъ. Въ тотъ самой день готовили баню для жениха и невесты: они ходили отдѣльно съ своими знакомыми, послѣдніе разглашали о предстоящей свадьбѣ. Отъ хожденія молодыхъ въ баню, вошло въ поговорку: *по рукамъ да въ баню*. —

Обрядъ
просто-
народ-
ной
свадь-
бы до
конца
XVIII в.

(*) Это подтверждается, кромѣ приведенныхъ примѣровъ изъ Кошикина, Петрея и Озарія, еще иностранными самовидцами XVIII вѣка: Phillips: *The Russian catechism*, изд. 1723 г.; King: *The rite and ceremonies of the greek church in Russia*, с. 238-252.

При празднованіи дѣвичника, садился женихъ съ невестою на мохнатой шубѣ, для изгнанія чаръ и порчи. — На другой день, предъ поѣздомъ въ церковь, тотъ же мальчикъ или братъ съ невестиною стороны, обувалъ невесту въ башмаки и продавалъ ее косу за гривну золотую. Чѣмъ дороже она продавалась, тѣмъ болѣе было чести для невесты. Косу хранили родные, а иногда сама невеста, которая, при видѣ своей косы, всегда вспоминала о дѣвической своей радости съ горькими слезами. Разстаться дѣвушкѣ съ косою, значило разстаться съ своею свободою.

Передъ поѣздомъ въ церковь, садился женихъ съ невестою рядомъ, на какой либо мѣхъ; свахи чесали имъ головы, обмакивая гребень въ медъ или въ вино, которое держалъ нарочный въ ковшѣ. — Потомъ осыпали ихъ осыпаломъ, т. е. деньгами, хмѣлемъ и зернистымъ хлѣбомъ; тутъ бывали брачныя свѣчи; вѣсомъ иногда по пуду; ихъ зажигали богоявленской свѣчю. Въ церковь возили съ собою вино въ склянницѣ, которое священникъ давалъ пить жениху и невестѣ; за третьимъ разомъ женихъ разбивалъ склянницу объ полъ, и топталъ ее ногою. — Въ церквѣ, во время вѣчанія, подстилали молодымъ подъ ноги камку или коверъ, а по верхъ ихъ соболи, кунницы или другой какой либо мѣхъ. Послѣ вѣчанія молодой долженъ былъ взять за руку свою молодую, и вестъ ее къ иконамъ, не опуская ея руки, иначе вѣчное будутъ между ними несогласіе. — Если при вѣчаніи не надѣвали вѣнца на голову невесты, по причинѣ ея головнаго убора, или кто либо изъ дружекъ только держалъ вѣнецъ надъ ея головою; то замѣчали, что тотъ бракъ будетъ несчастливъ, и жена непременно будетъ имѣть многихъ мужей и любовниковъ. Кто же изъ молодыхъ первымъ ступалъ на коверъ, подстилаемый подъ ноги,

тотъ будетъ имѣть власть во всемъ домѣ. — Поэтому предразсудку каждый изъ молодыхъ старался стать прежде на коверъ, и безъ ссоры выходила ссора.

При входѣ невѣсты въ домъ жениха, ея встрѣчали тесть и теща съ благословеніемъ и хлѣбомъ — солью. Она же съ своимъ молодымъ падала имъ въ ноги, три раза; ихъ столько же разъ поднимали, и потомъ сажали на почетное мѣсто и угощали. Гости пѣли радостныя пѣсни, величали княземъ и княгиню. Послѣ шумной веселости, раздавались иногда нескромныя пѣсни.

Городъ Торопецъ (псковской губ.), кажется отличался особымъ нарушеніемъ приличія. — Тамъ женихъ и всѣ его домашніе нарочно приглашали дѣвокъ, чтобы встрѣтить невѣсту, когда она входила въ домъ жениха такимъ образомъ: дѣвки, стоя на крыльцѣ, приветствовали ее: *намъ чиль бы Василисчишка, во твѣхъ зубажѣ! Ажно она беременна. Ты несешь ли люлечку? ты ведешь ли нянечку? оглянись-ко ты назадъ, полюбовкики стоять, да по грамоткѣ держать* (*).

Новобрачныхъ вводили въ свадебную комнату при пѣніи; ихъ сажали подъ образами за дубовымъ столомъ, покрытымъ бранными скатертями (**); послѣ почивали ихъ медомъ и перепечью; гости предавались во весь день веселостямъ и угощались, дружкою и свахою. Потомъ открывали обѣденный столъ, на коемъ, между многими хлѣбами, калачами, перепечью, медо-

(*) Чулков. Абевега русск. суевѣр., с. 46. изд. 1786 г.

(**) *Бранными* значило хорошо убранными или украшенными искусной работою, которыми застилались столы въ большіе праздники и радостные дни, (свадьбы).

выши и слоеными пирогами, столъ богатый поросай. Когда подавали на столъ жаркое, тогда дружка, обернувъ блюдо съ жаркимъ, калачемъ и салонкою, верхней скатертью, относилъ въ сѣнникъ и ставилъ на столъ у постели. По разрѣзываніи коровай, подносили первый кусокъ молодымъ съ чаркою вина, и потомъ вводили ихъ въ холодный сѣнникъ. Пирующіе оставались въ свадебной комнатѣ, и продолжали ѣсть и плясать подъ звукъ трубъ и бубенъ, а иногда органовъ и волынки, до самаго разсвѣта.

У головахъ постели ставили брачныя свѣчи, вѣткнувъ ихъ въ кадъ съ пшеницею, которую не снимали въ продолженіи всего года. — Сѣнникъ приготовлялся съ особыми обрядами: по всѣмъ четыремъ стѣнамъ покоя вѣшали образа, а въ головахъ постели, надъ окнами и дверьми, ставили по *создательному* кресту; по четыремъ угламъ втыкали по стрѣлкѣ, на ней по соболу или куницѣ; недостаточныя же вѣшали простые вѣха и втыкали по калачу; на лавкахъ разставляли по угламъ оловянники съ медомъ. —

Отецъ посаженный едалъ новобрачную въ дверяхъ сѣнника, нареченному ея мужу, и говорилъ: *иди на дѣло благословенное.*

Молодой садился на постель, а молодая снимала съ него сапогъ; въ то время онъ билъ ее три раза по спинѣ плетью. — Тысяцкая, надѣвъ на себя двѣ шубы, одну какъ должно, а другую на выворотъ, осыпала молодыхъ осыпаломъ и кормила ихъ жаркимъ на постелѣ. Во всю ночь ѣздилъ дружка на конѣ, около сѣнника, съ обнаженной саблею. По утру приходили свахи, тысяцкая и дружка, чтобы разбудить молодыхъ, и поднимали одѣяло стрѣлою. Въ случаѣ нецѣлѣмудрїа невѣсты, тогда подносили ея матерѣ стакашъ со скважиною, наполненный пивомъ или медомъ. Ко-

гда мать брала стаканъ въ руки, тогда питье текло чрезъ скважину, которую сваха, прижавъ пальдемъ, скрывала отъ всѣхъ. . . . Благополучныхъ молодыхъ водили въ мыльню ; послѣ ихъ кормили въ постелѣ кашею ; молодая дарила своихъ гостей платочками, лентами, полотенцами и плодами. — Когда молодой паходился съ своею женою въ мыльнѣ, тогда теща присылала ему новое платье въ подарокъ. — Родные новобрачныхъ дѣлали отъ ихъ имени обѣдъ для знакомыхъ, которые взаимно угощали ихъ, и такимъ образомъ протекала вся недѣля на *радостяхъ*. — Первый мѣсяцъ новобрачныхъ именовался *медовымъ*, и это названіе произошло отъ того, что молодыхъ подчивали однимъ медомъ, угощали и веселили ихъ. Въ наше время первый мѣсяцъ молодыхъ принять въ обратномъ смыслѣ, — а потому любятъ поговорить на ихъ счетъ. —

VIII. ОЧЕРКЪ НЫНѢШНИХЪ СВАДѢБНЫХЪ ОБРЯДОВЪ.

Разно-
образіе
свадьбъ.

Невозможно начертить однообразнаго отправленія простонародныхъ свадьбъ, потому что онѣ не только чрезмѣрно различныя, но перемѣнчивыя, и это зависитъ отъ мѣстныхъ привычекъ и образа жизни. Самыя пѣсни, употребляемыя при сватаньи, сговорахъ, выходѣ замужъ, женитьбѣ, осыпаніи неvěсть, подаркахъ, прощаніи съ родителями и т. п., не вездѣ поются одинаково; но повсюду главныя дѣйствующія лица: свахи, сваты и дружка. Ими затѣвается *доброе дѣло*, и ими оно оканчивается. Безъ нихъ нельзя обойтись ни неvěстѣ, ни жениху.

Чтобы познакомить нѣсколько съ общимъ духомъ *радостей*, я почелъ неизлишнимъ слать ихъ въ представляемомъ здѣсь образцѣ, который отнюдь не касается отдѣльной какой либо мѣстности, или какаго нибудь края; но выражаетъ общую мысль нынѣшнихъ отправленій. Такое предварительное ознакомленіе, казалось мнѣ тѣмъ болѣе необходимымъ, что я видѣлъ повсюду разнообразіе. Безъ общаго взгляда нельзя объять вдругъ многообразныхъ свадьбъ, хотя

въ сущности и значеніи одинаковыхъ, однако при совершеніи не сходныхъ.

Лучшая пора для свадьбы бываетъ осенью, послѣ снітія хлѣба, и зимою. Тогда въ деревняхъ и городахъ веселіе. Молодые обоюго пола забавляются не одними играми и не въ однихъ играхъ ищутъ своей радости, но въ сердечныхъ призваніяхъ. Они какъ бы не любили другъ друга, но безъ согласія родителей не могутъ приступить къ важному дѣлу. — Родители, замѣтивъ взаимно любящихся, долгое время ничего не говорятъ имъ, будто бы ничего не знаютъ; они ожидаютъ или ихъ приманія или обрядныхъ дѣйствій, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда со стороны того либо предвидится затрудненіе. —

Сватъ или сваха берутъ на себя покончить дѣло. Если сваха отправляется за *добрыми дѣломъ*, такъ называется сватанье, то обыкновенно со стороны дѣвушки. Нарядившись какъ можно по лучше, она является въ домъ жениха съ поклономъ. Ставъ въ порогахъ, она молится образамъ, потомъ кланяется хозяину, хозяйкѣ и ея сыну, а наконецъ во всѣ четыре стороны. Они давно знаютъ за чѣмъ пришла сваха, потому просятъ ее садиться и спрашиваютъ ее: откуда идешь? съ далека ли? — Изъ далека, отвѣчаетъ она родимые мои; дороженека трудная и я крѣпко поустила. Зная напередки, что вы добрые люди, зашла къ вамъ обогрѣться. Не прогнѣвайтесь, безъ дѣла мнѣ бы не яти. Я шла одинохенька, по черному лѣсу; тутъ бѣжалъ соболю и мнѣ дореженьку перобѣжалъ, и по той тропинкѣ, къ вашей избушкѣ, довелъ меня. Иду со сторонущи дальшой, не родной; но отъ родимыхъ красной дѣвицы. Изнываетъ ее сердечушко по добромъ молодцѣ; она сохнетъ въ одиночествѣ, будто травка на горячемъ пескѣ. Полюбила красная душа—дѣвица.

дѣтислушку : и не мнѣ ей Вожій свѣтъ ! Хотя жалѣй, сударь, не жалѣй, отвѣтъ то надевно держитъ. Женихъ присѣдетъ, на него посматриваетъ сваха и продолжаетъ : кормилецъ мой, батюшка ! не кидается дѣвица на цвѣтное платье, кидается дѣвица на леваго сокола. Ты охочь, умная головушка, дѣвушкѣ смахивати ; скажи, охочь ли дѣвицу дарить, не рублемъ, не подтиною, а своимъ дорогимъ словцомъ ? Ты скажи, на что прельстился ? съ кѣмъ тебѣ вѣнъ вѣковати ? Я порадуясь радостью подлѣ суженаго, подлѣ суженаго, подлѣ ряженаго, съ родямою матушкою, съ роднымъ батюшкою. Если женихъ не отвѣчаетъ, то мать его говоритъ : дитя мое, дитятко, дитя мое ! не напрасно ты расчесывалъ свои кудри черныя, передъ зеркальцемъ хрустальнымъ ! Не напрасно умывался ранешенько, ключевой холодною водицей ! Станетъ ли ихъ завивати красная дѣвица, аль нѣтъ, совиѣтъ да любовь надобенъ тебѣ. Развиваются кудри отъ тоски и отъ кручинушки, отъ веселья и отъ радости. Тебѣ съ суженою не часъ часовати, ни годъ годовати, тебѣ красную дѣвицу не воспоминави, а вѣнъ съ нею вѣковати; вѣновати съ женою.—Сынъ отвѣчаетъ : ужъ про то благословеніе Вожіе, да ваше, батюшка и матушка, чтобы вѣнцы золотые положить.

Послѣ простодушныхъ съ обѣихъ сторонъ разговоровъ, подносятъ свахѣ чарочку зеленого, съ честью и любовью. Пьютъ за здоровье другъ друга, и когда сойдутся между собою въ условіяхъ на бракосочетаніе и самое приданое ; тогда отецъ и мать избираютъ съ своей стороны свата, для окончательныхъ переговоровъ съ родителями невесты.

Сватъ одѣвается въ новый армякъ, подносясьвается краснымъ поясомъ, надѣваетъ на голову шегольскую шляпу съ кистью или перомъ павлинымъ ; шеню обя-

зываетъ пестрымъ, преимущественно краснымъ платкомъ.—Этотъ нарядъ горожанъ больше и зажиточныхъ деревенскихъ. Онъ отправляется въ домъ съ поклономъ, сначала одинъ. У дверей принимаютъ его какъ незнакомаго; онъ кланяется св. образамъ, потомъ хозяйкамъ, а наконецъ во всё четыре стороны. Здравствуй хозяйнъ съ хозяйкой, начинается онъ говорить первый, съ твоими дѣтьми и твоей красною дѣвицею. Ыхаль и запутался: ночь темная и не мѣсячная; тутъ засвѣтился у васъ во теремѣ огонекъ.—Родимый, отвѣчаетъ хозяйнъ, для добрыхъ людей наша избушка, — добро жаловать. Но кто ты батюшка? господишъ баринъ, аль купецъ? товары али какіе везешь, и знать далече.—Свать, поглаживая бороду и посмотривши на сторону, говоритъ: мы товариы развозимъ, батюшка родимый, для праздниковъ радостныхъ, для дѣвицъ суженыхъ. Къ тебѣ мы ѣдимъ не гостить, не праздновать; но пиръ подымати. Мы слышали, а про те намъ слызывали добрые люди, у тебя, во высокомъ терему, живетъ красная пригожая. Она то намъ надобна. На то-ль цвѣты растутъ, чтобы вянуть. На то-ль во пирю рязаная, чтобы сердце кручинить? — Невѣста не смѣетъ поднять глазъ, мать молчать. Обѣ въ недоумѣніи; не знаютъ что отвѣчать.—Красная дѣвица думаетъ думу съ своею родной матушкой. Смѣлый свать, угадывая изъ робкое молчаніе, продолжаетъ: ростомъ онъ тонокъ и высокъ, лицомъ бѣлъ и румянъ; кудри русые по плечамъ лежать; брови дугой любовной свились; глаза ясные, соколиные; губы сахарные, поцѣлуйные, жемиться велятъ. Не одиновествовать дѣвущкѣ,—съ милымъ дружкой ей жить.—Мать отвѣчаетъ: о, свать мой, сватушка! весна цвѣтетъ и разцвѣтаетъ, по обычаю своему; и красъ не всегда цвѣсти, и отцвѣтъ се наступаетъ; не все матушкѣ жить

съ дочкою, не все ее дѣлѣти: намъ написана съ нею разлука, и мнѣ уже ея не любоваться; и не красоваться: ея красоваться доброму молодцу. Дѣвушка всему хорошо выучена: цвѣтики сажать, яблонки поливать, ткать, прѣсть и золотомъ узорки вышивать; давно лежатъ для ней, въ большихъ сундукахъ: атласы, бархаты, сарафаны самоцвѣтные, съ пуговицами золотными, каменья, жемчуги и крупныя зарукавица; полотно тонкія и дорогія, бѣлы скатерти камчатны; пуховая постель, кисейное изголовье со алыми бантиками; одѣялицо собольное и всякаго разнаго цвѣта уборы запасныя. — Не надобнѣ намъ, шатушка сударыня, отвѣчаетъ свать, ни каменьевъ дорогихъ, ни самоцвѣтныхъ платьевъ; надобнѣ намъ сговоръ величати. — Хозяинъ въ это время не принимаетъ участія въ ихъ разговорѣ; онъ только слушаетъ, но видя, что жена соглашается на выдачу дочери замужъ, велитъ подать на столъ калачи, хлѣбъ-соль и подносить первую рюмку свату, который, выпивая за здоровье веѣхъ ихъ, желаетъ невѣстѣ счастья и *богатства*. Потомъ, поговоривъ о сговорѣ, назначаютъ время бракосочетанію. — Дѣвица—невѣста сидитъ и ничего не говорить; она уже знаетъ своего суженаго, или, если не знаетъ, то должна повиноваться волѣ родителей, которые сами избираютъ ей мужа. Однако, нынѣ и въ деревняхъ дѣвушки сами избираютъ себѣ жениховъ.

Сговоръ. Послѣ взаимныхъ соглашеній къ свадебному приготовленію, молодые обсылаютъ другъ друга подарками. Невѣста посылаетъ своему жениху шитую ширинку, ризными шелковыми узорами, а женихъ ларчикъ съ лентами, иголками и нитками, иногда съ сурмомъ (нрумянами), бѣлилами и шелковою плетьюю. Или женихъ въ сопровожденіи свата, дружки и другихъ сво-

ихъ знакомыхъ, ѣдетъ къ невѣстѣ и самъ даритъ свою суженую и ея родителей золотой парчею : эти подарки по ихъ сердцу, и тогда теща ласковая и тесть поклонистый, ибо суженая-ряженая запоручена за поруки вѣркія, вѣковыя. Родные жениха съѣзжаются въ домъ невѣсты, и поруки довершаются сговоромъ любовнымъ. Свахи и сваты, участвующіе здѣсь, усаживаютъ всѣхъ за дубовые столы, крытые бѣлымъ полотномъ ; ставятъ на столы яства медовыя, пряженныя, перепечи, калачи, хлѣбы пшеничныя, пироги съ начинкой; сыту, медъ, вино разноцвѣтное : зеленое, травяное съ кардамономъ, шафраномъ, гвоздикомъ, съ перцемъ, корицею и пряники медовыя и орѣхи каленыя. — Гостепріимство увеличиваетъ общую радость. Женихъ съ невѣстой сидятъ рядомъ. Чарка круговая ухаживаетъ гостей, а молодые посматриваютъ другъ на друга.

Сговоръ часто превращается въ свадебное веселье. Тамъ сваха и сваты хвалятъ богатое приданое, и поютъ пѣсни сговорныя въ честь молодыхъ и родителей. При пѣніи произносятъ имена тѣхъ, кому поютъ.

Не тесанъ теремъ, не тесанъ,
Только хорошо украшенъ,
Разными красками разцвѣченъ.
Не ученъ Лука, не ученъ Ивановичъ,
Только хорошо снаряженъ.
Снаряжала его матушка,
Отпущала въ гости къ тещенкѣ.

Зеленъ сосенка желтый цвѣтъ!
Почто тебя Лука дома нѣтъ?
Почто тебя Ивановичъ дома нѣтъ?
Ждала я тебя день, ждала другой,
Не бывалъ! — Писала бы письмо, не умью,

Послала бѣ посла, не смѣю.
 Сама бѣ я пошла, стыжуся;
 Роднова батюшки боюся,
 И родной матушки.

Ты зоря ль моя, зорюшка,
 Ты душа ль моя Прасковьюшка,
 Ты душа ль моя Андреевна,
 Городомъ пришла зарею,
 Ко двору пришла тучею,
 Вдарила въ ворота бурею,
 Пустила по двору сильный дождь,
 Сама поплыла уткою,
 На крыльце взошла павою,
 Во новы свини лебедемъ,
 Садилась за столомъ съ колодцомъ,
 Махнула платкомъ во теремъ. —

Вы раздайтеся бояре,
 Разступитесь дворяне!
 Чѣмъ меня батюшка жалуетъ?
 Не большимъ даромъ, — теремомъ.
 Чѣмъ меня матушка жалуетъ?
 Вѣдь большимъ — женихомъ.
 Вьковымъ дружкоймъ Лукой,
 Вьковымъ дружкоймъ Ивановичемъ.

Пѣніе сговорныхъ пѣсенъ сопровождается иногда пирующими гостями. Воспѣвая любовь двухъ молодыхъ, касаются часто, какъ сначала полюбились молодые.

Не ходитъ было Прасковьюшкѣ,
 Не ходитъ было Андреевнѣ,
 На широкій дворъ гулять,
 Въ хороводы играть.

Не смотрѣть было Прасковьюшкѣ,
 Не смотрѣть было Андреевѣ
 На молодыхъ молодцовъ,
 На молодыхъ изаряженныхъ.
 Приглянулся Прасковьюшкѣ.
 Приглянулся душѣ Андреевѣ.
 Молодой молодецъ,
 Молодой изаряженной
 Лука сударь Ивановичъ,
 Не хочеть съ нимъ растатся,
 Но хочеть насъ оставити, —
 Позабывши батюшку и матушку.

Женихъ боится, чтобы не вывели его любовныхъ похожденій, обыкновенно превращаемыхъ въ вносканія.

Леталъ соловьюшка
 По зеленому по кустарничку,
 По чистому по березничку;
 Залеталъ соловьюшка
 На веточку, не вѣдаючи.
 Ужъ та-ль веточка приманчивая,
 Ужъ та-ль зеленая прилюбчивая,
 Соловью показала,
 Громкому понравилася,
 Не хочеть съ ней и разетатся.

Гулялъ Лука господинъ,
 Лука сударь Ивановичъ
 По чистому полю, по зеленому,
 По зеленому по широкому.
 Загулялъ, господинъ Лука,
 Лука сударь Ивановичъ,
 Къ Бонну въ домъ не знаячи,
 Къ Гавриловичу не вросучи.
 Смотрѣлъ на двяиду красную

Прасковьюшку душу Андреевну.
 Ужь она-ль, свѣтъ Андреевна,
 Хороша, пригожа уродилася,
 Не можетъ съ ней разстатися,
 А хочетъ съ ней обвѣнчатися.

Хвала прелести, красоту и доброту невесты, не забываютъ напомнить ей отцу, что гости не даромъ къ нему собрались: гости ряженные, въ бархатныхъ кафтанахъ и золоченныхъ сарафанахъ, съ поѣздомъ большимъ и конями многими.

У Андрея Петровича
 Новыя свѣи разрѣшались,
 Новыя крылечки понавѣсилися.
 Что изъ тѣхъ ли, изъ новыхъ свѣей
 Вылетала пташечка, перепелочка,
 Перепелочка, свѣтъ Прасковьюшка,
 Златокрылая Андреевна.
 Какъ на встрѣчу ей идетъ
 Батюшка родимой,
 Андрей Петровичъ,
 Идетъ, самъ приговариваетъ :
 Ты зачѣмъ рано вонъ вылетаешь?
 Вонъ вылетаешь изъ высокаго терема,
 Изъ высокаго терема, изъ косящета окошечка!

Отвѣтъ держать Прасковьюшка,
 Свѣтъ Андреевна :

Не сама я вылетаю,
 Не своєю я охотою :
 Выдаетъ меня, сударь, батюшка,
 Снаряжаетъ родна матушка,
 Къ чужому отцу, къ матери,
 Къ чужому роду, племени.

Всякій сговоръ, есть начало свадьбы. Послѣ него молодые имѣютъ право видѣться между собою чаще. На сговорѣ, или какъ въ другихъ мѣстахъ называютъ на *помолавь*, надобно всѣмъ веселиться, чтобы не приключились несчастія молодымъ, а потому сваха и сваты не жалѣютъ ни яствъ, ни кушанья: то и дѣло что подчиваютъ.

Когда сговоръ кончился весело и благополучно, тогда ^{Поѣзжанье.} составляются *поѣзжанья* и разѣзды.—Сваха и свать съ своими дружками, ѣздить по сосѣдамъ просить ихъ на *радость великую*, и рѣдкій домъ, который выпустить ихъ не угостивши. — Чаще случается, что самъ женихъ, въ сопровожденіи дружки, тысяцкаго и бояръ, ѣздитъ просить на свадьбу. Онъ обыкновенно бываетъ одѣтъ въ новое платье; шапка его перевивается разноцвѣтной лентою, а у прочихъ на шапкѣ ленточный цвѣточекъ или прикалываютъ просто ленты, которыя раздаются со стороны жениха. Также поступаетъ невѣста: она съ своими дружками, тысяцкою и боярынями разѣзжаетъ по знакомымъ въ нарядной одеждѣ и просить ихъ на празднество: ее дарятъ, кто чѣмъ богатъ, и угощаютъ медомъ и водочкою. Онѣ ѣздить на повозкахъ, которыя бываютъ разрисованы разными красками: зеленою, голубою, синею и красною; сбруя лошадей вычищенная, или новая. — Сопутствующіе въ поѣздѣ невѣсты и жениха, называются *поѣзжанными*. Въ дружки избираются лучшіе друзья и приятели жениха; тысяцкіе и бояры составляютъ свиту молодыхъ: чѣмъ она многочисленнѣе, тѣмъ болѣе чести и уваженія для молодыхъ. — Хотя вся деревня или городъ знаютъ про свадьбу, но никто не явится на нее безъ приглашенія: такъ заведено испоконъ вѣка. — Къ празднеству приглашаютъ, смотря по состоянію, гудочниковъ, скрипача, литаврщиковъ

съ бубнами и басомъ. О, тогда веселіе немолкаемое: скачутъ и пляшутъ до упаду, кто какъ гораздъ.

По приглашеніи сосѣдей, готовится съ стороны жениха свадебный пиръ, а со стороны невѣсты приготавливаютъ приданое. Подруги собираются къ невѣстѣ, чтобы укладывать въ сундуки ея приданое, и поютъ:

Яблочко въ саду ростеть,
Наливное на вѣточкѣ.
А кто-жь у насъ яблочко?
А кто-жь у насъ наливное?

Ой ляли, ляли,
Наливное яблочко!

Яблочко Прасковьюшка,
Ой свѣтъ Андреевна!
Какъ за Прасковьюшкой батюшка
Даетъ приданаго:
Гусака чубараго,
Да и гусыню сърую,
Да и коня съ конюшни,
Да и село съ помѣстьями.
Государь ты, мой батюшка!
Какъ гусакъ ва моя,
Какъ конь гульба моя,

Ой ляли, ляли,
Село со помѣстьями!

Дѣвич-
никъ.

Не рѣдко въ тотъ самый день бываетъ дѣвичникъ, который всегда совершается вечеромъ, на канунѣ свадьбы. Какъ при свадебныхъ обрядахъ, такъ и на дѣвичникѣ поются особыя вѣсни и причтанія, выражающія разтаваніе невѣсты съ своей свободою. — Дѣвочки собираются въ избу невѣсты, въ нарядныхъ

платяхъ. Послѣ взаимныхъ привѣтствій, нечувствительно завязывается разговоръ о предстоящемъ празднествѣ.—Если замѣчаютъ, что невѣста печальная или уже въ слезахъ; то стараются утѣшить ее: уговариваютъ и ласкаютъ. Потомъ разсматриваютъ ея уборы, примѣряютъ къ ней и хвалятъ ихъ. Когда смеркнется, тогда зажигаютъ нѣсколько свѣчей и ставятъ ихъ на столѣ, покрытомъ браною скатертью; послѣ приносятъ хлѣбъ-соль и коровай. Хлѣбомъ солью напоминаютъ, что отецъ и мать давно ее благословили на *доброе дѣло*, а короваемъ, что свадьба уже готовая.—Невѣсту сажаютъ на возвышенное мѣсто; подруга дѣлаютъ около нея кругъ; одна изъ нихъ, избранная съ *причитальщицы*, для произношенія приговоровъ, покрываетъ голову невѣсты фатою, и причитаемыми своими напоминаетъ всѣмъ, что *Парасковьюшка* оставляетъ веселый ихъ кругъ, и навсегда растается съ ними и съ дѣвической радостію. Невѣста и подруга плачутъ.—Нѣтъ правилъ для дѣвчаника: иногда всѣ дѣвушки поютъ причитальную пѣсню, а иногда одна причитальщица, и тогда ей отвѣчаютъ за невѣсту. — Нѣкоторыя изъ пѣсень на дѣвчаникъ весьма трогательныя.—Причитальщица поетъ:

Свѣтъ ты, моя волюшка,
 Свѣтъ ты, моя вѣгущка,
 У родимой матушки!
 Куда-то свою волюшку
 Мнѣ пустить будетъ?
 Пущу я мою волюшку
 Во чистое поле,
 Во темной лѣсъ.
 Во темномъ лѣсѣ она запутается.
 Нѣтъ пущу я мою волюшку,
 По милымъ подруженькамъ.
 Покрасуйтея подруженьки,

Покрасуйтея любезныя,
 Поколь вы у батюшки!
 Поколь вы у матушки!
 А я горькая, горемычная,
 Я уже открасовалась,
 Отшутила я съ вами
 Всъ шутки шутливыя. —

На слова причитальщицы отвѣчаютъ :

Не кличь, не кличь лебедушка,
 Не кличь во полѣ бѣлая!
 Не плачь, не тужи Прасковьюшка,
 Не плачь, не грусти, душа Андреевна!
 По батюшкѣ и по матушкѣ,
 По громкомъ соловью во саду!
 Какъ свекорь ли батюшка
 Къ тебѣ будетъ милостивъ,
 Какъ свекровь ли матушка,
 Къ тебѣ будетъ милостива.
 Лука, сударь Ивановичь
 У тебя соловей во саду,
 Во высокомъ терему,
 Во высокомъ изукрашенномъ.
 Денечкѣ онъ кричитьъ,
 И всю ночьеньку поеть.
 Тебя ли Прасковьюшку,
 Тебя ли свѣтъ Андреевну
 Забавляетъ, утѣшаетъ,
 Спать долго не мѣшаетъ,
 Къ обѣднямъ разбуджаетъ.

Разчесываніе
косы.

По снятіи фаты, разчесываютъ волосы гребнемъ ;
 потомъ одна изъ дѣвушекъ, расплетая косу, поеть :

Коса моя, косынька,
Коса дорогая,
Русая, золотая!

Дѣвушка, помогающая расплетанію, отвѣчаетъ:

Рано тебя расплетати,
И въ дальній путь,
Въ дальній снаряжати!

Когда расчешутъ голову и приступятъ къ заплетанію косы, тогда невѣста поетъ протяжно и съ плачемъ:

Не жаль мнѣ золота,
Не жаль чистаго серебра,
Жаль одного:
Девичьей красы
Русой косы.

Ей отвѣчаетъ одна изъ подругъ:

Не плачь, не плачь душа Прасковьюшка,
Красныхъ дѣвушекъ не кручини!
Не слези лице былое,
Рученокъ не ломай!
Не вѣкъ намъ дѣвовати,
И волюшку распѣвати.

Расплетаніе косы всегда сопровождается горестными воспоминаніями (*)

(*) Весьма известна пѣснь вдохновеннаго Цыганова, про житье дѣвичье. Весьма известно такъ же, что эта пѣснь содѣлалась народною, потому что въ ней весьма справедливо подмѣчена грусть дѣвушки.

Когда заплетаютъ косу, тогда поютъ:

Свьтъ ты коса моя, русая ;
Свьтъ ты, мой шелковой косникъ !
Плети ты, моя невстущка,
Плети косу мелко на-мелко,
Вяжи узлы крѣпко на—крѣпко !

Заплетаніе косы происходитъ съ изысканностію: воло-
сокъ подбираютъ къ волоску; переплетаютъ и перевязыва-
ютъ осторожно черными шнурочками, потомъ плетутъ
въ одинъ рядъ. Въ то время пріѣзжаетъ со стороны же-
ниха братъ, сваха или кто другой, чтобы купить косу.

Не шей ты мнѣ, матушка,
Красный сарафанъ.

Не входи родимушка,
По пусту въ изъездъ!
Рамо мою космыку
На двѣ расплетать. —
Приважи мнѣ русую
Въ ленту убирать!
Пушай не попрыгала
Шелковой фатой,
Очи молодецкія
Веселить собой!
То ли житье дѣвичье,
Чтобъ его мѣнять,
Торопиться ламужьемъ,
Охать да вздыхать?
Золотая волюшка
Мнѣ милѣй всего!
Не хочу я съ волюшкой
Въ свѣтъ ничего!

«Дитя мое дитятко!
Дочка милая!
Головка побѣлала,
Неразумная!
Не вѣкъ тебѣ пташечкой
Звонкой расцѣвять,
Легкокрылой бабочкой
По цвѣтамъ порхаты!
Поблекнуть на пещенькахъ
Маковы цвѣты....
Прискучать забавушки,
Стоскуешься ты!
А мы — и при старости
Себя веселимъ :
Младость вспоминаючи,
На дѣтей глядящія :
И я молодешенька,
Была такова ;
И мнѣ тѣ же въ дѣвущкахъ
Пѣлися слова!»

Эта самая пѣсня поется часто на дѣвичникахъ въ самомъ
лучшемъ кругу. Тогда невеста не машутку придоминаетъ се-
бя, что она навсегда разстается съ дѣвической свободой, и
совсѣмъ заманчивыми ея прелестями.

Братъ невѣсты, котораго мѣсто заступаеъ часто Покупа
косы.
дѣвушка, торгуется съ нимъ за косу. На покупку косы
поютъ :

Не трубушка трубила рано на зарѣ,
Свѣтъ дѣвица плакала по русой косѣ :
Вечеръ мою косыньку перевыли,
И жемчугомъ косыньку унизали,
Какъ Богъ суди Луку Ивановича,
Прислалъ ко мнѣ сваху немилостиву,
Учала мою косыньку рвать, порывать,
И золото съ косыньки обрывать,
И жемчугъ съ рюссы разсыпати.

Покупающій косу стоить у двери и клянется; онъ
уже идетъ за косою, но дѣвушки останавливаютъ его;
невѣста плачетъ и рыдаетъ. Она обращается къ сво-
ему брату, умоляетъ его защитить ее и не продавать ее
косы, а если продать, то уже продать дорого. Дѣвушки
поютъ :

Братецъ постарайся,
Братецъ поломайся!
Не продавай сестру
Ни за рубль, ни за золото.

Братъ поетъ одинъ :

Брату мила сестра,
А золото мнѣй.

Всѣ дѣвушки :

Братецъ Татаринъ,
Продажь сестру за талеръ,
Русу косу за полтину.

Въ червонои Россіи поютъ :

Он Татаръ братчикъ, Татаръ,
 Продавъ сестру за таларъ,
 Русу косу за шостакъ,
 Быле лычко за такій такъ. —
 Видсунься брате видъ сестры,
 Сяде ближнійшій нижлы ты.

Выдача
 невесты.

Купившій косу, подходитъ къ невестѣ, беретъ ее
 за косу, а въ знакъ того, что она уже продана,
 кладетъ деньги на столъ, а братъ выдаетъ свою се-
 стру.

Какъ вечеръ канарейка
 Да громко щекотала,
 По утру рано
 Не слыхать ее стало,
 Щекотать перестала.
 Знать, что къ нашей канарейкѣ
 Соколы прилетали
 И съ собой ее взяли,
 Соколу въ руки дали,
 Молодому вручали:
 Ты владѣй, владѣй соколъ,
 Нашей канареечкой;
 Не давай ее въ обиду
 Ты ни ласточкамъ, ни касаточкамъ,
 Ни молоденькимъ пташечкамъ.
 Да вечеръ, свѣтъ Прасковьюшка,
 Да громко говорила;
 По утру ли рано,
 Не слыхать ее стало,
 Говорить перестала.
 Знать, что къ нашей Прасковьюшкѣ
 Да бояре приважали
 И съ собой ее взяли,
 Молодцу въ руки дали,
 Молодому вручали:

Ты владѣй, владѣй Лука,
 Еще нашей Прасковьюшкой
 Андреевнѣ душою.
 Не давай ее въ обиду
 Ты ни свекору, ни свекрови,
 Ни деверямъ, ни воловухкамъ ;
 Ты давай выспаться ей
 До девятого часу.

Выносятъ наряды невѣсты и ими любятъся. По-
 томъ сажаютъ ее за дубовый столъ и поютъ коровай-
 ную:

Ужь какъ коровай
 Для всей семьи годенъ!
 Молодой княгинѣ,
 Завтра кушать,
 Молодому князю
 Да княгиню любить.

Въ иныхъ мѣстахъ есть предубѣжденіе, что если
 невѣста на канунъ свадьбы отвѣдаетъ коровай; то
 мужъ не будетъ любить ея. Послѣ коровайнѣ пѣсни,
 поютъ еще многія другія, сообразуясь съ духомъ не-
 вѣсты: веселая ли она, или печальная? Мать невѣ-
 сты угощаетъ дѣвушекъ, и послѣ угощенія онѣ рас-
 ходятся по домамъ, и на слѣдующій день собираются
 по утру убирать невѣсту къ вѣнцу.

Предвѣнечный уборъ сопровождается пѣніемъ пѣ-
 сней. Платье молодой обыкновенно бываетъ новое: Одѣв-
 ніе
 предъ
 вѣнцомъ сарафанъ парчевый, изъ подъ котораго нарочно выка-
 зываютъ рукава бѣлой рубашки; башмаки цвѣтные:
 красные или голубые; на груди монисто изъ кораль-
 ковъ красныхъ или бисера разноцвѣтнаго; въ ушахъ
 серги длинныя съ камнями, на пальцахъ кольца зо-
 лотыя; шелкова душегрѣйка по верхъ сарафана, и цвѣ-

ной пестрый платокъ; голова бываетъ перевита цвѣтами. При поѣздѣ къ вѣнцу покрываютъ голову платкомъ. Горожане изъ мѣщанъ и купцовъ, замѣнили сарафаны цвѣтными и длинными платьями, которые вовсе имъ нейдутъ. Нашъ сарафанъ съ кокошникомъ и фатою, — прелестный, восхитительный нарядъ!

Невѣсту сажаютъ предъ зеркаломъ на почетное мѣсто, и одѣваютъ ее. Сколько тогда новыхъ слезъ! Она сидитъ пригорюнившись, а подруги утѣшаютъ. Вотъ она уже одѣтая; она крѣпко призадумалась и спрашиваетъ своего брата: куда ее снаряжаютъ?

Братецъ, мой братецъ,
Куда меня снаряжаютъ?
Въ дальнюю сторонушку:
Къ чужому отцу,
Къ чужой матери.
Мать моя матушка,
Какъ мнѣ жить на чужой сторонѣ?
Дитя мое, дитятко!
Надо жить
Умѣючи,
Разумѣючи.

Показано
нио АРУ-
жия.

Уже пріѣхалъ дружка объявить, что пора ѣхать къ вѣнцу: но невѣста въ недоумѣніи, спрашиваетъ свою родимую: что значить, что въ полѣ пыльно а на дворѣ поѣзжанные?

Матушка, что во полѣ пыльно?
Сударыня, что во полѣ пыльно?
Дитятко, кони разыгрались,
Свѣтъ мое милое, кони разыгрались.
Матушка, на дворъ гости ѣдутъ,
Сударыня, на дворъ гости ѣдутъ.

Дитятко не бойся, не выдамъ;
 Свѣтъ мое милое не бойся, не выдамъ.
 Матушка, на крылечко гости идутъ,
 Сударыня, на крылечко гости идутъ.
 Дитятко не бойся, не выдамъ;
 Свѣтъ мое милое не бойся, не выдамъ.
 Матушка, въ нову горницу идутъ,
 Сударыня, въ нову горницу идутъ.
 Дитятко не бойся, не выдамъ,
 Свѣтъ мое милое не бойся, не выдамъ.
 Матушка, за дубовый столъ садятся,
 Сударыня, за дубовый столъ садятся.
 Дитятко не бойся, не выдамъ
 Свѣтъ мое милое не бойся, не выдамъ.
 Матушка, образъ со стѣны снимають,
 Сударыня, образъ со стѣны снимають.
 Дитятко не бойся, не выдамъ,
 Свѣтъ мое милое не бойся, не выдамъ.
 Матушка, меня благословляютъ,
 Сударыня, меня благословляютъ.
 Дитятко! Господь Богъ съ тобою,
 Свѣтъ мое милое, Господь Богъ съ тобою.

Братъ ея беретъ образъ, подаетъ матерѣ, которая благословляетъ свою дочь. — Подруженьки провожаютъ ее въ церковь, а мать прощается :

Прощай, родимо дитятко! Я пошла, кормила, лелѣяла свою душку, а на старость, на хворость ты покинула меня; бѣдную горемычную, оставила сиротей. —

Мать горько плачетъ, какъ будто зарываетъ дочь въ могилу, и слезы съ обѣихъ сторонъ не притворныя! Съ нею плачутъ и ея подруги. — Надобно видѣть, съ какими сердечными соболѣзнованіемъ расстаются родные съ своей дочерью, а дѣвушки съ своей подругою, не смотря, что всѣ увѣрены въ добромъ яв-

тѣ. Семейная привязанность у нихъ сильнѣе, нежели въ другомъ какомъ либо сословіи.

Поѣздъ
въ вѣнцу
и вѣнча-
ніе.

Поѣздъ зависитъ отъ состоянія молодыхъ : чѣмъ они богаче, тѣмъ поѣздъ пышнѣе. Достаточные окружаютъ себя толпою услужниковъ. Жениха величаютъ *княземъ* а невѣсту *княгинейю*. Князь бываетъ одѣтъ въ кафтанъ багрецовога сукна: шаравары на немъ черныя бархатныя, рукавицы замшевыя, сапоги юхтовыя съ оторочкой, шляпа съ павлинымъ перомъ, шея перевязана краснымъ платочкомъ ; волоса подстрижены въ кружокъ. Дружка и тысяцкій стараются одѣться какъ можно пощеголеватѣе : на нихъ кафтаны новыя суконныя, шляпы съ цвѣткомъ, часто какъ у самога жениха ; красныя отвороты рубашки, нарочно выказываются впередъ. Князь и его спутники ѣдутъ въ церковь верхами, что не всегда случается ; болѣе отправляются на телегъ или саняхъ (*). По прибытіи въ церковь, посылаютъ за невѣстою, которая немедленно пріѣзжаетъ съ своими дружками и прочими спутницами. —

Дружки подводятъ ихъ къ налою, священникъ начинаетъ обрядъ вѣнчанія. Надъ головами молодыхъ дружки держатъ вѣнцы. Считаютъ неблагопріятнымъ для супружества, если вѣнцы держать надъ головами; надобно, чтобы они лежали на головахъ. Если вѣнецъ, для облегченія невѣсты, не накладываютъ на ея голову, то народъ не считаетъ такой бракъ дѣйствительнымъ и предсказываетъ бѣду. — Если надъ

(*) Если поѣздъ молодыхъ сопровождается небольшимъ дождемъ, или только ихъ смочить: то это къ счастью, какъ вообще дождь означать благодать.

годовую урочить вѣнецъ, то вѣрное несчастье. Подъ ноги молодыхъ не подстилаютъ ковра, но бѣлое полотно, которое обращается потомъ въ собственность попа. —

Дѣлаютъ замѣчанія по тѣмъ свѣчамъ, которыя держать молодые: горятъ ли онѣ ровно, или съ трескомъ? плавутъ ли, или вѣтъ? Если ровно, то жизнь будетъ спокойная; съ трескомъ, раздорная; плавутъ ли, одно горе; не плавутъ, мужъ будетъ тихій и вѣрный. При благословеніи на супружество, священникъ надѣваетъ имъ кольца, и потомъ связавъ руки бѣлымъ полотномъ, водить около наоя. По совершеніи этого обряда, онъ даетъ нить красное вино, три раза; за послѣднимъ разомъ женихъ иногда бросаетъ на землю кубокъ (рюмку) и топчетъ его ногою. Послѣ вѣнчанія священникъ заставляетъ молодыхъ цѣловаться, въ присутствіи всего народа. — Случалось видѣть это и въ столицѣ, на купеческихъ свадьбахъ.

Родственники, друзья и знакомые, поздравляютъ молодыхъ и желаютъ имъ счастья. Всякое движеніе ихъ по выходѣ изъ церкви, замѣчаютъ и толкуютъ по своему: старухи и знахарьки. Простодушные родители даже прибѣгаютъ къ ихъ совѣтамъ, прося, чтобы они такъ сдѣлали, чтобы молодые вѣчно миловались и цѣловались. За самое лучшее и надежнѣйшее средство, для супружескаго согласія, почитаютъ замки, по сему старухи кладутъ подъ порогъ, дверей и въ то время, какъ молодые переступаютъ порогъ тотъ часъ поднимаютъ замки и замыкаютъ: ключъ бросаютъ въ рѣку или колодезь, чтобъ мужъ и жена жили въ любви. Женихъ возвращается съ молодою въ свой домъ; тамъ у дверей встрѣчаетъ сваха, и осыпаетъ зерновымъ хлѣбомъ и хмѣлемъ. По входѣ въ избу, благословляютъ ихъ посаженные родители, иконою и

хлѣбомъ-солью. Молодые падаютъ имъ въ ноги три раза. Въ посаженные отцы избираютъ преимущественно извѣстныхъ высокой нравственностію, и пользующихся всеобщимъ уваженіемъ. —

Угощенію.

Послѣ благословенія сажаютъ молодыхъ на первое мѣсто за столъ, на коемъ давно лежатъ приготовленные пироги, калачи, сайки, вотрушки и пряные кеврижки; вино, медъ и пиво стоятъ въ большихъ склянкахъ. Молодыхъ подчиваютъ прежде, а тамъ гостей, въ числѣ коихъ бываетъ священникъ съ своимъ причетомъ. Дружка и сваха заботятся объ угощеніи. — Спустя нѣсколько времени, открываютъ обѣдъ, который бываетъ довольно сытный и разнообразный: въ числѣ ихъ холодныя, приправленныя кореньями, щи и жаркія. Ѣдятъ деревянными ложками, изъ муравленыхъ чашъ. Оловячныя ложки встрѣчаются у однихъ зажиточныхъ. Жаркое берутъ пальцами, изрѣзанное въ куски на деревянной тарелкѣ. При крестьянскихъ столахъ но нынѣ не употребляютъ тарелокъ и вилокъ, какъ бы не находя въ нихъ надобности. Недавно начали подавать полотенца для утиранія рукъ, а прежде обтирали ихъ объ полу и сапоги. — Сидятъ на лавкахъ, вокругъ стола. Ѣдятъ и пьютъ досыта, и та свадьба славная, гдѣ всего было вдоволь. — Въ концѣ стола дружка разрѣзываетъ коровай, и первый кусокъ подноситъ молодымъ, а другую часть несетъ въ холодную спальню молодыхъ, и кладетъ подъ подушки. Другіе оставляютъ въ кадкѣ, съ зерновымъ хлѣбомъ. Этотъ коровай Ѣдятъ молодые поутру. Та свадьба считается счастливою, на коей бьютъ посуду. Иныя нарочно бьютъ тарелки, рюмки, чашки и стаканы. (*)

(*) Бить въ это время посуду, или во время крестинъ и

Послѣ обѣда угощаютъ орѣхами, пряниками, коврижками, медовыми маковками, яблоками, изюмомъ и сахаристыми закусками.

Когда гости поразгуляются, тогда появляются лице-^{Вообще.}дѣи и музыканты: первые, въ шутовскихъ одеждахъ, открываютъ пляску; вторые музыку. Волянка и бубны раздаются не умолкну; гудокъ и флейта разносятъ свой звукъ по всей окрестности: свистать и пичать, не выразимо отчаяно; но громогласное одобреніе гуляющихъ, ободряетъ продолжать свистъ и пискъ. Скрыпачъ, который ни отъ кого не слышитъ себѣ похваля, бьетъ по струнамъ во всѣ стороны: и пальцами и руками, и рѣжетъ смычкомъ на пропалую. Всѣ устаютъ отъ плясокъ, но музыканты дерутъ! Вообще веселое расположеніе возбуждаетъ во всѣхъ охоту къ новымъ пляскамъ. Молодые и не робкіе парни, выходятъ изъ за толпы; гости раступаются и даютъ имъ просторъ. Молодецъ, надѣвъ шапку на бекрень, выходитъ на средину, разхаживаетъ съесиво и носматриваетъ на красивыхъ дѣвицъ. Одна, которая ему давно нравится, составляетъ предметъ его поисковъ, — онъ ищетъ ее, онъ нацѣлъ ее здѣсь; подходитъ къ ней, и снявъ шапку правой рукою съ важностію, проситъ, наклоненіемъ головы, начать съ нимъ русскую. Выходитъ дѣвица — душа: молодецъ первый начинаетъ плясать. Подбоченясь одной рукою, онъ пламенными тѣлодвиженіями выражаетъ любовь свою: те манить къ себѣ,

пирушекъ, — хорошая примѣта. Это повѣрье выдуманно, какъ должно думать, для того, чтобы разбитыя вещи не-нарушали спокойствія и удовольствія хозяевъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ не лишали бы веселости гостей. —

та прижимаетъ свою руку къ груди, мысленно обнимаетъ и расстаеся печально. Но вдругъ онъ измѣняется весь: веселится, скачетъ и забываетъ ее, — онъ манитъ другую красавицу, — другую уже полюбилъ! — Его дѣвица душа выходитъ впередъ, медленными шагами и съ грустной душою: на ея лице тоска и горе, въ движеніяхъ безнадежность. Она упрекаетъ его въ непостоянствѣ, и указывая на свое сердце, которое такъ долго любило невѣрнаго, увѣряетъ его, что онъ и теперь ей дорогъ, — но онъ безмолвенъ! — Она ршеется предъ нимъ задумчивой картиною: то поднимаетъ руки вверхъ, то опускаетъ ихъ со вздохомъ, и остановясь, подумавъ немного, складываетъ руки на грудь, и плыветъ съ поникшей головою, словно горемычная лебедка, съ тяжелой кручинушкой: посматриваетъ со вздохами и опускаетъ голову. Однажды сердце любить, и она рѣшается это высказать ему: прикладываетъ еще разъ руку къ сердцу, показываетъ, какъ оно бьется, и забилося только для него; напоминаетъ ему, что онъ можетъ полюбить другую, но не любить, и той измѣнить. Кто разъ измѣнилъ, тотъ измѣняетъ всегда! Она закрываетъ лице руками, плачетъ по своей любви, и какъ одинакая голубка, воркуетъ съ однимъ горемъ: для ней уже нѣтъ милаго въ свѣтѣ. Опустивъ обѣ руки вдоль сарафана и склонивъ горемычную головку, она трепещетъ и доплываетъ съ очаровательной задумчивостію до того мѣста, гдѣ стоитъ ея молодецъ. Парень потряхиваетъ черные свои кудри, выставляетъ ногу впередъ, и потомъ выходитъ ей на встрѣчу: онъ прижимаетъ ее съ прѣтствомъ любовнымъ, она, — въ неописанной радости! Она отвѣчаетъ ему любовью и оба, взявшись за руки, дѣлаютъ кругъ посрединѣ и раскланиваются другъ другу. — Общее одобреніе раздаеся повсюду. Вызываютъ другихъ охот-

няковъ, еще пройти русскую.—Невозможно описать этого народнаго танца : онъ постоянно измѣняется самыми пляшущими, которые разнообразятъ ее до безконечности, потому что всякій выражаетъ то, что у него на душѣ. — Послѣ русской начинается разнообразное веселіе: скачутъ и поютъ, а музыканты играютъ безумолчно.—Веселіе продолжается до полночи.

Во время еще веселія уводятъ молодыхъ въ холодную комнату, а гости остаются пировать, не рѣдко до разсвѣта. Новобрачныхъ провожаютъ сваха и свать; ихъ кладутъ на ржаныхъ снопахъ; въ углахъ постели, ставятъ, однако не повсюду, свѣчи, которыя были на вѣнчаніи: ихъ ставятъ въ кадки наполненные пшеницею и рожью. Молодую раздѣваетъ сваха и одна изъ молодыхъ женщинъ. Во всю ночь ѣздитъ дружка верхомъ на лошади, вокругъ сѣнника, съ обнаженной саблею. На утро приходятъ къ молодымъ съ поздравленіями: сваха, свать и дружка. Сваха, осмотрѣвъ бѣлье невесты, объявляетъ о ея непорочности. Послѣ молодые отправляются въ баню; потомъ кормятъ ихъ кашею и жаркимъ съ ковроемъ. Въ тотъ же день молодые ходятъ на поклонны къ своимъ родителямъ, которые угощаютъ ихъ по домашнему. Сюда уже не приглашаютъ постороннихъ: все свои родные и родственники.

Верховая ѣзда дружки, хожденіе въ баню и кормленіе, не вездѣ теперъ въ обыкновеніи; однако нѣкоторые донинѣ считаютъ необходимымъ выполненіе старинныхъ обрядовъ.

Совершеніе свадьбы не только въ большихъ городахъ, но и въ деревняхъ обходится дорого. — Угощеніе и приготовленіе веселья, обходится не мѣнѣе 50 руб. сереб., не считая подарковъ отъ невесты и жениха новымъ своимъ родственникамъ, друж-

Уводъ
моло-
дыхъ въ
стѣны.

Свадеб-
ный рас-
ходъ.

намъ, свахамъ, боярамъ и поѣзжаннымъ, что обходится до 30 руб. сер. Обыкновенные свадебные расходы не простираются менѣе 30 руб. серебр., а крестьянину это чрезвычайно дорого, и все бы не казалось дорогимъ, если бы не были чрезвычайные поборы священниковъ за вѣнчаніе.

IX. СВАДЬБА ВЪ ПСКОВСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Въ псковской губерніи, особенно въ Торопѣ, за-<sup>Сва-
стов-</sup>ступаютъ мѣста сватовъ, между зажиточными людьми, верѣдко сами священники. Если жениху понравится дѣвушка, то онъ объявляетъ объ этомъ своему отцу, прося женить его. Отецъ проситъ священника своего прихода, высватать понравившуюся ему дѣвушку. — Священникъ отправляется въ домъ невѣсты и заводитъ разговоръ : сначала о постороннихъ предметахъ, потомъ намекаетъ отцу невѣсты, что онъ пріѣхалъ посмотреть товаръ, или что у него есть купецъ на ихъ товаръ. — Родители, понимая его рѣчь, отвѣчаютъ ему: мы батюшка теперь не повсправились, или: мы батюшка теперь не исправны, намъ надобно подумать; это дѣло вѣчное, а не часовое. Мы поговоримъ и посоветуемся съ нашими родными, и спросимъ согласія нашей дочери. — Невѣста, какъ бы не любила жениха, и самые ея родители, сколько бы ни желали объявить свое согласіе, съ перваго раза, но по заведенному изстари обыкновенію, откладываютъ дѣло на нѣсколько дней, чтобы лучше обдумать, и не обидѣть своихъ родственниковъ, не спросясь у нихъ, хоть изъ

приличія, ихъ совѣта. — Священника подчиваютъ виномъ или угощаютъ чашкою кофе и чаю, и просятъ его пріѣхать за отвѣтомъ, въ назначенный ими день. Обо всемъ этомъ онъ даетъ знать родителямъ жениха. — Въ опредѣленный день пріѣзжаетъ священникъ въ домъ невѣсты, и послѣ обыкновенныхъ привѣтствій, онъ говоритъ, что теперь уже ожидаетъ, чтобы они *порышили* его. Если родители и родственники не согласны, то обыкновенно отвѣчаютъ: нѣтъ, батюшка, мы ненамѣрены выдать свою дочь; наша невѣста еще молода, мы еще *неисправны* и не богаты, и нашей невѣсты годы не уйдутъ, — найдутся женихи. Если родители согласны, то говорятъ: что же, батюшка, мы согласны выдать свою дочь; она не выходитъ изъ нашего повиновенія, покорна нашей волѣ. — Тогда священникъ проситъ, чтобы ему показали товаръ, а его нареченную прихожанку. Родители зовутъ свою дочь, сляшую съ дѣвцами въ особой комнатѣ. Она выходитъ, священникъ благословляетъ и спрашиваетъ: Елисаветъ Петровна! вы согласны выйти за мужъ за Андрея Григорьевича? — Да, батюшка. — Вы его знаете? — Да, батюшка, — онъ кажется не глупой чело-вѣкъ, и хорошей. —

Руко-
битое.

Тогда священникъ, надѣвъ на себя эпитрахиль, обращается къ иконѣ, читаетъ въ слухъ *достойно есть*, и потомъ даетъ родителямъ и невѣстѣ цѣловать крестъ или образъ. Затѣмъ невѣста уходитъ въ свою комнату, и тогда уже начинается угощеніе, называемое попойкою. Женихъ въ то время посылаетъ отъ себя дьячка въ домъ невѣсты, чтобы узнать: чѣмъ кончилось его дѣло? Дьячку объявляютъ, что дѣло кончилось благополучно, и вызываютъ невѣсту, чтобы она сама объ этомъ объявила. Она говоритъ дьячку: мое дѣло кончилось и кланяйтесь моему жениху,

называя его по имени; а родители ее прибавляют: и отъ насъ кланяйтесь нашему свату и нашей сватушкѣ, называя по имени родителей жениха. При отправленіи дьячка, родители неvěсты дарятъ его бѣлымъ или шелковымъ платкомъ, или матерією на жилетъ. Дьячекъ, прибывъ въ домъ жениха, объявляетъ его родителю, ему самому и собравшимся родственникамъ: ну, слава Богу! дѣло кончилось хорошо.—Тогда всѣ встаютъ съ своихъ мѣстъ и молятся Богу; потомъ начинается у жениха попойка. Все это дѣйствіе, когда дѣвица изъявила согласіе на выходъ замужъ, называется рукобитьемъ, (помолквою), при чемъ однако не присутствуетъ женихъ. Во время подчиванія священника, угощаютъ родственниковъ и подругъ неvěсты сухими плодами: изюмомъ, черносливами, вишнями, ягодами, яблоками, грушами, прѣчными орѣхами, вареньями, конфетами, и все это называется *богомольщиною*. — При выходѣ священника дарятъ его бархатомъ, сукномъ, демикатономъ, диверласомъ (шелковой матерією), смотря по состоянію родителей, и навязываютъ въ платокъ *богомольщину*, которую онъ отвозитъ, въ тотъ же вечеръ, жениху и его родственникамъ, ожидающимъ его съ нетерпѣніемъ. Его тутъ угощаютъ снова разными напитками. Когда священникъ выйдетъ изъ дома неvěсты, тогда подруги ея бѣгутъ за ворота и поютъ просватанье. Этимъ дается знать сосѣдямъ, что неvěста просватана, а жениху, что къ нему ѣдетъ священникъ. Невѣста сидитъ одна въ своей комнатѣ и плачетъ; дѣвушки, стоящія за воротами, провозносятъ имена просватанныхъ и поютъ:

Услышь, услышь, великий князь Андрей Григорьевичъ,
 Что играемъ (*) боярыню, великую княгиню Елисаветъ
 Петровну,

Услышь и поскорѣй къ намъ прѣзжай. —
 Развесели нашу боярыню
 Книгиню Елисаветъ Петровну.

Тѣмъ оканчивается. — Дѣвочки входятъ въ комнату.
 Родители выводятъ свою дочь изъ плакальной комна-
 ты. Она, помолвившись Богу, падаетъ родителямъ въ
 ноги и плачетъ. Родители поднимаютъ ее и сажаютъ
 за столъ; она, облокотившись объ столъ, начинаетъ
 вновь плакать а дѣвочки поютъ; иногда поетъ сама
 невѣста :

Воля моя и нѣга моя,
 И красота моя дѣвичья!
 И косу русу распускаютъ
 Что я вамъ государь мой батюшка досадила ?
 Что я вамъ государыня матушка наскучила ?

Обращаясь къ братьямъ, сестрамъ и подругамъ :

Любезные братцы! уговорите своего государь батюшку
 И свою государыню матушку,
 Что я имъ досадила, что я имъ напрокутила!
 Любезными сестрицы, подружки и ластушки :
 Уговорите государя батюшку
 И государыню матушку,
 Что я имъ досадила, что я имъ напрокутила!

(*) Играемъ, — поемъ. Во многихъ мѣстахъ говорятъ *играть пѣсню*, вмѣсто пѣть пѣсню; *разыгрывать пѣсню*, вмѣсто распѣвать пѣсню.

Такимъ образомъ это причитаніе призывается ко всѣмъ роднымъ и родственникамъ, конхъ она упрасивается, чтобы они уговорили отца и мать не выдавать за того жениха, который ей не по сердцу. Часто случается, что дѣвица сирота или дочь выдается за мужъ по принужденію и противу ея воли.

При этомъ причитаніи плачетъ мать, если она любить свою дочь, и нерѣдко самъ отецъ. Во время причитанія мать расчесываетъ косу бѣлымъ костянымъ гребнемъ. Если братья или сестры въ отсутствіи, то невѣста заочно поетъ причитаніе :

Любезные братцы! прилетите на этотъ часочекъ,
И уговорите государя батюшку и т. д.

Когда мать расчесываетъ косу, тогда дочь, обхвативъ отца руками, оплакиваетъ свою судьбу :

Государь мой батюшка,
Что я тебя досадила,
Что я тебя напроскучила,
Своимъ глупымъ разумомъ.

Отецъ уговариваетъ ее и успокоиваетъ : что же дѣлать, мое дитячко ! Не вѣковати вѣкъ въ дѣвушкахъ. — Онъ добрый и хорошій человекъ, а Богъ благословилъ васъ на ваше счастье. — Потомъ дочь и мать, обнявъ другъ друга руками, и вмѣстѣ плачутъ горько. При чемъ дочь говоритъ :

Государыня моя матушка!
Что я тебя досадила?
Что я тебя напроскучила?
Уговори своего милаго друга.
А моего государя батюшку. —

Ихъ разнимаютъ, чтобы онѣ не плакали, и уговариваютъ невесту, которая ко всѣмъ подходитъ и всѣхъ оплакиваетъ: родныхъ и подругъ. Когда она всѣхъ переплачетъ, тогда всѣ расходятся и этимъ оканчивается рукобитье.

За не имѣніемъ родителей, она оплакиваетъ заступающихъ мѣсто родителей. —

Дѣвушки, ложась спать, кладутъ подъ головы *богомольщину*, загадывая ею про будущую свою судьбу. Нѣкоторые говорятъ, что это дѣлаетъ даже невеста, но скрытно.

На другой день женихъ посѣщаетъ утромъ свою невесту и спрашиваетъ у нее: какія надобны подарки для смотрины, назначаемые обыкновенно на третей день отъ рукобитья, и какіе для нее самой? Если дѣвушка не достаточная, то она отвѣчаетъ: къ чему, мой другъ, входить въ изьянъ на подарки! Мои родственники и знакомые не взыщутъ, если я не буду дарить ихъ. — Богатый женихъ, не смотря на отсѣлованіе своей невесты, покупаетъ для нее подарки, кои она раздаетъ послѣ свадьбы: родителямъ и родственникамъ жениха. (*) Женихъ же даритъ въ смотрины: родителей и родственниковъ невесты. Часто невесты отказываются отъ подарковъ жениха, — это чудо! — покрайней мѣрѣ такъ увѣряютъ, но многіе женихи, по свойственной имъ въ то время щедрости, сами навязываются на подарки. —

Смотри-
ны.

Вечеру приходитъ женихъ въ домъ невесты, съ своимъ братомъ, или другимъ какимъ нибудь родственникомъ, или съ хорошимъ своимъ пріятелемъ, который называется *дружкой смотрины*; самые смот-

(*) Свадьба обыкновенно бываетъ въ воскресенье.

рины называютъ небольшою части *сеиданьель*, на комъ бываютъ всѣ родственники, знакомые и подруги невѣсты. Подруги гостятъ у невѣсты до самой свадьбы. Женихъ одѣвается въ лучшее платье, по тому вкусу, какой ему нравится, а невѣста, если бы ходила прежде въ нѣмецкомъ платьѣ, то въ этотъ день исключительно одѣвается въ русское платье: въ русскую кисейную, вышитую рубашку; въ ферезь изъ объярн, или въ штофную и шелковую; подпоясывается шелковымъ цвѣтнымъ поясомъ, съ золотыми кистями; на шеѣ бархатъ, а самая шея унизана жемчугомъ: въ ушахъ жемчужныя серги, а на головѣ жемчужный вѣнецъ, съ привязанной широкой лентою, на подобіе пояса, въ длину всей косы; косу распускаютъ по плечамъ съ переплетами; башмаки черныя козловыя и сафьянныя, чулки бѣлыя узорчатыя. Ея подруги въ такомъ же нарядѣ, за исключеніемъ, что коса не бываетъ распущена, а голову прикрываютъ платкомъ, пришпиленнымъ къ вѣнцу. Женщины въ кокошникахъ подъ платками, а другія бываютъ въ нѣмецкомъ платьѣ, и таковыя сидятъ выше тѣхъ, которыя одѣты по русски. Невѣста садится на первомъ мѣстѣ, по правую руку ея подруги, а по лѣвую мать, пока не придетъ женихъ. Если свиданье бываетъ богатое, то многіе приходятъ сюда незваные, изъ одного любопытства. На столахъ стоитъ на 40 и 80 тарелкахъ: варенье, сладкіе плоды, пряничныя орѣхи и разныхъ родовъ орѣхи это называется *закускою*. До прихода жениха ни кого не угощаютъ, но дѣвушки поютъ въ то время пѣсни, для жениха и невѣсты, которыя называются *обыранными*. Поютъ жалобно и протяжно. За пѣніе дѣвицъ ничего не даютъ. —

Обручалась боярыня Елисаветъ Петровна,
Съ княземъ со боярыномъ Андреемъ Григорьевичемъ.

И все наше миновалось :

Перекутые частое,
Посидылки веселыя,
И гости наша любезныя,
Съ подружкой съ ластушкой
Съ бывлой лебедушкой,
Съ княгиней Елисаветъ Петровной.

Отвѣтъ держать боярыня,
Княгиня Елисаветъ Петровна :

Подружки мои ластушки,
Еще бывлыя лебедушки,
Рада бы я съ вами хоть вѣкъ вѣковать,
А у своего государя годъ годовать,
И въ государыни матушки,
Недѣлю недѣлывать, —
Пришелъ же на меня,
Печальный день!
Въ воскресенье свѣтъ,
Расплетуть русу косу,
Разлучать меня съ отцемъ, съ матерью,
Съ родомъ со племенемъ,
Съ ближними друзьями,
Съ подружками, ластушками.

Подружки мои, ластушки,
Еще бывлыя лебедушки!
Мнѣ невѣкъ съ вами вѣковать,
Ни годъ годовать, ни недѣлю недѣлывать,
А все только одну ночку почевать. —

Ни близко, ни далеко,
Молодой соловей гнѣздо совиваетъ,
Молодой тепло согрѣваетъ;
Здѣсь ни низко, ни высоко,

Павлины перья роняеть ;
 Здась не навушка по двору ходить,
 Не павлино сизо-перья роняеть ;
 Здась около терему по двору ходить,
 Около терему около високова. —
 Здась ходила, здась гуляла,
 Свѣтъ княгиня боярыня Елисаветъ Петровна,
 Около терему около високова. —
 Она ходючи и гуляючи,
 Горячи слезы роняючи,
 Таковыя словеса говорючи :
 Мой немецкой замокъ отомкнися,
 Отомкнися, отомкнися ;
 Полушенная цѣнь отложися,
 Отложися, отложися !
 Кипарисная дверь отворися,
 Отворися, отворися !
 Государь батюшка пробудися,
 Государыня матушка проснися.
 Мнѣ вѣтъ у васъ не годъ годовать,
 Ни недѣлю недѣлывать ;
 Мнѣ ни съ батюшкой,
 Думушку думовать ;
 Мнѣ не съ государыней матушкой ;
 Рѣчь говорить,
 Мнѣ не съ братцемъ и не съ сестрицей,
 Советъ советывать ;
 Ни съ подруженьками, голубушками,
 Мнѣ разставатися :
 А съ родомъ племнемъ,
 И со ближними пріятелями,
 Мнѣ прошатися.

Что у насъ свѣтъ княгини, боярыня,
 Да княгиня Елисаветъ Петровна,
 Во високомъ терему,
 Не весело сидить !

Со слезами отпа съ матерью смотреть.
 Подружки мои ластушки,
 Еще бывши лебедушки!
 На что жъ мнѣ глядя радоватися?
 На что жъ мнѣ глядя веселитися?
 Полная гостей горница,
 Но милаго друга нѣту,
 Свѣтъ великаго князя,
 Князя боярына Андрѣя Григорьевича.
 Ты прійди, прійди поскорѣй,
 Свѣтъ великій князь,
 Да великій князь Андрѣй Григорьевичъ!
 Развесели у насъ боярыню, княгиню,
 Да свѣтъ княгиню Елисаветъ Петровну.
 Она очень стосковалась,
 Что давно не видалась.

Изъ за горъ ли, горъ высокихъ,
 Изъ за лѣсу, лѣсу болотенаго,
 Вылетало стадо гусиное,
 А другое лебединое.
 Отставала лебедушка,
 Что прочъ отъ стада лебединаго;
 Приставала лебедушка,
 Что къ стаду ко сврымъ гусямъ.
 Не успѣла лебедушка,
 Не успѣла бвлешенька,
 Къ сврымъ гусямъ пристать;
 Начали лебедушку,
 Гуси сврыя щипать,
 Бвлешенькую клевать,
 А лебедушка кричать:
 Ахъ вы гуси сврыя,
 Не щипите вы меня!
 Не сама я къ вамъ залетѣла,
 Не своей охотою;
 Занесло меня великой погодою.

Не умѣла лебедушка,
 По мѣлкимъ ручьямъ плавать,
 По лебединому кричать.
 Что отставала свѣтъ,
 Да княгиня да боярыня,
 Свѣтъ княгиня Елисаветъ Истровна.
 Прочь отъ роднаго государя отъ батюшки,
 Отъ родной государыни матушки;
 Прочь отъ роду, отъ племени,
 И отъ ближнихъ пріятелей. —
 Что приставаала лебедушка,
 Свѣтъ княгиня боярыня,
 Княгиня Елисаветъ Петровна,
 Что ко чужому ко роду, ко племени,
 Ко чужому свекру государю батюшки,
 Ко чужой свекрови государыни матушки.
 Не успѣла свѣтъ головушки оправить,
 Началъ свекоръ батюшка журить,
 А свекровь матушка бранить,
 А свѣтъ княгиня боярыня плакать,
 И роднаго батюшку кликать:
 Что вы меня, свекоръ батюшка журити?
 И что вы меня, свекровь матушка бранити?
 Не сама я къ вамъ залетѣла,
 Не своей неволею,
 Но большой несгодою;
 Завезли меня добры кони,
 Добры кони вороны,
 Свѣтъ великаго князя Андрея Григорьевича.
 Какъ удобрился великій князь, да бояринъ,
 Да свѣтъ Андрей Григорьевичъ,
 Паче роднаго отца и матери;
 А какъ улютылся,
 А какъ разсердился великій князь,
 Да свѣтъ Андрей Григорьевичъ,
 Паче лютыя змии. —

Когда услышать, что женихъ подъѣзжаетъ ко двору невесты, тогда поютъ :

Вьюнъ на водѣ увивается,
 Зять у тещи у воротъ убивается :
 Теща моя! теща ласковая!
 Отвори широки ворота,
 Давай коню стойло,
 Давай коню вороному,
 Пшена яраго. —
 Теща изъ терема выходила,
 Рѣчь милому говорила :
 Есть у меня, есть у меня,
 Про милаго зятя.
 Про твоего коня стойло ;
 Есть у меня, есть у меня,
 Про твоего коня вороного,
 Пшена яраго.
 Это моему милому зятю,
 Ни въ честь, ни въ жалованье,
 Ни въ низкіе поклоны.
 Есть у меня, есть у меня,
 Про милаго зятя,
 Наливное яблочко,
 Это ему ни въ честь, ни въ жалованье,
 Ни въ низкіе поклоны. —
 Есть у меня, есть у меня,
 Скатная жемчуженка,
 Это ему ни въ честь, ни въ жалованье,
 Ни въ низкіе поклоны.
 Есть у меня, есть у меня,
 Про милаго зятя
 Его суженая,
 Его ряженая,
 Свѣтъ великая княгиня
 Боярыня Елисаветъ Петровна. —
 Это ему, это ему, —

Ни въ честь, ни въ жалованье,
 Ни въ низкіе поклоны. —

По приѣздѣ жениха съ поѣзжанными, родственники
 невѣсты встрѣчаютъ его за дверьми, а дѣвушки съ
 пѣснями въ самомъ покоѣ :

Не буйные вѣтры понавѣяли, —

Не званые гости понавѣхали!

Обломались стѣны новыя,

Обломались съ переходами,

Растоптали, раздавили,

Чару золоту, чару финисову.

Выпугали, выпугали.

У саду соловья молэдаго, заетнаго.

Какъ расплакалася свѣтъ,

Да разстужилася великая княжна,

Боярыня да свѣтъ Елисаветъ Петровна,

О своемъ высокомъ теремѣ :

Кто же то мнѣ, кто же то мнѣ,

Изрубить стѣны новыя?

Кто же то мнѣ, кто же то мнѣ,

Сольеть чару золоту?

Кто же то мнѣ, кто же то мнѣ,

Сольеть чару финисову?

Кто же въ моемъ, кто же въ моемъ,

Во саду сядетъ соловьемъ,

Молодымъ и заетнымъ?

Кто же меня, кто же меня,

Рано будетъ будить?

И кто же меня рано будетъ кликать?

И кто же меня рано будетъ будить?

Отвѣтъ держалъ великій князь,

Да свѣтъ Андрей Григорьевичъ :

Ты не плачь, не плачь, и не тужи,

Великая княгиня, боярыня,

Да свѣтъ Елисаветъ Петровна,

О своиъ высокомъ теремъ :
 Я самъ тебѣ изрублю сѣни новыя,
 Я самъ тебѣ изрублю съ переходами,
 Я самъ тебѣ солью чару золоту,
 Я самъ тебѣ солью чару ошписову,
 Я самъ въ твоиъ саду
 Сяду соловьемъ молодымъ, залетнымъ,
 Я самъ тебя рано буду свѣтъ клинать,
 Я самъ тебя рано буду будить.

Женихъ войдя въ комнату, молится сначала образамъ, потомъ онъ цѣлуетъ свою невѣсту въ губы, которая взаимно отвѣчаетъ на его поцѣлуй; послѣ цѣлуется женихъ со всѣми родными невѣсты. Отецъ и мать невѣсты, или сама невѣста, просятъ своего жениха садиться подлѣ нея. Тогда начинаютъ угощать: плодами, пряниками, орѣхами, винами и разными закусками, смотря по состоянію. Когда отецъ невѣсты начинаетъ подчивать жениха виномъ, тогда невѣста подноситъ ему подарки на подносѣ, которые зависятъ отъ состоянія. Иная даритъ сукномъ и матеріей шелковой на жилетъ; потомъ она даритъ тѣмъ же самымъ его дружку. Женихъ обдариваетъ невѣсту матерією на фerezъ, жемчугомъ и т. п.—Дѣвцы поютъ :

Услышь, услышь, великій князь,
 Да свѣтъ бояринъ Андрей Григорьевичъ!
 Что играемъ боярыню и княгиню,
 Да свѣтъ Елисаветъ Петровну,
 Съ великимъ княземъ да свѣтъ
 Со бояриномъ Андреемъ Григорьевичемъ.
 И радуйся и веселись! —
 Глуное дитя, не разумное,
 Великій князь да свѣтъ,

Бояринъ Андрей Григорьевичъ.
 Что даешь боярыню, великую княгиню,
 Да свѣтъ княгиню Елисаветъ Петровну
 Изъ такого изъ рода,
 Изъ такого изъ племени,
 Изъ семьи изъ веселой. —
 И у моемъ счастливомъ роду :
 Все попы, все дьяконы,
 Бургомистры и ратманы ;
 А въ твоємъ безчастномъ роду
 Свѣтъ великій князь бояринъ,
 Да свѣтъ Андрей Григорьевичъ :
 Увсе мужики, да деревенскіе.
 На выгонъ повыгнанные,
 Да на уборъ повыбранные!
 Лагушки растутъ,
 Въ избу просятъ. —
 А въ его то матушка,
 Богу помолилась,
 Да и тиболка свалилась ! (*)
 На сговоръ тебѣ даешь,
 Да свѣтъ великій князь, да бояринъ,
 Да свѣтъ Андрей Григорьевичъ :
 Великую княгиню боярыню,
 Княгиню да свѣтъ Елисаветъ Петровну.
 Береги у насъ боярыню,
 Великую княгиню, да княгиню,
 Да свѣтъ Елисаветъ Петровну. —
 Она въ насъ чаемъ и кофеемъ упоена,
 И слобнымъ кренделемъ вскормлена. —
 Не давай толочь и молоть,
 Не давай воды носить,

(*) Головной уборъ, который называютъ въ насмѣшку тиболкою.

И не давай свѣтъ, великій князь,
 Да свѣтъ боярнѣ Андрей Григорьевичъ!
 И въ приданомъ не давай,
 Къ обѣдн ходять.
 А заставь ее въ приданомъ
 Печь топить,
 А въ своемъ къ обѣдн ходять. —

На горѣ росла малинникъ,
 А подь горою калинникъ.
 Сломлю жъ я эту малинникъ,
 И приложу къ калинникъ. —
 Что не быть калинникъ,
 Супротивъ малинникъ;
 И что и не быть велику князю,
 Да свѣтъ боярину,
 Да свѣтъ Андрей Григорьевичу,
 Супротивъ великой княгини, да боярнѣ,
 Да свѣтъ Елисаветъ Петровны. —

Веселіе продолжается до полночи, и тогда уже подаютъ ужинъ; послѣ ужина всѣ расходятся по домамъ. Подруги невѣсты остаются гостить у ней до свадьбы. —

Отраз-
 ление
 приде-
 лаго.

Въ продолженіи предсвадебнаго времени, дѣвушки помогаютъ невѣстѣ шить приданое, а женихъ посѣщаетъ ее каждый вечеръ. — За два дни до свадьбы отправляютъ приданое въ домъ жениха, со свахою или родственницею, въ сопровожденіи мальчика, который несетъ образъ; тамъ дарятъ ихъ. — Постель стелетъ родственница невѣсты; привезшихъ же приданое, угощаютъ чаемъ, винами и закусками. Предъ отправленіемъ приданаго просятъ священника, достаточные люди, отслужить молебень съ водосвятиемъ; потомъ онъ благословляетъ невѣсту, окропляетъ все приданое во-

дой и говорить: съ Богомъ! — Тогда начинаютъ укладывать, а невѣста плачетъ. Сначала она оплакиваетъ отца, мать и всѣхъ своихъ родныхъ, которые присутствуютъ здѣсь, съ тѣми же причитаніями, какія произносились на рукобитьи. Ее упрощиваютъ перестать плакать, и увѣщаютъ, что не вѣкъ быть ей въ дѣвухахъ, что Богу такъ угодно. Потомъ садятся и посидѣвъ не много, молятся Богу, испрашивая Его благословенія. Послѣ она кланяется въ ноги отцу и матери, а они благословляютъ ее образомъ и хлѣбомъ-солью. Когда все уложатъ, тогда родители и невѣста, провожаютъ приданое до воротъ. Дѣвицы выходятъ на улицу и поютъ:

Услышъ, услышъ, великій князь, и т. д. съ тою только разницею, что ее поютъ уже веселѣе и громче, чтобы всѣ слышали и знали, что везутъ приданое. Тогда стекается народъ отовсюду, чтобы смотрѣть: богатое ли везутъ приданое? и какое? Между тѣмъ невѣста отправляетъ съ приданнымъ разные плоды и варенье, на 60 и болѣе тарелкахъ, которые оставляютъ въ ея спальнѣ до самой свадьбы. Этимъ угощаетъ она, въ своей спальнѣ, всѣхъ тѣхъ, которые ходятъ изъ любопытства смотрѣть убранство ея спальни и приданое. —

Предъ днемъ свадьбы, по большой части предъ воскресеньемъ, женихъ и невѣста ходятъ отдѣльно въ баню. Тогда въ самой бани плачетъ невѣста, подружки утѣшаютъ ее, но предъ отходомъ въ баню, мать расчесываетъ ей голову и отправляетъ ее съ подругами, благословивъ хлѣбомъ и солью. Послѣ бани угощаютъ чаемъ и кофеемъ. — Если невѣсты нѣтъ родителей, то она ѣздитъ на ихъ могилы, чтобы просить ихъ благословенія. — Въ банѣ льютъ на каменку медъ, кидаютъ хмѣль и хлѣбъ зерновой, чтобы молодымъ жить въ меду и богато. — По-

слѣ бани женихъ посылаетъ дружку, просить всѣхъ пріятелей на вечеръ, который называется *боары*. Невѣста такъ же посылаетъ одну изъ своихъ подругъ, просить всѣхъ своихъ дѣвушекъ на вечеръ, который въ то время называется *дѣвичникомъ*.

Вечеръ
боары и
дѣвич-
никъ.

Предъ вечеромъ пріѣзжаетъ за женихомъ священникъ, который и везетъ его въ церковь съ боарами. Отслуживъ вечерню, онъ возвращается въ его домъ, совѣмъ своимъ причетомъ, гдѣ онъ *здравствуетъ ему*, т. е. служить молебень. Тотъ часъ послѣ молебня подають ужинъ, а священникъ отправляется въ домъ. Такое же здравствование происходитъ и въ домѣ невесты. — Послѣ ужина бываетъ у жениха пляска и пѣніе. — У невесты дѣлается ужинъ для дѣвицъ, которыя, отужинавъ съ невестой, собираются въ другой комнатѣ и садятся за столъ, убранный плодами. Тутъ поють тѣже самыя пѣсни, какія на смотринахъ, и сверхъ того какія задувають. —

Вспомни мой любезной, въ дальней сторонѣ обо мнѣ,

А я про тебя, душа моя, терзаюсь всегда!

Не вижу я въ ночки спокойя часа.

Казалась мнѣ ночушка за белой денекъ,

А вы мои частыя звѣзды, за белую зорю,

А батюшка свѣтель мѣсяць, за красное солнце.

Я льсомъ шла ко милу дружку, —

Казалось мнѣ лишь шелкова травушка,

Спадаетъ мой слѣдъ; лавровый листокъ,

Лавровые листочушки въ головѣ шумать. —

Ахъ, не шумите вы, лавровые листочки въ моей головѣ!

И такъ мое сердечушко заныло во мнѣ.

Съ подкамышка съ подбѣлаго, ручеекъ бѣжить,

Съ подкамышка съ подбѣлаго цимбалики бѣють.

Вотъ знать мою любезную Елисаветушку, къ вичанію
ведуть.

Одинъ ведетъ за ручечку, а другой за другую,
 А третій идетъ да слезы льетъ.
 Пошлѣ, кормилѣ сударушку, да за себя наровилѣ,
 Досталась моя любезная мному, да не мнѣ, но брату моему.

Женихъ прїѣзжаетъ на дѣвичникъ съ своими боярами и своими родными обоего пола. Невѣста всѣхъ угощаетъ кофеемъ и чаемъ; послѣ чая уходятъ родственники жениха и бояры, а наконецъ, спустя нѣсколько времени, отправляется женихъ домой. — Невѣста на дѣвичникѣ бываетъ одѣта въ лучшемъ нарядѣ; коса у ней расплетена, на головѣ вѣнецъ, изъ подъ коего выпускается широкая лента. —

Въ день свадьбы идетъ женихъ къ позднему обѣдню, а невеста готовится къ вѣнцу. Въ этотъ день женихъ и невеста не ѣдятъ до самаго вѣнца. Послѣ обѣдни бояры провожаютъ жениха домой пѣснями, а священникъ приходитъ сюда служить молебень. Его угощаютъ здѣсь закускою. Послѣ угощенія дружка идетъ съ боярами къ невестѣ и подаетъ ей, отъ имени жениха, просвиру, и проситъ ее, чтобы она была готова къ вѣнцу. Она угощаетъ дружку и бояръ, дѣвушки корятъ ихъ шуточными пѣснями:

Оконча-
 тельный
 свадеб-
 ный об-
 рядъ.

На что же ты, друженька, въ дружки ставился,
 Да съ умомъ не справился?
 Ты и самъ на себя не наглядѣлся,
 Что не твой кафтанъ на тебѣ надѣтъ!
 На ногѣ сапогъ скрипитъ,
 А въ матеревомъ горшкѣ борщъ кипитъ. —

Тузу, тузу, — любишь ли козу?
 Два года ходила,
 А въ третій годъ
 Въ отставку отпустила, —
 Къ яловой козѣ пристала.

Всѣхъ корятъ :

Пріѣхали вы съ чистова,
И вся тарелки почистили. —
Чтобы васъ полопало!
Чтобы васъ потрескало! —

Когда бояры идутъ домой ;

Скажите великому князю,
Свѣтъ боярину великому князю,
Андрю Григорьевичу
Что не дадимъ боярыни,
Свѣтъ великой княгини,
Елисаветъ Петровны,
Великому князю,
Свѣтъ боярину Андрю Григорьевичу. —

По уходѣ бояръ плачетъ невѣста и оплакиваетъ всѣхъ своихъ родныхъ. —

Дьяконъ приходитъ къ жениху съ обыскомъ, (т. е. съ книгою, въ коей записываютъ вступающихъ въ бракъ) а отъ жениха онъ идетъ къ невѣстѣ. Родители молодыхъ дарятъ дьякона платкомъ, или матерію на подрашникъ. — Свидѣтели бракосочетанія записываются въ церквѣ.

Невѣсту убираютъ къ вѣнцу ея родилыя и подруги, и обыкновенно одѣваютъ ее въ кисейную шитую рубашку, съ широкими рукавами и съ манжетами, которые бывають пришиты къ рукавамъ ; потомъ въ ферезь, обложенную серебрянымъ и золотымъ гасомъ ; поясъ на ферезѣ шелковый, плетеный или тканый съ золотомъ ; шею убираютъ жемчугомъ, уши жемчужными сергами, а на головѣ парчевый вѣнецъ съ жемчужной рясою ; башмаки цвѣтные. Женихъ бываеть одѣтъ

по-русски. Священникъ прѣзжаетъ къ жениху и благословляетъ его ѣхать къ вѣнцу, что называется *дѣлать отпущкѣ*. Тогда женихъ отправляется въ церковь съ родными и дружкой. Между тѣмъ священникъ ѣдетъ къ невѣстѣ, если она его прихода, въ противномъ случаѣ бываетъ у нея тотъ священникъ, котораго она прихода, и онъ отелуживаетъ мелебенъ. После *достойнаго*, онъ благословляетъ ее крестомъ, и дѣлаетъ отпущкѣ; тогда уже благословляютъ ее родные. Но до прѣзда священника, коса у невѣсты бываетъ заплетена, а на головѣ ея находится вѣнецъ; она сидитъ въ особой комнатѣ съ своей матерью и дѣвухнами. Потомъ, когда прѣзаетъ священникъ, ее выводятъ къ нему: она облакачивается объ столъ и плачетъ; одна изъ ея подругъ снимаетъ вѣнецъ съ ея головы, а *молодецъ* (*) беретъ ее за обѣ руки, коими она держитъ свою косу, и *отнимаетъ* у нее: невѣста долго не даетъ, но ее уговариваютъ. Когда она отдастъ, тогда, тотъ же молодецъ, расчесываетъ косу и надѣваетъ на голову жемчужный вѣнецъ. — Иногда вѣчаютъ и съ расчесаной косою. — Потомъ угощаютъ священника и гостей, пивомъ и водкою, а наконецъ всѣ присѣдаютъ; посидѣвъ немного, молятся Богу. Отецъ и мать благословляютъ дочь двѣмя иконами, и хлебомъ-солью. Съ нею ѣдутъ въ церковь *приданые* т. е. повѣзанные изъ мужскаго и женскаго пола. Старшая подруга невѣсты, называемая *подневѣстницею*, занимаетъ первое мѣсто подлѣ невѣсты, во время поѣзда и въ церкви, и она стелетъ въ церкви, подъ ноги молодыхъ, платокъ или шелковую матерію.

(*) Братъ или кто либо изъ родныхъ, но изъ холостыхъ.

Потомъ совершается вѣнчаніе, и послѣ вѣнчанія *посылаютъ ее*, т. е. надѣваютъ кокошквнъ и повязываютъ платкомъ, а косу заплетаютъ на двое, и прячутъ ее подъ кокошквнъ. Съ жениховой стороны приходитъ родственница, покрываетъ новобрачную *платомъ*, (*) и потомъ дѣрнуть ее. Послѣ всѣ отправляются въ домъ молодого. Ихъ принимаютъ у дверей отецъ и мать: хлѣбомъ, солью и образомъ, и сажаютъ на первый мѣста. Родные и гости невѣсты, занимаютъ первый мѣста подлѣ невѣсты, а жениховы вторыя.

Потомъ угощаютъ кофеемъ, а тамъ подаютъ обѣдъ. —Послѣ ужина набирается десертный столъ. Въ то время невѣста ходитъ съ придаными смотрѣть свою постель, и угощаетъ ихъ здѣсь плодами. Тогда же начинается музыка, и всѣ веселятся за полмочь. Когда всѣ гости разъѣдутся, тогда дружка вводитъ молодыхъ въ спальню. Мать, посаженная со стороны жениха, приходитъ за дружкой и благословляетъ молодыхъ.—

На другой день посылаютъ *стряпуху* къ родителямъ молодой, *со здоровьемъ*, т. е. съ возвѣщеніемъ о благополучіи молодой. Стряпуха поздравляетъ ихъ двумя графинами вина или наливки, полно налитыми и обвязанными розовыми лентами. Родители принимаютъ ее радостно, и подчиваютъ. Въ неблагополучномъ случаѣ доставляется вино не полное въ графинахъ, чѣмъ обнаруживается поношеніе дому родителей.

Счастливый молодой посѣщаетъ съ своею молодою, ее родителей. Тутъ подчиваютъ ихъ молочными блинами и разными закусками. За тѣмъ они отправляются къ себѣ въ домъ, куда пріѣзжаютъ, съ обѣихъ

(*) Платкомъ, который въ иныхъ мѣстахъ называется *фатою*.

сторонъ, родственники и гости. У молодого въ первые три дни : понедѣльникъ, вторникъ и среду, бываетъ обѣдъ для всѣхъ родственниковъ и знакомыхъ. Родственники молодого посылаютъ новобрачной по утру, въ первые три дни : живыхъ и битыхъ гусей, а въ слѣдующіе три дни : четвергъ, пятницу и субботу, родители молодой даютъ обѣды для знакомыхъ и родственниковъ. Въ субботу дается преимущественно обѣдъ для дѣвушекъ молодой. Въ продолженіи недѣли молодые посѣщаютъ : родственниковъ, знакомыхъ и тѣхъ, съ коими желаютъ быть знакомы. — По вечерамъ бываютъ танцы и пляска ; послѣдняя сопровождается разыгрываніемъ пѣсней ; иногда самая пляска совершается подъ напѣвъ плясовой пѣсни. —

XX. СВАДЬБА ВЪ КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Руко-
битье.

Парень, имѣющій на примѣтѣ дѣвушку, обращается къ своимъ родителямъ, говоря : батюшка и матушка, благословите жениться. Я спозналъ дѣвушку, она мнѣ по сердцу.—Если родители знаютъ ее, то говорятъ : хорошо, но дай времячко на раздумье, и тогда да благословить тебя Христось и Божая Матерь. — Если не знаютъ ее, то говорятъ : пораспросимъ добрыхъ сосѣдей и подумаемъ. Дѣло важное жениться, вѣкъ вѣковати. — Родители спрашиваютъ сосѣдей и совѣтуются съ своими родственниками. Когда нѣтъ никакого порока за дѣвушкой, тогда даютъ сыну позволеніе снарядить съ посольствомъ сватовъ, избираемыхъ изъ родныхъ; но самое дѣятельное участіе принимаютъ здѣсь свахи. — Онѣ знаютъ всю подноготную въ семейномъ быту, а потому за ранѣ заботятся уладить дѣло. —

По приходѣ сватовъ въ домъ невѣсты, они молятся образамъ и кланяются отцу и матерѣ невѣсты. Здравствуй батюшка Антиповичъ и матушка Степановна, говорятъ они. Мы послы, не даромъ зашли. Хлѣбъ-соль ѣшь, а правду рѣжь. Мы люди изъ ближняго селенія, и идемъ къ вамъ на заповученіе (для сватов-

ста); наше слово вперед, а вашего жди.—Кланяетесь имъ.—Вотъ вамъ хлѣбъ-соль, — прикажите подождать на столѣ.—Предваренные родители о ихъ посредствѣ, давно уже совѣтовались между своими сродственниками: выдавать ли дочь, или нѣтъ? Въ первомъ случаѣ охотно принимаютъ хлѣбъ-соль, а во второмъ не-весьма охотно, и принимая говорятъ: хлѣбъ-соль беремъ, и запорученье на судъ людямъ отдаемъ. Согласные же родители отвѣчаютъ: хлѣбъ-соль беремъ и васъ вырывать зовемъ.—Обрадованные сваты такимъ отвѣтомъ, вступаютъ съ ними въ условіе о времени сговора и о томъ вспоможеніи, какое будетъ ими оказано для обзаведенія молодыхъ. Это дѣлается тогда, если женихъ безъ родителей, но если у него родители въ живыхъ, то оставляютъ покончить это дѣло имъ самимъ. Сваты угощаются водкою и закускою.—Водку подносятъ мать невесты. —

На утра, или въ другой какой либо день, но уже Сговоръ опредѣленный, приходитъ женихъ въ домъ невесты съ сватами и своими родителями. Ихъ принимаютъ ласково, сажаютъ на почетномъ мѣстѣ за столѣ, который накрывается бѣлой скатертью, а предъ божницею уже затеплена свѣча; они молятся прежде Богу, а потомъ садятся. Посидѣвъ не много, родители жениха заводятъ рѣчь о сватовствѣ. Родители невесты вызываютъ ее и говорятъ: ну, дочь наша, хочешь ли замужъ? Вотъ женихъ. Ты не выходила изъ нашего послушанія, и мы прилагали радѣніе о тебѣ. — Воля ваша, батюшка и матушка, коли онъ вамъ по душѣ.—Такъ, что же теперь остается намъ дѣлать, свать и свашинька? говорятъ родители невесты, родителямъ жениха. Аль по рукамъ, аль нѣтъ? — Вѣстимо по рукамъ, отвѣчаютъ они.—Отцы обѣихъ сторонъ берутся за полы платья и бьютъ по рукамъ, а въ то время

велятъ молодымъ поцѣловаться. Когда они поцѣлуются, тогда укрѣпляется засватанье. Послѣ взаимнаго угощенія, приступаютъ къ сговору, который совершается въ присутствіи знакомыхъ и обоюдныхъ родственниковъ. Тутъ возобновляется угощеніе, сопровождаемое питьемъ водки а дѣвушки поютъ пѣсни на разставанье съ помолвленной. Когда всѣ развеселятся, тогда раздаются пѣсни среди пожилыхъ мужчинъ и женщинъ. Здѣсь поютъ до самой ночи, и поютъ по большей части веселыя, шуточные и протяжныя пѣсни. Такое же угощеніе бываетъ и въ слѣдующій день, въ домѣ родителей жениха. Если сговоренные изъ зажиточныхъ людей, то угощеніе продолжается по нѣсколько дней. —

Послѣ сговора собираются къ невѣстѣ ея подруги, и гостятъ у нея до самой свадьбы. Во время угощенія онѣ готовятъ платье и наряды. Дѣвушки же, не бывшія въ дружбѣ съ невѣстою, посѣщаютъ ее только для своего развлечения.

Отецъ между тѣмъ отправляется въ городъ для покупокъ вещей свадебныхъ, и возвращается съ подарками, часто отъ имени жениха. Невѣста, завидѣвъ возвращающагося своего отца, поетъ ему навстрѣчу жалобнымъ голосомъ :

Кормилецъ мой батюшка,
 Ужъ долго ты гулялъ!
 Не на меня ли красну дѣвицу?
 Не на мою ли дѣвью красоту?
 Не на русу ли косу, ленту алую,
 Запоручалъ меня, родимой,
 За поруки крѣпкія?
 Запоручалъ меня горькую,
 Батюшка-то родной!
 Ты торгомъ торговалъ,

Моей волнистой косой. —
 Не прогнѣвайся родимой,
 Что я не встрѣтила тебя,
 Среди двора широкаго;
 Дверей не растворяла,
 Поклономъ не встрѣчала,
 Сопротивъ креста не стояла. —
 Не за спесью, не за гордостью,
 За великимъ горемъ:
 За кручинушкой бѣдовой, —
 За порукой вѣковой!
 Запоручала меня сударь,
 Батюшка-то родной.

Отецъ раскладываетъ предъ нею свои покупки и подарки отъ жениха. — Она говоритъ :

Не надо мнѣ даровъ дорогихъ,
 Ни золота, ни серебра;
 Подари меня, батюшка,
 Волюшкой золотой!

Дѣвушки утѣшаютъ ее :

Не тужи, сибѣть Аннушка,
 Не плачь Михайловна!
 Сударь родной батюшка,
 Сударыня матушка,
 Не волей ли ужъ выдають?
 Выдають за соколика,
 Добраго молодца.
 Онъ былъ челомъ батюшкѣ,
 Кланялся матушкѣ:
 Все до тебя доступаючи,
 Все тебя выпрошаючи.
 Какъ звезды частыя,
 Ярко на небѣ горять,

Такъ очи ясныя,
 У Ивана твоего;
 Кудри золотыя,
 По плечамъ его лежать!
 Серебромъ приуащты,
 Жемчугомъ приуниваны. —
 Но кто жъ изъ нихъ приляжетъ?
 Приляжетъ, приляжется,
 Свѣтъ наша Аннушка,
 Дѣвица Михайловна!

Колды,
 Ложна и
 Баба.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, особенно въ городѣ Нерехтѣ, покупаютъ невѣсту за деньги. Не только бѣдные, но богатые поселяне почитаютъ себя за безчестіе, отдать дочь безденежно. Чѣмъ выше цѣна, тѣмъ болѣе чести для невѣсты, о чемъ провозглашается немедленно по деревнѣ. Продажная цѣна называется *кальмомъ*, и нѣтъ сомнѣнія, что этотъ обрядъ позаимствованъ отъ Татаръ, во время ихъ господствованія надъ нашими предками.

Женихъ посѣщаетъ свою невѣсту, почти ежедневно, и рѣдко прѣзжаетъ къ ней безъ подарковъ. Сопутствующимъ ему молодцамъ, онъ даетъ по штофу вина и ведру пива; а невѣста угощаетъ женщинъ и дѣтей лапшою. Во время масленицы, онъ непременно долженъ особо угостить парней и подругъ своей жены, а невѣста должна кататься съ нимъ въ саняхъ, одѣтая какъ можно побогаче, съ блестящимъ кокошникомъ, который надѣвается на нее однажды послѣ вѣчанія. — Ношеніе кокошника выходятъ здѣсь изъ употребленія.

За двое сутокъ до вѣчанія, крошатъ лапшу, какъ это бываетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малороссіи, и пекутъ пироги на яйцахъ. Родственницы жениха такъ же крошатъ лапшу, и посылаютъ невѣстѣ въ пода-

рекъ три колоба на блюдѣ. (*) Невѣста съ своими подругами принимаетъ колобъ, разуучиваетъ его и покренивъ въ лапшу, отсылаетъ обратно на томъ же блюдѣ, въ своему жениху, но съ подарками для его родственниковъ и родственницъ, какъ то : съ лентами, башмаками, платками и мѣлкими деньгами. — По обрученію молодыхъ, кормятъ ихъ на кругломъ столѣ, на коемъ рѣзали лапшу, и преимущественно той лапшою, которая была искрещена отъ трехъ колобовъ, въ томъ предубѣжденіи, что сердца молодыхъ соединителъ *сплосельчмой любавою*.

За день до вѣнчанія, невѣста прашается съ родителями ; если она сирота, то ходитъ на кладбище и вопрошаваетъ у нихъ благословенія : *родимые мои, бабушка и матушина ! Не нада мнѣ ни золота, ни серебра, а испрашиваю родительскаго благословенія. То же самое дѣлаетъ женихъ.* — На канунѣ свадьбы дружка точитъ баню для молодыхъ. — При отравленіи невѣсты въ баню съ своими подругами, родители благословляютъ ее хлѣбомъ-солью и иконою. Послѣ благословенія она подчиваетъ своихъ сродниковъ, а въ банѣ своихъ подругъ, рюмкою вина; потомъ всѣ дарятъ ее. — Дружка поддаетъ паръ пивомъ, или медомъ, думая соединитъ чрезъ то брачную жизнь сладкою. Другіе поддаютъ паръ водкою, въ томъ мнѣніи, что этимъ можно скрѣпить супружескія сердца нѣжной дружбою. Потомъ дружка подноситъ отъ себя, всѣмъ моющимся, по рюмкѣ водки. Нѣкоторыя дѣвушки, выходя изъ бани, бьютъ въ заслонъ и еговороды, давая этимъ знать, что невѣста царится. Послѣ подносятъ ей закуску, состоящую изъ пряниковъ и толстыхъ блиновъ на дрождахъ, называемыхъ *опекуми*. Она

(*) Правное тѣсто, замѣшанное на молокѣ и маслѣ.

возвращается домой при пѣвнн, и когда приведутъ въ избу, сажаютъ ее за обѣденный столъ, накрытый для нее и ея подругъ. Родные и родственники, когда она находится въ банѣ, обѣдаютъ отдѣльно. Отецъ, разломивъ благословенный хлѣбъ, подаетъ ей а она дѣлитъ его между своими подругами. Нѣкоторыя изъ нихъ завязываютъ въ узелки кусочки хлѣба съ солью, и хранятъ его, думая, пока онъ будетъ сохраненъ, доколѣ будетъ продолжаться миръ и согласіе между мужемъ и женою. Послѣ обѣда угощаютъ невѣсту пряниками, орѣхами и сушенными плодами.—Женихъ ходитъ въ баню въ тотъ же самый день, съ своими молодцами, и всегда послѣ невѣсты, часто въ ту же самую баню. Его дружка подаетъ паръ водкою, и угощаетъ водкою всѣхъ парящихся. Его обдариваютъ, кто чѣмъ хочетъ. Женихъ же даритъ дружку пестрымъ шейнымъ платкомъ, или краснымъ кушакомъ. На закуску подаютъ блины, и потомъ идутъ обѣдать къ жениху. Послѣобѣденное время проводятъ въ пѣвнн веселыхъ пѣсней, а подъ вечеръ собираются на дѣвичникъ. —

Прода-
на ко-
см.

Дѣвушки сидятъ наряженными, ожидая гостей. Дружка появляется прежде всѣхъ; онъ приноситъ невѣстѣ подарокъ отъ жениха: зеркало, покрытое полотномъ, и ящикъ съ гребенками, лентами, бѣлилами, чулками, башмаками, наперсткомъ, иголками и платочкомъ. Въ это зеркало не смотрится невѣста, пока не позовутъ ее къ вѣнцу. За спиною невѣсты сидитъ дѣвочка, называемая *заспдицицю*. Дружка покупаетъ у нее косу, кланяется низко и ласкаетъ красными словами; она не продаетъ. Невѣста обращается къ дѣвочкѣ, которая замѣняетъ мѣсто брата, и говоритъ папѣвомъ:

Ты послушай, милый братецъ,
 О чемъ тебя просить я буду :
 Не здавайся, милый братецъ,
 На слова на ласковы,
 На поклоны низкіе,
 На гостинцы дорогіе,
 На казну и на золото.
 Ни съ золотомъ мнѣ жити,
 Мнѣ жити и любить,
 Друга одного моего.
 Нахваляли мнѣ молодца :
 Былѣ онъ сивгу былого,
 Румянѣ пѣту алаго,
 Но молодець-то не мой!
 Чернѣ онъ соболя,
 Хитрѣ хитрой лисы,
 Съ морозами со лютыми
 Заябнуть рѣчи во сердце. —

Дружка подноситъ ей стаканъ меду, и когда она
 возьмется пить, или выпьетъ ; тогда онъ кладетъ на
 поднось деньги, говоря : *просимъ мѣсто опоразжить*.
 Онъ садится подлѣ невѣсты, и это означаетъ, что ко-
 са продана. Невѣста говорить ему со слезами :

Ужъ ты доброй молодець!
 Не садись возлѣ меня.
 Не твое это мѣстечко,
 Ужъ какъ твое мѣстечко,
 Съ парнями за воротами ;
 А мое мѣстечко
 Съ матушкой сидѣть,
 И съ нею ибси пѣть. —

Сваха встаетъ и кланяется гостямъ ; потомъ подхо-
 дитъ къ невѣстѣ и говорить : дитя, дитятко ненагляд-

ное! Мы не товаръ привезли, а сами за товаромъ пришли.—Она приступаетъ расплетать проданную косу. Тогда дѣвицы поютъ :

Коса моя, косонька
 Русая коса!
 Вечоръ тебя, косонька,
 Матушка плела.
 Золотомъ, серебромъ увивала,
 Скатымъ жемчугомъ низала, —
 По утру раненько,
 Пріѣхала сваха;
 Зачала мою косу,
 Невъжливо рвати.
 Все рвала, оборвала,
 И крупный жемчугъ рассыпала, —
 И на двое косоньку расплела. —

Во время пѣнія сваха нарочно рветъ косу, снимаетъ съ нее алую ленту, и показываетъ видъ, что она разрываетъ ее. Этимъ самымъ уничтожается дѣвическая свобода. Невѣста тогда въ слезахъ, — ее утѣняютъ.

Дѣвич-
 никъ.

У простолюдиновъ происходятъ свадьбы по большей части въ воскресенье, поэтому въ субботу, въ день дивичника, посылаетъ женикъ своей невѣстѣ гостинцы, состоящія изъ пряниковъ, колобовъ, орѣховъ, сушеныхъ плодовъ и яицъ, а невѣста посылаетъ ему въ замѣнъ почти тоже самое, или красный платокъ на шею. Впрочемъ, это зависитъ отъ выбора невѣсты.

Въ то самое время собираются гости, которые состоятъ преимущественно изъ родственниковъ молодыхъ: тещи, тетокъ, тестя, братьевъ и сестеръ, а въ томъ числѣ дружекъ, свахъ и тысяцкого. Когда род-

стивенникъ жениха вынимаютъ гостинцы, тогда поютъ подруги :

Ужъ что я сижу, душаю?
 Ужъ что я сижу, гадию?
 У меня ли не чуткое?
 У меня ли горя круты горы,
 Аль слезъ рѣки полныя?
 Вся поля слезами полны,
 Вся сады горемъ изсажены. —
 Не дали мнѣ горемычной,
 Во дѣвушкахъ насидѣтся;
 Не дали мнѣ молоденькой,
 Съ подругами наигратися;
 Не дали разуму созрѣти,
 Ляпу блѣму разцвѣсти.—
 Русу косу расчлени,
 Агу ленту сорвали.

Это напоминаніе дѣлаютъ дѣвушки къ тому, что сваха безвозвратно лишила ихъ подругу золотой волюшки. Приходитъ женихъ и кланяется: сначала образамъ, потомъ гостямъ, а наконецъ самой невѣстѣ. Постоявъ не много, онъ подходитъ къ своей молодой и садится подлѣ нея. Невѣста говоритъ ему:

Сядись, доброй молодець,
 Не съ гордостью, не со спесью,
 Сядись съ Божьею милостью.
 Бери, чтобъ не каяться,
 Жить въ любви не маяться.

Онъ подаетъ ей ключи на тарелкѣ или на подносѣ, въ ознаменованіе, что на нее возлагаются всѣ домашнія заботы по хозяйству.

Родственники поздравляют ее, а женихъ, послѣвъ не много, уходитъ домой. За нимъ идутъ вскорѣ его отецъ, мать а потомъ всѣ родственники. Есть еще обыкновеніе, что когда женихъ ѣдетъ съ родственниками, тогда стараются держать въ домѣ затворенными верота, и чтобы въ то время было на дворѣ тихо. Сватъ или дружка ѣдетъ впереди и отворяетъ верота, въ которыя въѣзжаетъ поѣздъ. Всѣ, кромѣ невѣсты, выходятъ на крыльцо встрѣтить жениха. Лошадей у поѣзда отбираютъ и становятъ въ конюшни, считая безчестнымъ оставлять ихъ на улицѣ.—

Невѣста, сколько ни старается быть веселою въ это время, но воспоминаніе о предстоящей для нея жизни, переносятъ ее воображеніе къ печальнымъ мыслямъ. Она обращается за совѣтами къ своей родственницѣ, по большей части къ теткѣ, и проситъ научить ее: какъ жить въ чужихъ людяхъ?

Тетушка, тетушка,
Тетка дорогая!
Ты пойди, поучи,
И горе-то смягчи. —
Я думаю думушку,
Думушку крѣпкую,
Скажи мнѣ безо лжи:
Какъ жить въ людяхъ чужихъ?

Тетка отвѣчаетъ:

Ты послушай мое племячко,
Я скажу тебѣ потайности:
Въ чужихъ людяхъ живучи,
Много нужды напринимаешься!
День денной на работѣ,
А ночиньки не досишишь:
И холоду и голоду!

А нуще бойся тещи.
 Носи платье, не снашивай;
 Терпи горе, не сказывай!
 Надо быть покорчиву,
 Головку поклончивой,
 Ко встѣмъ людямъ привѣтливой,
 И на всяко дѣло смѣтливой. —

Предъ уходомъ гостей, дарять ихъ не одинаково, смотря по состоянію: платками, лентами, башмаками, чулками и другими вещами. — Тогда уже расходатся. Случается, что невѣста до ихъ ухода, прощается съ своими родственниками, и прежде всѣхъ оставляетъ ихъ. —

Обрядныя дѣйствія часто требуютъ, чтобы невѣста спрашивала у своихъ родителей совѣта: какъ ей жить въ чужихъ людяхъ? или просила бы ихъ, чтобы они позабыли ее:

Родимой мой, батюшка,
 Пой гостей до пьяна;
 Чтобы гости позапили,
 И меня позабыли.
 Родимой мой, братецъ,
 Бери коня удалова,
 Поѣзжай въ темный боръ:
 Срубн березоньку,
 Завали имъ путь дороженьку.
 Родимая родная,
 Дари гостей не по ряду;
 Не дари-тко двухъ гостей:
 Друженьку-разлученьку,
 И свашеньку косу-рѣжку.

Невѣста ложится спать подъ иконами, за покры- Засты-
нне о снѣ
вѣстѣмъ
 тымъ скатертью столомъ. На немъ лежитъ хлѣбъ-солѣ

Часть II.

и стоитъ стаканъ пива или квасу. Этими хлѣбомъ-солью благословляютъ впоследствии молодыхъ, и ими встрѣчаютъ послѣ вѣнца. — Точно такъ же спитъ и женихъ. Первый сонъ замѣчаютъ и толкуютъ воражен. Невѣсту разбудиваетъ по утру мать или подруга молодой. Хорошее предзнаменованіе, если она спала долго, — это означаетъ спокойную жизнь. Вставаніе безъ разбудиванія, предвѣщаетъ прекрасную жизнь. Послѣ вставанія обращается невѣста къ своимъ родителямъ :

Богвиный ты, мой батюшка,
И радельница моя матушка!
Ты скажи-тко мой батюшко,
Со пріятушкой, со матушкой :
Что спалась ли вамъ темна ноченька?
Что спалась ли, не спалась,
А мнѣ-то горемышной
Головкѣ моей бѣдной,
Не спалося во всю ноченьку.
Не хорошъ мнѣ сонъ привидѣлся,
Ужъ что привидѣлось-то мнѣ ;
Что вставали вихры буйные,
Уносили то мою постелюшку
Въ незнаему сторонушку,
Къ чужому отцу матери,
Къ незнаему роду племени.

Обрядъ
предвѣ-
стично.

Въ этотъ же день обсылаютъ невѣсту и жениха : хлѣбомъ-солью, калачами и водкою ; а женихъ иногда вновь посылаетъ своей невѣстѣ, какіе нибудь подарки съ хлѣбомъ и солью. Последнее часто хранится въ семействѣ, какъ залогъ согласія и богатства. Все утро проводится въ уборкѣ молодой и жениха. Съ обѣихъ сторонъ занимаются особенно, чтобы про-

вестъ это время, какъ можно веселѣе и радостнѣе, дабы радоваться во всю жизнь. Избѣгаютъ всякихъ неблагопріятныхъ встрѣчъ, и стараются быть ко всѣмъ ласковыми и снисходительными. Женихъ, въ знакъ памяти о себѣ, даритъ своихъ близкихъ родныхъ и друзей, чѣмъ можетъ; а невѣста своихъ подругъ: бѣлилами и румянами, извѣстными въ простонародіи подъ именемъ *мазилей*; или она дѣлитъ между ними гостинцы своего жениха. —

Когда уже приближается время поѣзда къ вѣнцу, тогда начинаютъ убирать невѣсту. Одна изъ подругъ расплетаетъ косу; при этомъ случаѣ не только сама невѣста, но и подруги плачутъ съ нею. Невѣста спрашиваетъ у нихъ жалобно:

Скажите, подруженьки,
 Куда меня собираете?
 Куда наряжаете?
 Не гулять ли на ярмонкѣ?
 Не во луга ли зеленые?
 Не во лѣса ли темные?
 Не собираете ль горемычную,
 Къ Божьей церкви? —
 Ужъ какъ надвнуть вѣнецъ,
 Всѣмъ радостямъ конецъ. —

Молодые не употребляютъ пищи до самаго вѣнца. То же самое дѣлаютъ родственники. Отецъ и мать, предъ поѣздомъ молодыхъ въ церковь, благословляютъ ихъ иконами. За невѣстой прѣзжаетъ иногда женихъ, но большей частію дружка, который ѣдетъ тогда верхомъ, позади своего поѣзда; онъ кланяется встрѣчнымъ и говорить: милости просимъ къ нашему князю и къ нашей княгинѣ, хлѣба-соли откупать. — Молодой называется въ то время княземъ а молодая княги-

нею. — Если поѣздъ бываетъ вечеромъ, то жгутъ на дорогахъ солому, для предохраненія молодыхъ отъ вѣчной силы. — Дѣвушки невѣсты, завидѣвъ бѣдшаго дружку, поютъ :

Не лѣса ли преклоняются,
 Не воды ли разливаются,
 У батюшки широкова двора,
 У матушки новой гореньки? —
 Не гуся ли заговорили? —
 Заговорили добрые люди,
 Сватушки пріѣзжіе,
 Моя то разлучники.
 Не вершина въ избу клонится,
 Клонится друженька, Богу молится,
 Всѣмъ людямъ поклоняется :
 Батюшкѣ съ матушкой покоряется.
 Я не знаю друженька,
 Ни имя твоего, ни отечества;
 Не бери меня, друженька,
 За праву за рученьку ;
 Не веди меня, друженька,
 Къ вѣнцу золотому ;
 Не сажай меня, друженька,
 За столы дубовые,
 За скатерти бранныя. —

Послѣдніе три стиха поются, по большей части, когда невѣста сидитъ съ женихомъ за столомъ. Дружка, прибывъ въ избу, молится сначала иконамъ, а потомъ кланяется на всѣ четыре стороны. Двери избы запираютъ ; всѣ садятся, и посидѣвъ нѣсколько минутъ, молятся, а невѣсту благословляютъ. Она говорить съ плачемъ :

Ни прошу я, батюшка,
 Ни алата, ни сребра;
 Прошу я батюшка,
 Благословенья твоего. —
 Ужь я ли горькая,
 Слезы лью горючія?
 И меня ли кто утѣшитъ,
 На житье въковѣчное!
 Не прошу я, матушка,
 Ни злата, ни сребра;
 Прошу я матушка,
 Благословенья твоего. —
 Ужь я ль думала, гадала,
 Во чужихъ живати?
 Стенучи и плачучи,
 Къ вѣнцу повзжати!

По отправленіи молодыхъ къ вѣнцу, готовятъ ^{Обрядъ} обѣденный столъ, который застилаютъ чистымъ поло- ^{послѣ} ^{вѣнча-} ^{нія.} тномъ. На немъ занимаютъ первое мѣсто, благосло-
 венный хлѣбъ и коровай. Послѣ вѣнчанія надѣваютъ
 на молодую, въ притворѣ, сначала кокошникъ, въ ко-
 торомъ она сидитъ за свадебнымъ столомъ, а потомъ
 сваха накидываетъ на ея голову наметку и въ этомъ
 уборѣ везутъ ее съ женихомъ домой. Тутъ въ две-
 ряхъ, встрѣчаетъ ихъ сваха въ шубѣ, надѣтой на вы-
 воротъ, и старается испугать молодую, чтобы она бы-
 ла боязливая и почитительная. Отецъ или мать, бро-
 саетъ въ лицо соль, чтобы предохранить новобрачныхъ
 отъ раздора; или отецъ слегка бьетъ плетью по спи-
 нѣ новобрачной три раза, чтобы она забыла преж-
 нихъ жениховъ и любила одного мужа. Молодые
 кланяются въ ноги своимъ родителямъ, а послѣ сваха
 беретъ невѣсту за руку, и окручиваетъ ее съ обрядны-
 ми дѣйствіями, совершаемыми слѣдующимъ образомъ:

сваха приѣбливаетъ къ стѣнѣ вѣнчальными, зажженными свѣчи и сажаетъ новобрачныхъ подѣ свѣчами, на разосланномъ бараньемъ мѣхѣ или вообще на овчинѣ. — Послѣ, двѣ свахи: одна со стороны неvěсты, а другая со стороны жениха, расплетаютъ косу молодой, и плетутъ внизъ подѣ руку. По заплетеніи волосѣ въ двѣ косы, накидываютъ на молодую повойникъ, и съ тѣхъ поръ она не можетъ ходить простоволосою, даже при родныхъ, и ходитъ безъ повойника, считаютъ за великій грѣхъ. — Потомъ одна изъ свахъ бьетъ въ стѣну бревномъ, чтобы отбить сердце у молодой, т. е. чтобы молодая была добрая и не сердитая, — такое дѣйствіе называется крученіемъ. —

Когда усадятъ молодыхъ и гостей, тогда подчиваютъ всѣхъ: но прежде новобрачныхъ а потомъ гостей. — За тѣмъ набираютъ обѣдъ на крутильномъ столѣ. За обѣдомъ подаютъ благословенный хлѣбъ, который называется крутильнымъ. Во время стола подчиваютъ водкою и пивомъ. Послѣ обѣда начинаются уже пиръ, и тогда почитается невѣжливостію для молодыхъ и вновь сговоренныхъ, ѣсть что либо, исключая коровая. Молодымъ готовится особый ужинъ. На пиръ привозятъ два пирога: отъ неvěсты и жениха; пирогъ послѣдняго кладется на верхъ пирога неvěсты, въ ознаменованіе власти мужа надъ женою. Пирогъ начинается мясомъ и яйцами. Кушанье и пирогъ разрѣзываетъ тысяцкій, какое званіе носить крестный отецъ жениха. Сидящій дружка подлѣ тысяцкаго, раздаетъ гостямъ рѣзанный на куски пирогъ. Въ продолженіи пира поютъ свадебныя пѣсни и пляшутъ; бьютъ съ намѣреніемъ посуду, чашки и тарелки, и чѣмъ болѣе бьютъ, тѣмъ супружество счастливѣе.

Ночью уводят молодых спать въ подклѣтъ или сѣнникъ. Молодая разуваетъ своего мужа, и когда она снимаетъ сапогъ, въ коемъ лежатъ деньги, тогда онъ бьетъ ее слегка плетью по плечамъ. Это обыкновеніе однако не вездѣ уже выполняется.—Около подклѣта ходитъ ночью сваха или вооруженный дружка; чтобы колдуны не испортили молодыхъ. На другой день провозглашаютъ молодую. Если на нее не падаетъ безсчастное имя; то молодой благодарить ее отца и мать; въ противномъ случаѣ онъ не ходитъ къ нимъ на поклонъ.

Дружка заранѣе приготовляетъ баню, и приглашаетъ париться: сначала молодыхъ, а потомъ ихъ родственниковъ. Новобрачная даритъ дружку пометелцемъ, которое она нарочно приноситъ съ собою, и оставляетъ развернутымъ на калкѣ. Послѣ бани угощаютъ новобрачныхъ блинами, а за обѣдомъ, какъ ихъ такъ и родственниковъ, разными кушаньями и напитками, приготовленными въ домѣ молодой.—Тутъ она даритъ свекра и свекровь рубашками, а прочихъ платками. Богатые свекровь и свекоръ, обдариваютъ ее взаимно: полетномъ, мукою и пивомъ. Вечеромъ отправляется новобрачный съ своей молодою на ужинъ, къ своему тестю и тещи. На столъ, между прочими кушаньями, подаютъ приготовленные на яйцахъ блины, коихъ концы съ намѣреніемъ перепутаны и скрыты, а женихъ, не разрѣзывая блина, долженъ распутать ихъ. Тогда онъ признается удакою головою, не проводчивымъ, и жена уже не проведетъ его.—

ДОПОЛНЕНИЕ.

Въ уголкахъ дальнихъ селеній и деревень, господствуетъ простота и въ образѣ жизни и въ изліяніи сердечныхъ мыслей. Тамъ сельскія празднества и удовольствія, выражаются не принужденно. Поетъ ли поселянинъ или гуляетъ, — онъ дѣйствуетъ какъ чувствуетъ его сердце. Раздается ли свадебное веселіе, — онъ празднуетъ его съ непритворной душою — Вотъ образецъ простоты той сельской радости, которая совершается въ Боршевскомъ селеніи, Нерехтовскаго уѣзда, костромской губерніи (*).

Самое дѣятельное участіе въ свадьбѣ принимаютъ здѣсь : свахи, сваты и дружки, — послѣдній распоряжается еще пиромъ и веселіемъ. Когда уже оконченъ сговоръ, тогда онъ ѣздитъ просить сосѣдей : откушать хлѣба-соли, и попировать. Приглашая на веселіе отъ имени жениха, невесты и ихъ родителей, онъ проситъ каждое семейство съ поклономъ, говоря :

Бьютъ челомъ, бачка Андрѣвичъ
 Бьютъ челомъ, мачка Ивановна,
 Къ новобрачному князю,
 Къ молодой княгинѣ
 Хлѣба кушати. —

По приглашеніи гостей въ домъ невесты, онъ заботится о порядкѣ ихъ приѣма ; привѣтствуетъ каждого приличными словами, встрѣчаетъ и провожаетъ. При

(*) Описаніе этой свадьбы помѣщено г. Снегиревымъ въ его прекрасномъ сочиненіи : Руск. и простонар. праздн. и суевѣр. обряды, вып. IV. с. 132—142. Изъ этого сочиненія извлечены одинъ только свадебныя пѣсни.

появленіи отца и матери жениха, онъ именуется ихъ сватушкой и свахонькой, и просить сначала у нихъ благословенія,—потомъ у родственниковъ молодыхъ, а тамъ у всѣхъ гостей.

Еста сватушка кореной и свахонька коренная!

Вы сродниковъ созывали,
Храброй повязъ собирали,
Новобрачнаго князя снаряжали,
Въ цвѣтно платьѣ одѣвали,
За столы дубовые сажали.—
За столами за дубовыми,
Сидятъ гости собранные.

Поютъ, прохлажаются,
Храбрымъ поступкомъ похваляются:
У тебя де, сватушка, на дворахъ на широкихъ
Стоять кони снаряженные,
Во дороженьку припасенные;
Стоять кони, поминаются,
Съ широкова двора порываются,
Новобрачнаго князя дожидаются.
Новобрачной князь собирается,
Во цвѣтно платьѣ одѣвается,
Стоитъ на резвыхъ ногахъ,
Просить родительскаго благословенья.
Благословите, сватушко, свое дитя,
Изъ мѣста встать,
Святымъ помолиться.

Благословите!

Изъ за столовъ итти изъ за дубовыхъ,
Изъ за скатертей изъ за бранныхъ,
Изъ за вѣтвицевъ изъ за сахарныхъ
Изъ за пѣтвицевъ изъ за медяныхъ,
По горенкѣ итти по новой,
Черезъ порогъ переступить.
По мосту по калинову,

По ливенькѣ по брусчатовой,
 Широкииъ дворомъ итти,
 Ко добру коню притти,
 На добра коня садиться
 Съ широка двора съѣзжать,
 Гладкой улицей проѣзжать,
 Въ чистое поле выѣзжать,
 По лугамъ ѣхать по зеленыиъ,
 По цвѣтамъ по лазоревыиъ. —
 Цвѣтки разцвѣтали,
 Поднебесныя птички распѣвали,
 Новобрачна князя увеселяли. —
 Ёдетъ де нашъ, новобрачный князь,
 По свою новобрачну княгиню,
 Сужену взять, сужену взять,
 По Божьему повелѣнью,
 По царскому уложенью,
 По господскому приказанью,
 По мирскому приговору
Благословите!

Потомъ обращается къ гостямъ :

Еста, добрые люди,
 Гости полюбивные
 Званые и незваные,
 Усатые и бородатые,
 Холостые и не женатые,
 У воротъ приворотнички,
 У дверей притворнички. —
 По полу ходючи,
 По середѣ стоячи,
 Изъ кута по лавкѣ,
 По кривой по скамейкѣ.
Благословите!

Молодыя женщины, одѣтыя въ нарядныя шубы или платья, сидятъ на лавкахъ въ чинномъ порядкѣ. Дружка обращается къ нимъ и говоритъ :

Молоды молодки!
Хорошія находки
Куны шубы,
Соболиныя пухи,
Съ поволоками глаза,
Съ помахи голова,
Золоты кокошники,
Серебряны сережки,
Дочери отецки,
Жены молодецки,
Благословите!

Дѣвушки, наряженныя въ яркія съ пестрыми цвѣтами одежды, съ зачесанными волосами и перевитыми косами, сидятъ рядомъ молчаливо.—Дружка кланяется имъ вѣжливо и говоритъ :

Красныя дѣвицы!
Пирожныя мастерицы
Чосаныя головы,
Круглыя голени
Сметанку снимали,
Кокурку мѣсили,
Подъ застречь хоронили,
Молодцевъ дарили,
Благословите!

Дружка привѣтствуетъ потомъ дѣтей и наконецъ отправляется съ своимъ поѣздомъ къ жениху, который ѣдетъ съ нимъ въ то селеніе, гдѣ его невѣста.— Не доѣзжая до села, дружка оставляетъ жениха въ молѣ со всѣми поѣзжанными, и идетъ съ однимъ подружкою

къ свату, который встрѣчаетъ ихъ съ пивомъ на дворѣ. Дружка, принявъ пиво, говоритъ:

Еста, сватушка кореной!
 Я иду самъ третей съ ковшомъ,
 Рязвы ноги съ подходомъ,
 Былы руки съ подносомъ,
 Кѡвшикъ съ питьемъ,
 Голова съ челобитьемъ:
 Ковшикъ тебѣ принять да пить,
 Послѣ того здорову быть:
 Въ ручки, въ ножки,
 Въ буйну голову,
 Въ ретиво сердечко.
 Ковшикъ прійми да выкушай,
 А меня тамъ въ горницѣ,
 Выслушай!

Идутъ въ троемъ въ избу, кланяются сначала образамъ, потомъ на всѣ четыре стороны и садятся, а дружка говоритъ:

Еста стватушка и свахонька кореные!
 Нашъ свать и сваха приказали про васъ распросить,
 Про свое рассказать:
 Нашъ свать и сваха и добры и здоровы,
 По сяковъ день и по сяковъ часть, —
 Какъ васъ Богъ несетъ?

Свать просить ихъ сѣсть. Дружка садится за столъ; ихъ подчуютъ пивомъ и водкою. Дружка напоминаетъ свату, что пора показать невѣсту, и увидѣвъ ее, проситъ снарядить въ благословенный путь. Отецъ соглашается, дружка беретъ ее за руку и сажаетъ за столъ; подноситъ свату кружку пива, убѣждаетъ отца посадить подлѣ ее стражу, чтобы она не ушла. Случалось,

что невѣста, не дождавшись жениха, уходила изъ за стола, потому сажали подлѣ нее стражу изъ подружковъ, которые берегли ее до прибытія жениха.—Отецъ соглашается приставить стражу, дружка на—крѣпко наказываетъ смотрѣть за быстроногою, совѣтуетъ не слушать ее словецъ и беречь княгиню молодую. Посидѣвъ не много за столомъ, встаетъ и говоритъ, что ему теперь надобно ѣхать въ чистое поле, въ которомъ, за темными лѣсами, за зелеными лугами и быстрыми рѣками, ожидаетъ храбрый его князь; что молодой князь, подъ шатромъ полотнянымъ, гуляетъ съ своею дружиною; пьетъ изъ чаши медяной и похваляется своимъ тестемъ.

Обычай, оставлять жениха въ полѣ съ поѣздомъ, позаимствованъ отъ Татаръ и онъ удержанъ здѣсь по нынѣ.

Поклонившись свату, дружка выходитъ изъ избы, но не дойдя до дверей, говоритъ :

Еста сватушка, я дружка съ подружемъ
 Пріѣхалъ къ тебѣ на широкой дворъ. —
 Широки дворы осматривалъ,
 Новые стойлицы опрастывалъ,
 Добра коня въ путь поворачивалъ
 За точеные столбы привязывалъ.
 Ваша милость встрѣчали,
 Въ нову горницу звали.
 Я ходилъ въ нову горницу,
 Богу помолился ;
 Съ вашей милостью поклонился.
 Ваша милость встрѣчали,
 За дубовые столы сажали.
 Посидѣлъ, погостилъ,
 Что надо, себѣ получилъ,
 Новобрачну княгиню за столъ посадилъ.

Не такъ просто уезжалъ,
 А сторожа оставлялъ.
 Богу помолился,
 Съ вашей милостью прощался,
 Изъ новы горницы выходилъ,
 На новой дворъ выступалъ,
 Къ доброму коню приходилъ,
 На добра коня садился,
 Съ широка двора съезжалъ,
 Широкия улицы проезжалъ,
 Въ чисто поле выезжалъ,
 Храбрый свой повоздъ искалъ.
 Мой храбрый повоздъ
 Стоитъ въ чистомъ полѣ, далече :
 За тѣнными лѣсами,
 За зелеными лугами,
 За черными грязями,
 За быстрыми рѣками
 Подъ ходячими облаками,
 Подъ чистыми звездами,
 Подъ краснымъ солнышкомъ,
 Подъ свѣтлымъ мѣсяцемъ,
 Подъ лебединымъ крылушкомъ,
 Подъ полотнянымъ шатеркомъ :
 Пьютъ, ѣдятъ изъ чашы медяной,
 И хваля, про свата выспрашиваютъ:
 Есть ли-ста дворы широкіе,
 На дворахъ столбы точеные,
 Кольца золоченыя,
 Ясли крашеные,
 Ковры шелковые ?
 Ну, сватушка, у меня ѣдетъ великъ повоздъ :
 Сто вершниковъ,
 Пятьдесятъ тележниковъ—
 А рюмочку поднесешь, такъ и убавлю ;
 А другую поднесешь, такъ половину убавлю;
 А третью поднесешь, такъ самъ о себѣ прибавлю.

Дружкѣ подносятъ чарку вина, а свать изъясняетъ согласіе, что онъ радъ принять весь его поѣздъ. Дружка отправляется за женихомъ, который, въ сопровожденіи его и своихъ вершниковъ, въѣзжаетъ на дворъ. Ворота до толѣ затворенныя, растворяются самимъ хозяиномъ; у крыльца же встрѣчаетъ жениха свать, который вводитъ его за руку въ избу и сажаетъ подлѣ невѣсты. Всѣ садятся по своимъ мѣстамъ; потомъ подчуютъ ихъ пивомъ, а дружка, вставъ съ своего мѣста, напоминаетъ гостямъ и свату, что пора ѣхать молодымъ къ вѣнцу и принять законъ Божій по мірскому приговору.

Еста, сватушка кореной,
 И свахонька кореная!
 Благословляйте новобрачнаго князя,
 Съ новобрачной княгиней
 Изъ мѣста встать,
 Богу помолиться
 Добрымъ людямъ поклониться,
 У отца и матери благословиться.
 Изъ за столовъ итти изъ за дубовыхъ,
 Изъ за скатертей изъ за браныхъ
 Изъ за ѣствицевъ изъ за сахарныхъ,
 Изъ за пѣтицевъ медяныхъ.
 По горенкѣ итти по новой,
 Черезъ порогъ переступить,
 По мосту по калмиву,
 По лѣсенкѣ по брусчатой,
 Широкимъ дворомъ итти,
 Къ добрымъ конямъ притти.
 На добрыхъ коней садиться.
 Съ широка двора съѣзжать,
 Гладкой улицей проѣзжать.
 Ѣхать по чистымъ полямъ,

По зеленымъ по лугамъ,
 По лазоревымъ цветамъ. —
 Цветы рацвѣтали,
 Поднебесныя птицы расцвѣтали,
 Новобрачныхъ увеселяли.
 Бѣдетъ новобрачной князь,
 Съ новобрачной княгиней,
 Ко вѣнчанію.

Подъ вѣнецъ стоять,
 Законъ Божій принять,
 Суженую взять,
 Ряженого взять,
 По Божьему повѣщенію
 По царскому уложенію
 По господскому приказанію,
 По мірскому приговору.

Благословляйте !

Всѣ встаютъ съ своихъ мѣстъ; женихъ беретъ за руку невѣсту и обратившись къ образамъ, онъ молится съ нею; за ними молятся всѣ присутствующіе. Потомъ обращаются молодые къ родителямъ, падаютъ имъ въ ноги и просятъ у нихъ благословенія. Ихъ благословляютъ сначала иконами, которые кладутъ имъ на голову, а послѣ благословляютъ хлѣбомъ-солью. —

Мальчикъ, — братъ невѣсты, а если нѣтъ брата, то ктонибудь другой, — беретъ въ руки икону, выходитъ прежде всѣхъ изъ избы и провожаетъ молодыхъ въ церковь. Хлѣбъ-соль относится въ подклѣтъ молодыхъ. — Подклѣтъ бываетъ холодная, постель стелется на ржаныхъ снопахъ и покрывается одѣяломъ и шубами.

Когда князь съ княгиней выйдутъ изъ избы, тогда дружка снова обращается къ гостямъ, съ тѣми же приговорами, какія произносилъ прежде. Женихъ и невѣста отправляются въ церковь. — При совершеніи вѣн-

чанія замѣчаютъ, кто ступитъ прежде на коверъ или кто станетъ прежде по правую руку,—тому господствовать въ домѣ. Новобрачныхъ встрѣчаютъ съ радостными припѣвами и поздравляютъ ихъ. Угощеніе начинается водкою, и потомъ всѣ садятся за столъ. Послѣ обѣда бывають пляски, и поются веселыя пѣсни. По наступленіи времени увода молодыхъ въ почивальную кѣлѣ, дружка сопровождаетъ ихъ, но говоритъ сначала :

Еста сватушка кореной,
И сваховька коренная!
Благословляйте своихъ детей, —
На подкѣтъ итти,
Подъ шубой спать,
Подъ куньей спать;
Кунью шубу къ ногамъ топтать,
Здоровенько спать,
Веселенко вставать. —

На другой день ходятъ молодые въ баню, а ее топить дружка. Потомъ родные и родственники собираются на обѣдъ къ молодымъ. — Этимъ оканчивается сельская свадьба. — Въ теченіи почти цѣлой недѣли, приглашаются новобрачные на обѣды и пирушки, которые даются ихъ родственницами. Тутъ уже обдариваютъ ихъ, кто чѣмъ богать.

XI. СВАДЬБА ВЪ ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Свадеб-
ство.

Главное дѣйствующее лице въ продолженіи всей свадьбы, есть старшій свать. Онъ, по желанію жениха или его родителей, отправляется сватать невѣсту, преимущественно между знакомыми ему дѣвушками. Свать, войдя въ избу, молится сначала съ иконами, потомъ кланяется на всѣ четыре стороны и спрашиваетъ хозяина. — Э тотъ выходитъ и спрашиваетъ: отъ куда Богъ несетъ? — Изъ дальней стороныни; Дорогой мой сосѣдушко, отвѣчаетъ онъ, мы нарочно сюда прибыли, и вѣстимо не безъ дѣла. — Просишь милости, отвѣчаетъ хозяинъ, указывая ему мѣсто на лавкѣ. — Благодарствуемъ, говоритъ онъ, мы арбындаи сюда по дѣлу, вѣстимо по дѣлу, сосѣдушко. Сделать, есть у васъ продажный товарецъ, — дай вамъ; Господь милосердный, здоровья, а мы найдемъ на него купца. Иногда говорятъ: я слышалъ, что у тебя есть товаръ, а у меня есть купецъ; твой товаръ, я слышалъ, дорогой, хорошій и нележалый, а у меня есть купецъ: богатый, хорошій и неженатый. — Хозяинъ смекнувъ, въ чемъ дѣло, говоритъ: дай Богъ въ доброй часъ. — Онъ проситъ свата садиться, не чинясь, и узнавши, отъ кого наряженъ по дѣлу, распра-

спрашивает о здоровья стариковъ. (*)—Старики-то и живы и здоровы, семейкѣ твоей низко кланяются, себѣ сына ка выросали, а мамя ему невѣсту яснасть выпросила. Послѣ этого, свать спрашиваетъ позволенія пріѣхать съ *дегладками*, приговаривая: вѣдь у насъ сторонущина православная, не бусурманская; въ ней не вѣнчаютъ молодыхъ безъ погляду.—Отецъ, изъявивъ согласіе, угощаетъ свата, и это называется *малой пропой*. Къ слѣдующему утру все готово въ домѣ невѣсты, чтобы принять жениха, его родителей, родню свою и знаменыхъ. Убранная дѣвушка, какъ можно лучше, сидитъ въ заднемъ углѣ. Дверь въ избѣ запираютъ крѣпко и крѣпко. — Свать, пріѣхавши съ женихомъ, подходитъ къ избѣ, но замѣтя, что дверь заперта, начинаетъ стучать. — Кто тамъ? спрашиваютъ изъ избы. — Проѣзжіе, добрые люди. — Что надо? — Выпустите обогрѣться, обидѣя съ дороги. — А откуда проѣзжіе? — Слѣсь пускается свать въ сказки и приказыи, до концы судятъ достоинствѣ свата, а потому набираютъ для этого случая опытнаго балагура. Во время разсказовъ отворяется дверь. — Проѣзжіе чай передрогли съ кододу-го, говорятъ отворяющій дверь, и подносятъ полный стаканъ водки. — Свать входитъ въ избу, вышываетъ и говоритъ: водка водкою, а старички твердятъ: вѣй да ума не пропей, и дѣло разумѣй. — Потомъ онъ осматриваетъ избу, и обойдя около лавокъ три раза, начинаетъ осматривать невѣсту. Послѣ осмотра вступаютъ онъ въ переговоры, при которыхъ выхваляется досто-

(*) Когда отецъ не согласенъ выдать свою дочь за мужъ, тогда онъ отвѣчаетъ ему прямо: товаръ не по купцамъ, или: товаръ еще не готовъ.

нства жениха, увеличивая ихъ сколько можно болѣе, и спрашивать позволенія у неvěсты ввести жениха въ избу. — Получивъ на то позволеніе, онъ беретъ голкъ (истертый вѣникъ) и прометаеть дорогу, отъ дверей до неvěсты; потомъ отворяетъ дверь, — протягиваетъ руку жениху и ведетъ его по прометеной дорожкѣ къ неvěстѣ.

Сговоръ. Женихъ и неvěста, посмотрѣвшись другъ на друга, изъявляютъ согласіе вступить въ бракъ. Отецъ неvěсты благодаритъ жениха, что онъ не побрезгалъ его дочерью, снимаетъ со стѣны св. иконы, и вмѣстѣ съ своей женою, а если нѣтъ ее, то со старушкой, близкой родственницею, образуютъ (благословляютъ) жениха и неvěсту. Послѣ образованія, цѣлуются молодые. Сватъ вынимаетъ изъ за пазухи водку, и подаетъ всѣхъ гостей, бывшихъ при образованіи, — это называется *большой пропой*. — Въ этотъ самый день, а иногда на другой, совершаютъ обручаніе въ присутствіи священника, или безъ него. Молодыхъ ставятъ на разостланномъ, овчиномъ платкѣ, вывтроченномъ шерстью вверхъ, и обручаютъ ихъ.

Дѣвичникъ. На дѣвичникъ пріѣзжаетъ женихъ съ подженишникомъ, сватомъ и дядькою (*), и привозятъ изъ дома обѣдъ, который состоитъ: изъ вареной и жареной говядины, баранины, поросенка, ветчины, птицъ, хлѣбнаго печенья, водки, наливокъ, пива, меду и браги; ставятъ все это на столъ, до пріѣзда родни неvěсты. По собраніи всѣхъ гостей, садятся за столъ. Женихъ и неvěста не обѣдаютъ за общимъ столомъ, а сидятъ порознь въ углу избы. Послѣ обѣда выходятъ въ сѣ-

(*) Обязанность дядьки: одѣвать жениха и прислуживать ему во всѣхъ прихотяхъ.

ни женихъ съ дядкою. Сваха и младшій свать (такъ называютъ свата со стороны невесты), покрываютъ рядомъ (холостомъ) всѣхъ дѣвушекъ, сколько бы ихъ ни было на дѣвичникѣ. Вслѣдъ за этимъ является женихъ, который непременно долженъ узнать, между покрытыми дѣвицами, свою нареченную, — для этого онъ обходитъ нѣсколько разъ, всѣхъ поочередно. Узнавъ невесту, сбрасываетъ съ нее рядно и цѣлуетъ, по приговору пѣвиць, *во уста сахарныя*. Тогда садятся молодые за столъ, а дѣвицы поютъ :

Черна, черна была
 На горѣ стояла,
 Главу преклоняла.
 Гора ль моя, горка!
 Скажи мнѣ всю правду:
 Скоро ль зима стаятъ,
 И кака я будетъ?
 Лютыя ль морозы?
 Глубокіе ль снѣги?
 Буйныя ли вѣтры?
 Грозныя ли тучи?

Эту пѣсню поютъ еще :

Была чернобылка,
 На горѣ стояла
 Лели, лели, лели, лели!
 Къ горѣ припадала,
 Горушку пыгала,
 Лели, лели, лели, лели!
 Ты скажи, скажи горушка,
 Какова зима будетъ?
 Лели, лели, лели, лели!
 Какова зима будетъ?
 Морозы лютыя,
 Лели, лели, лели, лели!

Морозъ лютые,
Сивги глубодіе?

Дели, дели, дели, дели!

Катеринушка плачетъ,
Къ столу припадаетъ!

Дели, дели, дели, дели!

Къ столу припадаетъ,
Матушку пытается.

Дели, дели, дели, дели!

Ты скажи, скажи матушка :
Какова доля будетъ? —

Дели, дели, дели, дели!

Житье золотое. —

Каковъ Иванъ будетъ? —

Дели, дели, дели, дели.

Умомъ и разумомъ? —

Да не жарко горить лучина,
Да не жалко плачетъ (такая-то)
Не разжалобить никого :
Ни своего батюшки роднаго,
Ни сударыни матушки родненькой. —
Да когда захочу, разжалю:
Выплету улеты съ русыхъ косъ,
Повышу улеты на приклѣть,
Куда моей матушки въ клѣть ходить;
Въ клѣть научи, заглянеть,
Изъ клѣти научи, заплачетъ:
Это моей дочушки улеты,
Она эти улеты носила,
Подворье мое красила. —
Моей дочушки не стало,
Мое подворье завьяло. —

Растопная ты бабка,
 Разгорная ты бабка!
 Ты рассыпай, Билой жемчуг,
 Да по черному ли по бариту,
 По серебряну ли по блюдецу. —
 Ты расплачься ли, Марьюшка,
 Ты расплачься ли, Степановна:
 Предъ батюшкой стоючи,
 Утренними, вечерними зарями, —
 Все своими горячими слезами.

Ахъ ты ель, ты елущечна.

Золотая ель, макушечки!

Похились ты ель, туда, сюда. —

Аль все ли твой ветійки?

Ахъ все ли да мой ветійки? —

Только нѣтъ да верхушечки,

Золотой моей макушечки.

Молодая свѣтъ Катериноушка

Оглянись ли туда, сюда,

Посмотри ты во все стороны. —

Ахъ! весь ли тутъ твой родъ, племя?

Ахъ! весь ли тутъ мой родъ, племя?

Только нѣту мойво батюшки,

Только нѣту мойво роднаго. —

Мой батюшка, у Господа Бога

Просился, на сыру землю,

Посмотрѣть свое рожденіе:

Хорошо ли оно да снаряжено,

Да на нѣств ли посажено?

Снаряжено, какъ лебедушка,

Посажено, какъ опрѣтушка,

Черезъ поле полевное,
 Черезъ сине морашно,
 Тамъ лежала досточка, —
 Досточка дубовая. —
 Да никто по досточкѣ,
 Да никто не хаживаль;
 Никого за рученьку,
 Никого не важиваль.
 Перешель Иванушко
 Перешель Евграфовичъ;
 Перевель Катеринушку,
 Перевель Степановну;
 Перевезши, цѣлуются,
 Цѣлуются, милуются.

Въ полюшкѣ лебедушка вскрикнула,
 Во теремъ Катеринушка всплакнула,
 Жалостно на матушку пеняла:
 Богъ тебѣ судья, родимая матушка!
 Молоду въ чужіе люди отдаешь,
 Останется зеленый садъ безъ меня,
 Поблекнуть всѣ цвѣтики во саду:
 Аленькій, мой миленькій цвѣточикъ. —
 Вставай моя матушка, раненько,
 Поливай мои цвѣтики частенько. —

Продана
мѣстамъ.

Пирушка длится за полночь. — Дружка прекращаетъ ее приглашеніемъ гостей на свадьбу. —

Утромъ готовится поѣздъ къ вѣнцу. — Женихъ съ сватомъ, дружкой, подженишникомъ, дядькой, посаженнымъ отцомъ и матерью, везутъ, въ домъ невесты, три стравы (кушанья). — Поѣзжаные, войдя въ дворъ, поютъ :

Ужъ какъ вышалъ синомъ, —
 Чуть видѣлъ следомъ ;
 А мы по слѣдочку. —
 Коня притомились,
 Самы приморились.
 Здѣсь коней накорнимъ,
 Здѣсь сами отдохнемъ.

Сѣнная дверь, затворенная до тѣхъ поръ, открывается по маменьку. — По какому виду? по какому слѣдочку пріѣхали сюда? спрашиваетъ братъ или родственникъ маѣсты, который стоитъ возлѣ нея, въ углу сѣней, и держитъ въ рукахъ скалку или ухватъ. — Себя неказать, а васъ посмотреть. — кричать новъжайше. — Выходитъ свать и говоритъ: вы слышали, что у тебя есть товаръ продажный, возьми его намъ; коли полюбится, мы купимъ его. — Мы дорого просимъ, отвѣчаетъ родственникъ. — А мы дорого дадимъ, ни кому не уступимъ; оставимъ за собою, — что возьмешь? — Золотую гривну, мѣди полтаву, да четыре стакана водки. — Какой величинны стаканы? — Стоящій возлѣ невесты, показываетъ стаканы, свать наливаетъ немедленно, разъ за разомъ: — Въ избѣ четыре угла да пятый столбъ, говоритъ продавецъ, — когда осушить четыре стакана. — Тогда свать наливаетъ пятый. — Ну, вотъ и товаръ вашъ, говоритъ продавецъ, указывая на косу невесты. — Свать бьетъ его плетью и кричитъ: вонъ изъ избы! — Привезенныя травы женихомъ, немедленно ставятъ на столъ. —

Закусивши слегка, всѣ ѣдутъ въ церковь. Молодой ^{Позже} кладутъ за поясъ: мыло, рабину и сѣть рыбью, и это ^{моло-} она должна хранить во всю свою жизнь, въ томъ ^{дѣлѣ.} предубѣжденіи, что мыло охраняетъ нечистоту,

рябина даетъ твердость, а отецъ будетъ держать мужа въ повиновеніи.—Женихъ отправляется со сватомъ впередъ, чтобы встрѣтить невѣсту у паперти церковной. Невѣста ѣдетъ съ своими свахами и подругами: она сидитъ въ закрытой повозкѣ, называемой буткою. Заняты ѣдутъ особыя телѣги, съ пирогами и виномъ. Встрѣтившійся кто либо съ повоздомъ, долженъ своротить съ дороги, за что подносятъ ему водки; въ противномъ случаѣ посылаются побой. — Поездка продолжается болѣе пяти часовъ; какъ бы ни было близко къ деревнѣ, ибо на всякомъ перекресткѣ останавливаются; пѣютъ вино и *ирюмъ* (поютъ) пѣсни. При появленіи дружки у священника, непременно должно поставить ему на столъ, по правой и лѣвой полъ ведра водки и двѣ лей обдѣянный грипасъ.

— Когда все готово въ путь, тогда поетъ поѣздъ.

Повзжайте бояре,
Снимайте собольи шапки.

Снимаютъ шапки.

Вы хватайте бояре,
Хитлявья перья.

При этомъ обсыпаютъ шапки зерновымъ хлѣбомъ; попавшія зерна въ шапку, берутъ для посѣва. Этотъ обрядъ называется *обсыпанье хлѣбомъ*. Когда двинется поѣздъ, тогда запѣваютъ поѣзжаные:

Повозникъ кудрявый!
Пріударь коня больно,
Чтобы конь свжалъ бодро.
Чтобы я не слыкала,
Мамъ матушка плачетъ.

Какъ матушка платить
Родней задыхаетъ. —

Когда отъѣдетъ повзды отъ дома.

Пала, припала, молодая поросня,
На той на порогахъ, славинька леснала;
По той по славинькѣ, кунья пробѣжала;
За тою-мунью, охотнички вѣдять;
Охотнички вѣдять, гаркають и свищуть.—
Кунью братъ, Катерину Степановну ищуть;
Косей утомили, кунью изловили. —

Ж.

Полетѣлъ соколикъ, полетѣлъ :
Только крылушкомъ задривѣлъ :
Повхалъ Ваничка, повхалъ,
Только плеточкой замакалъ.
Молодые сватюшки запыли,
Золотыя подводы зазвнѣли. —

Послѣ вѣнчанія расплетаетъ молодой князь своей
молодой княгинѣ, ей косу на двое, виѣ церкви; потомъ
двигается повзды и поетъ :

Вскрикнули туси,
Оку переплывши,
Трескими перешедши
И на горку вшедени:
Свѣтъ мой волочика,
Батюшки подворье!

Обрашаясь къ невѣстѣ :

Рѣка ль моя реченка,
Рѣка ль моя быстрая,

Что течешь, не улыбаешься,
 Изъ бережковъ не вылаешься?
 Что сидишь припечалившись?
 Что сидишь, не улыбаешься?
 Говоришь не улыбаешься. —
 Вы сестрицы, подруженьки,
 Ахъ! какъ же мнѣ веселой быть?
 Нѣтъ уже у меня роднишнихъ,
 Нѣтъ ни батюшки, ни матушки. —

Подъѣзжая къ дому :

Измѣшкали темну ночь,
 Прождалась соколица—матушка. —
 Соколика долго нѣтъ :
 Его красныя дѣвки,
 Въ высокъ теремъ завели,
 Тертыми калачами кормили,
 Сытовой водою поили.

Приѣздъ
 молодо-
 дежи.

До приѣзда молодыхъ, все въ домѣ выметають, что-
 бы никогда не было ссоры между молодыми, и не по-
 портили ихъ враги, которые, по мнѣнію простодушныхъ,
 часто портятъ ихъ за то, что не пригласили ихъ на сва-
 дьбу, или пригласили, но угостили плохо. Иные дума-
 ютъ, что на свадьбу являются скрытно долауны, и пор-
 тятъ наговоромъ на водѣ, соли и куреніемъ ладава. —
 Молодыхъ встрѣчаютъ съ хлѣбомъ—солью, и обсыпа-
 ютъ хмѣлемъ : они падаютъ въ ноги родителямъ, ко-
 торые благословляютъ ихъ. Потомъ заводятъ ихъ за
 столъ и угощаютъ. Черезъ нѣсколько времени подаютъ
 обѣдъ для гостей, но новобрачные не ѣдятъ ничего.
 По окончаніи обѣда, дѣвушки катають новобрачного
 на постель, на коей онъ долженъ спать съ молодою,
 въ томъ мнѣніи, что укатанный новобрачный, будетъ

во всегдашнем повиновеніи у своей жены.—Постель стелется на ржаныхъ колосьяхъ. Потомъ свахи уводятъ молодыхъ въ брачную кѣтѣ. При раздѣваніи молодого, должна молодая снять съ правой ноги его сапогъ, и положеныя въ немъ деньги, она беретъ себѣ.—

На другой день топятъ дѣвушки баню, за что молодой даетъ имъ деньги на вѣники. Послѣ бани посыпаютъ новобрачные всю свою родню, и приглашаютъ ее на княжій паръ. Съ ними ѣздитъ свать : онъ стучится каждому въ дверь, называетъ по имени хозяина и говоритъ : коли дома, скажись ; коли нѣтъ, откажись. Пойди къ нашимъ молодымъ поближе, они тебѣ поклонятся пониже. Бьетъ князь молодой со княгинею, буйною головою, винной чарой; чарочку выпивай, молодыхъ подарай,—рублемъ аль полтиною, либо золотою гривною; а коли твоя честь, такъ рублевиковъ шесть ; а чушку за ушко, ярочку за поярочку ; кобылку за гривку, моровку за головку. Наше дѣло нановѣ, намъ много надобно : на шильце, на мыльце, на рушяны, на бѣллы. — Послѣ этого свать проситъ cadaго поломаться, чтобы цѣловались молодые. —

Возвратясь домой, новобрачные застаютъ у себя гостей, приглашенныхъ на княжій столъ. — Дѣвушки поютъ :

Иванушка да Григорьевичъ!
Кто тебѣ рубашку прялъ?
Кто прялъ тебѣ да кужельную?
Пряла тебѣ да Катеринушка. —
Она тонко пряла,
Часто вышивала;
Было была,
Съ своячиной мыла. —

Шла, рыцаря,
И блестя сажа.

Полонъ столъ гостей вокругъ застоіица,
А во всей избѣ да снадобнаго!
Печь полнымъ полна да съядомаго,
Уста Катериனுшки да сладимаго,
Лице Ванюшки да красиваго,
А привѣтъ гостимъ въ лицѣ батюшки,
А порадушка въ рѣчахъ сватушки.

Передъ сватомъ ставятъ стаканъ водки и волчатъ
ютъ его:

У Пахомыча на дворѣ,
Виноградѣ разцвѣло,
И немножко выцвѣли,
Четыре только ягодки:
Пахомычъ ягодка, (имя свата)
Филетьевна ягодка, (имя жены его)
Климентьевна ягодка, (сына свата)
Феклустушка ягодка, (дочери его)

Послѣ княжяго пира, приглашаютъ молодыхъ къ
обѣду, родные и знакомые или даютъ особыя имъ
вечеринки. — Пированіе продолжается по состоянію.

III. СВАДЬБА ВЪ ОЛОНЕЦКОЙ ГУБЕРНИИ.

Свадебные обряды олонецкаго края, во многомъ отличаются отъ совершаемыхъ внутри Россіи. — Парень, соскучивъ одиночествомъ, проситъ у своихъ родителей дозволенія жениться. — Желанные родители! говорятъ онъ, отпустите меня на чужую чужбину: я достану себѣ молодцу, красную дѣвицу. — Его отпускаютъ съ благословеніемъ. — Иди съ Богомъ, дятятко, говорятъ родители, или роженъе!

Онъ идетъ искать невѣсту вдалекѣ отъ своего селенія или деревни. Избранъ для этого друзей своихъ и двухъ сватовъ, въ которые беретъ изъ родственниковъ, онъ отправляется съ ними въ то мѣсто, гдѣ у него на примѣтѣ дѣвица. Они не входятъ прямо въ домъ, а стучатъ въ окно, спрашивая: можно ли войти? Имъ отвѣчаютъ: милости просимъ. — Войдя въ избу, они молятся сначала образамъ, а послѣ кланяются родителямъ невѣсты; родители просятъ гостей, садятся, они благодарятъ, говоря: намъ никогда сидѣть мы пришли за добрымъ дѣдомъ, за сватовствомъ: — Гости упрасиваютъ сѣсть, и начинаютъ поднимать лѣвъ

Сватовство.

ницею и прижжеными пирогами. Въ то время зажигають свѣчу предъ образомъ, и если невѣстѣ не понравится женихъ, то она гаситъ свѣчу.—Это отказъ.—Когда просватають невѣсту, тогда она плачетъ. Въ то время накрываютъ ее фотою и сватамъ объявляютъ приказъ, т: е: когда будетъ порученье (обрученье) а когда свадьба. Приказъ сопровождается звономъ въ колокольчикъ, рукобитьемъ и благословеніемъ. Сватъ бьетъ по рукамъ со всѣми родными невѣсты, захвативъ полу своей сибирки. —

Плачь
невѣсты,
по запо-
рученью,
или ру-
кобитья.

Послѣ совершенія рукобитья, помолвленная провозноситъ съ плачемъ: улетѣла моя любимая, вольная волюшка! за горюшки высокія, за лѣсушки темныя за озерушки широкія. Обневолили меня желанныя родители за чужаго чужанина, на чужую сторону. Какъ то будетъ привыкать мнѣ къ чужому чужанину, къ чужимъ родителямъ, къ чужой сторонѣ? Мнѣ ужъ не долго красоваться волюшкой у своихъ родителей, и у братцевъ ясныхъ соколовъ. Видно я имъ наскучила, видно была имъ не работница и не заботница. Видно приустила, мои родители меня поючи, кормючи, узки плечики одѣваючи, рѣзвы ножки обуваючи! Выйду я, бѣдная дѣвушка, въ зеленую дубравушку; посмотрю на всѣ четыре стороны: не увижу ли я гдѣ летаетъ моя любимая волюшка? Обернусь я, красная дѣвица, къ косясчету окошекъ; посмотрю на широкую улицу: исполна ли печеть красное солнышко, свѣтитъ свѣтелъ мѣсяцъ? Погляжу я красная дѣвушка, на бусовую гладкую лавочку: исполна ли сидятъ мои родители, на бусовой красной лавочкѣ? Исполна, исполна: лишь нѣтъ моей любимой волюшки! Ахъ, любимыя подруженьки! У васъ цвѣтутъ желанныя волюшки, на буйныхъ головушкахъ; у меня у бѣдной горюшницы, распущена косанька, нѣтъ моей

вольной волюши! Не держите вы ее по рядовымъ денечкамъ, а держите по годовымъ праздничкамъ. Поднимись, ручка правая, на буйную головушку! Опустись, ручка правая, противъ вздоха тяжелаго. Первый поклонъ положу я за кормилица батюшку, второй поклонъ за родитель-матушку, третій поклонъ за крестнаго батюшку, четвертый поклонъ за крестную матушку. И еще поднимись ручка правая, на горемычную головушку. Ты, Покровъ Богородица! покрой меня дѣвушку пеленой своей негѣбною, итти на чужую сторону! Введенье мать Богородица! введи меня на чужую сторонушку! Стрѣтенье мать Богородица! встрѣть меня на чужой сторонушкѣ!

Невѣста ходитъ ежедневно, рано по утру, въ дома родныхъ и поетъ причитанье плачевное. Если нѣтъ у нея родителей, то ходитъ на ихъ могилу и тамъ рыдаетъ. Таковыя причитанія она распѣваетъ до самой свадьбы. Вотъ для образца.

Плачь невѣсты, выдаваемой за мужъ противу воли.

Скучно мнѣ дѣвушкѣ сиротинушкѣ,
 Безталанной, бѣдной головушкѣ.
 При отцѣ росла я при родимомъ!
 Я у матушки у сударини,
 Сиживала подѣ окошечкомъ,
 Почесывала буйну головушку,
 Поплетьвала трубчату косу.
 Теперь батюшка да какъ чужь чужанинъ,
 Родная матушка хуже мачихи.
 До зореньки красныя понапилися,
 До свѣту Божьяго, понапилися —
 Пропили меня дѣвушку, сиротинушку,
 Пропили головушку безиріютную,
 Не глядя на слезы, на жаленьице,

Забросили дѣтнще въ нелюбнну сторону:
 Да на горюшко, на кручинушку.
 Да не плакапсе, да на вѣчное. —

Плачь невѣсты на могилѣ родныхъ :

Не пла млада и не вѣла я,
 Мнѣ не спалося, не дремала я;
 Тошно двушкѣ мнѣ, тошнешннннне,
 Больно сердичку, и большешнннко.
 Раступнсе ты мать, сыра земля!
 Подынися, вскройся гробова доска;
 Встань ты, братецъ мой, встань родимнннкой.
 Приюти меня безприютную;
 Приголубь меня, позабытую;
 Роду племени я чужой стала,
 Отцу матери я покидышемъ.

—*—

Что на горь-то дубъ стонтъ,
 Онъ безъ вѣтра мотается,
 Безъ дожда увивается.
 Много, много у сыра дуба,
 Много вѣтвей и повѣтей,
 Много листу зеленого.
 Только вѣтъ у сыра дуба,
 Золотой вѣтъ вершиночки,
 Позолоченой маковки.
 Что теперь было надобно,
 Что къ этому то времячку,
 Что къ лѣту ко красному,
 Ко веснѣ ко разливной.

Много, много у дѣвушки,
 Много ближнихъ пріятелей.
 Только нѣту у дѣвушки,
 Нѣту родителя матушки.
 Что теперь было надобно,
 Что ко этому ко времячю
 Ко благословенію великому.
 Смарать младу есть кому,
 Благословить младу нѣкому :
 Благословляютъ чужіи люди
 Чужіи люди, посторонныя,
 Всѣ сосѣды нарядовые. —

Плачь невѣсты утромъ, на крыльцѣ своего дома.
 Также она плачетъ и въ домѣ своихъ родственни-
 ковъ. —

Грустно сердечку, нудно бѣдному ;
 Ахъ знобитъ его да невгодушка :
 Отца батюшки приказанье,
 Родной матушки повелѣнье.
 Куда не брошусь я, куда не взгляну я,
 Ахъ! вездѣ тоска не усыпучая,
 Вездѣ невгодушка не минучая.
 Оглянуся я на далекій гѣсъ :
 Во сосновнѣкомъ да темношенъко,
 А въ груди моей и еще темнѣй.
 Оглянуся я на широкій дворъ
 Ахъ! на дворикъ да грушнехонъко,
 А на сердцѣ мнѣ и еще грустнѣй.

Всѣ эти припѣвы, время отъ времени выходятъ изъ
 употребленія, и если существуютъ во всей силѣ, то въ
 селеніяхъ весьма отдаленныхъ отъ городовъ.

Подруги невѣсты, принимая въ ней участіе, прово-
 дятъ съ нею время до свадьбы, и утѣшаютъ ее. Во

все это время, онѣ приготавлиють ей свадебные уборы и поють съ нею пѣсни, по большей части грустные.

Не чаяла меня матушка вѣкъ сбыти,
 Меня вѣкъ сбыти, со двора изжити.
 Изжила меня матушка во единый часъ,
 Во единый часъ, во минуточку.
 Жарко, жарко въ теремъ свѣчи горять,
 Всѣ горять свѣчи, воску яраго!
 Жалко, жалко плакала красная дѣвица
 По своей косѣ русой....
 Унималъ ее родной батюшка,
 Уговаривала родитель-матушка :
 Ты не плачь, наша умная!
 Не тужи, душа разумная!
 Ужь вѣдь мы тебя не въ полонъ дадимъ,
 Ужь вѣдь мы тебя за мужъ выдадимъ.
 Отдаемъ тебя за умнаго,
 Что за умнаго за разумнаго.
 Ужь какъ мы тебя не одну спустимъ ;
 Мы тебѣ дадимъ провожатыхъ.
 Ты не тѣшь, не тѣшь, родной батюшка!
 Не уговаривай родимая матушка!
 Провожатые всѣ разъѣдутся;
 Я одна молодешенька, остануся,
 Съ удалымъ добрымъ молодцемъ.

Желтые кудри за столъ пошли,
 Русу косу за собою повели ;
 Желтые кудри доброй молодець,
 Русая коса красная дѣвица.
 На улицѣ дождикъ накрапливаетъ,
 Доброй молодець у красной дѣвушки выспрашиваетъ:
 Ты скажи, скажи, красная дѣвица!

Кто тебѣ изъ роду милъ?

Милъ мнѣ милешенекъ,

Батюшка родной. —

Красная дѣвица моя!

Это неправда твоя, не истинная;

Свое сердце тѣшишь, а мое гиввишь.

На улицѣ дождикъ накрапливаетъ,

Доброй молодецъ у красной дѣвочки выспрашиваетъ:

Кто тебѣ изъ роду милъ? —

Милъ мнѣ милешенекъ, доброй молодецъ

Красная дѣвица душа!

Это правда твоя, истинная:

Свое сердце тѣшишь, мое веселишь.

Ты скажи-ка, чужой чужбанишь!

Ужь ты гдѣ меня повысмотришь?

Ужь ты гдѣ меня повыглядѣшь?

На горкѣ катаючись,

О Христовомъ дни качаючись,

Аль на тихой смирной бесѣдушкѣ?

И тогда у меня молодешенькой

Было туку (*) принабавлено,

Было росту принаставлено:

Накладно да лицо былое,

И былымъ (**) было набыленное,

Алымъ (***) да нарумянено.

Въ опредѣленный день прѣзжаетъ женихъ со свата-Свотъ
ми и свахами, которые сводятъ жениха съ невѣстою. жениха
Жениха ставятъ въ большой уголъ подѣ иконы, а в нестѣ
отм.

(*) Полноты.

(**) Бѣдылами.

(***) Румянами.

невѣсту въ малой уголь близъ печи. По обѣ стороны жениха стоятъ двѣ сватьи, а по обѣ стороны невѣсты двѣ брудги (*) Невѣста держитъ въ рукахъ тарелку, на коей лежитъ фата, сложенная нѣсколько разъ въ средину углами. Сватьи бьютъ въ воровецъ (**), приговаривая брудгѣ: ну сватьюшка, поварачивайся; давай невѣсту, женихъ скучаетъ. — Жениха и невѣсту ведутъ медленно; брудгѣ говорятъ: въ нашей пшеницѣ нѣтъ торницы (торной, гладкой дороги).—Сватьи жениха отвѣчаютъ: въ нашемъ житѣ хоронѣе ростокъ. — Потомъ, приведя на средину избы, сводятъ жениха съ невѣстой, —т: е: ставятъ другъ подле друга. Женихъ разгибаетъ углы фаты и при каждомъ углѣ, имъ разгнутомъ, цѣлуетъ свою невѣсту. Когда разогнетъ всѣ углы, тогда накрываютъ невѣсту фатою, даютъ ей въ руки подносъ съ виномъ, и потомъ она начинаетъ поднимать всѣхъ гостей, изъ коихъ каждый кладетъ на подносъ деньги, сколько кто можетъ. Въ слѣдъ за невѣстой ходятъ: проводница и плакальщица; послѣдняя неумолжно оплакиваетъ ее. Обнеся всѣхъ, невѣста подноситъ вино женоху, который даритъ ей, между прочими вещами, башмаки, но оза, взявъ ихъ, бросаетъ а плакальщица поетъ украинны. Иногда поютъ брудги.

Не дарика, чужой чужбинникъ!
 Ты женскими подарками,
 На церковномъ крыльцѣ вступи.
 Ужъ я жила, молодешенька,
 У родимаго у батюшки:

(*) Брудги, корельское слово, значитъ сваха или сватьи. Названіе брудгъ носить одну сваху со стороны невѣсты.

(**) Въ доску, привѣшавшую къ перекладной шестокѣ.—

Я носила, молодшенька,
 По Христовымъ воскресеньцамъ —
 Я башмачки козловые,
 Чулочники бумажные;
 По годовымъ по праздничкамъ —
 Я чулочники шелковые,
 И башмачики сафьяные.
 Ты послушай, чужой чужбинникъ!
 Съ моимъ родомъ спознаться —
 Прозакладать все житье бытъе,
 И хоромное строенье.
 Какъ дарить тебѣ, отдаривать?
 Мой родъ племя, великое!
 У меня родня, широкая:
 Сорокъ тетюшекъ, сорокъ дяюшекъ,
 Шестьдесятъ желанныхъ дяюшекъ.
 Въ моемъ-де роду племени,
 Все попы, отцы духовные,
 И причетники церковные;
 По губерніямъ губернаторы,
 По городамъ городничіе,
 По уѣздамъ исправники,
 По правленіямъ славны головы,
 Да по земскимъ пятисотскіе.

Обойдя всѣхъ съ подносомъ, невѣста останавливает-^{Дѣлаетъ}
 ся у стола; дружки снимаютъ съ нее фату, концами
 плети.

Послѣ свода или порученья, наступаетъ дѣвичникъ,
 но на камунѣ его бродяги топятъ баню, въ которую во-
 дятъ невѣсту съ подруги, при вѣднн заунывномъ. Тамъ ее
 моютъ льномъ, изъ котораго потомъ дѣлаютъ шнурки (*),

(*) Гашники суть шнурки, продвѣаемые въ сводное муж-
 ское платье.

для новаго платья жениха. На дѣвичникъ собирается, со стороны помолвленныхъ, вся родня. Жениха и невѣсту заводятъ за столъ; противу невѣсты садятся ея подружки, а противу жениха его поѣзжаные и тысяцкій, избираемый изъ крестныхъ отцевъ, и заступающій мѣсто посаженнаго отца. Молодыхъ подчиваютъ прежде всѣхъ, и въ то время, когда подносятъ невѣстѣ вино, она встаетъ и кланяется будущимъ своимъ роднымъ; дѣвушки поютъ:

Сборы, сборы широкіе,
Широкіе сборы, дѣвичьи!
(имя и отчество невѣсты)

Сбирала подружекъ за свой столъ,
Садила подружекъ высоко;
Сама садилась выше всѣхъ,
Думала думушку крѣпче всѣхъ:
Какъ будетъ притти въ чужи люди?
Какъ будетъ назвать люта свекра?
Батюшкомъ назвать не хочется,
Свекромъ назвать—разсердится.
Убавлю спеси гордости,
Прибавлю ума разума,
Назову свекра батюшкою,
Люту свекровушку матушкою.
Съ этого я худа не буду,
Съ бѣлаго лица не спаду,
Съ алыхъ щечекъ румянцомъ не сойду. —

Молодыхъ заставляютъ поцѣловаться, и послѣ ихъ поцѣлуя раздается общее одобреніе. Женихъ подноситъ своей невѣстѣ подарки, которая отдариваетъ его платкомъ и уходитъ въ особую комнату; гости садятся за столъ.

Спустя нѣсколько времени, выходитъ покрытая фатой невѣста. — Она несетъ поднось и ставитъ ея

на столъ. Невѣста наливаетъ рюмку вина, и подноситъ своему жениху, женихъ наливаетъ другую рюмку и подноситъ ей. Каждый изъ нихъ первымъ старается влить вино въ рюмку другъ друга, и кто успѣетъ это сдѣлать прежде, тотъ будетъ первенствовать; зрители одобряютъ радостнымъ крикомъ. Если женихъ успѣетъ налить первымъ, то невѣста оборачивается къ нему и поетъ съ покорностію.

Охъ-ты мнѣ, да охъ-ты мнѣшненько,
 Хоть мнѣ долго издѣваться,
 Будетъ бѣдой покорится!
 Подойти да молодешенькъ,
 Ко столу, да ко княжескому;
 Ко кругу, да молодецкому,
 Поклонится да низешенько.
 Ужь мнѣ снять фату алюю. —
 Не помни, чужой чужбининъ!
 Ты не лихой моей,
 Да не грубой моей грубости.
 Ты гляди, чужой чужбининъ,
 Господинъ души, отецкой сынъ!
 Мнѣ прямо въ было лицо,
 Въ точь ясны очи.
 Я двушка не корыстная!
 Тебѣ брать, чтобы не каяться
 Мнѣ бы жить, чтобы не плакаться
 На чужой дальней сторонущкѣ!...

Тогда поѣзжанные съ жениховой стороны, вскакиваютъ изъ за стола и кричатъ : покорилась, — наша взяла! наша взяла! Тутъ начинается снова подчиванье, а невѣста, сопровождаемая двушками и женщинами, собираетъ *пособь* : она подходитъ къ каждому мушнѣ и каждой женщинѣ съ приличной пѣсней, кото-

рую поетъ со сватами или свѣдущими женщинами или только благодарить ихъ причитаніемъ :

Спасибо доброй молодець,
 На принось, на поднось,
 На дорогихъ твоихъ подаркахъ.

Причитая тоже самое каждой женщинѣ и дѣвучкѣ, она, говоритъ первой: спасибо добрая тетюшка, а второй: спасибо моя сестричка, и потомъ заключаетъ поклономъ. Обойдя всѣхъ, она обращается къ своимъ родителямъ и прощается съ ними :

Прости, красно мое солнышко,
 Желанный кормилецъ-батюшка,
 И родительница моя матушка!
 Охъ-ти мнѣ, да охъ-ти мнѣшничко,
 Дочь кручинная головушка!
 По послѣднему денечку,
 Я сидѣла молодешенька,
 Я во свѣтлой своей свѣтлицѣ,
 Во высокой новой горницѣ.
 Ужъ я шила волю золотомъ,
 Обшивала чистымъ серебромъ;
 Я смотрѣла, молодешенька,
 Изъ косячета окошечка,
 На озеро на Онежское:
 Изъ за озера за Онежскаго,
 Летять птицы заморскія:
 Соловей птица свистуцая,
 Орелъ птица говорящая:
 Орелъ сыгъ да на окошечко,
 Соловей сыгъ подъ окошечкомъ.
 Орелъ сталъ да выговаривать,

Соловей сталъ да вышестывать (*):
 Не сиди наша голубушка!
 Подъ косяцетымъ окошечкомъ.
 Ты не трать чиста серебра,
 И не порти красна золота.
 По сегоднешнему дешечку,
 Быть саду да вешешному,
 Всему роду покоренному;
 Волюшкѣ быть во неволюшкѣ,
 Дѣвушкѣ быть во забѣтушкѣ.
 Не за долго поры времѣни,
 Проскрипала дубовы сани,
 Пробрячала золота узда,
 Просветела шелкова ягерь:
 Прѣвѣжалъ злодѣй, большой свать;
 Насулилъ онъ батюшкѣ
 Много пива, много пьянаго.
 Говорилъ желанный батюшка:
 Мить-ка нить, да незапиваться;
 Не промѣняю любовь дочери,
 Я за винную за рюмочку.
 Выводилъ да злодѣй, большой свать,
 Много алата, много серебра,
 Много скатнаго жемчугу.

(*) Вмѣсто этого поють еще:

Соловей сталъ да вышестывать.

Если дѣвушка бойкая и не застенчивая, то говорить: эка ты моя соловейка, — щебетунья! выражала этимъ, что она говоритъ такъ пріятно, какъ поеть соловей. — Олонцкіе соловьи поють не хорошо, самые пѣвцы ихъ очень рѣдко слышны. — Вообще, въ сѣверной полусѣ Россіи, трели соловьевъ перерывистыя и незвонкія, и далеко отстоятъ отъ сладковучныхъ южнаго края.

Говорить родина матушка :
 Серебромъ-то не шлювы шлюзять,
 Золотомъ-то не тыны тынить,
 Жемчугомъ да не сады садить.
 Пропились да промотались,
 Желанные мои родители ;
 Пропили мою головушку,
 Не за пивную за кружечку,
 Не за винную за рюмочку.
 Вѣрно я да молодешенька,
 Надобла да наскучила!
 Видно, бѣдная я, напрокучила
 Своимъ долгимъ дѣвичествомъ,
 Глухимъ малымъ ребячествомъ!
 Я прѣла, молодешенька,
 Всѣ я стоги пятигодные.
 Да засѣки нескходныя!
 Проносила, молодешенька,
 Всѣ я цвѣтныя платьица!
 Придержала молодешенька,
 Всю безсмѣтную золоту казну!
 Какъ при мнѣ да молодешенькѣ,
 У моихъ свѣтъ у родителей.
 Ужъ какъ въ полѣ не родилось,
 На дворѣ да не плодилось,
 На столѣ да не спорилось!
 Изживаютъ меня, бѣдную,
 Будто ворога изъ города,
 Люта звѣря изъ темна лѣса.
 Погоди родина матушка!
 Схватишься, да догадаешься,
 Какъ не будетъ меня бѣдной;
 И по бережку находишься,
 Камешковъ наприбираешься,
 И къ сердцу наприжимаешься.
 Рада будешь, красно солнышко!
 Черезъ поле въ глаза видѣти,

Черезъ гвсъ да голосоь слышати,
 Черезъ рѣку рѣчь говорити.
 У меня у молодешеньки,
 Будеть волюшка спрошеная,
 Красота да доложевая.
 Мнѣ захочется тошнешенько
 На родимую сторонушку,
 Да отхочется скорошенько:
 У меня день пройдесть спрошаючи,
 Другой день да вадоложаючиь,
 Недвѣлку снаржаючиь
 На родимую сторонушку.
 Осенью да бездзержнице,
 А весною да безпольнице,
 Лѣтомъ лѣтнія работушки,
 Зимой зимушка студеная.
 И не спустятъ меня, бѣдную,
 На родимую сторонушку...
 Ужъ мы свидимся,—понаплачемся,
 Разойдемся, натоскуемся.

За этимъ возобновляется подчиванье со стороны невесты родителей, и послѣ того дружки жениха приглашаютъ всю родню невесты, жениха и гостей, на княжескій столъ, который бываетъ послѣ вѣчанія. — За этимъ угощеніемъ всѣ расходятся. —

Въ день поѣзда молодыхъ въ церковь, женихъ при-
 ѣзжаетъ за невестой съ своими дружками и сватями. Обрядъ
предѣль-
чальный.
 Его сажаютъ за столъ въ кутнѣмъ углѣ, подь обра-
 зами; по правую его руку садятся дружки, а по лѣ-
 вую сватѣ. Въ то время дѣвушки одѣваютъ въ дру-
 гой избѣ невесту, и кладутъ ей за пазуху крайчикъ
 посоленого хлѣба и гашникъ, сплетенный изъ того
 льна, которымъ она мылась въ банѣ. При одѣваніи
 поютъ дѣвушки, а иногда сама невеста:

По послѣдшему дѣвечку
 Нанесло тучку черную,
 Со громами се трескучими
 Съ молніями се сверкучими,
 На батюшковъ выскѣ теремъ,
 На матушкину гореньку.
 Пріѣзжалъ чужой чужбингъ,
 Съ храбрымъ своимъ повздома,
 Съ повзжайшими молодыми.
 Гдѣ-то есть у молодешеньки
 Соколь—братецъ, братецъ родименькой,
 Голубчикъ златокрыльскій;
 Запонка да воротовая,
 Сердоликъ, дорогой камень.
 Наряжу я молодешенька,
 Службицу я не великую,
 Да работку не тяжелую:
 Ты сходи-ка братецъ, соколь мой,
 Въ постоялюю конюшенную;
 Ты возьми-ка братецъ, соколь мой,
 Что ни лошадь саму лучшую;
 За прями-ка братецъ, соколь мой,
 Въ саночки да въ самокаточки;
 Повзжай-ка, братецъ, соколь мой,
 Въ славный городъ Вытегру,
 Въ лавочки торговая,
 Закупи-ка братецъ, соколь мой,
 Горнитуру мнѣ чернаго,
 И шелковъ семи разныхъ.
 Гдѣ-то есть у молодешеньки
 Тайны, милыя подруженьки,
 Дорогія поровеночки. — (однолетки). —
 Вы новышейте, голубушки!
 Заузорчатую замявьсь:
 Вы на первомъ углу вышейте
 Вы Литву, да со Татарами;

На другомъ углѣ выйдите
 Вы Москву, да со боярами ;
 Вы на третьемъ углѣ выйдите,
 Царя да со Царицею ;
 На четвертомъ углѣ выйдите,
 Короля со королицею.
 На середочкѣ же выйдите
 Красно солнышко, со мѣсяцемъ,
 Да со частыми звѣздочками.
 Ты повѣсь-ко, братецъ, соколъ мой !
 Заузорчатую занавѣсь
 Ко крыльцу, до ко перильному,
 И ко столбику точоному,
 Ко колочку золочоному.
 Какъ поведетъ да чужой чужбиннѣ,
 Въ городахъ онъ не бывающій,
 Мудрости мало выдающій :
 Разглядится, да разсмотрится
 На узорчатую занавѣсь,
 И оставитъ молодешеньку
 На родной на сторонушкѣ,
 У желанныхъ у родителей. —
 Глупая я, красна дѣвица,
 Неразумная головушка !
 Какъ поведетъ чужой чужбиннѣ :
 Впередъ его вожатые,
 Позади же провожатые,
 По сторонѣ да сбержатые,
 Въ городахъ они бывалые,
 Много мудрости выдалые.
 Не отпустятъ молодешеньку
 На родимую сторонушку.
 Не пуснай-ка братецъ, соколъ мой,
 Безъ допросу на крытое крыльцо,
 Безъ доклада красной дѣвицѣ.

Когда начнутъ заплетать косу, тогда стараются заплести ее какъ можно крѣпче: для того перепутываютъ косу и завязываютъ ее узлами. — Когда невеста совершенно готова, тогда крестный отецъ, занимающій мѣсто посаженого, сажаетъ ее на квашнѣ. Сваты и дружки отправляются за невестою. Дружки получаютъ отъ невесты въ подарокъ ленточные банты, а сваха начинаетъ расплетать косу. — Дѣвушки поютъ:

Я не знала, не вдала,
 Когда сваха прѣехала,
 Спесивая, гордливая.
 Она ступить не ступила,
 Слова не смолила;
 Хотя жъ она ступила,
 Хотя жъ она смолила:
 Снаряжайся-ка умная!
 Снаряжайся, разумная!
 Что въ ту-ль Божію церковь,
 Что къ тому-ль Божьему суду.
 Отойди же прочь, обманщица!
 Отойди подговорщица!
 Мнѣ и такъ ужъ тошнохонько
 Разставаться со родителями:
 Усюда вѣдь ноги ломить,
 Подъ вѣнцомъ голова болить.

Расплевши косу, сватья надѣваетъ на голову невесты *волю* (*). Въ то время дарятъ сваху, чѣмъ нибудь. Потомъ сватья, взявъ невесту за руку, подводитъ къ жениху и сажаетъ рядомъ съ нимъ на подушкѣ. Кре-

(*) Волосникъ тоже что повойникъ, только нѣсколько меньше его.

стный отецъ невѣсты, разставляетъ на всѣ четыре стороны иконы: Покровъ Пр. Богородицы, Срѣтеніе Пр. Богородицы и благословенную икону, которую везутъ съ невѣстою въ церковь. Жениха и невѣсту выводятъ изъ за стола, и подводятъ подъ благословеніе родителей, которые стоятъ у стола на разостланной шубѣ шерстью вверхъ; возлѣ ихъ стоитъ крестная мать невѣсты, держа въ рукахъ хлѣбъ, съ посыпанной на немъ солью. Невѣста снимаетъ съ головы своей едлю и отдаетъ родной сестрѣ, а если нѣтъ сестры, то кому либо изъ подругъ, и поетъ плачь. — «Улетѣла моя любимая вольная волюшка, за горюшки высокія, за лѣсушки темныя, за озерушки широкія! Обневолили меня желанныя родители за чужаго чужанина, на чужую сторону. Какъ то будетъ привыкать мнѣ къ чужому чужанину, къ чужимъ родителямъ, къ чужой сторонѣ? Мнѣ не долго красоваться волюшкой у своихъ родителей и у братьевъ, ясныхъ соколовъ. — Видно я имъ наскучила, видно была не работница и не заботница. Приустали, видно, мои родители, меня поючи, кормючи, узки плечики одѣваячи, рѣзвы ножки обуваючи! Выйду я, бѣдная дѣвушка, въ зеленую лубровушку; посмотрю на всѣ четыре стороны: не увижу ли я, гдѣ летаетъ моя любимая волюшка? обернусь я, красная дѣвица, къ косясчету окошечку; посмотрю на широкую улицу: исполна ли печать красное солнышко? исполна ли свѣтитъ свѣтель мѣсяць? Погляжу я, красная дѣвушка, на бусовую гладкую лавочку: исполна ли сидятъ мои родители, на бусовой красной лавочкѣ? Исполна, исполна: лишь нѣтъ моей любимой волюшки! Ахъ, любимыя подруженьки! У васъ цвѣтутъ желанныя волюшки на буйныхъ головушкахъ, у меня у бѣдной горюшницы, распушена косанька, нѣтъ

моей вольной волтушки ! Не держите вы ее по рядовымъ денечкамъ, а держите по годовымъ праздникамъ ! Поднимись, ручка правая, на буйную головушку ! опустись, ручка правая, противъ вѣздохъ тяжелаго. Первый поклонъ положу я за кормилица батюшку, второй поклонъ за родителя матушку, третій поклонъ за крестнаго батюшку, четвертый поклонъ за крестную матушку. И еще поднимись, ручка правая, на горемычную головушку ! Ты, Покровъ Богородица ! покрой меня дѣвушку, пеленой своею нетлѣнною, итти на чужую сторону ! Введеніе мать Богородица ! введи меня на чужую сторонушку ! Срѣтеніе мать Богородица ! встрѣть меня на чужой сторонушкѣ !»

По произнесеніи причитаній иконамъ, она падаетъ въ ноги своимъ родителямъ; крестный отецъ снимаетъ со стѣны каждую икону по очередно, передаетъ крестной матерѣ, родителямъ невѣсты а они благословляютъ свою дочь. Потомъ женихъ и невѣста падаютъ имъ въ ноги, которые благословляютъ ихъ хлѣбомъ-солью и иконою благословенною ; потомъ поднимаютъ и сажаютъ за столъ на подушкѣ. Тутъ одинъ изъ дружекъ подаетъ жениху огниво и кремень ; другой оборачиваетъ ихъ полотномъ, а жениха сѣткою; сватья покрываетъ невѣсту фатой, которая ниспадаетъ по распущеннымъ на плечахъ волосамъ (*). Дружка беретъ за руку жениха, этотъ невѣсту а она сватью; такимъ образомъ выходятъ изъ за стола и отправляются въ церковь (**).

(*) Такъ отправляется невѣста въ церковь и такъ венчается.

(**) Всѣ лошади, на которыхъ везутъ молодыхъ, обвязаны колокольчиками, а подъ дугой особой колокольчикъ.

Невѣста отдается на руки жениху, и ѣдетъ съ нимъ выѣсть (*).

При вѣчаніи замѣчаютъ горніе брачныхъ свѣчей : если чья-либо изъ молодыхъ погаснетъ неожиданно, тому неминуемо умереть скоро.

По совершеніи вѣчанія, провожаютъ новосочетавшихся въ домъ жениха. Невѣсту моютъ, а иногда бьютъ и румянятъ, за тѣмъ переодѣваютъ ее въ платье молодухи и выводятъ съ покрытой фатою. Тогда свать, ударивъ три раза на крестъ по столу, новой плетью, чтобы отогнать всякія чары, говоритъ : какова то наша добыча? — и концемъ кнутовища сбрасываетъ съ невѣсты фату. Всѣ кричатъ : молода и хороша !

Тогда всѣ садятся за княжій столъ, прежде молодыхъ ; родные обходятъ три раза вокругъ стола.

Одинъ изъ друзей привозитъ въ домъ новобрачнаго, во время обѣда, все приданое новобрачной. — Въ числѣ приданого находятся новыя рубашки мужскія и женскія, для подарка мужиной родни. — Послѣ обѣда ставитъ свать передъ молодою, тарелку съ рюмкою, наливаетъ сюда вина и, поднимая кнутовищемъ каждую рубашку, выкликаетъ по имени и отчеству родныхъ молодаго : они подходятъ, пьютъ вино, берутъ рубашку и кладутъ на тарелку деньги. По раздачѣ подарковъ, стелютъ молодымъ постель, на которую ложится брудга. Ее должно дарить, чтобы она уступила постель ; за тѣмъ на ту же постель ложится дружка,

(* Если у невѣсты есть сестра-дѣвушка, то она съ сватьей берется за столъ и тащитъ его до порога. — Иногда сама невѣста тащитъ столъ, это для того, чтобы сестрамъ ее вытти скорѣе за мужъ. —

которую тоже дарятъ. Это называется откупить постель. Откупивъ постель, кладутъ молодыхъ спать постельныя проводницы. Во время сна оберегаютъ ихъ, отъ всякихъ чаръ, клѣтвицъ, разбѣжая ночью вокругъ дома.

На другой день по утру рано, идутъ будить молодыхъ, постельныя проводницы, которыя послѣ ведутъ ихъ въ баню, а ее настапливаютъ дружки. Когда ведутъ молодыхъ въ баню, тогда бьютъ въ сковороды, стрѣляютъ, пляшутъ и поютъ. Пока остаются они въ банѣ, всѣ провожатые пляшутъ вокругъ бани, кидаютъ камни, бьютъ горшки и кричатъ. Послѣ бани молодая снова даритъ мужнину родню и дружекъ; потомъ всѣ садятся за столъ, приготовленный у молодого. По прошествіи нѣскольکو времени, молодой отправляется съ дружкой и сватомъ, къ своей тещѣ на яичницу, которую она сама подаетъ ему. Новобрачный вырѣзываетъ кусокъ изъ середины яичницы, а дружка наливаетъ туда масла; чашку же, въ которой было масло, онъ разбиваетъ. Это тогда дѣлается, когда новобрачная выйдетъ замужъ дѣвицею; въ противномъ случаѣ новобрачный разрѣзываетъ яичницу на куски, дружка вколачиваетъ надъ дверью гвоздь, на который вѣшаетъ хомутъ, отдастъ матери масло и ведетъ новобрачную подъ хомутомъ въ дверь, въ сопровожденіи самой матери, несущей масло, и проводитъ ее до воротъ; потомъ возвращается съ нею въ избу. Тогда веселіе прекращается, и всѣ кричатъ съ негодованіемъ: *водили подъ югу! подъ югу!* (*) Масло, которое несла мать, означаетъ, что она болѣе занималась коровами, нежели нравственностію дочери. —

(*) Юга, латинское слово *judit*, означаетъ ярмо, а въ переносномъ смыслѣ хомутъ. — Въ древности Римляне

На другой день отец новобрачной дѣлаетъ обѣдъ, называемый хлѣбнами, къ коему приглашаетъ всю свою родню. Тутъ пляшутъ и поютъ.—По окончаніи стола, молодой приглашаетъ всѣхъ къ себѣ гостей на обѣдъ, называемый отворотивный столъ. На третій день разѣзжаютъ молодые по роднымъ и знакомымъ, которые угощаютъ ихъ закускою и виномъ, и этимъ оканчивается свадьба. — Между тѣмъ, каждый изъ участвовавшихъ въ свадьбѣ, даетъ отъ себя вечернику или обѣдъ для молодыхъ.

означали, для своей памяти, наступившій годъ вколочиваніемъ гвоздя въ стѣну храма и по числу гвоздей они вели счетъ прошедшимъ годамъ. Обычай вбиванія гвоздя, переходя отъ преданія къ преданію, потерялъ настоящее свое значеніе, и оно употребляется теперь въ смыслъ памяти, ибо если мужъ грозитъ своей женѣ, то онъ говоритъ ей: *эй жена! вбей себѣ гвоздикъ для памяти.*

ХІІІ. СВАДЬБА ВЪ ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНИИ.

Въ городахъ, а тѣмъ болѣе въ селеніяхъ и деревняхъ, нѣтъ великолѣпно-утомительныхъ баловъ,—этого поприща побѣдъ столичной молодежи, — за то по праздникамъ и воскресеньямъ свои тамъ гулянья и свои заманчивыя посидѣлки. — Здѣсь сходятся молодцы и дѣвицы, и эти сходбища служатъ основаніемъ свадьбъ. Послѣ каждаго праздника молодцы толкуютъ между собою о красотѣ и достоинствѣ дѣвицъ, а дѣвицы судятъ, съ своими родными, о достоинствѣ парней. —

Свѣтос-
ство.

Молодецъ находитъ по своему сердцу дѣвушку и тайно любить ее. Эту тайну онъ долго носить въ себѣ самомъ и ходить задумчиво, но, собравшись съ духомъ, онъ открывается отцу и матерѣ, и проситъ ихъ благословенія. Они, если ничего не находятъ предосудительнаго въ его выборѣ, и избранная дѣвушка такъ же нравится имъ, то благословляютъ сына. Послѣ этого онъ представляетъ своимъ родителямъ свата, коему дается наставленіе: чего требовать за невестой въ приданое,—и отпускаютъ его домой, обыкновенно вечеромъ послѣ угощенія. Сватъ отправляется

въ вѣлость, и по прїѣздѣ сюда, не тотъ часъ принимается за дѣло: вѣстѣй всѣмъ въ селеніи, онъ возбуждаетъ во всѣхъ догадки и толкъ. Между тѣмъ, чтобъ прикрыть свое посѣщеніе, онъ гоститъ вѣскольکو дней у одного изъ своихъ знакомыхъ, и въ то время узнаетъ, что ему надобно.—Потомъ посылаетъ нарочно, къ родителямъ невѣсты, извѣщеніе о своихъ посольствѣхъ и о желаніи поговорить съ ними. — Родители, стараясь скрыть отъ своей дочери посѣщеніе свата, высылаютъ ее изъ дома на время, куда нибудь за дѣломъ, или погостить. Послѣ первыхъ прїѣтствій, свать обращается къ отцу невѣсты, съ этими словами: Ну, любезный Афонасьевичъ, у тебя есть товарецъ а я знаю куца на него. — Милости просимъ: свой товаръ мы лицомъ продадимъ. — Такъ чѣмъ же ты наградишь, свою любимую дочь?—Тутъ или подають ему уже готовую роспись, или пишутъ со словъ отца. Сдѣлавши условіе о приданомъ и обо всѣмъ, что нужно, свать отправляется къ отцу жениха и передаетъ ему обо всемъ.

Въ назначенный день отправляются родители съ своимъ сыномъ и близкими родственниками, въ то село, гдѣ живетъ невѣста, и останавливаются у сосѣдей. Въ то время наряжаютъ невѣсту, ея подруги; по уборѣ ея, отецъ и мать приглашаютъ жениха, со всѣми его родными. Они, входя въ избу, молятся Богу; потомъ кланяются и становятся въ переднемъ углѣ. «Ну, любезный Афонасьевичъ, говоритъ отецъ жениха, мы прїѣхали къ тебѣ за дѣломъ: посмотрѣть твою любимую дочь.» Тогда подруги выводятъ невѣсту изъ кути (*) на средину избы, и сажаютъ ее на скамейку.

(*) Изъ угла избы противу печи.

Женихъ и родные подходятъ и осматриваютъ: лице, шею, уши, руки, и если это бываетъ вечеромъ, то еще со свѣчою въ рукахъ.—Осмотрѣли, невѣста всѣмъ нравится. Но еще просятъ ее пройти по комнатамъ. Когда невѣста сядетъ снова на скамейку, тогда женихъ показываетъ ей свою походку. Если родные жениха остались недовольны, назначеннымъ приданнымъ невѣсты, то говорятъ объ этомъ отцу и просятъ дополнить. Когда не сходятся обѣ стороны, тогда женихъ выходитъ съ своими родными на дворъ, чтобы подумать. Отсюда идутъ переговоры чрезъ свата. Въ этомъ совѣтѣ первенствуетъ голосъ жениха; ему представляють на волю: согласиться или отказаться. Отецъ и мать только совѣтуютъ ему, но все рѣшаетъ онъ самъ. Послѣ уступокъ съ той и другой стороны, посылаютъ, съ согласія жениха, за священникомъ. Между тѣмъ накрываютъ столъ. Отцы жениха и невѣсты, закрывъ полою кафтана правую руку, подають ее одинъ другому, въ присутствіи священника, въ знакъ вѣрности, или какъ говорится здѣсь: бьютъ по рукамъ и молятся Богу. По совершеніи *сосватокъ* (сговора), поютъ водруги невѣсты:

На сегодняшній былъ день,
 Выпала роса холодная,
 Ознобила мое сердце ретивое.
 Благослови (*) Боже истинный,
 Божья мать-Богородица,
 Запѣвать пѣсню новую,
 Новую не пѣванную. —
 Что не ключики брякнули,

(*) Благослови.

Да не замочили щелкнули, —
 По рукамъ приударили.
 Запоручилъ сударь-батюшка,
 И родила матушка,
 Да меня молодешеньку
 За поруки за кривилъ,
 Да за заряды великіе.

Послѣ этого садятся за столъ ; сперва священникъ, потомъ отецъ и мать жениха, послѣ женихъ, и наконецъ его родственники и свать. Мать или сестра невесты, выходитъ изъ кути съ блюдомъ, на которомъ, поверхъ развернутаго платка, лежитъ тонкое полотенце. Концы его украшены вышиваньемъ и кружевами; все это сдѣлано руками невесты. — Полотенце подносятъ жениху, какъ доръ невесты. Затѣмъ приносятъ другое, не такъ хорошо отдѣланное, и дарятъ священника. Почти такими же или не много лучше, дарятъ родителей и всѣхъ родственниковъ жениха. По обдариваніи ставятъ на столъ кулебяку. — Отецъ невесты подноситъ жениху рюмку вина, а онъ обращается съ нею къ священнику, который благословляетъ ее. Женихъ, отвѣдавъ немного или какъ говорится, *надкушавъ*, зоветъ изъ кути невесту и подноситъ ей рюмку вина. Она выливаетъ нѣсколько капель и уходитъ опять въ кутъ. Это не укрывается отъ зоркихъ глазъ ея подругъ, и онѣ съ упрекомъ поютъ ей :

Государыня свѣтъ-наша,
 Ты подружка-голубушка ;
 Хорошо намъ тебя назвать,
 Того легче и возвеличать.

Назовемъ теби по имени,
 Возвеличаемъ по отчеству.
 Ты сказала подруженька,
 Ты сказала голубушка :
 Я не пью пива пьянаго,
 И вина-то зеленого.
 Ужъ ты пьяница, пьяница,
 Душа красна дѣвица!

Невѣста не отвѣчаетъ имъ, но упрекъ подругъ сильно трогаетъ, и она со стыдливостію потупляетъ глаза въ землю. — За тѣмъ угощаютъ другихъ, и когда доходить очередь до свата, тогда поютъ :

Государь ты мой батюшка,
 И родимая матушка,
 Ужъ вы всѣхъ подчуйте ;
 Одного гостя не подчуйте,
 Ужъ вы свата лесливаго. —
 Ходилъ же лесливый свать,
 Не путемъ, не дороженькой, —
 Онъ по заячьимъ тропочкамъ.
 По собачьимъ лазеечкамъ. —
 Онъ полями по запольцамъ,
 Деревнями по задворьцамъ.
 Истопталъ же лесливый свать,
 Трои лапти березовы ;
 Исподпиралъ же лесливой свать,
 Онъ три банные ожога (*).
 Высокъ теремъ пошатился, —
 Въ другой разъ поколотился, —
 Зауголки отпадали ;
 Въ третій разъ поколотился, —
 Всѣ оконеньки выпали.

(*) Деревянная палка, которая служитъ вмѣсто кочерги.

Привелась-то я молода
 Я у печки соляничная,
 Да у месточка ириичнаго. —
 Покатилася у меня,
 Моя буйная голова ; —
 Опустилися у меня,
 Мои бывлыя рученьки;
 Подогнулися у меня,
 Мои рзавыя ноженъки.
 Государь ты мой-батюшка,
 Ты возьми свата за ворота,
 Поведи свата за двери,
 Поваля его на дровни,
 Да повези его на поле.
 Ты подай свату борону,
 Чтобъ разчесалъ буйну голову.
 Уже, дай Боже сватушку
 Ему за эту за выслугу :
 На печи бы заблудитися,
 Сквозь напыльникъ провалитися,
 Да во щажь ему сваритися,
 На поваренкъ бы свата выняли.
 Киселемъ бы подавитися,
 Да молокомъ бы захлебнутися.
 Еще дай Боже, сватушку,
 Ему за эту за выслугу,
 Ему сорокъ бы сыновей,
 Да пятьдесятъ ему дочерей, —
 Сыновей бы не женывать,
 Дочерей не выдавывать. —

Укоры не очень пріятны свату, но онъ не сердят-ся на дѣвицъ. Онъ еще старается задобрить ихъ, и разсыпаетъ имъ лакомства и лесть. Подруги невѣсты перестаютъ тогда издѣваться надъ сватомъ.

По разъѣздѣ гостей, укладываютъ въ постель невѣ-

сту ея подруги. Но она не весела; ея голова склонилась къ груди: укоръ подругъ не выходитъ изъ ея памяти. — Не успѣли раздѣть ее, и она съ слезами и печальнымъ голосомъ отвѣчаетъ, на упрекъ подругъ:

Государыни, свѣтъ мой,
 Вы подружки голубушки!
 Мнѣ не хвѣль въ голову вступилъ,
 Да не морозъ къ ретиву сердцу;
 Пошла гроза молодецкая,
 Да похвальба княженецкая.

Подруги утѣшаютъ ее и потомъ расходятся по домамъ; на другой день тѣже подружки, какъ голубки, собираются ворковать съ нею и причитать ей. — Это бываетъ каждый день послѣ сговора, и продолжается до вечера. —

Сколько подруги ни любятъ невѣсту, однако, по обрядному обыкновению, встрѣчаютъ ее съ упреками, по этому поютъ:

Среди широка двора,
 Стоитъ яблонь кужлявая.
 Подъ этой подъ яблонью,
 Сидитъ красная дѣвица.
 Она собой похваляется,
 Она собой попомашается:
 Изъ подъ этия яблонцы
 Никому меня не вываживать,
 Ни кумовствомъ и ни сватовствомъ,
 И ни крестнымъ братовствомъ.
 Похвальный добрый молодецъ,
 Дворянинъ да отецкій сынъ:
 Ужъ я вывезу, вывезу,
 Душу красную дѣвицу,
 На своемъ на добромъ конѣ. —

Невѣста видитъ теперь, что подружки, которыя прежде такъ любили ее, покидаютъ; ей остается нѣсколько дней, чтобы раздѣлить съ своими голубушками свое горе, и она говоритъ имъ :

Красуйся, моя красота,
 Веселись, буйна голова,
 Радуйся, ретиво сердце
 Покамѣсть-то я молода.
 Въ своей волѣ вольною,
 Въ своей нѣгѣ нѣжмою,
 У родимаго батюшки,
 Да у родимыя матушки,
 У голубчиковъ милыхъ братцевъ,
 Да у сестрицъ у лебедушекъ.
 Мнѣ не долго посидѣти,
 Да во душахъ красныхъ дѣвнцахъ;—
 Мнѣ не годъ же годовати,
 Не зиму-то зимовати,
 Не весну красовитую;
 Мнѣ не лето-то теплое, —
 Мнѣ не лѣтніе празднички, —
 Мнѣ гулять красоватися,
 Съ подружками голубушками.

Все время до свадьбы, невѣста и ея подружки, готовятъ подарки для жениха и родныхъ его, для нее же шьютъ платье. Невѣста груститъ и задумывается, и печальныя думы свои высказываетъ со слезами:

Ужъ я что засидѣлася?
 На кого засмотрѣлася?
 Не въ саду загулялася,
 Не на садъ заглядѣлася,
 Не на яблонь кужлявую

Не на грушу зеленую. —
 Я засидѣлась молода,
 Во высокомъ во теремѣ;
 Заглядѣлася молода,
 На подружекъ, голубушекъ;
 И на ихъ буйны головы,
 И на ихъ дѣвы красоты.
 Какъ у нихъ буйны головы,
 Онѣ гладко учесаны;
 Какъ у нихъ косы русыя,
 Во узоры выплетены.
 По конецъ косы русыя,
 Алы ленточки вилетены;
 А ихъ дѣвы то красоты,
 Онѣ баско (*) наложены,
 И поставно поставлены. —
 Ужъ какъ я про ся думаю,
 Про свою буйну голову.
 Что моя буйна голова,
 Одна не гладко учесана;
 Какъ моя коса русая,
 Не во узоры выплетана,
 По конецъ косы русыя,
 Голуба лента вилетена; (**).
 -Моя-то дѣва красота,
 Не баско наложена,
 Не поставно поставлена;
 Она раститъ себѣ крыльце,
 Посеребряно перъце;
 Она хочетъ улетѣти,
 Далече во чисто поле,

(*) Красиво.

(**) Голуба лента поется, когда у невесты есть отецъ и мать; если же котораго нибудь изъ нихъ нѣтъ, то говорится черна лента.

Во раздолье широков.
 Да и сядет дѣвья красота,
 Не березу кужлавую.
 И пройдет же эта пора,
 Это время минуется,
 И придет холодная зима.
 У зимы-то холодныя,
 Будет весна красовитая; —
 У весны красовитыя,
 Будет лето то теплое. —
 И пойдут мои подруженьки
 По шелковые вьночки,
 Съ топорами со острями.
 Подскуют эту береженьку,
 Уровнять дѣвью красоту.
 На траву на шелковую.
 Что и тутъ дѣвья красоть,
 Ей не мѣсто, не мѣстечко,
 Да не мѣсто красовитое. —
 И пойдут добры молодцы,
 Со косами, со винтовками; —
 И подкосят шелкову траву,
 И уронят дѣвью красоту,
 Ес на щетку колючую.
 Что и тутъ дѣвья красоть,
 Ей не мѣсто, не мѣстечко
 Да не мѣсто красовитое.
 Она вспорхнетъ да и улетитъ,
 На болота зыбучія.
 И сядетъ дѣвья красота,
 На скрипучее деревцо.
 Деревцо раскрипнется,
 Мое сердце растоскуется.
 Что и тутъ дѣвья красоть,
 Ей не мѣсто, не мѣстечко,
 Не мѣсто красовитое. —
 Она вспорхнетъ да и улетитъ, —

И полетитъ дѣвья красота
 Она на славную Сухоню,
 И поплыветъ дѣвья красота
 Вишь по славной по Сухонь,
 Изъ славныя Сухони,
 Во матушку Вологду. —
 И приплыветъ дѣвья красота;
 Ко Насому ко городу (*)
 Ко дѣвичью монастырю.
 Тутъ и выйдетъ же старочка,
 За водою ключевою,
 Съ дубовыми ведрами:
 Размахнетъ да и почерпнетъ, —
 И почерпнетъ дѣвью красоту,
 Во ведро дубовое.
 И возьметъ дѣвью красоту
 На свои руки бѣлыя,
 Она станетъ выспрашивать:
 Ужъ ты чья дѣвья красота!
 Ты котораго города?
 Ты которыхъ волости? —
 Ты которыхъ деревни?
 Ты которыхъ дѣвицы?
 Ты красно красовалася,
 У родимаго батюшки, —
 Да у родимыя матушки, (**)
 Да у голубчиковъ милыхъ братцевъ,
 Да у сестрицъ у лебедушекъ. —

(*) Такъ называлась въ древности Вологда. Еще и теперь помнятъ некоторые сторожины, находившюся на столбѣ надпись, въ селѣ Коровничьемъ: *городъ Насонъ*. Названіе Насона дано было крепости, построенной Царемъ Іоанномъ IV. грознымъ, въ память святаго апостола Насона,

(**) Такъ поютъ, когда у невѣсты въ живыхъ отецъ и мать. Если же нать кого нибудь изъ нихъ, то вместо трехъ послѣднихъ стиховъ, поютъ:

Хотя она принимается за работу и кажется забывает, что готовится для *вѣковыхъ запорукъ*, однако это только кажется: ея мысли тревожны, онѣ переносятся въ будущность и развертываются въ мрачныхъ картинахъ.

Что вчера о эту пору,
 Поранѣ малешенько
 Мимо батюшкинъ широкій дворъ,
 Мимо матушкинъ-то высокъ теремъ,
 Мимо мой темный кутничекъ (*),
 Пролетѣлъ младъ ясенъ соколъ.
 Онъ махнулъ правымъ крылушкою,
 Онъ черкнулъ сизымъ перышкою:
 Ты не плачь, не плачь дѣвица,
 Не плачь дочь отецкая.
 На чужой-то на сторонѣ,
 И повадно и весело,
 Всѣ добры да и ласковы
 До тебя молодешеньки;
 На чужой-то на сторонѣ,
 Три поля проса насѣяны,
 Три горы изначочены,
 Зеленымъ виномъ поливаны,
 Весельемъ огорожены,
 Радостью изподпираны.
 И соколу не облетѣти,

Ты не красно красовалася
 Безъ родимаго батюшки,
 Да безъ родимыя матушки;
 Ты темнѣй ночи темныя,
 Ты чернѣй грязи черныя.—

(*) Часть избы, которая отъ печи до лицевой стороны дома, отдѣляется *соронкомъ*, загородкою, а иногда занавѣскою.

Часть II.

И конному не объехать,
А пшечему не подумати. —

Что вчера о эту пору,
Поранве малешенько
Мимо батюшкинъ широкой дворъ,
Мимо матушкинъ новъ, высокъ теремъ,
Мамо мой темный кутничекъ,
Пролетала лебедушка.
Она махнула правымъ крылушкомъ,
Она черкнула белымъ черышкомъ:
Ты поплачь, поплачь дѣвица,
Поплачь дочь отецкая!
На чужой-то на сторонѣ,
Не повадно, не весело;
Всѣ не добры и не ласковы,
До тебя молодешеньки.
На чужой-то на сторонѣ,
Надо жить-то умзючя,
Говорить разумзючя, —
Голову держать поклончиву,
Ретиво сердце покорчиво,
Молодому поклонитися,
Старому покоритися. —
На чужой-то на сторонѣ,
Растутъ лѣса-то вилывые,
Да живутъ люди лукавые,
Продадутъ да и выкупятъ,
Проведутъ да и выведутъ
Они тебя молодешеньку.

Мой-то высокъ теремъ
 На пути на деревенькѣ,
 На проезжей на улицѣ,
 Да близъ славныхъ Сухои.
 Идутъ конные тутъ и пѣшіе,
 Чужі люди, не знамые.
 И говорятъ люди добрые,
 Что во этомъ во теремъ
 Сидитъ дѣвица просватана ;
 Что у зтыя дѣвицы
 Нѣтъ ни горя, ни кручины,
 Нѣтъ печали великія.
 Ужъ какъ я про ея подумаю,
 Про свою буйну голову.
 Какъ у меня горя, кручины,
 Полна буйная голова ;
 Много печали великія,
 Въ моемъ ретивомъ сердцѣ.
 Какъ по славной-то Сухои
 Идутъ суда-то купецкіе,
 И корабли-то военныя.
 На родимой на сторонѣ
 Кораблямъ-то приплывице,
 Молодцамъ-то пристаище,
 Да краснымъ дѣвицамъ гулянье. —

Ужъ я что сижу, задумавшись,
 Чужихъ басень заслушавшись?
 Говорятъ мои подруженьки,
 Говорятъ мои голубушки,
 Про шитье, да про браньеце,
 Про чистое да подьяеце.
 Ужъ какъ я про ея подумаю,
 Про свою буйну голову.
 Мнѣ ничто-то на умъ не идетъ:

Ни шитьеце и ни бравьеце,
 Ни чистое рукодьвьеце.
 Дума душу побиваетъ,
 Одна дума съ ума не идетъ—
 Чужа дальняя сторона,
 Да чужой отецъ съ матерью,
 Да дородный-то молодець. —

Ахъ ты вспомни-ка, матушка,
 Какъ меня-то попустила, —
 Ты хлѣба соли лишалася. —
 Ты еще вспомни-ка, матушка,
 Какъ меня-то породила, —
 Ты скорой смертью кончалася, —
 Всѣмъ святымъ общалася :
 Ты расти, расти дитятко,
 Добрымъ людямъ на завидость,
 Отцу матери въ честь, хвалу.
 Когда вырастешь, дитятко,
 Такъ заведу тебѣ, родимое,
 Я по плечу платье цвѣтное ;
 Да подъ лице дѣвью красоту
 Я подведу предъ окошечко.
 Зелешь садъ съ виноградепомъ,
 Да со кужлявою яблонью,
 И со сладкими яблоками. —
 Какъ теперь моя матушка
 Ты все законы переступила,
 И все заветы переложила.
 Хоть завела ты мнѣ матушка,
 И по плечу платье цвѣтное,
 И подъ лице дѣвью красоту, —
 Въмѣсто саду зеленого,
 Подвела подъ окошечко,

Въ чужу дальнюю сторону;
 Вѣсто кужлявыя яблоки,
 Ты чужаго отца съ матерью;
 Вѣсто сладкихъ-то яблоковъ,
 Ты дороднаго молодца. —

На проходѣ у насъ бѣлый денъ,
 На закатѣ красно солнышко,
 На разлетѣ красны соколы,
 На разъездѣ добры молодцы,
 Да на расходѣ пошли подруженьки.
 Я прошу васъ, подруженьки,
 Я прошу васъ, гокубушки,
 На роду-то впервые,
 Да на вѣку-то впоследіе:
 Посидите, подруженьки,
 Посидите, голубушки,
 Цѣлый денъ да до вечера,
 Съ вечера до полуночи.
 Ужъ дамъ вамъ провожатаго,
 Я родимаго батюшку;
 Буде мало покажется,
 Голубочка, мила братца,
 И сестрицу лебедушку.
 Буде мало покажется,
 Такъ и сама пойду молада.
 И пошли мои подруженьки,
 Вся по высокимъ по теремамъ,
 Да по отцамъ, да по матерямъ.
 Мнѣ куда будетъ дватися?
 Мнѣ куда пригудитися
 Да отъ темныя ночемки?
 Ужъ я стану молитися
 Я родимому батюшкѣ,

У рѣзвыхъ догъ катался;
 Мы пойдемъ сударь-бакишино,
 Мы на тихія тишины,
 Гдѣ бы вѣтры не вѣяли,
 Гдѣ бы люди не видѣли
 Съ чужи-дальнія стороны. —

Такъ проводятъ невѣста и ея подруги каждый день, сидя за шитьемъ. Отецъ ея ѣздитъ въ городъ для закупки вещей. Онъ привозитъ съ собою не только съѣстные припасы, но платки и матеріи для подарковъ, въ день свадьбы.

Дѣвичникъ.

Наступаетъ послѣдній день дѣвичьей жизни, — это дѣвичникъ. Въ этотъ день спитъ невѣста долѣе обыкновеннаго, такъ что подруги чуть не застанутъ ее въ постелѣ: она только что успѣла умыться и одѣться; только, чтобъ можно было показаться подругамъ. Послѣ первой встрѣчи, она жалуется имъ на бессонницу и проситъ ихъ растолковать видѣнный ею сонъ:

Государыни свѣтъ мои,
 Вы, подружки голубушки!
 Мнѣ почесь-то мало спалось,
 Да во снѣ много видѣлось.
 Ужъ я видѣла, подруженьки,
 Я гору высокую,
 Среди горы крутая,
 Лежить бѣлый горючъ камень.
 На этомъ на камешкѣ,
 Сидитъ орелъ итна острая,
 Во когтяхъ держитъ лебедушку.
 Подъ горой подъ высокою,
 Лѣса растутъ темныя
 И шипица колючая,
 Да и крапива-то жгучая,

Да и осова рывучая.
 Во этомъ тёмномъ лѣсу,
 Ходить медвѣдь съ медвѣдицей.
 Разсудите подруженьки :
 Мнѣ къ чему сонъ привидѣлся?
 Буде вы не разсудите,
 Такъ скажу вамъ, подруженьки,
 По словечку единому.
 Эта гора-то высокая,
 Чужа дальняя сторона ;
 Бѣлый-то каменьскъ,
 Чужой-то высокъ теремъ ;
 А орель. птица острая,
 Чужой это чужининъ,
 Да дородный-то молодець.
 Онъ въ когтяхъ держитъ лебедушку —
 Да меня молодешеньку ;
 А лѣса-то растутъ тѣмные, —
 Чужи люди, не знаеме ;
 Что медвѣдь съ медвѣдицей,
 Богоданный-то батюшка,
 Съ богоданою матушкой,
 Шипица колючая,
 Богоданы милы братцы ;
 Крапива-то жгучая,
 Богоданныя сестрицы. —

Послѣдній день своей дѣвической жизни, невѣста
 хочетъ провести, какъ можно лучше и веселѣе, а по-
 тому хочетъ красоваться (прощаться).—И въ то время,
 когда она произноситъ красованье (прощальную пѣсню),
 осматриваетъ все въ домѣ, и прощается съ отцовскимъ
 домомъ.

Государь ты мой батюшка,
 И родимая матушка!

Ужь мнѣ дайте благословенье
 Походить, покрасоватися,
 Мнѣ по свѣтлой по свѣтлицѣ,
 Но столовой-то герничѣ.
 Мнѣ въ остальные, впослѣдніе,
 Мнѣ въ душахъ красныхъ дѣвицахъ,
 Мнѣ въ дѣвичей, въ честной красотѣ.
 Уже встать было молодѣ,
 На свои рѣзвы ноги,
 Мнѣ на чулочки бумажные,
 Мнѣ на башмачки сафьяные,
 Мнѣ на гвоздѣ полуженое.
 Ты не гнись-ко половочка,
 Не ложись переводника;
 Что не я тяжела иду, —
 Тяжело горе, — кручина
 Ты красуйся моя красота,
 Веселись буйна голова,
 Унывай ретиво сердце!
 Вы ходите рѣзвы ноги
 Подо мной, не сгибаючись;
 Вы машитесь бѣлы руки,
 Ко сердцу не прижимаючись;
 Вы глядите ясны очи,
 Во слезахъ не мутитесь;
 Вы говорите сахарны уста,
 Во рѣчахъ не мѣшайтесе.
 Ты катайся руса коса,
 По моей становой спинѣ,
 Съ плечика да на плечико,
 Съ праваго да на лѣвос,
 Съ лѣваго посередь спинны.
 Закатись коса русая,
 Ты на мои груди бѣлыя,
 Передъ мои очи ясныя.
 Я возьму косу русую,
 Во свои во бѣлы руки.

Мнѣ къ чему носу русую,
 Мнѣ къ чему приложить будеть?—
 Мнѣ къ лицу приложить се.—
 Такъ лице озлобить будеть.
 Разсыпайся, руса коса,
 По единому волосу.
 На всякомъ на волосъ,
 По жемчужинъ скаченой,
 По золотой по проталинкѣ.
 Да уже свѣтъ было молодъ,
 Мнѣ во мѣсто любимое
 Подъ окошко переднее,
 Приотдвинуть мнѣ ставочки,
 Приотставить оконеньки.
 Я подамъ свой звученъ голосъ
 По деревнѣ, какъ по городу,
 А по избамъ какъ по теремамъ;
 По сосѣдямъ, какъ по гостямъ,
 По сосѣдкамъ, какъ гостейкамъ,
 По подружкамъ голубушкамъ.
 Собирайтесь подруженьки
 Ко мнѣ на горе, на кручину! —
 Государыня, свѣтъ моя,
 Ты родимая матушка!
 Ты войди ко мнѣ, подступи,
 Какъ была лебедь подлети.
 Не убойся ты матушка,
 Моего горя кручины.
 Какъ мое горе кручина,
 Не огонь да не поломя,
 Не ожеть да не опалитъ
 Твоего лица благо,
 Твоего платья цветнаго.
 Ты посмотри, моя матушка,
 Ко мнѣ всочь во было лице. (*)

(*) Всочь вмѣсто очи, значить прямо въ глаза. Это слово упо-

Я было ли небылалася?
 Румяно ли нарумявилася?
 Я поставо ли паложила,
 Честну дзвичью-во красоту?

МАТЬ ОТВѢЧАЕТЪ :

Ужь ты свѣтъ, мое дитятко!
 Ужь ты свѣтъ, мое родимое!
 Я берегла тебя, дитятко,
 Я отъ ветру, отъ вихорю,
 Я отъ частаго дождичка,
 И отъ краснаго солнышка.
 Я не могла тебя уберечи,
 Отъ чужи-дальнїя стороны.

НЕВѢСТА ПРОДОЛЖАЕТЪ :

Государыня, свѣтъ моя,
 Ты родимая матушка!
 Ты зашривъть, моя матушка,
 Меня на этомъ на мѣстечкѣ:
 Ужь что-то тутъ выростеть?
 Буде выростеть, матушка,
 Тутъ яблонь кужлявая:
 Такъ мнѣ житье будетъ хорошее.
 Буде выростеть, матушка,
 Тутъ береза кужлява:
 Мнѣ житье будетъ по среднему.
 Буде выростеть матушка,
 Тутъ осина-то горькая:
 Мнѣ житье будетъ послѣднее.—

требляется донинѣ простолюдинами, и нѣтъ сомнѣнїя, что оно
 изскаженное.

Послѣ красованья, она залихватъ грусть свою въ пѣсняхъ, которыя прежде пѣла съ подругами. Заслышавъ звонъ колокольчика, она содрогается, потому что это предвѣстіе о женихѣ, ѣдущемъ съ своими поѣзжанными.

Потянулъ холоденъ вѣтеръ,
 Съ чужи-дальнія стороны ;
 Ознобилъ холоденъ вѣтеръ,
 Мое сердце ретивое.
 Государь ты, мой батюшка,
 И родимая матушка !
 Ты сади да усаживай,
 Ужь ты пойдя да упанвай,
 Всѣхъ гостей да пріѣзжихъ,
 Съ чужи-дальнія стороны.

Предчувствіе невѣсты оправдалось : пріѣхалъ женихъ съ поѣзжанными и родными. Они вошли уже въ избу, молятся Богу и потомъ раскланиваются на всѣ стороны. Женихъ идетъ къ своей невѣстѣ, сидящей въ кутѣ, и цѣлуетъ ее; потомъ подноситъ ей подарки : зеркало, гребень, бѣлилы, румяны, мыло, алые сафьянные башмаки и пряжки. Подруги обращаются съ упрекомъ къ невѣстѣ, цѣловавшей при всѣхъ добраго молодца своего :

Государыя свѣтъ наша,
 Ты подружка голубушка !
 Не хорошо да не пригоже,
 Цѣловать добра молодца,
 При отцѣ и при матери,
 При всѣмъ родѣ да племени,
 При чужихъ при стороннихъ,
 При подружкахъ, голубушкахъ. —

Невеста отвѣчаетъ имъ :

Я не корясь, покорилась,
 Не клонясь, поклонилась ;
 Поклонилась у меня,
 Моя буйная голова ;
 Покорилась у меня,
 Мое сердце ретивое.
 Я не гостинички приняла,
 Я приняла молодешенька,
 На свои на были руки.
 Я грозу молодецкую.

Женихъ, послѣ взаимныхъ поцѣлуевъ, возвращается въ передній уголъ, къ своимъ роднымъ. Отецъ невесты сажаетъ ихъ за столъ, а мать даритъ всѣхъ ихъ платками или полотенцами. — Первую рюмку подносятъ жениху. Онъ встаетъ изъ за стола и идетъ съ рюмкою къ невестѣ, которая непременно должна выпить, хотя нѣсколько капель водки. — Подруги поютъ :

Государыня свѣтъ наша,
 Ты подружка, голубшка !
 Хорошо намъ тебя назвать,
 Того легче и взвеличать.
 Назовемъ тебя по имени,
 Взвеличаемъ по отчеству.
 Ты сказала подруженька,
 Ты сказала голубушка :
 Я не пью пива пьянаго,
 И вина-то зеленого.
 Ужь ты пьяница, пьяница !
 Душа красная дѣвица.

Послѣ угощенія всѣ разѣзжаются по домамъ. Женыхъ, поцѣловавъ свою невѣсту, отправляется такъ же домой съ своими родными. Едва онъ успѣетъ перешагнуть черезъ порогъ избы, невѣста отвѣчаетъ подругамъ, на ихъ укорь :

Государыни свѣтъ мой,
 Вы подружки, голубушки !
 Мнѣ не хмель въ голову вступилъ,
 Да не морозъ къ ретиву сердцу ;
 Пошла гроза молодецкая,
 Да похвальба княжецкая.

Она дѣлится гостинцами съ своими подругами, которыя отправляются потомъ гулять, распѣвая пѣсни по деревнѣ. Нагулявшись, онѣ возвращаются въ домъ невѣсты при громкомъ пѣніи, и во время пѣнія выполняютъ все то, что выражаетъ пѣснь. При прошеніи у невѣсты, чтобы она надѣлила ихъ красотою, онѣ кланяются ей низко.

Смѣть ли намъ подъявитися?
 Смѣть ли намъ подступитися,
 Ко Насону, ко городу,
 Къ подружнину терему ?
 Мы возьмемъ двери за скобу,
 И отворимъ ихъ на пятау,
 Мы на правую на руку.
 Намъ которой ногой ступить ?
 Ступимъ мы ногой правою.
 Вы раздайтесь-ка всѣ гости,
 Раступитесь-ка гостейки,
 Гостеньки по правую руку,
 Гостейки по лѣвую руку.
 Ужъ намъ дайте путь, дороженьку,
 Да единую половочку, —

Ужь намъ дайте дойти, достунить,
 Намъ до темнаго кутничка,
 Въ забратную заливочку —
 Ужь намъ дайте въ очи видѣти,
 Намъ подружку голубушку.
 Государыня свѣтъ наша,
 Ты подружка, голубушка!
 Хорошо намъ тебя назвать,
 Того легче и взвеличать.
 Назовемъ тебя по имени,
 Взвеличаемъ по отечеству.
 Мы о чемъ тв побьемъ челомъ,
 Мы о чемъ подокучаемъ,
 На роду-то во первые,
 На вѣку-то впоследнїе:
 Ты пожалуй, подруженька,
 Честну дѣвичью-то красоту

НЕВѢСТА ОТВѢЧАЕТЪ :

Государыни свѣтъ мой,
 Вы подружки, голубушки!
 Подождите, подруженьки,
 До поры да до времени,
 Вы до дня-то до срочнаго,
 Да до часу до урочнаго.
 Что вавтра, о эту пору,
 Поранѣе маленько,
 Прїѣдутъ ко батюшкѣ,
 Съ боемъ да сограбемъ;
 Что ограбить же батюшку,
 Да полонять мою матушку.
 Повезутъ меня молоду,
 На чужую на сторонушку —
 Первѣ чужой стороны,
 Меня ко церкви божественной,
 Ко вѣнцу ко златенному, —

Ко перстню обручальному.
 И поставляя меня милоду,
 Передъ двери передъ царскія,
 На единой подложничекъ,
 Со дороднымъ со молодецъ.
 Тутъ и выйдеть священнои понь,
 Съ большой книгой, — Евангельемъ.
 Онъ первой-то листь возложить,
 Божье слово возговорить :
 Вы снимайте со двинцы,
 Вы фату троеклыточку.
 Онъ другой-то листь возложить,
 Божье слово возговорить :
 Вы снимайте со двинцы,
 Золотую грибочку,
 Да семшелкову ленточку.
 Онъ третій-то листочекъ возложить,
 Божье слово возговорить :
 Приведитесь, подруженьки,
 Приведитесь, голубушки,
 О эту пору, времячко,
 За моею становой, синной. —
 Вы берите, подруженьки,
 Частну двинчю-то красоту,
 На свои на бѣлы руни:
 Вы носите, сберегаючи,
 Все меня, вспоминаючи.
 Вы носите, подруженьки,
 Вы носите, голубушки,
 Ее въ годъ по три праздничка.
 Берегите, подруженьки,
 Берегите, голубушки,
 Ее отъ вѣтру, отъ вихорю,
 Ее отъ частаго дождичка,
 И отъ краснаго солнышка.
 Вы носите, сберегаючи,
 Вы меня вспоминаючи.

Помните, подруженьки,
 Ежедень да на всякій день.
 Буде часто покажется,
 Въ три недѣлки одинава.
 Буде часто покажется
 Хоть въ годочникъ одинава.
 Мнѣ легошенько икнется,
 Да тяжелешенько вздохнется :
 Поминають подруженьки,
 На родимой на сторонѣ.—

Оканчи-
 ваніе.
 свадьби.

Этимъ оканчивается дѣвичникъ. (*) На канунѣ сва-
 дыбы топятъ баню подвѣчную. Невѣсту провожаютъ
 сюда съ пѣснями. — Въ день свадьбы сходятся дѣ-
 вушки къ своей подругѣ, чтобы одѣть ее къ вѣнцу,
 Женихъ съ своими поѣзжанными отправляется въ цер-
 ковь. По совершеніи бракосочетанія, всѣ возвращают-
 ся пировать въ домъ жениха. Тутъ, послѣ общаго ве-
 селія, уводятъ молодыхъ спать ; за тѣмъ совершаютъ
 обычные обряды при подниманіи новобрачныхъ съ
 постели, и послѣ радости пирующихъ, о благополучіи
 молодой, возобновляютъ пированіе. Отецъ молодого
 даетъ обѣдъ роднымъ новобрачной, а тамъ дѣлается
 обѣдъ въ домъ новобрачного. На другой или на тре-
 тій день, ѣздятъ новобрачные съ посѣщеніями ко
 всѣмъ своимъ роднымъ и знакомымъ, которые угоща-
 ютъ ихъ, или дѣлаютъ для нихъ особыя вечеринки.
 Тѣмъ заключается свадьба.

Считаемо не излишнимъ помѣстить здѣсь двѣ при-
 пѣвоцки и двѣ бесѣдныя пѣсни, которыя поются въ

(*) По недоставленію окончательныхъ обрядовъ мы долж-
 ны были въ заключеніи ограничиться общими чертами о
 свадьбѣ вологодской.

вологодской губ. (*) Всѣ свадебныя пѣсни извѣстны
здѣсь подъ именемъ *припѣвоцкѣ*.

Припѣвоцкѣ.

Разливалась рѣченька,
Разливалась быстрая,
По ирутымъ по бережкамъ,
По лугамъ по зеленымъ,
По травамъ по шелковымъ.
Унесло, улегляло,
Душу красную дѣвицу
На чужу дальнюю сторону,
На чужу незнакомую.
Провожала ее маменька (*),
Что до быстрой до рѣченьки;
Говорила ей маменька:
Воротись мое дитятко,
Воротись, мое милое!
Позабыла трон золоты ключи:
Ужъ какъ первые ключики,
Отъ дѣвичьей отъ красоты;
А другіе то ключики,
Тѣ отъ неги у матушки. —
Говорило ей дитятко:
Ужъ я рада воротиться,
У меня воля не своя:
Чужъ чужинивъ мнѣ не велить,
И добры коня не стоять. —

(*) Эти пѣсни напечатаны въ журналѣ *Москвитинивъ*, 1841.
года № 5.

(**) Упоминаемое здѣсь слово маменька, нѣтъ сомнѣнія встав-
лено въ недавнее время; но вся пѣснь сама по себѣ старин-
ная.

Пригъвоцька дегвинская.

Що при мартѣ при мисецѣ,
 При дивидьсемъ при вечерѣ,
 Отставала лебедь бѣлая,
 Що отъ стада лебединово.
 Отставала красна дѣвица,
 Що отъ сизыхъ то голубушекъ,
 Що отъ милыхъ то подруженекъ.
 Приставила лебедь бѣлая,
 Що ко стаду ко сыримъ гусямъ (*).
 Ее стали гуси клевати,
 Незнакомы стали щипати.
 Вы не клюйте, гуси сырыя,
 Ни щиплите незнакомыя:
 Ни сама я къ вамъ заходила,
 Ни своей волей, охотою.
 Отдавау—то меня батюшка.
 Снакруцала (**) меня матушка,
 Выводили меня братціи,
 Вывозили жо добры кони,
 Що добры кони Ивановы,
 Що Ивана свѣтъ Василиця —
 Тебѣ біу целомъ пригъвоцька
 Що Ивану свитъ Василицю —

(*) Къ сыримъ гусямъ.

(**) Снакруцала, сваряжала; снакруцать, сваржать; скруты, нарядъ.

По окончаніи пригъвоцьки, жѣнихъ встаетъ и низко кланется пѣвицамъ. На его поклоны отвѣчаютъ причитаньемъ :

Просужъ цюжъ цюженниъ,
 Высупенъ ла вышколенъ,
 Сиущенъ въ люди добрые.

Бисѣдныя пѣсни (*).

Ахъ вы госья, вы наши госьючки,
 Дорогіе госья, все любимые!
 Погостила въ гостяхъ малешенько,
 Що малешенько, да смиренщенько.
 Нѣтъ ни витру жо, нѣтъ ни вихорю,
 Ни цяство дожда осенново;
 Що отъ моря жо, моря синево,
 Що отъ моево дружка милово.
 Нѣтъ ни вистоцьки, нѣтъ ни грамотки,
 Ни словясново целобитьня.
 Вотъ въ четвѣртой, отъ (*) годъ, годицокъ отъ,
 Пришла вистоцька, пришла грамотка,
 И словясно се целобитьнице.
 Я назадъ пишу ко милу дружку,
 Ни перомъ пишу, ни периллами,
 Своимъ жъ пишу горючьми слезми.

Воуга рѣка разлилассе,
 Выпала снягу пороша.
 Гдѣ моя мила хороша?
 Гдѣ мнѣ съ милымъ повидаться?
 Соидимся на пясоцикъ,
 Свидимся на дененикъ,
 Сдѣлаймъ отцю на досаду.
 Лукъ, песнокъ пощипала;

(*) Бисѣдная, бесѣдная. Эти пѣсни поются при большихъ праздникахъ, называемыхъ пивными. — Хозяйка великъ целовцькъ съ домъ и никто изъ гостей не начнетъ пѣть, пока хозяйка не пропоеть бесѣдной пѣсан. Тогда начинается праздничный разгулъ.

(*) Отъ, — вѣсто вотъ.

Былу канусту заломала,
Тетерева поймала,
Тетерева оцивала. —
Перье сво на подушки,
Пушки сво на упушки,
Мясо сво на закуску. —

ХIV. СВАДЬБА ВЪ НИЖИГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ.

Парень, достигшій совершеннолѣтiя, ищетъ въ сво-^{Сватов-}ей деревнѣ невѣсту; если онъ не находитъ ее здѣсь, то ^{ство или} обращается въ дальнюю деревню или село, но никакъ ^{доброе} не обходится сватовство его безъ свахи или свата, хѣ- ^{дѣло.}тя бы парень и молодая дѣвушка, давно любили другъ друга, и какъ это выражается на нихъ языкъ, *непротискики другъ другу*. О намѣренiи вступить въ бракъ, женихъ самъ объявляетъ своимъ родителямъ, которые благославляютъ его *на добрый путь*. Женихъ избираетъ свата изъ своихъ родственниковъ или друзей, и повѣряетъ ему совершить *доброе дѣло*. Сватъ долженъ быть разговорчивъ и умѣть хорошо говорить, т: е: восхвалять достоинства жениха. Онъ наряжается какъ можно получше, подоясывается шеголеватымъ подсомъ и отправляется въ домъ невѣсты. Если она живетъ далеко, то сватъ отправляется на красивой лошади, съ привѣшеннымъ на ее шею бубенчикомъ, или въ шегольской повозкѣ. Если невѣста живетъ близко или въ одной съ нимъ деревнѣ, то онъ идетъ пѣшкомъ. Въ дорогу онъ запасается повойникомъ, снятымъ съ бабьей головы, который держитъ у себя скрытно, думая этимъ скорѣе обабить невѣсту. При выходѣ изъ его избы, молодухи и

бабы бросаютъ въ него сапогами, башмаками и лаптями, и приговариваютъ: на счастье и на веселье. Онъ отвѣчаетъ имъ: дай Боже и вамъ тоже. Иной свать, не говоря ни слова, старается уйтти поскорѣе, и когда онъ бѣжитъ, тогда замѣчаютъ его движеніе, и заключаютъ объ успѣхѣ и неуспѣхѣ сватовства.

Нерѣдко свахи берутъ на себя обязанность высватать женца. Таковыя свахи выбираются изъ родственнаго круга невѣсты и должны быть смѣтливыя.

Свать, подъѣзжая ко двору невѣсты, слезаетъ съ коня, если онъ пріѣхалъ верхомъ; подходитъ осторожно подъ красное окно избы, стучить въ него, говоря: здравствуй сватушня со свалоньной, хозяйнѣ со хозяйнѣй и со всѣми дѣтушками. — Хозяинъ и хозяйка, понимая изъ его пріѣтствія, о чемъ идетъ дѣло, и если расноможены выдать свою дочь замужъ, или по крайней мѣрѣ поговорить о женихѣ: то немедленно приглашаютъ его войти въ избу, произнося: милости просимъ, ради добрымъ гостямъ. — Свать, вошедши въ избу, молится у порога иконамъ, потомъ кланяется хозяйнамъ и здоровывается съ ними, называя ихъ сватомъ и сватомъ, хотя бы онъ никогда не зналъ ихъ. — Если родители невѣсты не хотятъ принять свата, зная о немъ дурно или о его женихѣ, или по другимъ какимъ нибудь причинамъ, то отвѣчаютъ ему: сватушки и свалоньки нѣту-ти дома. — По принятіи же свата, сажаютъ его на лавкѣ въ правую сторону угла, подлѣ божницы и послѣ нѣсколькихъ разговоровъ о разныхъ предметахъ, подаютъ на столъ хлѣбъ-соль или домашнюю закуску съ водкой, и просятъ его выпить съ дороги. Выпивая чару вина, свать приговариваетъ: славное вино! отъ него зарумянишься, какъ красная дѣвица, и вѣдь не вымолешишь ни словечка. Потомъ наливаетъ другую чару и водноситъ

ее хозяйну: ну, выпей же свать, на веселье! — Под-
 нося хозяйкѣ: а ты сваховька, ней на порученье (сго-
 воръ). Когда свать замѣчаетъ, что слова его не про-
 тивны имъ, продолжаетъ: у васъ есть товаръ а у ме-
 ня купецъ; товаръ-то красная дѣвица, а купецъ уда-
 лый молодецъ: отдайте вашу дѣвицу за моего молод-
 ца, — не воскааетея! (*) Согласно родители выдать
 свою дочь, отвѣчаютъ: для купца, удалаго молодца,
 наша дѣвица хоть куда; но напредки просимъ милости
 посмотрѣть намъ вашего купца: товаръ то лицомъ на-

(*) Пушкинъ прекрасно выразилъ сватовство.

У васъ товаръ, у насъ купецъ;
 Собою паренъ молодецъ,
 И статней и проворной,
 Не вздорной, не зазорной.

Богатъ, уменъ, ни передъ кѣмъ
 Не влянется въ полсъ,
 А какъ бояринъ между тѣмъ
 Живеть, не безречесъ;
 А подаритъ невѣстѣ вдругъ
 И лисью шубу, и жемчугъ,
 И перстни золотые,
 И платье парчевыя.

.....
 Не по рукамъ ли, да со двора,
 Да въ церковь съ образами?

Согласенъ, говорить отецъ.
 Студай благовоучно,
 Моя Наташа, подъ вѣнецъ.
 Одной въ свѣтелкѣ скучно.
 Не вѣтъ дѣвицей вѣковать, —
 Не все печатѣ расшваръ.
 Пора гнѣздо устроить,
 Чтобъ дѣтушекъ поконть.

Собр. соч. Пушкина, изд. С. П. Б. 1838 г. т. IV. баллада
 женихъ с. 19-20.

добень. — Несогласные выдать свою дочь, ничего не отвѣчаютъ ему, или же говорятъ прямо: спасибо на любви. — Тогда свать беретъ шапку и уходитъ не проставшись. —

ГЛЯДИНЫ. По взаимномъ соглашеніи, родители дочери отправляются на другой день, или въ какой нибудь другой условленный, глядѣтъ жениха, и это называется глядинами. Тутъ ихъ принимаютъ со всею почестью: отецъ и мать жениха встрѣчаютъ ихъ на крыльцѣ, кланяются и привѣтствуютъ; потомъ, введя въ избу, всѣ молятся Богу, а женихъ между тѣмъ, одѣтый въ лучшее платье, стоитъ у порога и кланяется имъ. — Родителей невѣсты сажаютъ въ красномъ углѣ, разговариваютъ съ ними дружески и весело, и спустя нѣсколько времени, накрываютъ столъ бѣлымъ полотномъ и ставятъ на него закуску съ виномъ. Во все это время, пріѣхавшіе на глядины, смотрятъ украдкой на молчаливаго жениха, и замѣчаютъ всѣ его движенія, по которымъ гадаютъ о счастливой будущности. Когда женихъ имъ покажется, тогда они просятъ его садиться съ ними за столъ; онъ сначала нейдетъ и кланяется имъ. По повтореніи нѣсколько разъ приглашенія, его родители говорятъ ему: не отказывайся отъ чести поподчивать гостей. Онъ подходитъ къ нимъ, и садится, потупивъ глаза. Отецъ же его наливаетъ чарку водки и сначала угощаетъ глядѣльщиковъ, за тѣмъ свою жену, а потомъ себя, произнося: за здоровье добрыхъ гостей! — Поразмотрѣвъ еще нѣсколько жениха, глядѣльщики, если имъ по сердцу женихъ, просятъ его къ себѣ въ гости и потомъ уѣзжаютъ домой. Если женихъ не по ихъ мыслямъ, то отказываются отъ другой чарки водки и уѣзжаютъ, поблагодаривши за хлѣбъ-соль. —

Родители, коимъ понравился женихъ, приглашаютъ къ

себѣ своихъ родственниковъ и своихъ хорошихъ знакомыхъ, и объявляютъ имъ, что для ихъ дочери нашелся женихъ, или, что Богъ имъ послалъ жениха умнаго, добраго и повиннаго (покорнаго); но какъ они не совѣтъ его узнали, то просятъ дать имъ совѣтъ: выдавать или за него свою дочь?—Всякій изъ нихъ даетъ свое мнѣніе, и если на совѣтливомъ сговорѣ послѣдуетъ одобреніе, то рѣшаютъ дѣло, чтобы выдать. — Невѣста, подслушивая ихъ разговоры, съ волненіемъ ожидаетъ приговора, и когда услышитъ,—выдать; тогда она немедленно отправляется къ своимъ подругамъ совѣтоваться: выходить ли ей замужъ? и не знаютъ ли онѣ что дурное про него? — Знающія или слышавшія что либо дурное про него, остерегаютъ ее и не совѣтуютъ выходить замужъ. — Тогда начинается сумотоха въ домѣ ея родителей: ее уговариваютъ не слушать и не вѣрить рассказамъ, и если не убѣдятъ, то расходятся до ея успокоенія (раздумья). Впротивномъ случаѣ женихъ получаетъ отказъ.—Когда онъ приходитъ смотрѣть свою невесту, тогда она не выходитъ къ нему.—Подруги, одобвившія выборъ жениха, отправляются въ домъ невесты съ радостными пѣснями. Совѣтливое собраніе встрѣчаетъ ихъ весело, и поздравляетъ невесту съ женихомъ.

Радостныя подруги уводятъ невесту въ свѣтелку, и ^{руко-}_{битье.} тамъ наряжаютъ ее въ лучшее цвѣтное платье; голову убираютъ цвѣтами волоса переплетаютъ лентами красными. Наряженная невеста сидитъ съ своими подругами въ комнатѣ, а недостаточная за занавѣской.—Топотъ на дворѣ отъ конскихъ ногъ, пробуждаетъ ея вниманіе: это значить, что пріѣхалъ женихъ съ своими родителями и дружкой, который избирается изъ молодыхъ его родственниковъ или друзей. Родители дочери и гости, принимаютъ ихъ весело; мать, отецъ и

женихъ , кланяются вѣнъ ; дружка ведетъ ихъ къ столу и сажаетъ за столъ ; родители дочери садятся со стороны жениха . Послѣ непродолжительнаго молчанія , дружка , который долженъ быть балагуръ и весельчакъ , произносятъ : купецъ здѣсь , а товара не видно . Всѣ молчатъ , но сваха беретъ жениха за руку и ведетъ его къ невѣстѣ . Женихъ , раскланявшись предъ нею , садится подлѣ нея и заводитъ разговоръ ; потомъ , взявъ ее за одну руку а сваха за другую , вводятъ къ гостямъ . Жениха и невѣсту сажаетъ сваха за столъ ; молодые разговариваютъ здѣсь между собою и рассматриваютъ другъ друга . Въ то время угощаютъ ихъ разными сладостями , а прочихъ виномъ ; такое угощеніе называется *продой невѣсты* , потому что пьютъ безпрестанно за ея здоровье , но лишь въ томъ случаѣ , когда замѣчаютъ , что она нравится жениху . Дружка между тѣмъ , или свать , поговоривъ нѣсколько съ женихомъ , объявляетъ , что пора совершить рукобитье по товару . Женихъ встаетъ и кланяется родителямъ невѣсты . Свать жениха беретъ руку отца невѣсты и бьетъ по ней слегка своею ; женихъ разнимаетъ ихъ руки , въ ознаменованіе своего согласія , а свать вынимаетъ изъ своего кармана замочекъ , и замкнувъ его , кладетъ къ себѣ въ карманъ : это дѣйствіе называется рукобитьемъ , а въ нѣкихъ порученьемъ . При совершеніи рукобитья дѣвушки поютъ :

Какъ со горь то-ли
Снѣги таяли,
Изъ дворовъ то-ли
Гости въхали.
Уже всѣ дворы протхали,
Ко Ивану на дворъ въхали.
Невѣстущка испугалася,

За дѣвушкѣ коронилася :
 Схороните меня дѣвушки,
 Схороните, свѣтъ подруженьки,
 Отъ лихаго набздника!
 Ты, мой родимой батюшка,
 Чѣмъ тебѣ я досадила?
 Или полъ я протоптала?
 Или дверечки расхлопала?
 Или лавочку просидѣла?
 Вотъ идетъ попъ съ крестомъ,
 Унести красоту съ вѣнцомъ.
 Красота моя дѣвичья,
 Куда ты отъ меня денешься?
 И руса коса моя разовьется,
 На двое раслетѣтся;
 И сердце дѣвушки забьется,
 И никогда не уймется.
 Мнѣ не ровнюшка муженечекъ,
 Не дастъ разгуляться;
 Хоть отпустить,
 Самъ во слѣдъ за мной пойдетъ.
 Меня молоду за рученьку возьметъ,
 И домой поведетъ.

Тогда же посылаютъ нещадленно за священникомъ,
 который чтеніемъ надъ ними молить и благословеніемъ,
 скрѣпляетъ рукобитыя. Весьма часто, что скрѣпленіе
 рукобитыя совершается безъ священника ; тогда молодые,
 въ присутствіи всѣхъ гостей, должны поцѣловаться три раза.

Въ этотъ день назначаютъ, когда быть свадьбѣ, и тогда
 начинается веселая попойка, которая сопровождается пѣніемъ
 разныхъ пѣсней. Повеселившись порядочно, родители жениха
 уѣзжаютъ домой съ нимъ и дружкой его.

Приго-
товленіе
къ сва-
дьбѣ.

Подруги помолвленной, гостятъ у нея до свадьбы, занимаясь приготовленіемъ приданого : шьѣмъ платья и бѣлья. Онѣ веселятъ ее пѣніемъ радостныхъ пѣсней, и не допускаютъ до черной работы. Родители же обоихъ молодыхъ готовятъ для свадьбы подарки, покупаютъ пряники, орѣхи ; пекутъ пироги, варятъ пиво, запасаются всѣмъ съѣстнымъ вдоволь, не забывая водки, безъ коей не можетъ быть веселья. Женихъ, дружка и поѣзжаные отправляются къ знакомымъ въ нарядномъ платьи, просить ихъ на свадьбу. —

Поѣзжаные ѣздятъ большей частію верхами, впереди ихъ ѣдетъ женихъ съ дружкой ; лошадь жениха болѣе всѣхъ украшается: гриву ея переплетаютъ разноцвѣтными лентами, на шею ея привѣшиваютъ колокольчикъ а около ушей бубенчики. Лошадей выбираютъ свѣтлой масти ; вороныхъ вовсе не берутъ : ихъ считаютъ дурнымъ предвѣстіемъ.

Со стороны невѣсты отправляется просить на свадьбу одна сваха , иногда сама невѣста съ своими подругами, но побольшей части она сама ходитъ къ своей роднѣ и хорошимъ ей знакомымъ. Когда невѣста ходитъ съ своими подругами, которыя одѣваются въ цвѣтные сарафаны, увивая головы лентами, а невѣста украшаетъ свою голову цвѣточнымъ вѣнкомъ ; тогда поютъ пѣсни. Родственники и знакомые дарятъ молодую на обзаведеніе, домашними вещами.

Благо-
словеніе
моло-
дыхъ.

По наступленіи свадьбы, которая въ деревняхъ совершается по большей части въ воскресенье, женихъ отправляется по утру въ церковь слушать заутреню; потомъ слушаетъ обѣдню. Между тѣмъ дружка и поѣзжаные пріѣзжаютъ къ нему, и проводятъ съ нимъ въ послѣдній разъ *молодеческую жизнь*, напоминая о ней пѣніемъ разныхъ пѣсней. Въ то время невѣста убирается

подругами въ подвѣчное платье. Когда все бываетъ готово къ поѣзду въ церковь, тогда каждый изъ молодыхъ благословляется родителями въ своемъ домѣ, слѣдующимъ образомъ: придвигаютъ столъ къ углу подь иконы, и покрываютъ его бѣлымъ полотномъ; потомъ кладутъ на столъ ржаный хлѣбъ съ солью, пироги и бѣлый хлѣбъ; затепливаютъ свѣчи и лампаду подь образами; всѣ домашніе и родственники молятся съ невѣстой. Послѣ отецъ и мать надѣваютъ на себя шубы, вывороченныя шерстью вверхъ, а отецъ крестный беретъ правой рукой жениха за одну его руку, держа въ правой своей рукѣ вывороченную шубу; за другую руку жениха беретъ дружка или братъ, и подводятъ его къ родителямъ, которые стоятъ за столомъ: отецъ съ иконою а мать съ хлѣбомъ. Дружка говоритъ: «любезный батюшко! благослови милое чадо златъ вѣнецъ пріятя, и плодъ съ райскаго дерева сняти». Онъ повторяетъ эти слова три раза, а женихъ три раза падаетъ въ ноги своему отцу, на разостланной шубѣ, которую приготовилъ свать. За тѣмъ отецъ благословляетъ его иконою крестообразно, которую цѣлуетъ сначала самъ, потомъ даетъ цѣловать ее сыну, а наконецъ цѣлуютъ другъ друга. Точно такимъ образомъ благословляетъ мать сына; потомъ отецъ и мать благословляютъ его по очередно хлѣбомъ—солью, и отпускаютъ къ вѣнцу.

Женихъ со всѣмъ своимъ поѣздомъ отправляется за невѣстой: впереди ѣдетъ дружка, за нимъ женихъ, а тамъ всѣ поѣзжаные и гости. Подъѣзжая къ воротомъ невѣстиянаго дома, дружка стучитъ въ ворота, чтобы отпирали. На дворъ въѣзжаютъ съ шумомъ, а въ избу входятъ тихо: сначала женихъ и дружка, потомъ весь поѣздъ. — Входя въ избу, женихъ роняетъ на полъ кольцо; одинъ изъ родственниковъ не-

Угоме.
не въ
домъ не.
звѣсти.

вѣсты поднимаетъ и спрашиваетъ : кто потерялъ колечко ?—Всѣ осматриваются, глядятъ другъ на друга; тогда дружка отвѣчаетъ : кольцо шлетъ кольца, а кто его нашелъ, того счастье. Иные говорятъ : а гдѣ кто нашелъ, тамъ быть свадьбѣ.—Гости съ помѣжанными садятся за столъ, а женихъ съ дружкой и свахою идутъ къ невѣстѣ. Поздоровавшись съ своей невѣстою, женихъ беретъ ее за одну руку, а дружка за другую, входятъ вмѣстѣ къ собравшимся гостямъ и кланяются имъ ; невѣста же здоровывается со всѣми своими знакомыми, потомъ садится рядомъ съ женихомъ за столъ, на вывороченной шубѣ.—Гостей подчиваютъ виномъ и разными кушаньями. Брату невѣсты подносятъ дружка вино, съ опущенной конѣйкою на двѣ стакана, говоря : ну братецъ, выпей, да отдай сестрицу намъ. Пей-ка, на двѣ конѣйка ; еще поьемъ, такъ и грошъ найдемъ.—Братъ вышивъ, отвѣчаетъ : берите ее и къ себѣ везите.—Молодые ничего не пьютъ и не ѣдятъ. За переменною каждого кушанья, дружка стучитъ объ столъ ложкою : ну-ка свахонька! давай-ка переменночки; что есть въ печи, на столъ мечи. Въ это время сваха жениха разноситъ подарки; родители невѣсты она даритъ деньгами, брата ея бумажнымъ платномъ, родственниковъ тоже платками, смотря по состоянію жениха, а прочихъ пряниками и орѣхами. — По окончаніи вечера, родители благословляютъ свою дочь образомъ и хлѣбомъ-солью, а гости выходятъ изъ избы и садятся въ сани или на повозки. Дружка никому не позволяетъ двинуться съ мѣста, пока онъ не обойдетъ вокругъ поѣзда, три раза, съ образомъ благословеннымъ, и читаетъ молитву, по большей части *Отче нашъ*, чтобы никакого не случилось съ ними несчастія на пути. При чтеніи молитвы всѣ снимаютъ шапки и крестятся, а по совершеніи молитвы

онъ сажаетъ молодыхъ въ одни сани или повозку, или молодые ѣдутъ порознь: невеста съ братомъ, свахою и ближайшими подругами, а женихъ на лошади, покрытой богатой попоною, или вмѣстѣ съ дружкой на тѣлегѣ, запряженной тройкою лихихъ коней, управляемыхъ братомъ его или лучшимъ пріятелемъ. Дружка выѣзжаетъ впередъ, держа въ рукахъ икону; за нимъ движется весь поѣздъ.—Приѣхавъ къ церкви, дружка является къ священнику и объявляетъ ему о прибытіи молодыхъ. — Тогда бьютъ медленно въ колоколъ три раза, извѣщая народъ о свадьбѣ; но никто не смѣетъ войти въ церковь до прихода священника, и какъ скоро отворится церковь, сваха беретъ жениха и невесту за руки, и вводитъ ихъ.—Сваха расплетаетъ косу невесты на церковной паперти или на крыльцѣ, до прихода еще священника, и покрываетъ ее голову фатою или большимъ платкомъ. Послѣ вѣнчанія она заплетаетъ ее волосы въ двѣ косы, и подбираетъ ихъ подъ чепецъ, или какъ здѣсь называется: *убираетъ юбачки*, и передаетъ невесту жениху, который, взявши ее за руку, выходитъ съ нею изъ церкви и отправляется съ нею въ санихъ или на повозкѣ въ свой домъ. Отецъ его и мать встрѣчаютъ молодыхъ на крыльцѣ съ хлѣбомъ и квасомъ, и въ то время, когда они падаютъ имъ въ ноги, ихъ осыпаютъ ячменемъ, пшеницею и хмѣлемъ; потомъ вводятъ ихъ въ избу и сажаютъ за столъ на первое мѣсто; за ними садятся всѣ гости. Тогда сбѣгаютъ въ изъ деревни смотрѣть молодыхъ, но невеста бываетъ закрыта фатою. Дружка однако открываетъ фату и общій голосъ раздается по избѣ: румяна, какъ ягодка малинная; хороша, какъ цвѣточекъ; кроткая, какъ голубка; нечего сказать: что мила, то мила!—Эти одобренія раздаются тѣмъ чаще, чѣмъ чаще подчтва-

ваютъ гостей, и послѣ отвозятъ молодую въ домъ ея отца, на нѣсколько дней, пока женихъ приготовится заpastись всѣмъ нужнымъ для принятія гостей. Когда все приготовлено, женихъ отправляется съ своимъ поѣздомъ за молодую, въ домѣ которой онъ застаётъ собравшихся гостей, сидящихъ уже за столомъ; но ворота для жениха заперты, онъ останавливается съ поѣзжаными, дружка стучитъ въ ворота, говоря: отворите! — Нельзя, отвѣчаютъ ему, не сюда вамъ дорога; а хотите проѣхать, заплатите. — Сколько надобно? — А сколько васъ людей? спрашиваетъ предворотникъ. — Душъ двѣсти, отвѣчаетъ дружка. — По рублю съ человѣка, да и то мало, говоритъ предворотникъ, — у насъ княгиня молодая, никому не велитъ ѣздить чрезъ ея земли. — А у насъ князь молодой, говоритъ дружка, мы люди сбройные, ворота отобьемъ и силой въѣдемъ. — Онъ начинаетъ стучать покрѣпче, но предворотникъ говоритъ ему: не пушу! развѣ силой возьмете. — Тогда дружка начинаетъ объясняться съ нимъ по ласковѣ: эй, любезный другъ! намъ нѣкогда долго ждать, намъ пора ѣхать. Хочешь ли выпить чару зеленого? — Почему же не такъ, — отвѣчаетъ предворотникъ, — беретъ стаканъ съ водкою и выпиваетъ; дружка даетъ еще, потомъ еще и дотолѣ подаетъ, пока не упоятъ. — Тогда поѣзжанные сами отворяютъ ворота, и въѣзжаютъ съ шумомъ на дворъ. — Дружка, ввойдя въ избу съ женихомъ и поѣзжаными, бьетъ кнутомъ по полу и лавкамъ; гости выходятъ изъ за стола а поѣзжанные садятся на ихъ мѣста. Братъ или сваха молодой, подноситъ жениху на тарѣлкѣ платокъ, вышитый молодою; принимая платокъ, онъ кладетъ на тарѣлку нѣсколько денегъ. За тѣмъ дружка беретъ жениха за руку и подводитъ къ его молодой, которая сидитъ съ своими подругами.

Молодой обдариваетъ ея подругъ, потомъ беретъ ее за руку и ведетъ за столъ. Тогда усаживаются всѣ гости; ихъ подчиваютъ виномъ и приготовленнымъ обѣдомъ. За столомъ поютъ въ честь молодыхъ, восхваляя ихъ щедрость и гостепрѣимство. Дружка, по окончаніи обѣда, обдариваетъ гостей пряниками, орѣхами, ширинками и лентами, а родителей молодой полотномъ и деньгами. Послѣ, при звукѣ пѣсней, всѣ выходятъ изъ избы. Въ это время поѣзжанные встрѣчаютъ молодыхъ стрѣлкою изъ пистолетовъ, молодые между тѣмъ садятся въ свою телѣгу, а за ними всѣ гости по своимъ телѣгамъ, но никто не трогается съ мѣста, пока дружка не обойдетъ всѣхъ съ образомъ, прежнимъ порядкомъ, три раза. Выѣхавъ на поле, всѣ останавливаются: дружка снова обходитъ ихъ съ иконою, и обошедши, благословляетъ той же иконою въ счастливый путь. Удалые поѣзжанные снова стрѣляютъ на дорогѣ, и продолжаютъ стрѣлять до самого дома жениха. Тутъ родители встрѣчаютъ молодыхъ съ образомъ и хлѣбомъ-солью, просятъ всѣхъ гостей пожаловать въ избу и откушать хлѣба-соли. Всѣ садятся за столъ, покрытый кушаньями: молодые сидятъ на первомъ мѣстѣ, на вывороченной шубѣ, а со стороны ихъ поѣзжанные и гости. Сватъ и сваха, прося гостей кушать, подносятъ имъ по стаканчику водки, минуя молодыхъ, которыхъ ничемъ не угощаютъ. Только при питіи водки, если кто скажетъ: горькое вино! или: горько! больно горько! молодые должны поцѣловаться, чтобы подсластить вино, и кто ни скажетъ горько, молодые должны всякій разъ цѣловаться, и только слышны непрерывные ихъ поцѣлуи. Дружка, распорядясь всѣмъ въ домѣ, покрикиваетъ на сваху съ самодоваальной гордостью: ну свахонька, повора-

чтывайся! давай переми́ночки: что еста въ пелья, на
 столъ меча. При каждой переми́нѣ онъ подноситъ го-
 стямъ водну и живо, а родителей и родныхъ невѣсть,
 сверхъ подчиванія, дарятъ отъа ея сапогами, приго-
 варивая: «мало-то, пріймите, а большому сроку дай-
 те:» мать, ютами (полусапогами), сестерь, платками,
 прозвилося предъ нима: «пріймите и насъ полюбите»
 братьевъ красными рубахами, говоря имъ: «берите и
 нашу невѣсту не держите.» Подгулявшие гости по-
 ютъ:

Какъ по улицѣ по швецкой
 Въ слободѣ было вѣмецкой,
 Молодой маіоръ гуляетъ
 Самъ во скрипочку играетъ;
 За собой онъ водить дѣвку,
 Дѣвку вѣмку иноземку.
 Дѣвка вѣмка иноземка,
 Съ парнемъ рвчи говорила:
 Душа сивельскій голубчикъ,
 Разудалевакій молодчикъ!
 Слышу, милый, хошь жениться,
 Ты поедешь мнѣ вѣмчаться,
 Заважай ко мнѣ прощаться:
 Поставь коня среди поля,
 Среди поля при долинь;
 Привяжи-ка коня къ кусту,
 Къ тому ль кусту къ калинь.
 Сорви ягодку калину,
 Ты' изволь ее искушать.
 Какова горька калини,
 Таково мнѣ жить за милымъ;
 Мнѣ за милымъ ты за ровней,
 Не за ровней за милымъ.

Какъ по улицѣ по ниверской,
 Въ слободѣ была ниверской ;
 Молодой маіоръ гуляетъ,
 Самъ во скрипочку играетъ,
 За собой онъ водить дѣвку,
 Дѣвку нѣмку нивоземку.
 Дѣвка нѣмка нивоземка
 Съ парнемъ рѣчи говорила :
 Душа сивазнѣй голубчикъ !
 Слышу, милый, хошь жениться,
 Ты поведешь мнѣ вѣнчаться,
 Завезай ко мнѣ прощаться ;
 Поставь коня среди поля,
 Среди поля при доминѣ ;
 Привалю на коня къ кусту,
 Къ тому кусту къ рябинѣ,
 Ты изволь ее откусать.
 Какова кисла рябина,
 Таково мнѣ жить за старымъ,
 Мнѣ за старымъ не заровней,
 Не заровнюшкой за старымъ.

Какъ по улицѣ по нивенной
 Въ слободѣ была нивенной,
 Молодой маіоръ гуляетъ
 Самъ во скрипочку играетъ,
 За собой онъ водить дѣвку,
 Дѣвку нѣмку нивоземку.
 Дѣвка нѣмка нивоземка,
 Съ парнемъ рѣчи говорила :
 Душа сивазнѣй голубчикъ,
 Разудаленькій молочикъ !
 Слышу, милый, хошь жениться.
 Ты поведешь, мнѣ, вѣнчаться,
 Завезай ко мнѣ прощаться ;
 Поставь коня среди поля,

Среди поля при долине ;
 Привяжи-на поля къ яусту,
 Къ тому яусту малины,
 Сорви ягоду малину,
 Ты изволь ее откушать.
 Какова сладка малина,
 Таково мнѣ жить за рѣней,
 Мнѣ за ровнюшкой за мильми.
 Мнѣ за мильми веселенько. —

При окончаніи обѣда, подаютъ молодымъ большой прианикъ. Они, положивъ на него лѣвую руку, ломаютъ правой. Тутъ замѣчаютъ, кто изъ нихъ за однимъ разомъ отломить побольше, тотъ будетъ *большина* (старшимъ въ домѣ). —

Уводитъ
 молодую
 въ сѣн-
 никъ.

Послѣ этого молодые выходятъ изъ за стола. Отецъ жениха, поставивъ молодыхъ по среди избы, даетъ сыну штофъ съ водкою а невѣстѣ поднось и рюмку ; новобрачный наливаетъ и проситъ отца и мать выпить рюмку водки, изъ рукъ его молодой ; потомъ проситъ братьевъ, за ними сестеръ а наконецъ всѣхъ гостей. Каждый, осушивъ рюмку, кладетъ на поднось нѣсколько денегъ и цѣлуетъ молодаго и молодую въ губы, приговаривая : сладко ! Потомъ молодой кладетъ на свою голову хлѣбъ, и уводитъ свою молодую въ сѣнникъ, въ коей уже приготовлена постель на ржаныхъ снопахъ. Молодую раздѣваетъ сваха, и когда она уложитъ ее въ постель, тогда даетъ знать дружкѣ, выходявшему съ женихомъ изъ сѣнника на время. Тогда этотъ самой дружко вводитъ жениха, и пожелавъ ему *медовой ночи*, запираетъ дверь на крѣпко. Гости между тѣмъ разѣзжаются по домамъ, за исключеніемъ свата и свахи, которые остаются въ домѣ молодаго до утра. Дружка же во всю ночь сторожитъ молодыхъ. — На утро вхо-

дить въ спальню одна сваха, и посылаетъ свата къ родителямъ молодой, чтобы поздравить ихъ съ благополучіемъ дочери ; въ противномъ случаѣ она посылаетъ къ нимъ дырявый сосудъ: кувшинъ или чашу. Тогда безчестіе для родителейъ дочери ; стыдъ и насмѣшки распространяются по всей деревнѣ. Однако это обыкновеніе уже смягчается нынѣ : стараются скрыть семейный позоръ, притворной радостію жениха.

На другой день собираются въ домъ молодого родителя новобрачной и ея родственники ; ихъ угощаютъ съ Облагоданіе молодыхъ. большой веселостію. Молодые вновь получаютъ благословеніе отъ своихъ родителей, а молодой надаетъ въ ноги своему тестю и тещѣ, и благодаритъ ихъ за воспитаніе дочери. Послѣ угощенія, за конемъ уже ѣдутъ и пьютъ новобрачные, дарятъ ихъ родители и родственники разными вещами для дочашняго обзаведенія : посудой, полотномъ, зерновымъ хлѣбомъ, скотомъ, птицею и пр., смотря по состоянію каждого. Въ слѣдующіе за симъ дни новобрачные угощаются родственниками, и такое угощеніе продолжается почти всю недѣлю.

Новобрачные носятъ здѣсь названіе *молодеженъ* (молодыхъ), до субботы святой недѣли. Въ эту субботу собираются рано по утру парни, товарищи Юнецъ въ честь молодыхъ. молодого, и поютъ подъ его окнами *юнецъ* :

У юнца молодца, было три сестрицы :
 Большая сестрица на дворъ выходила,
 Въ конюшню входила, коня обротала ;
 Вторая сестрица, коня обсвдала ;
 Меньшая сестрица на дворъ выходила,
 Юнца посадила, кудеречки разчесала,
 Шляпу надѣвала и юнца спросила :
 Куда юнецъ ѣдешь? —
 Онъ ей отвѣтилъ :

На парюную службу,
 Царю послужити. —
 Она спросила :
 Дожой скоро ль будешь?—
 Я въ те поры буду,
 Какъ коня изъбъжу.
 Свдечечко изотру,
 Плеточку захлещу.

Юница молодая
 Новы свичка мела,
 Гусельны нашла ;
 Юницу молодому отдала.
 Онъ играсть, поиграсть
 Въ звончатые свои гусли ;
 Онъ потынитъ, потышитъ
 Молоду свою жену :
 Ты не плачь-ка, молодая моя жена!
 О своей сторонѣ, о своемъ отцѣ и матери.
 Песерель двора юничнаго,
 Дубовы столы стоять,
 На этихъ столахъ
 Бѣлы скатерти лежать,
 Медвяны питья стоять.
 А кому те питья пия?
 Кому разносити? —
 Пить питья оклинальщикамъ,
 А разносити питья
 Юницу — молодцу. —

По пропѣтїи этой пѣсни, молодежень угощаетъ парней: пирогами, яйцами и водкой. Въ другихъ мѣстахъ ходять дѣвицы пѣтъ юнецъ ; ихъ угощаютъ ливомъ, медомъ и пирогами, а онѣ дарятъ, бывшую свою по-

другу, мѣлочными вещами: ленточками, нитками, иглами, крашеными яйцами, — кто чѣмъ можетъ. Зажиточныя дарятъ полотномъ, платками, крашенной и пр. Съ этихъ поръ молодой называется мужикомъ (мужемъ), а молодая *бабою* (женою). —

ХГ. СВАДЬБА ВЪ НЕВЗНСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Свѣто-
отво.

Отецъ, у коего сынъ выходитъ изъ восемнадцатилѣтняго возраста, по расчисленію самого батюшки, отправляется къ приходскому священнику для справки о вѣрности годовъ своего сына. Когда удостовѣрится, что онъ не ошибся въ своемъ расчисленіи, тогда проситъ священника справиться о лѣтахъ той невѣсты, которую онъ имѣетъ въ виду. Если и здѣсь онъ получитъ желаемый отвѣтъ, то проситъ его благословенія къ началу добраго дѣла. Принявъ благословеніе, онъ отправляется домой поспѣшно, съ радостной для жены и сына вѣсточкою. И вотъ надобно посылать потомъ засватывать.—По этому отецъ призываетъ крестныхъ родителей своего сына, предлагаетъ имъ сходить къ отцу невѣсты, и проситъ его согласія, чтобы породниться съ нимъ. Крестные родители не отказываются отъ исполненія порученія, потому что женихъ ихъ воспріемникъ. Они, между страхомъ и надеждою, отправляются хлопотать о невѣстѣ. Пришедши къ отцу, они сначала говорятъ отъѣмъ нибудь постороннемъ и обняками доходятъ до дѣла. Тутъ истощаютъ все свое умѣнье, чтобы уговорить выдать

дочь, потому что есть обыкновение, чтобы поломаться въ такомъ случаѣ. Если послѣдуетъ отказъ, то ужъ дѣлать нечего; а если согласіе, то засватавши, помолясь Богу, отправляются къ отцу жениха съ извѣстіемъ, что Богъ помогъ въ началѣ, что-то будетъ дальше. Спустя нѣсколько дней, сваха идетъ къ невестѣ съ гостивцемъ.—Для этого она печетъ кулебяку. Сваху принимаютъ съ ласкою и уваженіемъ; она ведетъ разговоръ *почтительно*, и доходитъ до того, что сами родители начинаютъ хвалиться руководѣніемъ своей дочери. Это она дѣлаетъ съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы узнать отъ нихъ: занималась ли чѣмъ нибудь невеста? и можетъ ли одѣть своего будущаго мужа?—Если у невесты есть руководѣіе, то она трудящая, и не шаталась въ дѣвкахъ, а это, какъ признакъ нравственности, цѣнится дорого въ бытѣ крестьянъ.

Послѣ этого уговариваются *съ кладкѣ* (складкѣ) : Вечеринка у невесты. отецъ невесты получаетъ нѣсколько денегъ, вина, мяса, масла и другихъ съѣстныхъ припасовъ, необходимыхъ для совершенія пира. За этимъ условливаются о однѣ свадьбы, но на это они испрашиваютъ разрѣшенія у священника, который приглашается сюда со всѣмъ своимъ причетомъ; не забываютъ пригласить отца жениха, чтобы *почестить* дѣло. Послѣ угощенія всѣхъ ихъ, женихъ сзываетъ своихъ родныхъ, чтобы идти на вечеринку къ невестѣ. Женахъ готовится принять родственниковъ, слѣдующимъ образомъ : одѣвшись хорошо и положивши три земныхъ поклона, онъ садится за столъ, ожидая крестныхъ родителей и остальныхъ своихъ родственниковъ. Каждый изъ нихъ приноситъ ему коровай, курицу, и не большое количество денегъ. Онъ принимаетъ отъ нихъ, перекрестясь, и цѣлуетъ каждого.

Невеста предъ своей вечеринкой ходитъ въ баню съ

подругами, которые еще съ утра должны отправиться къ жениху за мыломъ. Идя въ баню, онѣ поютъ громко и весело:

Выходила дѣвчончка,
 За новыя ворота;
 Становилась дѣвчончка,
 У притворнаго столба;
 Опущала дѣвчончка,
 Были руки во карманъ.
 Изъ кармана вынимала,
 Алой розовой платокъ.
 Утирала горьки слезы,
 Любезному своему,
 Какъ утерши горьки слезы,
 На тѣ горы и пошла.
 На тѣ горы, на тѣ доли,
 Гдѣ скончалася любви.
 Любовь наша небольшая,
 Жмань, разлука тяжела,
 Разлучаетъ насъ неволя;
 Чужа дальняя сторона.
 На чужой ли на сторонкѣ,
 Тамъ дѣвчонки хороши.
 Взяль дѣвчонку за рученку,
 Сказать: иная прощай!
 Зарастуть пути-дорожки,
 Все травкою муравой,
 И ширинку лагузомъ,
 И высокими камышемъ (*).

Когда всѣ соберутся къ жениху, тогда, поемаясь Богу, произнесеть: дай Богъ въ добрый часъ! — Отправляютъ

(*) При отправленіи въ баню, онѣ поютъ пѣсни по произволу.

ся къ невѣстѣ и шесутъ ея ютцу выговоренную кладу. Ихъ принимаютъ съ радостіемъ и сажаютъ за столъ по чину, именно : женихова отца впередъ, а по сторонамъ его, съ правой: крестного отца а съ лѣвой самаго жениха, возлѣ еге редиую и крестную матерей; за ними остальныхъ родственниковъ. — При вкюдѣ невѣсты, выводятъ жениха изъ за стола и ставятъ обомъ въ срединѣ избы рядомъ; тутъ они должны пѣловаться при всѣхъ, и крѣпко. Избранный дружокъ угощаетъ послѣ этого виномъ всѣхъ званыхъ гостей, а невѣста дѣлаетъ ихъ своимъ руководълемъ. Выпитый чарку водки и принявшій подарокъ, утираетъ имъ; потомъ кладетъ отарокъ, состоящій въ деньгахъ, по сосоянію каждаго, и за тѣмъ садится на свое мѣсто. При подаваніи вина молодые кланяются каждому, прѣся выпить; иной ломается, говоря : горько! это значитъ, что они должны поцѣловаться три раза. — Вскорѣ подають ужинъ, за конемъ отецъ невѣсты разноситъ свое вино, а жена его хлопотетъ накормить гостей. Отблагодаривъ сватушку съ свахонькою, за хлѣбъ-за-соль, всѣ идуть въ домъ отца жениха, по послѣдній же ухажитъ, не простившись съ своей молодою. — Тогда покруги нарочно прятуть ее въ уголъ, и завѣщиваютъ платокъ. Это дѣлается для испытанія силы жениха: онъ вырываетъ платокъ изъ рукъ невѣсты и цѣлуетъ ее насильно. — Иные пляшуть дорогою въ присядку, а другіе воютъ; но имъ предстоитъ еще позапъ пируска, отъ коей отказаться было бы, съ нѣ стороны, невѣжливо, а для отца жениха обидно. Пришедши въ домъ, всѣ помѣщаются за столами коекакъ, а хозяйка разставляетъ яства и подчуетъ отъ избытка радости. —

На другой день, назначенный для совершенія бракосочетанія, дружки должны притѣтовать три или четы-

Благо-
словенію

ре тройни лошадей, съ звонками. На одной изъ нихъ они отправляются къ невѣстѣ: съ рубашкою, кумачникомъ, котами, чулками и шубою. Выѣстъ съ этимъ привозятъ хлѣбъ и пироги, съ коими главный дружка поступаетъ такъ: отрѣзавши отъ хлѣба горбушку, онъ отдаетъ свой хлѣбъ отцу невѣсты, а отъ него беретъ другой, отъ котораго такъ же отрѣзываетъ горбушку, и двѣ горбушки кладетъ за спиною назуху.

Дружки приѣзжаютъ къ жениху съ извѣстіемъ, что невѣста готова. Тутъ начинаютъ наряжать жениха. Нарядъ его состоитъ изъ красной рубахи, полосатыхъ лешеныхъ портковъ, смазныхъ сапоговъ и нового кафтана; голова бываетъ приглажена масломъ. Потомъ онъ является къ своимъ родителямъ: крестнымъ и посаженнымъ, для принятія отъ нихъ благословенія. Родной отецъ, ставъ среди избы съ иконою, заставляетъ сына положить три земныхъ поклона. Выполнивъ приказаніе, онъ прикладываетъ къ иконѣ и целуетъ отца со слезами. Потомъ родная мать, а за нею крестная, напутствуютъ его благословеніемъ на новую жизнь. По окончаніи благословенія, сажаютъ жениха за столъ, и сами обсаживаются вокругъ его, справа и слѣва. Изъ этого обряда не исключаются всѣ присутствующіе, сколько бы ихъ ни было здѣсь: они должны присѣсть. Тутъ вынимаютъ по стакану вина, закусываютъ хлѣбомъ-солью, и помолясь Богу, встаютъ, и когда отецъ жениха произнесетъ: ну, съ Богомъ! тогда крестный отецъ отправляется съ женихомъ по невѣсту. Впередъ ихъ ѣдетъ дружка съ благословеннымъ образомъ, а на остальныхъ лошадяхъ поѣзжаные. Дружка запасается склянкою водки, чтобы отворилъ ворота, которыя бывають заперты. — За воротами стоитъ или братъ невѣсты, или

кто изъ постороннихъ по приглашенію. Дружка поспѣшно вскакиваетъ съ виномъ и стучить. Стоящій за ними спрашиваетъ: кого нада? — Отвори! кричитъ дружка. — Не отпру, отвѣчаетъ другой. — Дѣлать нечего! онъ вынимаетъ изъ пазухи вино и подаетъ въ подворотню. — Тотчасъ отворяются ворота и весь поѣздъ въѣзжаетъ на дворъ. Войдя въ избу, садятся и дожидаются, пока выведутъ невѣсту; потомъ ставятъ ее съ женихомъ посреди избы. Здѣсь родители обѣихъ сторонъ благословляютъ ихъ; послѣ сажаютъ за столъ, а потомъ, съ Божію помощію, отправляютъ ихъ въ церковь. — Съ женихомъ, коего повязываютъ платкомъ какъ женщину, садится крестный его отецъ и дружка, а съ невѣстою, покрытой шелковой фатою, мать крестная. Подружки, которые называются *полдрузья*, перевязываются платкомъ, съ праваго подъ лѣвое плечо. —

Когда готовъ весь поѣздъ, тогда дружка съ благословеннымъ образомъ а подружки съ хлѣбомъ-солью, обходятъ его три раза вокругъ, и потомъ ѣдутъ въ церковь. На одной телегѣ находится брага и вино, для угощенія встрѣчныхъ на дорогѣ. — Въ другихъ мѣстахъ лежитъ обязанность на подружѣ, идущему съ хлѣбомъ и солью за дружкою, чтобы онъ при обходѣ поѣзда, припрыгивалъ и дрыгалъ ногою, что, по понятію простолудинновъ, значитъ: отгонять всѣ опасности, могущія случиться съ молодыми во время поѣзда ихъ въ церковь и обратно. Напрыгавшись вдоволь, полдрузья садятся на лошадь и ѣдутъ впередъ; за нимъ весь поѣздъ. Проѣхавъ сажень сто, онъ долженъ воротиться назадъ для выкупа постели; но съ тѣмъ, чтобы догнать послѣ и даже обогнать поѣздъ. Заплативъ сестрамъ за постель или подругамъ невѣсты, онъ беретъ съ собою постель, укладываетъ ее въ особый ящикъ и снѣшить

перегнать пѣздъ, чтобы ему была пуговодительствъ къ церквн.

Оконча-
тельный
образъ.

По совершеніи вѣнчанія священникъ требуетъ, чтобы молодые поцѣловались три раза. Крестная мать отводитъ невѣсту въ притворъ, и перекрестая, начиняетъ заплетать ей въ двѣ косы; потомъ она надѣваетъ волосникъ или кокошникъ. Иные изъ новобрачныхъ приглашаютъ домой въ вѣщахъ. Родители встрѣчаютъ молодыхъ на крыльцѣ, съ хлѣбомъ-солью и свѣчкою; а одна женщина стоитъ въ сѣняхъ за дверью, съ блюдомъ овса и хлѣбомъ, и когда они идутъ въ избу, тогда она осыпаетъ ихъ, желая имъ богатства.

Молодые, поцѣловавъ хлѣбъ-соль, входятъ въ избу; здѣсь сажаютъ ихъ на нѣсколько времени. Отецъ и мать илѣуютъ ихъ и поздравляютъ со вступленіемъ въ новую жизнь. Отецъ говоритъ новобрачной: вотъ тебѣ одонье ржи, а другое сама нажни.—Давъ усѣться всѣмъ, дружка выводитъ молодыхъ изъ за стола въ клѣтъ, гдѣ приготовленъ для нихъ столъ и брачное ложе. Здѣсь онъ подноситъ имъ по стакану вина и вынимаетъ изъ пазухи тѣ горбушки, которыми онъ рѣзалъ, когда ѣдилъ съ нарядомъ къ невѣстѣ, и подаетъ имъ. Послѣ закуски укладываютъ ихъ въ постель, съ наставленіями, о коихъ говорить здѣсь неумѣста, а потомъ отправляются въ избу для размѣщенія гостей, приготовившихся пировать за горячимъ столомъ.—Пока продолжается обѣдъ, дружка выбѣгаетъ къ молодымъ назѣдываться: не проснулись ли они? Когда проснутся новобрачные, тогда онъ выбѣгаетъ въ избу и беретъ съ собою крестную мать молодой. Поднявши ихъ съ постели, одѣваютъ и ведутъ къ гостямъ, которые отъ радости бьютъ горшки, стаканы, и все что попадетъ имъ на глаза; топаютъ, прыгаютъ и кричатъ.—Послѣ этого молодой отправляется на блины,

къ тещѣ. Его молодая посылаетъ съ нимъ гостинцы, къ своимъ сестрамъ или подругамъ. Съ приходомъ его къ тещѣ, она сажаетъ его за столъ, и въ тужь минуту затапливаетъ печь и печетъ блины. Молодой, выпивъ чарку водки и закусивъ блинами, возвращается въ свой домъ, гдѣ, съ его приходомъ, начинается снова пиръ, — ради гостя дорогаго, хотя ожидавшіе его давно уподчивались.

Между тѣмъ, какъ продолжается эта пирушка, отецъ молодой сзываетъ всѣхъ своихъ родственниковъ и спѣшитъ съ ними къ своему свату съ поздравленіемъ. Толпа собравшихся родственниковъ, называется тогда *гарною* (избраннымъ). Пришедши съ гарными въ домъ, отецъ и мать молодой, поздравляютъ свата съ окончаніемъ дѣла, а тотъ благодаритъ ихъ за доброе поведеніе дочери. Тутъ снова пьютъ.

Въ такомъ точно пиршествѣ проходятъ два и три дня, въ продолженіи коихъ не перестаетъ литься вино и брага. Этимъ оканчивается пиръ у отца молодого, по отцу его надобно отплатить свату своимъ посѣщеніемъ. По этому, пригласивъ къ себѣ вѣсколько ближайшихъ родственниковъ, онъ вмѣстѣ съ молодыми отправляется на послѣднее пиршество.

ХVI. СВАДЬБА ВЪ САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Сва-
ство.

Отецъ взрослога парня, избираетъ опытнаго свата изъ своихъ родныхъ или хорошихъ пріятелей, и поручаетъ ему высватать невѣсту (*). Сынъ указываетъ тогда свату на дѣвockъ, или на ту, которая ему полюбилась. Во время совѣщаній о сватовствѣ, угощаютъ свата; послѣ угощеній онъ отправляется въ тотъ же день или на другой, въ домъ невѣсты. Здѣсь онъ выхваляетъ достоинства жениха, и если получить согласіе на выдачу дочери, то извѣщаетъ объ этомъ родителей жениха.

Сватовство поручается, во многихъ мѣстахъ этой губерніи, искусной и опытной свахѣ (**). Войдя въ избу она старается, не начиная разговора, взглянуть прежде всего на матицу, — брусъ, поддерживающій потолокъ, и сѣсть противу него. Это она дѣлаетъ съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы дѣло пошло успѣшнѣе. По-

(*) Сватъ въ хвалынскомъ уездѣ называется смутчикомъ.

(**) При описаніи этой свадьбы, выставлена здѣсь сваха дѣйствующимъ лицомъ.

томъ она вступаетъ въ разговоръ о дѣлѣ, превозносить умъ и состояніе жениха, отъ чего называютъ ихъ хвастуньями. Если родители невесты изъявляютъ согласіе выдать свою дочь, то сваха говоритъ: *ну сватушка, прикажите мамѣ прійти съ женихомъ. Тѣ отвѣчаютъ: просимъ милости.* — При выборѣ невесты обращаютъ главное вниманіе на ея нравственность, а не на красоту, о коей такъ говорятъ впростолюдны: *мамѣ не мзаться лица* (т: е: не цѣловать его); *мамѣ нужно, чтобы она слушалась и любила мужа, который бы не ходилъ безъ рубахъ. А видъ отъ хорошей яблони, хорошіе плоды.*

На другой день родители жениха приглашаютъ къ себѣ ^{Своотрим.} человекъ пять, изъ близкихъ родныхъ, чтобы одѣть жениха, котораго одѣваютъ: въ красную рубашку, синее spodнее платье, а если есть, то въ пясковые шаравары, синій кафтанъ, или нанковый халатъ, и отправляются всѣ со свахою въ домъ невесты. Родители несутъ съ собою гостинецъ, состоящій изъ хлѣба-соли. Прійдя въ домъ, молятся Богу и кланяются на всѣ стороны; потомъ кладутъ на столъ гостинецъ и говорятъ: здорово сватушка и свахонька! можете ли гораздо? — Они отвѣчаютъ: Слава Богу! сватушка и свахонька; садитесь-ка у насъ: мы рады добрымъ людямъ. — Женихъ садится за столъ, подлѣ жениха сваха, которая, посидѣвъ нѣсколько минутъ, говоритъ отцу невесты: ну сватушка! смотрите нашъ товаръ, а свой покажите намъ. — Тотъ часъ сваха выводитъ невесту изъ чулана, одѣтую въ самый лучшей сарафанъ, съ шелковымъ платкомъ на головѣ, иногда съ одной развязкой, т: е: съ непокрытой головою, но съ гладкой прическою. — Сваха подаетъ невестѣ рюмку съ виномъ, женихъ встаетъ съ мѣста а невеста подноситъ ему. Онъ беретъ, и подержавъ пе

Часть II.

многе въ рукахъ, отдастъ обриту. Тогда свата выдвигаетъ изъ за стола, подходитъ къ невѣстѣ и спрашиваетъ, улыбаясь: скажи красавица, какъ тебя звать? — Дуняша, отвѣчаетъ она. — Между тѣмъ сваха поднимаетъ ея руки вверхъ, для удостовѣренія: не выломлены ли у ней руки? Или, не безрукая ли она? Ворочаетъ ее туда и сюда, чтобы осмотрѣть: нѣтъ ли за ней какого порока? За тѣмъ она выводитъ жениха изъ за стола, беретъ зажженную лучину или зажженный пучекъ и подноситъ его подъ глаза жениха, чтобы убѣдить смотрящихъ, что онъ не слѣпой. Потомъ она заставляетъ его пройти по избѣ, для доказательства, что онъ не хромой. — Послѣ смотра садится женихъ за столъ, а невѣста уходитъ въ свой чуланъ, гдѣ она наряжается въ другое платье; потомъ выводитъ ея по прежнему перляку, и это продолжается до трехъ разъ. При этомъ смотрѣ не бываетъ угощенія: женихъ только всматривается въ невѣсту, чтобы оцѣнить ея достоинства. Осмотрѣвъ съ ногъ до головы, всѣ поднимаются изъ за стола и уходятъ. На дворѣ или за домомъ, свѣтуются всѣ между собою, и если невѣста понравилась жениху, то онъ замѣчаетъ: какой еще невѣсты! Ступай батюшка, радишь кладкою. Тогда отецъ съ свахою возвращается въ избу невѣсты, а всѣ остальные идутъ домой съ женихомъ. Если бы невѣста не понравилась жениху, то уже не возвращаются а идутъ всѣ домой. Но приходѣ въ избу свать говоритъ: ну сватушка, по рукамъ та въ баню. — Мы рады, отвѣчаетъ онъ, породниться съ тобою сватушка. Послѣ этого садятся и начинаютъ рядиться о кладкѣ. Отецъ невѣсты выпрашиваетъ нѣсколько рублей денегъ, три сарафана, шубу павловую, платокъ шелковый, кашемирный, коты, поясъ

персидей, рукава миткалевые и касандровскіе (*), нѣсколько аршинъ ситца, два ведра вина, куда три говядины, два пуда солода, для приготовления браги, и нѣсколько фунтовъ меда.—Если согласятся на кладкѣ, то назначаются родиѣ жениха, со стороны невѣсты: отцу его льняная рубашка, матерѣ его кусокъ полотна и платокъ, брату рубаха изъ сариньки (сарентемой холстинки); жонѣ брата его, полотно на рукава рубашки или платокъ, крестному отцу и крестной матерѣ отдаютъ на волю невѣсты: чѣмъ она хочетъ, тѣмъ и дарить. Если родителямъ невѣсты или ей самой, не покажется женихъ, то они выпрашиваютъ, при рядѣ о кладкѣ, столько, чтобы отецъ не былъ въ состояніи дать, и тогда отецъ съ свахою догадываются, что женихъ не показався, расходятся и тѣмъ оканчивается сватовство. Если выпрашивасяго отцемъ невѣсты не согласенъ дать отецъ жениха, то онъ говоритъ: *сватушка! вы просите больна мною. Нельзя ли уступить, сватушка, коли хотите быть въ роднѣ съ нами.* — Отецъ невѣсты говоритъ: нѣтъ сватушка, мнѣ никакъ уступить не лзя. Вы сами знаете: вѣдь много выдегъ и отъ насъ даровъ. Коли вы будете *вырлжать* меньше даровъ, то я уступлю. — *Перядвигаясь въ кладкѣ, отецъ невѣсты угощаетъ ихъ хлѣбомъ солью и водкою. Потомъ поднимаются домой, при чемъ сваха говоритъ: прикажите намъ сватушка поблагодарить васъ, за вашу хлѣбъ соль и за ваше хорошее угощеніе. Завтра ожидайте насъ къ себѣ съ женихомъ.* — Онъ отвѣчаетъ: *просимъ милости, а мы станемъ готовиться.* —

По утру отецъ невѣсты собираетъ своихъ родныхъ, Заной.

(*) Касандрейка, — красная пестрядь.

а невѣста своихъ подружекъ. — Отецъ жениха, по собраніи своихъ родныхъ, ставитъ на столъ закуску и водку, при этомъ онъ подноситъ только по одной рюмкѣ вина, и закусивши, всѣ они отправляются въ повозкахъ въ домъ невѣсты. Они привозятъ съ собою коровай (ржаный хлѣбъ съ солью), штофа два вина, кусокъ говядины, курицу или гуся и столешникъ (скартерть). — Поздоровавшись между собою, накрываютъ столъ своимъ столешникомъ, потомъ ставятъ вино и послѣ рѣжутъ для закуски, что привезено. Одинъ изъ родныхъ жениха наливаетъ чарку вина и обращается съ нею : сватушка и свахонька ! подходите къ намъ поближе, поклонитесь другъ дружкѣ пониже.—Родные невѣсты говорятъ : ну, сватушка, благослови!—Господи! во святой часъ. — Послѣ этого они садятся за столъ, а женихъ и его родные становятся у дверей. Тутъ подносятъ имъ водку и угощаютъ привезенной закускою ; послѣ угощаютъ ихъ родные невѣсты. По угощеніи всѣхъ родственникъ жениха говоритъ : сватушка и свахонька ! не бесудьте (не осудите), какова случилась наша хлѣбъ-соль. Они отвѣчаютъ : слава Богу, сватушка, мы довольны ; просимъ милости садиться. — Самы выходятъ изъ за стола, женихъ садится въ переднемъ углу за столъ, повѣсивъ голову и опустивъ глаза ; сваха садится съ правой стороны жениха, а родные съ лѣвой его стороны. Дѣвушки стоятъ въ чуланѣ, подлѣ невѣсты ; тамъ ея сваха приготовляетъ даръ жениху : шейный платокъ, который она кладетъ на деревянное блюдо. Тогда выходятъ дѣвушки къ гостямъ съ невѣстою и свахою ; послѣдняя несетъ даръ и веѣ кланяются съ нею. За тѣмъ подходитъ невѣста къ столу, беретъ рюмку, наливаетъ водки и подноситъ жениху, кланяясь ему низко. Онъ беретъ рюмку, держитъ ее нѣ-

сколько минутъ въ рукахъ и отдастъ невѣстѣ; потомъ беретъ изъ рукъ свахи платокъ и утирается имъ; за тѣмъ, взявъ невѣсту за уши, цѣлуетъ ее три раза. Тогда дѣвушки запѣваютъ пѣснь, сначала невѣстѣ а потомъ жениху.

Невѣстѣ.

Вы цвѣты ли мои цвѣточки,
 Вы цвѣты мои лазорвые!
 Да васъ много было свяно,
 Да не много уродилось.
 Вы души мои, красны дѣвицы!
 Васъ много было въ теремъ,
 Да не множка оставалось, —
 У насъ не было извивнищницы, прелестнищницы,
 А нынѣ у насъ проявилась,
 Любимая наша подруженька,
 Душа красна дѣвица,
 Авдотья Степановна (невѣста).
 Она прельстилася, влюбилася,
 Въ удалаго добра молодца,
 Александра Яковлевича (жениха).
 Она клялася прежде, и божилася,
 За мужъ не рядилась.
 Говорила: въ монастырь пойду!
 Свѣтъ подруженьку манила,
 Свѣтъ любимую свою подружку,
 Душу Авдущку.

Жениху.

Какъ у насъ ли во воньинемъ году,
 Уродился виноградъ во саду,
 И калина со малиною,
 Черна ягода смородина.
 Уродился во саду еще розовой цвѣтокъ.

Ходилъ, гулялъ доброй молодецъ во саду,
 Срывалъ онъ съ ровы розовой цвѣтокъ,
 Оцъ и самъ цвѣтку дивуется :
 Что это за цвѣточекъ за такой?
 Этотъ цвѣтокъ нѣженъ и хорошъ,
 А я молодецъ теперь холостъ, не женатъ.
 Былъ молодецъ во матушкѣ во Москвѣ,
 Не нашелъ я тамъ невѣсты по себѣ;
 А теперь нашелъ въ Саратовѣ въ городу,
 Нашелъ я себѣ невѣсту хорошу,
 И хорошу и пригожу.
 Свѣтъ Дуничку душу.
 Нони я по жарякъ наражусь.
 Пойду въ церковь, Богу помолюсь,
 Создалъ Богъ мнѣ невѣсту хорошу,
 И хорошу и пригожу,
 Да и школьную, мамерную
 Къ тому же рукодельную.

Во теремъ во новомъ,
 Что свѣтло горитъ?
 Горять свѣчи восму драго.
 Шила дары душа Дунаша,
 Сошивши дары,
 На столъ положила,
 Сама она слезно плакала,
 Въ слезахъ она слово молвила :
 Нянюшки, мамушки,
 Красны дѣвушки!
 Подите-ка послушайте,
 Чѣмъ дарять тятиньку?
 Дарять его славнымъ горюкомъ. —
 Знать тятинькѣ родимому,
 Городъ милѣе мени.
 Нянюшки, мамушки,

Красны дѣвушки!
 Подите-ка послушайте,
 Чѣмъ дарять маменьку?
 Дарять ее алымъ бархатомъ. —
 Знать маменьку рѣдичинной,
 Бархатъ нѣже меня.

Нешюшки, мамушки,
 Красны дѣвушки!
 Подите-ка послушайте,
 Чѣмъ дарять Александра? —
 Дарять его душой Дуяшой,
 Дуяшой чернѣокой.
 Знать Дуяша, знать Дуяша,
 Ему мыльй всего. —

Какъ вечеръ-то мы красны дѣвушки
 Во пиру были, во бесвдушки!
 Мы не медь-то пили, мы не подчиво;
 Мы пили, красны дѣвушки,
 Сладку водочку.
 Прошли мы, красны дѣвушки,
 Свою любимую подруженьку
 Авдотью Степанову.
 Прошли ее не за сто рублей,
 Не за тысячу;
 За одну винную чарочку,
 За добраго молодца
 Александра Яковлевича. —
 За его ли буйну голову,
 За умъ его, разумъ, удадь молодецкую. —

Жениху и невестѣ:

Поввали, поввали, вѣтры — вихри;
 Растворились, растворились ворота новые;

Незначай, незначай гости възвхали,
 Незнамые, незнамые, незнакомые;
 Полонъ дворъ, полонъ дворъ все кареть-берлинь,
 Полны стойлы, полны стойлы вороныхъ коней;
 Полны сѣни, полны сѣни кучеровъ, лакей,
 Полно зало, полно зало все князей, бояръ;
 Полонъ теремъ, полонъ теремъ княженетскихъ жентъ,
 Полна спальня, полна спальня красныхъ дѣвушекъ.
 Подломилась, подломилась сѣни новыя,
 Со частыми, со мелкими переходами.
 Раздавали, раздавали золоту чару,
 Золоту чару со фенисю;
 Выпугали, выпугали соловья изъ саду;
 Выпугали, выпугали молодого изъ зелена.
 Восплакала, восплакала душа Дуныша:
 Свѣтъ мой, свѣтъ мой сѣни новыя,
 Свѣтъ моя, свѣтъ моя золота чара со фенисю,
 Кто меня будетъ, кто меня будетъ,
 Поутру рано будить?
 Кто станетъ, кто станетъ скоро дѣлу учить?
 Возговорить, возговорить-то Александеръ господинъ,
 Возговорить, возговорить то Яковлевичъ дворянинъ:
 Ты не плачь, ты не плачь душа Дуныша,
 Не тужи, не тужи свѣтъ Степановна,
 Сострою тебѣ, сострою тебѣ сѣни новыя,
 Со частыми, со мелкими переходами;
 Солью тебѣ, солью тебѣ золоту чару,
 Золоту чару, золоту чару со фенисю.
 Я у тебя, я у тебя соловей во саду,
 Я у тебя, я у тебя, молодой во зеленошъ,
 Стану тебя, стану тебя поутру рано будить,
 Стану тебя, стану тебя скоро дѣлу учить.

При поднесеніи водки родителямъ жениха и его
 родственникамъ, поютъ дѣвушки каждому изъ нихъ
 отдѣльно, а невѣста, если свадьба богатая, обдари-
 ваетъ всѣхъ ихъ.

Женихову отцу.

Хвалится сватушка
 Житьемъ, бытьемъ :
 Много у меня житья, бытья,
 Чистова серебра сундуки стоятъ!
 Цвѣтна платьєца шесты висятъ. —
 Да ты сватушка, догадайся,
 Да ты сватушка, надумайся,
 Въ платкѣ серебро раскутайся :
 Слышешь ли, сватушка?
 Тебѣ пѣснь поемъ. —
 При всей честной компаньи ли,
 Тебя величаемъ. —

Жениховой матерѣ.

Какъ по стѣннамъ по сѣничкамъ,
 Переходичкамъ ;
 Тутъ гуляла, погуливала,
 Молодая боярыня
 Марья Васильевна.
 Во рукахъ носить блюдечко,
 На блюдечкѣ яхонты,
 Драгоценныя занонки.
 Положите вы, малехонька,
 Поколь я молодехонька,
 Безъ бѣлилъ я блехонька,
 Безъ румянъ румяхонька,
 Безъ сурмиль брови черныя. —

Женихову брату съ его женою.

Какъ во саду кровать, люли,
 Во зеленомъ тесовая, люли,
 На кровать перина, люли,
 На перинѣ одвяло, люли,
 Подъ одвяломъ лежатъ, люли,
 Свѣтъ Николай господишь, люли,

Яковлевичъ дворянинъ, люли,
 Надъ нимъ писари стоять, люли,
 Офицеры говорятъ, люли,
 Разбудить его хотять, люли,
 Да ты Колышка сударь, встань, люли,
 Светъ Яковлевичъ пробудись, люли.
 Съ-чистымъ серебромъ уходи, люли,
 За Машинной за душой, люли,
 За Гавриловной госпожой, люли.
 Или самъ ты пойдешь, люли,
 Или насъ пошлешь, люли.
 Ужь вы безтолковые болре, люли,
 Неразумны господа, люли!
 Да я самъ-то пойду, люли,
 Да и васъ съ собой возьму, люли,
 Я корабликъ перейму, люли,
 Да я Машинному сйму, люли,
 Гаврильевну госпожу, люли;
 Возгъ себя посажу, люли,
 Поцелую, обойму, люли! —

Во горинкѣ во водѣй, во медѣй,
 Стояль столикъ дубовой, дубовой,
 Покрыть тафой голубой голубой,
 Съ золотю бахрамой, бахрамой.
 На столыкъ дубовомъ, дубовомъ,
 Стояль кубчикъ золотой, золотой,
 Полонъ водки налитой, налитой.
 Семенушка господинъ, господинъ,
 Онъ по горинкѣ ходилъ, ходилъ,
 До столыкъ доходилъ, доходилъ,
 Рюмку водки наливалъ, наливалъ,
 Хозяюшкѣ поднесилъ, поднесилъ.
 Ты хозяйюшка мѣн, ты мѣн!
 Прийми, вышней умни, умная,
 У доброго молодца, молодца.

Роди да сына сына, сына, сына,
 Былымъ лицомъ не себя, не себя;
 А разумомъ во меня молодца, молодца,
 Будемъ сына растити, растити,
 И грамоту учити, учити,
 И грамоту перомъ писати, писати,
 Перомъ писати, по французски говорить (*).

*—

Какъ свахонька хороша,
 А ты свахонька пригожа!
 Изнивали бы тебя на жерелья,
 И носили бы тебя въ воскресенья.
 А ты свахонька надумайся,
 Въ платкѣ золото распутайся.
 Слышишь ли свахонька?
 Тебѣ псалмъ поемъ,
 При всей четной компаньи
 Тебя величаемъ.

Женатымъ родственникамъ жениха.

Какъ по снѣжкѣ, снѣжкѣ, снѣжкамъ;
 По новымъ снѣжкѣ рѣшетчатымъ;
 Что ходила, погуливала,
 Молодая душа болярня,
 То Татьяна Ивановна.
 Что будила, побуживала,
 Своего ли друга милаго,
 Да того Оейна Михайловича.
 Ужъ ты встань, пробудись господинь!
 Отвязался твой доброй конь.
 Отъ столба ли, столба ли точеного,
 Отъ колечка позолоченого.

(*) Народъ думаетъ, кто говорить по французски, то и французъ, а не французскій языкъ и умъ.

Онъ ушелъ, онъ ушелъ,
 Во чисто поле гулять ;
 Изъ чиста поля во зеленой садъ.
 Поломалъ въ саду вишенью,
 Со калиной со малинушкою,
 Зелесу грушу со вишенью.
 Какъ возговорить Осипъ господишь,
 Какъ возговорить Михайлычь дворянишь :
 Ты не плачь, моя милая !
 Не тужи, моя разумная !
 То Татьяна Ивановна,
 Еще насъ Богъ помилуетъ,
 Государь — Царь пожалуетъ ,
 Тремя славными городами :
 Первымъ городомъ Саратовымъ,
 Другимъ городомъ Симбирскимъ,
 Третьимъ городомъ Хвалынскимъ.
 Во Саратовъ самы будемъ жить,
 Во Симбирскимъ сына женить,
 Во Хвалынскимъ дочъ отдавать.

Женихову товарищу.

На моръ на моречкѣ,
 На томъ тихомъ заводѣ
 Стоитъ дерево кипарисово ;
 На томъ деревѣ кипарисовомъ,
 Сидятъ пташечки заморскія,
 Поютъ пѣсенки ростовскія (*)
 Да кому у насъ быть боярыномъ?
 Кому слыть воеводою ?

Пѣсенки ростовскія, — вѣроятно употреблено здѣсь для
 рифмы, и должно думать, что надобно сказать пѣсни райскія.

Быть боярниномъ Иванушкѣ,
 Воеводою слыть Даниловичу,
 Сберегать своего князя молодого,
 Нашего гостя дорогаго. —
 Ты слышишь ли Данилушка?
 Тебѣ пѣснь поемъ,
 И честно величаемъ. —

Когда передарить всѣхъ гостей и обнесутъ имъ по рюмкѣ водки, тогда сваха беретъ невѣсту за руку и сажаетъ ее за столъ, рядомъ съ женихомъ. Спустя немного, подаютъ обѣдъ, приготовленный со стороны отца невѣсты. Во время кушанья угощаютъ брагою и водкою. Дѣвушки между тѣмъ отправляются разъѣзжать въ повозкахъ по улицѣ, на лошадахъ жениховыхъ, и тогда поютъ голосовыя пѣсни. (*) Сваха выводитъ молодыхъ изъ за стола и провожаетъ ихъ въ чуланъ. Тутъ подчиваетъ жениха нареченная его теща, разными кушаньями и водкою. По пріѣздѣ дѣвушекъ съ катанья, гости поднимаются домой; невѣста даритъ жениху перчатки своей работы, и послѣ всѣ отправляются домой. — Этимъ оканчивается запой. — По удаленіи гостей, невѣста причитаетъ своимъ роднымъ. Подойдя къ отцу, она обнимаетъ его и поетъ жалобно.

Отцу.

Кормилецъ ты мой, батюшка!
 Что это у насъ были за пары, за бесвдушки?
 За гульба, за прокладушки?—
 Были гости незваные,

(*) Голосовыя пѣсни погѣщены на концѣ этой свадьбы.

Незванные, нежданные!
 Знать это вы батюшка, пропивали
 Мою буйну головушку:
 Что ты батюшка, на меня прогнѣвался?
 Или я тебѣ, батюшка,
 Была не скорой посолъ?
 Не скорой посолъ, не работница!
 Или я тебя, батюшка,
 Вгрязь лицемъ ударила?
 При добрыхъ людяхъ прибесчестила!

МАТЕРЬ.

Родная ты, моя матушка!
 Сналась ли тебѣ темная ноченька?
 А мнѣ горькой горюшничекъ, не сналось,
 Во снѣ мнѣ видѣлось.
 Видѣлось мнѣ горькой,
 Темные лѣса, круты горы.
 Темные тѣ лѣса, чужа семья;
 Круты тѣ горы, тяжела работушка.
 Привыкать мнѣ къ крутымъ горамъ,
 Къ темнымъ лѣсамъ труднехонька,—
 Я у ваю еще молодехонька.

БРАТУ.

Родимой ты мой братецъ!
 Не помни ты моихъ грубостей,
 Какъ я тебѣ сгрубляла, досаждала.
 Сорядите вы меня, братецъ,
 Со родимымъ своимъ батюшкой,
 Хорошенька.
 Не давайте вы меня, братецъ,
 Чужимъ людямъ на срамъ, на позорища.
 Чужи люди, чтобы не смѣялися,
 А вы много не чуждайтесь. —

Шабренка (*).

Поди-ка ты, любимая моя шабренушка,
 Да ты на меня не погнѣвайся,
 Что я тебя не встрѣтила.
 Ни за спесью, ни за гордостью, —
 За своимъ горемъ великимъ!
 Запоручили мою буйну головушку,
 На чужу, дальню сторонушку. —
 Я спрошу тебя, понадбючи,
 А ты мнѣ скажи, жалбючи:
 Каково живье въ чужихъ людяхъ?

Шабренка отвѣчаетъ:

Въ чужихъ людяхъ нада жить умбючи,
 Да все разумбючи.
 Поди-ка ты, красна дѣвушка!
 На быстру рѣку,
 Спроси гусей сврыныхъ:
 Каково гусямъ плыть,
 Встрѣчь быстрой рѣки?—
 Таково-то жить, во чужихъ людяхъ.
 Чужой батюшка свенорь,
 Безъ вины журить;
 Свекровь митушка,
 Безъ порядку маряжаетъ.

По окончаніи причитанія, прощаются съ невѣстой подружки ея и уходятъ домой. —

По утру собираются снова къ невѣстѣ ея подружки. Дѣвушка
идетъ.
 Она отпираетъ свой сундукъ, въ коемъ сложено ея
 приданое: платье и холстъ; послѣдній отдаетъ дѣву-

(*) Шабренка, сосѣдка, — татарское слово.

вешкамъ, которыя кроютъ изъ него рубашки для жениха и невѣсты, и самыя рукава на ея сарафанъ, и тогда же готовятъ все нужнее для свадьбы.—Днемъ занимаются шитьемъ а вечеромъ забавляются, и продолжаютъ это до самой свадьбы. Все это время называется дѣвешникомъ, который у иныхъ бываетъ около мѣсяца.—

По вечерамъ приходятъ сюда родные съ женихомъ, женатыя и парни (*); послѣднiе играютъ и поютъ съ дѣвухами пѣсни. За тѣ пѣсни, которыя дѣвухи поютъ парнямъ, женатымъ и молодымъ вмѣстѣ или порознь, получаютъ деньги въ награду.

Жениху.

Во теремъ гусли лежали,
 Во новомъ звончатая.
 Вотъ и нѣкому во гусли играть, —
 Александра Яковлевича дома нѣту,
 Яковлевича не случилось :
 У тещюшки онъ пируетъ,
 У тещеньки онъ столуетъ.
 Теща зятя угощала,
 Рюмку водки наливала,
 Своему зятюшкѣ подносила,
 Любезному говорила :
 Ты пей зятекъ, не упивайся,
 Надъ Дуняшей не ломайся,
 Надъ Дуняшей не величайся.
 Вотъ и Дуняша дитя нѣжное:
 Не заставляй разувать,
 Бѣлы рученьки замарать,
 Золоты кольца переломать,

(*) Женихъ, со времени обряда запоя, посѣщаетъ свою невѣсту днемъ и вечеромъ

Дорогіє камни разстеряеть.
 Книжъ и зять тецѣ отвѣчать :
 Бѣлыя рученьки можно вымыть,
 Золотыя кольца можно спаять,
 Дорогіє камни можно вставить.

Долна долинушка,
 Раздолье широкое !
 Ой люли, люшеньки,
 Раздолье широкое !
 Раздолье широкое
 Приволье широкое,
 Ой люли люшеньки,
 Приволье веселое !
 По той ль равнинушкѣ,
 Ходишь, гуляешь молодецъ.
 Ой люли, люшеньки,
 Ходишь, гуляешь молодецъ !
 Связала свою голову,
 Татюю зеленою
 Ой люли, люшеньки,
 Татюю зеленою !
 Фатюю жъ шелковой,
 Лентой лиловою,
 Ой люли, люшеньки,
 Лентой лиловою !
 Надяла шляпонушку сукховую,
 Съ бахромой шелковою.
 Ой люли, люшеньки,
 Съ бахромой шелковою !
 Увидѣла матушка,
 Со високаго терема ;
 Закричала матушка,
 Своими громкими голосомъ,

Ой люли, люшеньки,
 Своимъ громкимъ голосомъ!
 Дитя ль мое, дитячко,
 Дитя ль мое, милое,
 Ой люли, люшеньки,
 Дитя ль мое милое!
 Что ходишь не весело,
 Гуляешь не радостно?
 Ой люли, люшеньки,
 Гуляешь не радостно!
 Сударыня матушка,
 Чему веселитиен?
 Ой люли, люшеньки,
 Чему веселитиен?
 Вся братцы товарищи,
 Да все пожениться,
 Ой люли, люшеньки,
 Да все пожениться!
 А я у васъ матушка,
 Холоста, не женать кожу,
 Ой люли, люшеньки,
 Холоста, не женать кожу!
 Женись, женись дитячко,
 Женись, мое милое,
 Ой люли, люшеньки,
 Женись мое милое!
 Возьми мое дитячко,
 Князю или барышню,
 Ой люли, люшеньки,
 Князю или барышню!
 Енеральскую доченьку,
 Хорошу, пригожую.
 Ой люли, люшеньки,
 Хорошу прихожую!
 Енеральская доченька,
 Она мнѣ не нравится
 Ой люли, люшеньки,

Она мнѣ не нравилась!
 У соседа двинушка,
 Да мнѣ показалась,
 Лицемъ приглажулась.
 Ой люли, люшеньки,
 Лицемъ приглажулась!
 Нѣтъ лучше барышни,
 Авдотьи Степановны,
 Ой люли, люшеньки,
 Авдотьи Степановны!
 Безъ бѣзиль она бѣлехонька,
 Она мнѣ милехонька.
 Ой люли, люшеньки,
 Она мнѣ милехонька!

Нѣвѣсть.

Во горнищѣ во свѣтлицѣ,
 Два голуба на пинафѣ:
 Они пьютъ и льютъ,
 Въ цимбалы бьютъ,
 Во гусли играютъ
 Душу Дуняшу, душу Дуняшу
 Забавляютъ,
 Всегда потѣшаютъ.
 Александръ Яковлевичъ,
 По залу гуляетъ.
 Убрана головушка,
 Разными цвѣтами;
 Унизаны были рученьки,
 Золотыми перстнями.
 Отсвѣчиваютъ они отъ Дуниши,
 Разными лучами.
 Душа Дуняша! душа Дуняша!
 Васъ тятенька кричитьъ.
 Подруженьки любовники!
 Скажите, не слыжала. —

Душа Дуляша! душа Дуляша!
 Васъ маленька кричитьъ.
 Подружки любезныя,
 Скажите, не слыжала.
 Душа Дуляша! душа Дуляша!
 Васъ Александръ кричитьъ.
 Подруженьки любезныя!
 Скажите, сей часъ буду.

Разшталася грушица,
 Разшталася зеленая,
 Передъ яблонкой садовою. —
 Расплакалася красная дѣвица,
 Разстужилася Стенановна,
 Передъ батюшкой стоячи,
 Передъ матушкой плаваши.
 Государь ты, мой батюшка!
 Государыня, моя матушка!
 Нельзя ли думушку раздумати?
 Не можно ли дѣло бросити?
 Свадьбамъ отказать,
 Меня въ чужи люди не отдавать.
 Ужъ ты, дитятко!
 Ужъ ты, мое милое!
 У насъ дума-та вздумана,
 И дѣло-то сдѣлано.
 Быть пиру, быть беседушкѣ,
 Собраны красны дѣвушки.
 Любимыя твои подруженьки,
 Изготовили тебѣ къ вѣнцу,
 Цвѣтно платьеце.

Товарищамъ жениха.

Ужъ вы соколы,
 Залетныя пташечки!

Куда вы летали?
 Мы летали въ зеленой садъ,
 Съ куста на кустъ перелетывали,
 Изъ моря на моречко. —
 Что вы тамъ видели?—
 Мы видѣли тамъ свру утушку,
 Средя моря на островъ.
 Что вы ее не поймали? —
 Хотя мы ее не поймали?
 Свры крылушки ощипали,
 Опять въ спяне море пугали.
 Вы бояры Александровы (жениха)
 Куда вечеръ вѣзли?
 Мы вѣзли, повживали,
 Изъ города въ городъ
 Перевживали.
 Что вы тамъ видѣли? —
 Мы видѣли тамъ,
 Красну дѣвушку,
 Авдотьюшку;
 Красну дѣвушку въ терему. —
 Что вы ее не взяли?
 Хотя мы взять-та
 Не взяли,
 Русу косу расплели,
 Въ теремъ опять пустили.

Брату съ сестрою.

Сладка ягодна малинушка,
 Разномодильской дѣтятинушка;
 Удалой, доброй молодець,
 То Василій Ивановичь.
 И еще кто тебя породилъ молодець?
 Породила меня матушка,
 Вспонилъ, вскорнилъ родной батюшка,
 Взлеглали няньки, мамунини,

На тесовой кровати,
 На пуховой на перинушки,
 На батистовой подушечкѣ,
 Подъ атласнымъ одеяльцемъ.
 И еще кто тебѣ головушку чесалъ?
 И еще кто тебѣ русы кудри завивалъ?
 Завивала кудерюшки,
 Мнѣ сестрица любезная,
 Да то Марья Ивановна.
 Вила кудри, приговаривала:
 И еще, дай Боже! моему братцу,
 Ему счастье хорошо получить,
 Въ магистратѣ магистратскимъ судьей,
 А при думѣ быть степеннымъ головой,
 При своемъ домѣ хозяиномъ.

Изъ рюмочки водка плещется,
 По подносу разливается,
 По подносу по серебряному,
 По узору мелкотравчатому.
 Какъ и братъ сестрой хвалится,
 Какъ любезной похваляется:
 У меня братцы, сестрица хороша!
 Хороша душа Машинька.
 Безъ бѣлыя лице бѣлое,
 Безъ румянъ щеки алыя,
 Безъ сурмиль брови черныя.
 У ней взоры веселыя
 А походка дворянская,
 У ней рѣчь деликатная.
 Дворомъ идетъ, словно павушка выивать;
 Рѣчь возговорить, — лебедушкаво.—

Холостымъ.

Да кто у насъ умный,
 Кто у насъ разумный?
 Андрюшка умный,

Федорыч разуметь
 Ой люшенки, люли,
 Федорыч разуметь!
 Онъ щепитъ (*) ходитъ,
 Манежно ступастъ
 Ой люшени, люли,
 Манежно ступастъ.
 Сапогы не ламасть,
 Чулокъ не марастъ,
 Ой люшени, люли,
 Чулокъ не марастъ!
 На коня садится,
 Лишь конь веселится.
 Ой люшенки, люли,
 Лишь конь веселится!
 Къ лугамъ подъезжасть,
 Луга зеленють.
 Ой люшеньки, люли,
 Луга зеленють!
 Къ сараямъ подъезжасть,
 Сады зеленють.
 Ой люшени, люли,
 Сады зеленють!
 Во саду дваушка гулям,
 Андрея встрѣчали.
 Ой люшеньки, люли,
 Андрея встрѣчали,
 За руки принимали,
 За столъ посадили.
 Ой люшени, люли,
 За столъ посадили!
 Вина чары пиливали,

(*) Ловко.

Андрея поели.
 Ой люшеньки, люли,
 Андрея поели!
 Андрюшка вышей
 Федорычъ некушай.
 Ой люшеньки, люли,
 Федорычъ некушай!
 Не пью вина незеленого,
 Я кушаю воду,
 И то для охотки:
 Ой люшеньки, люли,
 И то для охотки.

Душа мать,
 Да вся поломата 2.
 Алые цветяки,
 Въ саду разцвѣтали 2.
 Да кто у насъ холость?
 Да кто у насъ неженать?
 А Васицька холость,
 Ивановичъ не женать 2.
 По горнищъ ходитъ,
 Въ туалетъ глядится. 2.
 Красоть дивится:
 Какой я хорошей,
 Какой я пригожей! 2.
 Хорошь урядился,
 Модно нарядился 2.
 Жилеть надбываетъ,
 Галстухъ оправляетъ 2.
 Сюртукъ надбываетъ,
 Жилеть оправляетъ 2.
 Шляпу надбываетъ,
 На крыльцо выходитъ, 2.
 Конь къ нему подходитъ:

На коня садится,
 Конь веселится 2.
 Онъ тросточкой машеть,
 А конь подъ нимъ пляшетъ. 2.
 Онъ лугами вѣдетъ,
 Луга зеленеютъ; 2.
 Онъ садами вѣдетъ,
 Розы разцвѣтаютъ, 2.
 Пташки распиваютъ.
 Къ дому подъѣзжаетъ,
 Матушка встрѣчаетъ :
 Сынонь мой милый !
 Орелъ сизокрылой ! 2.
 Безъ тебя мнѣ скучно,
 И въ горницахъ пусто. 2.
 Маменька родимая !
 Открывайте окна,
 Подавайте гусли :
 Я стану играть,
 И васъ забавляти. —

Во городе во Саратовѣ,
 Во московской славнои улицѣ,
 Во палатѣ бѣлокаменной,
 Разгуливалъ доброй молодець.
 Онъ стоялъ сопроти зеркальца хрустального,
 Онъ чесалъ кудри свои русыя,
 Чесалъ кудри, приговаривалъ :
 Вы завейтесь мои кудерюшки,
 Вы завейтесь мои русыя !
 Поедину русу волосу.
 Къ моему ли лицу бѣлому,
 Къ моему ли румяному,
 Къ моимъ ли бровямъ чернымъ,
 Къ моимъ очамъ веселымъ. —

Стоит Ванюшка
 Во Божьей церкви, у алтаря.
 Как на Ванюшка на Столаничъ
 Сертукъ бархатный,
 Жилетъ розовый,
 Галстукъ шелковый,
 Платокъ въ рукъ батистовый,
 Да все люди, да все добрыя,
 Въ Божью церковь сходившея,
 Вся бояры со слугами собиравшея,
 Красоту Ванюшки асы дивовалишея.
 Да все дѣвушки, да все красныя,
 Засмотрѣлися.
 Онъ между себя разговаривали,
 Ванюшку олабривали:
 Какъ онъ скромный!
 Какъ вежливъ!
 Никуда онъ не оглянется,
 Да все Богу молится.

Какъ на молодца
 Какъ на добрымъ,
 Платье цветное.
 На головушкѣ, на русыхъ кудряхъ,
 Шляпонка пуховая.
 Какъ сертукъ на немъ
 Гарнишелевой (*).
 А рубашенка канцеля (*).
 Сапоги на немъ все козловые.

(*) Гарнишель, полушелковая съ пестрыми крапинами матерія.

(**) Канель, гладкая шелковая матерія, въ коей основа красная а утокъ зеленой.

Онъ ходилъ, гулялъ,
 По всѣмъ улицамъ ;
 Во рукахъ держалъ,
 Трость серебряну.

Какъ во тростенькѣ,
 Ленточки бумажны.
 Да все люди ему дивовались,
 Красоту его удивлялися :
 Чье это дитя милое?
 Не свѣтель ли мѣсяць,
 Воспомгь, воскорнилъ?
 Не часты ли звѣзды, возлегали?
 Породила его матушка,
 Воспомгь, воскорнилъ
 Сударь батюшка.
 Возлежали няньки, мамушки,
 Свѣтны дѣвушки. —

Какъ Оешушка щеголевать
 Изъ горницы во горницу перебѣгаетъ,
 Кармазинъ кафтанъ надѣваетъ,
 Во карманъ руки опускаетъ,
 Золоту гривну вынимаетъ.
 Насъ дѣвущекъ задаряетъ,
 Намъ на бѣлыя бѣллы,
 На красныя румяны.
 Набѣллися, нарумлянимся!
 Добрыжъ молодцамъ,
 Лучше приглянемся

Во саду, во садикѣ,
 Во зеленомъ виноградномъ,
 Стояла разукрашена бесѣдка.
 Разукрашена, приваряжена,

Золотой бахромой убрана.
 Во той во бесѣднѣ,
 Сидѣлъ доброй молодецъ,
 Разудалая головушка,
 Разхорошенькой Иванушка.
 Онъ игралъ, поигрывалъ,
 Во гусельюшки серебряны.
 Припѣвалъ пѣснь новую,
 Любимую,
 Пѣсенку московскую.
 Здравствуй любушка,
 Хорошая моя!
 Про тебя у меня,
 Много пива и вина.
 Сладка водочка анисовая...
 Ровно ты красавица,
 Росписанная.
 Твоя нѣжность, красота,
 Заставила любить тебя. —
 Взглядъ твой,
 Мнѣ премилой ;
 Ты ласкаешь меня,
 Мило-нѣжно!
 Свиданье съ тобой веселое,
 Разстанье печальное.
 Кротка ты душою,
 Быстра красотою. —
 Дѣвушка тяжело вздыхаетъ,
 Дружка къ сердцу прижимаетъ.
 Тебя, мой миленькой, извиню,
 Собыкались съ тобой честию.
 Мы другъ дружку общались,
 Безъ слезъ съ тобой не разставались.—

Какъ у сокола,
 Какъ у ясага,
 Болеть крылушки.
 Нельзя соколу,
 Нельзя яскому,
 По лясамъ летать.
 Какъ у молодца,
 Голова болить ;
 Нельзя молодцу,
 Во саду гулять.
 Не одинъ гуляль,
 Съ боярами,
 Съ петербургскими омералами.
 Красотъ его дивовалися,
 Еще, чіе это за дитятко?
 Что это за милое?
 Не зоря ли его воспородила?
 Не свѣтель ли нѣсяць,
 Воспомль, воскорнилъ?
 Не часты ли звѣзды возлегвали? —
 На отвѣтъ сказалъ,
 Доброй молодець :
 Ужъ вы неразумные,
 Господа князя!
 Воспородила мепя,
 Родна матушка;
 Воспомль, воскорнилъ,
 Родной батюшка,

Какъ на дубчикахъ голубчики сидять,
 Промежь себя рвчь говорять,
 Про Ивана Степановича. —
 Ой ли, ой люшеньки, люли!
 Какъ Иванушка богатъ, богатъ живеть,
 Свѣтъ Степановичъ богатъ живеть,
 Ой ли, ой люшеньки, люли!

Онъ изъ гривенныи на гривенному ступасть,
 Со полтинничкомъ на улицѣ гулясть —
 Ой люли, ой люшеньки, люли!
 Цыковникомъ ворота запирасть,
 По пяти рублей двушень дарить.
 Ой ли, ой люшеньки, люли!
 Ужь вы двушняи, святникъ,
 Былыя лебедушки!
 Помолитесь обо мнѣ,
 Объ удаломъ добромъ молодцѣ,
 Ой ли, ой люшеньки, люли!
 Объ удаломъ добромъ молодцѣ,
 Объ Иванѣ Степановичѣ.
 Ой ли, ой люшеньки, люли!
 Я не охотникъ города городать,
 Не охотникъ напугу садить.
 Ой ли, ой люшеньки, люли!
 Во сыромъ бору погулявати,
 Красныхъ дѣвокъ приаумивати.
 Ой ли, ой люшеньки, люли!
 А вы двушки,
 А вы былыя лебедушки,
 Помолитесь обо мнѣ. —
 Ой ли, ой люшеньки, люли!
 Объ удаломъ добромъ молодцѣ,
 Объ Иванѣ Степановичѣ,
 Ой ли, ой люшеньки, люли!

Вече-
ринки.

Въ продолженіи дѣвишника, женихъ дѣласть отъ себя нѣсколько разъ вечеринки. Онъ пріѣзжаетъ сюда съ своими родными и пріятелями, и всегда съ гостинцами для невѣсты: съ орѣхами, платкомъ, ситцемъ, и т. п. Для гостей привозить: закуску, пиво, водку, пшенинкъ и курникъ (круглый пирогъ, начиненный курицею). Со стороны невѣсты собираются, на этотъ вечеръ, ея родные, знакомые и шодруги. — Жениха и

его родныхъ принимаютъ ласково, сажаютъ съ поче-
стію за столъ. Женихъ идетъ уже прямо къ невѣстѣ,
въ ея чуланъ, и отдаетъ ей подарки. Здѣсь онъ разгова-
риваетъ съ своей невѣстой, а теща угощаетъ его, гово-
ря: ты родимой, рѣдко ходишь къ намъ; невѣста ску-
чаетъ по тебѣ. Ходи къ намъ почаще.—Родныхъ между
тѣмъ и всѣхъ гостей угощаютъ въ избѣ, и въ то вре-
мя катаетъ женихъ свою невѣсту и ея подругъ, на
своихъ лошадяхъ. При катаніи поютъ голосовыя пѣс-
ни (*). Послѣ катанья расходятся гости по домамъ, за
исключеніемъ: жениха, его пріятелей и дѣвушекъ,
которые просиживаютъ на вечеринкахъ до полночи и
играютъ пѣсни.

Пойду по улицѣ, 2.

Два двора ивиумчи,

Третій послушаю :

Что люди говорятъ,

Какъ батюшку бранять.

Пьяница, пропонца, 2.

Дунашина батюшка. —

Пропилъ свѣтъ, Дунашу,

За медъ, за горьлку.

Дунашина мати, 2.

Не умѣла гадати,

За кого отдать.

Василькина мати,

Умѣла гадати,

У кого взять. —

Мела, мела сѣни,

Да бросила вѣнчикъ.

Теперь мои сѣни 2.

Подметены будутъ,

(*) Голосовыя пѣсни помѣщены на концѣ этой свадьбы.

Теперь моя хата,
 Теперь моя хата,
 Исполнена будетъ,
 Теперь мои дѣти,
 Теперь мои дѣти,
 Накормлены будутъ (*).

Проводивъ время весело, поднимается женихъ съ своими пріятелями домой. При выходѣ онъ благодарить за угощеніе тещу и тестя, кланяясь имъ въ ноги съ своей невѣстою; потомъ цѣлуетъ свою невѣсту и прощается съ нею. Но невѣста и дѣвушки провожаютъ жениха, съ его товарищами, до воротъ, и потомъ возвращаются въ избу.

Невѣста, вставъ по утру прежде всѣхъ своихъ домашнихъ, причитаетъ имъ снова заунывнымъ голосомъ:

Родимой мой батюшко!
 Кормилица матушка!
 Спалось ли вамъ,
 Тенимой ночушкой?
 Мнѣ горькой мало спалось,
 Много во снѣ видѣлось:
 Будто я злыдарка горькая,
 Ходила по крутой горѣ,
 Потеряла свой золотой косинокъ,
 Съ серебряной рѣшеточкой,
 Со шелковой косоплеточкой. —
 Родимой мой батюшка и матушка!
 Запоручили вы мою головушку!

(*) Сверхъ этой пѣсни поютъ тѣже самыя, которыя выше приведены, т. е. тѣ, которыя относятся до молодыхъ и холостыхъ.

За поруки красція.

Ты бросься, батюшка,

На ихъ слова ласковы-

Они тебя уговорили, —

Поднесли тебѣ золотую чашу.

На другой вечеринкѣ жениха избираются: дружка, поддружье (поддружки), тысяцкій, посаженный отецъ и третьякъ, который потому такъ называется, что онъ составляетъ третій чинъ послѣ поддружья (*). Всѣ эти лица здравствуютъ здѣсь между собою, — это значитъ, что они подчуютъ самыхъ себя за здоровье жениха, который съ этихъ поръ носитъ названіе князя, а невеста княгини. У богатыхъ людей бывають еще дворяне, кои набираются для увеличенія поѣзда. Дружка завѣдываетъ всей свадьбою, поддружье помогаетъ ему въ распоряженіи, тысяцкій оберегаетъ приданое молодыхъ, а посаженные родители благословляютъ и провожаютъ въ церковь, и стоятъ подлѣ жениха во время вѣнчанія. Женихъ одариваетъ платками весь свой поѣздъ, который перевязывается чрезъ плечо, а самъ женихъ надѣваетъ платокъ на свою шею, по женскому обычаю. —

Въ домѣ молодого заготавливается брага, вино, разное кушанье и печется пирогъ, называемой *люкшино прѣна* (**), такой величины, какой только можетъ влезть въ печь. Этотъ люкшинъ — прѣка печется для дѣвицъ, помогавшихъ невестѣ въ приготовленіяхъ ея.

(*) Иногда на одномъ вечерѣ, данкомъ отъ жениха, собираются свадебные чины, которые однако не вездѣ имѣютъ эти названія.

(**) Это въ употребленіи между Мордвою, въ хвалынскомъ и кузнецкомъ уездахъ.

къ свадьбѣ. — Чтобы онъ не разошелся въ пещкѣ, обязываютъ его лыками, и ими обвиваютъ шею той дѣвушки, которой достается послѣдній кусокъ пирога. —

За три дня до свадьбы, собираются въ домъ жениха всѣ его родственники. — Подруги невесты ходятъ къ нему за сусломъ, при чемъ поютъ пѣсни, какія издумаютъ. Тутъ угощаютъ ихъ обѣденнымъ сусломъ, потомъ они идутъ къ невестѣ, расписав дородной пѣсни и неся ведро ява отъ жениха. Этими плясомъ они подчуютъ собравшихся здѣсь гостей. Вечерѣмъ за дѣвушками прѣзжаетъ весь поѣздъ жениха; тутъ невеста благодаритъ ихъ. При отъѣздѣ же низ. дружка снимаетъ образа съ полки, обходитъ вокругъ поѣзда три раза и отправляется къ жениху. В тотъ же день или на другой, собирается всѣ въ домъ невесты. Дружка вводитъ князя въ избу, вводитъ его за столъ и самъ садится подлѣ жениха. Потомъ онъ говоритъ: суженаго прійми а ризеную подай. Это намекъ, чтобы выводили невесту, которая спрашивается. Сваха выводитъ ее и сажаетъ рядомъ съ женихомъ; имъ подносятъ пиво и они здравствуютъ: е: пьютъ за здоровья другъ друга; за тѣмъ подаютъ вино гостямъ и начинается пированье, сопровождаемое пѣніемъ. Тутъ благодарятъ родственниковъ жениха. Когда всѣ сядутъ обѣдать и дружка, взявъ дожку, станетъ вѣтъ, тогда корить дѣвушки: сватушка пражора, съѣлъ нобеля борзова. — Послѣ обѣда всѣ идутъ къ жениху, а дѣвушки провожаютъ ихъ пѣснію:

Улю-лю, собаки!

Улю-лю, борзья!

Улю-лю, косыя!

На канунъ свадьбы топится баня для невѣсты, ея родными или подругами, которыя приносятъ сюда мыло и брагу отъ жениха. За баню благодарить невѣста своего брата и свою невѣстушку :

Спасибо тебѣ, родной братецъ,
 На дровахъ сухихъ перелетовыхъ,
 А тебѣ родная невѣстушка,
 На пару, на банькѣ,
 На мягкомъ на вѣничкѣ.

Вскорѣ послѣ этаго подруги сажаютъ невѣсту на скамейкѣ и начинаютъ заплетать ей косу. Невѣста опускаетъ свою голову и причитаетъ :

Заплетите-ка,
 Вы любимыя
 Мои подруженьки,
 Русу косу мелехонька.
 По среди-та русой косы,
 Заплетите шелковъ косникъ,
 Алу ленточку ;
 А по конецъ-то, русой косы,
 Саблю острую ;
 Чтобъ приважія свахоньки,
 Руки перерезали. —

Любимая моя подруженька,
 Куда мнѣ свою красотушку,
 Дѣвать будетъ?
 Мнѣ въ лѣса ее пустить?
 Она заплутается.
 Во луга пустить?
 Загуляется.
 Въ быстриу рѣку пустить?

Занутается. —
 Я пушу свою красотушку,
 На любимую подруженьку,
 Душу красну дѣвушку,
 Оливку душку.
 Тутъ моя красотушка,
 Укроится,
 Нѣгушка увѣжится.
 Есть у ней родимая матушка,
 И родимой батюшка,
 Есть братцы, ясны соколы,
 Лебедушки — невѣстушки.

Любимыя мои подруженьки!
 Приидеть къ вамъ,
 Весна красная,
 Лѣто теплое.
 Пойдете вы гулять,
 Во чисто поле,
 Во зеленые луга:
 Всѣ ваши цвѣточки стоять,
 Алымъ алекомькиимъ.
 А мой посохъ, прибрекъ,
 Къ земль присохъ.
 Сорвите вы,
 Мой цвѣтокъ печальный;
 Привнесите его,
 Къ родимой матушкѣ:
 Чтобы она, цвѣточекъ мой,
 Не клала ни въ сундукъ, ни въ коробочку;
 Поставила бы его, —
 На красное окошечко. —

По заплетениі косы набираютъ для дѣвушекъ
 объѣдъ. Здѣсь невѣста подбиваетъ ихъ тѣмъ пивомъ

или той брагою, которая привозится отъ жениха, и
 изливаетъ предъ ними горестныя свои чувствованія :

Спасибо вамъ,
 Любимыя мои подруженьки :
 За труды ваши,
 За вашу мнѣ службу;
 Больше того,
 За вашу дружбу.
 Подруженьки мои, красавицы!
 Труды ваши были великіе :
 Приубрали вы меня,
 Приухътали (*)
 Цвѣтна платьица,
 Мнѣ нашили ;
 Буйну головушку,
 Мнѣ причесали.
 Во путь, во дороженьку,
 Меня срядили.
 Во путь, во дороженьку,
 На чужу сторонку.
 Какъ во темной лѣсъ,
 Во чужу семью :
 Незнамую, незнакомую.

Послѣ обѣда собираются къ невѣстѣ ея родные, ко-
 торые, приходя къ ней, здравствуются и кладутъ
 деньги, сколько кто можетъ, въ *лакомку*, (карманъ)
 привѣщенную съ ея боку. Когда всѣ усалятся, тогда
 подруги, окруживъ стоящую невѣсту посреди избы,
 или подлѣ стола, поютъ :

(*) Приухътатъ, приубратъ.

Шла Душана по росу,
 Цакала жажо по кость,
 Ахъ свѣтъ ты моя косынка!
 Русая коса!
 Вечеръ тебѣ косынка;
 Дѣвушки плели,
 По утру ранехонько,
 Матушка плела,
 Золотомъ сребромъ увививала,
 Медкимъ жемчугомъ увизывала.
 Богъ судья Александру!
 Прислалъ ко мнѣ сваднячку,
 Немилостивую! —

Безъ вѣтра, безъ вихоря,
 Вереюшка пошатнулася;
 Воротушки отворилися
 И бояре на дворъ въѣхали,
 Молодые на крыльцо вошли.
 Женихъ Богу молится,
 Всѣмъ онъ низко клонится.
 Закидались, забросалися,
 Дѣвицы красавицы. —
 Свѣтъ невѣстушка,
 За дѣвушекъ хоронилась.
 Схороните меня подруженьки,
 Прибыль погубитель мой!
 Разлучить мою головушку,
 Съ отцемъ съ матерью,
 Съ роднымъ племнемъ.

Когда разѣдутся гости, тогда невѣста причитаетъ
 своимъ родителямъ :

Кормилецъ мой батюшка!
 Кинулась ты, мой батюшка,
 На золото, на серебро. —
 Кормилица моя матушка,
 Кинулась ты, моя матушка,
 На цветно платье,
 Запоручили меня горькую
 Зеленехоньку.
 Ахъ кормилецъ ты, мой батюшка!
 Ахъ кормилица ты, моя матушка!
 Не принимайте вы вишней чарочки. —
 Не посылъ вамъ, вишня чарочка;
 Не посылъ, не перемънушка.
 Своего посла вы избываете,
 Своего посла вольнаго,
 Слугу вѣрнаго,
 Безоудѣнаго. —

Въ другихъ мѣстахъ, именно въ волгскомъ уѣздѣ, ^{Сборъ} ^{вечеринки.} ^{и.}
 бываетъ вечеринка на канунъ свадьбы въ домъ нечѣ-
 сты, и эта вечеринка замѣняетъ общепотребительный
 повсюду дѣвишникъ, который называется здѣсь ^{сборъ}
вечеринки. — Отецъ невесты посылаетъ своего сына или
 родственника, звать всѣхъ своихъ родныхъ и близкихъ,
 на сборную вечеринку. Онъ, придя въ домъ, при-
 вѣтствуетъ: миръ хозяину и дому сему. Батюшка
 кланяется вамъ и приказалъ просить васъ на пиръ,
 на вечеринку. — Хозяинъ отвѣчаетъ: спасибо, что не
 забыли насъ. Хорошо, мы придемъ. — Каждый при-
 глашенный приноситъ съ собою коровай, кусокъ свини-
 ны, курицу или утку. Отецъ жедиха дакъ же соби-
 раетъ всѣхъ своихъ знакомыхъ, и когда всѣ соберутся,
 тогда онъ беретъ штофъ вина и подноситъ стаканъ
 водки тому, кого выбираетъ въ дружки и под-
 дружье. Женихъ надеваетъ каждому изъ нихъ въ ноги,

и дарить избранныхъ нѣтъ платками. По набраніи свадебныхъ чиновъ, всѣ они отправляются въ домъ невѣсты, гдѣ не начинаютъ пара до прибытія гостей. Отецъ невѣсты встрѣчаетъ своихъ сватовъ, зятя и весь его поѣздъ, и привѣтствуетъ каждого изъ нихъ: милости прошу сватушка, извольте проходить и садиться. Женихъ садится впереди, сваха подлѣ него съ одной стороны, а крестный отецъ съ другой.—Дѣвушки сидятъ съ невѣстой въ особой комнатѣ, гдѣ сваха невѣсты приготовляетъ дары для жениха, назначенные уже невѣстою. Когда положить даръ на деревянное блюдо, тогда выходитъ невѣста изъ комнаты, въ сопровожденіи свахи и своихъ подругъ. Она кланяется гостямъ на три стороны, подходит къ столу и останавливается напротивъ жениха. Одинъ изъ ея родныхъ наливаетъ рюмку водки и подаетъ невѣстѣ; она подноситъ жениху, который беретъ, но не пьетъ: подержавъ не много въ рукахъ, онъ отдаетъ ей обратно. Въ то время сваха подноситъ ему даръ: онъ принимаетъ, утирается имъ и цѣлуетъ невѣсту три раза; потомъ отдариваетъ деньгами а дѣвушки поютъ ему :

Хорошаго Александрюшку,
 Матушка породила.
 Межъ обѣднн въ заутрени,
 Малиною парила,
 Сытою окачивала,
 Сама сыну балла :
 Да ты дитятко,
 Да ты мое милое!
 Какъ будешь на возрастяхъ,
 Задумашь жениться,
 Ты пойдешь вдоль улицы,
 Вдоль улицы Саратова,
 По Сергіевской широкой;

Ты взвѣдешь на тещенья дворъ,
 Не пускай коня на двору,
 Привлжи коня къ столбику,
 Къ колечешку серебряну.
 Приставъ къ коню конюха,
 Какъ большаго-то шурна.
 Ты взойдешь въ новы сѣннички,
 Не клади плетъ на лавочку
 Подоткни плетъ подъ стропочку. (*)
 Ты войдешь въ нову горнишку,
 Ты не долго Богу молися,
 Ты не низко тещю кланяйся :
 Ты пониже своей тещеньки.
 Да ты теща моя, тещенька!
 Поназванная матушка!
 Ты бери съ жеза ржени,
 Ты отдай мою ржени.

Послѣ этой пѣсни подходятъ женихъ цѣловать свою невесту; подруги прячутъ ее за собою и спрашиваютъ у жениха: кого вамъ надобно Александръ Яковлевичъ? Миѣ надобно Авдотью Степановну, мою невесту. — Дѣвушки говорятъ ему: здѣсь нѣтъ ея. — Если женихъ не смѣлый, то онъ идетъ назадъ; если смѣлый, то онъ отвѣчаетъ: нѣтъ, отыщу! — Идетъ впередъ, расталкиваетъ дѣвушекъ, ловитъ невесту и схвативъ ее, беретъ за уши и цѣлуетъ три раза, а послѣ цѣлуетъ всѣхъ дѣвушекъ и даритъ ихъ за пѣснь. Это онъ дѣлаетъ всякій разъ, не только когда поютъ ему, но и его невестѣ. — За тѣмъ обращаются дѣвушки къ невестѣ и поютъ ей :

(*) Строчка или матица, все равно; это брусъ, на коемъ лежитъ потолокъ.

Вы, вѣсны рѣчунки,
 Сахарныя вѣтви березины,
 По сахару вытекли!
 На тѣхъ крутыхъ бережкахъ,
 Стояли два бѣлыхъ шатрика.
 Стояли два золотянныя.
 Во первомъ-то во шатрикѣ,
 Душа красна дѣвица,
 Авдотія Степановна. —
 Позволила душа Дуняша
 Изъ шатра во шатеръ пройти,
 Въ золотыя гуслишки играть.
 Проиграла-та Дуняша,
 Со головушки ленточку,
 Изъ русой косы кисточку;
 Проиграла еще Дуняша,
 Красоту ли свою дѣвичью,
 Своему другу милому
 Александру Яковлевичу.
 Какъ расплакалась душа,
 Красна дѣвица,
 Передъ удалымъ добрымъ молодцемъ.
 Ты отдай-ка, мой милый другъ!
 Отдай мое все проигранное!
 Мнѣ не дорога, душа дѣвица,
 Твоя ленточка,
 Изъ русой косы кисточка;
 Да мнѣ дорога, добру молодцу,
 Красота твоя дѣвичья.

По пропѣтіи этой пѣсни, сваха идетъ въ комнату невѣ-
 сты, складываетъ подарки на блюдо, а невѣста ожи-
 даетъ ее съ дарами. Когда она принесетъ, тогда одинъ
 изъ родственниковъ невѣсты наливаетъ рюмку водки
 и подаетъ невѣстѣ. — Она подноситъ своему свекру,
 а сваха говоритъ ему: сватушка! прійми рюмочку и

прійми дарикъ, а блюдетъ осеребри, не рублемъ не полтиной, одной золотой гривной.—Сватъ выпиваетъ вино, беретъ подарокъ, которымъ утирается, цѣлуетъ невѣсту три раза и отдариваетъ ее деньгами; за пропѣтую же пѣснь онъ равномерно даритъ дѣвушекъ деньгами, которыя относятъ парни, и они цѣлуютъ тогда всѣхъ дѣвушекъ. Точно такъ же дѣлаютъ мужья и жены, передавая дѣвушкамъ деньги черезъ парней. Этимъ порядкомъ обдариваетъ невѣста всю родню жениха, а дѣвушки, при подносѣ дара, поютъ пѣснь каждому обдариваемому. —

Отцу жениху.

Какъ сватушка хорею живетъ,
Яковлевичъ пригожо слыветъ.
Онъ ходилъ по двору широкому,
Призывалъ слугамъ своихъ работникамъ:
Запрягайте-ка слуги мои, работники!
Да мизъ пару вороныхъ коней.
Поведу я по край города на свои заведенъицы,
На заводы на фабрики.
Посмотрѣть на фабричныхъ,
Поглядѣть на работу ихъ,
Встрѣчаютъ же сватушку,
Всѣ молоды прикащички;
Подаютъ же сватушкѣ,
Всѣ щеты ему, всѣ реэстречки. —

Матери жениха.

Ужъ свахонька щебетуха,
Васильевна щеголоха!
Она носитъ платья ивѣтна,
Она всему городу прииѣтна:
Во Божью церковь ивѣнкомъ не ходитъ,

На каласочкакъ развѣжасть.
 Подъ ней кони-та вороные,
 Кучера все удалые, молодые.
 Слуги у ней дороге,
 Служаночки красны дѣвушки. —

Дружка.

Дружка мужикъ богатый,
 Федоровичъ тароватый.
 Онъ съ гривны на гривну ступаетъ,
 Рублемъ ворота часты запираетъ,
 Полтинною съинны двери замыкаетъ, —
 Онъ по улицѣ гуляетъ.
 Слышешь ли Иванъ?
 Тебѣ пѣсню поемъ.
 Федоровичъ! тебя величаемъ.
 Не одного, съ молодой твоей хозяйшккой,
 Прасковей Ивановной. —

Тысяцкому.

У тысяцкаго у свѣта, бородка хороша,
 По бородкѣ его Царь любитъ,
 Во большія мѣста его сажаетъ,
 Воеводой называетъ.
 Воевода ль ты, воеводушка!
 Позжай-ка ты во чисты поля,
 Въ чисты поля, въ лагеря.
 Осмотри силу войсковую,
 Донеси мнѣ о ея здоровьницъ,
 Расскажи мнѣ обо всѣхъ начальникахъ,
 Слышешь ли, тысяцкой?
 Тебѣ пѣсню поемъ.
 Петровичъ! тебя величаемъ.
 Съ товаркою со душою

Съ Марьюшкой со душой,
 Съ молодой твоей женой,
 Акимовной госножкой. —

Воеводѣ и боярину.

На морѣ на моречкѣ,
 При тихимъ заводѣ,
 Стоитъ дерево кипарисово. —
 На томъ деревѣ кипарисовомъ,
 Сидятъ пташечки эморскія,
 Поютъ пѣсенки ростовскія,
 Да кому у насъ быть бояриномъ?
 Кому слѣтъ воеводою?
 Быть, слѣтъ бояриномъ,
 Иванушкѣ;
 Воеводой слѣтъ Даниличу.
 Ты слышишь ли, Иванушка?
 Въ чины тебя назначили,
 Въ чины великіе, въ князьевы бояры.
 Ты слышишь ли еще Иванушка?
 Тебѣ пѣсню поемъ. —

Женатымъ.

Плавала чарочка во сладкимъ меду,
 Плавала серебряна во сыченомъ.
 Кому чару эту принимать?
 Кому будетъ подносить?
 Принимать чару Ивану,
 Подносить чару Палагеюшкѣ душѣ,
 Васильевнѣ госпожѣ.
 Ты выше душа Палагеюшка! —
 Права, права сударь,
 Пить не хочется. —
 Видитъ Богъ!
 Мнѣ не хочется.

Какъ я молода,
 Всю ночь не спала. —
 Добру коню коверъ вышила.
 Какъ добру-то коню,
 На всю красету. —
 И вѣмъ боярамъ,
 На дивованьце.
 Да зтогъ доброй конь,
 Моего милаго дружка свѣтъ,
 А вашего господина.
 Какъ на зтомъ онъ конь,
 Во бесѣду отвѣзжаетъ. —
 На веселье, на катаньще,
 На прокладное гуляньще. (*)

Какъ по снѣмъ по снѣчкамъ,
 По частымъ перерубочкамъ, (**)
 Тутъ гуляла, погуливала,
 Молодая боярыня.
 Будила она, побуживала,
 Молодаго боярина.
 Ты встань, пробудись,
 Милой другъ!
 Пробудись душа, боярской сынъ.
 Отвязался твой доброй конь,
 Отъ столба, столба дубоваго,
 Отъ колечушка серебрянаго.
 Онъ ушелъ во чисто поле,
 Изъ чиста поля во зеленые луга;

(*) Прокладное гуляньще, — разгульное веселіе, когда шируютъ отъ всей души, отложивъ всѣ свои работы.

(**) Перерубочки, — приступки наш студени на крыльце. —

Изъ луговъ зеленыхъ,
 Въ зеленой садъ. —
 Поламалъ сады зеленые,
 Садъ зеленой со ашпешью.
 Не тужи, моя хозяйонка!
 Намивемъ сады зеленые,
 И калицу со малиною.

Какъ у чарочки у серебряной,
 Золотой у ней виночекъ.
 Какъ у Ванюшки у Васильевича,
 Дорогой у него обычай:
 Глазъ ни ходить, ни гуляеть,
 Почевать домой приходитъ.
 Вороточки отворяеть,
 Широкия отворяеть.
 Онъ Катеньку вызываеть:
 Да ты Катенька, встривчай!
 Не случай тебя встривчати,
 Сына милаго качаю,
 Перемтны себи наю. —
 Сноху молодую,
 Гостью дорогую. —
 Дочку милую качаю,
 Перемутьсна желаю,
 Зятя молодого,
 Госта дорогаго.

Чрекъ сви, сви новамъ,
 Летали гуси сарыя.
 На лету гуси воагаринули:
 Кому у насъ быть воеводою?
 Кому слыть воеводшею?

Воеводою быть Герасишу,
 Воеводшею слыть Матрешушкѣ. —
 Слышешъ ли, Герасиушка?
 Тебѣ крестно воешь, Николаевичъ,
 Тебя величаемъ. —
 Не одного, — со Матрешушкой
 Съ душой Антоловной, госпожей. —

Во матушкѣ, во каменной Москвѣ,
 Стоять церкви, золоты кресты.
 На нихъ крыши все крашенны.
 Чѣмъ это мысли замысли?
 Мысли это замысли,
 Андревы утешаютъ,
 Свою молодую жену,
 Степаниду Елизаровну:
 Не тужи моя хозяйюшка!
 Не горюй, свѣтъ Елизаровна!
 Мы выстроимъ себѣ палаты,
 Бѣлыкаменны;
 Мы будемъ жить во забавномъ житьѣ,
 Во матушкѣ, во каменной Москвѣ. —

Изукрашены все круты горы,
 Зелеными кустами,
 Травами шелковыми,
 Цвѣтами лазоревыми.
 Изукрашенъ свѣтъ Гаврилушка господишъ,
 Приряженъ свѣтъ Филинъевичъ.
 Нарядна его молодая хозяйюшка,
 Акулина Герасишова:
 Во рубашечку кисейную,

Во порточки синія ладжинны (*)
 Чапанъ на весь межигороцкой, (**)
 Кушачекъ красенькой суковной.
 Онъ сидитъ во пиру бесѣдушкѣ,
 Во честной большой компаньецѣ.
 Похваляется своей молодой женой :
 Хороша моя хозяйшка,
 Личикомъ бѣлинька
 Бровями черненька.
 Слышешь ли, Гаврилушка?
 Чуешь ли Филиньевичъ?
 Тебѣ пѣсню поемъ
 Не одному поемъ, со твоей хозяйшкой,
 Со душой Кулинушкой
 Съ госпожей Герасимовной.
 Вместе васъ величаемъ,
 Подарочка отъ васъ ожидаемъ. —

Жениху.

Ты Александрюшка догадайся,
 Яковлевичъ не улыбайся,
 За занавѣсочку къ намъ передайся,
 Съ нами дѣвушками повидайся.
 Насъ дѣвушекъ не множокъ,
 Сорокъ дѣвицъ со дѣвицею,
 Пятьдесятъ молодницъ съ молодницею. —
 Сужена твоя дожидается тебя,
 Съ тобой хочеть повидаться,
 А мы дѣвицы на тебя посмотримъ,
 Съ суженой твоей тебя выхваляемъ.

(*) Ладжина, —самодѣльная полосатая холстина : въ ней одна полса синія а другая бѣлая.

(**) Чапанъ, армякъ, межигороцкой, — нижегородской, и для него употребляется преимущественно сукно сѣрое. —

Слышимъ ли Александрюшка?
 Тебѣ пѣсню поемъ,
 Яковлевичъ! тебя величаемъ,
 Во скоромъ времени
 Тебя ожидаемъ;
 Дорожку тебѣ прочищаемъ,
 Съ честью, лестью тебя принимаемъ.

Невѣсть.

На синемъ моречкѣ,
 На томъ тихомъ заводѣ,
 Тутъ плавали свѣры утушки,
 Онѣ плавали, сами разговаривали,
 Да всѣ они дивовалися. —
 Не дивуйтесь утушки!
 Не дивуйтесь свѣры!
 Отстаю я утушка,
 Отъ синя моря;
 Отстаю я свѣрая,
 Отъ свѣжей воды.
 Пристаю я ко болотищу,
 Ко болотищу ко мутной водѣ.
 Не дивуйтесь дѣвушки!
 Не дивуйтесь красныя!
 Отстаю я отъ отца, отъ матери,
 Пристаю я ко чужимъ людямъ,
 Ко чужимъ людямъ, не знаемымъ,
 Не знаемымъ, не знакомымъ.

По обдариваніи всѣхъ, подается обѣдъ, который бываетъ до 10 блюдовъ; за столомъ угощаютъ безпрестано пивомъ и водкою. Мать невѣсты, подчивая гостей, говоритъ почти каждому изъ нихъ: кушайте, сватушка и свахонька; покушайте родимые, понаблюдайтесь, чѣмъ Богъ послалъ. Они отвѣчаютъ: спаси-

бо свахонька, довольны; хлѣба-соли въ волю.— Уго-
 шеніе перѣдко продолжается за полночь, потомъ рас-
 ходятся по домамъ, благодаря родителей невѣсты. —
 Отецъ жениха и его сваха, уговариваются съ родите-
 лями невѣсты: въ какое время пріѣзжать поѣзду же-
 ниha за невѣстой? потомъ идутъ они домой съ свои-
 ми родственниками, и по приходѣ садятся за столъ.
 Дружка подноситъ имъ по чаркѣ водки. Отецъ жени-
 ха наказываетъ поѣзду собираться завтра въ его домъ,
 какъ можно пораньше, и послѣ расходятся.

По утру сходятся подруги къ невѣстѣ, чтобы одѣтъ
 ее къ вѣнцу. Тутъ она прощается съ своими родны-
 ми:

Обрядъ
 отъ на-
 чати по-
 ѣзда, до
 встрѣчи
 и оло-
 амъ отъ
 вѣнца.

Любезный ты мой батюшка!
 Спалось ли тебѣ, родной мой?
 Не спалось мнѣ во всю темну ночь,
 Во всю ноченьку я думу думала.
 Не темно стало на дворѣ уже,
 Заря занимается —
 Мои недруги, разлучники,
 Собираются.
 Разлучаютъ меня съ отцемъ съ матерью
 Съ мнимъ роднымъ племенемъ.

Родимой ты мой братецъ!
 Ты поди-ка въ темный лѣсъ,
 Ты сруби, сруби березоньку,
 Загради ты путь дороженьку,
 Чтобы мнимъ недругамъ
 Нельзя было ни пройти, ни проехать.

Ты поди-ка, моя подруженька!
 Не проговивайся, моя любезная,
 Что тебя я не встрѣтила,

Посреди пути, дороженьки,
 Посреди двора широкова,
 Сопротивъ крыльца высокаго.
 Не по ситси, не по гордости, —
 За своимъ горемъ великимъ.
 Вы не будете ко мнѣ ходить,
 Звать на улицу широкою.
 Заростетъ ваша дороженька,
 Травой муравою;
 Западутъ ваши слядиночки,
 Бѣлымъ утреннимъ снѣжкомъ.

Потомъ она спрашиваетъ совѣта у опытной женщины :

Ты поди-ка моя милая,
 Я прошу тебя надбючи,
 Ты скажи меня жалбючи :
 Каково жить во чужихъ людяхъ .

Она отвѣчаетъ ;

Надо жить во чужихъ людяхъ,
 Уибючи,
 Разумбючи. —
 Чужи люди,
 Равно темный лѣсъ,
 Словно туча грозная.
 Безъ мороза сердце выязбнетъ.
 Во чужихъ людяхъ будь :
 И покорна,
 И нословна (ласковая).

Послѣ этого невѣста, не обращаясь ни къ кому, изливаетъ свои горестныя чувствованія :

Свѣтъ ты, моя волюшка!
 Свѣтъ ты, моя вѣгушка!
 У родимой у матушки,
 Куда-то мою волюшку,
 Мнѣ пустить будетъ?
 Пущу я мою волюшку,
 Во чисто поле;
 Пущу я мою волюшку,
 Во темный лѣсъ.
 Во темномъ лѣсу она заплутается.
 Нѣтъ, пущу я мою волюшку,
 По милымъ подруженькамъ.
 Покрасуйтея подруженьки,
 Покрасуйтея любезныя,
 Поколь вы у батюшки,
 Поколь вы у матушки,
 А я горькая горемычная,
 Я уже открасовалася;
 Отшутила я съ вами,
 Всѣ шутки шутливыя. —

Сваха расчесываетъ и заплетаетъ косу. Невѣста плачетъ а подруги поютъ :

Свѣтъ ты, моя русая коса!
 Свѣтъ ты, мой шелковой косникъ!
 Плети, моя свашушка,
 Плети косу мѣлко на мѣлко,
 Вяжи узлы крѣпко на крѣпко. —

По заплетеніи косы, одѣваютъ невѣсту въ сарафанъ или кумашникъ, обложенный мишурными кружевами; голову покрываютъ платкомъ, который иногда называется фатою, и потомъ сажаютъ ее за столъ. —

Женихъ одѣвается въ красную или пеструю сорочку, шею повязываетъ бумажнымъ платкомъ, концы его распускаетъ по груди; надѣваетъ порты пестрые, кафтанъ

синій или голубой. Потомъ дружка велеть князя подѣ благословеніе ; молодой кладеть три земныхъ поклона св. иконамъ, которыя держитъ его отецъ; послѣ благословляетъ его отецъ, сынъ цѣлуетъ образъ; за тѣмъ онъ подходитъ подѣ благословеніе матери и посаженныхъ родителей. Послѣ благословенія надѣвають на него шапку, и нахлобучивъ ее на глаза, сажаютъ за столъ; подлѣ него садятся всѣ поѣзжаные, пьютъ вино и закусываютъ. Черезъ нѣсколько времени встають, молятся Богу и опять садятся; наконецъ вставъ, выходятъ изъ избы. При выходѣ изъ избы, каждый долженъ переступить чрезъ порогъ правой ногою и креститься. На дворѣ дружка указываетъ каждому свою лошадь, и каждый садится на нее; потомъ онъ произноситъ громко: *слушай весь честный поѣздъ! скидайте шапки.* Всѣ снимають, читають молитву и крестятся, потому что въ то время дружка ходитъ вокругъ поѣзда съ образомъ. Обошедши вокругъ три раза, онъ останавливается и говоритъ:

Міръ крещенный!
 Народъ священный!
 Благословите нашего князя,
 Ко кресту и ко вѣнцу.

Богъ васъ благословитъ и мы благословляемъ, отвѣчаютъ поѣзжаные; за тѣмъ обращается дружка къ стоящему народу:

И вы тетқи — лебедки,
 Молодыя молодки,
 Куньи шубки,
 Собольи опушки,
 Золотыя сережки,
 Сафьяны сапожки,
 И вы благословите нашего князя!

Богъ благословитъ насъ и мы благословляемъ, отвѣчаютъ онѣ. Тогда дружка отдаетъ образъ посаженному отцу и отправляется совсѣми къ невѣстѣ.

Поѣздъ, прибывъ къ дому, находитъ ворота запертыми. Дружка, разсерженный этимъ, слѣзаетъ съ лошади, стучится въ ворота и кричитъ : отопрѣ ! — Стоящій за воротами отвѣчаетъ : не отопру ! Купи мѣсто. — Дружка спрашиваетъ : что оно стоитъ ? — Заворотный говоритъ : чарку вина и золотую гривну. — Дружка наливаетъ стаканъ вина и подаетъ ему съ деньгами, черезъ подворотню. — Тотъ беретъ деньги, выпиваетъ и отпираетъ ворота ; поѣзжаные въѣзжаютъ на дворъ. При въѣздѣ ихъ, поютъ подруги невѣсты :

Не пола вода на широкой дворъ
Къ моему батюшкѣ възлѣгала,
Взлѣгали мои недруги.
Хотать они разлучить меня,
Съ отцемъ съ матерью,
Съ роднымъ племенемъ.
Встрѣчай ты, мой батюшка,
Своихъ друговъ, моихъ недруговъ,
Недруговъ разлучниковъ.
Разлучать они меня,
Съ отцемъ съ матерью,
Съ роднымъ племенемъ.

Дружко входитъ въ избу съ стаканомъ вина, подноситъ его родителямъ невѣсты и проситъ позволенія ввести жениха, который стоитъ за дверми. Дружко увидѣвъ, что братъ сидитъ подлѣ княгини, бьетъ сердито по столу плетью и кричитъ на него : а ты за чѣмъ слѣзъ не на свое мѣсто ? Вонъ изъ за стола ! — Не пойду ! отвѣчаетъ братъ, я продаю сестру ; купи

ее.—А что тебѣ надобно?—Стаканъ вина и золотую гривну.—Иной говорить : стопу денегъ и рѣшето вина.— Дружко подносятъ ему вино и деньги. Онъ выпиваетъ, беретъ деньги и выходитъ изъ за стола. Тогда вводитъ дружко князя и сажаетъ его рядомъ съ княгинею. Въ иныхъ мѣстахъ братъ, продающій сестру, сидитъ подлѣ нея съ лаптемъ и качадыкомъ (лапотнымъ шиломъ), или съ табашнымъ горшкомъ и рожкомъ. Дружко покупаетъ у него мѣсто, и лишь женихъ подойдетъ къ невѣстѣ, дѣвушки поютъ :

Щука рыба, ты мечися,
 Ты жива въ руки не давайся,
 Вонъ идетъ цѣловати :
 Черезъ три стола дубовые,
 Черезъ три скамьи кленовыя,
 Черезъ скатерти шиты, браныя,
 Черезъ яствнице сахарное,
 Черезъ пойлице медовое.

Темно, темно на дворѣ,
 Темнѣе того въ теремѣ.
 Бояре ворота облегли,
 Торгуютъ, торгуютъ Дуняшу.
 Торгуйся, торгуйся братецъ,
 Не отдавай мня дешево.
 Проси за меня сто рублей,
 За мою косыньку тысячу,
 За мою красоту сметы нѣтъ.
 Подите бояры !
 Подите бояры !
 Давно мы васъ ждали. —

По продажѣ невѣсты, братъ и молодой братуются между собою: они становятся рядомъ и цѣлуются. —

Родители благословляютъ сначала молодую, потомъ молодого. За тѣмъ князь, по приказанію отца княгини, беретъ ее за руку и садится съ нею за столъ; за ними садятся всѣ. Гостей подчиваютъ виномъ и закуской. Молодые ничего не пьютъ и не ѣдятъ. Предъ ними лежатъ свернутыя на столѣ скатерти и ложки, послѣднія положены на оборотъ и въ противоположенную сторону.

Прилетѣли вольныя пташечки,
 Изъ за моря, моря синяго;
 Перепархиваютъ пташечки,
 По чисту полю, по кустикамъ:
 Всѣ любятъ по парочкѣ.
 Только доброй молодецъ, Александрюшка,
 Во свѣтъ бѣломъ сиротинушка,
 Онъ тоскуетъ, какъ горькая кукушка,
 Горючими слезами заливается,
 Безпріютная головушка!
 Никто къ дѣтинушкѣ бѣдному,
 Никто въ свѣтъ не пришатнется;
 Словомъ ласковымъ привѣтливымъ,
 Никто сиротинушку не радуетъ.
 Онъ пойдетъ ли во чисто поле,
 Чтобы размыкать тамъ кручинушку,
 Свое горе и тоску—печаль,—
 Тоска, горе безответныя!
 Онъ пойдетъ ли во темные лѣса, —
 Не брѣжить его кручинушка,
 Манываетъ его сердечушко,
 Отъ печали въ добромъ молодцѣ.
 Вянетъ, сохнетъ въ одиночествѣ,

Будто травка среди поля дикаго.
 Не миль молодцу и Божій сирѣть !
 Одна Дуняша сжалася
 Надъ бѣднѣжкой, сиротинушкой ;
 Приласкала, приголубила,
 Безпріютную головушку.
 Полюбила красна дѣвушка,
 Александрешку дѣтнушку ;
 Приодѣла фатой шелковой,
 Назвала его дружкой милнѣшкой,—
 И прошла его печальъ кручинушка.

Не было ветра, да повѣяло,
 Не было гостей, да навѣло :
 Полонъ дворъ золотыхъ каретъ,
 И бояръ и князей.

Выпугали, выпугали
 Соловья изъ саду зеленого.
 Расплакались дѣвцы,
 Разстужились красныя
 О своемъ соловушкѣ,
 О красъ дѣвичьей.
 Не плачь, не тужи !
 Солью тебѣ золоту чару.
 И поймаю соловья во саду.

Черна ягодка смородица,
 Прилегала къ круту бережку :
 Прилегали кудри русыя,
 Къ лицу блѣдному, румяному.
 Русы кудри по плечамъ лежать,
 По плечамъ Александра Яковлевича ;
 Брови черны что у соболя,
 Очи ясны что у сокола,

Слышешъ ли, Александръ Яковлевичъ?
 Мы тебѣ пѣсню поемъ,
 По имени называемъ
 По отечеству величаемъ. —
 Станешъ дарить, —
 Станемъ хвалить;
 Не станешъ дарить,
 Станемъ корить. —

Женихъ обдариваетъ дѣвушекъ, а онѣ обращаются
 съ пѣніемъ къ свахѣ:

Ты хорошая боярыня,
 Хорошо наряженная,
 Въ большое мѣсто посаженная,
 Марья Васильевна! —
 Слышешъ ли? мы тебѣ пѣсню поемъ
 По имени называемъ,
 По отечеству величаемъ.
 Станешъ дарить,
 Станемъ хвалить;
 Не станешъ дарить,
 Станемъ корить. —

Потомъ онѣ поютъ поѣзжанымъ, называя каждого
 изъ нихъ по имени:

Ахъ ты умная головушка,
 Ты окладистая бородушка!
 Ты охотникъ по пирамъ ходить,
 Пѣсни слушати;
 Ты охочъ дѣвицъ дарить,
 Не рублемъ дарить, не полтиною,
 Не полтиной, золотой гривною,
 Слышешъ ли? и т. д.

Пропѣвъ молодымъ и свадебнымъ чинамъ, онѣ обращаются къ невѣстѣ и поютъ въ честь ея:

Ты кашка, камочка моя!
 Ты кашка мѣлкотравчатая,
 Мѣлкотравчатая, узорчатая!
 Не давайся никому развертываться,
 Ни князю, ни боярину,
 Ни сыну гостинному.
 Онъ волю надъ тобою взялъ
 Шелковую фату приподнялъ,
 Онъ свою невѣсту выглядывъ,
 Выглядывъ, повысмотрывъ

Послѣ этого дружка провозноситъ: пора!—Молодые молятся Богу и подходятъ подъ благословеніе; дружка приговариваетъ:

Благослови батюшка, матушка,
 Къ Божьей церкви взати;
 Подъ золотымъ вѣнкомъ стояти,
 Законъ Божій принять.

Невѣста, выходя изъ за стола, дергаетъ за уголокъ скатерти, для того, чтобы подружки ея вышли скорѣе за мужъ. —

Послѣ благословенія перевозятъ въ домъ жениха постель невѣсты и ея приданое, уложенное въ сундуки. Ключъ отъ сундука остается въ рукахъ свахи, и вручается уже молодой послѣ вѣнчанія. — Всѣ выходящія изъ избы, переступаютъ черезъ порогъ правою ногой. — Молодыхъ выводятъ посаженные родители. Дружка обходятъ поѣздъ съ образомъ три раза; покрытая фатой невѣста, садится въ телѣгу или кибитку, въ коей часто находится ее приданое, а подар-

ки привѣшиваются къ верху кибитки ; молодая плачетъ. облокотясь. Съ нею сидятъ двѣ ближайшія ея родственницы, называемыя *урвалатне* (*): онѣ оберегаютъ ее отъ чаръ, а дружка стоитъ позади кибитки, съ длиннымъ торомъ (**), которымъ онъ пересѣкаетъ колдовство. Когда все готово, тогда молодая, ставъ по срединѣ кибитки, кланяется на всѣ стороны, приговаривая: прости мое широкое подворнище! — Молодой, посаженный отецъ, тысяцкій и весь поѣздъ ѣдутъ верхами. Если свадьба происходитъ зимою, то молодые садятся въ сапи; отѣхавъ не много отъ дома, поѣзжанные останавливаются и смотрятъ: не скрылась ли княгиня? а дружка и полдружье ѣдутъ въ домъ молодой, чтобы выкупить ея постель. Здѣсь даритъ дружка деньгами, оставшихся дѣвушкамъ. Послѣ выкупа постели, ѣдутъ безостановочно до церкви. На пути угощаютъ встрѣчныхъ виномъ, чтобы никто не взглянулъ или не перешелъ дороги, вѣря, что это можетъ разладить супружество. У церковнаго подъѣзда высаживаетъ молодыхъ дружка; посаженные родители ведутъ ихъ, а полдружье отправляется за священникомъ: съ ведромъ вина, пирогомъ, мукою и крупами. Тѣмъ самымъ надѣляютъ церковный причетъ. При вѣнчаніи молодая старается стать на подосланый подъ ноги коверъ, прежде молодаго, чтобы управлять мужемъ. Замѣчаютъ здѣсь, что если у кого изъ молодыхъ сгоритъ скорѣе свѣча, тому умереть прежде. При поѣздѣ въ церковь и при отѣздѣ изъ церкви, объѣзжаютъ перекрестокъ, молясь и крестясь, чтобы избавитъ отъ *михаго челоуька*, который будтобы прячется здѣсь. По отъ-

(*) Слово мордовское, означающее близкихъ родственниковъ; этотъ обрядъ въ употребленіи по хвалынскому уезду.

(**) Торъ, слово мордовское, значитъ ножъ

Издѣ въ церковь, дружка приглашаетъ на *зарный столъ*, или какъ говорятъ другіе, *съ зарни* (*). Священникъ, по исполненіи брачнаго обряда, заставляетъ молодыхъ поцѣловаться три раза.—Въ церковной трапезѣ переи́мѣняютъ головной уборъ новобрачной: надѣваютъ пелюшникъ или кокошникъ и повязываютъ фатой, по женскому обычаю. —

Женихъ, посадивъ невѣсту въ телѣгу, отправляется съ поѣздомъ, прежнимъ порядкомъ, въ свой домъ. На пути дружка и полдружье кланяются всякому встрѣчному и просятъ на пиръ княжій, говоря: милости просимъ на сыръ, на коровай. —

Обрядъ отъ поѣзда до встрѣчи молодыхъ, совершается еще такъ. — До собранія еще поѣзда, женихъ бываетъ уже совершенно приготовленъ. Онъ одѣвается въ красную рубашку, синее споднее платье, синій чапанъ или калать (въ родѣ армяка), подпоясывается кушакомъ краснымъ или шерстянымъ, или бумажнымъ; голову покрываетъ поярковой шляпою, если это лѣтомъ, или шапкой, если это зимой. Верхъ шапки плюсовый, а околышъ черный курній (*). Когда всѣ съѣдутся, тогда дружка вводитъ жениха въ избу для благословенія. Отецъ беретъ обрѣзъ и коровай хлѣба. Женихъ дѣлаетъ два покло-

(*) На *зарный столъ*, *съ зарны*, значитъ на обдѣянный пиръ жениха, тоже самое, что княженецкій столъ, и нѣтъ сомнѣнія, что это испорченное малороссійское слово *зарный*, — хороший, прекрасный. Нѣкоторые уѣзды саратовской губерніи заселены переселенцами Малороссіянами, и Русскіе, живущіе между ними, переняли отъ нихъ многіе обычаи, и даже говорятъ со смѣсью малороссійскаго нарѣчія.

(*) Черный *курній*, изъ черныхъ курчавыхъ барашковъ; — курній, — курчавый.

на предъ образомъ, а за третьимъ падаетъ въ ноги отцу. Потомъ прикладывается къ образу и хлѣбу; послѣ уже цѣлуетъ отца. Такимъ образомъ благословляетъ его мать, за нею посаженные его родители. Послѣ благословенія сажаютъ жениха за столъ; подлѣ него садится сваха его, разговорчивая. Между тѣмъ дружка и полдружье, отправляются въ повозкѣ въ невѣстѣ, съ повѣсткой (съ извѣщеніемъ), что женихъ готовъ; невозкою править полдружье. Въѣхавши во дворъ, дружка входитъ впередъ въ избу, за нимъ полдружье, съ заткнутымъ за кушакомъ кнуртомъ. Дружка, входя въ избу, произноситъ: Господи Иисусе Христе, сыне Божій! помилуй насъ. — Отецъ невѣсты отвѣчаетъ: аминь. — Дружка кланяется и говоритъ: здорово сватушка и свахонька! можете ли вы здорово? — Родители невѣсты отвѣчаютъ: слава Богу! сватушка. — Дружка спрашиваетъ: сватушка! готова ли невѣста къ вѣнцу? Готова, — говоритъ отецъ, — хоть теперь за столъ; просимъ милости съ поѣздомъ. — Дружка возвращается съ полдружьемъ къ жениху, который заводитъ его за столъ въ прежнемъ порядкѣ. Тутъ подаютъ небольшую закуску и по рюмкѣ водки. За тѣмъ крестятся, встаютъ и молятся Богу. Дружка выводитъ жениха изъ избы за руку, за нимъ идетъ весь поѣздъ, и переступая черезъ порогъ избы и сѣней, читаютъ молитву: Господи Иисусе Христе, сыне Божій, помилуй насъ. — Потомъ садятся на лошадей и выѣзжаютъ со двора; но при выѣздѣ дѣлаютъ выстрѣлъ. Вовсю дорогу поютъ, какія вздумаютъ пѣсни. — До прибытія поѣзда дѣвушка наряжаютъ чевѣсту, въ ея чуланѣ, который замѣняетъ на ту пору ея уборную. На невѣсту надѣваютъ двѣ рубашки, опоясывая голое тѣло рыбной сѣткою. Потомъ надѣваютъ два сарафана, подпоясываютъ двумя

поясами и насыпаютъ проса въ бапки. — Двѣ рубашки надѣваютъ въ свидѣтельство ея непорочности, и когда укладываютъ молодую спать, тогда снимаютъ одну. Опоясываютъ сѣткой для того, чтобы еретники не испортили молодую. (*) Одѣваютъ въ два сарафана для того, чтобы хранить одиѣ во всю свою жизнь, и въ немъ она ходитъ въ церковь и дома, только по праздникамъ, какъ въ завѣтномъ, который даже не вѣшаетъ и не держитъ между другими платьями. — Одѣтую невѣсту выводятъ изъ чулана въ избу, гдѣ родители ея дожидаются съ образами и хлѣбомъ—солью, чтобы благословить. Невѣста обращается къ нимъ съ воплемъ :

Разодвиньтесь вы люди добрые,
 На всѣ четыре сторонушки!
 Допустите вы меня горькую,
 Да батюшкнныхъ до рѣзвыхъ ногъ.
 Не бѣлая березонька къ землѣ клонится,
 А я горькая кланяюсь батюшкѣ,
 Къ рѣзвымъ ногамъ.

Она упадаетъ въ ноги отцу и продолжаетъ рыдать у ногъ, говоря :

Ни злата я у тебя, батюшка, прошу,
 Ни злата, ни серебра.
 Прошу я у тебя, батюшка, благословенья.
 Благослови-ка ты меня, батюшка,
 Во чужіи люди, во незнамые;
 Во незнамые, незнакомые.
 Какъ то мнѣ батюшка,
 Во чужихъ людяхъ будетъ жить?

(*) Подъ словомъ еретники разумются здѣсь злые духи.

Какъ то мнѣ, родимой,
 Чужимъ людямъ будетъ служить?
 Во чужихъ людяхъ жить горькохонько,
 Во чужихъ незнаемыхъ,
 Служить тяжелехонько. —

По совершекии причитанія, она встаетъ, молится образамъ и дѣлаетъ два поклона *маховымъ* (*); третій кладетъ отцу въ ноги. Послѣ она цѣлуетъ образа и хлѣбъ-соль. Потомъ благословляетъ ее мать, послѣ нея посаженные родители, прежнимъ обычаемъ. Благословивъ невесту, ее сажаютъ за столъ; съ одной стороны молодой садится сваха ея, а съ другой братъ, съ скалкою въ рукахъ (**). — Въ то время входитъ дружка, молится и кланяется; потомъ онъ спрашиваетъ: сватушка! готова ли невеста? приготолено ли мѣсто? — Ему отвѣчаетъ свать: все готово, сватушка. — Дружка, увидѣвъ сидящаго брата подлѣ невесты со скалкой въ рукѣ, подходитъ къ нему и говоритъ: кто тебя братецъ посадилъ сюда? — Батинька, говоритъ онъ. — Дружка кричитъ на него грозно: вонъ! вонъ! — Братъ невесты показываетъ ему скалку и грозитъ: вотъ она! не дюжа греми (не крѣпко шуми). — Дружка выходитъ изъ избы и вводитъ въ нее жениха за руку. — Черезъ порогъ онъ переступаетъ съ прежней молитвою. При вводѣ жениха въ сѣни, дѣвушки поютъ:

Вянули вѣтры вдоль улицы,
 Вдоль слободы, вдоль широкой,
 Привянули ко Степанову двору (отцу невесты),

(*) Такъ называютъ большіе поклоны.

(**) Скалка, деревянная обглаженная палка, коюю катаютъ лапшу, тѣсто и бѣлье.

Отворились ворота.
 Улыло сердце у Васильевны (матери невесты)
 Брызнули слезы у Авдотьюшки (невесты);
 Бросила Авдотьюшка золоты ключи,
 На дубовой столъ:
 Батюшка! прибери ключи.
 Я тебѣ не ключница,
 Я тебѣ матушка не ларинница:
 Я ключница буду чужому отцу,
 Я ларинница буду чужой матеръ.

При входѣ поѣзда въ сѣни, поють:

Наступили бояры во новыя сѣни,
 Покачнули сѣни,
 Разломали золотую чару.
 Расплакалась душа Дуняша! —
 Улипла Дуняшу.
 Вся князь, бояры:
 Не плачь, не плачь!
 Ты Дуняша душа.
 Срубимъ сѣни новыя,
 Сольешь чару лучше той. —
 Женихъ твой доброй,
 Человѣкъ рабочій,
 Мы ему поможемъ, —
 Онъ тебѣ дороже всего!
 Онъ тобою хвалится,
 А намъ за то влается.

Когда въ избу войдетъ женихъ, совсѣмъ поѣздомъ,
 тогда поють:

Прилетѣли сизы голуби,
 Прикрыли нову горницу,
 И прихвѣтали.
 Прилетѣлъ съ ними,

Младъ востъ сокола,
 Залетная пташечка!
 Доброй молодецъ
 Садился подъ окошечкомъ,
 На серебряну причелинку (*).
 Онъ будилъ красну дѣвушку,
 Авдотью Степановну.
 Услыхала ея родна матушка,
 Будила ея, побуживала:
 Встань, проснись мое дитятко!
 Привѣчай (**) къ себѣ яснаго сокола,
 Залетнаго добраго молодца, прѣзжаго.
 Ты родная моя матушка!
 Я рада бы его привѣчала,
 Мое сердце не воротится,
 Уста кровью запекаются,
 Глаза слезами заливаются. —

Всѣ входятъ въ избу, дружка привѣтствуетъ вмѣ-
 стѣ съ поѣздомъ: здорово сватушка и сваховька!
 Можете ли вы гораздо?—Они отвѣчаютъ: слава Бо-
 гу! — Дружка, не говоря ни слова, обращается къ
 брату, который сидитъ съ скалкою: что ты другъ
 сидишь здѣсь? Вонъ, вонъ отсюда! — Подружье
 замахивается на него кнутомъ и бьетъ по столу.
 Братъ невѣсты сидитъ и говоритъ: не боюсь! Вотъ!
 (скалка), не дюжа прыгайте, упрыгайтесь. — Потомъ
 дружка начинаетъ говорить ему ласково: намъ на-
 до сажать жениха.—Братъ невѣсты отвѣчаетъ: выпу-
 ки сперва мѣсто.—Дружка спрашиваетъ: сколько ты
 возьмешь? — Золотую гривну да пива рѣшето.—Друж-

(*) *Причелинка*, палочка надъ окошечкомъ. Иногда называ-
 ютъ причелиншею подоконки.

(**) *Привѣчай*, — *приваскай*. —

ко и братъ невѣсты спорятъ, пока не сойдутся въ условіи. Невѣста сидитъ за столомъ, повѣсивши голову, которая бываетъ накрыта краснымъ платкомъ. Когда братъ продастъ ее, тогда онъ поднимаетъ платокъ, прощается и цѣлуетъ ее. На мѣсто его садится женихъ. Дружко кладетъ на столъ хлѣбъ-соль, которую онъ привезъ съ собою. Дѣвушки поютъ :

Щука рыба, мечися!
 Дуняша берегися;
 Хочеть тебя Александрюшка цѣловать:
 Черезъ пуговки золотыя,
 Черезъ петельки шелковыя.
 Ты Дуняша,
 Ему въ обманъ не давайся,
 Къ намъ опять сюда передайся.
 Слышешъ ли, Дуняша?
 Что мы тебя банимъ (говоримъ),
 Во вѣкъ тебя не оставимъ. —

Князю молодому,
 Три перстня на руку.
 Книжницъ молодой,
 Подъ золотымъ вѣнцомъ стояти,
 Законъ Божій приняти.
 Прощай! прощай!
 Дуняша подруженька.
 Мы тебя не увидимъ,
 Голосочку твоего не услышимъ. —

Родные невѣсты приносятъ въ избу полеть, расталяютъ ее среди комнаты; отецъ жениха беретъ икону и хлѣбъ-соль; мать жениха и крестные родители становятся съ нимъ рядомъ, на разостланномъ войло-

кѣ. Молодыхъ выводятъ изъ за стола и ставятъ ихъ на полстѣ противу отца. Они молятся образамъ, кланяются въ поствъ два раза, а за третьимъ надаютъ отцу въ ноги; потомъ прикладываются къ иконѣ и хлѣбу-соли. Такимъ образомъ благословляютъ поочередно. Послѣ благословенія сажаютъ за столъ, только ихъ двоимъ, а всѣ остальные рассаживаются: по лавкамъ и скамейкамъ (*). Дружко произноситъ громко: батюшка и матушка! благословите своего молодого князя и молодую княгиню во путь, во дороженьку, ко Божьей церквѣ, и тамъ принять золотый вѣнецъ.—Родители жениха отвѣчаютъ: Богъ благословитъ и мы благословляемъ. Дружко подходит къ столу, беретъ свой хлѣбъ, отрѣзываетъ отъ него часть; потомъ беретъ хлѣбъ невѣстнѣ, отрѣзываетъ отъ него часть и часть отъ своего хлѣба прикладываетъ къ невѣстаному. Потомъ беретъ изъ своей солонки соль и кладетъ ее въ солонку невѣстину; послѣ перекладываетъ соль изъ невѣстинной солонки въ женихову: это дѣлается для нераздѣльной ихъ любви. Послѣ атаго встаютъ всѣ и престятся. Дружко беретъ за руку жениха, женихъ невѣсту и молятся всѣ Богу, и потомъ выходить изъ избы. Переступая черезъ порогъ, читаютъ съ молодыми молитву: Господи Іисусе Христе, сыно Божій! помилуй насъ. Ее читаютъ громко. — Дружко подводитъ жениха къ повозкѣ невѣстинной, женихъ сажаетъ свою невѣсту въ повозку а потомъ самъ садится въ свою. — Когда усалятся всѣ, дружко беретъ

(*) Лавки ставятся прикрѣпленными вокругъ стѣнъ, а скамейки стоятъ около стѣнъ не прикрѣпленными, или лучше сказать: лавки всегда бываютъ неподвижныя, а скамейки подвижныя, которыя бываютъ большія и маленькія, но лавки всегда всю стѣну.

благословенную икону и провозноситъ грѣшно: послушайте, добрые люди! Кто съ нами, тотъ садись съ нами, а кто не съ нами, тотъ отшатнись (*). Онъ идетъ съ иконою по солнышку, за нимъ идутъ его полдружиа и съ нами онъ обходитъ поѣздъ кругомъ, три раза. Тогда полдружиа садятся на своиа вознамъ и сѣзжаютъ со двора, стрѣляя изъ ружья или пистолетовъ. Дружко ѣдетъ впередъ, и отбѣжавъ сажень двѣсти, оборачиваетъ свою лошада назадъ и отправляется въ домъ невѣсты съ полдружиами; поѣздъ останавливается и дожидаетъ его возвращенія. Войдя въ избу, онъ произноситъ: Господи Исусе Христе, сыне Божій! помилуй насъ. — Родители невѣсты, когда повезутъ ее къ вѣнцу, садятся за столъ на мѣстахъ молодыхъ, чтобы согрѣть ихъ своею любовію и сидятъ на нихъ до прибытія дружки, коему они говорятъ: аминь. — Дружко отвѣчаютъ: спасетъ Богъ за аминь, и потомъ спрашиваетъ ихъ: здорово сватушка и свахонька? — Слава Богу сватушна. (*) Потомъ дружко проситъ ихъ въ гости къ жениху, говоритъ: сватушка и свахонька! пожалуйте къ намъ въ гарны. Они встанутъ изъ за стола и отвѣчаютъ ему: хорошо сватушка, будемъ; приготовляйтесь. — Они прощаются и уѣзжаютъ къ своему поѣзду, который ѣдетъ уже безостановочно къ церкви. Тутъ женихъ снимаетъ невѣсту съ повозки, дружко беретъ жениха за руку, женихъ невѣсту за руку и входитъ въ церковь. Предъ вѣнчаніемъ просятъ священника, дружко и полдружиа: батюшна! одѣлай боже-

(*) Этими разгоняетъ онъ злодари, колдуновъ, которые, по вѣрнію народа, портятъ молодыхъ.

(*) Съ тахъ поръ, какъ выберется дружко, родители жениха и невѣсты называютъ его святомъ и сватушкою, а сваху, свахонькой и свашенкой. —

кую милость! вѣнчай по солнышку—(*). Подъ мого молодыхъ подстилають платокъ бумажный. По совершении вѣнчанія, священникъ заставляетъ молодыхъ нецѣловаться три раза; сваха отведитъ молодую въ церковь къ сторонѣ, и заплетаетъ косу по женскому обычаю. Дружка выводитъ жениха за руку, женихъ невѣсту и сажаетъ ее въ прежнюю повозку; самъ садится въ свою повозку, и всѣ отправляются въ домъ жениха. Когда дружка упрости священника, чтобы еще велъ молодыхъ домой въ вѣнцахъ, тогда священникъ идетъ впередъ, за нимъ новобрачные, за новобрачными всѣ поѣзжаные. По приходѣ въ избу, онъ служитъ молебнѣ; послѣ заводитъ молодыхъ за столъ и самъ садится со всѣми овоими причетомъ, со стороны жениха, сваха со стороны невѣсты. Поѣзжаные между тѣмъ разводять своихъ лошадей по домамъ.

Когда новобрачные отправляются домой безъ вѣнцовъ, тогда выходятъ ихъ встрѣчать родители. Одинъ изъ родственниковъ молодого стоитъ у воротъ, и осмыпаетъ ихъ хмѣлемъ. Иногда родители встрѣчаютъ молодого за воротами, съ хлѣбомъ-солью. Мать его, одѣтая въ выроченную шубу и малахай (*), держитъ въ рукахъ снѣвороду, наполненную хмѣлемъ, и осмыпаетъ

Встрѣча
и о д о
а н хъ и
о к о н ч а
т е л ь н ы й
о б р а дъ.

(*) Это обыкновеніе есть всеобщее между старообрядцами, отъ коихъ позаимствовали живущіе между нами.—Есть еще странный обычай, позаимствованный тоже отъ старообрядцевъ, что многіе изъ крестьянъ не держатъ при домахъ собакъ, думая, кто держитъ ихъ, того домъ оберегается нечистой силой, переселившеюся въ ообаку; а кто не держитъ, того домъ охраняетъ ангель.

(**) Малахай овчинная шапка, съ длинными ушами. Въ выроченную шубу и малахай она одѣвается для того, чтобы невѣста боялась ее, какъ боится люди медвѣдей.

молодую. Другіе вносятъ на рукахъ невѣсту въ избу (*), чтобы она была легка (покорливая) какъ хмѣль.

Въ другихъ мѣстахъ родители встрѣчаютъ молодыхъ съ образомъ и хлѣбомъ-солью, а родственники или сваха, кладетъ въ нихъ овесъ, чтобы родился у нихъ хлѣбъ. Новобрачные, помолившись образамъ, падаютъ три раза въ ноги родителямъ, которые благословляютъ ихъ, а дружка заводятъ потомъ за столъ. Есть еще обыкновеніе. (**) Когда невѣсту вносятъ въ избу, тогда ставятъ ее въ заднемъ углѣ избы и держатъ ее тамъ дотолѣ, пока не обойдутъ всѣхъ гостей съ чаркою вина; потомъ передаютъ ее родственникамъ жениха или свахѣ, которая приводитъ къ разложенному огню въ чуланѣ, и показываетъ молодой, какъ она должна стряпать. Послѣ сажаютъ на лавку, ставятъ на ея ноги горячую сковороду, чтобы извѣдать: не сердитая ли она? Если она перенесетъ жаръ, то означаетъ, что она смиренная и покорная.

Встрѣчаютъ еще иначе. Родители жениха выходятъ на дворъ и становятся у сѣней: отецъ съ образомъ а мать съ хлѣбомъ, и благословляютъ молодыхъ по прежнему порядку. Дружка беретъ молодого за руку, молодой беретъ за руку свою молодую и всѣ входятъ въ избу; войдя въ избу, дружка произноситъ: Господи Иисусе Христе, сыне Божій! помилуй насъ. — Ему отвѣчаютъ: аминь. — Дружка говоритъ: спасетъ Богъ за аминь. Благословите молодого князя и молодую княгиню (завести за столъ. Ему отвѣчаютъ: Богъ благословитъ. — Дружка заводитъ молодыхъ за столъ, а самъ выходитъ изъ за стола, обойдя вокругъ

(*) Это обыкновеніе употребляется преимущественно между Мордвою, въ хвалынскомъ уездѣ.

(**) Употребляемое между Мордвою.

его. — Вскрѣ за этимъ подаютъ обѣдъ, за которыми ничего не ѣдятъ молодые; по окончаніи обѣда отводятъ ихъ въ клѣтъ. Когда молодая увидитъ двери клѣтки, тогда она останавливается и не хочетъ идти. Молодой бьетъ по ея спинѣ плетью, три раза, чтобы она не упрячилась впередъ. Сваха, перелагая молодую, говоритъ новобрачному: волкъ! на тебѣ овцу. — Дружко, притворивши за молодыми дверь, затыкаетъ за поясъ топоръ и вноситъ въ избу ягненка и коровы, кладетъ ихъ въ избѣ на солому, и ставъ на колѣна, разрубиваетъ все это на четыре части. Тутъ молодой даютъ прозваніе по времени года, когда она въичалась, наприм: женщины осенницы, и т. п. (*).

Черезъ нѣсколько времени дружко и сваха ведутъ молодыхъ въ клѣтъ, которая бываетъ заперта; тамъ, на постелѣ молодыхъ, лежатъ супруги, извѣстные по своей согласной жизни, для того, чтобы обогрѣть ее своей любовью. Приведшіе съ новобрачными, стучать въ дверь; находящіеся тамъ отворяютъ и принимаютъ ихъ. Здѣсь подносятъ молодымъ вино, сажаютъ за закрытый столъ, кормятъ и поятъ пивомъ; наконецъ, уложивъ ихъ, запираютъ за ними дверь. Иногда вводятъ молодую прямо въ клѣтъ, въ которой оживаетъ ея молодой, но больше вводятъ молодыхъ вмѣстѣ. По уводѣ новобрачныхъ, угощаютъ въ избѣ поѣзжанъ и гостей горячимъ столомъ (пиромъ). Дружко выходитъ тогда часто изъ за стола, прислушивается подъ дверями: не проснулись ли молодые? Когда проснутся, тогда онъ посылаетъ дитя будить новобрачную, которое говоритъ ей: вставай невѣстка! ребенокъ плачетъ, корова реветъ, овцы блѣютъ, — кор-

(*) Весь этотъ обрядъ въ обыкновеніи между Морзюю.

ну у нихъ нѣтъ.—Потомъ дружно и сваха, поднявъ новобрачныхъ, вводятъ въ избу.—Иногда дружно, вбѣжавъ въ избу, схватываетъ горшокъ и бьетъ его объ землю,—въ знакъ непорочности молодой. Тогда гости, соскакиваютъ съ мѣстъ и начинаютъ бить отъ радости, что имъ попадется, и кричать такъ же отъ радости. Этимъ воздается честь молодымъ и роднымъ жениха. Введенные молодые, падаютъ сначала родителями въ ноги, а послѣ вѣлаются съ ними. Дружно и посаженные родители, или полдрузья, двое изъ родственниковъ и сваха, отправляются къ родителямъ молодой. Входя въ избу, они всѣ говорятъ: здорово сватушка и сваконька! Можете ль вы здорово? — Тѣ отвѣчаютъ: слава Богу! сватушка. Садитесь, милости просимъ; садитесь у насъ, родные. — Они садятся, ихъ угощаютъ, приговаривая: покушайте сватушки, покушайте гостинички дорожге. Между тѣмъ пришедшіе начинаютъ бить горшки, — этимъ воздается честь родителямъ, которые отъ радости сами увеличиваютъ битье. Угощенные ими, благодарятъ за хлѣбъ соль. — Дружно говорить: сватушка! милости просимъ съ своими родными на пиръ, на веселье, къ намъ въ гарны. — Они отвѣчаютъ: короче сватушка, будемъ, готовьтесь вы, а мы придемъ. Въ то время отецъ невѣсты посылаетъ собирать своихъ родныхъ. Когда сойдутся всѣ, тогда садятся за столъ; имъ подносятъ по чарки вина; послѣ они берутъ шанки, встаютъ и вновь садятся; тутъ крестятся, вѣтомъ встаютъ, молятся и всѣ идутъ въ домъ свата, т. е: отца молодого. Дорогой поютъ голосовыя пѣсни (*), какия придутъ на умъ. При входѣ ихъ на дворъ, встрѣчаютъ

(*) Голосовыя пѣсни помѣщены въ концѣ этой свадьбы.

гостей гарныхъ, родные и молодые.—На столѣхъ давно уже закуски, пиво и водка. Гарные, входя въ пѣбу, здоровываются и цѣлуются, говоря: здорово сватушка! Какъ можете? живете ли здоровы?— Имъ отвѣчаютъ: слава Богу! сватушка, здоровы и живы, пока Господь терпитъ по грѣхамъ нашимъ, и вашими святыми молитвами. Садитесь-ка у насъ, сватушки.— Кореннаго свата, (отца невѣсты) сажаютъ на первомъ мѣстѣ, подлѣ него сваху, возлѣ ихъ крестныхъ родителей невѣсты. Когда всѣ усадутся, тогда дружка распорядается на переднемъ столѣ, а полдружка на заднемъ. Дружка наливаютъ стаканъ вина и подносятъ прежде всѣхъ молодымъ, конхъ заставляютъ *почеманиться* (почоуаться). Они исполняютъ общее требованіе, кланяются гостямъ и выпиваютъ. Послѣ ихъ дружка поднесетъ родителямъ жениха и невѣсты, а потомъ всѣмъ гостямъ. Каждый изъ нихъ встанетъ съ мѣста и поздравляетъ молодыхъ съ бракосочетаніемъ, произнеся: *здравствуйте* съ законнымъ бракомъ! Дай Богъ вамъ жить во здравіи и во спасеніи многая лѣта!—По выпитіи за здоровье новобрачныхъ, молодые уходятъ въ свою комнату. Тогда начинается попойка и пьютъ до того, что всѣмъ море по колено. Тутъ возобновляютъ за здравное питье, сначала за здравое молодыхъ, потомъ сватовъ, свахъ, родственниковъ и наконецъ за каждого изъ гостей. Начиная пить, провозглашаютъ: *здравствуй* сватушка и свахонька! Дай намъ Господи жить, да хлѣбъ-соль водить.—На такое привѣтствіе отвѣчаютъ: извольте кушать во славу Божию.—Дружка дотолѣ не принимаетъ стакана, пока каждый не выпьетъ до суха, и въ доказательство, что не осталось ни одной капли, всякой долженъ покатыть стаканъ по столу. Во время здравствованій стращухи собираютъ на столѣ. Онѣ раставляютъ посуду, кладутъ ложки и хлѣбъ.

Дружка кронтъ хлѣбъ и когда разложить куски
всѣмъ гостямъ, тогда онъ кричитъ на стряпухъ : стря-
пушки — поварушки ! что есть въ печи, на столъ ме-
чи ; чего нѣтъ, побожись ! — Стряпухи начинаютъ
немедленно подавать кушанья, которыя зависятъ отъ
состоянія, но побольшей части подаютъ слѣдующія,
въ этомъ порядкѣ : 1. холодное съ бараниной, 2. щи
съ говядиной, 3. лапшу со свиной, 4. похлѣбку съ
курицей, 5. *пашкетъ* (*), 6. часть баранины жареной,
7. часть свиной жареной, 8. лапшенникъ, 9. пше-
никъ, 10. *пышашникъ* (**) 11. изъ жаркихъ: поросенокъ,
12. индѣйка, 13. утка 14, гусь ; потомъ ставятъ сви-
ную голову, которую *обряжаютъ* (***) красными лев-
тамя. Обряженую голову ставятъ на одномъ перед-
немъ столѣ, а на прочихъ безъ украшеній. Въ концѣ
всѣхъ кушаньевъ подаютъ курникъ (****); этимъ окан-
чивается гарный столъ. При перемѣнѣ каждаго ку-
шанья, дружка кричитъ : стряпушка — поварушка!
желелись, не лѣнись, поварачивайся ! что есть въ пе-
чи, на столъ мечи ; чего нѣтъ, побожись. — При пода-
ваніи головы, дружка произноситъ : ну-ка сватушка,
вышьемъ по чаркѣ винца, для свиного рыльца. — Онъ
наливаетъ каждому по стакану водки и разоснѣтъ.
Мать молодого, выходя къ гостямъ во время обѣда,
приговариваетъ : кушайте сватушка ! кушайте сва-
хонька ! Покушайте мои родимые ! — Ей отвѣчаютъ :

(*) *Пашкетъ*, — паштетъ. Онъ дѣлается съ подливкой, изъ рода
соуса.

(**) *Пышашникъ*, — папошникъ.

(***) *Обряжаютъ* наряжаютъ, украшаютъ.

(****) Курникъ, пирогъ, начиненный яйцами и потрохами
изъ курицы и другихъ птицъ. По причинѣ обыкновенія на-
чинять этотъ пирогъ курицею, онъ получилъ названіе курника.

всѣма довольны свахонька, вашигъ хлѣбомъ-солью. При подаванні курника, всѣ поднимаются изъ за стола; молится Богу и благодаритъ : спасибо сватушка и свахонька : за хлѣбъ, за соль, и за ваше угощеніе. Они отвѣчаютъ : *лѣнѣ укланялись* (*), и *какова хлѣбъ-соль не лучилась, не судите*. — Тутъ дружко спрашиваетъ у отца молодого : пора ли кланяться молодымъ ? и получивъ въ отвѣтъ : пора, онъ идетъ къ нимъ и объявляетъ : ну молодые ! соберитесь кланиться гостямъ въ ноги. Они выходятъ вмѣстѣ съ дружкой, который, поставивъ рюмку на блюдо, подводитъ ихъ, прежде всѣхъ, къ отцу молодой, и проноситъ : батюшка ! проситъ васъ новобрачный князь и молодая княгиня : рюмку пріймите а блюдечко осеребрите, не рублемъ, не подганой, а одной золотой гривной. Помощи по силѣ, рубляка съ четыре. Они люди то на новѣ, имъ деньги надобны : на мыльца, на шильца, на бѣлилы и румяны, и на банные вѣшечки. — Молодые лежатъ у ногъ его дотѣхъ поръ, пока онъ не выпьетъ. Тогда встаютъ, цѣлуютъ отца, а дружко спрашиваетъ : ну, чѣмъ подарить молодыхъ ? Отецъ отвѣчаетъ : даю овцу, или телушку. Потомъ дружко подводитъ къ матерѣ молодой, тамъ къ родителямъ молодого, послѣ къ всѣмъ роднымъ и гостямъ, арчитая каждому прежде и спрашивая, чѣмъ кто подарить. Если кто хочетъ поломаться надъ новобрачными, то, взявши рюмку водки, говорить : горько ! — Молодые должны встать, поцѣловаться и опять упасть въ ноги. Она лежатъ у ногъ каждого, и каждый мо-

(*) *Лѣнѣ укланялись*, т. е. прося гостей ѣсть и пить, они устали; кланяясь. — Русское гостепрѣимство, сопровождаемое неотступными пресѣбами и поклонами. —

жетъ говорить горько, сильно захочетъ. Молодые должны всякій разъ встать, поцѣловаться и опять упасть въ ноги. Когда дойдетъ очередь до брата молодого, тогда онъ, взявъ рюмку, морщится и несетъ: ой горько! ой горько! Молодые встаютъ, цѣлуются и опять падаютъ въ ноги. Въ то время начинаетъ онъ рассказывать, какъ онъ ѣздилъ сватать за молодою, какъ было тогда морозно, сколько онъ перенесъ опасностей, однимъ словомъ: рассказываетъ столько, сколько душѣ его угодно. Кончивъ рассказъ, молодые встаютъ и цѣлуются. Дружка спрашиваетъ: чѣмъ же ты подарить молодыхъ? — Онъ отвѣчаетъ: полѣномъ дровъ, — вытаскиваетъ изъ подъ лавки, кладетъ на блюдо и приговариваетъ: вотъ тебѣ молодая, полѣно! истопи утра баню и вымой своего мужа. — Жена мужа, положившаго полѣно, кладетъ вѣнчикъ, произнося: вотъ тебѣ молодая вѣнчикъ! истопи утра баню и выпарь своего мужа. — Поклоны продолжаютъ почти до разсвѣта. По окончаніи ихъ всѣ поднимаются домой и благодарятъ: спасибо сватушка и свахонька! за хлѣбъ, за соль и за ваше угощеніе. — Имъ отвѣчаютъ: не прогнѣвайтесь сватушка и свахонька! какова хлѣбъ-соль не случилась. Между тѣмъ родители молодой, приглашаютъ къ себѣ своихъ сватовъ на завтра, говоря: приходите утра къ намъ на похмѣлье (*).

(* Въ нѣкихъ мѣстахъ дружка разноситъ свернутые на блюде подарки, отъ имени новобрачныхъ, а полдружье разноситъ сыръ и коровай, (нѣрѣзанный въ куски курникъ); посаженный отецъ молодой, держитъ въ рукахъ стаканъ, налитый виномъ. Полдружье и отецъ посаженный, подчиваютъ гостей; но дружно, вызывая каждого по имени, причитаетъ: во геръница во светлой, въ бесѣла во честной. Кто ест, Мамъ Лу-

Родители молодого, собирая на другой день своих родственников, ставят на столъ закуску и похмѣляются; потомъ всѣ отправляются къ родителям молодой, на званное похмѣлье. По приходѣ сюда, теща встрѣчаетъ своего зятя ласково. Новобрачные сначала здоровываются, а послѣ цѣлуются съ своими родителями; теща угощаетъ зятя, болѣе прочихъ гостей, пивомъ и виномъ. У ней уже напечены блины и приготовлена яичница; этимъ она подчиваетъ всѣхъ гостей, но зятя преимущественнѣе и называетъ его по имени и отчеству, подкладываетъ ложечку, приноситъ горячіе блины, яичницу и проситъ его неотступно: кушай, кушай. — Водку наливаетъ безпрерывно, и когда развеселятся всѣ, тогда запѣваютъ похвальную пѣсню молодымъ, а укоризненную тестю и свахѣ.

Молодымъ :

Какъ за тыномъ, за дубовымъ,
Я рывчушку перепружу,
За высокими виноградомъ перейму.

кичь? Изволь повыступить, княжева челобитья повыслушать. Бьетъ челомъ князь со княгинею, сыромъ и короваемъ. Сыръ, коровай пріймите, а золотую гривну положите. Наше дѣло на новъ, много надобно: на шильце, на мыльце, на красны веретенцы. Надо намъ коня купить, воду возить; вода-то хоть и близко, да ходить-то склизко.—Вызванный беретъ стаканъ съ виномъ, пьетъ съ разстановкой и говоритъ: горько!—Молодые должны поцѣловаться, и падая въ ноги, просить, чтобы выкушалъ. Гость долго ломается надъ молодымъ и повторяетъ горько.—Когда онъ опорожнитъ стаканъ, тогда беретъ съ блюда подарокъ, утирается имъ и кладетъ несколько денегъ а молодые целуются.—Вечеромъ приходятъ родители молодой съ своими родными, къ новымъ своимъ сватамъ, которые принимаютъ ихъ съ распростертыми объятіями и угощаютъ.

Загоно я, загоно, сизаго орла.
 Сизой орель, свѣтъ Александрушка,
 Свѣтъ Яковлевичъ.
 Какъ и сизая орлинушка,
 Свѣтъ Дунашницюшка,
 Молода его хозяйюшка.
 Имъ всѣ людк дивовалися :
 То-то пара, то-то пара сотачалася! (*)
 Въ Божьей церквѣ совѣчалася,
 Золотымъ перстнемъ перемѣнялася.

Тестю :

Звѣрекъ сердить у насъ тестюшка :
 Журить, бранить тещенку,
 Молоду свою хозяйюшку.
 Ты не роскошно живи,
 Гостей къ себѣ не води ;
 Меньше того своего зятя.
 Какъ и зять любить ухоть :
 Простой водки онъ не хочеть, —
 Тесть на тещу, плетью дровичь....

Снохъ.

Наша хозяйюшка да уродливая,
 Да уродливая, совсѣмъ не догадливая.
 Три дни избу не топила,
 Полну сору накопила.
 Всю недѣлю не мела,
 Подъ лавочки наклада.

(*) Сотачаться говорится о парныхъ гусяхъ или лебедяхъ, неразлучающихся другъ отъ друга.

Подъ лавочки наклала
 Подъ красны окошечки, —
 Не пойдеть въ лукошечки.
 Пріѣхали гости, вынесли по горсти. —
 Одна гостыя дорогая,
 Она плакала, рыдала,
 Всему городу рассказала.
 Пойду, схожу къ батюшкѣ,
 Попрошу лошадушки,
 Сору повозити.
 Ахъ невѣстухка, голубушка!
 У насъ такъ не водится,
 Соръ возомъ не возится;
 У насъ такъ ведется,
 Взничкомъ метется.
 А сорока за порогъ,
 И взничекъ подъ порогъ. —
 Я сору отвезу,
 Къ подруженькѣ схожу.
 Сядемъ покататься,
 Съ милымъ повидаться.
 Мой миленькой ѣдетъ,
 На ворономъ конѣ,
 Въ бѣломъ балахонѣ.
 Ты любезная моя!
 Не гнѣвайся на меня,
 Что вечеръ не былъ у тебя.
 Ужъ я былъ, побывалъ,
 Въ новомъ городѣ гулялъ,
 Подарочки закупалъ.
 Мнѣ не дороги твои подарки,
 Дорога твоя любовь.
 Любовь мука жестокая!
 Живу съ милымъ далеко. —
 Мнѣ работухка трудна,
 Отъ того я ибу не мела.

Повеселившись довольно, поднимаются домой; за угощение благодарятъ и просятъ сватовъ къ себѣ. Молодой остается на нѣсколько времени, потомъ обращается къ своему тестю и своей тещѣ, проситъ ихъ: батюшка и матушка приказали намъ просить васъ на похмѣлье.—Они отвѣчаютъ ему: хорошо, приѣдемъ; будьте готовы.—Нѣтъ, батюшка и матушка приказали намъ не ходить безъ васъ; собирайтесь съ нами. — Тогда отправляются всѣ вмѣстѣ. Родители молодыхъ встрѣчаютъ своихъ сватовъ, вмѣстѣ съ гостями: милости просимъ сватушка и свахонька, просимъ садиться у насъ. Они садятся за столъ, ихъ угощаютъ брагою, пивомъ и водкою. Потомъ стряпухи начинаютъ набирать обѣдъ, а дружка кричитъ на нихъ: ну-ка стряпушки-поварушки! шевелитесь, не дѣнитесь, поварачивайтесь. Что есть въ печи на столъ мечи, а чего нѣтъ, побожись. Это повторяетъ онъ при каждой перемѣнѣ. По окончаніи обѣда подчиваютъ снова брагою и водкою, а дружку и полдружье начинаютъ дарить новобрачные. Во то время молодые падаютъ дружкѣ въ ноги, а отецъ молодыхъ благодаритъ его за всѣ труды, называя по отечеству: спасибо, что ты управляя за насъ, былъ полнымъ хозяиномъ, не доводилъ насъ ни до какихъ хлопотъ и соблюдалъ нашихъ дѣтей. Тутъ дарятъ его платкомъ или чѣмъ другимъ и подносятъ ему стаканъ водки. Когда онъ станетъ пить, тогда отецъ останавливаетъ его, а молодые должны лежать у ногъ дружки, какъ бы долго не разговаривалъ съ нимъ отецъ. — Остановивъ пить, онъ говоритъ ему: погоди-ка пить, мы поговоримъ съ тобою. Дружка замѣчаетъ ему: новобрачнымъ-то лежать долго. Ну полежать, отвѣчаетъ онъ, ты больше хлопоталъ объ нихъ. — Это значитъ, что дружкой довольны и ему честь. — Потомъ такимъ

же порядкомъ дарятъ полдрузьявъ. По обдареніи ихъ, они садятся за столъ на первомъ мѣстѣ. Молодой подноситъ стаканъ водки дружкѣ, который, начиная пить, произноситъ: охъ, какое вино-то горькое!—Новобрачные цѣлуются передъ нимъ, просятъ низкими поклонами, чтобы онъ выпилъ. Тогда молодой обноситъ водкою полдрузьявъ, которые такъ же поступаютъ; послѣ нихъ онъ обноситъ родственниковъ и всѣхъ гостей. При подчиваніи поютъ голосовыя пѣсни, какія вздумаютъ (*). Спѣвши нѣсколько пѣсень, встаютъ изъ за стола, благодарятъ за угощеніе а родители молодой говорятъ: спасибо сватушка и свахонька, за хлѣбъ, за соль и за ваше угощеніе. Милости просимъ жаловать всегда къ намъ въ гости. — Имъ отвѣчаютъ: мы ваши гости теперича. Коли породнились, то уже будемъ ходить другъ къ дружкѣ.—Если сваты не богаты, то однимъ гарнымъ столомъ оканчивается свадьба; если богатые, то пируютъ нѣсколько дней. На другой же день отправляются новобрачные собирать подарки, обѣшанные при поклонахъ въ гарныхъ.

Есть еще обыкновение, что новобрачную учатъ носить воду, потому на другой день свадьбы приходитъ сваха молодого, въ домъ его, чтобы поучить молодую. Одна изъ родственницъ молодой, несетъ за нею ведра; по приходѣ на рѣку, родственница бросаетъ въ воду перстень, для того, чтобы никто не могъ испортить молодую; за тѣмъ набираютъ воду въ ведра и даютъ несть молодой, въ ея домъ. — Сваха скачетъ и пляшетъ дорогою, въ знакъ того, что новобрачная была

(*). Голосовыя пѣсни помѣщены въ концѣ этой свадьбы.

прежде приучена къ хозяйству, и что молодая честная
Сваха часто распѣваетъ укоризну на счетъ женъ :

По улицъ новой,
Идетъ Кирюшка молодой,
Вздаль, впередъ шируетъ (осматривается),
И идетъ. —

Среди окошечка равняется:
Дома ли матушка?
Дома ли сударушка? —
Нѣту никого —

Ни тетушки, ни дядюшки,
Поглядай Киря въ окно.

Киря ручку протянулъ,
Иванъ плетью стеганулъ :
Что сударь за дворянинъ,
По ночамъ гуляешь одинъ?
Не дворянской сударь чести,
По окошкамъ сударь лѣзти.
А Кирюшка испугался,
По карманамъ забросался ;
Рублевички вынималъ,
Солдатушекъ обдѣлалъ ;
Пріймите братцы, рубль,
Помилуйте какъ нибудь ;
Пріймите-ка другой,
И меня туда съ собой. —

Толосовыя пѣсни

УПОТРЕБЛЯЕМЫЯ ПРИ СВАДЬБАХЪ ВЪ САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ.

Жители здѣшней страны составлены изъ переселенцевъ разныхъ мѣстъ Россіи, потому они носятъ на себѣ отпечатокъ того края, откуда перешли. Самыя пѣсни ихъ выражаютъ повсюду смѣсь великороссійскихъ, и въ подтвержденіе этаго представляются здѣсь онѣ въ такомъ видѣ, какъ уже переиначены и принаровлены ими къ новой ихъ осѣлости. — Многія изъ этихъ пѣсень поются не на однѣхъ свадьбахъ, но во всякое время, когда кому вздумается.

Подуй, подуй погодушка,
Низовенькая,
Раздуй, раздуй погодушка,
Калиновой кустъ ;
Калинушка со малинушкой,
Лазоревый цвѣтъ.
Веселое гулянье
Гдѣ мой милый,
Дружекъ живетъ.
Онъ пить не пьетъ,
Голубчикъ мой,
За мной молодой илетъ. —
А я млада младшенька,
Замычалася.
За утками, за гусями
За лебедями ;
За вольной за пташечкой,

За журинькою.
 Журавлюшка по березку похаживаетъ,
 Ковыль травку-шелковую
 Пенцииваетъ.
 За рвченьку за быструю,
 Поглядываетъ.
 За рвченькой за быструю,
 Слободка стоитъ ;
 Слободушка не малая,
 Четыре двора,
 Во твѣхъ ли то во дворикахъ,
 Четыре двора.
 Вы кумушки, голубушки!
 Кумитесь, любитесь,
 Любите меня.
 Вы пойдете въ садокъ гулять,
 Возьмите и меня,
 Вы станете вьвочки вить,
 Совеите и мнѣ.
 Да всѣ дружки,
 Съ Москвы пришли,
 А мой не бывалъ ;
 Да всѣ дружки,
 Гостицы шлютъ,
 А мой ничего.

По лужечку я двзвужка гуляла,
 Злы кореня конала.
 Накопавши злыхъ корней,
 Бѣлехонько вымыла.
 Ужъ я вымывши злы кореня,
 Сладкимъ медомъ сподоблю.
 Сподобивши сладкимъ медомъ,
 Дружка въ гости позову.
 Я зазванни дружка малаго въ гости,

Стаканъ меду ему поднесу.
 Поднесши стаканъ меду,
 Я раздушеньку спрошу:
 Ты раздушенка шилеиной,
 Что на сердце есть у тебя?
 У меня ли на сердечкѣ,
 Тяжелъ камешекъ лежитъ.
 Ты съумѣла злодѣйка,
 Чѣмъ поить, кормить меня.
 Ты съумѣй-ка, разбойница!
 Мое тѣло схоронить.
 Не клади ты, мое тѣло,
 На постояломъ дворѣ.
 Положи ты, мое тѣло,
 Промежъ трехъ большихъ дорогъ:
 Промежъ питерской-московской,
 Петербурской широкой.
 Ты на правую сторонушку,
 Поставь коня моего;
 А по лѣвую сторонку,
 Положи остру саблю со коньскъ,
 Со строевымъ моимъ ружьемъ.
 Въ головахъ ты постави,
 Черный киверъ со перомъ;
 Чернальницу со перомъ
 И листъ бумаги гербовой. —

Не ясенъ соколъ взвился высоко,
 Соколъ, соколъ, взвился высоко.
 Бѣлая лебедушка по выше его,
 Его, его, повыше его.
 Соколикъ лебедушку сталъ выспрашивать,
 Ивать, ивать, сталъ выспрашивать.
 Скажи-ка, лебедушка, скажи гдѣ была?
 Была, была, скажи гдѣ была?

Была я лебедушка на синемъ морь,
 Морь, морь, на синемъ морь.
 Что тамъ лебедушка, что видѣла ?
 Дила, дила, что видѣла ?
 Видѣла я лебедушка на морь корабль,
 Корабль, корабль, на морь корабль,
 На этомъ корабличкѣ муравъ чердачекъ,
 Чердакъ, чердакъ, муравъ чердачекъ —
 На этомъ чердачекѣ горинка стоитъ,
 Стоитъ, стоитъ, горинка стоитъ.
 Въ этой во горенкѣ вдовонька живеть,
 Живеть, живеть, вдовонька живеть.
 У этой у вдовоньки, дочка хороша,
 Хороша ли, хороша, Аннушка душа.
 Сидѣла же Аннушка подъ краснымъ окномъ
 Окномъ, окномъ, подъ краснымъ окномъ.
 Глядѣла же Аннушка на сине море,
 Море, море, на сине море.
 По синему моречку шляпонька плыветь,
 Плыветь, плыветь, шляпонька плыветь,
 Поймайте шляпоньку, вѣрныя слуги,
 Принесите эту шляпоньку Аннушкѣ душъ,
 Душъ, душъ, Аннушкѣ душъ.
 Залилася Аннушка горькими слезами :
 Знать моего милаго дружка въ живи нѣтъ.
 Нѣту, нѣту, дружка въ живи нѣтъ.
 Сронишь со кудрей шляпоньку а самъ потонулъ,
 Потонулъ же, потонулъ, а самъ потонулъ.
 Собралася Аннушка во зеленъ садъ гулять,
 Во саду поють пташечки веселенько,
 Весело весело, поють веселенько.
 Не пойте соловушки громко во саду,
 Не давайте зазолушки сердцу моему ! (*)
 Моему, моему, сердцу моему.

(*) Зазолушка, низолушка, — ирчулушка.

Да и такъ грустисенько сердцу моему:
 Лишилася милаго дружка навсегда!
 Навсегда ли, навсегда, дружка навсегда.

Я вечеръ то молодецъ,
 Позднихонько загулялся;
 Позднихонько загулялся
 У чужихъ то я у воротъ,
 У воротушекъ застоялся,
 У воротъ застоялся.
 Я не одинъ то стоялъ,
 Со прежней своей сударушкой,
 Со прежней сударкой.
 Сударушка моя,
 Давно со мной не видалася,
 Давно не видалася.
 На шеюшку она,
 На шеюшку мнѣ бросалась,
 На шеюшку бросалась.
 Не ходи-ка ты миленькой,
 Вдоль по улицъ поздно,
 Вдоль по улицъ поздно.
 Не носи-ка ты, дружечикъ, подарочковъ,
 Не носи дружокъ, не траться,
 Не носи, не траться.
 Я и такъ тебя, миленькой,
 И такъ тебя любить стану,
 И такъ тебя любить стану.
 Я и въ свѣтъ же отъ тебя,
 Голубчикъ мой не отстану,
 Да я не отстану. —
 Вотъ хотять тебя, дружечекъ,
 Хотять тебя поймати,
 Хотять поймати.
 Вотъ кудерюшки твои русы,

Хотят дружекъ оборвати,
 Хотят оборвати.
 По черной-та по грязь
 Хотят кудри разбросати,
 Хотят разбросати.
 Во желваушки хотять
 Во желвзы хотять сковати,
 Во желвзы сковати.
 Во солдатушки хотять тебя,
 Во солдаты отдать,
 Во солдаты отдать. —

Король молодой собрался,
 Королюшка во нину землю.
 Покинулъ королюшекъ молодую жену,
 Какъ горькую кукушечку,
 Въ темнымъ лѣсу;
 Какъ горькую колынушку,
 Въ чистомъ полѣ.
 Подъехалъ королюшка къ крутой горѣ,
 Пристигла же здѣсь королюшку,
 Здѣсь темная ночь.
 Раскинулъ же королюшка,
 Бѣлъ тонкой шатеръ.
 Лажился королюшка,
 Внизъ быльнѣ ланемъ.
 Привидѣлся королюшкѣ,
 Чуденъ, страшенъ сонъ:
 Изъ правой его ручешки,
 Ясенъ соколъ вылеталъ;
 Изъ леваго изъ блага,
 Свѣра утушка. —
 Знать моя хозяйюшка,
 Сынка родила и сама померла;
 Знать мнѣ королюшкѣ,

Веротиться назадъ.
 Подъезжалъ королюшка,
 Къ широкому двору.
 Шарени веротички растворенны,
 Косящеты окошечки все повскртыя.
 Коней шестерочка заложенная
 Все кучера и фореиторы,
 Приневеселы !
 Свинны девушки все наряжены :
 Во черныхъ во платьицахъ,
 Во печальныхъ !
 Знать моя хозяйюшка,
 Впереди лежать,
 Подъ черной таетой. —
 Взоселъ королюшка,
 Въ нову горюнку,
 Восплакнулся королюшка,
 Горючими слезами.
 А девушки служанушки,
 Разговариваютъ :
 Не плачь, не плачь, королюшка,
 Не веротинь ее назадъ! —

Отъ чего мое сердце страдаетъ ?
 Отъ чего пылаеть въ лицѣ кровь ?
 Кровь пылаеть, сердце мое разжигаетъ
 Пренная мука, со мильми любовь !
 Ты любовь, моя злодѣйка,
 Любовь воле всю отняла,
 Нагуляться съ дружкой не дала.
 Гуляй, гуляй, красная девушка !
 Поколь волюшка своя,
 Не покрыта буйна голова.
 Накроютъ буйную головушку.
 Минуется вся волюшка, гуляба,

Вся дѣвичья красота.
 Никто дѣвушку гулять не уйметъ,
 Никто ее не смѣетъ удержатъ.
 Какъ ни батюшка, ни матушка ея,
 И ни братья, ни сестрицы,
 И ни морозы, ни вьюги,
 И ни осенніе сильныя дожди.
 Только уйметъ ее, остановить :
 Какъ прійдетъ матушка, красная весна.
 Разольется вся полая вода,
 Всѣ потопитъ зеленые луга.

Вспомни, вспомни, миленькой,
 Во дорожкѣ, во пути.
 Аль ты не думаешь,
 Дружокъ обо мнѣ?
 А я по тебѣ,
 Мой миленькой
 Сокрушаюся,
 Горючими слезами,
 Заливаюся.
 Наполнила слезами,
 Долины, луга ;
 И всѣхъ быстрыхъ рѣчекъ,
 Круты берега;
 Тяжелымъ воздыханьемъ,
 Склонила лѣса;
 Всѣ лѣса прекрасныя,
 Склонились ко мнѣ. —
 Шелковая травонька,
 Слетаетъ мой слѣдъ. —
 Злодѣи грезятся,
 Съ дружкой разлучить ;
 Мы будемъ стараться,
 Враговъ побѣдить;

Победивши враговъ,
 Въ любви со дружкой
 Будемъ жить.
 Но этой любви,
 Бываетъ конецъ ;
 А мнѣ красной дѣвужкѣ,
 Знать счастію ввнецъ. —
 Знать счастію ввнецъ. —
 Знать тебѣ,
 Мой размиленъдой,
 Во солдатахъ быть ;
 А мнѣ красной дѣвужкѣ,
 Во чужихъ людяхъ служить,
 Во чужихъ людяхъ, добрыхъ,
 На чужой сторонѣ.
 Отдалъ меня батюшка
 За Донъ за рѣку,
 Приказалъ мнѣ батюшка,
 Семь лѣтъ въ гости не бывать.
 Не буду я къ батюшкѣ,
 Ровнехонько десять лѣтъ.
 На одиннадцатомъ годочкѣ,
 Вольной пташкой прилечу,
 Пташечкой, кукушечкой.
 Сяду я у батюшки,
 Во зеленомъ саду ;
 Печалию, кручинной,
 Весь садъ я подсушу.
 Горючкии слезами,
 Весь зеленой потоплю.
 Родимой своей матушкѣ,
 Спокою не дамъ.
 Родимая матушка,
 Раненько встаетъ ;
 По новымъ по свѣчкѣмъ,
 Похаживаетъ.
 Любимыхъ невестушекъ, .

Побуживасть :
 Вставайте невестушки!
 Что за пташка,
 У насъ во саду?
 Отколь эта пташечка?
 Не мое ли дитятко,
 Изъ чужой дальней стороны?

Что на свѣтъ за мука,
 Наша любовь!
 Ты покидаешь,
 Ты оставляешь,
 Несчастную меня! —
 Я вечеръ во слезахъ заснула,
 Дружка видѣла во снѣ;
 Лишь проснулась, взокнула,
 Закинула кровь во мнѣ. —
 Говорила я милому,
 Любезному своему :
 Взойди милой въ мою спальню,
 Посмотри на мой портретъ.
 Если я тебя не по праву
 Сошла меня въ мою сторону.
 Возьми въ руки пистолетикъ
 Заряди легкой зарядъ,
 Разстрѣли мою грудь. —
 Я твѣ буду довольна, —
 Сократишь ты жизнь мою.
 И я навѣки засну,
 Отъ любви жестокой моею. —
 Какъ поведешь, миленьной, жениться,
 Завязай на гробъ проститься,
 И несчастную помани :
 Меня горькую несчастную,
 Какъ любила я тебя.

Вечерь-то доброй молодець,
 У Любушки былъ,
 У Любушки, у судерушки подъ окошечкомъ.
 Говорила мнѣ Любушка,
 Не радостную вѣсть,
 Не радостну, со печальную.
 Печальную вѣсточку :
 Отстать-то мнѣ велать!
 Отстань-ка ты, мненькой
 Отстань отъ меча!
 Вспомни ты, моя Любушка
 Про прежнюю любовь.
 Какъ мы съ тобою, Любушка,
 Собыкался.
 Собыкальце было съ мненькинь,
 Во темнымъ лесу,
 Какъ во темнымъ во лесниъ,
 Подъ березою,
 А разстаньце было, съ Любушкой, подъ осиною.
 Какъ подъ белою березою,
 Трава выростала ;
 Трава выростала мелкая
 Трава шелковая.
 Какъ подъ горькою осиною,
 Трава не растеть,
 И цвѣточки не цвѣтуть.
 Какъ подъ белою березою,
 Трава выростала
 Выростала трава мелкая,
 Трава шелковая.
 Какъ по этой по травеньиъ
 Цвѣли цвѣтики,
 Голубые цвѣты, все лазоревые.
 Какъ на эхихъ на цвѣтикахъ,
 Кукушка сидитъ ;
 Сидитъ горькая кукушечка,
 Жалобно постъ ;

Моему сердцу ретивому
 Назолье дастъ,
 Назола, назолушка, грусть великая!

Что ты Маша приуныла,
 Воздохнула тяжело?
 Воздохнула, вспомянула
 Любезнаго своего!
 Я въ любезнаго влюбилась,
 На злодеевъ не гляжу.
 Вы злодѣи, лиходеи,
 Вы злымучители мои!
 Жила съ миленькимъ полгода,
 А за батюшкой двадцать лѣтъ.
 Не видала мученья такого,
 Какъ по разлукѣ съ удалцемъ. —
 Взвейся, взвейся сизъ голубчикъ,
 Прилети туда ко мнѣ.
 Сядь-ка, сядь-ка раздушенька,
 На мое право плечо.
 Погляди-ка раздушенька,
 На мое бѣло лицо.
 Мое личко круглолицко,
 Завсегда какъ огонь горитъ.
 Мой миленькой
 Завсегда журить, бранить.
 Не жури, не брани,
 Раскрой груди бѣлая!
 Ты раскрой груди мои,
 Посмотри сердце мое:
 Мое сердце все изныло
 По тебѣ, любезной мой!

Не шумъ-то шумитъ, не громъ-то гремитъ,
 Молодой-то Турчанинъ
 Во походъ пошелъ.
 Во походъ-то пошелъ,
 Во нѣ землю, во не русскую,
 Во не русскую, во французскую.
 Онъ забралъ-та, забралъ,
 Силы множества ;
 Онъ побольше того,
 Все во плѣнъ беретъ.
 Города онъ беретъ,
 По себѣ дѣлать :
 Кому золото, кому серебро,
 Кому платье разноцвѣтное.
 Дѣставалась зятю тещенька !
 Заставилъ зять тещу
 Три дѣла дѣлать :
 Первое ей дѣло, — гусей пасти ;
 Другое дѣлице, — постелю стлать ;
 Третье дѣлице — дитя качать.
 Ты качу, ты баю, дитя милое,
 Дитя милое, сынъ Турчаночокъ.

Цѣли въ полѣ цвѣточки,
 Цѣли да повали ;
 Любилъ парень дѣвушку,
 Любилъ да покинулъ ;
 Послѣ надъ красной дѣвушкой,
 Послѣ насмѣлся.
 Въ хороводъ мой миленькой,
 При большемъ народѣ,
 Снялъ съ красной дѣвушки,
 Шалевой платочекъ ;
 Съ бывой шеюшки,
 Жемчужной борочекъ. —

Какъ по городу по Саратову,
 Дѣвушка гуляла ;
 Гербовой она листъ
 Бумаженьки закупала.
 Молодого-то она писари
 Къ себѣ въ гости зазывала,
 На мила дружка, любезнаго,
 Просьбу составляла.
 Молодому она губернатору,
 Просьбу подавала :
 Ужь ты батюшка, губернаторъ!
 Разсуди-ка ты, по правдѣ.
 Ты отдай моего дружка, любезнаго,
 Отдай во солдаты.

Ужь ты дѣвушка, раскрасавица
 Не зря ли (*) ты просишь?
 Не сама ли ты краси дѣвушка
 Больше виновата?
 Не выйти-ли тебѣ голубунка,
 Воиъ изъ каменной налаты?

Я къ Машенькѣ спышу,
 Поклонъ Машенькѣ несу.
 Предъ тобою, предъ душою,
 На колыночки паду,

(*) Не обдуманно.—Зря употребляется повсемѣстно въ саратовской губерніи, напримъ : зря онъ сдѣлалъ, вмѣсто на угадъ онъ сдѣлалъ ; зря онъ бросалъ, зря онъ сказалъ и т. п., звучать безпрестанно. Прівыкшему это выраженіе покажется страннымъ, но жители, даже благородные, не замѣчаютъ этой странности.

Ты прости меня милая,
Виновать я предъ тобой!

Я во всякъ вѣснхъ тебя прощаю, —
Ты не будь дружкѣ мой!
Когда клялся предо мной,
Клялся милою, божился:
Хотѣлъ вѣрнѣ всегда быть.
Не хочу лукавыхъ любить,
Они не могутъ любви цѣнить.

Полюби, полюби-ка, красная мена!
Если полюбишь меня,
Будешь щастлива навсегда,
Расщастливая Машуринька,
Ты таланливая!
Для Машуриньки такой,
Есть у меня особой покой.
Ужъ и спальню твою,
Все цвѣтами уберу;
Я цвѣтами, зеркалами,
Да и разными красами,
И подушечками.
Тесовая провать,
На коврахъ будетъ стоять;
Расщастливая Машура,
Будетъ вѣжне почивать. —
Серебряны самовары,
На столахъ будутъ кипѣть;
Расщастливая Машура,
За столомъ будетъ сидѣть. —

Я пойду ли молодець,
На почтовой дворъ;
Закричу я молодець,
Грѣмкимъ голосомъ своимъ:
Кучера ли вы мои!

Слуги взрыше!
 Освдайте, кучера,
 Моего ворова коня;
 Ужь я по полям повду,
 А другиши полями выду.
 Не сонъ-то клонить моюголову,
 Дремотой сонъ валить. —
 Я пушу своего коня,
 Во зеленые луга;
 Я раскину молодець,
 Былъ тонкой шатерь;
 Ростелю я молодець,
 Свой шелковой коверъ;
 Не одинъ то я ляжу,
 Съ красной дѣвушкой душой. —

По утру я встаю, —
 Нѣтъ ни коня, ни сѣдла
 Ни коня-та, ни сѣдла;
 Ни дѣвушин, ни шатра.
 Я пойду ли молодець,
 На дороженьку большу;
 Погляжу ли я молодець,
 По лѣвую сторону.
 Не пыль то пылить,
 Не туманъ съ моря валить.
 Молодой то король,
 Всѣхъ гонить коней;
 Моего ворова коня,
 За поводъ ведеть:
 Красну дѣвушку,
 На возу везеть. —

Ужь ты пей, мой миленькой,
 Не пропейся;
 На меня ли на дѣвчочку
 Не надѣйся.

У меня ли у дѣвушки,
 Гора много, гора много,
 И печалюшка велика.
 Я со этого со горюшка,
 Ноченьку не спала ;
 У тесовой у кровати,
 Простояла.
 Я пуховую перинушку
 Перебивала,
 Съ правой руки колечушки
 Потеряла.
 Я дѣвушка по горивкѣ гуляла.
 Съ того гора, съ той печалюшки
 Изъ клеточки соловушка выпускала.
 Полети мой соловушекъ
 Во чисто поле,
 Признай ты, соловушекъ,
 Размилаго.
 На моемъ на дружкѣ,
 Примѣть много :
 Какъ и первая примѣтушка,
 Лицо блѣое ;
 Какъ другая примѣтушка,
 Брови черныя ;
 Какъ и третья примѣтушка,
 На головушкѣ кудри русыя.
 Да еще примѣтушка,
 Походушка частенькая.
 На его ли я походушку
 Прельстилася,
 Ретивое мое сердечушко —
 Заразилъ.
 Когда то мой миленькой,
 Въ любви мнѣ вѣренъ былъ.

Ужь ты глупенькой,
 Неразумненькой,
 Дуракъ словеска!
 Не вѣй, не вѣй тепла гизадушка,
 Не вѣй при дорожкѣ.
 Да свѣй ты тепло гизадушко,
 Въ лугахъ при долиняхъ,
 Въ лугахъ при долиняхъ,
 При долинушкѣ. —
 Да свѣй при зеленой,
 Въ широкомъ раздолѣ.
 Никто твое тепло гизадушко
 Никто не разорить,
 Никто не разорить.
 Никто твоихъ малыхъ дѣтушекъ,
 Никто на разгонитъ,
 Никто не разгонитъ.
 Какъ во этой во долинушкѣ
 Стоитъ темная темница,
 Темная темница.
 Какъ во этой ли во темницѣ,
 Ни дверей, ни оконечекъ,
 Ни дверей, ни оконечекъ. —
 Одна трубонька,
 Труба дымовая,
 Труба дымовая!
 Какъ изъ этой ли съ трубоньки
 Дымокъ повѣваетъ,
 Дымокъ повѣваетъ.
 Какъ во этой ли во темницѣ,
 Сидитъ удалой молодчикъ,
 Удалой молодчикъ.
 Тутъ въхала, тутъ прѣхала
 Гостья дорогая,
 Гостья дорогая.
 Тому молодцу, тому доброму,
 Матушка родная,

Матушка родная.

**Да ты дитятко, да ты милое,
Съ кѣмъ отсюда поведешь ?**

Какъ по край то берега,
По край синя моречка,
Камыши высокіе.
Какъ во тѣхъ ли во камышикахъ,
Стояли палатушки.
Какъ во этихъ во палатушкахъ,
Стоять столики камышевы.
Какъ на этихъ на столикахъ камышевыхъ,
Скатерти шелковыя.
Какъ за однимъ то столомъ,
Сидеть доброй молодець
Съ душой красной дѣвушкой. —
Какъ игралъ то онъ,
Съ душой красной дѣвушкой,
Во гусли серебряны.
Какъ проигралъ то онъ
Душе красной дѣвицы,
Проигралъ три корабличка,
Да все нагруженныя. —
Какъ и первой проигралъ корабличекъ,
Проигралъ съ чистымъ серебромъ ;
Какъ второй проигралъ корабличекъ,
Съ крупнымъ жемчугомъ,
Третій съ цвѣтнымъ платцедемъ.
Какъ проигравши все три кораблички,
Самъ бѣдной задумался,
Не печался доброй молодець !
Возвратился назадъ
Три корабличка,
Да все твои нагруженныя.

Ты возьми удачу, доброй молодецъ,
 Меня за мужъ за себя.
 Мы отправимся съ тобой,
 Доброй молодецъ,
 Во каменну Москву жити.
 Пропадай, пропадай лучше!
 Мой три кораблика,
 Со чистымъ серебромъ,
 И со всемъ нитънеспемъ. —
 Не возьму я тебя,
 Душа красная дѣвица,
 За мужъ за себя. —
 Не согласенъ я отправиться съ тобой,
 Раскрасавица!
 Во каменну Москву жити,
 И тебя женой имѣти. —

Я вечеръ въ гостяхъ гостила,
 Во компаньецъ была;
 Что нѣтъ лучшаго молодчика,
 Я въ любовь къ себѣ взяла.
 Не постыдно съ нимъ водиться,
 Можно радостью называть;
 Добра моледа,
 Красавчикомъ величать.
 Хорошъ, пригожь мой миленькой,
 Дружекъ уродился.
 Со мной красной дѣвицей,
 Повадился.
 Отъ своей сторонушки,
 Удавился.
 Хорошъ, статень, пригубанъ,
 Походочка шепетна,
 Таровать на всѣ дѣла.

Распрекраснымъ своимъ взоромъ,
 Милъ сердечко заразилъ.
 Своими лестными словами,
 Танцевать съ собой просилъ.
 Долго, долго танцевали, —
 Появился жаръ въ лицѣ.
 Вышли въ снѣн прохладиться,
 Чтобы жаръ съ лица согнать.
 И я млада испугалась, —
 На дворѣ—та темна ночь!
 Знать мнѣ красной дѣвицѣ,
 Должно скрыться отсель прочь.

Ночной темнотою
 Всѣ покрылись небеса (*).
 Люди для покою,
 Всѣ сомкнули глаза.
 Внезапно кто-то постучалъ,
 И сонъ пріятный перервалъ.
 Кто же тамъ стучится?
 Со гнѣвомъ я закричалъ.
 Томно кто-то отвѣчалъ:
 Я мальчикъ бѣдной заплутался!
 Я смѣлость приняла,
 И двери отперла. —
 Согрѣйте, мерзало тѣло,
 Я мальчикъ, чуть дышу.
 Мнѣ жалко очень стало,
 Свѣчу въ комнату зажгла.
 Я вижу онъ крылами,
 Сильво машеть предо мной!

(*) Эта пѣснь переделана народомъ, потому она представляется здѣсь безъ измѣненій.

И грудь моя тронула,
 Прострая стрела.
 Лишь онъ обогрелся,
 Тотъ часъ мнѣ объявилъ :
 Врагъ твой оживился,
 Владѣть тобой пришелъ.
 Вспомни каменныя чертоги,
 Гдѣ я съ тобою обиталъ.
 Грустно дѣвушка сказала :
 О несчастная моя судьба!
 Чародѣи мною владѣть,
 Я пропала навсегда.
 Не успѣла слова молвить,
 Какъ очутилась я у тѣхъ палатъ.
 Заиграла музыка
 Въ чародѣйныхъ домахъ,
 Дѣвушка въ памяти очулась, —
 Чародѣи предъ ней стоятъ.

Солнце красное! оставяи небеса,
 Скорѣ катись за темныя лѣса.
 Мѣсяцъ ясный! останься за горой,
 Небеса! покройтесь темнотою.—
 Дайте мнѣ времечко,
 Укрыться отъ людей,
 И наплакаться по участи своей, —
 Люди бѣгають отъ грусти моей.
 Итъ нужно знать слезъ причину!
 А гдѣ милой мой? а гдѣ радость? гдѣ дорогой?
 Не навѣки ли ты простился,
 Дружокъ миленькой со мной?
 Пѣть ни писемъ, нѣтъ ни вѣстей,
 Отъ тебя моя радость, мой дорогой!
 Напѣши милой другъ мнѣ вѣсть,
 Что забылъ ты ужь меня. —

Дай отраду поскорее умереть,
 Чтобы на свѣтъ мнѣ болѣе не смотреть.
 Для того знавъ я урядился молодо,
 Чтобы узнати страсть, дружка любя.
 Любовь меня терзаетъ,
 И навѣкъ сжигаетъ мои глаза,
 Прощай милой другъ, надежда!
 Оставляю я я тебя. —

Вы подруженьки мои!
 Вы придите ко мнѣ,
 Погорюйте обо мнѣ,
 Погорюйте обо мнѣ!
 Посидите у меня,
 Веселѣе будетъ мнѣ,
 И матушкѣ родной,
 И батюшкѣ моему,
 И батюшкѣ моему!
 У моего родимаго
 Есть зелененькой садокъ.
 Въ саду цвѣтъ погодушки,
 Лишь листочки шумятъ,
 Лишь листочки шумятъ!
 Развольнымъ плащечки
 Все слухами говорятъ,
 Все слухами говорятъ.
 Летѣлъ ахъ соловушка,
 Летѣлъ бравою молодой!
 Я спрошу соловушка:
 Тужить ли милой по мнѣ?
 Тужить ли, горюеть ли?
 Хоть онъ тужить —
 Малоеть обо мнѣ,
 Хоть онъ тужить —

Малость обо мнѣ,
 Во матушкѣ во Москвѣ,
 Во матушкѣ во Москвѣ.
 А я по немъ дѣвушка,
 Сокрушаюсь всегда!
 Стой, стой кручинушка,
 Поиду во зеленъ садъ гулять,
 Поиду во зеленъ садъ гулять.
 Со той со досадушки,
 На сыру землю паду;
 На сыру землю паду!
 До тѣхъ поръ лежать буду.
 Когда три часа пройдутъ,
 Всѣ минуты изойдутъ,
 Горючи слезы прольютъ,
 Горючи слезы прольютъ,
 Быстры рѣки пройдутъ;
 Ко мнѣ дѣвушка прійдутъ.
 Тогда встану я, опомнюся,
 Въ нову горницу взойду,
 Въ нову горницу взойду. —
 Сяду на лавочкѣ,
 Погляжу въ окошечко:
 Да нейдетъ ли мой милой?
 Да нейдетъ ли мой милой?
 Не летитъ ли соколикъ?
 Раздушенька свѣтликъ мой,
 Раздушенька свѣтликъ мой!
 Что ты здѣлалъ надо мной,
 Надъ дѣвушкой молодой,
 Надъ дѣвушкой молодой,
 Надъ моею русой косой?—
 До чего меня довелъ? —
 До славушки до худой,
 До славушки до худой.
 Хоть славушка пройдетъ,
 Никто за мужъ не возьметъ. —

Не лести милой словами,
 Не обманывай въ глаза!
 Ты почувствуй, другъ любезный,
 Какъ я люблю тебя!
 Черезъ тебя ли, мой любезный,
 Много горечи терпѣю,
 Всѣ досады перенесла? —
 Я со младости лѣтъ
 Во долгунчикѣ выросла,
 Я отъ солнца, я отъ жару
 Лице было сберегла;
 Сберегла лице прекрасное,
 Для несчастной судьбы своей.
 Ты судьба моя, судьба!
 Судьба горькая моя!
 Всѣ злодѣи мнѣ грозятъ,
 Разлучить съ тобой хотятъ.
 Насъ съ тобой тогда разлучать,
 Когда кончится любовь.
 Вы шабры мои ближніе, (*)
 Вы не дайте мнѣ, шабры,
 Злою смертью умереть.
 Приведите мнѣ шабры, писаря,
 Чтобы онъ дружку
 Письмо написалъ.
 Я письмо то напишу,
 И словами расскажу:
 Ты поведешь миленькой жениться,
 Завьжай ко мнѣ дружокъ,
 Хоть проститься. —

(*) Шабры, — сосѣды, шабры ближніе, сосѣды живущіе
 въблизи. — Шабры слово татарское.

Ужь степь, ты наша степь !
 Степь наша уральская !
 Ничегохоньма во степи не уродилось,
 Ни травоньки, ни муравоньки!
 Уродилась во степи,
 Одна горькая польнушка, (*)
 Уродилась еще во степи,
 Бѣлая березонька. —
 Мимо этой березоньки,
 Лежала дороженька :
 Никто по той дороженькѣ,
 Никто ни прохаживагь. —
 Тѣлько шли, прошли
 Одни извожички,
 Молодые колонисты.
 Во пути то у нихъ
 Случилось несчастьце большое :
 Захворагь, занемогь,
 Молодой извожичекъ. —
 Онъ при смерти лежитъ,
 У своихъ товарищевъ молитъ :
 Ужь вы братцы, вы мои товарищи !
 Не покиньте, вы братцы,
 При бѣдности меня !
 Вы возьмите, братцы,
 Вороныхъ коней своихъ.

(*) Уральская степь, представленная здѣсь безплодною, дѣйствительно есть такова, сколько мнѣ извѣстно по протяженію ахтубинской ея долины, находящейся въ царевскомъ уездѣ. Ахтубинской долиною называется солонцоватое пространство между р. Ахтубой и лѣвымъ берегомъ р. Волги, и оно идетъ до уральской возвышенности. На ахтубинской долинѣ часто выгораетъ трава отъ солнечнаго зноя, въ началѣ мая. Вся степь усiana тамъ азіатской полынью, которая издаетъ прекрасный запахъ.

Вы скажите, братцы,
 Матушки и батюшки нивкой поклонъ,
 Молодой жень мое почитанье.
 Малыш роднымъ моиъ дедушкамъ,
 Вѣчное благословенъе.
 Вы скажите братцы, матушки моей,
 Что я остался въ дикой степи. —
 На моголушки моей
 Растеть ковыль травонька,
 Въ головахъ ростеть горькая полынушка,
 Въ рывыхъ ногахъ стоять аври лютые:
 Разорвуть мое тѣло бѣлое,
 Растаскають мои косточки.
 По дикой степи! —

Что это у меня былъ за миленькой!
 Милъ, прекрасенъ и хорошъ. —
 Несилъ милой сибирочку,
 Шалунову голубу (*);
 Несилъ онъ жибеточку,
 Матеревую хорошую;
 Несилъ другъ шараварушки,
 На лайковыхъ помочахъ,
 На могоучихъ плечахъ.
 На нудряхъ у него шлянонька,
 Распрекрасна, хороша!
 Сказали про милаго,
 Что милой не живъ,
 Милой безъ вѣсти пропагъ,
 Въ синъ моръ потонулъ. —
 Какъ вечеръ ли мой размиленькой,

(*) Шалуны, шылковая матерія: она имѣеть отливъ сине-зеленый и красно-зеленый.

Вдоль по улицѣ промель.
 Онъ нову кисеньку проигралъ,
 На гитарѣ проигралъ,
 Въ теремъ голосъ подавалъ,
 Мнѣ красной дѣвушкѣ извѣщалъ:
 Здорово ли моя Любушка,
 Поживаешь безъ меня? —

Волга-матушка взволновалася,
 Ничего въ волнахъ не видно!
 Только видно въ волнахъ,
 Одну красну лодочку.
 Красна лодочка плыветь, краснѣется,
 Весельчики на ней зеленѣются.
 Самъ хозяинъ сидитъ во нарядѣ:
 Въ желтомъ нанковомъ кафтанѣ,
 Въ черномъ бархатномъ картузѣ.
 На картузѣ славной козыречекъ,
 Самъ онъ купеческой сыночекъ.
 Заворачивайте ребята
 Къ Настасьинному ко подворью.
 Настасьинка сама выходила,
 Стаканъ водки выносила,
 Ванюшникѣ дружкѣ подносила.
 Ты выпейка, дружекъ, испушай!
 Нонѣ не пью Настасья,
 У насъ въ домѣ нещастье:
 Поголовной наборъ солдатской!
 Хотятъ меня молодца,
 Отдать во солдаты.
 Ужъ я выйду на сходъ, поклонюся:
 Вы помигуйте, мирски люди!
 Я ни воръ, я ни разбойникъ,
 Я до дѣвушекъ былъ охотникъ,
 До молодыхъ былъ привѣтливъ.

Я воровъ совсемъ не зналъ,
 Принесли покорность вамъ,
 Всегда былъ я добръ и честенъ,
 Къ воровству не причестенъ (*).

Какъ ушелъ-та воръ казаченька,
 Ушелъ со тязого Дону.
 Какъ умесъ съ собой воръ казаченька,
 Унесъ строевое ружье,
 И саблю острую.
 Онъ увелъ съ собой, воръ казаченька,
 Увелъ силы множества.
 По рацету-то онъ увелъ, воръ казаченька,
 Ровно сорокъ тысящевъ, —
 Онъ увелъ ихъ, добрыхъ молодець,
 Да все казаченковъ, да все вооруженныхъ.
 Какъ и ушли они, воры казаченьки,
 Все путемъ, глухими дорогами,
 Какъ глухими дорогами, дикими степями;
 Какъ дикими степями, темными лѣсами.
 Какъ и платье было, на ворахъ казаченькахъ,
 Все было шелковое,
 Какъ фураженьки, на ворахъ казаченькахъ,
 Были сукна дорогаго,
 Онъ ешиты были полка полеваго.
 Подъ командою они были, воры казаченьки,
 Полковника молодого.
 Черезъ быструю рѣчку шли воры казаченьки,
 Да всь перемочилися;
 Во черной они во грязь,
 Да всь перепачкалися.

(*) Вместо непричестенъ.

Пошли девушки, пошли красны,
 Они на рынок гулять,
 На рынокъ, на ярмарку макарьевску,
 На славу александровку. (*)
 Они гуляли, красны девушки,
 Белой день до вечера,
 До самой полуночи.
 Полуденная звезда высоко взошла, —
 Звезда за полночь зашла.
 Они красны девушки,
 Въ кучу собиралися,
 Домой всё отправлялися.
 Шли они, красны девушки,
 Закалками, переулками,
 Ничего они не боялися.
 А боялись девушки,
 Опасались красны,
 Журьбы своихъ матушекъ.
 Родна матушка журить, бранить,
 Любить дружка не велитъ.
 Хотя я девушка
 Гулять пошло не стану,
 А любить дружка не перестану.
 Милой ласковъ и хорошихъ,
 Они уважать мнѣ во всемъ готовы.
 Я страдать буду отъ матери, отъ отца,
 Не растагусь съ дружкой матви, до конца.

Какъ не бялая березка, березка,
 Свивалася, ой совивалася!
 Какъ девушка съ молодецъ, съ молодецъ,

(*) Почему макарьевская ярмарка названа здѣсь александровскою, я не могъ допроситься.

Собыкалася, ой собыкалася!
 Собыканьене у нить, у нить,
 Было тайное, ой было тайное!
 Растваньесе у нить, у нить,
 Было слезное, ой было слезное!
 Запрягаеть милой другъ, дружекъ,
 Воровыхъ, ой воровныхъ коней!
 Сознаетъ дружекъ, дружекъ,
 Съ широка, ой съ широка двора.
 Онъ совхаши со двора, запьятъ,
 Съ горя песельку, ой съ горя пьсенку!
 Ты прощай, прощай святикъ,
 Моя Любушка, ой моя Любушка!
 Наживай себя Любушка
 Инаго разилега,
 Ой дружка мидаго!
 Если лучше меня наживеши
 Позабудеши, ой позабудеши!
 Если хуже меня наживеши,
 Вспоманеши, ой вспоманеши!
 И еще, что это у меня,
 Былъ дружекъ за миленькой,
 Былъ дружекъ за хорошацькой!
 И гулять поидеть дружекъ,
 И меня, ой и меня съ собой беретъ! —
 Провожала Любушка дружка
 Далекохонька, далекохонька,
 Распростылась она съ миленькимъ. —
 Воспоминаетъ она воздыханьемъ:
 Что былъ за миленькой, ой за миленькой!

Вы комарки мои,
 Не кусайте комары,
 Мое бывое лице.
 Мое бывое лице,

Разгорьлось горячо ;
 Ровно аленькой цвѣтотъ,
 Во чистомъ полѣ цвѣтеть.
 Тамъ и травка зелена,
 Гдѣ мой миленькой гулялъ,
 Гдѣ ласково меня цѣловалъ ;
 Гдѣ ласково цѣловалъ,
 Туго къ сердцу прижималъ
 Раздушенькой называлъ,
 Раздушенькой называлъ.
 Ты раздушеньна моя,
 Вечеръ былъ я у тебя,
 Вечеръ былъ я у тебя.
 Не узнала ты меня
 Отсылала отъ себя,
 Отсылала отъ себя,
 Твѣ огорчила дружка. —
 Вспомни миленькой дружекъ,
 Какъ ты былъ у меня,
 У крашенаго крыльца,
 У крашенато крыльца;
 Во горницу взошелъ,
 Къ кровати подошелъ
 Къ кровати подошелъ,
 Открылъ браной положекъ,
 Взялъ за рученьку мою,
 За золотой перстень.

Широкохонько Волгушка разливалась,
 Во крутые бережечки не вбиралася,
 Со желтымъ песочкомъ сомкиалася.
 Вобралася Волгушка во горы,
 Во доли и лѣса зеленые.
 Позатопляла Волгушка травы зеленныя,
 Оставался одинъ чистъ ракитотъ кустъ.

Какъ на кустикъ свито гыздушко,
 Во гыздушкѣ сидитъ младъ соловушекъ.
 Хорошо онь поеть, высветываетъ,
 Выговорущки выговариваетъ
 Голосочкомъ всему городу,
 Матушкѣ каменной Москвѣ.
 Какъ отецъ съ матерью всю ночь не спать,
 За столомъ сидятъ, за столомъ сидятъ,
 Они думу думаютъ : котораго намъ сына
 Во солдатунни отдать? —
 Намъ большаго отдать, дѣтей много ;
 Намъ средняго отдать, жена умна,
 Какъ жена-то умна, по ней домъ стоитъ.
 Намъ отдать ли, не отдать,
 Сына малаго, не женатаго.
 Какъ и малой сынъ, воръ догадивъ былъ,
 Во ногахъ онь лежить, просить жребіа.—
 Ужъ вы дѣти мои молоды!
 Вы подите дѣти на конной дворъ,
 Осѣдлите коней, что вѣтъ лучшихъ.
 Вы ступайте дѣти, во чистое поле,
 Вы сръжьте все по жеребью,
 Вы бросьте во Волгу матушку.
 Какъ большой бросилъ жребій,
 Въ верхъ воды пошелъ ;
 А средній бросилъ,
 Вънизъ воды пошелъ ;
 А холостъ бросилъ,
 Какъ тяжелъ камень—жребій
 На дно пошелъ.
 Какъ пришло намъ отдать,
 Сына малаго, не женатаго,
 Такъ и заплакался,
 Объ сыру землю ударился :
 Аль я, батюшка вамъ,
 Не кормилецъ, не работничекъ былъ?

Полно бранишкой сивическь,
 На талой земли лежить ;
 Полно иксельской дружескь,
 По сторонамъ тословить
 Не пора ли, не времечко,
 Любезную забывать?
 Что это у милаго дружечка,
 Что за умъ, за разумъ такой,
 За обычай за дурной!
 Милой не сказывали
 Любви никакой. —
 Если любите, скажитесь ;
 А не любите, откажитесь.
 Милъ ли дѣвушка поря-время?
 Не введи въ худую славу, не кладь.
 Худа славушка, безчестье ;
 Роду племени укорь,
 Стыдь головущкь удалой!
 Милъ нельзя прійти домой,
 Сказать матушкь родной.

Какъ у ключика было,
 У текучаго у колодезя,
 У студенаго у лужечка, у зеленаго,
 Красна дѣвушка платя пряла,
 А доброй молодець коня поилъ,
 Съ красной дѣвущкой, дѣвущкой разговаривалъ,
 Онъ къ себѣ дѣвущку подговаривалъ.
 Молодая-та жена была догадлива,
 Взяла ведры сама за водой пошла. —
 За водой-та пошла, она воду черпала ;
 Почерпнувши воды, съ дѣвкой поразмолвилась,
 Поразмолвившись, стала ей угроживать :
 Не быть тебѣ дѣвушка,
 Не быть на быломъ свѣтѣ ;

Не любить тебя, дѣвущкѣ,
 Моего мужа, своего друга.
 Эта дѣвущка мнугалась,
 И матушкѣ пожаловалась:
 Что это, матушка,
 У меня голова болить? —
 Во полуночи дѣвущка,
 Зѣлалась вся больна,
 Ко бѣлой зарѣ,
 Дѣвущка переставилась.
 На восходѣ солнушка,
 Стали въ колокола звонить,
 И дѣвущку хоронить.

Какъ у молодца забѣлѣла голова,
 У хорошаго, съ зеленого вина.
 Великъ городъ Москва,
 И матушка—Москва широка.
 Никто въ Москвѣ ни ходить, ни гуляеть.
 Только шель, промель, дѣтнушка молодой,
 У дѣтнушки нѣтъ заботы никакой.
 Только есть одна забота, сухота :
 Навязалась не по совѣсти жена.
 Журить, бранить своего мужа завсегда!
 Мужъ изъ горешки во свѣтличку пошелъ,
 Въ потемочкахъ буйну голову чесалъ ;
 При ясномъ огнѣ кудерюшки завивалъ, —
 Завивши кудри, черну шляпу надевалъ.
 Надѣлъ шляпошкѣ, вдоль по улицѣ пошелъ.
 Пошелъ, пошелъ, ко сударюшки зашелъ,
 На бѣлой зарѣ, къ молодой женѣ пришелъ.
 Молода жена! растворяй—ка ворота.
 Я не воръ пришелъ, не разбойничекъ денной,
 Я пришелъ къ тебѣ самъ хозяинъ коренной;

**Я принесъ тебѣ гостиницъ дорогой:
Шелковую плетъ въ рукахъ. —**

Какъ по морю синенькому
 Плавали, гуляли корабли;
 Какъ на кажнѣмъ кораблѣчкѣ,
 По пяти сотъ молодцовъ,
 Государевыхъ гребцовъ,
 Славныхъ пѣсельниковъ.
 Хорошо гребцы гребутъ,
 Весело пѣсни поютъ,
 Разговоры говорятъ,
 Лиходѣи все бранятъ:
 Ты лиходѣи, расканалья!
 Обобралъ кормовыя, харчевыя,
 Третья денежныя. —
 На эти денежки
 Палаты себѣ склалъ.
 Бѣлыкаменны палатушки,
 Стѣны мраморныя;
 Изъ хрустала потолокъ,
 Позолоченой конекъ. —
 Какъ на эти потолоки,
 Москва рвчушка взошла;
 Не сама собой взошла,
 Неволюнкой введена,
 И жива рыба пущена. —
 Какъ во этихъ палатахъ,
 Кроватушка смощена;
 На этой на кровать,
 Самъ лиходѣи почивалъ,
 На живу рыбу смотрѣлъ,
 Онъ рѣчи говорилъ:
 Ужъ ты, рыба, ты блуга!
 Ты за чѣмъ сюда взошла?

Не сама собой я взошла,
 Неволюшка занесла, —
 Твоя хитрость привала.

Веселится подружки,
 Весна скоро придетъ;
 Весна скоро придетъ,
 Солнце взойдетъ.
 Сгонить снѣги и морозъ.
 Сгонить снѣги и морозъ,
 Съ горъ покатится вода,
 Во зеленые луга.
 Во лужкахъ ужъ травка зеленеетъ,
 И цвѣточки разцвѣли,
 Разцвѣли въ полѣ цвѣточки,
 Гдѣ ракитовой кустокъ. —
 Между этихъ кусточковъ,
 Волга матушка прошла.
 Какъ надъ этою, надъ Волгою,
 Кустъ малинушки стоитъ;
 И въ этомъ ли кусточкѣ,
 Соловей громко поетъ.
 Не пой, не пой, соловушекъ!
 Во зеленомъ саду весной.
 Возьми горечко съ собой,
 Унеси горе далеко, —
 Чтобъ не слыхати про него,
 Про горечко прошлое. —
 На водѣ горе не тонетъ,
 И огнемъ горе не жжется,
 Прочь отъ двушекъ нейдетъ.
 А молодца горе беретъ. —
 На советъ двушка нейдетъ,
 Подарочки не беретъ. —

Я вечеръ ли веломъ,
 Во компанияхъ пробала;
 Сидѣла ли одна,
 За убранный столонъ.
 Съ соколожь прохлаждалася,
 Пива пьянаго напивалася, —
 Правыми ручками обнималася.
 Ни по долгой часъ,
 Промолвилъ молодець словечко:
 Здылай радость, сердечко,
 Поцѣлуй меня! —
 Я такой страхъ имью,
 Цѣловать тебя не смью.
 Боюсь мнленькой тебя,
 Опасюсь свѣтяться будешь надо мной. —

Отдавали меня молоду,
 На чужу сторону,
 Не заровнюшку.
 Не заровней буду жить:
 Буду плакать и тужить,
 Тебя ли мнленькой сушить!
 За горами, за долами,
 За крутыми берегами,
 Лужечекъ тамъ былъ.
 Во лужечкѣ дубочекъ,
 Подъ дубочкомъ молодчикъ,
 Въ пригорьн сидеть.
 При такомъ ли пригорьн
 При великой кручинѣ,
 На свѣтъ не глядить.
 Скрыйся, скрыйся, вольной свѣтъ!
 Сударушки дома нѣтъ. —

Гдѣ гуляю, гдѣ хожу,
 На умѣ дружка держу.

На умъ, на разумъ,
 На своихъ кривыхъ нисолахъ
 Было въ рукахъ счастье,
 Не сумела содержать.
 Любила меня, молодчикъ,
 Не могла любовь признать.
 Стала любовь признавать,
 Стала миленькой отставать,
 Съ иной миленькой стала гулять,
 Гуляй, гуляй, Машенька!
 Гуляй развеселая:
 Покой волюшка твоя,
 Не покрыта голова.
 Покроютъ головушку,
 Наложутъ заботушку,
 На красну девушку.
 Первая заботушка:
 Свекоръ да свекровушка;
 Другая заботушка
 Деверь да золовушка;
 Третья заботушка,
 Мужъ, удаля голова,
 Онь гуляеть безъ меня,
 По вдовушкамъ, по вдовамъ,
 По замужнимъ женамъ.
 Какъ и замужняя жена,
 Не лучше меня. —

Шла Машенька изъ лесочка
 Несла въ рукахъ по вѣночку, сама говоритъ:
 Ты пастухъ мой, пастушечекъ!
 Пастухъ миленькой дружечекъ,
 Не покинь меня!
 Не покину сиротину
 При широкой долинь,

Во лужкѣ одну. —
 Туда, сюда наступѣ бросался,
 Съ сталомъ управлялся,
 Домой поспѣшалъ.
 Онъ жезъ своей рѣчи изъяслялъ :
 Жена моя, женушка!
 Жена, вѣрная служанка.
 Не жди меня почевать. —
 Ты жди меня порою,
 Вечернею зарею,
 Утренней росою, —
 Пойду погулять.
 Меня звали, позывали,
 Въ зеленъ саль гулять.
 Тамъ гулять по садочку,
 По ракитову кусточку, —
 Гдѣ Машенька ждеть.
 Ждала Мама, поджидала,
 За ракитовъ кустъ запала.
 Пушай милъ пройдетъ!
 Машино сердце не стерпѣло,
 Громкимъ голосомъ вскричала :
 Здѣсь я милой!
 Мой миленькой вѣрадовался,
 На бѣлую грудь бросался,
 Началъ цѣловать.
 Онъ цѣлуетъ и мигуетъ,
 Туго къ сердцу прижимаетъ,
 Машой называетъ.
 Ты Машенька черноброва,
 За чѣмъ ты любишь инаго,
 А меня покидаешь? —
 На те милой осердился,
 Съ Машей не простился, —
 Толкнулъ ее въ грудь. —

Ужь ты садъ, мой садикъ,
 Садъ зеленой винограда.
 Садилъ тебя Иванъ
 Ой, ой, ошеньки !
 А поливалъ Селиванъ,
 Обгораживала Селиванова жена.
 Въ саду молодець гулялъ,
 Разорилъ, погубилъ,
 Довелъ до конца,
 Ой, ой, ошеньки !
 Да никто по нимъ
 Не кричить, не кричить !
 Гляну я на окошечко,
 Родной двдушка идетъ,
 Восемьдесятъ рублей несетъ.
 Ой, ой, ошеньки !
 Гляну я, родна бабушка идетъ, —
 Льняной холстъ несетъ ;
 Еще гляну я во красное,
 Родной батюшка идетъ,
 Благословеньце несетъ. —
 Родна матушка,
 Горячя слезы льетъ,
 Ой, ой, ошеньки !
 Еще гляжу я, родной двдушка идетъ,
 Зипунъ съ шубою несетъ.
 Еще гляжу я, родна тетушка идетъ,
 Мотокъ ниточекъ несетъ.
 Ой, ой, ошеньки !
 Родной братецъ идетъ, ворона коня ведетъ ;
 Родная сестрица идетъ,
 Шириночку несетъ ;
 А позади-та всехъ идетъ,
 Молодая жена,
 Молодыхъ двтушекъ ведетъ,
 Ровно пчелушка гудеть.
 Ой, ой, ошеньки !

Камъ по степи, во дорожке,
 Шли солдаты молодые,
 За собою дивку нанесли.
 Пойдемъ дивка, пойдемъ красная !
 Съ нами съ молодцами.
 У насъ жить, дѣвушка,
 Придально и богато,
 У насъ горы сахарныя,
 Текуть рѣчки медовыя,
 По лужку травка шелковая. —

Старой солдатъ дивку унимаю,
 Платкомъ слезы утираю :
 Не плачь дивка, не плачь красная !
 Не мечись дивка на балы,
 На разпутскіе обшары. —
 У насъ горы кремниныя,
 Текуть рѣчки бровяныя ;
 Въ лужку травка рѣзковая,
 Все осочка рѣзкая. —

Ушелъ солдатъ со походу,
 Унесъ съ собою строевое ружье,
 Саблю острую. —
 Онъ пошелъ вдоль по улицѣ,
 Острой саблей подпирается,
 Остра сабля согбается. —
 Онъ зашелъ молодой солдатъ,
 Къ отцу, къ матерѣ.
 Пусти батюшка, пусти матушка,
 Пусти обогрѣться !
 Мать, отецъ солдатика не угадали,
 Квартирушку ему отказали.
 Онъ пошелъ отъ окошечка,
 Самъ бедной заплакалъ ;
 Отшелши отъ окошечка,

Воспеть песню новую.
 Макушка и батюшка,
 Его слово угадаи:
 Поди дитятце, поди милос,
 Поди обограйся!
 Взойди дитятко,
 Взойди по за-дворью.
 У насъ дитятко, у насъ милос,
 Шабры люди вьше.
 Мать, отецъ солдатица
 Наполни, накормил,
 Золотой казной наградили.
 Ты ступай, мод дитятко,
 Ступай мод милос,
 Къ своему начальству,
 Явись, поговори полковнику.

— * * * —

Не была зоря занемается,
 Не красно солнце изъ за—горъ выкатывается,
 Не свѣтелъ мѣсяцъ высоко всходитъ,
 Выше лѣса темнаго,
 Березничка, горькой осинушки.
 Не пылъ въ полѣ запыливается.
 Не туманъ съ поля поднимается:
 Летять гуси, лебеди,
 За гусьми летить сизой орель.
 Постойте гуси, постойте лебеди!
 Я не бить васъ лечу,
 Я спросить хочу.
 За орломъ летить младъ ясенъ соколъ,
 Постой, постой, сизой орель!
 Я не бить тебя лечу,
 Я спросить хочу.
 Гдѣ ты сизой орель,
 Леталъ, полетывалъ? —

Я лезалъ, ползетъ малъ,
 По тихой стени, по уральской.
 Ты чего орать смотришь, высматриваешь?—
 Я смотришь, высматриваешь диво дивное:
 Тыло мертвое, убитое.

Какъ слали къ намъ указы невеселы,
 Намъ объ наборъ говорили,
 Насъ молодежь выбирали въ гусары;
 Не женатыхъ, холостыхъ.
 У насъ кони вороные,
 Седьлица золотыя,
 Въ рукахъ поводочки шелковыя.
 У насъ ружья были заряжены, —
 Мы стояли на приступъ, —
 Въ неприятелей палили,
 Сражались весело. —
 Сражаньеце долго шло,
 До бѣлой до зари.
 Какъ зоринька занялась,
 Вся слушка собралась,
 Стали тыла разбирать,
 Своихъ Русскихъ узнавать.
 Много слушки побили,
 И конями потоптали.
 Отдыхали мы день весь,
 Съ предводителямъ своимъ здѣсь.
 Въ глухую полночь,
 Ушелъ Французъ съ силой прочь (*).

(*) Эта пѣснь военная, и на какой случай она сложена, не
 извѣстно. Но изъ нее однако видно, что это намекъ на одну
 изъ битвъ 1812 г.

Какъ французская земля
 Много горя приняла,
 Отъ Платова казака.
 Платовъ казакъ къ Французу въ гости,
 Въ гости затѣжалъ.
 Онъ безъ спросу, безъ доклада,
 Во палатушку взошелъ.
 Платовъ Богу помолился на всѣ стороны,
 Челомъ Французу низенькой поклонъ.
 Еще Французъ не узналъ,
 На рязвы ноги вставалъ,
 За купчика почиталъ,
 За дубовой столъ сажалъ,
 Рюмку водки наливалъ,
 Онъ Платову подносилъ:
 Выпей купчикъ, выпей любчикъ,
 Ты купеческой сынокъ! —
 По Россви я гулялъ,
 Много Русскихъ людей зналъ;
 Одною я не зналъ, Платова казака. —
 Кабы кто мнѣ указалъ его,
 То бы казны денегъ много далъ. —
 На что казну-деньги терять,
 Его можно такъ видать.
 Погляди на меня,
 Я похожъ на Платова казака,
 Ровно братъ онъ мнѣ родной,
 Какъ отъ матери одной.
 Прочь Французикъ отвернулся,
 Платовъ надъ нимъ усмѣхнулся.
 Вишь Платовъ, Платовъ! вотъ онъ пошелъ!
 Покрай крылецъ взошелъ.
 Громкимъ голосомъ вскричалъ:
 Кабы были мои вѣрныя слуги,
 Подвели бы мнѣ коня.
 Я бы съѣлъ, полетѣлъ,
 Самъ бы пивеньку запылъ:

Ужъ ты, розниа ворона,
 Загуменная марга!
 Не съумъла ворона,
 Яснаго сонола держать.
 Вытѣжай-ка ты, ворона,
 Во чьето поле гудать.
 Со иной слылушки шьтать. —

На печкъ снжу, заплатки плачу,
 Своего мужа заплачиваю,
 Журю, пожуриваю.
 Продай мужъ кобылушку,
 Сврюю,
 Соболерую. —

Я наряжусь, на улицу пойду:
 Люди глядятъ: чїя такова? —
 Со барскаго двора,
 Гостица жена.
 Я съ улицы приду, на печку сяду.
 Мужъ говорить: жена ты моя!
 Впрягай сани въ лѣсъ по дрова,
 По дубовыя, по здоровыя. —
 Мужъ завхалъ въ цѣликъ, (*)
 Наклагъ возъ великъ. —
 Подъ горку вду, пошвыстываю,
 На горку вду, похлыстываю. —
 Ребятамъ кричу, покрывиваю:
 Ребиты, ребятушки! лошадка хороша, —
 Возъ дровъ привезла.
 Мнѣ не то тошно, что я возъ везу;

(*) Цѣликъ, — лѣсъ не початый, тоже самое говорится о не
 наханой нивѣ.

Мнѣ то тошно, что песь сидитъ,
Ребятѣмъ кричить, позорить меня. —

Заводы мои, заводушки,
Фабричные вы, горемычные!
Скажи дѣвица: кто заводы заводилъ?
Заводилъ заводы сынъ купеческой Алексѣюшка,
Разорила заводы, сама въ лѣсъ пошла.
Сама въ лѣсъ пошла, по ягоду,
Въ лѣсъ по черную по смородину.
Не въ лѣсу дѣвица заплуталася,
На рябину дѣвица заглядѣлася,
Ты рябинушка моя, кудрявая!
Когда ты вошла? когда выросла?
Я весной то вошла, лѣтомъ выросла;
По зорямъ то цвѣла,
Въ полдень цвѣтъ опаля.

За рѣчкушкою за Волгою,
За другой рѣчкой за переправою,
Не ковыль травка зашаталася,
Загулила доброй молодець, —
Что закушевной другъ! —
Я не самъ зашелъ,
Занесла меня неволонина,
Чужа дальная сторонунка,
Чужа дальная, нужда крайняя.
У меня жизнь бодрская,
Жизнь бодрская, служба царская.
Служилъ Царю бллому,
Петру первому.
Хорошо ль вамъ братцы,
Во строю стоять, по ружью держать? —
Былы ручки ко ружью придержались,

Ръзвы ноженъки,
 Къ сырой землѣ пристоялися.
 Мы стояли до полуночи. —
 Полуночная звѣзда высоко взошла,
 Высоко взошла, за полдень зашла. —

Пошла-та моя буйная головушка!
 Пошла, погуляла.
 Что за батюшкиной, да за батюшкиной,
 Большою головою.
 Что за братцовой, да за невѣстиной,
 Легкой работою.
 Какъ не гребень чешеть,
 Мою буйную головушку;
 Не гребень ее чешеть,
 Чешеть пора, время,
 Чешеть гульба, нѣгушка.
 Какъ почувяла моя, буйная головушка,
 Надъ собой несчастіе,
 Что хотятъ меня, добра молодца,
 Поймати у прилуки, у моей сударушки;
 У красной дѣвушки, душки Аннушки.
 Хотятъ разудалому рязвы ноги сковать,
 Бывы руки связать, во солдаты отдать.
 Запрягалъ то я, доброй молодець,
 Пару воропыхъ коней.
 Разъвзжалъ по улицамъ,
 И дорогамъ столбовымъ.
 Завзжалъ то я ко сударушки своей.
 Какъ поймали меня, добра молодца,
 У той самой прилуки,
 У красной дѣвушки.
 Бывы рученьки связали,
 Рязвы ноженъки сковали, —
 Посадили меня, добра молодца,

На мирски подводы ;
 Повезли то меня, разудалаго,
 Во городъ во Саратовъ.
 Повели меня, добра молодца,
 Повели въ приемную,
 Становили разудалаго подь казенну шьру.
 Посадили меня, добраго молодца,
 На выкрашеной стулникъ.
 Какъ и начали разудалому,
 Русы кудри брити.
 Брвють мои русы кудерюшки,
 Брвють, не жалвють ;
 Бросають мои раскудрявые,
 По всей по палатъ.
 Какъ не сизая павлица,
 Въ палатъ гуляла ;
 Мои русыя кудерюшки собирала.
 Слезно плакала надъ ними, вздыхала,
 Въ бывой платочекъ ихъ вязала. —
 Туго къ сердцу своему она прижимала.
 Это не сизая павлица, красная дзвнца,
 Пржня моя сударушка, Аннунка. —

Мой миленькой на пескъ,
 Голубь надъ водою ;
 Голубушка сизая,
 Говорила со мною.
 Во первомъ часу ночи,
 Прилетала голубчикъ ;
 Во второмъ часу ночи,
 Привзжала молодчикъ.
 Дзвчоночка воародовалась,
 Къ окошечку бросалась.
 Подъемъ поднимала,
 Она мнлаго принимала

За былия ручки.
 Ты садись милой, скорее,
 Говори смѣлѣе. —
 Пили, ѣли, рассуждали. —
 Похвалялась дѣвчочка,
 Прѣжними друзьями.
 Мой миленькой рассердилась,
 Пошелъ, не простился.
 Схватилъ съ крюку черну шляпу:
 Зеркала упали,
 Московскія хрустальныя,
 На двое раскололись.
 Пошелъ, стучь, пошелъ громъ,
 По всей мой спальнѣ.
 Услыхала моя мати,
 Во каменной палатѣ.
 Посылаеть, наряжаеть,
 Верную служанку, —
 Пашку грубиянку.
 Что маушка, что барышня,
 Надъ вами случилось?
 Черна кошечка блудлива,
 На шкафчикъ вскочила,
 Зеркала разбила.

Долго ль въ свѣтъ одинокой
 Миѣ скитавшися,
 Слезы лить?
 Долго ль я тебя, жестокой,
 Тщетно буду любить?
 Пусть меня свѣтъ осуждаеть,
 Что тобою я страствя; —
 Но любовь те прямо знаеть. —
 А ты жалеть будешь обо мнѣ,
 Я вечеръ въ слезахъ уснуа,

Тебя видѣла во снѣ ;
 Я проснулся, ведрогнули,
 Закинула кровь во мнѣ.
 Ты любя по мнѣ ласкала,
 Нѣжно къ сердцу прижимала ;
 Сошь наставивъ миновала,
 И съ мечтою онъ пропала.
 Здымай ты меня наставивъ
 Въ жизни, хоть въ послѣдній разъ.

Трусить, трусить лихорадка
 Любезнаго моего.
 Ужъ ты бабка, ты отгадай-ка,
 Ты узнаешь отъ чего.
 Говорили, — простудился
 На гулянья въ вечеру. —
 Въ понедѣльникъ онъ влюбился,
 А во вторникъ пострадалъ ;
 Въ среду прослезился,
 Въ четвергъ Машинькѣ сказалъ :
 Чдо ты, Маша, не веселишься,
 Призадумавши сидишь ?
 Рѣдко ужъ рѣзвисься,
 И на посидѣлки не спышишь.
 Но что это за садикъ,
 За зелененькой такой ?
 А что это за милой,
 За любитель дорогой ?
 Пустиль онъ славушку худую,
 По всемъ улицамъ позоръ,
 Нельзя Машѣ по улицѣ погулять,
 Въ хороводѣ поиграть :
 Всъ ее ругаютъ и бранять. —

Простясь съ балами, съ пирами,
 Въ шумной жизни городской ;
 Мнѣ наскучило жить съ князьями, —
 Я поведу въ уголь свой!
 Хоть и маленькой мой дожить,
 Не краснѣть, — да какъ же быть? —
 Съ тобой, милой мой дружечекъ,
 Безъ заботъ можно прожить.
 Въ домѣ нѣтъ большихъ затѣй,
 Пышностей не сыщешь въ немъ ;
 Нѣтъ швейцаровъ и лакеевъ,
 Просто все въ углу моемъ. —
 Бронза въ креслахъ не сіяетъ,
 Изъ камиру нѣтъ гардинъ.
 Солнце въ люстрахъ не играетъ, —
 Для зимы лишь есть каминъ ;
 Серебро, сталь не дивить,
 Ананасовъ нѣтъ въ десертъ ;
 И Французъ столомъ не править,
 По Руссакъ сварить обедъ.
 Сотня душъ въ моемъ помѣстьи,
 И прекрасно будемъ жить.
 Три пріятели въ соседствѣ, —
 Время есть съ кѣмъ раздѣлить,

Уланы, уланы!
 У васъ лошади буланы.
 Гдѣ вы были, побывали? —
 Въ Москвѣ городъ стояли,
 Камень мостикъ провѣжали,
 Ко вдовушкѣ завѣжали :
 Просилися ночевати, постояти. —
 А вдовушка выходила,
 Ночевать ихъ не пускала,
 Таки рвчи говорила :

У меня дворикъ малешекъ,
И горенка не величка.—
Силой воры во дворъ ворвались,
Во горенку забралися ;
Сиделись все порядкомъ,
Все по дамкамъ.

Самъ хозяинъ нождь окошкомъ,
А вдовушка стала у печи ;
Поджавъ свои были ручки,
Ко ретивому сердечку.

Какъ возговорить хозяинъ :
Ты вдова ль, моя вдовина,
Вдова ль горька сиротина !
Ты давно ль вдова вдовешъ ?

Вдовушка отвѣчала :
Живучи во горь, — забыла,
Много слезъ въ горь ронила.—

Ты вдова ль моя вдовина,
Вдова горька сиротинушка !
Какъ много ль у тебя
Вдова детокъ ?

У меня детокъ троечка :
Два сыночка, третья дочка. —

Ты вдова ль моя вдовина,
Полойди вдова поближе,
Поклонись мнѣ понижѣ ;
Ты сними съ меня черну шляпу,
А во шляпонецъ платочекъ,
Во платочекъ узелочекъ,
Въ узелочекъ перстенецъ :
Которыи мы обручались,
Какъ съ тобой свичались.

Тутъ вдовушка возрадовалась,
На шеюшку бросалась,
Въ уста его целовала,
Къ ретиву сердцу прижимала. —
Въ новы сѣни выходила,

Малыхъ дѣтушекъ буди :
 Встаньте дѣтушки, проснитесь !
 Встаньте малы, пробудитесь !
 Какъ прѣхаль мой другъ милый,
 А вашъ батюшко родимой :
 Онъ прѣхаль не годъ годовати,
 И не почаску почевати,
 Одинъ только часикъ часовати.

Ты стой моя соснушка, ты стой, не шатайся!
 Живи моя сударушка, ни въ чемъ не печалься!
 Когда грусть, тоска найдеть, поди разгуляйся;
 Когда грустивъ того будетъ, пиши ко мнѣ письма.

Съ кѣмъ же письма мнѣ къ тебѣ писать ?
 Съ кѣмъ же письма къ тебѣ послати ?

Ты пиши ихъ, пиши съ добрыми людьми,
 Ты пошли ихъ съ добрыми шабрами,
 Съ добрыми людьми, съ ближними шабрами.

Гдѣ же будетъ мнѣ тебя сыскати ?
 Сыщи меня въ огородъ Казань,
 На съезжемъ базарѣ.

Ужъ вы ветры мои, вилгерочки,
 У васъ тысящѣ голосочникъ !
 Вы не дуйте на молюсочникъ,
 Не шатайте вы на бору сосну,
 И такъ сосныкъ стоять тонше,
 Стоять ей тонше, отъ крутанушка !
 Стоитъ сосна на весочки,
 Какъ на арутенькомъ бережечкѣ ;
 Не водою сосныку подымается,
 Горностаю къ сосныку подымается,
 Злы кореня подымается.
 Съ вершинкушки сосны сухии лугаетъ,

Къ этой сосонкѣ ислы выются;
 Онѣ выются, не привьются;
 Сучки гнутся, не пригнутся —
 У молодца кудри выются,
 На молодца печаль, горе,
 Отдаютъ моего дружка во солдаты.

Надъ реченькой быстрою,
 Два вьюнушка выются.
 Вилися, вилися,
 Да врозь разлетѣлися.
 Садились при лугахъ въ долину,
 Промежъ себя рѣчи говорили:
 Тошно, тошно, кто кого любить,
 Тошнѣй того, кто съ кѣмъ разстается.
 Разставался милой со милою,
 Съ красной дѣвицей душою.
 Миленькой по улицѣ ходить,
 Душу Анночку за рученьку водить.
 Молодая жена въ окошечко смотреть,
 Со слезами она Бога просить:
 Создай Боже съ небесъ тучу грозную,
 Убей, убей, посылаю мужа,
 Помилуй Богъ милаго друга.

Что это въ полѣ за травонька?
 Что во чистомъ за муравонька?
 Она день растетъ, ночь шатается,
 Во чистомъ мѣстѣ разстилается.
 Что это есть за цвѣтики,
 Цвѣтики лазоревые?
 Они днемъ растутъ, ночью нѣтъ увидать.
 Что это есть за милый другъ?
 Милый, задушевный другъ!

Ни день, ни ночь съ ума нейдетъ.
 Вечеру поздно я молодешенька,
 Спать во теремъ ложилася.
 Не хорошъ мнѣ ночью сонъ привидѣлся:
 Будто теремъ растворенъ стоитъ,
 И окошечки раскрытыя;
 Будто мой милой въ головахъ стоитъ:
 Онъ цѣлуетъ мои руки бывлыя,
 Руки бывлыя, руки вѣжныя,
 Прижимаетъ меня къ ретиву сердцу.
 Ото сна я дѣвушка пробудилася,
 Пробудившись испугалася;
 Вдругъ мой милой слово вымолвилъ:
 Не пугайся, моя милая,
 Я не воръ къ тебѣ пришелъ,
 Я не воръ и не разбойникъ;
 Я пришелъ къ тебѣ спроситися,
 Спроситися, твоей милости доложитися:
 Я хочу мой другъ женитися.
 Ты женись, женись невѣрной!
 Не сердись ты на меня, моя милая,
 Я любить тебя буду болѣе прежняго.
 Я твоему вѣнцу не разлучница,
 Я твоимъ гостямъ не разгонщица,
 Я твоей женѣ не постельница.
 Не свѣтить мѣсяцу по зимнему,
 Не грѣть солнышку по лѣтнему,
 Не любить дружка по прежнему.

Сторона ль моя сторонуща,
 Сторона ль моя незнамая,
 Незнамая, незнакомая.
 Да сторонуща къ квартируща,
 На квартируща къ зазнобушка,
 Зазнобушка красна дѣвушка,

Бѣлолицая, круглолицая,
 Чернобровая, черноглазая!
 Ужь не ты ль меня высушила?
 Безъ мороза сердце вызнобила.

Высоко звѣзда восходила,
 Выше лѣса, выше темнаго,
 Выше садика зеленаго.
 Пролегала тутъ дороженька,
 Шириной она не широка,
 А длиною, — конца-краю ей нѣтъ!
 На дорожкѣ нова улица,
 Нова улица московская,
 Что московская, посадская,
 Какъ построена тутъ тюрьма темная.
 Въ ней дубовая дверь, тяжелая,
 Запертая замкомъ крѣпкимъ,
 Замкомъ крѣпкимъ, немецкимъ.
 Во тюрьмѣ сидитъ невольничекъ,
 Невольничекъ доброй молодець,
 Молодець, донской казакъ
 Чернышевъ, Захаръ Григорьевичъ.
 Въ желѣзахъ ноги скованы,
 Въ кандалахъ руки заклепаны,
 Сидитъ молодець задумавшись,
 Задумавшись, пригорюнившись.
 О своей тужить сторонущъ,
 О своей сторонѣ, — молодой женѣ.

Калину съ малиной,
 Вода поняла;
 На ту пору матушка,
 Меня родила.
 Не собравшись съ разумомъ,
 За мужъ отдала;
 На чужую сторонущку,

За перошашку,
 Во лану семью.
 Чужая сторонашка,
 Безъ вѣтру сумитъ ;
 Чужой отецъ съ матерью,
 Безъ дѣла бранить.
 Посылають меня молодю,
 Въ полконъ по волу ;
 Зябнуть, забнуть можешки
 У ключа столъ,
 Прищипало румешки,
 Къ коромислицу.
 Текуть, текуть слезоньки,
 По багу лицу ;
 Утираю слезоньки,
 Бѣлымъ платкомъ ;
 Утираю горькия,
 Тонкимъ рукавомъ.
 Не буду я къ матушкѣ,
 Ровно три года,
 На четвертой, горькая !
 Пташечкой полечу.
 Сяду я у матушки,
 Въ зеленомъ саду,
 На любую яблоньку
 На матушенину.
 Закукуую въ садикъ,
 Горькою кукушечкой ;
 Горючими слезами,
 Потоплю весь садикъ я ;
 Радныищемъ матушку,
 Разбужу ото сна.
 Ото сна моя матушка
 Пробуждалася,
 По свичкамъ матушка
 Похаживала,
 Нервотушку дасточку,

Побуживала:

Ты встань-ка невеселушка,

Ото сна пробудись

Посмотри-ка, голубушка,

Что у насъ во салить,

За вшаща ность,

Мнѣ малолушкѣ дасть?

Не моя ли горемычная,

Прилетѣла съ чужой стороны?

Съ чужой стороны,

Изъ лхой семки. —

По несчастію случилось,

Я въ извинника влюбилась.

Мнѣ понравился мой милый другъ,

Милый свѣта, милый бѣлаго,

Милый отца, милый матери,

И дороже всего племени.

Хорошо тому за свѣтъ жить,

У кого нѣту въ глазахъ стылъ,

У кого нѣту въ глазахъ стылъ,

У кого нѣту заботушки,

Заботушки красной дѣвушки.

У меня ли, молодешеньки,

Есть не малая заботушка.

Я сама дружка повысушу,

Я повысушу, повыкрушу.

Не доставайся, мой милый другъ,

Моиѣ сестрамъ разлучницамъ.

Доставайся мой милый другъ,

Одной матеръ, — сырой землѣ. —

Разцветай-ка, разцветай-ка,
 Въ саду розовой цвѣтокъ ;
 Побывай-ка, побывай-ка,
 Ко мнѣ-миллой на часокъ.
 Посидимъ-на дружкомъ милый,
 Мы послѣдній съ тобой вечерокъ ;
 Поговоримъ-ка, поговоримъ-ка,
 Мы про-прежнюю любовь.
 При тебѣ ли, моя радость,
 Мучусь злой тоской?
 Я пойду ли, я пойду ли,
 Во зеленскій садокъ ;
 Я сорву ли, я сорву ли,
 Съ розы розовой цвѣтокъ.
 Я совью ли, я совью ли,
 Дружку милому вѣнокъ.
 Я пойду ли, я пойду ли,
 На Дунай быстру рѣку,
 Ужъ я кину ли, я брошу,
 Свой вѣночекъ на воду.
 Мой вѣночекъ не тохнетъ,
 Не тохнетъ и не плыветъ.
 Такъ мой миленькой дружечекъ,
 Онъ не думаетъ, неидетъ. —

Подъ яблонькой садовой,
 Подъ кудрявой зеленой ;
 Сидялъ молодецъ такой,
 Не женатой, холостой.
 Держить гусли подъ левой,
 Звончатые подъ правой.
 Вы играйте гусли, мои мысли,
 Я вамъ пѣсеньку спою,
 Про женитьбу про свою.
 Какъ женила молодца,

Чужа дальная сторона,
 Чужа дальная сторонка,
 Макарьевская ярмонка.

Какъ на Волгъ на рѣкъ
 У Макарья на ярмонкѣ,
 Близъ гостиннаго двора
 У Сафорова купца,
 Случилася бѣда, —
 Не маленькая.

Вотъ не сто рублей пропало,
 И не тысяча;
 Какъ продала у него,
 Дочка милая его.

Какъ искали ту пропажу:
 По баракамъ, по ярамъ,
 По трактирамъ, кабакамъ,
 По макарьевскимъ пескамъ.

Вотъ нашли ту пропажу,
 У Машкова на дворѣ,
 Во высокомъ чердакѣ.

Ее буйная головка,
 Разироломаная;
 Ее русая коса,
 Вся растрепанная.

Черепихова гребеночка,
 Расколочная.

Бѣ цвѣтное платице,
 Испорванное.

Сантантиоровой салончикъ,
 На гвоздикъ висить;

Золотая цепочка,

На столѣжкѣ лежить.

Вотъ не самъ ли воръ разбойникъ,

Подъ окошечкомъ сидитъ,

Табакъ трубку курить?

Не за мной ли плутъ—плутъ?

Не мени ли въ гости звать?

Какъ и звали молодца,
 Позывали удалца,
 Со высокаго крыльца ;
 Какъ схватили молодца,
 За бѣлы руки его :
 Его ноженьки сковали,
 Бѣлы ручешки связали,
 И во саночки сажали.
 Повезли же молодца,
 Во Саратовъ городокъ,
 Во желтой каменной домокъ,
 Все мальчишничка сидитъ,
 Таки рѣчи говорить :
 Вотъ никто ко мнѣ нейдетъ,
 И ни брать, ни сестра,
 Ни товарищи мои! —

Что ты Маша приуныла,
 Воздохнула тяжело !
 Что воздохнула, вспоминула,
 Любезнаго своего.
 Я жила съ тобой полгода,
 А съ батюшкой двадцать лѣтъ ;
 Не видала такого мученья,
 Какъ съ тобою, нилой мой.
 Ввейся, сизенькой голубчикъ,
 Ввейся, выше полетай.
 Ужь ты садъ-ка,
 Сизенькой голубчикъ,
 На мое право плечо.
 Поглядн-ка, сизенькой голубчикъ,
 На мое блѣдое лице :
 Мое личико румяно,
 Завсегда оно горитъ ;
 Мой-то маленькой ревнивой,

Всегда меня бранить.
 Не брани-ка ты меня,
 Ты не лучше другъ меня.
 Ты не лучше и не краше,
 И личкомъ не белѣй,
 И бровами не чернѣй.

Веселитесь дѣвченокки!
 Къ намъ весна скоро прійдетъ,
 Весна красна, лѣто тепло.
 Взойдетъ солнце надъ горой,
 Сгонять снѣги и морозы,
 И травонька отрастетъ,
 И весь ракитовы кусты.
 Какъ промежъ ли двухъ кустовъ,
 Волга рѣченька прошла;
 Какъ надъ этой быстрой рѣченькой,
 Кустъ малюшкки растетъ;
 Какъ на этой на малюшк,
 Соловей громко поетъ.
 Ты не пой-ка соловей,
 Поутру рано весной,
 Возьми горечку съ собой,
 Да не слыхалъ бы и про него!
 На водѣ горе не тонетъ,
 И огнемъ горе не жжетъ, —
 Молодца горе беретъ, —
 Дѣвка въ гости не зоветь!
 Я бы рада позывала,
 Дома маленька родна,
 Во постельонку слегла.

Какъ на горкѣ, на горѣ,
 Стоитъ новенькой теремъ.
 Тутъ жила, была вдова,
 Двоихъ сыновъ родила,
 Китанчкой повила,
 На тихой Донѣ отнесла.
 Ужъ ты, тихенькой Донѣ,
 Ужъ ты, желтенькой песокъ,
 Воспой, воскорми лютокъ,
 До пятнадцати лѣтокъ. —

Черезъ двадцать пять годовъ,
 Пошла вдова по воду.
 Плыветъ корабль по морю:
 Одинъ сидитъ на носу,
 А другой—то на кормѣ.
 Вотъ который на носу,
 За того дочку отдамъ ;
 А который на кормѣ,
 За того сама замужъ пойду.
 Какъ у насъ-то на Дону.
 Не водится потому :
 Мать за сына неидеть,
 А братъ сестру не беретъ.

Ходитъ молодецъ по Астрахани,
 Погуливаетъ ;
 Въ синемъ бархатномъ халатѣ
 На распашечку похаживать.
 Во лѣвой-то рукѣ, молодецъ,
 Кушакъ шелковой несеть ;
 Во правой-то рукѣ, у молодца,
 Трость серебряная.
 Въ тросточкѣ ленточка, —
 Разноцвѣтная.

Ходить молодецъ по геролу,
 Не кланяется ни съ кнѣзь:
 Ни съ господами, ни съ казаками, —
 И челомъ не бьетъ.
 Къ прежнему бывшему генералу,
 И подъ судъ нейдетъ!
 Увидалъ же губернаторъ
 Изъ косящетаго окна:
 Вы подите, слуги, приведите
 Удалаго молодца;
 Вы не бейте его, не журите,
 Его такъ скоро ведите.
 Вотъ пошли же слуги, привели,
 Удалаго молодца.
 Поставили молодчика,
 Прель губернаторскимъ лицомъ.
 Вотъ и сталъ же губернаторъ
 Крѣпко выспрашивать:
 Ты скажи, скажи, молодчикъ!
 Чьего ты рода—племя,
 Или царскаго колѣна?
 Иль кунеческой сынокъ?
 Иль съ Оки рѣки молодчикъ?
 Иль съ тихаго Дона казакъ?
 Я ни царской и ни боярскій,
 Ни кунеческой, сударь, сынокъ;
 Ни съ Оки рѣки молодчикъ,
 Ни съ тиха Дона казакъ.
 Не изволите-ли знать Стеньку Разина?—
 Я его сударь сынокъ,
 А меня зовуть Семенишкою.
 Вы подите слуги, отведите
 Его во каменну тюрьму.
 Вотъ пошли же слуги, повели,
 Удалаго молодца;
 Посадили молодца,
 Во бѣлу каменну тюрьму.

Какъ возговорить молодчикъ,
 Удалимъ молодцамъ :
 Вашу каменну и тюремну,
 По камешку разберу. —
 Если батюшка услышитъ,
 Во полонъ городъ возьметъ ;
 Много бѣдъ онъ учинитъ,
 И въ разоръ васъ разверитъ.

Вечоръ поздно изъ лѣсочку,
 Я коровъ домой гнала ;
 Внизъ спустился къ ручеечку,
 Близъ зеленого лужка,
 Вижу, — баринъ ѣдетъ съ поля,
 Двѣ собачки впереди,
 Двѣ собачки впереди,
 Да два лакея позади. —
 Лишь поровнялся со мною,
 Бросилъ взоръ на меня.
 Здравствуй, милая красота !
 Изъ котораго села? —
 Вашей милости крестьянина,
 Отвѣчала ему я. —
 Не тебя ли, моя радость,
 Егоръ за сына просилъ ? —
 Его сынъ тебя не стоитъ,
 Не къ тому ты рождена ;
 Хоть родилась ты крестьянкой,
 Можешь быть и госпожей.
 Ты завтра же узнаешь,
 Какова судьба твоя.
 Хоть сего дня ты крестьянка,
 Завтра жъ будешь госпожа ;
 И во всемъ этомъ парадъ,
 Будешь вдвое короша.

Благодарю, доброй баринь, .
 За таки твои слова ;
 Хоть дворянкой быть и лестно,
 А Петруши очень жаль. (")

Прошло лѣто, прошла осень,
 Прошла красная весна;
 Наступаетъ злое время, —
 Мать холодная зима.
 Всѣ рученьки заплывила,
 Ручесочки не текутъ.
 Въ поля травонька завяла,

(") Эта пѣснь такъ напечатана :

Вечеръ поздно изъ лѣсочка,
 Я коровъ домой гнала;
 Лишь спустилась къ руческу,
 Оглянулась назадъ :

Вижу баринь влеть,
 Двѣ собачки передъ вмиъ ;
 Лишь со мною породалися,
 Бросилъ взоры на меня.

Ты откуда красотка,
 Чьей деревни и села?
 Вашей милости крестьянка,
 Отвѣчала я ему

Не тебя ли, моя радость,
 Дмитрій за мною просилъ?
 Его сынъ тебя не стоитъ,
 И не съ тѣмъ ты рождена.

Завтра милая узнаешь,
 Какова судьба твоя.
 Ты родилася крестьянкой,
 Завтра будешь госпожой.

Нов. всеобщ. и подл. пѣсен. ч. I. № 282, изд. Спб. 1819. г.

И цвѣточки не цвѣтуть.
 Въ саду листики спали,
 Мылки пташки не поютъ,
 Намъ разлуку подають.
 Чуютъ съ миленькимъ разлуку,
 Разлучить съ дружкой хотять.
 Ты разлука, злая мука!
 Не дала съ дружкой пожить.
 Ты заставила, разлука,
 Вѣкъ во двушкахъ сидѣть.
 Какъ бы знала про нещастье,
 Могла бы грусть истребить,
 И милаго не любить.
 Вспомни, вспомни, мой размилой!
 Какъ ты въ первый разъ пришелъ.
 Ты клялся, подлець, божился,
 Одною меня любить.

Лишь солнце закатилось,
 И садилось за горой;
 Все поле закронило,
 Вечерней росой.
 Подъ деревцомъ вѣтвистымъ
 Близъ хижиньки одной,
 Задумчиво сидѣла
 Салдатская жена.
 Всечасно милаго ожидала,
 Изъ дальней стороны.
 Не пылъ въ полъ пылыла,
 Два храбрые гвардейца
 Лишь саблями гремятъ!
 Крестами и орденами,
 Всѣ груди убраны.
 Подъѣзжаютъ къ хижинѣ, —
 Просились почевать:
 Пусти насъ, салдатка старая!

Она же отвѣчала :
 Я рада бы васъ пустила,
 Мнѣ нечемъ покормить ;
 Я печку не топила,
 И каша не варила. —
 Одинъ въ лѣтахъ возрѣлыхъ ;
 Другой какъ бѣлой лунь.
 Не признаешь ли салатка,
 Изъ насъ кого нибудь ?
 Мнѣ некого признати :
 У меня мужъ на службѣ,
 И сынъ въ полку. —
 Не стерпеть сынъ,
 При материнхъ слезахъ.
 И припалъ къ колѣнамъ ея! —

На горь то дождичекъ,
 Въ долинахъ туманъ ;
 На меня на девочку,
 Напала тоска и печаль.
 Уткай мой именькой,
 Изъ дому на часъ.
 На часъ часочекъ,
 На одной денечекъ.
 А я за нимъ девочка,
 Слѣдиломъ бѣгу,
 Слѣдиломъ бѣгу,
 Голосомъ кричу :
 Воротися душечка !
 Воротися назадъ !
 Если не воротися,
 Воспокаешься. —
 Сострогаю я девочка,
 Новъ, высокъ теремъ,
 Съ высокими крыльцомъ,
 Съ красными окномъ.

Сяду я на лавочку,
 За крашеной столъ.
 Погляжу въ окошечко,
 Вдоль по улицъ. —
 Молоды казаченьки,
 Съ походу идуть ;
 Мосго любезнаго,
 Въ повозкѣ везуть.
 Его ворона коня,
 Въ поводахъ ведуть ;
 Золото свидѣлечко,
 Во рукахъ несутъ.

Какъ по питерской было дорожкѣ,
 Тутъ въхали двое сенаторы,
 Сенаторы, большое начальство.
 Какъ подъ ними кони вороные,
 Кучера-то у нихъ молодые,
 Колмоотки у нихъ золотыя.
 Какъ подъ ними кони притомились,
 Среди пути становились,
 Среди пути въ лугахъ, при долинь.
 При долинушкѣ тутъ ива стояла,
 По названію матушка Елена.
 Со кореньяца она свилевата,
 Со вершинушки она кудревата.
 На вершинушкѣ сидѣла кукушка
 Жалобнехонько она кукукала,
 Жалобивъ того она причитала :
 Подо мной лежитъ убитый молодчикъ,
 Не убитъ онъ, не варьзанный, —
 Коньскъ острыйъ,
 Молодецъ приколаный.
 Какъ возговорить удалый молодчикъ :
 Сбереги меня, матушка Елена,

Чтобы съ солнышка тыло не горзло,
 Чтобы дождичкомъ тыло не мочило.
 Не обережешь меня, сожгу тебя огнями;
 Сбережешь меня, украсу тебя цвѣтами.

—————
 Вспомни, вспомни, миленькой,
 Прежнюю любовь!
 Какъ мы съ тобой, миленькой,
 Посиживали,
 Забавныя рѣчи говаривали:
 Тебѣ мой другъ не жепитися,
 А мнѣ замужъ не итти.
 Женись, женись, миленькой,
 А я замужъ пойду.
 Перемвниль священну клятву,
 Перемвниль ты навсегда.
 Ты повдешъ, мой другъ, въ церковь,
 И я мой другъ за тобой.
 Какъ надѣнуть на насъ вѣнцы,
 Въ одно времячко съ тобой.

—————
 Чернобровой, черноглазой,
 Мальчишка удалой!
 Вложилъ мысли въ мое сердце,
 Не могу забыть!
 Съ письмомъ пошло лакае,
 Велю воротиться.
 Воротиться не годиться;
 Авось умилится.
 Шелъ мальчишка лужечкомъ,
 Не нашелъ слѣдочку;

Злы собаки набивали,
 А онъ отшатнулся.
 Услыхала его разлюбезная,
 Лежа на кровати;
 Нестерпя своимъ сердечкомъ,
 Вышла на крылечко.
 Она вышла на крылечко,
 И промолвила словечко:
 Ахъ ты милой мой!
 И прижала его къ своей груди —

Несчастной я мальчишечка, —
 Какое горе терплю!
 Терплю, терплю горечко,
 Самъ не знаю для кого
 Знаю, понимаю,
 Кого я вѣрно люблю.
 Любовь меня разлучаетъ
 Съ милымъ дружкомъ далеко,
 Далеко, далеченько.

Между горъ высоко, —
 Между горъ высокинхъ,
 Тамъ дѣвчоночка живетъ.
 Со той со сторонущки,
 Приятель воздухъ несетъ.
 Не сходить ли мнѣ къ дѣвчоночкѣ?
 Не навдаться ли мнѣ ея?
 Дѣвочка, дѣвчоночка!
 Скажи: любишь ли ты меня?
 Если любишь, ты скажи;
 А не любишь, откажи.
 Если любишь ты меня,
 Возьму замужъ за себя;
 Если ты не любишь меня,
 Убью мальчикъ самъ себя.
 Убьюсь мальчикъ, застрѣлюсь,

И покроюся навекъ тѣмнотой.
Пускай люди говорить,
Что я мальчикъ враньѣ былъ, —
Одною въ свѣтѣ любилъ.

XVII. СВАДЬБА ВЪ СМОЛЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ.

Главныя
лица въ
засва-
таніи.

Парень, согласившійся съ выборомъ своего отца, избираетъ для своего засватанія: *отца посаженнаго, свата, дружка и подженишника*. Отцемъ посаженнымъ бываетъ всегда крестный отецъ; сватомъ, старшій въ семействѣ или деревнѣ; дружкомъ, расторопнѣйшій изъ молодыхъ людей, а подженишникомъ кто либо изъ друзей. Но еще есть довольно замѣчательное, или лучше сказать важное лице, — это *запѣвало*, который поетъ молодымъ, сидя на столбѣ (*). Современн засватанія женихъ называется молодымъ княземъ, невеста молодой княгинею. Дружка носить полотенце черезъ правое плечо, а подженишникъ черезъ правую руку одну красную ленту.

Запѣ-
вальныи
обрядъ.

При отправленіи жениха въ домъ невесты, является въ избу запѣвало; всѣ умолкаютъ. Женихъ, бывший доселѣ въ числѣ шумныхъ гостей, садится тогда скромно за столъ на кутѣ; по правую руку жениха садится под-

(*) Столбомъ называется прилегающее къ печи дерево, которое поддерживаетъ брусъ полатей и полицу.

женишникъ, а по дѣвую руку свать: свать, отецъ посаженный и всѣ поѣзжаные. Запѣвало, кладеть предъ иконами земной поклонъ, произнося : Николай пророкъ, Илья мученикъ и Филиппъ золотозубый, и всѣ святые святители, молодого князя блюстители, благословите на столбъ сѣсть, пѣсню спѣть, молодого князя свѣнчать (*). Потомъ обращается по очереди къ родному отцу жениха и посаженному, свату, дружкѣ и всему поѣзду (**) и говоритъ : отецъ родитель ! отецъ благословитель ! Сватокъ, соколокъ ! швыдка (***) леталь, ты молодому князю княгивю сыскалъ. Дружекъ молодчикъ, люди добрые, гостики завѣзие ! — и послѣ каждаго вызова повторяетъ : благоволите на столбъ сѣсть, благоволите раду спѣть. (****) Ему отвѣчаютъ : Богъ благословить и мы благословляемъ. — А Пречистая давно благословила, прибавляетъ отъ себя запѣвало, какъ народила, такъ и благословила, и долю показала. — Обращаясь къ посѣтителямъ, не участвующимъ въ поѣздѣ, запѣвало говоритъ : мужички—колосовнички, молодницы—бѣлоголовицы и дѣвушки—красноперушки, благословите на столбъ сѣсть, благословите раду спѣть. Ему отвѣчаютъ прежнимъ благословеніемъ.—Онъ кланяется святымъ иконамъ, но уже безъ всякаго причитанія ; садится на столбъ и поетъ :

Около двора, около Агафонича,
Пролегало тамъ три ступеньки,
Что ли торима дороженьки, —

(*) Это причитаніе употребляютъ запѣвалы Доробужскаго уезда.

(**) Поездъ. — всѣ лица званныя на свадьбу.

(***) Быстро.

(****) Такъ называется пѣснь, которую онъ поетъ.

Какъ по первой ли по стеженькѣ,
 По той ли торной дороженькѣ,
 Тамъ шелъ самъ Исусъ Христосъ,
 Со всѣми со Апостолами.
 По второй ли по стеженькѣ,
 По той ли торной дороженькѣ
 Тамъ шла Мать Пречистая. —
 Какъ по третьей ли по стеженькѣ,
 По той ли торной дороженькѣ,
 Тамъ шелъ самъ Козьма Демьянъ, —
 На свадьбу на Агафоныча.
 Ты святой ли ты Козьма Демьянъ,
 Да Козьма ли ты Демьяновичъ!
 Да ты сжуй ли-ка намъ свадебку,
 Вьковѣчную, не разрывную.

Благос-
ловеніе.

По окончаніи пѣсни, подають запѣвалѣ бутылку
 вина и пирога, и въ это время обводятъ жениха
 съ его поѣздомъ, три раза вокругъ стола; послѣ
 усаживаютъ его въ прежнемъ порядкѣ. — Запѣвало,
 не сходя съ своего мѣста, посылаетъ каждому го-
 стю по порядку, начиная съ жениха, рюмку вина
 и кусокъ пирога. (*) Выпивши и съѣвши свою долю,
 всѣ встають.—Отцы: родной и посаженный, и мать,
 наставляютъ и благословляютъ жениха; онъ кланяет-
 ся имъ въ ноги, сватьи поють:

Ни вороной конь копытомъ землю роетъ,
 Нашъ молодой князь благословенья проситъ.
 У батюшки родителя, у батюшки благословителя,
 У матушки родительки, у матушки благословительницы (**).

(*) Запѣвало не разрезываетъ а разламываетъ пирогъ. —

(**) Это повторяется для каждого изъ свадебныхъ — чиновъ,
 съ прибавленіемъ ихъ званія.

Послѣ благословенія укладываютъ въ ящикъ гостинцы, состоящія изъ пряниковъ, орѣховъ, вина, мыла (*), матеріи и прочихъ вещей, а женихъ отправляется съ поѣздомъ въ домъ невѣсты, гдѣ также пируютъ. Поѣздъ останавливается на дворѣ. Дружко идетъ къ окну и проситъ позволенія войти обогрѣться.—Негдѣ, отвѣчаютъ ему, у насъ пирушка. — Дружко возвращается къ своимъ, и чрезъ нѣсколько минутъ идетъ снова подъ окно ; тотъ же отказъ. Вовсе это время, съ той и другой стороны, поютъ сваты укоротельныя пѣсни. Дружко подходитъ въ третій разъ, но уже не къ окну, а къ дверямъ. Здѣсь истощаетъ онъ весь запасъ своего краснорѣчія, убѣждая неприклонныхъ хозяевъ впустить его обогрѣться въ избѣ, и наконецъ онъ достигаетъ своей цѣли: къ нему выходитъ невѣста, сопровождаемая сватомъ и поѣздомъ; на встрѣчу имъ подвигается поѣздъ жениха, предводимый такъ же сватомъ, и въ сѣняхъ сводятъ жениха съ невѣстою, и это дѣлается такъ: свать жениха подвигаясь съ нимъ впередъ на одинъ шагъ, говоритъ свату невѣсты : я къ тебѣ разъ.—Свать невѣсты, дѣлая съ невѣстою тоже, отвѣчаетъ : и я къ тебѣ разъ.—Это производится до трехъ разъ; за третьимъ сходятся сваты, дѣлаютъ *сливки* (**), которыя пьютъ сами и подчуютъ поѣзжаныхъ; недопитое ими выливаютъ чрезъ свою голову ; потомъ складыва-

(*) Мыло означетъ благодарность за материнскую заботливость объ ея дочери.

(**) Сватамъ подають чашку ; свать жениха беретъ ее за край правой рукою, а свать невѣсты лѣвой; въ другую руку берутъ по одной рюмки; дружко наливаетъ имъ вино, а они сливаютъ его поочередно въ чашку, пока не наполнятъ ее: это слитое въ чашку называется сливками, кони подчуютъ себя и поѣзжаныхъ, а остатокъ выливаютъ.

ютъ руку жениха съ рукою невесты, вводятъ ихъ въ избу, гдѣ уже накрытъ столъ, около котораго обводятъ ихъ три раза и потомъ сажаютъ на кутъ. Поѣзжанные обѣихъ сторонъ мѣстятся возлѣ нихъ, въ томъ порядкѣ, какой былъ у жениха. При усаживаніи за столъ молодыхъ и поѣзжанныхъ, запѣвало поетъ на столбѣ:

Божія родинька,
Прилетала;
Какъ мое дитятко,
За столъ сѣло;
Какъ мое серденько,
Радовалось.
Когда мое чадаыько,
Нараждалось.

Потомъ поютъ сватья :

Какъ пошелъ виноградъ
По за століаьку,
Стелочн сматерти,
Да блзевья. —
Решочн слезеньки,
Да горючія.

За этимъ дружка проситъ благословенія разрѣзать хлѣбъ, пирогъ и говядину. Получивъ согласіе, онъ тотъ часъ выполняетъ. Потомъ онъ проситъ благословенія подносить водку, но прежде, чѣмъ успѣютъ дать согласіе, онъ кричитъ: пить хочу! Поѣзжанные невесты подаютъ ему по очередно: кто воду, кто квась, кто горѣлку. Дружка, прикушывая у каждаго, говоритъ сморщившись: горько, прокисло, протухло,—и выливаетъ черезъ голову. Доходить очередь до невесты: ей подаютъ ковшъ пива, смѣшаннаго съ золою, ино-

гда съ табакомъ. Она передаетъ ковшъ дружкѣ, тотъ пьетъ и похваливаетъ : вотъ пиво, такъ пиво ! вотъ сласть, такъ сласть ! тотъ часъ видно, что варила молодая княгиня. — У него текутъ слезы изъ глазъ, а надобно прихлебывать и похваливать, — и долженъ опорожнить до дна. Онъ, едва успѣетъ выпить, — уже не дожидаетъ благословенія, боясь, чтобы не поднесли ему другой ковшъ, — хватаетъ рюмку, вливаетъ вина и подаетъ пить сначала молодымъ, а потомъ всему войду ; послѣ этого начинаютъ ужинать. Молодые ничего не ѣдятъ за столомъ : они ужинаютъ одни. Потомъ весь шобадъ переходитъ въ другое жилье, въ косягъ играютъ музыканты, и гдѣ каждый веселится по своему, не выходя изъ повиновенія дружки, который, со времени ужина, дѣлается главнымъ распорядителемъ въ домѣ. — Такимъ образомъ веселятся до поздней ночи. —

За тѣмъ поддѣвки, подруги невѣсты, называемыя Облава-
заніе. еще подневѣстницами, накрываютъ снова столъ, ставятъ на него коровай (*) и отравляются за невѣстою : амъ ведутъ ее подъ руки и сажаютъ на кутѣ ; сами же помышляютъ по обѣимъ ея сторонамъ и поютъ :

Ты куда голубонька,
Куда сизокрылая?
За чѣмъ отлетаешь?
На кого подруженекъ,
Твоихъ сиротинушекъ,
Кому покидаешь?

(*) Короваемъ называется хлѣбъ, утыканный вѣтвями, которыя перевиваются раскатаннымъ тѣстомъ и рѣшетчатыми украшениями, тоже изъ тѣста ; все это бываетъ покрыто золоченой мишурой.

Или :

Завли Танюшку, завли,
Да куда же наши глазоньки,
Глядели?

Послѣ этого начинаютъ дарить невѣсту. Дружко беретъ тарелку, ставитъ на нее рюмку вина и вызываетъ: сперва отца и мать невѣсты, потомъ по имени всѣхъ подневѣстницъ и родныхъ, прося ихъ выпить чару, а молодую княганю подарить.—Женщины дарятъ большею частію холстомъ, мушны деньги; наконецъ дружко подноситъ вино жениху, проситъ его выпить чарочку, а будущую господиню поларить. Онъ привкушиваетъ и даритъ невѣстѣ платокъ, а она отдариваетъ его кушачкомъ. Женхъ и поѣздъ стоятъ при отдариваніи по среди комнаты. Отдаривъ невѣсту, дружко отъ имени жениха, сватовъ и своего, даритъ невѣстину мать кускомъ мыла, подневѣстницъ пряниками и орѣхами, а сватья невѣсты поютъ укоризненную пѣснь, но тогда лишь, когда подарки не понравятся подневѣстницамъ :

Говорили, что сваты
Богаты,
Чорта жъ въ нихъ!
По сметьлицу ходили,
Пабросачки (*) собирали,
Тѣмъ двушекъ дарили. —
Чорта жъ въ нихъ!

Подневѣстницы, получивъ подарки, выходятъ изъ за-стола; ихъ мѣсто занимаетъ женихъ и его поѣздъ;

(*) Негодныя къ употребленію вещи.

сваты же, со стороны жениха, поютъ въ отмщеніе сватьямъ невѣсты :

Потянулись дѣвочки,
Изъ за столья!
Словно сучечки
Изъ подполья.
Потянулись дѣвочки,
Потянулись!

На канунѣ свадьбы собираются дѣвушки къ своей ^{дѣвкѣ} подруженькѣ-невѣстѣ. Онѣ проводятъ съ нею время въ пѣніи, и утѣшаютъ ее. Вечеромъ собираются сюда гости, въ числѣ коихъ находятся сваты и дружки съ обѣихъ сторонъ.—Для всѣхъ ихъ готовится прощальный ужинъ; до прибытія ихъ поютъ подруги :

Ахъ! жарко въ теремѣ свѣчи горять,
Горять свѣчи воску яраго. 2.
Ахъ! жалко плачетъ Надеждушка,
Унимаетъ ее родной батюшка,
Уговариваетъ родна матушка. 2.
Ты не плачь, не плачь, мое дитятко!
Ужъ я тебя не въ полонъ даю,
Не въ полонъ даю, не полонить хочу, 2.
А вѣдь я тебя, да дружку даю,
Дружку умному, да разумному,
Да и бѣлому и румяному. 2.
Вѣдь я тебя не одну нушу,
Не одну нушу, — повѣжанъ пошлю,
Повѣжанъ пошлю, сваху снаряжу. 2.
Государыня моя матушка!
Я сама знаю, про то вѣдаю. 2.
По гостямъ гости всѣ разѣдутся,
По домамъ сваты всѣ разойдутся. 2.
Вѣдь только я младшенька лишь остануся,

На чужой дальной сторушмать. Я.
 У чужого ли отца, у матери,
 У чужого ли роду племени. Я.

Через рѣчку черемха лежала, да лежала,
 Никто по черемхѣ не ходитъ, да не ходитъ;
 Одинъ Иванъ переходитъ, переходитъ,
 Свѣтъ Мельяновичъ переходитъ, переходитъ,
 Душу Машеньку переводитъ, переводитъ,
 Радость Сергѣевну переводитъ, переводитъ.
 Перевѣши ее поцѣлуешь, поцѣлуешь,
 Черезъ визаное ожерелье, ожерелье,
 Черезъ пуговики золотыя, золотыя.

Изъ за лѣсу, лѣсу темнаго,
 Изъ за горъ ли, горъ высокикъ,
 Летитъ стадо лебединое,
 А другое-то гусиное. —
 Отставала лебедушка,
 Что отъ стада лебединого;
 Приставала лебедушка,
 Какъ къ стаду ко сврѣжь гуслякъ. —
 Учали ея гуся щипати,
 А лебедушка климати:
 Не щипите вы гуся сврѣя!
 Не сама я къ вамъ залѣтѣла,
 Занесло меня непогодою,
 Что великою непогодою. —
 Отставала ли Машенька,
 Отставала ли Сергѣевна
 Что отъ красныя отъ двушекъ. —
 Приставала ли Машенька,
 Приставала ли Сергѣевна,

Къ молодымъ ко молодухамъ. —
 Учили ее люди журити,
 А Машенька плакати:
 Не журите люди добрые,
 Не сама я къ вамъ заѣхала,
 Не свою я охотою:
 Завезли меня добры кони,
 Что добры кони Ивановы,
 Какъ Ивановы та Мельяновича,

Послѣ ужина поютъ разгульныя сватъ, прихлопы-
 вая въ ладоши.

Какъ у нашего свата
 Да середъ избы яма,
 Да середъ избы яма!
 Напилася пьяна,
 Напилася сватъ пьяна!
 Какъ у нашего свата,
 Какъ у нашего свата,
 Да середъ избы лужа. —
 Напилася сватъ лужа. 2.

Сватъ бранять дружку за то, что имъ не даютъ вод-
 къ. —

Говорили, что дружко нашъ хорошъ,
 Говорили,
 Говорили! —
 Говорили, что дружко нашъ хорошъ,
 Чорта-жь въ немъ!
 Чорта-жь въ немъ!
 Чорта въ немъ! овсяное видинье, ячный носъ.
 Чорта-жь въ немъ!
 Чорта-жь въ немъ!
 Овсяное видинье, ячный носъ. —

Этой пѣвнѣю онъ преслѣдуютъ дружка, и до того надоѣдаютъ ему, что онъ, желая избавиться отъ нихъ, подноситъ по чаркѣ водки. Но сватьи, съ прежней безотвязностію, начинаютъ новую пѣнь :

Бѣленькій, румяньскій нашъ дружокъ,

Бѣленькій, румяньскій,

Бѣленькій!

Бѣленькій!—Его очиньки соколиныя, —

Бѣленькій!

Бѣленькій, румяньскій нашъ дружокъ!

Бѣленькій!—Его бровоньки соболиныя, —

Бѣленькій!

Бѣленькій, румяньскій нашъ дружокъ!

Нѣкоторыя изъ сватьей обнимаютъ дружка и силятся поцѣловать его. Онъ, чтобы отвязаться отъ нихъ, снова подноситъ имъ водки. Разгулявшіяся сватьи подносятъ чарочку ко рту, съ радостнымъ припѣвомъ :

А ты чарочка катокъ,

Въ одинъ тоненькій глотокъ,

Лейся прямо въ ротокъ!

Чарочка мол, серебряная!

Ихъ примѣру слѣдуютъ гости. — Веселіе продолжается дотолѣ, пока невѣста не скроется съ своими подругами. Дружка провозглашаетъ тогда : завтра, почтенные господа ! просимъ на свадьбу.

Благо-
словеніе.

При отправленіи молодыхъ къ вѣнцу, благословляютъ ихъ. — Оба молодые кланяются по три раза въ ноги, родителямъ своимъ и посаженнымъ, и близкимъ роднымъ, которые держатъ по очередно хлѣбъ и святые иконы. Молодые прикладываются къ образамъ и цѣлуютъ. Во время поклоновъ дружка поднимаетъ же-

ника, старшая подневѣстница вѣзѣсту а сваты, обѣ-
ихъ сторонѣ поютъ :

Не воронные коники,
Копытомъ землю роютъ ;
Молодые князики
Благословенья просятъ!

И смотря потому, кому кланяются молодые, при-
бавляютъ.

То у батюшки,
То у матушки,
То у роденьныхъ,
То у кровеньныхъ. —

По совершении благословенія дружка приготовляетъ
подарки священнику : чернаго пѣтуха, штофъ вина
и ржаный хлѣбъ; потомъ весь поѣздъ садится въ сани
или телѣги, — смотря по времени года, — и запѣва-
ютъ :

Полетѣлъ соколъ,
Полетѣлъ!
Только крылушкою
Засвистѣлъ! —

По возвращеніи молодыхъ изъ подъ вѣнца, ихъ встрѣ-
чаютъ свекровь въ шубѣ, вывернутой шерстью вверхъ, Оконча-
тельный
образъ.
и съ чашею, въ которую насыпанъ овесъ, перемѣшан-
ный съ хмѣлемъ: этимъ она обсыпаетъ новобрачныхъ.
Дружка гоняется въ это время за свекровью съ плетью
въ рукахъ, приговаривая: за чемъ ты мнѣ засорил
молодыхъ?—Послѣ подають новобрачнымъ пива : они
пьютъ одну половину, а другую выливаютъ черезъ
голову; имъ слѣдуютъ и всѣ гости, стараась выливать
въ ту сторону, гдѣ болѣе народа. —

Свекровь вводит молодыхъ въ избу, гдѣ, послѣдѣзъ немного, выводятъ ихъ съ музыкою и пѣснями, и отводятъ въ клѣтъ (*), въ коей уже приготовлена постель для новобрачныхъ. Гости, проводивъ молодыхъ до дверей, возвращаются въ избу и садятся за *обѣдъ незваный*, — такъ называется этотъ обѣдъ. — Дружка запираетъ за молодыми дверь, и сѣчетъ плетью по клѣтѣ (**).

Когда встанутъ новобрачные, тогда подаютъ гостямъ *званый обѣдъ*; послѣ обѣда дарятъ новобрачныхъ. Здѣсь дружка, вызывая по имени каждого, проситъ подарить молодыхъ: *конемъ, ти воломъ, ти чистимъ серебромъ. Кто будетъ дарить, тотъ будетъ сорокъ коровъ доить, а кто не будетъ дарить, тому одну козу да и то передѣлку (***)*. Когда дружка обойдетъ всѣхъ гостей, тогда молодые, сопровождаемые сватьями и музыкантами, отправляются съ своими посѣщеніями къ роднымъ и знакомымъ, и разносятъ всѣмъ имъ коровай. Въ каждомъ домѣ поютъ сватьи пѣсни и пляшутъ, а молодыхъ дарятъ, — этимъ оканчивается первый день свадьбы.

На другой день гонять молодую на воду. Съ разсвѣтомъ дня поѣзжанные поднимаютъ новобрачныхъ съ постели, и посылаютъ молодую съ ведрами по воду. Когда она донесетъ воду до половины дорогъ, тогда поѣзжанные выливаютъ ее, и продолжаютъ выливать до тѣхъ

(*) Клѣтъ здѣсь тоже самое, что амбаръ, въ который ссылаютъ хлѣбъ.

(**) Бывало дружка оставался вмѣстѣ съ новобрачными, наблюдая, что ему нужно; бывало молодой отдавалъ сватьямъ сорочку невесты, но нынѣ все это вывелось.

(***) Такъ называются коровы и козы, не принесшія приплода.

поръ, пока мужъ не откупить свою молодую. Онъ подноситъ каждому по рюмкѣ вина. Молодую уже не трогаютъ болѣе: она приноситъ воду и ставитъ въ избѣ; потомъ она начинаетъ печь блины званые (*).—За каждый званый блинъ кладутъ деньги. Въ заключеніи подаютъ дружкѣ блинъ, замѣшанный на овсѣ; половину онъ съѣдаетъ а отъ другой отнущается. Молодой не ѣстъ блиновъ; ему теща подаетъ яичницу, которую онъ ѣстъ, изрѣзывая средину кружкомъ или изрѣзываетъ всю ее въ куски (**).

Знакомые, повстрѣчавшись съ новобрачными на улицѣ, привѣтствуютъ ихъ: желаю замѣ жить да богатѣть, да спереди коробатѣть (***) . —

(*) Блины этаго дня называются зваными.

(**) Изложенные здѣсь обряды, почти одинаковы во всѣхъ уездахъ смоленской губерніи, исключая незначительнаго измѣненія въ уездахъ: взаемскомъ и юхновскомъ, именно, при обдариваніи невесты и благословенія ея къ вѣнку. — Когда братъ невесты хочетъ отрезать ея косу, тогда дружка не допускаетъ и выкупаетъ деньгами. Въ уездѣ поречскомъ обряды тѣ же, но во всѣхъ словахъ, вместо ч проносятся ц, а вместо ц говорятъ с.

(***) Эта поговорка употребляется въ уездахъ: смоленскомъ, бальскомъ, ельнинскомъ и красненскомъ.

XIII. СВАДЬБА ВЪ БѢЛОРУССІИ.

Свадьба. Когда Самусь или Тимоха на порѣ, и уже съ татулькой (батюшкой) потягиваетъ на арендѣ горѣлку; тогда татулька затѣваетъ *жанить лю*. Онъ, вмѣстѣ съ Самусемъ, забѣгаетъ къ маршулкѣ (свату) съ чаркой водки, и дружится съ нимъ; потомъ онъ посылаетъ маршалка съ своимъ сыномъ къ сосѣду, у котораго онъ *заирнуе длеухну* (замѣтилъ дѣвушку). — Тутъ Самусь *залцаецься* (любезничаетъ) съ *длеухной*, а маршалокъ *жокаецься* (попиваетъ) *зъ татулькой и зъ мамулькою* невесты, и когда все уладятъ, тогда назначаютъ день заручинъ.

Заручинъ. Рано съ вечера приходятъ въ домъ невесты сваты жениховы, и приносятъ отъ себя водку а отъ жениха кольцо. — Гостей уже полная изба, но невесты еще нѣтъ. — Заслышавъ, что идутъ сваты, она вмѣстѣ съ подружками выходитъ въ сѣни; тамъ надѣваютъ на нее шубу, и потомъ подружки, побравшись за руки плотно, ставятъ на одномъ концѣ младшую изъ подружекъ, а на другомъ невесту; входятъ всѣ въ избу и останавливаются передъ сватами.

Сваты невестины указываютъ на младшую подружку и говорятъ: *вось ваща нявѣста!* — *Нѣста ни нявѣста*, отвѣчаютъ жениховы сваты, и смѣются гром-

ко. — Сваты показывают на другую: такъ ось
ина! — И эта ни мла, отвѣчаютъ сваты. Такимъ обра-
зомъ перебираютъ всѣхъ дѣвушекъ, и когда укажутъ на
невѣсту, тогда маршалокъ спрашиваетъ круженку (та-
релку), ставитъ на нее чарку, въ которую бросаетъ же-
вихово кольцо, и наливши водки, подаетъ невѣстѣ,
чтобы она выпила водку и взяла кольцо. Послѣ
этого родные благословляютъ невѣсту и сажаютъ ее
за столъ; тутъ начинается пирушка. Мужики и бабы
пьютъ; поддѣвки (подружки) прихлебываютъ и по-
ютъ:

За горою Хвеклуныка вянки вѣтсь,
За ею матухна пеловъ шлетсь;
Хадзи Хвеклуныка меду питьсь.
А ни пайду матухна меду питьсь :
Медь мивъ питьсь, сухота,
А вяночки витьсь, красота.
За горою Хвеклуныка вянки вѣтсь,
За ею Самуська пеловъ шлетсь :
Хадзи Хвеклуныка вады питьсь.
Пайду къ тебъ, Самуська, вады питьсь,
Съ табою мивъ валу питьсь, красота,
Бязъ тибъ вянки витьсь, сухота. —

Ни правдивая калина,
Гаварила цвѣсти ни буду ;
Якъ пришла висна, разцвила,
Бѣленькя квѣтникъ цуетила,
Зяленый яверъ злюбила.
Ни правдивая Хвеклуныка,
Гаваривала замужъ ни пайду,
Маладога Самуську ни люблю.
Какъ прійшла осень, такъ пашла,

Малодот Самуську любла,
Въ яго сладочкикъ стунила.

—

Ни хадзи Хвеклуцька са вчэръ на дворъ,
Ни хадзи!
Не слухай Хвеклуцька звонникъ гусель,
Ни слухай!
Тыя тлбѣ вусильки спадманываюць,
Ни хадзи! —
Ать матухни отманываюць,
Ни слухай!
Къ малодоту Самуськи прыманываюць,
Ни хадзи!
Ты хадзи Хвеклуцька да мою сторону,
Ты хадзи!
На масѣ старанъ ни по вашему,
Ты хадзи!
На валахъ да у чанахъ ваду возюць,
Ты хадзи!
Кухари да у катлахъ обѣдъ варюць,
Ты хадзи!
Пирѣжыца Хвеклуцька на яго старану,
Пирѣжыца!
Пакажъ Самуська, гдзѣ валы стоятъ?
Ты пакажъ!
Пакажъ Самуська, гдзѣ катлы кипятъ?
Ты пакажъ!
Глупачка, дурочка, ни разумная
Паслухай!
На масѣ старанъ все на вашему,
Паслухай!
На плечахъ да у вадрахъ да ваду носюць,
Паслухай!
У горшчакъ, да у печи обѣдъ варюць,
Паслухай! —

При выдачѣ замужъ дѣвушки-сироты, поютъ ея подруги часто заунывнымъ голосомъ :

Ахъ знаць, знаць на вяселку,
Што ня бяцюшка аддаець,
Дворъ вялікій а зборъ ня вялікій.
Нятць у мяня радзинушки!
Ой сашлю, пашлю стру зязулку,
Па радзинушку.

Зязулка лялиць ;
Раданна вдзець!

Ахъ! паслала бь я соловеньку,
Да соловушка отказываець.
Ахъ! паслала бь я зязулку,
Па свайго татулку,
Да за родненькімъ бацькомъ.

Сырая зязулка не прылетаець,

Ахъ татулка адмавлінецъ :

«Радъ бы я устаца
Къ свайму дзцяццю,
И парадунку дацц.
Грабавыя доски,
Сциснулі ножкі,
Да не могу я устаца!
Сырая зямля,
Дверцы залегла,
И окошечка закланіла.»—
Маяго бяцюшку,
На вяселіка не пусціла.

Когда родня, подруги и сваты пируютъ у невѣсты, тогда гуляютъ у жениха его гости, а сваты величаютъ пѣснями :

Салодинькій пастарнакъ
Ци ня ты въ пограби,

Зиму зиновавъ,
 Самъ сабъ маркувку алиобовавъ?
 Молодинькій Самуська,
 Ця ня ты въ пузенкахъ побывавъ, (*)
 Самъ сабъ Хвеклуьнку алиобовавъ?
 Ай вчерь, ай вчерь на зарь,
 Ёдитъ Самуська на кань;
 А на смъ шапачка ярачка, (**)
 И съ золотою вѣткою,
 И съ чырвоною лентою.

Надѣль. Послѣ полуночи прекращается пирушка и начинается *надѣль жениха* (обдариваніе). — Жениха и подкняжихъ (дружекъ) заводятъ за столъ, за коимъ женихъ занимаетъ мѣсто на кутѣ, а подкняжіе вокругъ него. Съ правой стороны садится, возлѣ подкняжихъ, ктонибудь постарше изъ жениховой родни; передъ дружкой ставятъ сулейку съ виномъ и чарку на кружечкѣ; онъ наливаетъ въ чарку и говоритъ: *друзьцы милыи, гостики завѣжи, просимъ чарочку выпитъ, маладога князя надаритъ*. — Гости пьютъ вино и надѣляютъ жениха, кто чѣмъ можетъ. — Подносящій вино, обращается къ гостямъ: *што забывъ, што забывъ чарочку выпитъ, маладога князя надаритъ*. Онъ снова подноситъ по чаркѣ. Охотники пьютъ и надѣляютъ жениха. Полученныя деньги сыпаютъ передъ княземъ, съ поклономъ, и онъ благодаритъ гостей легкимъ наклоненіемъ головы.

Послѣ надѣла всѣ выходятъ изъ за стола. Одинъ изъ подкняжихъ подаетъ жениху новую шубу, лѣтомъ же новую свиту, и красный поясъ. Тутъ женихъ переодевается, кланяется гостямъ и отправляется къ невѣстѣ,

(*) Пузенки, деревня.

(**) Цоярковая.

которая сидитъ за столомъ, съ расплетенной косой и
позументовой тесьмою на головѣ; вокругъ сидятъ
подруги, которыя надбляли ее. Съ появленіемъ князи,
сваты поютъ :

Вось нашъ маладенецъ,
Станеть возли синиць;
Папытайтѣ вы въ яго:
Чи ня любитесь юнъ каро?
Ой любитесь, любитесь,
Рыбку былакрылку,
Дзвѣрку чернавку.—

Молодой входитъ въ избу, молодая и подруги ея
выбѣгаютъ изъ за-стола и прячутся; онъ отыскиваетъ
свою княгиню и сажаетъ ее за столъ; подруги зашѣ-
ваютъ :

А чаго жъ ты, Хвеклуцька, сядзела?
А чаго жъ ты, Хвеклуцька, глядзіла?
Чи ты свайго Самуська ни ждала,
Чи ты яго въ хатуцьку ни зваля?
Купивъ тѣбѣ хустуцьку Самуська,
Полюбицца новая хустынька.—
Поглядзі Хвеклуцька юмъ укланяецця
(кланяецця),
Да сваей Хвеклуцькѣ юнъ залацацця.

Женихъ, подойдя къ столу, кладетъ передъ невѣстой
подарокъ и кланяется ей.

Когда подруги кончатъ пѣсню, тогда маршалокъ го-
ворить: *мы ни Жиды, ни Татарыны какія, а честныя*
люди, прійѣхали зъ маладымъ княземъ пошпэжани, выку-
питесь нашу маладую княгиню Хвеклуцьку. Съ этимъ
Часть II.

Вызуть
молодой

словомъ дружно вытаскиваетъ изъ кармана сушено вино, а изъ за-пасухи деревянный ковшъ, и налившъ въ него водки, подноситъ старшей дружкѣ, которая отвѣчаетъ ему: *наша клягня ни таковская : у ле шмо ступень, то рубль ; одна каса сто рублювъ стоитъ, а етакій гарелки мы зъ роду ня кушали. У нашій гасподы гарелка сыцыная, айба пагадоцная.* Маршалокъ вынимаетъ изъ калиты мѣдную монету и бросаетъ въ ковшъ. Дружка пьетъ, а монету завязываетъ въ платокъ. Остальныя подружья тому же слѣдуютъ примѣру. — Почти всегда бываетъ, что дѣвушки недовольны подарками, по этому сваты поютъ укорительную пѣснь :

Да ня доля жъ твая, Хвеклунька!
 Ни сватався свать богатый,
 А пьяница, латрыга, якъ тутъ бывъ.
 На дварѣ старца разбили,
 Тымъ яны подружикъ дарилм

Сваты жониха отвѣчаютъ :

Пашди подружки зъ за-столя,
 Якъ тыи сичички зъ падоля.

Сваты невѣсты :

Идетъ дружка въ кабу,
 Ди зрянтъ у печку :
 А ци густа кануста ?
 Ци вяликъ гаршекъ каши ? —
 Ци падатъ каши ?

Сваты жениха :

Хлѣба соли многа,
 А привѣту нѣту. 2.

СВАТЫЕ НЕВЕСТЫ :

Гаварилъ : Самусьма нѣтъ коронъ,
 А чорта жъ у юмъ, што коронъ!
 Авсяное видзилья, яшнай носъ ;
 Зъ овсянаго змдзилья блиновъ напакешъ,
 Зъ яшнаго носика крукъ подарешъ. —
 А на смъ жупанъ,
 Хлопешъ напханъ ;
 А на смъ свята,
 Лыкомъ сшита.

СВАТЫЕ ЖЕНИХА :

Стукнули, брякнули на дваръ,
 Паглази матухна, ци ни по минъ?—
 Па тлябъ дачухна, па тлябъ!
 Сабирай, матухна, кублы минъ? —
 Атамаъ дачухну бязъ кубла,
 Чаму ныччики ни скубла.

СВАТЫЕ НЕВѢСТЫ :

Ни тузи дружкѣ, ни тузи,
 Чтобъ яму семь скулъ на пузи.
 Займа дружкѣ, займа!
 Чтобъ яму семь скулъ на лезьки.
 Пражора дружино, пражора!
 Па сляпки хлѣба сажантсь,
 Па палойнику хлѣбайтсь.

СВАТЫЕ ЖЕНИХА :

Ай няши сваття
 Мавчатъ якъ чупляты :
 А за визжатсь сваття,
 Якъ паросятъ.

Бѣсъ вѣкъ, гудуны, да тѣло!
 Бѣтъ у мѣне матушка для тѣло,
 Благославидѣсь светсь, та сяду,
 Благославидѣсь мѣне, я пабду (*).

Посадивъ невѣсту на квашнѣ, подружки одѣвають; по-
 томъ родители благословляютъ и затѣмъ молодые отпра-
 вляются къ вѣнцу, въ сопровожденіи сватовъ и сватѣн,
 которыя поютъ :

Прозо-
 жаніе въ
 стану и
 отъ вѣн-
 ца.

Запрягай татулка варанца,
 Мы поѣздимъ до вѣнцы!
 Самъ Богъ ворота отчиняетъ,
 Янгилы кониковъ держали,
 Такъ нашу невѣсту вѣнчали. —

Послѣ вѣнца идутъ молодые къ священнику и ко
 всему причету, приглашаютъ ихъ на свадьбу, и всѣ
 собираются потомъ въ домъ невѣсты.—Сватѣн поютъ :

Звнчали, шауковымъ поясомъ звязали,
 А ни разарваться, а ни развѣдаться,
 Быть въкъ выковаться.

(*) Въ нѣкихъ мѣстахъ молодой, прежде чѣмъ явится въ домъ
 невѣсты, приучаетъ своего коня не бояться огня а потому
 перескакиваетъ съ нимъ черезъ костеръ пылающій. — Со-
 бравшись ѣхать къ невѣстѣ, онъ и подружья его наль-
 вають на себя красныя шапки, свои шеи повязываютъ
 красными платками или перевязываются черезъ плечо бѣлыми
 полотенцами, за исключеніемъ одного жениха, и отправляются
 коннымъ поѣздомъ въ домъ молодой. Уворотъ выходятъ они изъ
 зажженной соломы, черезъ которую перескакиваетъ поѣздъ. Тог-
 да бросаютъ въ глаза лошадямъ зажженные клочки соломы,
 стараясь не допустить въѣхать въ отворенныя ворота. Всадники
 однако проскакиваютъ и останавливаются предъ дверьми из-
 бы. Женихъ, съ наклоненной головою, первый входитъ въ ха-
 ту и садится за столъ. Немедленно раздается пѣснь: *благосъ*
Боже, благосла миръ.

Были жъ мы у Бога,
 Видѣли тамъ пироговъ многи. —
 А на весѣхъ тутъ пироги,
 Есть тутъ баранчини
 И салютки прянички.

Солнце колесомъ у гору ѣдетъ,
 А дзвухна зъ вница въ дворъ ѣдетъ,
 А матухна у воротъ встричантъ,
 Правды вытантъ :
 Дачухна мѣж, чѣмъ жъ ты телшеръ?
 Матухна! твая я и Божжа. —
 Ни правда твая, ты таго пана,
 Съ которыми шлюбъ принимала,
 И таго паныча зъ которыми вничалася.

Подходя къ дому, поютъ :

Запали матухна свѣчку,
 Выйди на сустрѣчку ;
 Сустрѣчь свое дитя
 Одно роженое,
 Другое суженое.

Родители встрѣчаютъ новобрачныхъ съ хлѣбомъ
 солью, и осыпаютъ ихъ хмѣлемъ ; новобрачные, поцѣ-
 ловавъ хлѣбъ, кланяются имъ и всѣмъ присутствующимъ.
 Потомъ взодатъ ихъ въ избу, сажаютъ за столъ,
 и они пообѣдавши, пируютъ до вечера. Молодой въ сво-
 ими сватами, сватьями и гостями отправляется пировать
 въ свой домъ, а у невѣсты уже идетъ своя паруска.

Обдари-
 вание и
 оконча-
 ние сва-
 льбы.

Спустя нѣсколько времени, маршалокъ подаетъ невѣ-
 стѣ шадку, а самъ, взявъ тарелку, накрытую шоло-
 теищемъ, говоритъ : *што чимъ даруишь маладую кля-
 тию : ци виномъ, ци кинемъ, ци счастьимъ, ци долю,*

чи чирокими алмази. Отецъ и мать молодой; кладутъ на тарелку хлѣбъ-самъ и провозносятъ : даруемъ *алболю-солю, делью, счастьемъ*. За ними каждый изъ гостей даритъ невесту чѣмъ нибудь. —

Вскорѣ послѣ этаго прѣзжаетъ молодой и подкижикъ; на женихѣ тогда надѣта шуба наизворотъ. — Дружко начинаетъ вновь выкупать молодую, а подкижикъ и гости, прѣхавшіе съ новобрачнымъ, идутъ въ клѣтъ или въ другую избу, гдѣ мать новобрачной угощаетъ ихъ. — Когда молодую выкупать, тогда являются гости въ избу и пируютъ снова. Подруги поютъ :

Придачачки (подруги) сестры,
У васъ насы востры,
Яще нарядилъи,
Яще навастрѣли.

Сваты перебиваютъ ихъ :

А у нашего свата, 2. р.
Сяредь избы яма 2. р.
Напилася пьяна!
А у нашего свата 2. р.
Сяредь избы лужа 2. р.
Напилася дужа.

Иногда поютъ плясовую :

Людарь, людарь, людаши,
Прапивъ татка лимяши ;
Матка таго роду,
Прапила скаворолу ;
Дацка таго цыну,
Прапила авцыну.

По уходѣ гостей, мать кормитъ молодыхъ за особымъ столомъ. Когда новобрачные возвратятся въ избу,

молодая начинает голесить. — Маршалокъ снимаетъ съ молодого шубу и забрасываетъ ее на молодую, а на ее голову надвигаетъ шапку; потомъ сажаетъ молодую бокомъ на колесы или на сани, и послѣ этого мать передаетъ ее молодому. — Тогда всѣ гости отправляются пировать къ молодому, дорогою кричаъ пѣсни и уже безъ всякаго разбора. —

ХІХ. СВАДЬБА ЛИТОВСКАЯ.

По снятіи хлѣба съ полей, поселяне устриваютъ ^{заботливостью дѣвушекъ.} домашнія свои работы, и въ промежуткѣ отъ занятій, составляютъ дружескія сходбища, на коихъ шерѣдко звучитъ пѣснь и гудеть смычекъ. Дѣвушки и парни собираются сюда съ особымъ удовольствіемъ, чтобы поплясать и попѣть. Въ селахъ и деревняхъ ни одинъ праздникъ не проходитъ тогда безъ веселія. Дѣвушки дѣлаются заботливѣе, хлопчуть о своихъ нарядахъ, думаютъ о суженомъ и молятся Покрову о дарованіи имъ добраго мужа. — Поставивъ свѣчу предъ образомъ Божіей Матери, онѣ произносятъ въ церквѣ и въ домѣ. —

Святый Покровъ, Покровъ!
Покрывъ землю и воду,
Покрой и меня молоду.

Въ семейномъ бытѣ обращаютъ дѣвушки вниманіе на опрятность въ домѣ и изысканность своего убора, особенно когда пріѣзжаютъ сваты, по четвергамъ и субботамъ. Въ то время дѣвушки рачительно перемываютъ въ избѣ:

столы, скамейки, полки, посуду : подметають избу, надѣваютъ на себя бѣлую рубашку, цвѣтную юбку и передникъ узорчатый ; повязываютъ голову платкомъ, изъ подъ коего выпускають длинную косу, переплетенную розовой лентою.

Сватов-
ство.

При ожиданіи сватовъ, хозяинъ и все его семейство одѣваются въ праздничнымъ платьемъ, и не идутъ уже на работу, но сидятъ дома безъ занятій, исключая одной невѣсты, которая безпрестано суетится: то по дому, то около своего наряда. — Въ другихъ мѣстахъ парень посылаетъ двухъ своихъ сватовъ, которые ходятъ изъ дома въ домъ, пока не найдутъ дѣвушки, желающей вытти за мужъ. Сватамъ прикалываютъ ленты, или перевязываютъ ихъ рушниками (полотенцемъ) черезъ плеча, и потомъ возвращаются къ оочему молодцу съ радостной вѣстью. — Сватъ, ввойдя въ избу невѣсты, останавливается по срединѣ и кланяется на всѣ стороны, но его какъ будто бы никто не видитъ и ничего не говоритъ ему. Хозяинъ, сидя въ переднемъ углу, не трогается съ мѣста ; онъ кажется погруженнымъ въ размышленіе. Сватъ подходитъ къ нему и нарушаетъ его молчаніе. Хозяинъ говоритъ ему довольно хладнокровно : садись сосѣдъ, будешь гостемъ. Сватъ отвѣчаетъ : спасибо, сидѣли дома, ничего не высидѣли, а что будетъ, если еще сидѣть будемъ? — Это намекъ на невѣсть, чтобы онѣ не засиживались въ дѣвушкахъ. — Помолчавъ нѣсколько, продолжаетъ :

Нашъ быкъ, къ вашей телушкѣ привыкъ,
Какъ бы далъ Богъ дождать,
Вашу телушку къ нашему быку загнать.

Хозяинъ поспѣшно встаетъ съ мѣста, беретъ свата подъ руку и преситъ его ласково, чтобы онъ сѣлъ въ

переднемъ углу. Онъ садится а невѣста уходитъ тогда изъ дома, къ своей родственницѣ или пріятельницѣ; рассказываетъ ей о происшедшемъ и возвращается съ нею домой. — Онъ не входитъ уже въ избу, но въ клѣтѣ. — Сватъ заводитъ рѣчь о женитьбѣ, и выхваляя добрыя качества и состояніе жениха, вступаетъ въ переговоры съ отцемъ невѣсты. Услыхавъ скрипъ дверей у клѣтѣ, которая обыкновенно отдѣляется отъ избы сѣнями, сватъ тотъ часъ перестаетъ хвалить жениха, посматриваетъ на дверь и спрашиваетъ: что жъ это за скрипъ? Вѣрно не всё дома! Гдѣ же женихъ? — Отецъ отвѣчаетъ: известное дѣло, молодежи не сидится дома. — Находящіяся здѣсь женщины посматриваютъ другъ на друга, перемигиваются, и выходятъ одна за другой въ сѣни, чтобы привести въ избу невѣсту. Онъ приходитъ и опять выходитъ, потерян это нѣсколько разъ; потомъ вводитъ съ собою невѣсту. — Общее молчаніе; всѣ посматриваютъ на нее. Она отъ робости останавливается въ углу, подлѣ печи, и отвертывшись отъ нихъ, долбитъ пальцемъ въ стѣну. Послѣ непродолжительной тишины, заводятся разговоры: сперва тихо, потомъ громче и громче, наконецъ настаетъ общій разговоръ. Сватъ, возвысивъ голосъ, обращается къ невѣстѣ: что жъ дѣвушка ты не говоришь? А я сюда не даромъ пришелъ. — Она молчитъ и долбитъ стѣну. — Мать продолжаетъ: нечего сказать, молодецъ хоть куда! Не найдешь въ немъ пороковъ: ни нывица, ни гайдамака, ни воръ. Домъ зажиточный, семья добрая, — никто объ ней не скажетъ худо. Какъ думаешь, мое дитяtko? Отвѣчай, вѣдь ты уже не ребенокъ. — Молчаніе. — Наконецъ дочь, потупивъ глаза въ землю, отвѣчаетъ тихо: какъ хотите себя! — Отецъ или мать говорятъ ей: вѣтъ, моя родная! говори попенѣ: любишь ли его? Ты у

насъ не лишняя, изъ дому тебя не гонятъ. Не для того тебя вскормили и вспоили, чтобы шокнуть тебя. Какъ думаешь? — Она, отворотясь отъ стѣны, отвѣчаетъ: что жъ дѣлать? Если выходить за мужъ, такъ выходить,—пусть по вашему будетъ!—Послѣ этого она выступаетъ на нѣсколько шаговъ впередъ. Каждый изъ гостей дѣлаетъ ей приличное привѣтствіе, и разговоръ становится живѣе. —

Малая
попойка.

Сватъ вынимаетъ изъ кармана бутылку съ виномъ, ставитъ на столъ и говоритъ неvěстѣ: поминка же вамъ чарочку. Дочь роется на полкѣ между посудюю, и приноситъ чарку! Мать поспѣшно разводитъ огонь на вагнеткѣ (очагѣ), приготовляетъ яишницу и потомъ приноситъ ее на столъ. Сватъ, наполнивъ чарку водкою, пьетъ за здоровье нареченой; она же пьетъ за здоровье отца, отецъ за здоровье своей жены, жена за здоровье одной изъ подругъ своей дочери, а домашніе за здоровье всѣхъ. — Потомъ ѣдятъ яишницу и запиваютъ ее водкою. Послѣ угошенія хозяйка беретъ кусокъ холста, завертываетъ въ него опорожненную бутылку свата и отдаетъ ему. Сватъ идетъ въ домъ жениха съ благопріятнымъ извѣстіемъ. — Этимъ оканчивается первое сватовское угошеніе, называемое *малой попойкою*, которая однако не обязываетъ неvěсту окончательно выйти за мужъ, если бы она, или ея родители, раздумались бы послѣ: они обязаны заплатить только за водку. —

Отъ малой попойки до самой свадьбы, пируютъ родители жениха и неvěсты, приглашая взаимно. Они обходятся съ уваженіемъ другъ къ другу, и хвалятъ красоту и достоинства неvěсты. Родители ея приглашаютъ въ свой домъ изъ родственницъ двухъ дѣвухекъ или двухъ короткихъ пріятельницъ своей дочери, и просятъ ихъ проводить съ нею время до самой свадь-

бы. Эти дѣвицы называются *большими* (дружками); онѣ веселятъ ее пѣніемъ и забавляютъ играми.

Надѣлю спустя послѣ малой попойки, наступаетъ ^{Большая попойка.} большая попойка, которая въ иныхъ мѣстахъ называется еще *великою горьлякою*. Свать прѣзжаетъ тогда въ домъ невесты, уже съ женихомъ, и тогда надѣваютъ имъ кольца, а невеста и женихъ обвиняются между собою. На большую попойку приглашаются родственники невесты, которые тщательно разсматриваютъ жениха, перешепчиваются между собою о томъ, что въ немъ находятъ, и это дѣйствіе называется *судить жениха*. Послѣ ужина получаетъ женихъ опорожненную бутылку, въ коей онъ самъ привезъ водку, съ кускомъ холста. Потомъ всѣ расходятся; женихъ же съ сватомъ садятся на лошадей и уѣзжаютъ. Послѣ этой попойки нельзя уже раздуматься ни жениху, ни невестѣ: тогда всему конецъ. Большая попойка для помолвленныхъ такъ же священная, какъ присяга, и никто не нарушаетъ ее. —

Отецъ засватанной дочери отправляется, по прошествіи нѣкоторыхъ дней, въ ближній городъ, для закупки вещей къ свадебному убору дочери. —

Невеста не занимается уже въ домѣ никакой грубой работою: она приготовляетъ бѣлье, шьетъ узоры на рукавахъ рубашки, рушникахъ и платкахъ. Здѣшнія дѣвушки отличаются рукодѣльемъ. Та изъ нихъ, которая его не знаетъ, называется *неульжа*, *недѣльщица*, и не скоро найдетъ себѣ жениха; которая же искусная въ рукодѣльи, называется *дѣльщицею*, и та не засиживается въ дѣвкахъ. —

Въ пятый день послѣ большой попойки, дается об- ^{Сговоръ.} щее угощеніе, и при немъ совершается сговоръ. Тутъ присутствуютъ почти всѣ обыватели деревни. Ихъ приглашаетъ сама нареченная, ходя изъ дома въ домъ,

въ сопровожденіи старшей большани, и входи въ пубу, кланяется въ ноги три раза, проситъ пожаловать на хлѣбъ, на соль и на веселье. Встрѣтившись съ кѣмъ либо на улицѣ, она кланяется такъ же и проситъ на свадьбу. Женихъ съ боярами равнолѣрно ходитъ проситъ на свадьбу, и кланяется въ ноги. Тамъ, гдѣ они бывають, оставляють калачъ съ рушникомъ а сами получаютъ въ дамѣнъ : холстъ, платки и т. п. Послѣ приглашеній женихъ идетъ къ невѣстѣ съ музыкою; въ домѣ невѣсты пляшутъ, поютъ и потомъ всѣ расходятся домой. Дружки почуютъ у невѣсты, и у ней онѣ расплетаютъ косу, а родители благословляютъ на доброе дѣло.

Ребятишки зажигають по утру, около избы невѣсты, насмоленные колоды. Этимъ дають всѣмъ знать, что въ дамѣ веселье. — Съ восьми часовъ утра уже толпятся гости, особенно родственницы, кои заранѣе приѣзжаютъ сюда съ дѣтьми. Своихъ дѣтей онѣ усаживаютъ на примосткѣ, устроенномъ между печью и стѣною. Сами усаживаются на лавкахъ ближе къ столу въ одинъ рядъ, и занимаются разговоромъ, въ который никто изъ постороннихъ не долженъ вмѣшиваться. Строго смотрятъ, чтобы посторонняя женщина не сѣла на примосткѣ. Если бы кто дѣлалъ это по невѣдѣнію, или забывшись; то это считается нарушеніемъ приличія и неуваженіемъ къ родственникамъ невѣсты, и въ ту же минуту говорятъ ей: подвинуся, матушка, дѣтей нѣкуда дѣвать, — и ее вытѣсняютъ. Послѣ насмѣхаются надъ нею и попрекають присловіемъ: разсѣлась какъ квочка на яйцахъ. —

Въ день стоворнаго угощенія, всѣмъ распорядается родственница: она принимаетъ гостей, усаживаетъ ихъ по приличнымъ мѣстамъ и вводитъ, съ родителями и большанками, невѣсту, которая дотолѣ находилась

въ клѣтѣ, ибо невѣста по обычаю не должна показываться сюда, прежде представленія ей родственницею. Около десяти часовъ утра прѣбываетъ женихъ съ дружкой, боярами, святомъ и однимъ близкимъ родственникомъ. Она входятъ въ избу молча, съ важною и въ надешнутыхъ почти на глазахъ шапкахъ; ни съ кѣмъ не здоровываются; гости не встаютъ съ мѣста и молчатъ; одинъ свать прѣвѣтствуетъ собраніе наклоненіемъ головы, не снимая шапки. Всѣ они идутъ въ конецъ избы и занимаютъ мѣста за столомъ; женихъ садится въ углу подъ иконами, подле него свать, далѣе дружка и наконецъ музыкантъ, избираемый преимущественно изъ родственникововъ. Остальные расаживаются, гдѣ есть мѣсто. Долго не говорятъ; на лицахъ выражается какое-то не удовольствіе; одинъ свать балагуритъ, то съ тѣмъ, то съ другимъ, болѣе же съ дѣвушками, но и онѣ набѣгаютъ разговоръ. Свать, видя продолжительное молчаніе и соскучивъ имъ, спрашиваетъ громко: да гдѣ же господя хозева? Видно не ждали гостей! — послѣднее встаетъ съ мѣста, выходитъ изъ избы и встрѣчаетъ хозяина у дверей, какъ бы нечаянно. — Слава Богу! говоритъ онъ, кого искали, того и сыскали. Проситъ покорно въ избу. Хозяинъ отвѣчаетъ сухо: я тамъ не нуженъ, обойдется безъ меня. — Свать говоритъ: просимъ покорно свать, войди въ избу. Въ то время какъ одинъ упрямится, а другой упрашиваетъ, выходитъ изъ избы женихъ съ поѣздомъ и упрашиваетъ своего тестя войти въ избу. Чѣмъ убѣдительнѣе его упрашиваютъ, тѣмъ упорнѣе онъ отказывается. Тогда женщины отправляются въ клѣтѣ нареченой и вводятъ ее въ избу. Тутъ она, поддерживаемая съ обѣихъ сторонъ большими, кланяется всѣмъ къ поясъ. По совершеніи поклоновъ, невѣста подходитъ

къ женщины, сидящей на полу, просить ее быть при ней безотлучно до самой свадьбы. Она первоначально отговаривается, потомъ соглашается, и встаетъ съ мѣста, присоединяется къ двумъ большанкамъ. — Избранная женщина, называемая съ тѣхъ поръ *молодицею*, должна быть молодая и не давно за мужемъ, не болѣе двухъ лѣтъ. —

Убѣжденный хозяинъ просьбами гостей, входитъ въ залу; за нимъ женихъ, идя прямо въ передній уголъ. Когда усалятся за столомъ, гдѣ первое мѣсто занимаетъ женихъ, послѣднее отецъ нареченной; тогда садятся немедленно, а женщины садятся на противоположной скамьѣ. Невѣста занимаетъ мѣсто противу жениха, старшая большанка противу свата, младшая противу старшаго дружки, молодица противу музыканта. Когда размѣщеніе кончится, тогда невѣстина мать, которая дотождѣ не показывалась, выходитъ изъ клѣтки и занимаетъ послѣднее мѣсто на скамьѣ невѣсты, противу своего мужа. Она же выноситъ изъ клѣтки закуски, сострашаютъ изъ варенаго или жаренаго мяса, творогу и водки, и все ставитъ на столъ предъ хозяиномъ. Наполнивъ чарку водкою, она выпиваетъ сначала за здоровье свата; потомъ наливаетъ вновь и накрывъ бѣлымъ вынутымъ изъ за-пазухи платкомъ, подноситъ свату, который снимаетъ платокъ, беретъ его себѣ и выпиваетъ водку. Тотъ же сватъ наливаетъ чарку и подаетъ невѣсту, но она, поподчивавъ старшаго дружку, покрываетъ чарку цвѣтнымъ или краснымъ платкомъ. Дружка, принявъ чарку, прячетъ платокъ въ карманъ и пьетъ за здоровье невѣсты; за тѣмъ, наливъ чарку, передаетъ ее невѣстѣ, которая только подноситъ къ своему рту, и подаетъ, накрывъ чарку своимъ платкомъ, младшаго дружку. Этотъ пьетъ за здоровье молодицы, та за здоровье жениха, же-

никъ за здоровье старшей большани, эта же за здоровье музыканта и оговариваетъ чарку тесьмою, трудъ невѣсты. (*) Музыкантъ отдастъ чарку невѣстѣ, которая пьетъ за здоровье свата, свать за здоровье ея отца, а отецъ за здоровье жениха. Потомъ гости начинаютъ пить потому порядку, какой устанавливается между ними. —

Молодица растилаетъ на столѣ бѣлый платокъ, невѣста и женихъ кладутъ на него снятыя съ своихъ пальцевъ кольца. Двѣ большанки съ одной стороны, а двое дружекъ съ другой, берутъ за концы платокъ и поднимаютъ его съ кольцами по выше головы. Свать возгласитъ громогласно: *свать!* Это повторятъ все сидящiе за столомъ. Потомъ опускается платокъ съ кольцами. Такой обрядъ совершается три раза. Наконецъ молодица беретъ кольцо невѣсты и надѣваетъ на палецъ жениха, а свать беретъ кольцо жениха и надѣваетъ на палецъ невѣсты.

Свать сдѣлываетъ разостланный на столѣ платокъ, прячетъ его въ карманъ а изъ кармана вынимаетъ башмаки и даритъ ими невѣсту, которая, принявъ съ поклономъ, отворачивается въ сторону и бросаетъ на землю съ пренебреженiемъ. Стоящiе парни, возади, поднимаютъ и подаютъ невѣстѣ; она вторично бросаетъ. Тогда свать обращается къ ней и говоритъ: не хорошо бросать башмака! въ нашей сторонѣ земля не ровная, иногда и пригодится. — Жениху подаютъ башмаки, которыми онъ снова даритъ невѣсту; но она не

(*) Тесьмы бываютъ отъ $\frac{1}{2}$ до 2 вершк. ширины. На основу употребляютъ льняныя нитки, а на утокъ цвѣтный гарусъ, преимущественно красный. Невѣста раздариваетъ иногда болѣе 100 тесьмъ, которыя она заготавливаетъ съ 12 лѣтняго своего возраста.

принимаетъ, и только принимаетъ отъ него; за третьимъ разомъ. Тутъ она огладетъ ихъ спрятать старшей большанкѣ, а сама, какъ бы стыдясь своего поступка, потупляетъ голову въ землю или отворачивается въ другую сторону. Большанка съ молодой поетъ :

Не сиди телушка бокомъ,
 Это тебѣ не съ наркомъ;
 Сядь себѣ примешенько,
 Будь себѣ милешенькой. —

По троекратномъ пропѣвѣ, невѣста поднимаетъ голову. — Женихъ, снявъ шапку, подаетъ ей свою руку и выходитъ съ нею изъ за стола; то же самое дѣлаетъ каждый мужчина, съ сидящею противу его женщиною. — Музыканты начинаютъ играть и отпрысывается пляска. Первые пары вертятся порядочно, покрайней мѣрѣ въ первые три круга, а потомъ начинается стукотня и шумъ. Скрипки и дудки не умолкаютъ ни на минуту. Женихъ, промолчавъ съ невѣстою, танцуетъ съ ея родственницами, пока не перетанцуетъ со всѣми ими. —

Въ этотъ день много выпивается водки и пива, преимущественно во время ужина. За столъ садятся тѣ только, которые прежде за нимъ сидѣли; а прочіе располагаются въ клѣтѣ, сѣняхъ и около избы, и угощаютъ другъ друга, часто привезенными съ собою съѣстными принасами. Послѣ ужина всѣ расходятся по своимъ домамъ. —

Оконча-
 ніе сва-
 дебнаго
 обряда.

До самой свадьбы озабочены, родители невѣсты, приготовленіемъ приданаго и украшеніемъ свадебнаго веселія. Большанка и молодница забавляютъ невѣсту пѣніемъ, и если невѣста въ веселомъ расположеніи духа, то она поетъ съ ними. — Поютъ про сѣтованіе дѣвушки, растающейся съ своими дѣвическими друзьями,

забавами и беззаботной жизнью; поютъ проволочитские молодцы на балаханами; всцѣваютъ попойку, сговоръ и пляски. Такимъ образомъ проводятъ плѣту надѣлю. — Въ субботу на невѣста, въ сопровожденіи ближнихъ и молодцы, идетъ на исповѣдь; потомъ проводятъ вечеръ въ дѣвичьемъ кругу, съ обрядными приготовлениями къ предстоящей свадьбѣ, по сему вечеру называется дѣвичникъ, т. е. дѣвичникомъ. На немъ никто другой не можетъ быть, кромѣ дѣвушекъ. —

Свадьба совершается здѣсь почти такъ же какъ въ Малороссіи: съ разгуломъ и безотчетнымъ весельемъ. —

Когда молодой садится подлѣ своей молодой, тогда его не пускаетъ братъ или другой родственникъ невѣсты. Сватъ или дружка покупаетъ мѣсто, и тогда садится молодой подлѣ невѣсты, которая опускаетъ голову на столъ и закрываетъ себя бѣлымъ платкомъ. Женихъ старается поднять голову молодой; она противится; онъ срываетъ съ ея головы платокъ, и цѣлуетъ въ губы. Потомъ начинается пляска и угощеніе, а въ заключеніе обходитъ сватъ всѣхъ гостей, съ водкою и тарелкою, и каждый, выпивъ чарку водки, кладетъ на тарелку нѣсколько денегъ. Потомъ онъ разрѣзываетъ коровай и разноситъ гостямъ; послѣ надѣваетъ сваха на голову молодой очипокъ, вышитый шелкомъ и мишурою, а поверхъ чепца набрасываетъ сваха *намитку* (тонкое и прозрачное полотно) и передаетъ молодую окончательно мужу. —

Свахи, удостовѣренныя въ непорочности молодой, украшаются альми лентами, а бояры подпоясываются красными кушаками. Впротивномъ случаѣ всѣ оказываютъ неудовольствіе, и замѣтно общее уныніе. — На другой день свадьбы пляшутъ у моло-

дыхъ. — Радостныя гости ходятъ по улицамъ съ музыкаю или заходятъ къ богатому помещику, или къ кому либо другому: тамъ ихъ подчуютъ водкою. Иногда въ толпѣ ихъ бываетъ шутъ, который ѣдетъ верхомъ, кричитъ, поетъ и размахиваетъ длиннымъ шестомъ, съ навѣшеннымъ на немъ знаменемъ; по возвращеніи гуляющихъ въ домъ молодыхъ, родственники опять подчуютъ гостей, а невобрачныкъ дарятъ, кто чѣмъ можетъ: курицами, бараномъ, теленкомъ, гусями, полотномъ, пряжью или другими домашними вещами. Во вторникъ бываетъ, если молодые зажиточныя, наряжаніе гостей; потомъ снова пляска и угощенія. — Свадебное пированіе продолжается иногда цѣлую недѣлю. —

XX. СВАДЬБА МАЛОРОССІЙСКАЯ.

Изъ старинныхъ извѣстій о нравахъ и жизни Мало-россіяпъ, мы имѣемъ сочиненіе половины XVII вѣка, инженера Боупана, который жилъ въ Украинѣ около 17 лѣтъ. Онъ передалъ намъ много любопытныхъ свѣдѣній, между прочимъ о свадьбѣ (*).

Свѣдѣ-
нію мно-
го на
объ на-
лор о с-
сійской
свадьбѣ.

Въ Украинѣ на перекоръ всѣмъ народамъ, говоритъ Боупанъ, не мужчины сватаются за дѣвицы, а дѣвицы за мужчинъ. Въ этомъ содѣйствовало имъ общее мнѣніе, что дѣвицы скорѣе достигаютъ своей цѣли. Влюбленная дѣвушка приходила въ домъ жениха въ то время, когда его родители были дома. Войдя въ избу, она привѣтствовала ихъ: *помогай Визь!* и садилась. Потомъ обращалась къ жениху, называла его по имени и говорила: я вижу, что ты человѣкъ добрый и я буду съ тобой счастлива, женись на мнѣ.—Наконецъ обращалась къ его родителямъ и просила ихъ согласія. Если они не были согласны или отговаривались молодостью лѣтъ сына, то дѣвушка отвѣчала,

(*) Beauplan : Descrip. d'Ukraine, изд. Россіи. 1680 года.

что она не разстанется съ ихъ домо́мъ. По прошествіи нѣсколькихъ недѣль, родители соглашались съ желаніемъ невѣсты и уговаривали сына полюбить ее.— Не согласиться съ желаніемъ невѣсты, значило навлечь на себя гнѣвъ Божій а на домъ несчастіе. —

По соглашеніи жениха сзывали парубковъ и дѣвицъ, и разсылали ихъ по всѣмъ своимъ родственникамъ, чтобы просить ихъ на *веселье* (свадьбу), а въ знакъ уполномочія посланныхъ, давали имъ по цвѣточному вѣнку, который надѣвался на руку. Парубки ходили попарно, имѣя впереди себя одного парня, который держалъ въ рукѣ жезлъ (*), и отъ имени всѣхъ пріѣтствовалъ и просилъ на веселье.

Невѣсту наряжали къ вѣнчу въ длинное шерстяное платье, темнаго цвѣта, и съ широкою на груди оторочкою, изъ полушелковой матеріи. На голодѣ никакого не бывало убора, кромѣ цвѣточного вѣнка; волосы раскидывались по плечамъ, грудь и шея были закрыты.

Отецъ, братъ или ближній родственникъ, велъ невѣсту въ церковь; впереди ихъ шли два музыканта: съ скрипкою и сощипкою (свирѣль). По совершеніи вѣнчанія, одинъ изъ родственниковъ принималъ молодую и отводилъ ее домой съ музыкою.

Когда наступало время вестъ молодую къ брачной постели, тогда родственницы жениха вводили ее въ спальню, а за тѣмъ тайно приводили сюда жениха и задерживали у брачной постели зачарясь.

Собравшіеся гости сидѣли съ кубками въ рукахъ, а женщины били въ ладоши и плясали. Спусти нѣскольکو времени, родственницы возвѣщали радость и тогда

(*) Необразованный деревенскій мечъ.

увеличивалось веселіе. На молодую надѣвали очки (чепецъ), въ коемъ она ходила во всю жизнь. Оди только дѣвушки ходили простоволосыми, и нѣтъ считалось за стыдъ носить очки.

Если во время свадьбы провозглашали молодую дурнымъ именемъ, то ирешество прекращалось: мужчины бросали кубки, а женщины переставали пѣть. Родственники молодой терпѣли всякаго рода оскорбленія. Все въ домѣ становилось верхъ днемъ: били горшки и бросали кружки на полъ. На мать новобрачной надѣвали хомутъ, иѣли оскорбительныя, пѣсни и съ уверкомъ подносили петь изъ черепка. Наговоривъ всего, что приходило на умъ гостей, они расходились съ неодобраніемъ, а родственники запирались отъ стыда въ своихъ домахъ, на нѣсколько дней. Въ волѣ молодого было прогнать жену или жить съ нею.

ЖИВОННЯЯ СВАДЬБА.

Много радости на малороссійскомъ *веселіи* (свадь-^{Свойс-}_{во весе-}бѣ), и оно, выражая вполнѣ мысль веселія, обращается въ праздникъ, нерѣдко всего околodka. Поселяне и горожане сами стекаются толпами; двери избы открыты тогда для всѣхъ, званыхъ и незваныхъ; кушанье, питье, танцы, — все для всѣхъ. Родители молодыхъ принимаютъ чистосердечно даже своихъ враговъ; угощаютъ ихъ съ чувствомъ торжествующей добродѣтели. Никто тогда не врагъ; самые злые недруги примиряются, и *веселье* молодыхъ часто соединяетъ дружною многихъ непріязненныхъ. Малороссіянинъ легко

забываетъ нанесенныя ему обиды, но равнодушенъ, когда осмѣрбляютъ его простосердечіе.

Вечернія сходбища, извѣстные подъ именемъ вечерницъ и досвитоковъ, сближаютъ здѣсь молодежь обоюго пола, безъ нарушенія приличій въ обращеніи между ними; но горе тому, кто нарушитъ благопристойность оныхъ преслѣдуется всюю громадою парубковъ (обществомъ парней). — На вечернихъ сходбищахъ парубки женихаются (ухаживаютъ за дѣвушками), и долгое время.

Сватовство.

Избирающей себѣ невесту, сближается съ нею на вечерницахъ. Тутъ онъ испытываетъ ее расположеніе къ себѣ, вывѣдываетъ ея качества, и если уже адблалъ выборъ, тогда онъ претупаетъ къ дѣлу. Подъ веселый часъ онъ объявляетъ своему отцу, что такая то дивчина (дѣвушка) полюбилась ему, и онъ проситъ позволенія жениться на ней. Отецъ, выслушавъ его просьбу, совѣтуется съ своими свойственниками или добрыми сосѣдами. Получивъ соизволеніе отца и матери, сынъ избираетъ двухъ старостъ (*), чтобы они высватали ему дивчину, которая понравилась ему; даетъ каждому въ руки по посоху (по палкѣ), въ знакъ полномочія; вручаетъ имъ нарочно изготовленный для этого дѣла хлѣбъ и выпровождаетъ ихъ за ворота. — Старосты отправляются въ домъ отца невесты.

Мать невесты, увидѣвъ издали незваныхъ гостей, идущихъ съ хлѣбомъ и въ новой одеждѣ, догадывается и кричитъ своему мужу: старосты идутъ! — Къ кому?

(* Сватовъ, изъ коихъ одинъ называется старшимъ, и на немъ лежитъ обязанность высватать невесту, потому въ это дѣло избирается умный, ловкій, изворотливый и хитрый и богатый человекъ.

спрашиваетъ онъ — Къ намъ, вотъ уже на дворѣ. Садись скорѣе на лавку, а ты Ганусю (Аннушка, по-вѣста) бѣжи въ комнату, одѣвайся. —

Гануся въ испугѣ смотритъ на мать, мать толкаетъ ее дружески въ комнату, и тамъ наряжаетъ въ новую пилхту. Въ то время старосты стучать по три раза палкою по дверямъ; отецъ поспѣшно достаетъ новую свою свиту (армякъ), новый поясъ, — одѣвается и говоритъ про себя: Господи милосердный! дай моей дочерѣ добраго человѣка. — Стучать въ другой разъ, и въ третій разъ. — Одѣтый хозяинъ входитъ въ хату, застилаетъ столъ скатертью, кладетъ хлѣбъ, который всегда лежитъ на столѣ къ покуту (въ углѣ видѣ образамъ. — Ударилъ въ послѣдній разъ въ двери, тоже три раза. Отецъ, перекрестившись, отвѣчаетъ имъ: если добрые люди, съ добрымъ словомъ, то просимъ, — и обращаясь къ своей женѣ: садись скорѣй! Она, перекрестившись три раза, садится подлѣ него. — Тотъ часъ входятъ въ хату двое старостъ, въ свинихъ жупанахъ (кафтанахъ), подпоясанные англицкою малашакою (англисскою бахрамою) и съ палками въ рукахъ. Старшій староста держитъ въ рукахъ святой хлѣбъ; молится Богу и потомъ плачутся хозяину и хозяйкѣ. — Хозяинъ проситъ ихъ сѣсть и спрашиваетъ: что они за люди? куда идутъ и за чѣмъ ихъ Богъ сюда принесъ? — Отецъ, хотя уже знаетъ, за чѣмъ они пришли; однако спрашиваетъ ихъ изъ одного обыкновения. — Старшій староста говоритъ: прежде всего позвольте намъ поклониться вамъ, и добрымъ словомъ прислужиться. —

Не прогнѣвайтесь выслушать насъ, и *колы буде тее, то мы и онее* (*); если же наше слово не въ ладъ,

(*) Это выраженіе нельзя перевести буквально, ибо, слово въ

то мы найдемъ назадъ. А что мы люди честные и боятъ злой науки, то вотъ вамъ святой хлѣбъ въ руки. — Отецъ беретъ хлѣбъ, цѣлуетъ его, передаетъ на столъ подлѣ своего хлѣба и говоритъ : хлѣбъ святой принимаемъ а васъ послушаемъ. Садитесь добрые люди. Что будетъ то будетъ, а тому бывать, тому не мнѣвать. Садитесь, будь ласково (адѣлайте милость) и ногъ своихъ не утруждайте, — вы пришли изъ дала. Съ котораго же царства, съ котораго государства ? — Старшій староста отвѣчаетъ : мы люди вѣрные, идемъ изъ земли турецкой. Мы ловцы, удалые молодцы. Однажды, на нашей землѣ, выкала перница (небольшой свѣтъ). Я говорю товарищу : чего намъ смотрѣть на эту непогоду, пойдѣмъ на охоту, и пошли. Вздвигли, слѣдили и ничего не нашли. — Между тѣмъ на встрѣчу намъ ѣдетъ князь (женихъ), на веронѣхъ конѣ, и говоритъ намъ : ай, вы ловцы, добрые молодцы ! услужите мнѣ службу, пеняжите дружбу : мнѣ попалась лисица или куница, но едра ли не красная дѣвица. Бить, шить не желаю ; поймать ее желаю, — помогите ! Чего ваша душа захочетъ, требуйте отъ меня. Ловцамъ молодцамъ того и надобно. Мы пешки по слѣдамъ, по вѣтамъ городамъ. — Первымъ слѣдъ показался въ землѣ вѣмецкой, а далѣе въ турецкой ; идемъ, ищемъ и не находимъ. Всѣ царства, всѣ государства прѣшли, а ее не нашли. Мы и говоримъ клямо : мы пойдемъ въ другомъ мѣстѣ, и найдемъ не только куницу, но и красную дѣвицу. — Напѣвъ князь остался при своей душѣ, и сказалъ : сколько по свѣту ни ѣзжалъ, въ какихъ государствахъ ли

слово : если будетъ то, то и мы то, т. е. если состоится дело, то мы исполнимъ его.

башгалъ; но такой кункины, или красной дѣвочки, не видали. Мы вновь по слѣду пошли, и въ это село, какъ зовется, не знаемъ, нечаянно зашли. Тутъ свата пала переша, а мы ловцы, добрые молодцы, давай ходить, давай слѣдить. — Сего дня рано встали и наслѣдъ напали. Побѣжали нашъ звѣрь да къ вамъ на дворъ, а со двора до хаты; теперь хотимъ его поймать. Нѣтъ сомнѣнiя, что наша кунка въ вашей хатѣ, а это наша красная дѣвица. Нашему слову конецъ, а вашему дѣлу вѣнецъ. Отдайте нашему князю кунку, вашу красную дѣвицу. Отдадите ли, или пусть она вырастетъ еще?

Въ другіяхъ мѣстахъ Малороссiи, когда старосты простучать палкою у дверей три раза, приглашаются немедленно войти въ избу. — Послѣ обычнаго моленiя, кланяются хозяевамъ и кладутъ на столъ дѣбъ. Потомъ заводятъ двусмысленную рѣчь о постороннихъ предметахъ, и увидѣвъ дѣвушку, намекаютъ отцу:

Нашъ быкъ къ вашей телушкѣ привыкъ, и какъ бы далъ Богъ дождать, вашу телушку къ нашему бычку загнать. Или: у насъ есть гусакъ, а у васъ гусочка, а потому мы желаемъ ихъ спароваты (соединить), щобъ вышло изъ нихъ все добрее. Или: мы чули, пане свату, що у васъ є гусочка, а мы, бачиць, маємъ на приймити гусака, да якъ бы тее, тотачечки, ихъ спароваты. Нехай жѣ вмисти ходять и вмисти пасуцця. —

За тѣмъ предлагаютъ ему отдать дочь за добраго молодца, который никакого не требуетъ приданаго. Замѣчательно, что между Малороссiянами женятся, не спрашивая приданаго. —

Когда староста говоритъ обиняками, тогда дѣвушка сидитъ въ комнатѣ и слушаетъ, а няня бѣдетъ покло-

нам, чтобы отецъ выдалъ ее за милаго Петруся, который ей по сердцу, и за котораго сватаютъ ее. — По окончаніи же рѣчи, Гануся припадаетъ слухомъ къ дверимъ и, не переводя духа, слушаетъ, что будетъ отвѣчать отецъ. Если онъ встрѣчаетъ какія либо препятствія, или не соглашается, по чему бы то ни было, то говоритъ: я не умѣю приложить къ сему дѣлу ума разума, а скажу попросту: вы идете съ дальней дороги, устали, не выпить ли вамъ по чарки водки? — Это означаетъ отказъ, и они должны взять назадъ свой хлѣбъ. Другіе же родители поступаютъ иначе: если они знаютъ, что дочь не согласится выйти замужъ; то призываютъ ее, чтобы полнестъ по чарки водки старостамъ и самому жениху, который иногда бываетъ вмѣстѣ съ ними. Дочь выноситъ изъ сосѣдней комнаты водку на деревянной тарелкѣ, вмѣстѣ съ гарбузою (тыквою). Пристыженные убираются немедленно и несутъ, вмѣсто хлѣба, гарбузъ. Это большое оскорбленіе для жениха; оно дѣлается пзвѣстнымъ по всему селу, и тогда жениху остается долго ждать у моря погоды. —

Случается, что съ первыми посланными старостами находитесь самъ женихъ, но и тогда старшій староста говоритъ тѣже рѣчи, какія прежде, и оканчиваетъ тѣми же словами. Въ то время невѣста, если любитъ жениха, смотритъ на него сквозь щелочку двери; и когда услышитъ отказъ, невольно вскрикиваетъ: охъ мое горе! несчастная я! — Женихъ бросается въ ноги отцу и матери, цѣлуетъ ихъ, горько плачетъ и умоляетъ отдать за него дочь. Будь моимъ отцемъ и матерью, говоритъ онъ имъ, не губите бѣднаго сироту! Будьте риденькими (родными), я буду вамъ служить за батрака (работника); буду выполнять все, что ни прикажете; — только дайте мнѣ пожить еще

на свѣтъ, — а то я умру безъ нее! За что же отнимаете мою душу, мою червонную Ганусю? За что разлучаете меня съ нею? Я не прошу ни богатства, ни приданого и самъ наживу, только не губите мою душу! —

Дочь, забывая строгое послушаніе, бросается не-рѣдко съ плачемъ къ ногамъ родительскимъ, цѣлуетъ руки и ноги, и говоритъ съ воплемъ, раздирающимъ сердце. — Сердечно бабушка! голубчикъ сызый! соколикъ венаглядный! лебедикъ бѣлоснѣжный! душечко! моя родимая! утичка моя! перепелочка! голубочка мать венаглядная! Вы одни у меня а я одна у васъ, не губите бѣдной, — дайте хоть шамного пожить на свѣтъ, чтобы я знала, что за радость жить съ мамымъ. Я буду вамъ служить вмѣсто работницы; все буду работать, и ни охну и ни застону. —

Изясненіе двухъ любящихся тѣмъ болѣе примѣ-чательно, что оно неспринуженно изливается изъ душевныхъ чувствованій, которыми такъ богаты Малороссіяне: Русскій по большей части увлекается прелестью красавицы, Малороссіянинъ добродѣтельно жен-тинны; первый судитъ о сердечной вѣжности, иногда по волненію страстей, забывая любовь; а второй дорожитъ чистосердечнымъ сочувствіемъ, которое уса-ждаетъ его въ самомъ несчастіи. Малороссіянинъ лю-бить, а Русской влюбляется. —

Отецъ, опустивъ голову, молчать, и только обти-раетъ свои слезы рукавомъ. Старшій староста обра-щается къ нему и произноситъ въ слухъ: можетъ быть всему причиною мать! — Охъ, нѣтъ, отвѣчаетъ она со вздохомъ, развѣ я не желаю счастья своей до-черѣ, а развѣ я не жена, чтобы не слушала своего мужа! Онъ мнѣ законъ, а не я ему; онъ знаетъ, почему не выдаетъ. У насъ, старосвѣтскихъ, все идетъ по Божьему велѣнью. — Тогда старосты вста-

зотъ въ лавскъ, берутъ шапки и уже идутъ съ хлѣбомъ, но старшій староста, тронутый слезами молодякъ, рѣшается еще разъ поговорить съ отцомъ. — Свать! мнѣ не прилично говорить лишнее слово, при семъ важномъ дѣлѣ; мое дѣло сказать, что обычай велитъ, а потомъ идти съ отвѣтомъ. Сказано, подвѣсти намъ по чарки, чего же тутъ ожидать добраго? но зная Петруся и видя слезы его, какъ же мнѣ не сказать: благослови дѣтей, пусть Гангуса повяжетъ насъ рушниками (полотняными утиральниками). — Отецъ встанетъ, крестится предъ образомъ и отвѣчаетъ: и молюсь всю жизнь объ счастьи своей дочери, захочу ли ей несчастія? — Сваты! если хотите выпить по чарки, то выпейте; если же нѣтъ, то нѣтъ. Прощайте добрые люди и не дивитесь, почему не отдастъ не настала часъ, — завтра все узнаете. Вотъ вамъ святой вашъ хлѣбъ, прощайте и зломъ не поминайте. — На другой день отецъ объясняетъ своей дочери причины, почему не соглашается, и покорная дочь повинуется родительской волѣ. —

Когда предложеніе старость соотвѣтствуетъ желаніямъ родителей, тогда онъ проситъ ихъ, чтобы дать ему время на размышленіе. Потомъ подзываетъ къ себѣ дочь и спрашиваетъ ее: выйдетъ ли она замужъ за Петруся? Если онъ ей по сердцу, то она приговаривая сначала, что будтобы она не знаетъ его; потомъ оканчиваетъ тѣмъ, что она отдастъ себя въ полную волю батюка и веныцы (матери). Въ противномъ случаѣ, она вычисляетъ всѣ пороки жениха и рѣшительно отказывается выйти за него замужъ.

По объявленіи согласія невесты и ея родителей, молодые предлагаютъ старостамъ притти къ нимъ съ женихомъ въ тотъ же вечеръ, или на другой день. Невѣста подноситъ старостамъ на деревянной тарелкѣ,

по рушнику, вышитому бумагою, иногда красными шелкомъ. Принявъ изъ рукъ невесты, они перевязываютъ себя черезъ плечо и оставляютъ въ домѣ ея принесенный ими хлѣбъ, а въ замѣнъ берутъ невестинъ хлѣбъ.

Перевязанные рушниками, идя по селу, хвалятея Похвала и оло- дия. еснѣ встрѣчимъ, что Гаусю просватали за Петру-ся; что такой пары никогда не видали. Что за красота! что за разумъ! Хлопецъ, красавецъ! русоволо-сый, чубъ длинный, усы казацкіе, глаза блестящіе, какъ звѣздочки; румяный, проворный и добрый. А она, — что объ ней говорить! — Она выросла на угѣху! Высокая, прямая какъ стрѣлочка; чернобр-ва, румяная, — какъ роза; глаза словно черновыя ягодки; брови, будто перевитыя чернымъ шелкомъ вымъ шнурочкомъ; носикъ пряменькій, губы алыя; зубы бѣлоснѣжные; коса долгая, по колѣно, и чер-ная какъ смоля; шея лебяжья, станъ гибшій, выш-ный, а ходить какъ королева! —

Женихъ не рѣдко ожидаетъ старостовъ у воротъ и встрѣчаетъ ихъ здѣсь, и если приносятъ они радост-ную вѣсть, то входитъ съ ними въ избу. Старосты объявляютъ объ уснѣхѣ, и ихъ подчуютъ.

По наступленіи вечера или на другой день, старо-сты идутъ съ женихомъ въ домъ невесты, коей хата Пригоде жениа. бываеъ убрана цвѣтами; свѣчи теплятся предъ ико-нами, отецъ и мать въ нарядныхъ одеждахъ, а дочь надѣваетъ красную плахту (шубку) и застегиваетея подъ сапою шею. Плахта на ней картацкая черчатая (узорчатая) съ цвѣтами; сорочка бѣлая, тоненькая, — сама прядла и сама вышивала; заплата (передникъ) шелковая, узорчатая; поясъ шитый орлами; подтечка (подпередникъ) изъ подъ плахты, шитая и съ висячими кисточками; панчошки (чулки) синіе, черевики (баш-маки) красные сатлянные, на высокихъ подборахъ и съ

подковками; коса заплетена въ дрибушку (мѣтко и часто); на концѣ косы вплетена лента, которая развѣивается позади; по верхъ головы скиндячка съ перевязью (ленты перевязты), съ вѣнкомъ и цвѣтами; грудь унизана намыстомъ (монистомъ), червонцами золотыми, серебряными рублевками и кипарисными крестами.

Уже стучать старосты. Одинъ разъ, другой и третій. — Ихъ просятъ ввойти: они входятъ, кладутъ хлѣбъ на столъ и начинаютъ говорить прежнія рѣчи про куницу. Петрусь стоитъ, да слушаетъ. На немъ синій жупанъ, подпоясанный англійскимъ поясомъ; штаны (шаравары) тѣжненьвые, чоботы (сапоги) юхтовья съ подковками, вымазанныя олією (конопляннымъ масломъ) и шапка изъ барашковъ рѣштыловскихъ (*); хусточка нестрая (платокъ носовой). По приходѣ ихъ, отецъ нарочно сердится и кричитъ: что это за напасть! Жинко! что будемъ дѣлать? Ганусю, пойдн сюда.—Дочь робко выходитъ изъ комнаты, а вся горитъ стыдомъ. Лице ея зарумянилось, словно красный макъ, и она дрожитъ, какъ березовый листъ. Она стоитъ подлѣ печи и долбитъ пальцемъ.— Смотрите ловцы—молодцы! прознаосить вмѣ отецъ, что вы надѣлали? меня съ жинкою смутшил, дочь пристыдила, что скоро печь выковыраетъ, —вѣрно ай не жить у насъ болѣе! гай, гай, (эй, эй) вотъ что вы надѣлали!.. Но хлѣбъ святой принимаемъ, добраго слова не отвергаемъ чтобы насъ не порочили, что мы передерживаемъ куницу, и вотъ скажемъ: дочко! пришла и наша чередъ говорить до ладу—полно печь колупать! — нѣтъ ли чѣмъ ловцевъ-молодцевъ—перевязать?—Дочь стоитъ и не тронется съ мѣста. Мать обращается къ ней: доню (дочь)! слышешъ ли, что го-

(*) Рѣштыловка, село, недалеко отъ города Поставы.

ворить отецъ? Иди же, да принеси, чтобы чѣмъ было повязать людей. А можетъ быть ты ничего не приготовила, отъ того и колунаешь печь. Не слушалась матери, не училась прасть, не наготовила рушниковъ; теперь важи, чѣмъ хочь, — хоть веревками! Да есть ли и это у тебя? —

Гануса идетъ въ комнату и выносить оттуда, на деревянной тарелкѣ, два длинныхъ вышитыхъ рушника, крестъ на крестъ сложенныхъ, и кладетъ на святомъ хлѣбѣ. Сама же становится предъ образами и дѣлаетъ три земныхъ поклона; потомъ кланяется отцу и матерѣ три раза; послѣ цѣлуетъ ихъ руку, наконецъ беретъ рушники, подноситъ на тарелкѣ старшему старостѣ, а тамъ младшему. Они встаютъ, кланяются, берутъ рушники и говорятъ: спасибо отцу и матерѣ, что дитя рано будили, доброму дѣлу учили. Спасибо и дѣвицѣ, чко рано вставала, тонко пряла и хорошия рушники наткала. — Старосты надѣваются на себя рушники, и старшій изъ нихъ продолжаетъ говорить: вершите дѣло коищемъ, и рассчитайтесь съ княземъ молодцемъ; мы присланные, и не виноваты; вяжите приводя (приведеннаго), чтобы не убѣжалъ изъ хаты. — И дѣло! кричитъ отецъ. Ну, дою! ты сказывала, что на то пятки зарабатываешь, чтобы изъ чего было сшить шелковый платокъ и намъ заплатитъ пеню. А теперь на тебѣ другая пена: ты не всѣхъ повязала. — Гануса выноситъ платокъ красный, какъ она сама. Отецъ и мать говорятъ ей: нужъ дочко, теперь надѣвай ему сама, важи за поясъ платкомъ, тани его къ себѣ, повидайся ему и люби его, — поцѣлуй же. —

Староста говоритъ засватаннымъ, чтобы они кланялись отцу въ ноги, три раза. — Они кланяются, а за третьимъ разомъ лежатъ у ногъ. Отецъ даетъ имъ наставленіе: смотри, зять! бей свою жену поутру и вече-

ромъ, съ постели вставая и ложась спать; бранись съ нею каждый часъ. Не шей для ней: ни платья, ни одежды; не сиди дома; ходи по шинкамъ (цвѣтенымъ домашь) и по чужимъ женамъ. Если будете жить вмѣстѣ, то навѣрно пойдете съ дѣтьми по свѣту. А ты, дошу, мужу не спускай, и ни въ чемъ ему не петакай. Какъ онъ поидетъ въ поле, а ты иди въ шинокъ и пропивай послѣдній хлѣба кусокъ. Пей, гуляй, а онъ вустъ умираетъ съ голоду. Около печи не хлопочи; пусть она заростетъ пустынною травою, — вотъ вамъ и вся рѣчь. Вы не маленькіе, сами имѣете разумъ, а что я вамъ говорю, какъ надобно жить, — знаете сами. — Ба такую науку, кричитъ староста, цѣлуйте дѣти отца въ руку. — Они цѣлуютъ и потомъ кланяются матери, тоже три раза. Она ихъ не наставляетъ, а только благословляетъ. Потомъ старосты говорятъ: чего вы жемали, того достали; а за наши рѣчи, подайте намъ по чарки горилки (водки). — Отецъ отвѣчаетъ: добре, и просимъ еще милости на хлѣбъ, на соль и на свята-лье. — Заговатныхъ сажаютъ на покутъ. Отецъ садится подлѣ зятя а мать подаетъ кушанье на столъ. Старосты садятся на ослинъ (скамейку) подлѣ стола. Отецъ угощаетъ старостовъ: вуте жъ, покушайте: — Староста вышвааетъ, морщится и говоритъ: отъ этаго какъ рачъ поокрасишь. Смотрите, вы напоите насъ такимъ, что мы, чего добраго, рачки пополземъ. — О цѣтъ, отвѣчаетъ отецъ. — Откуда же вы взяли такое вино, что хотъ куды! — Шла баба отъ Лиховъ, рассказы-ваетъ отецъ, несла здоровья съ семь мѣшковъ, — мы у нее купили, семь золотыхъ заплатили и въ вац-токъ пустили. — Что добре, то добре, отвѣняетъ староста, — а ну, товарищъ, попробуй ты, и скажи: пили ли мы когда въ Турція, или у Нѣмѣдины, или у *Расси*? — ей; съ роду не павали! Товарищъ

пробуетъ, хвалить и говорить, что лучшаго никогда не пивали. Послѣ первой рюмки начинаютъ угощать другъ друга, уже по просту, безъ зафѣй.

Черезъ нѣсколько дней собираются родные жениха Сговоръ. и невѣсты; въ домъ ея; равно сваты, свахи и хорошия знакомые, для участія въ сговорѣ, который происходитъ по большей части послѣ вечера. На этотъ сговоръ приглашаетъ невѣста своихъ подружекъ. — Въ назначенной день всѣ являюся въ нарядныхъ одеждахъ. До прихода жениха, невѣста сидитъ съ своими подружками въ особой комнатѣ. По прибытіи всѣхъ гостей, показывается съ старостами жениха, который остается у порога. Нѣсколько времени не обращаютъ на него вниманія, но мать невѣсты, какъ будто бы только что увидѣла его, кричать: доню! доню! — ади сюда. Чего ты тамъ скрылась? — Смирно, твою молоденьку стоитъ у порога, безъ тебя не идетъ въ вату; не хочетъ садиться, не хочетъ говорить съ нами, только съ тобою одною. — Выйди сюда, доню, скорѣй же! — Она не идетъ. — Гости оиются надъ молодымъ: вѣрно, пане брате, она не любитъ тебя. — Аге; да какая же у васъ любовь! Нѣтъ братику, убирайся отсюда; тебѣ вѣрно стоять у порога, а не сидѣть за столомъ съ нами. — Староста старшій говоритъ ему: не говорилъ ли ты намъ, что она тебя любитъ? поэтому мы начали сватать за тебя. А, а, надѣлалъ ты намъ стыда, нанесъ ты намъ безславія, осрамилъ ты насъ и обезчестилъ. А кажись, парень хорошій, казакъ правдивый, — а что теперь? не идетъ къ тебѣ, твою Гавуся; не любитъ она тебя; гай, гай! — Мать снова зоветъ, невѣста не идетъ; тогда кто нибудь изъ родственнымъ идетъ за нею, выводитъ ее силою и ставитъ ее подлѣ жениха. Всѣ гости кричатъ, почти въ одинъ голосъ: ага кунца,

красная дѣвица! теперь ты не спрячешься и не уѣжишь отсюда—Потомъ отецъ и мать молодой садятся на покутъ, на разосланой шубѣ, и берутъ въ руки плетену и хлѣбъ съ солью. — Старосты или кто изъ родныхъ, подводятъ молодыхъ подъ благословеніе родительское. Они падаютъ въ ноги отцу и матерѣ, по три раза; родителей благословляютъ ихъ вконою и хлѣбомъ-солью; молодые пѣлуютъ образъ и хлѣбъ-соль, за тѣмъ своихъ родителей. — Потомъ сажаютъ ихъ за столъ и начинается общее угощеніе, за конемъ слѣдуетъ въ скоромъ времени ужинъ.

Наро-
ваго.

На другой день приглашаетъ къ себѣ, отецъ жениха, новыхъ своихъ сватовъ, родственниковъ и гостей, на родственную пирушку, которая продолжается во весь день. Тутъ поютъ и танцуютъ. Отсюда отправляются гости къ отцу невесты, и снова шумное веселіе, которое не прекращается иногда нѣсколько дней сразу: то у родителей молодой, то у родителей молодого. —

Между тѣмъ подружки невесты поютъ, во время пирушекъ, свадебныя пѣсни :

Ой ты душенько, наша Гануся!
Обидайте дворы,
Застылайте столы,
Кладите ложечки,
Сроби блюдечки,
Золоти мисочки, —
Отъ идуть дружечки.

Провѣвъ, кланяются низенько и произносятъ : дай Боже вамъ вечеръ добрый, — помоги вамъ на все доброе. — Мать благодаритъ ихъ за доброе желаніе : спасибо, просимъ на хлѣбъ на соль и на веселье. — Ихъ сажаютъ рядомъ, противу дочери: — Садитесь

друженьки, мои голубеньки, говорить имъ мать, кушай-те, не стыдитесь, а ты, староста, угощай.—Дѣвушкамъ кажется стыдно ѣсть при постороннихъ, чтобы не сказали : вотъ голодные! Вѣрно дома нечего ѣсть.— Онѣ благодарятъ и начинаютъ пѣть. —

Ой чому, чому
 Успитъ новымъ дому,
 Такъ рано засвѣчено?
 Ганусенька встала,
 Косу чесала,
 Батенька поражала.
 Порадь мене
 Мій батеньку,
 Кого въ дружечки брать?
 Бери доненько,
 Соби ривненьку,
 Щобъ не было гимвненько.
 Садовы, доненько,
 И вышче и нижче,
 А свою родынюнку бляжче.

Мать плачетъ отъ этой пѣсни, потому что она напоминаетъ ей разставанье съ своей дочерью. — За этимъ поютъ дѣвушки :

Дежъ бувъ селезень?
 Дежъ була утинька?
 Селезень на ставку,
 Утинька на плавку;
 А теперъ же воны,
 На одному плавку.
 Та идать же воны,
 Дрибную раску;
 Ой пють же воны,
 Холодную воду. —

Дажь буць Петрусь?

Дажь була Гануся?

Петрусь у батенька,

Гануся у свого ;

А теперь же воны,

У водніа свитлоньца.

Ой пьютъ же воны,

Зелене вьдо ;

Та идять же воны,

Дрибныа кадаци :

У медь умокаюци,

Макоць обыцаюци.

Поютъ про дочь, которая тонеть ; но ни отецъ, ни мать не подають ей помощи, — одинъ только ея суженый. —

Та въ недилнцьку рано,

Чегось тое та море граго?

Тамъ Гануся та потопала,

Къ соби батинька бажала.

А батенько та на березечку,

Е човнычекъ и веселчко :

«Потопай, мое сердечко!»

Та въ недилнцьку рано,

Чегось тое та море граго?

Тамъ Гануся та потопала,

Къ соби матиньку бажала!

А матинька та на березечку,

Е човнычонь и веселениа :

«Потопай, мое сердечко!»

Та въ недилнцьку рано,

Чегось тое та море граго?

Тамъ Гануся та потопала,

Къ соби Петруся бажала.

А Петрусь та на березечку,

Е човнычекъ и веселенко :
« Не потопай, мое сердечко! »

При цѣни свадебныхъ пѣсней, прикладываютъ къ нимъ имена засватанныхъ и молодыхъ. Эта пѣснь не разцвѣчена вѣжными чувствами, но она показываетъ, что любящій, первый подаетъ помощь своей любимой.—Поютъ еще :

Пропывъ, пропывъ, пропывъ,
Ондрійко дочку,
На зеленомъ вини.
Не треба мени дочки!
Напившись вона скаче,
А проспавшись вона плаче:
Тятячко! чимъ я тобі надокучила,
Твій двірть охранияючи,
Чылядиньку привертаючи? —

Колибъ я знала,
Колибъ я видала,
Що засватана буду;
Мыла бъ я стини,
Щобъ були били,
Для свенорка для старенького,
Для приходу его.

Коли бъ я знала,
Колибъ я видала,
Що засватана буду;
Невовани бъ я
Залетого перстенечка;
А свозамъ бъ я,
Золотая крыгушки.

Полютила бы я,
 Отвидала бь чужую сторону;
 Не такь сторону, не такь чужу,
 Якь чужого батиньку:
 Чи винь добрый, чи добровирный,
 Якь мій ридній?
 Чи винь буде пускаты,
 На улицу гуляты?

Казавь яворончикь: не бійся морозынька!
 Не пуцу оть себе листыньки.
 А теперь пускае,
 Сыру землю укрывае,
 Усе долины наповняе,
 И могилы выровняе.
 Казавь мій батинько,
 Не отдамь тебе, моя доненько;
 А теперь отдае, та не жауе;
 На весь свить мене завязывае,
 Гуляты мене заказывае.

Любящіеся, милаясь другъ съ другомъ, ничего не ви-
 дять подлѣ себя, и ничего не слышать: они только
 говорятъ между собою, и ненаговорятыся; смотрять на
 самихъ себя, а все прочее не существуетъ для нихъ.
 Посторонніе толкують тогда иначе, хотя очень зна-
 ють, что ихъ невниманіе проистекаетъ отъ душевныхъ
 восторговъ, и чтобы отвлечь ихъ милованье и по-
 тѣшиться надъ ними, поють:

Та въ саду соловейко не щebetавь,
 Та Петрусь Гавуси не цыловавь;
 Якь же соловейко зацebetавь,
 Петрусь Гавусю поцыловавь. —

Тогда всѣ смѣются надъ ними а отецъ требуетъ, чтобы они подѣловались. Дѣвушки между тѣмъ, чтобы не терять время повеселиться, поютъ :

Ой ты душечко, наша Гануса!
Ламлеть роженьку,
Стелить дороженьку,
Щобъ мягко ступаты,
На двирь танцѣваты:
Зъ скрисками, зъ цымбалами,
Зъ хорошими боярами.

Всѣ гости понимаютъ, къ чему клонится это пѣніе. Отецъ кричитъ : давай музыку!—Одна изъ проворныхъ дѣвушекъ бѣжитъ за скрипачемъ, и немедленно приводитъ его. Начинаются танцы, скачки, — кто какъ гораздъ. Сосѣды, услышавъ музыку, сбѣгаются.—Подъ окнами избы уже толпа народу. Веселыя дѣвушки и молодцы выходятъ на широкій дворъ, и открываютъ пляску. Дѣвушки выдѣлываютъ дрибушки (частое перебирание ногами), а молодцы пускаются въ гонака (въ присядку), — все вертится и кружится ; гости расходятся почти передъ свѣтомъ. —

Со времени засватанья до свадьбы, помолвленные видятся между собою почти каждый день : они вмѣстѣ ходятъ и цѣлуются, вмѣстѣ закупаютъ вещи для домашняго обзаведенія, и новыя платья для радостнаго своего праздника ; проводятъ вмѣстѣ не только день, но и ночь, и женихъ строго наблюдаетъ благопристойность. — Въ противномъ случаѣ остается бесчестіе на всю его жизнь (*). —

(*) При всей любви жениха, часто пробуждается въ немъ скорбное чувство. Мысль, что онъ женится, и Богъ знаетъ!

Избрание
дружка

За несколько дней до веселья, молодые собирают свадебный причетъ. Женихъ собираетъ своихъ дружковъ, а бодяръ, изъ коихъ старшій дружокъ распоряжается уже пѣть, что относится до свадьбы. Всѣмъ даются рушники бѣлые,

будетъ ли онъ счастливъ; что жеманится, нельзя разстаться; что съ жеманбою окончается его свобода казачья и всѣ огармы (забавы) съ чернобровыми и румяными дичками, — все это заставляетъ сокрушаться его. Это чувство очень хорошо выражено въ пѣснѣ :

Хлопче, молодче, яий ты ледащо!
Задумавъ жениться, самъ не знаешь на що.

Будешь комысь плакаты!

Хлопче, молодче, яий ты ледащо!

Задумавъ жениться, самъ не знаешь на що.

Будешь комысь плакаты,

Делю проплакаты,

И кулаками слезы утираты.

Хлопче, молодче,

Съ черными бровами!

На шо тебе жеман? —

Канешь за плечами! —

Выплачешь ты очи,

Да не вернешь доли;

И самъ згинешь,

Якъ могола у поли!

Черненькіе бровки,

Скаетесь не въ пору;

Якъ закотация сонце,

За высоку гору.

Пнадно тогда буде,

Съ сердцемъ розновлаты, —

И кулаками слезы утираты.

Лучше напередъ

Якъ съ сердцемъ попытация. —

Вжежъ оженився, —

А пилса не найся. —

Козачий я доли,

Вовникъ не сабулу :

которыми перевязываютъ себя черезъ левое плечо, и прикалываютъ къ шапкѣ по ленточкѣ красной.—Невѣста избираетъ для себя дружекъ и старшую свитилку (сваху). Дружки получаютъ отъ нея хустки и ленты. По избраніи свадебныхъ чиновъ, молодые отправляются по знакомымъ, чтобы просить ихъ на свадьбу. Войдя въ избу, кланяются и говорятъ: просить батько и просить маты на хлебъ, на соль и на висилье. Ихъ принимаютъ радушно и угощаютъ. — Приходъ невѣсты провозглашаютъ дѣвушки пѣніемъ :

Обметайте дворы,
Застыайте столы,

Однимъ любите,
Никому не буду!

Пиздно мое сердце,
Пиздно схмелулось!
Рано мое счастье,
Рано извернулось!
Мабуть я жилали,
Жко, да побачу!
Пиду на ричку,
Та съ горя заплачу.
Уже мислицъ свите,
Тучи вало мною;
А я нечеловѣкъ,
Сиджу надъ водою:
Плачу, заливаюсь!
Гирькими слезами.

Ахъ, моя дичета!
Ахъ, моя дичета!
Я прощаюсь съ земей,
Я прощаюсь съ дами.

Эта пѣснь сочинена однимъ даровитымъ и образованнымъ человекомъ, г. Ярославскимъ. Мнѣ же она сообщена знакомымъ моимъ, Я. Я. Тимченко-Рубиловымъ, которому я обязанъ многими источниками о малороссійскихъ обрядахъ.

Кладите ломечки,
Срѣбныя блюдечки
Золотыя пысочки,
Отъ идуть дружечки.

Войдя въ избу, она кланяется и говоритъ : просить батько, просить маты на хлѣбъ, на силу и на вѣсилье. Во время хожденія молодыхъ по домамъ, поютъ веселыя пѣсни. —

Выди, выди матинько противу насъ,
Глянь же матинько да всѣхъ насъ :
Краше Гануся ото всѣхъ насъ !
Не признала маты своего дитяти.
За дружечками, за слезечками ;
За дружечками за миленькими,
И за слезечками за дребенькими.

Я у матери була,
Я горилочку пила ;
Та не простую, а коричную,
Зъ солодкіимъ медкомъ.

Я дружечекъ люблю,
До дружечекъ иду :
Дружечка, голубочка,
Якъ зеленая груша
По двору зеленіе.

Обметайте дворы,
Купи матинько китайки,
Та застилаи столы.
Глядите, голубочки,
Идутъ къ вамъ дружечки.

Спасибо вамъ за дружку,
 За ся послужку;
 Хоть не уміє співати,
 Та уміє танцювати.

Утинько иде,
 Утинять за собою веде,
 За шовковою травою.
 Да не утка се иде,
 Гануся не утять веде,
 А дружечокъ за собою,
 За чорною косою.

Ой ты душенько наша, Гануся!
 Сухая рыбочка не трещя,
 Матинько, богатій женихъ не шлеця;
 А бідный не сміє,
 Тамъ моя чорна косицька смиріє.

Ой ты душенько наша, Гануся!
 Велики скоки сороки,
 Низки поклоны вороны,
 Довгоножикъ куличокъ,
 Далеко слыхаты дружечокъ.
 Ой ты душенько наша, душенько!
 Лежить горохъ по дорози,
 Твій батинько въ дорози;
 Вниъ того не знає,
 Що дочка гадає.

Свити, свити звиздечко ясно,
 Щобъ у Гануси личико було красно;

Свѣти еще яснѣйши,
Шобъ буде краснѣйши,
Петрусеньку веселѣйши.

Печеніе
корова-
евъ.

Дня за два до свадьбы, пекутъ большіе и малые короваи : т : е : пшеничные хлѣбы, окрашенные красной краскою ; по верхъ ихъ налѣпливаютъ хлѣбныя птички, которыя, вмѣстѣ съ короваемъ, покрываются золотой мишурой и украшаются прапорками (спичками); сверхъ короваевъ еще пекутъ изъ хлѣба : конниковъ, коровокъ и другихъ животныхъ, какихъ вздумаютъ, коими на свадьбѣ дарятъ дѣтей и тѣхъ гостей, у коихъ есть маленькія дѣти. Печеніе короваевъ сопровождается пѣніемъ пѣсней, сколько можно веселыхъ, думая, что въ это время онѣ имѣютъ вліяніе на судьбу молодыхъ. Самую закваску свадебнаго хлѣба сопровождаютъ цѣсями, по той же самой причинѣ. — Когда коровай бываетъ спеченъ и онъ поднимется высоко, тогда женщины поднимаютъ радостный крикъ, бьютъ въ ладоши, скачутъ по лавкамъ и столамъ, и вакханскимъ напѣвомъ разгоняютъ стыдливыхъ дѣвшекъ.

Яка я уродылася,
Така и удалася;
Хотѣвъ мене Иванъ, —
Да я не подалася.

И шумить и гуде,
Дрибенъ дощикъ иде.
Ой хто жъ мене молодужу,
Та до дому проведе?
Обызався козакъ,
На солодкѣхъ меду:
Гудай, гудай мое сердце,

Я до дому приведу ;
 Гуляй, гуляй чернобрива,
 Я до дому проведу.

Ой прошу жъ я тебе,
 Не веди жъ ты мене;
 Сердитаго свекра маю,
 Буде биты тебе.

Ой я свекра не боюся,
 Ой я свекру поклонюся :
 Бо вишь се розтолкуе,
 И обниме, поцлует.

На биць хлопцы, на биць хлопцы,
 Бо чортъ свекра несе :
 Якъ побаче мене азъ вами,
 Его трясця затрясе.

Не хай трясе, не хай трясе,
 Якъ у доли грушу!
 А я таки молодая,
 Погуляты хочу!
 Не хай трясе, не хай трясе,
 Якъ у саду вишню!
 А я таки молодая,
 Своего свекра вышлю.

Ой не стій надъ виномъ,
 Не махай рукавомъ ;
 Бо якъ прыйде пера,
 То я выйду сама;
 Бо якъ прыйде той часъ,
 То я выйду на часъ.

Ой не стій надъ виномъ,
 Не ворочайся ;
 Просы мене чого хочъ,
 Не соромляйся. —

Не повивъ вишь до дому,
 Та повивъ у солому.

Дяду мій, голубе мій,
Та порада мей,
Та потиха моя.

Ой на гори метельця,
Чому старий не жениця?
Ой як же меня жениця.
Прійшла пора журиця...

Дівоч-
никъ.

Бракосочетаніа совершается въ воскресенье, по се-
му въ субботу назначается въ невістномъ домѣ дѣ-
вичникъ. — Сюда собираются ея дружки, подружки
и свитилки. Старшая свитилка занимаетъ здѣсь глав-
ное мѣсто. Вечеромъ прїѣзжаетъ на ужинъ женихъ: съ
родственниками, дружками и боярами. Всѣ они садят-
ся за столъ, по распоряженію старшаго дружки. Дѣ-
вушки, дружки и свитилка противу бояръ, а женихъ
раздастъ подарки: отцу, матерѣ и свойственникамъ.
Тогда дружки поютъ свадебныя пѣсни, а потомъ ужи-
наютъ. Свитилка сидитъ въ большомъ углѣ, и держитъ
въ рукѣ казацкую саблю, увитую каленовой съ ягода-
ми вѣтвию; на саблѣ прилѣпляется тройная зажженная
изъ воску свѣча. Съ тѣхъ поръ молодой именуется
княземъ а молодая княгинею. — Сабля означаетъ
казацкую вольность а калена непорочность. — Послѣ
ужина выходятъ изъ хаты, танцуютъ подъ скрипку и
гуляютъ до полуночи, —

Обрядъ
вредъ
вѣнчані-
онъ нео-
слѣ вѣн-
чанія.

Бояре и дружки слушаютъ заутреню въ воскре-
сенье, вмѣстѣ съ княземъ и княгинею. Подруги
идутъ потомъ къ своей молодой, чтобы одѣть ее въ
брачное платье и расчесать дѣвичью ея косу. Онѣ въ
последній разъ заплетаютъ ей косу вѣнкомъ, убира-
ютъ голову цвѣтами и преимущественно барвинкомъ и

рутою (*). Когда помолвленная умретъ до свадьбы, тогда ~~моглы~~ ея усыпають барвинокъ и рутою, въ означеніе, что съ нею похоронена любовь и надежда.—Послѣ обѣдни собираются дружки къ своимъ молодымъ, которые испрашиваютъ благословія у родителей; при этомъ благословіи поютъ :

Похильное то дерево, тая липа,
 Покривное то дитятко поклонилось,
 Отцу и матери та низехонько.
 Не стій вербо, розвивайся,
 Свій, свій соби вербо,
 Симъ сотъ квіттокъ :
 Щобъ всімъ боярамъ було по квіточки,
 Одну пивисти и молодому.
 Ото тобі квітка,
 Хорошая дівка. —

Свити звиздечко зъ неба,
 Свити, чого намъ треба.
 Перваго воскресенья,
 Просимъ на весілья :
 Хожъ ийти,
 Хожъ нейдити,
 Хожъ дома свадити.

Суботинько, неділинько,
 Якъ одинъ день ;
 Плакала Гануся тиждень!
 Якъ мені плакати перестати?

(*) Барвинокъ означаетъ любовь, а руга надежду.

Якъ свекора назвати?
 Назову я свекоркомъ, — не гарно;
 А назвати мени батинько, —
 И милуй Боже!
 Назову я свекоркомъ, не гарно;
 А назвати мени батинько,
 И милуй Боже!

Слава зоря до місяця рано, рано;
 Слава зоря до місяця ранесинько.
 Ой місячко братпку, рано, рано;
 Ой місячко мій братику, ранесинько.

Послѣ благословенія отправляются въ церковь. Впереди поѣзжаныхъ идетъ дружка, за нимъ свитилки, преимущественно изъ молодыхъ дѣвушекъ: одна несетъ брачныя свѣчи, а другая предковскій мечъ, увитый рутою, барвинкомъ и красной калипою; (*) за тѣмъ идетъ молодая чета, окруженная боярами, дружками, поддружками и свахами, а все шествіе заключается двумя или тремя музыкантами, которые съ гордой важностію несутъ въ рукахъ скрипки и бубны, и по выходѣ изъ церкви играютъ. Нѣкоторые играютъ даже и тогда, когда молодые идутъ въ церковь.

При отправленіи молодыхъ въ церковь, сопровождаютъ ихъ пѣніемъ:

Ой у поли у крыныченьки,
 Орлы воду пють;
 Та вжежъ мою дяччионьку
 До церкви ведуть!
 Жаль, жаль мени буде,
 Разлучають мене люды;

(*) Предковскій мечъ дѣлается жезломъ.

Теперь не моя,
 Не буде моя!
 Одну веде за рученьку,
 Друга за рукавъ;
 Третій стоить, сердце болить:
 Любить, та не вьавъ!
 Жаль, жаль мени буде,
 Жаль, жаль мени буде.

По тмъ бои Дуная,
 Вивчарь вивци ганяе;
 Вивчарь вивци ганяе,
 На молодцивъ моргае:
 Гей молодци, молодци!
 Накажить моей дивонци,
 Нехай мене не любить,
 Сама себе не губить.
 Бо я парубокъ удовый,
 Аще къ тому й убогий.
 Смиь соть овидь дейнику,
 Яловнику безъ лику.

По тмъ бои Дуная,
 Тамъ дивчына гуляла;
 Де козаченько ходывъ,
 Тамъ барвынокъ уродывъ;
 Дежь дивчына стояла,
 Тамъ травонька повяла.

Перепелычка мала,
 Не вельчка;
 По полю литае,
 Траву пригортае.
 Траву пригортае,
 Сокола шукае. —
 Дивчыно, сырото!

Не стелы широко,
 Стелы узеньки,
 Прысунься близнавако.
 Будымъ гаворыты,
 Якъ у свѣти жыты..
 Будымъ размовляты,
 Якъ і горіовады.

Изъ пилъ крутой горы,
 Вылітало два орлы;
 Літаючи, промовляючи,
 Та по свой горькой доли.

Молодой, выходя изъ церкви, кланяется всѣмъ встрѣчающимся ему на дорогѣ, и отправляется съ своимъ поѣздомъ въ свой домъ, а молодая въ свой. У молодого обѣдаютъ бояре, свитилки, сваха, старосты и дружки. Тогда свитилка прищипливаетъ къ шапкамъ бояръ, старость и скрипача, красныя изъ лентъ китки (букеты цвѣтовъ изъ лентъ), или однѣ красныя ленты и цвѣты, и свои шапки они должны выкупать. Послѣ обѣда родители жениха садятся на шубу, вывороченную въ верхъ шерстью, держа въ рукѣ большой ржаной или ситный хлѣбъ. Сынъ кланяется въ ноги отцу, потомъ матерѣ, которая благословляетъ его хлѣбкомъ; потомъ онъ проситъ дозволенія ѣхать ему въ домъ своей невѣсты.

Встрѣча
 молодо-
 го.

Молодой съ боярами, старостами, свахою, свитилкою и дружками, отправляется въ домъ невѣсты. О его приближеніи маршалки (старосты) даютъ знать отцу и матерѣ невѣсты, и кладутъ хлѣбъ на столъ и ставятъ штофъ водки. Посрединѣ двора ставится тогда квашня, накрытая скатертью а на ней хлѣбъ и штофъ водки; мать даритъ дружку и подружку ру-

шниками а князя встрѣчаетъ въ вывороченной шубѣ, сидя на вилахъ или на кочергѣ, и держа въ рукахъ горшокъ съ водою и овсомъ, она даритъ его: Зять, взявъ отъ нея горшокъ, выливаетъ воду на гриву своей лошади и передаетъ старшему боярину, который, принявъ отъ него, бросаетъ въ сторону и замѣчаетъ: если разшибется горшокъ, то родится сынъ; а когда уцѣлѣетъ, тогда дочь.

Потомъ молодой сходитъ съ лошади а на нее садится <sup>Прода-
жа не-
вѣсты.</sup> братъ невѣстивъ, или другой какой-либо свойственникъ, и скачетъ по улицѣ во всю прыть. Бояре, сѣвъ на своихъ лошадехъ, обращаются за нимъ въ поговню: Словивъ его, они ведутъ къ невѣстѣ и предъ нею подчуютъ виномъ. Подающій вино говоритъ: прошу выкупать. Тотъ ему кланяется и не пьетъ. Тогда дружка выпиваетъ вмѣсто его, и наливъ другую чарку водки, подноситъ брату невѣсты; онъ опять отказывается.— Снова дружка спрашиваетъ: что тебѣ надобно? — Деньги. — Дружка вынимаетъ изъ кармана нѣсколько денегъ, кладетъ на тарелку и подноситъ ему. Онъ беретъ деньги, выпиваетъ вино и слѣзаетъ съ лошади; тогда бояре бьютъ слегка по спинѣ его прутьями; онъ уходитъ отъ нихъ, потомъ возвращается къ сѣннымъ дверямъ и взявъ обнаженную заблю, садится подлѣ невѣсты. Князь съ свахою и свитлкою стоятъ въ сѣняхъ; мать невѣсты выходитъ изъ избы, зажигаетъ у свитилки, съ тройной ея свѣчи, прилѣпленной къ ея саблѣ, свою восковую свѣчу: цѣлуется съ свитлкою черезъ порогъ и, съ дозволенія старосты, вводитъ молодого къ невѣстѣ, окруженной уже дружками. Подлѣ невѣсты сидитъ братъ или другой какой-либо свойственникъ, или тотъ самый, который ѣздилъ на лошади молодого. Дружка спрашиваетъ его: за чемъ сидишь здѣсь?—Я берегу свою сестру. — Она уже не твоя, а наша, возра-

ждеть Дружко. — А ежели она теперь ваша, то заплатите мнѣ за ея прокормленіе. Я одѣвалъ ее, кормилъ, поилъ въ теченіи восемнадцати лѣтъ, — говоря о лѣтахъ невѣсты, не насчитываютъ болѣе восемнадцати, — а вы хотите взять даромъ! — Что же ты вздержалъ? спрашиваетъ дружко. — Много! восемь бочекъ буряковъ, четыре бочки капусты, шесть воловъ, двѣнадцать кабановъ, двадцать овецъ, двѣсти гусей, триста куриць, четыреста утокъ, сто кулей муки, пива пятьнацать бочекъ, меду пятьдесятъ бочекъ, водки сороковую бочку, — а платья, а уборовъ, а черевикъ, — и счету нѣтъ! — Чѣмъ болѣе выставливается расходъ, тѣмъ почетнѣе для молодой. — Дружко вынимаетъ изъ кармана нѣсколько мѣлкихъ денегъ, кладетъ на деревянную тарелку и ставитъ на ней чарку водки; потомъ водноситъ ему, но онъ не беретъ, потому что мало. Дружко склоняетъ его на уступку, но онъ не соглашается; торгъ продолжается, пока не сойдутся въ цѣнѣ. По продажѣ невѣсты, братъ ея выходитъ изъ за-стола: на его мѣсто садится князь, — это называется сажаніе молодыхъ на посадѣ (за столомъ). Тутъ поютъ двѣумки:

Та усн аьнглы, та усн святые,
 Пидъ викомечкомъ сьли.
 Молода Гануса у своего батиньки,
 Благословенія просить:
 Благослови мене, мій батинько!
 На посади сьсьти.
 Богъ тебе, дочинько, на помощь,
 Аьнглы на радости.
 Аьнглы рядятъ,
 На посадѣ садятъ,
 Господь долиньку дае.

Низомъ, низомъ соколенью летнмъ,
 Коло его соколаты;
 Сидайте вы соколаты,
 На вишняхъ, на чирешняхъ,
 А я слду въ вишневомъ саду.
 Отъ вамъ, соколаты,
 Уснмъ погалоцы,
 А мени сиву зозулю.
 Низомъ, низомъ Петрусенько нхавъ,
 Коло его бояры.
 Сидайте, вы бояры, по лавочкамъ,
 А я слду у теста за столдичномъ.
 Отъ вамъ, бояры, уснмъ подружки,
 А мени, молодому, молада Гануся.

Якъ въ саду соловійко заснивавъ,
 А Петрусенько Ганусю не цловавъ;
 Якъ въ саду соловійко заснивавъ,
 Петрусенько Ганусю поциловавъ.
 Въ саду соловійко гнздо въе,
 Чи уснмъ боярамъ мисто е?
 А кому не ма,
 Не хай самъ соби шукае.
 Якъ не буде шукаты,
 То буде у порога стояты. —

Ты сизая зозулишка,
 Чому летншь, та не закукуешъ,
 Лито теплое не згадаешъ.
 Твое высокое литанье минуеца,
 Высокое литаньечко,
 Хорошее кукованьечко.
 А ты, молодая Ганусю!
 Чому сидишь, та не заплачешъ?

Уже твоє минуєля
 Суботнее чесаньечко,
 А въ виділю обриваньєце.

Та наикало на нашъ двиръ,
 Симъ паръ голубей,
 Узнавай, голубочко!
 Де буде твій двиръ?
 Якъ мени угадаты,
 Свій двиръ узнаваты?
 Шо блєсенько,
 Якъ лебеденько, — то мій!
 Наикало симъ сотъ боярь,
 Узнавай Ганусенько,
 Де твій милый? —
 Шо у синнимъ,
 Та не усивымъ,
 То не мій. —
 А шо у голубому,
 Та на вороному, —
 Той буде мій. —

На двори дощикъ иде зъ росю,
 Размовляла Гануся зъ своей косою:
 Коса моя, косынько!
 Та важко мени вздыханье,
 Гирькосе разставанье.
 Не годъ я, не два тебе чесала,
 Красны стрички заплетала.
 Якъ розплетали и всю порвали,
 Подъ очипокъ клали,
 Усю изорвали,
 Усю мою кисовьку изорвали. —

На гори жито, а на двори пресо ;
 Шо жъ тоби буде, моя руса коса ?
 Кудажъ ты, Ганюсу, вечеркомъ
 Пизнесинько ходыла,
 Шо ты того Петрусенька полюбила ?
 Не я его, подружички, полюбила,
 Та полюбивъ его мій батинько :
 За его тихіе розговори,
 За его низкіе поклонь.

Въ продолженіи пѣнія, родители невѣсты подчуютъ
 водкою зятя и всѣхъ гостей. — Дѣвушки поють:

Мы були въ церкви, бачили диво :
 Два виньцы на столыцы,
 А третій на Ганусиной на головкы.

Стояла Ганусенька пидъ винечкомъ,
 Чесала русу косыньку гребенечкомъ ;
 Упавъ гребенець пидъ крылець :
 Подай мени, Петрусенько, гребенець !
 Яжъ тоби, Ганусенько, не вдовець,
 Тогда бы я подавъ, твій гребенець. —

Колесомъ, колесомъ
 Солнышко въ гору
 Поднималось ;
 Ганусенька къ подружечкамъ
 Сбиралась.
 И своему батиньки
 День добрый дае;
 День до вечера,
 Зъ дивчатами гуляе.
 Ганусенько у батинька,

Кохане дитя ;
 Кохане, якъ ути,
 Якъ рожа въ огорожи.

Дивуются селшны,
 Що идуть бояры ;
 Коники вороные,
 Бояры молодые. —
 Де стануть,
 Тамъ играють,
 Ганусеньку вымацяють.
 Иди Ганусенько зъ нами,
 Дадимъ тобі квіточку зъ шорьями.
 Я ту квіточку не зношу,
 Бо полюбивъ Петрусенька, якъ душу.

Давжежъ улици тисны !
 Бо по симъ улличкамъ,
 Ишли бояры пышны.
 Та везли вони хоругву,
 Да на той хоругви малеванье.
 То Ганусенько твое написанье. —

Сказано матери,
 Що твои хъ дитокъ звязали ;
 Твои хъ дитокъ,
 Однихъ литокъ,
 Тонесенькимъ, билесенькимъ,
 Рушничкомъ. —

Понжайте бояры до бору,
 Рубайте сосну, да довгу.

Становите сосну на столы,
 На столечки, на дубовинькинь,
 На тонесенькинь рушничку,
 На серебрянинь блюдечку.

Не війте, вы витры, нъ рожи ;
 Повійте витры по дорози,
 Рознесите русу косу,
 По красному поясу ;
 Розберите по волосочку,
 Якъ жито по колосочку.

Ой гасмъ, гасмъ,
 Ихали бояры веселеньки.
 Я тоби честь добываю,
 Василечкомъ обметаю,
 Барвинечкомъ обстилаю :
 Щобъ гай бувъ зелененькій,
 Щобъ гостей увеселить
 Веселенько. —

Летивъ горностаи,
 Черезъ садъ ;
 Пускавъ пирлячко,
 На весь зеленый посадъ. —
 Шора тоби, Гануса,
 Сясти на посадъ.

Дружко между тѣмъ испрашиваетъ благословенія у старосты: не пора ли раздавать подарки?—Получивъ согласіе, онъ подноситъ отцу хлѣбъ, матерѣ красные козловые сапоги, родственникамъ, свойственникамъ и

всему поѣзду молодыхъ и прочимъ гостямъ : платки, рушники, коники, дѣланые изъ тѣста, бублики, ко-роваи, пряники; потомъ дружко проситъ три раза дозволенія: паны старосты и пидстаросты! благосло-вите молодыхъ вывести изъ хаты, на двиръ погу-ляты.

Танцы. Весь народъ выходитъ на дворъ. Тройста (скрыпачъ, цимбалистъ и бась), уже играетъ. Впередъ выступа-ютъ двѣ пары дѣвушекъ, и взявшись за руки, начи-наютъ дрибушку : стучать каблуками, брясчатъ под-ковами; то кружатся вмѣстѣ, то расходятся; то какъ лебеди гордо плывутъ, то какъ уточки ныряютъ. Го-ловы поднимаютъ вверхъ и вдругъ опускаютъ, или чер-ными глазами устремляются къ молодцамъ. Тутъ разма-хиваютъ руками небрежно, рисуются гибкимъ станомъ, присѣдаютъ, сблизаются и обвиваются другъ около друга. Морозъ подираетъ по кожѣ молодцевъ! Толпа рукоплещетъ дѣвушкамъ, — Онѣ устали, потъ льется съ ихъ лицъ, только утрутся платочками, и снова. Онѣ и хотѣли бы перестать, но музыка еще играетъ. Музыканты никого не уважаютъ: дерутъ себѣ на про-палую! Одна изъ дѣвушекъ уже не можетъ танцо-вать; она проситъ и молитъ музыкантовъ: годи бо дядьку! та перестанте! ось оже не здужаю! (полво дядюшка, да перестанте, вотъ уже не могу). Трой-ста не слушаетъ, — она знаетъ свое дѣло. Дружко въ то время подносятъ музыкантамъ по чаркѣ водки, и вотъ дѣвушки рады: музыкантамъ кланяются и при-соединяются къ своимъ подругамъ. Но тутъ одинъ не-терпѣливый парубокъ-красавецъ, кричитъ: эй музыка! нуте-жъ горлицы (*). Онъ выходитъ на средиву, бе-

(*). Названіе танца, — по переводу : гавецъ голубки

рется въ боки и смотритъ съ самодовольствіемъ. — На немъ изъ сѣрыхъ смушекъ высокая шапка, съ красивымъ верхомъ, и надѣта на бекрень. Онъ водить усами, поглядываетъ на всѣхъ важно, ни засмѣется, и приговариваетъ: одже узався танцеваты, та може и не вимо (вотъ взялся танцовать, да можетъ быть не сумѣю). — Тройста играеть. — Молодецъ пошелъ въ присядку: ногами не каснется земли! Онъ скачетъ, присѣдая на колѣнахъ; потомъ обернется, привскочитъ, ударитъ въ ладоши, и вдругъ свиснетъ, что въ ухахъ засвищеть; Затѣмъ подбочнится и снова трепана. Земля гудеть подъ нимъ, а онъ стучитъ, гремитъ, выдѣлываетъ дробушку ногами; потомъ подпрыгнетъ и снова въ присядку: вертется; увивается и подскочивъ къ одной изъ дѣвушекъ, вьзется около нее, выдѣлываетъ трепака и присядку, и приговариваетъ: ой дивчина горлыца, до козака горнетца; а козакъ, якъ орель, якъ побачивъ, та й змеръ! (ой дѣвушка голубка, къ казаку жметса, а козакъ какъ орель, какъ увидѣлъ ее, такъ и замеръ!). — Общее одобреніе: добре! оцень якъ зъ лиха мудро! Онъ снимаетъ шапку, кланяется всѣмъ и выходитъ изъ круга. За нимъ другой молодецъ начинаетъ казачка, а тамъ мятелицу. Онъ похитса вихремъ и подсматривая на стариковъ, приговариваетъ: ой на двори мятелица! чому старый не женица? — Но самъ красавецъ такъ и мнетса около дѣвушекъ, а дѣвушкамъ это по сердцу. Онѣ не остаются въ покоѣ: пускаются за нимъ, вертятся, закруживаются въ сладостномъ самозабвеніи, — и тогда въ сердцахъ настоящая мятель. Все скачетъ, стучитъ и кричатъ: ой на двори мятелица, мятелица. Шумъ, хохотъ и неподдѣльное веселіе, подстрекають другихъ плясать: все летитъ, мятеть и мигъ радости въ жизни бурной, хотя какъ мятель, доволенъ для пирующихъ. — Пляска продолжается до тѣхъ поръ, пока дружно не попро-

ситъ гостей къ обѣду. Все умоляетъ; каждой идетъ чинно и занимаетъ свое мѣсто.

Кушанье

Столъ накрывается поверхъ ковра тканой скатертью: на столѣ разставлены деревянныя бѣлыя и окрашенныя тарелки, ложки, соловки, кружки и ложки съ вилками. — У зажиточныхъ бываютъ стеклянные стаканы, муравленая посуда и бѣлыя глиняныя тарѣлки. Обѣдъ готовится въ изобиліи: ланша съ курицею, пироги, жаркое всякаго рода съ соусомъ и подливкою; холодное, перосенокъ съ тертымъ хрѣномъ и сметаною: яшница, холодецъ (ботвинья), галушки (клецки) съ молокомъ, молочная каша, различные бѣлые хлѣбы, разныя водки: запеканка, польшовая, гвоздичная; настойки изъ травъ и пряныхъ кореньевъ, вишневка, терновка, сливника, дулинка (изъ грушъ), смородиновка, малиновка; яблочный и грушевый квасъ, пиво, брага и варенука. Въмѣсто сладкихъ постобѣденныхъ закусокъ, подаютъ медяники (медовыя пряники), маковики, моченыя яблоки, сушенныя черносливы, груши, дули, вышши, павыдлю (шостила), финики, орѣха, винныя ягоды и вьюмъ. Таковой столъ, конечно, не всякъ можетъ имѣть, по крайней мѣрѣ, всякій старается угостить на славу. Мѣщане, купцы и другіе зажиточные ничего не жалѣютъ для радостнаго дня.

Предъ женихомъ и невѣстою стоятъ пустыя тарѣлки, съ положенными на нихъ крестообразно двѣма ложками, и ржакой цѣлый хлѣбъ, обсыпанный солью. Посреди стола коровай, накрытый крестообразно двумя утиральниками, съ воткнутою въ него вѣтвию елвою или калиновою. Подъ образами сабля, окруженная зажженными свѣчами. Молодые вачего не ѣдятъ во весь обѣдъ. По принесеніи перваго кушанья, ланша, отецъ и мать подчуютъ гостей водкою, и пьютъ за здоровье не-

вобрачивыхъ. Подчиваніе водкою, пѣторяется почти при каждомъ кушаньи. Сестра невѣсты, снявъ съ жениха шапку, пришиваетъ къ ней квітку (цвѣтокъ), и поетъ приличную пѣснь. — Старшій староста, который въ иныхъ мѣстахъ замѣняется старшимъ дружкою, распоряжается угощеніемъ и смотритъ, чтобы всѣ были сыты, довольны и веселы. — Для этого избирается преимущественно веселый, проворный, услужливый и предупредительный; иначе онъ подвергнется посмѣянію, и дѣвушки тогда поютъ на его счетъ:

Старшій бояринъ, якъ болванъ,
 Вытрачивъ очи, якъ баранъ.
 Обручами глаза збыты,
 Мочулою свыты,
 Лычкомъ подперезався,
 У бояра прыбрався!

Въ помощь старшаго боярина назначается нѣсколько дружекъ и водаружьевъ, которые помогаютъ угощать, но при каждомъ угощеніи спрашиваютъ у него благословенія и дозволенія на подаваніе кушанья, или на что либо другое. Старшій дружко прочитавъ, послѣ благословенія старосты, Отче нашъ, снимаетъ съ корова рушники, беретъ одинъ себѣ, а другой отдаетъ подружему и перевязываетъ себѣ и ему черезъ плечо; потомъ разрѣзываетъ коровой на части и дѣлитъ между гостями. — Каждый даетъ за то по нѣсколько денегъ. Послѣ обѣда всѣ идутъ на дворъ, снова танцовать, и гуляютъ до сумерокъ. Вечеромъ подаютъ ужинъ, и всѣ гости садятся за столъ по прежнему порядку.

Послѣ ужина дѣвушки расплетаютъ косу молодой ^{покры-} а старшая сваха заплетаетъ по женскому обычаю, и ^{ванью.} надѣваетъ очинокъ, который срываетъ съ себя ново-

брачная до трехъ разъ, и бросаетъ на полъ. При надѣваніи очника, она и ея подруги плачутъ: первая объ отнятіи у нея дѣвической волюшки, а вторыя о разставаніи съ нею. Тутъ онѣ поютъ пѣсни :

Покрываночка плаче,
 Покрываночка плаче,
 Покрыватися не хоче;
 Не такъ не покрываца,
 Якъ съ ними разставаца. (*).

Онѣ прощаются съ нею: обнимаютъ и цѣлуютъ другъ друга. Тутъ поютъ грустныя пѣсни.

Зять хорошій!
 Давай мени копу грошей,
 Копую ще не отбудешъ
 Хиба мени жупанокъ купишь.
 А якъ гривень шести недаєшь,
 Звелю тебе отъ сестры отвезти.

(*) Въ другихъ мѣстахъ поютъ еще :

Покрываночка плаче
 Покриваца хоче,
 Щобъ ни дивувать,
 А бабузовать.

При надѣваніи очника иногда дѣвушки выходятъ изъ избы, и подойдя къ тому окошку, противу котораго сидитъ молодецъ, поютъ въ насмѣшку :

Тоби буде дивувать,
 А намъ ще довго гулять,
 Трай, рай, ра. 3.
 Мы идемъ на вечеряниця
 А ты уже молодыця. 3.

Незаметно, услышавъ эту пѣсню, начинаетъ плакать. —

Якъ не стыдно тобі затицько,
 Що ты на конному їдешъ:
 Безъ седельчика и безъ лучка,
 За столомъ сидишь
 Безъ шлычка и безъ виничка. —

Зять на мене та не надвинця,
 Винь на мене сопротивця;
 Зять на мене не погляне,
 Винь мене тишкомъ лас.

Такъ буде не по вашему,
 А буде по нашему;
 Якъ бы мы схотили,
 Мы бь ій до Дунаю повели,
 Мы бь ій тамъ кисочку заплели,
 Мы бь іи зь собою увезли.

Слушайте бояры: де голубь гуде?
 То не голубь гуде,
 То Петрусь гомонить,
 Молодество здае!
 Нате вамъ, бояры,
 Молодество мое,
 И стрилку и лучекъ,
 И передній товничекъ.

Слушайте дружечки: де голубка гуде?
 Не голубка гуде,
 То Ганусенька гомонить,
 Дивованье здае:
 Нате вамъ, дружечки,
 Дивованье мое,
 Шкапку и винокъ,
 И первій починокъ.

Чиє у тебе, нашіматко, дитяко ?
 Шлешь їй протину вочки!
 Дай їй проводничка, хоть братичка,
 Дай їй проводниці, хоть сестриці.

Старша дружка маленька,
 У неї мати старенька :
 Шлеть вона послы и послає,
 Щобь ея дитина дома була ,
 Щобь ея дитину привели :
 Зь скрипками, зь цымбалами,
 Зь хорошими боярами

Вышла Олена изъ подь благо камня,
 Пытає Олена : чи люта зина ?
 Хоть люта, хоть не люта,
 Не такъ якъ лито.

Выглядає Гануся
 Изъ пидь тонького сирцячка,
 Пытаєцца у людей :
 Чи грозный ея свекорокь?
 Хоть грозный, не грозный,
 Та не такій, якъ твій ридий.

Прощай, прощай! уже мы идемо,
 Уже твое дивованье,
 Зь собой беремо,

Спасибо тобі, Ганусенько,
 Що ты насъ вь дружечки брала,
 Що близенько около себе сажала.

Брала Гануся лентъ,
 Выгнала своихъ дружечекъ вилы!
 На що було насъ браты,
 Коли вилы выгоняты?

Жаль намъ тебе, Ганусенько,
 Що позвала насъ до себе;
 Разлука наша зъ тобой,
 Якъ съ рідней сестрой.

Чого жъ ты, Ганусю, досидиваєшь?
 Чомъ ты, батинько, не дякуєшь?
 Кони уже запряжены,
 И повозочки позавертаны.
 Тилько батинько,
 Слесты та понхиты.
 Тилько батинько, не пора!
 Упала Гануся батиньки низко,
 Спасибо тобі, мій батинько,
 За твое коханьеце:
 Що я у васъ гуляла,
 Важного дила не знала;
 Тилько знала до свиточку
 Та на уличку,
 Та за виночокъ, —
 Та въ тоночокъ. —

Когда одѣнуть по женскому обряду; тогда молодая дарить своихъ подругъ платками и лентами, и потомъ расстається съ ними. Старшую дружку провожаютъ бо-яре съ пѣніемъ и музыкою, до самаго ея двора.

По расходѣ гостей, ужинаютъ молодые за особымъ Прово-
женіе
моло-
дыхъ и
свадьбы столомъ въ уединенной комнатѣ или чуланѣ. Друж-ки и свахи собираютъ тогда приданое невѣсты, скла-

о благо- дываютъ на телѣгу или санн, и посади туда невѣсту
получи молодой съ свитилкою и свахою, везуть въ домъ жениха, ко-
торый тутъ же ѣдетъ верхомъ съ боярами, съ правой
стороны. Молодой, по выѣздѣ изъ тестева двора,
бьетъ плетью по спинѣ своей молодой, нѣсколько
разъ, приговаривая : покидай нравы отца и матери, и
привыкай къ моимъ. При выѣздѣ въ домъ, зажигаютъ
по среди воротъ кулъ соломы, черезъ который пере-
ѣзжаютъ молодые, а за ними весь ихъ поѣздъ ; по-
томъ входятъ въ хату. (*) Новобрачные кланяются
въ ноги родителямъ, кои благословляютъ ихъ обра-
зомъ и хлѣбомъ-солью ; потомъ сажаютъ ихъ за столъ
и подаютъ имъ ужинъ, гдѣ они ѣдятъ прежнимъ по-
рядкомъ. Послѣ ужина дружко со свахою и свойст-
венниками, ведутъ новобрачныхъ въ подклѣтъ, и тамъ
оставляютъ ихъ вдвоемъ на нѣкоторое время. Въ
иныхъ мѣстахъ музыканты, подтянувши струны на
скрыпкахъ, провожаютъ новобрачныхъ къ ложу тор-
жественнымъ маршемъ. Молодая снимаетъ сапогъ съ
молодаго, который по снятіи бьетъ ее слегка по спи-
нѣ голенищемъ, и приказываетъ ей взять, выпавшія
изъ сапога деньги. За тѣмъ ложатся спать на послан-
ной на полу соломѣ, покрытой ковромъ или войло-
комъ. — Дружко, съ обнаженною саблею въ рукѣ,
въ казцкомъ нарядѣ и въ шапкѣ на бекренѣ, ѣздитъ

(*) Молодые переезжаютъ чрезъ огонь въ томъ мнѣніи, что
огонь очищаетъ ихъ отъ всякой нечистой силы и предохра-
няетъ отъ порчи. — Если до приѣзда молодой узнаютъ о на-
комъ нибудь неблагополучіи въ домѣ жениха, то впускаютъ
въ хату кошку или пѣтуха, которые должны пробыть тамъ
цѣлые сутки, или заставляютъ молодую влѣзть въ окошко въ
одной рубашкѣ, при чемъ произносятъ заговоры отъ кол-
довства. —

верхомъ около сѣнника молодыхъ. Никто тогда не смѣетъ подойти, даже самая любопытная сваха. Спустя нѣсколько времени молодой зоветъ дружку и объявляетъ ему о благополучіи своей молодой. Дружка входитъ въ подклѣть съ родственниками невѣсты и свахою, и удостовѣряются въ дѣйствительности; потомъ отправляются къ родителямъ жениха съ радостнымъ извѣстіемъ: поздравляютъ родителей съ счастливымъ бракомъ молодыхъ; поютъ, веселятся и пляшутъ. (*) Послѣ отправляются въ домъ родителей невѣсты, и въ знакъ радости: бьютъ окошки, печи, ломаютъ столы, стулья, лавки, колотятъ посуду и все что попадется имъ въ руки. — Иногда все переломаютъ и перебьютъ въ домѣ, но родители не только за то не сердятся, — еще благодарятъ ихъ: дарятъ рушниками и платками. Разгульные вѣстовщики возвращаются въ домъ жениха, и проводятъ всю ночь, до свѣтлаго дня: въ пѣніи, пляскахъ и шумномъ веселіи (**). —

На другой день, въ поведѣльникъ, собираются гости въ домъ молодого. — По утру рано приходитъ сюда старшій бояринъ къ молодой, беретъ у нее красную занаску (передникъ), привязываетъ къ высокому шесту, ставитъ его у воротъ, въ ознаменованіе цѣломуд-

(*) Иные кладутъ сорочку молодой на тарелку или въ чашку, приносятъ къ родителямъ невѣсты на сохраненіе, и ида по улицѣ, поютъ:

А ваша хатина добраго роду,
Куповали кунцы, не продала:

.
.

(**) Если молодая окажется нечестною, то надѣваютъ хомуты на дружковъ, сватовъ и на мать молодой, и всѣхъ ихъ водятъ по улицѣ.

мудрія молодой, и запаска развивается на шесть до самого вечера, или покуда молодые не возвратятся изъ вечерни. Молодой бояринъ, когда идутъ молодье, възбзаетъ на ворота, и поднявши шесть съ запаской, машетъ на молодыхъ, а потомъ выпускаетъ ихъ во дворъ. Тогда весь свадебный причетъ, въ предшествіи дружки, который держитъ въ рукахъ хлѣбъ и штофъ водки, идетъ при пѣніи пѣсней въ домъ старшаго дружки. Послѣдній выходитъ имъ на встрѣчу, принимаетъ и угощаетъ кушаньемъ и виномъ. Послѣ выходятъ на дворъ и танцуютъ подъ музыку. Отъ старшаго дружки отправляются къ боярамъ, свахамъ и свитилки, которыя ихъ такъ же угощаютъ, и обойдя всѣхъ по очередно, отправляются къ молодымъ и спрашиваютъ у родителей дозволенія, чтобы вестъ новобрачныхъ въ церковь.

Въ иныхъ мѣстахъ есть обыкновеніе, что на другой день свадьбы идутъ рано къ молодой, ея дружки, и приносятъ ей до завтрака жаренную куриную и коровую, а она угощаетъ ихъ оеобо.

Покровеніе голов.

Получивъ согласіе вестъ новобрачныхъ въ церковь, дадѣваютъ на молодую очипокъ (чепецъ), наматку (повойникъ), съ красною вокругъ головы лентою. Молодые ожидаютъ на папертѣ (церковномъ крыльцѣ), или даже около церкви, пока прійдетъ священникъ. Дружка и поддружка отправляются къ дьячку и пономарю; кладутъ имъ на столъ по хлѣбу и ставятъ смянку водки; отъ нихъ идутъ къ священнику съ тѣми же самыми подарками, и просятъ его, чтобы онъ ввелъ молодыхъ въ церковь. — Попъ требуетъ платы, ему даютъ, и тогда онъ, подойдя къ дверямъ и прочтя молитву за порогомъ, беретъ новобрачныхъ за руки, вводитъ въ церковь и читаетъ молитву покровенію головы; потомъ покрываетъ молодую серпянкою (фатою), окропляетъ новобрачныхъ св. водою, благосло-

влетъ ихъ на новую жизнь, и отпускаетъ съ пожеланіемъ имъ счастья. —

Всѣ свадебные гости идутъ въ домъ молодого. Новобрачныхъ сажаютъ за столъ. Сюда приходитъ свекоръ съ палкою и тычетъ ею въ глаза невестки, спрашивая: не слѣпали она, что сидитъ подъ фатою? Въ удостовѣреніе свое, онъ снимаетъ съ нея серпанку, и отъ радости, что она не слѣпая, подчиваетъ виномъ. Дружко же ставитъ на столъ мѣлъ, въ деревянной тарелкѣ; намазываетъ имъ кусокъ бѣлаго хлѣба и отъдѣлываетъ; сперва самъ; потомъ подноситъ другой кусокъ ко рту молодыхъ, и самъ свѣдаетъ; но третій кусокъ отдастъ уже имъ. Прочіе ломти хлѣба съ медомъ, раздаетъ всѣмъ находящимся тутъ. Послѣ, по благословенію старосты, выходятъ гости на дворъ, чтобы повеселиться; дружко начинаетъ пляску. Старшій бояринъ; поставивъ нарку вина и положивъ нѣсколько медвѣкъ денегъ на тарелку, подноситъ все это молодой. Она взявъ деньги и выпивъ немного водки, идетъ танцовать съ нимъ, а потомъ со всѣми. По окончаніи танцовъ дружко проситъ гостей ужинать. Войдя въ избу, они садятся по указанію старосты и дружки; всѣхъ ихъ подчиваетъ отецъ и мать. — Дружко спрашиваетъ у старосты дозволенія разрѣзывать коровай. По прочтеніи Отче нашъ, онъ разрѣзываетъ который на части, водноситъ сначала отцу и матерѣ, потомъ всѣмъ свадебнымъ гостямъ, кои дарятъ новобрачныхъ, на заведеніе хозяйства, домашними птицами и скотомъ; наконецъ, взявъ жареную или вареную курицу, а иногда сырую, хлѣбъ и ступьны (*), обкладываетъ ихъ калиновыми вѣтвями,

Веселіе
свадеб-
ныхъ го-
стей, въ
пр. дол-
женіи
недѣли.

(*). Ступьны, родъ пироговъ. Они дѣлаются съ загибами по 6 угламъ, и съ большими загибами; иногда загибается почти вся цѣлая половнина.

обводитъ красной бумагою и идетъ съ молодымъ и со всею свадебною толпою, къ тестю и тещѣ, при пѣніи и играниіи музыки. Дружка тамъ кладетъ курицу съ хлѣбомъ на столъ; тесть и теща угощаютъ ихъ. Послѣ дружка дѣлитъ курицу на мѣлкія части: тестю даетъ пару стульневъ и куриную голову, а тещѣ пару стульневъ и заднюю часть курицы, прочимъ гостямъ по ломтю стульня и куску курицы. Съѣвъ все это, теща отправляется къ зятнему отцу, со всѣми пришедшими къ ней; тамъ ужинаютъ а послѣ веселятся: поютъ и танцуютъ до разсвѣта. Во вторникъ собираются гости къ обоимъ сватамъ, ходя толпами изъ дома въ домъ; ихъ угощаютъ кушаньемъ и напитками, не оставляя забавъ, которыя продолжаются нерѣдко во всю недѣлю. Субботою оканчиваются всѣ свадебные обряды. (*) Въ теченіи свадебной недѣли князь разъѣзжаетъ по улицѣ съ своими боярами, и всѣ верхами. Бояры и дружки ѣздятъ съ перевязанными черезъ плечо рушниками и приколотыми къ шапкамъ лентами, а молодой съ цвѣткомъ, приколотымъ къ его шапкѣ. Во время поѣзда поютъ пѣсни:

Горе съ такимъ члoвиномъ
Що самъ горылки ни псе,
И мени не велытъ;
Самъ въ люди неиде,
И мене не пускае.
Якъ украду пятакъ,
Пйду въ кабакъ.

(*) Свадьба малороссійская довольно расходная. Она самому богатому поселянину обходится не менѣе 50 руб. серебромъ. Въ прежніе годы, не болѣе 40 л. тому назадъ, она обходилась съ обѣихъ сторонъ не болѣе 10 руб. серебромъ.

Пыла я ничиньку.
 Пыла я дви,
 На третью ничиньку,
 До дому иду.
 Та встрѣтилась съ диверькомъ,
 На бытомъ шляху.
 Нивистушко, голубушко,
 Де ты була ?
 Диверько, братику,
 Горылку пыла.
 Нивистушко, голубушко,
 Мужикъ буде биты.
 Диверько, братико,
 Прийде браныты —

Я дамъ тоби сорочечку.
 Тонну льняную;
 Дамъ тоби хусточку,
 Вышиванную —

Якъ зачус мій миленькій
 Въ вышневимъ саду,
 Я ту сорочичку
 Самъ изношу ;
 А ту хусточку,
 Въ рукахъ изотру.
 Тоби, моя миленька,
 Головку изобью.

Покатилась головочка,
 Якъ маковочка ;
 Розсыпалась червошна,
 Якъ по пичи жаръ.
 Учинилось миленькому жаль :
 Возьми пятакъ,
 Та пійды въ кабаць.

Та всежъ я малесенька
 Напилась,

За твоею головою,
Нажилась (*).

Да ны куй старосто,
Золотого ножа;
Пыдкуй пидь сане ирване (полозья)
Пидвозы тязы, та пондино,
Горомъ борою.
Буде камень звенить,
А возы гудыть.
Зачують люды,
Намъ слава буде,
А сваха зачуче,
Що славнійше буде.

Та ны куй Петрусю,
Золотого ножа;
Пыдкуй пидь сане ирване,
Пидвозы тязы,
Та пондемо,
Горомъ борою.
Возы будутъ шумить,
А камень звенить.
Зачують люды,
Намъ слава буде;
Зачуче Гануся,
Ще славнійше буде. —

Ой темная,
Та невидная ниченька!
Ой дурная,

(*) Эту пьесу поютъ по большей части женщины, послѣ
перваго дня свадьбы.

Та неразумная дичина!
 Полюбила козаченька старого,
 Веди на ручешку его ньянаго;
 Клади спаты,
 На тесовой кровати;
 Сама пишла,
 Въ вишневы садъ гуляты. —
 А забула соловесчку
 Приказаты:
 Ни спивай рано въ саду,
 Нибуды жъ мого миленького
 Въ комори. —
 Яжъ думала,
 Мій миленькій,
 Спитъ и не чуе.
 Ажъ винъ на мене
 Наганчку готуе.
 Яжъ думала,
 Шо наганчка шуточка. —
 А якъ де вдаре,
 Тамъ лопнеться шкурочка,
 Яжъ думала,
 Шо наганчка,
 Тивкій дритъ.
 А якъ де ударе,
 Тамъ розсадица шкурочка.

При встрѣчѣ жениха съ невѣстою, дружки и бояры
 поють:

Ихали бояры горою,
 Звали Ганусю зъ собою:
 Пійдемъ зъ нами!
 Дамо тобі квіточку,
 Зъ пирьяни. —

Дружки невѣсты отвѣчаютъ:

А сю квіточку
 Не знаю ,
 Бо полюбила Петруси,
 Якъ душу.

По тимъ боци Дуная,
 Вивчарь вивьци гонле;
 Вивчарь вивьци гоняе,
 На молодцивъ моргае :
 Гей молодци, молодци!
 Накажить мосей дивонци,
 Не хай мене не любить,
 Сама себе не губыть;,
 Бо я парубокъ удовый
 А ще къ, тому и убогий.
 Снимъ соть овницъ дейныку,
 Яловныку безъ ляку.

По тимъ боци Дуная,
 Тамъ дивчына гуляла ;
 Де козаченько ходыть,
 Тамъ барвынокъ уродывся;
 Дежъ дивчына стояла,
 Тамъ травонька завяла.

Черепелычка мала,
 Не велычка ;
 По полю литае,
 Траву пригортае.
 Траву пригортае,
 Сокола шукае.
 Дивчыно, сыроте!
 Не стелы широко.
 Стелы узенько,
 Прысунься близенько.

Будимъ говорыты,
 Якъ у свити жыты.
 Будимъ рамовляты,
 Якъ й горюваты.

Ой горе! горе!
 Несчастливая доля.
 Взорала дівчинонька
 Мыслянками поле;
 Карыми очыма,
 Тай заволочыла;
 Дрибеньками слізюньками,
 Все поле смочыла.

Изъ пядь крутой горы,
 Вылетало два орлы;
 Литаючи, промовляючи,
 Та по своїй горькой доли.

Женщины и мужчины поютъ, во время веселія, шуточные и часто такія пѣсни, какія вздумаютъ или какъ имъ по сердцу. —

Ой выхавъ козакъ на Украину,
 На Украини побачивъ дівчыншу,
 Зъ коня заразъ уставас,
 До дівчыны прынадае,
 Кулыною называс. —
 Кулыно моя,
 Ты панн моя!
 Ой ты козаче!
 Ой ты пане мій!

Та чы есть у тебе,
Та куринь свій?

Куринь маю крыл Думая,
Очеретомъ обставляю;
Що побачу, загонаю;
Кулыно моя,
Ты пани моя!

Ой ты козаче,
Ой ты пане мій!
Та чы есть у тебе,
Та намдъ свій?

Соломаха, затириха,
Отъ вся козачкия пдаха!
Кулыно моя,
Ты пани моя!

Ой ты козаче,
Ой ты пане мій!
Та чы есть у тебе,
Та одижъ свій? —

Жупаныну черви зъшлы,
А сорочку рсточылы;
Въ потылицы гниздо свылы,
До крыныци пыть ходылы,
Кулыно моя,
Ты пани моя! —

За Немель иду!
Гей, коню мій! коню, —
Заграй пидо мшою.
Дивчыно прощай!

За Немель идешъ,
Мене покидаешъ!
Куда-жъ ты, мій млышій,
Куда жъ отъгызжашъ?

Хиба жъ тобі милый,
 Чужа сторона, —
 Ряднійше, милійше,
 Своїй вона?

Иду я туды,
 Де роблять на диво:
 Червоное пиво, —
 Зъ крови супостать.

Хиба жъ ты задумавъ,
 Тымъ пивомъ ухытця?
 Хиба жъ ты задумавъ
 Зо мной розлучытця?
 Испый мои слезы,
 Испый мою кровь,
 Та тилько не кидай
 За вирную любовь!....

Дивчыно не плачь,
 Не рвы мое сердце!
 Якъ пиръ той мшастця;
 Вернусь я назадъ.

Та вжежъ тобі милый,
 Назадъ не вертатця:
 Тамъ тобі серденько,
 Навикъ заставаця!
 Дывьсь, пидъ тобою
 И кинь щось поныкъ.
 У поли червонимъ,
 Заснешъ ты навикъ!

Якъ воронъ до тебе
 Въ иконце закриче,
 Изъ за-моря прыскаче
 Козаченько твій!
 Якъ явиръ зелений
 Головоньку склоне,
 Зозуля, закукне,
 Дуброва застане;
 Якъ кинь пидо мною,

Спиткветиця, вадыхне ;
Тоди не буде
На свити мене ! —

Гоминь, гоминь по дуброви,
Тумань поле покрывае,
Маты сына прогоняе :
Иды сыну геть видь мене,
Нехай тебе орда визьме !
Орда мене маты знае,
Србломь, златомь надляе.
Иды сыну геть видь мене,
Нехай тебе москаль визьме !
Мене маты москаль знае,
Обядаты прыкляе.
Иды сыну геть видь мене,
Нехай тебе турчынъ визьме !
Мене маты турчынъ знае,
Пывомъ, медомъ напувае.
Гоминь, гоминь по дуброви,
Тумань поле покрывае,
Маты сына завертае :
Вернысь сыну до домоньку,
Смыю тобі, счешу головеньку.
Смыють мени дрибни дощи,
А вычешуть густы терны.

Ой на гори женьци,
Жнуть. 2.
А по пидь горою,
По пидь зеленою,
Козаки идуть. 2.

По перелу Дорошенко,
 Веде свое військо :
 Веде Запорожцевъ дружненько. —
 А въ средини
 Сыпюлюжый, —
 Пидъ нымъ кониченько,
 Пидъ нымъ вороненькій,
 Сильно дюжый. 2.
 А по заду Сагайдашній —
 Що проминавъ жиньку
 На тютюнъ, на люльку —
 Необачный!
 Ой вернися, Сагайдашній,
 Возьми свою жиньку,
 Верни мою люльку,
 Не обачный! 2.
 Мени жинька,
 Не годьщия,
 А тютюнъ та люлька,
 При всякій дорози,
 Снадобытця! 2.
 Ой хто въ лиса?
 Обывыся!
 Та выкрешемъ огню,
 Та покуримъ люльки,
 Не журися! 2.

Женщины и мѣщанки поютъ, во время веселья, шуточные пѣсни, и часто нарушающія скромность.

А у сусида хата была,
 А у сусида жинька мила ;
 А у мене ни хатынки,
 Нема щастья, нема жиньки. 2.
 За сусидомъ молодици,
 За сусидомъ и вдовыци ;
 И дивчата погладають
 И сусида вси кохають. 2.

У сусіда хата была,
 У сусіда жінка мила;
 Ніжка была, не велычкі,
 Носыць жонка черевычкі.

Завсёгда встает раненько,
 Приберется чыпураменько.
 На сніданьні пирожкі,
 Шулькі та галумкі.

Въ обідъ ставе борщъ зъ сметаной,
 Та все въ місці попаняной;
 Зъ чеснокомъ пампушкі, кваша,
 Та гречана зъ шкваркамі каша.

А якъ все поприбирае,
 То ніколи не гулае:
 За плахту заткне кудылку,
 Прыде дуже тонку нитку.

А у мене хата чорна,
 Жінка брыдка, не маторна:
 Усе спыць, та лежыць,
 Не хоче собі робыць.

Скажу: Гапко! встань раненько,
 Приберы все хорошенько.
 Вона слухаты не хоче,
 И якъ видьма все сокоче.

Прышовъ зъ поля,
 Змордовавсья;

Исты добре,

Сподивавсья. —

Вона борщъ

Ни зъ чымъ ставыць;

Хлебъ судый

Ажъ въ горлі давыць.

За що жъ мужыкъ меце бье?

За які прычыны?

Чы я жъ іому не напярла,

За рыкъ три поцідны!

Чы я жъ мужови не жинка?

Чы не господыня?

Три дни хаты не мела,

Смитья не посылла. 2.

Отъ яка у мене жинка!

Не слухае, тай брідка!

Притуляе до куточка,

Вона сопе, бисова дочка.

Ой горе! горе!

Шо я не вдався.

Бривъ черезъ ричиньку,

Тай не вывався.

Охъ я вернуся,

Тай умыюся;

На свою мылюю,

Тай подывлюся.

И не вертайся,

И не вывайся.

Тыжъ мени, сердешько,

И такъ сподывався —

Чы бисъ мени раду давъ,

Шо я соби бабу взявъ:

Бабу, бабу, бабу, бабу взявъ.

И сорока скрегоче,

Нихто бабы не хоче.

Чы бисъ мени раду давъ,

Шо я соби бабу взявъ. —

Бабу, бабу, бабу, бабу взявъ,

А при борозн, на гурзи,

Цямле дзавель бабу,

На шнурзи.

Чы бисъ мени раду давъ,

Шо я соби бабу взявъ,

Бабу, бабу, бабу, бабу взять —
 Подай себе пшмиць! —
 Цямле дзядзель бабу крешце.
 Ты бисъ мени раду давъ,
 Що я соби бабу взявъ,
 Бабу, бабу, бабу, бабу взявъ.

Ой содома, пане-брате!
 Содома! содома!
 Нема у мене снопа жыта :
 Ни въ поли, ни дома.
 Було у мене, брате, жыто
 Зелене, зелене.
 Пожавъ панъ тее жыто,
 Безъ мене, безъ мене!
 Стари паны булы,
 Добры—легки на роботу.
 Цилый тыждень соби робышь,
 Панови въ субботу.
 Нови паны лыхи стали,
 Тяжкы на роботу.
 Цилый тыждень пану робышь,
 Шарварокъ въ субботу.
 А въ недзели ранесенько,
 До церкви зазвоняць ;
 А Савло съ козакамы
 На паньщину гонить
 Ой содома, пане-брате!
 Содома! содома!
 Нема у мене снопа жыта :
 Ни въ поли, ни дома!

Чи диво, чи не диво, —
 Дивчина варубка побиле!

Ихали дивчата на войну,
 На воронныхъ коняхъ,
 Молодицы на волахъ,
 А парубки на собакахъ.
 Завоевали дивчата три города,
 А молодницы двѣ слободы,
 А парубки три свиньи.
 Или дивки были колачи,
 Молодицы паляницы,
 А парубки житный хлѣбъ.
 Пили дивки медъ и горилку,
 Молодицы бражечку,
 А хлопцы гушу
 Тута шовъ сирый вивкъ :
 Дивчатамъ шапку снявъ,
 Молодицамъ поклинь отдавъ,
 А парубкамъ хвистъ пидпавъ.

Блудили парубки
 Смигъ годъ по припечку,
 Та приблудили передъ вѣкно,
 Зобачили дивочокъ толочокъ.
 Дивочки наши, голубочки!
 Подайте жъ намъ вѣсты :
 Житняго хлѣба, черепокъ сыру,
 Щербату ложку,
 Щобъ стало у смигъ потришки.

Помхали парубки на лови,
 Та уловили комаря,
 Повезли его до пана. —
 Стали судьи судиты,
 Комаря дилиты :
 Сему—тому по стегну,

А одному голова ;
 Що изъ нихъ великій,
 Тай безъ ума!
 А шестому полуногтець,
 Що хорошій молодець ;
 А сьдьмому хвостиче,
 Куда иде, тай спиче. —

Отъ Кыева до Римни, (*)

Дороженька стовбова,
 До вловынаго двора.
 А у вдовы у двори,
 Стоять столы дубовы ;
 А за тыми столами,
 Сыдять паны рядами.
 Воны думу думали,
 Воны раду радылы :
 Кого въ службу отдать ?
 Де пять, — тамъ не брать ;
 Де чотыре, — не велать ;
 Де три, въ двирь не йды.
 А де два, — не ризны.

У одной вдовы одинъ сычъ,
 Тай той нишовъ видъ аршинъ!
 Его паны любилы,
 Чорны кудри обрыли, —
 И повели присягать.
 За нимъ иде стара маты.
 Не плачь маты, не рыдай,
 Карыхъ очей не обливай.
 Якъ у строю побачишь,
 Тогда маты заплачишь.
 Чи поля онустошены?
 Чи луга не выкошены?

(*) Римни, Ромень, уездный городъ полтавской губ.

Оцешъ того омыня,
Вдовыного моводля. —

Дѣвушки, ходя по улицѣ съ молодой, поютъ по-большей части веселыя пѣсни, иногда грустныя, смотря потому, за кого она вышла замужъ.

Въ четвергъ сходятся дружки и родные въ домъ молодой, и учать ее пряхть. Тутъ подчуетъ ихъ молодой и угощаетъ обѣденнымъ столомъ. Пѣсни и пляска снова возобновляются; въ нихъ принимаютъ участіе дѣвушки и сама молодая. — Вотъ нѣсколько пѣсней :

Северинъ, Северинъ, Севириночку! (*)
«Чого?»

Посватай ты у насъ тай дивчиночку.
« На врага!»

Северинъ, Северинъ, Севириночку!
Посватай ты у насъ дивчиночку,
У нашей дивчины карыи очи.

«Такъ якъ морква.»

Вона жъ гуляе ажъ до пивночи.

« Бо честна, якъ жидивскій п'ятинокъ.»

Северинъ, Северинъ, Севириночку!

Посватай ты у насъ тай дивчиночку,
Вжежъ наша дивчина тай процвітае.
« Якъ макуха пидъ лавою.»

Вона жъ и богомилячко знае.

« Якъ жидъ у сали.»

Северинъ, Северинъ, Севириночку!
Посватай ты у насъ тай дивчиночку.

(*) Эту пѣснь поютъ на два голоса: первый голосъ ве скорій и протяжній, а второй короткій, и отвѣчается басомъ. — Второй голосъ отмѣченъ здѣсь запятыми.

Съ досвитомъ йшла, утомылася.

« Бо дуже посишала.»

До дому прійшла и звалылася.

« Бо пьяна була.»

Северинь, Северинь, Севериночку!

Посватай ты у насъ тай дивчиночку:

Колы жъ вона така, такъ плюнь на й!

« Пфу на й!»

Северинь, Северинь, Севериночку!

Посватай ты у насъ дивчиночку.

Якъ ишовъ я зъ вечеринь,

Темненькой ночи ;

Сидыть гуська на купыни,

Вытрищыла очи.

Я на й : гыля! гыля!

А вона и присила.

Якъ бы не кій, не ломака,

Тобъ може и зыла!

Ой якъ чумаць несчастливый,

Зъ журьбы хожу ледве живый.

Волю росы не стрямалы,

Бидны заразь поздыхалы.

Зъ журьбы трохы погуляю!

Сынъ горилку, жиду—юдко!

Ты музыко заграй худко.

Нехай чумаць погуляе,

Хоть копінчки не має!

Я мазинцю и мазыло,

Що видъ воза летило,

За горилку жиду даю,

Бо ничего большъ не маю.

Ой гуляй, гуляй чумаче,

Хоть жимка дома плаче.

Требажъ ии отвидаты,
 Але буде зъ хаты гваты.
 Бо любила и кохала,
 Якъ видъ мене гроши брала ;
 Теперь хоче богатого,
 Мене киа несчастного. —

Ой оре Семень, оре,
 Да сивыми волами ;
 Его жинка Катеринка,
 Эъ москалями гуляе.
 Та до орався Семень,
 Таѣ до велького лану ;
 Пустивь волнивъ у дуброву,
 А самъ пишовъ до дому.

Та пытаецца Семень :
 Де, диты, ваша маты ?
 Наша маты, — тавжежъ !
 Пишла эъ москалями гуляты.
 Та ударыцца Семень,
 Объ пилъ руками :
 Ой диты, мон голубята !
 Да пронавъ же я эъ вами. —

Да не люблю жъ я ни Стецька, ни Грицька,
 Ни Иваня, ни Романа, ни Яцька !
 Тилько люблю Василечка,
 У Василечка вся силечка,
 Въ його есть, еще ѡ буде,
 Ище къ тому и роздобуде, —
 Василечка любить буду.

Да не люблю жъ я ни Тараса, ни Протаса,
 Бо двичина я хороша, круглотаса ;
 Тилько люблю Василечка, —

У Василечка вся смлечка, и проч.
 Да не люблю жъ я ни Демидъ, ни Давида,
 Бо дивчина я хороша, кругловида;
 Тилько люблю Василечка
 У Василечка вся смлечка, и проч.
 Да не люблю жъ я ни Антона, ни Платона,
 Бо дивчина я хороша, черноброва;
 Тилько люблю Василечка,
 У Василечка вся смлечка, и проч. —

Та була у мене жинка,
 Та була у мене любка;
 Тай послала вона мене,
 Та у лисъ по дрова.
 Та дала мени сокиру,
 Та дала мени тупую.
 Щобъ я уморився.—2. р.
 Въ лиси опизнився.—2. р.
 Якъ мени Бигъ нагадавъ,
 Я сокиру поточивъ;
 Такъ я ѿ не вморився, 2. р.
 Въ лиси не опизнився. 2. р.
 Та дала мени кобылу,
 Та дала слипую;
 Щобъ я заблудився, 2. р.
 Въ лиси забарився. 2. р.
 Якъ мени Бигъ ногодывъ,
 Вивкъ кобылку задавивъ.
 Такъ я ѿ не заблудився, 2. р.
 Въ лиси не барився. 2. р.
 Та дала мени скоринку,
 Та дала мени сухую;
 Щобъ я удавився, 2. р.
 Въ лиси опизнився. 2. р.
 Якъ мени Бигъ ногодывъ,

И скоринку разомчить ;
 Такъ я и не удивился, Я. р.
 Въ лиси не опазывал. Я. р.

Ути пори время,
 Щеголь оженився ;
 Оженився, утратився,
 Тай жинка умерла.
 Орла взяли старостоваты,
 Орелъ летить та до гусей,
 Тай ставъ жартоваты.
 Щеголь летаетъ,
 Бояръ збираетъ :
 То синигрицевъ,
 То горобцивъ,
 Въ бояре самое.

Сыниця летаетъ,
 Дружокъ збираетъ.
 Посмитюшки,
 Жовтобрюшки,
 Въ дружки сажае.
 Дружкомъ соловейко,
 Щебече раненько ;
 А зозуля свашкою,
 Та и все хорошенько !
 Сороки иреданки,
 Скакають по лавкамъ ;
 Бидна жъ наша головошка
 Що нема кыбалки !

Отъ тамъ близя вербы,
 Въ кинци гребли,
 Що я насадыла ;
 Ужежъ мени не любиты,
 Кого я любила !
 Ой у мене у садочку,
 Да зацвила груши ;

Ой хоть буде милый другій,
 Да вжежь ѡ не по души !
 Ой у мене у садочку,
 Да зацвили вышши ;
 Ой хоть буде милый другій,
 Да вжежь ѡ не по мысли !
 Ой иду я у садочикъ,
 Накопаю пыжмы ;
 Бодай моя розлучниця
 Не пережила тыжня !
 Ой иду я у садочикъ,
 Накопаю мяты ;
 Бодай моя розлучниця ,
 Не перешла хаты !
 Ой иду я у садочикъ,
 Накопаю руты ;
 Бодай моя розлучниця,
 Не пережила минуты !
 Ой у мене у садочку,
 Зацвили нагетки,
 Бодай моею розлучниця
 Даѡ дождали того лѣтки ! (*)

Я на мистичко иду,
 И осивку несу;
 А за мною дитынята,
 Несуть клубинята.
 Я осивку пропила,
 Клубки на похмиле;
 Нехай воно не лежить,
 Въ коморѣ безъ дила.

(*) Эту пѣсню поють дѣвушми и на вечерницахъ.

Отъ пива болить спина,
 А отъ меду голова.
 Ой купижь горшочки,
 Щобъ я весела була!
 Ой ты пьешь, мене бьешь,
 За якій вчинки?
 Що я тобі да напрала
 За годъ три починки!
 Одинъ прала до Ризава,
 Другій до Миколы;
 А якъ третій почала,
 Буде я до Покровы!
 Не сама ще я прала —
 Кума помогала,
 Куми дала мыску шона,
 Да три куска сала!
 Не сама ще-я кума прала, —
 Булы ія помощницы:
 То за хлѣбъ, то за силъ,
 То за паланицы!
 Накупывъ веретинъ,
 Чортъ на готовила!
 Такъ я я тинъ,
 Пичи подпала. —
 Ой ты пьешь, мене бьешь,
 Роспитай за що?
 Хочъ и ты, хочъ и я, —
 Обои ледащо!

Бѣду собі купыла,
 Та за свои гроши;
 Велять люди любиты,
 А винъ не хорошій!
 Якъ стане вередоваты,
 Треба зъ хаты утикаты.

За щожъ мене мушениму бьснть?

За якія вчинки?

Чы я тобі не наярда

За рить два вчнника?

Чы я у тебе не жинка?

Чы я не господиня?

Три дни хаты не шла,

Смытъя не носла.

Продай мужу корову;

И купи кобылу;

Щобъ было чышь возыти,

Смытъя на могилу!

На бережку у ставка,

На дощечці у млышка,

Плахту прада дивчына,

Плескалась якъ рыбка,

Тай упала, вскаты не могла.

Гей, не має тутъ акого!

Ой нікому подбигты,

Щобъ дивчыну выдаты!

Кричить проби! — И маты,

Щобъ дивчыну ратоваты,

Каже, що за працю тую,

Я дивчыну подарю.

Ой дивчына уродлива,

Румяная, чернобрыва,

Оченьки, якъ ясоньки,

Губоньки, якъ розоньки,

Рученьки млякесеньки,

Ноженьки билесеньки.

Гарная, якъ квіточка,

Любая, якъ рыбочка,

Тай умість танцевать,

Зъ козаками жарковать.

Якъ козакъ тутъ нагодився,
Заразъ въ ставокъ опустився;
Знайшовъ швидко днѣ дивчину,
Дай вытягъ якъ рыбчину.

Гей козаче уродливий,
Молоденькій и жартливий,
Усоньки чорнявіе,
Зубоньки перловіе!
Чубчикъ твій круглесенькій,
Тай жупанъ синесенькій;
Червоняда шапочка,
Тая окулярочка,
Сафьяновые чоботи,
Тай шабелька при боці.

Стережися дивчино,
Моя любо рыбчино!
Одна въ млинку не ходы,
Та въ ставочокъ не впады.
Ой я дуже праповавъ,
Якъ тебе вытягавъ, —
Для гарного твоего стапу,
Чы яжъ тебе не достану?
Ввечеръ я буду близенько,
Прійды до мене серденько!
Тыжъ дивчино уродлива,
Румяна, чорнобрыва;
Оченьки, якъ ясоньки,
Губоньки, якъ розоньки,
Рученьки мягхкесеньки,
Ноженьки билесеньки;
Гарная, якъ квіточка,
Любая, якъ рыбочка,
Тай умієшь таньковать,
Съ козаками жартвовать.

Гей козаче любесенькій,
Мій голубе синесенькій!
Потаньцой зо мною, якъ можешъ,

Пожартуй собі, якъ хочешъ.
 За твою я працю тую,
 Всего тебе розцилюю:
 Усоньки чорнявіе,
 Зубоньки перловіе,
 Чубчикъ твій круглеській,
 Червонную шапочку,
 Тую огулярочку. —
 Колыжъ доля то моя,
 Такъ нехай буду твою! (*)

Оженився волошинъ.
 Та взявъ жинку безъ грошей.
 Ой чукъ, чукъ, поберемся
 Тай будемо пановаты!
 Тай будемо пановаты,
 Тай будемо поживаты! (**)
 Оженився дурень,
 Та взявъ жинку глуновату.
 Що будемо робыты? —
 Запалымо хату!

По дорози жукъ, жукъ,
 По дорози чорный,
 Подывыся дивчыно,
 Якій я моторный!
 Подывыся, огляныся,
 Якій я удався!

(*) Пѣснь эта была любимомъ свѣтлѣйшаго князя Гр. Ал. Потемкина-таурического. По веселому своему голосу, она поется всѣми съ удовольствіемъ и прекрасно разыгрывается на музыкѣ. —

(**) Вместо двухъ этихъ стиховъ, поютъ еще:
 Ты будешь овини пасты,
 А я загоняты. —

Хиба даси кону грошей,
Щобъ я поженыхався!

Посію я горошекъ
На зеленій нивци,
Ой куплю я черевички
Своїй чернобривци!
Коли любишь, — такъ люби,
А не любишь, — откажи.

Якъ запряжу свиню въ визъ,
Та помду по рогизъ,
И рогизу не нарвала —
Свиня визъ полонала!
Якъ запряжу козу въ дрижки,
Та помду до Явдошки.
Явдошки не бувало —
Коза дрижки полонала!
Якъ запряжу козу въ санки,
Та помду до Улянки. —
И Улянки не бувало,
Коза санки полонала!

Ой бувъ, та нема,
Та похавъ на ричку.
Колыбъ его чорты втялы,
Поставила бъ свичку!

Ой умеръ чоловікъ,
Дай на лавци лежыть.
Сказылася жинка,
По горляну бижыть.

Чо мусь медь, моя маты,
 Та дримається?
 Пидо мною воронъ коникъ,
 Спотыкається. Я. р.

Привяжу я кониченька,
 До красной калити,
 А самъ пиду до дивчины
 На били перини, Я. р.

А у той душки
 Чотыри подушки,
 А пята перына
 Сама чорнобрыва. Я. р.

Скажи моя мила, правду:
 Ты любишь ты мене?
 Коли врно любишь,
 Возьми за себе. Я. р.

А коли не любишь,
 Убью самъ себе. Я. р.

Нехай люди судять, —
 Нехай говорятъ;
 Нехай говорятъ,
 Що воли хотять.
 Вони мене позабудять
 И съ тымъ, — замовчать.

Ой дивчино, дивчино,
 Куды идишь?
 Скажи, скажи серденько,
 Де живещь. Я. р.
 Ой я живу козаченько,
 Край воды, край воды,
 Близь высокій, серденько,
 Лободы, лободы. —

Ой маты, маты,
 Козакъ у хаты!
 Пустуе, жартуе,
 Не дає спаты. — 2. р.
 Ой дошо, дошо,
 Не будь дурнею.
 Бія его доню,
 Хоть дочергею. 2. р.

Идутъ дивки, чернобровки,
 Высоки пидкивки.
 Ой тін пидкивочки
 Тонки, — похылелися.
 Ой на тую дивчиночку,
 Козаки дывовалися.

Ой отдайте жъ мене
 Та за Вольшина,
 Щобъ я була молодая
 Та хорошая. 2. р.

Ой отдайте жъ мене
 Та за Сербина,
 Щобъ я була молодая,
 Та милосердая. 2. р.

Ой отдайте жъ мене
 Та за Турчина,
 Щобъ я свое бילו влатя
 Натурбучила. 2. р.

Отъ теперъ же я ни мала, ни велика —
 Треба мени чоловіка,
 Ни старого, ни малого,
 Козаченька молодого. — 2. р.
 Грыцю, Грыцю до коровъ,
 Грыцю каже, — не здоровъ.
 Грыцю, Грыцю до телятъ, —
 У Грыця ниженьки болять.

Грыцю, Грыцю до работы —
 У Грыця не ма тоботь.
 Грыцю, Грыцю до Маруси —
 Заразь, заразь, приберуся.

Колыбъ мени зъ ранку
 Горилочки чарку,
 Та тютюнь, та люлька,
 Дивчину Ганульку.
 Горилочку бъ я пывъ, пывъ,
 Люлечку бъ я палывъ, палывъ.
 Дивчину Ганулечку,
 До серденька бъ притульвъ.

Отъ тоби, милый,
 Сорочку помыла.
 Шовкомъ шыла,
 Срибломъ шыла,
 Золотомъ рубыла.
 Оде жъ тоби, козаченьку,
 Шо вирно любыла. —

Ой за яромъ, яромъ,
 Брала дивка линь.
 Всю долиню сходила, —
 Нема жъ мого миленького,
 Шо вирно любыла. 2. р.
 Дежъ ты милый, чорнобривый,
 Дежъ ты? — обивыся!
 На козака невагодынька. —
 Козакъ зажурывся!
 Не журывся козаче,
 По тоби дивчына плаче!
 Нехай плаче, нехай плаче,
 Вона мене вирно любе.
 Карай Боже ворогивъ,
 Шо насъ розлучають. --

ХІІ. СВАДЬБА ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВЪ—МАЛОРОССІЯНЪ, НАХОДЯЩИХСЯ ВЪ САРАТОВСКОЙ ГУБ.

При заселеніи саратовскихъ степей выходцами изънутри Россіи, многіе Малороссіяне, увлеченные предѣставленными имъ выгодами, добровольно устремились въ пустынный край, и заняли въ немъ привольныя земли по лѣвому берегу Волги, вскорѣ послѣ пугачевского бунта, во второй половинѣ XVIII вѣка. Съ собою они перенесли сюда свои нравы и обычаи, кои и остались донинѣ вѣрными, съ незначительными измѣненіями.

Изъ замѣчательнѣйшихъ здѣсь поселеній, суть двѣ слободы на лѣвомъ берегу рѣки Волги: Покровская, противу г. Саратова, въ новоузенскомъ уѣздѣ, и Николаевская, противу г. Камышина, въ царевскомъ уѣздѣ: въ первой около 5,000 душъ: а во второй 3,908. Всѣ жители Малороссіяне и составляютъ исключительное сословіе государственныхъ крестьянъ. Языкъ ихъ смѣшанъ съ русскимъ: они ходятъ поруски: въ лаптяхъ и съ бородами, но женщины сохранили прежніе наряды. Всѣ эти переселенцы отличаются трудолюбіемъ, честностію и благочестіемъ; весьма привержены къ стариннымъ

обрядамъ своихъ праждовъ (*) Изъ числа нѣкоторыхъ обрядовъ представляется здѣсь свадьба, которая совершается не только однообразно между покровскими и николаевскими переселенцами, но между всѣми ими, разсѣянными по саратовскимъ степямъ.

Светос-
ство.

По совершеннолѣтн сына, старшіе въ его семействѣ совѣтуются между собою: гдѣ высватать ему дивчину? Если сами затрудняются найти невѣсту для своего сына, то спрашиваютъ его самага: не знаетъ ли онъ самъ гдѣ нибудь? или, не выбралъ ли уже самъ на вечеринцахъ? Женихъ, имѣющій у себя на предметѣ дѣвушку, объявляетъ о ней. Когда избранная имъ дивчина, известна его родителямъ, тогда говорятъ: въ добрый часъ! треба сватать.—Если она имъ не известна, то отлагаютъ на нѣсколько времени, на день или на бо-
лье: дѣлаютъ о поведеніи ея дознаніе чрезъ родственниковъ или сосѣдей, говоря имъ: хотимъ сватать дивчину, велела ли будетъ узнать, согласны ли будутъ ея родители выдать свою дивчину? Если согласны, то родственники или сосѣди извѣщаютъ родственниковъ жениха. Потомъ женихъ или его родители избираютъ двухъ стариковъ, кои называются старостами, призы-

(*) Туземные Малороссіане отличаются хлебосольствомъ, радушіемъ, хорошей живнію, и они особенно любятъ хорошо поестъ и попить. Переселенцы—Малороссіане утратили многія хорошія свойства: они очень скупы и негостепріивны, особенно царевскіе, которые до того скупы, что превратились въ отчаянныхъ скрягъ, не смотря на то, что нигдѣ изъ нихъ нимаютъ стада рогатаго скота, лошадей и овецъ. Вместо супа хлебаютъ почти одну воду, даже въ скоромные дни. Трудно повѣрить: въ Светлое воскресенье и Рождество Христово едва разгавливаются, и часто встрѣчаютъ, эти великіе праздники, однимъ сухимъ хлебомъ и рыбою, но чтобы попить, то ничего не жаждутъ. —

взять ихъ изъ себя въ домъ, и говорить жениху: ну, ноги тебѣ старосты; проси ихъ, чтобы они шли сватать за тебя дичину. Онъ обращается къ нимъ: отпросаю; они отвѣчаютъ ему: добре хлопце, нѣ найдется свататы за тебе дичину; гряды дичины, ты не паробы намъ срамоты и безчестья: щобъ ты видъ дичины не отпурася. Когда онъ увѣритъ ихъ, что этого не случится, и скажетъ имъ: ни, пане старосты, идить съ Богомъ! тогда они собираются въ путь. Мать немедленно зажигаетъ предъ образомъ свѣчи, и всѣ молятся Богу. Помолвишася, женихъ кланяется: отпу в матери въ ноги, а если ихъ нѣтъ, то старшимъ изъ семействъ: его благославляютъ. Послѣ этого онъ подаетъ старостамъ хлѣбъ-соль, и они отправляются въ домъ невесты. — Подошедши подъ окошко избы, говорить: Господи Іисусе Христе, Сыне Божій! помилуй насъ. Имъ отвѣчаютъ: аминь. — Потомъ старосты спрашиваютъ: чи пустете насъ въ хату, чи ни? — Если имъ скажутъ: ходить, то они входятъ, и отдають отпу в матери хлѣбъ-соль, или кладутъ на столъ, говоря, что это хлѣбъ и соль отъ жениха. Пришедшій въ руки хлѣбъ-соль, крестится, цѣлуеть и кладетъ на столъ. Ихъ же благодарять и прсятъ садиться. Они садятся возлѣ стола, и ведутъ сначала разговоръ о хозяйствѣ; потомъ говорятъ: намъ извѣстно, что у васъ есть дичина, а у нашего свата хлопецъ, вить хочеть свататься. А хлопецъ нашъ знаетъ дичину вашу, и вона, якъ мы наслышаны отъ него, показавъ ему, то може и дичина ваша знаетъ нашего хлопца. Согласны ли вы отдать за нашего хлопца, или нѣтъ? Скажите намъ. — Родители невесты, хотя дали уже согласіе чрезъ людей, а женихъ уговорилъ невесту; однако отговариваются: у насъ невеста еще молода и мы не готовились: того нѣтъ, другого

цѣтъ. Нада подумать, може женихъ вантъ не согласенъ ; вы пришли просто сами ; а може еще наша дичина будетъ не согласна, треба распросить, по советоваться съ родственниками и добрыми сторонними людьми.—Отлагають на день, или менѣе, и если родители невѣсты согласны отдать ее, и невѣста согласна вытти за мужъ, за предлагаемого ей жениха, то оставляють хлѣбъ-соль ; старосты возвращаются къ жениху и рассказываютъ о происходившемъ. Потомъ прежніе старосты приходятъ въ домъ невѣсты, въ назначенное время, и когда со стороны родителей и невѣсты не будетъ уже никакихъ препятствій ; тогда поручають тѣмъ старостамъ, чтобы они отправились къ роднымъ и родственникамъ жениха, и привели бы его съ собою. Между тѣмъ собираются родственники невѣсты. По собраніи ихъ приходитъ женихъ, и становится у порога ; къ нему выводятъ невѣсту, къ ставятъ рядомъ и спрашиваютъ : перваго о согласіи взять ее за себя, а послѣднюю вытти за него за мужъ. Когда они подтвердятъ о своемъ согласіи, тогда условливаются родители и родственники невѣсты, сколько взять за нее деньгами или чѣмъ другимъ ? Многіе выговаривають сапоги, вино и хлѣбъ ; иногда соглашаются на самомъ пустякѣ и потомъ расходятся. Иному хлопцу удастся скоро выставать себѣ дичину, а другому мало одной зимы, или лѣта : сватаеть года два. По окончаніи условія зажигаютъ свѣчи предъ иконами. Всѣ молятся Богу ; потомъ отецъ невѣсты, взявъ икону и хлѣбъ, садится съ женою рядомъ, а невѣста подходитъ къ отцу и надиеть ему въ ногу три раза. При послѣднемъ поклоуѣ она лежитъ у ногъ отца ; онъ благословляетъ ее, прознося : му дечко, Богъ тебя благословляетъ, и я благословлю.—Дѣлаеть ей родительское наставленіе, а она, лежа у

ногъ, выслушивается. За тѣмъ дается ей цѣловать икону и хлѣбъ; послѣ передать икону и хлѣбъ своей женѣ, которая благословляетъ прежнимъ обычаемъ. По совершеніи благословенія невѣста даритъ старостѣ вышитыми рушниками, и ими перевязываютъ ихъ, — тѣмъ омовивается сватовство. —

Отецъ жениха приглашаетъ всѣхъ родныхъ и добрыхъ ^{персона-} своихъ сосѣдей въ свой домъ, и угощаетъ ихъ виномъ; но не подноситъ болѣе какъ по одной или по двѣ рюмки, а женихъ съ невѣстою угощаютъ дѣвушекъ въ особой комнатѣ. Потомъ отецъ невѣсты приглашаетъ къ себѣ гостей, которые подчуются виномъ и угощаются обѣдомъ. Когда всѣ встанутъ изъ за стола, тогда невѣста подноситъ имъ по чарки водки, а старухи затягиваютъ пѣснь протяжную :

Колѣбъ я знала,
Колѣбъ я видала,
Що засватана буду ;
Терлабъ я стины,
Щобъ булы били,
Билою рокитою. (*)
Та мила бъ я лавки,
Щобъ булы гладки,
Для принзду свекорка ;
Мила бъ я столы,
Щобъ булы били,
Для свекрухи, для приходу ів. —

За тѣмъ всѣ идутъ въ домъ жениха, гдѣ приготовлена уже парушка. Отираздновавъ здѣсь парушку, всѣ отпра-

(*) Рокита, трава хвощъ Ею соскабливаютъ грязь съ домашней мебели и написанное на бумагѣ, namъсто перочиннаго ножика. --

входятъ годной въ домъ невѣсты, и такимъ образомъ посѣщаютъ два и три: дни орлау. У богатыхъ продолжается это съ недѣлю.

Вечеръ
у невесты.

По соображеніи жениха съ невѣстой, онъ даетъ себѣ себя вечеръ, для чего избираютъ особую избу и нанимаютъ музыкантовъ. Сюда собираются дѣвчины, хлопцы, и пляшутъ за полночь. —

Когда всѣ поутиваютъ, тогда молодые ложатся спать вѣстѣ, а хлопцы съ дѣвчинами; но всѣ они ложатся рядомъ. — Кромѣ одного вечера, женихъ не дѣлаетъ другаго. Послѣ этого вечера онъ вездѣ ходитъ съ своей невѣстою, и ночуетъ съ нею. —

Вечеръ
корова.

По сготовленіи всего къ свадьбѣ, пекутъ въ домѣ молодыхъ шишки и пичужки, и сверхъ того по одному большому короваю, длинной почти черезъ весь столъ. Коровай убираютъ пичужками, (разными птичками изъ тѣста), и тонкими длинными прутиками, обитыми цвѣтной бумагою, и поверхъ прутиковъ насаживаютъ еще другихъ пичужекъ, конхъ крылушки бывають покрыты золоченой шумихою (мишурой). Подлѣ короваевъ ставятъ два штофа или полуштофа съ водкою, и перевязываютъ ихъ красными нитками. —

Собрание
дружковъ.

Женихъ, избравъ себѣ старшаго боярина а невѣста старшую дружку, ходятъ уже по своимъ роднымъ, первый чтобы собирать бояръ, а вторая дружекъ. Но до собранія ихъ женихъ заходитъ въ домъ невѣсты, и спрашиваетъ у ея домашнихъ: кого просить ему въ бояры, дружки и свахи? — По собраніи бояръ женихъ даритъ каждому изъ нихъ по красной лентѣ, которая пришивается къ шапкѣ, и по рутнику, которымъ перевязываютъ себѣ черезъ плечо. Невѣста заходитъ во всякой домъ, гдѣ есть дѣвушки, а дружки ея поютъ:

Обидайте двory,
Застылайте столы.

Смотрите голубочки,
Идутъ дружечки. —

Войдя въ хату, невѣста говоритъ: просить батько,
просить маты: на хлѣбъ, на силъ и на весилья, а намъ
дайте давчину въ дружечки. — По выходѣ изъ избы,
поютъ :

Спасибо вишь за дружку,
За ея послушну ;
Хоть не уміе снивати,
Та уміе тиньцовати.

Такимъ образомъ ходять отъ двора ко двору; пока
невѣста не наберетъ себѣ дружекъ.

Вечеромъ сажаютъ молодыхъ за столъ, каждою от-
дѣльно въ своемъ домѣ; родители благословляютъ ихъ.
Во время благословенія невѣсты, поетъ сваха съ дѣ-
вухами.

Благо-
словіе

Похыльное та дерево, та ялина покирная,
То дитятко поклонилось
Отцу и нещцы, та низенько. —

Дружко подаетъ жениху благословенную икону и Сказано
на меса-
43. открывъ дверь, кричитъ изъ сѣней, къ посажен-
нымъ у стола двумъ старостамъ: Господи Иисусе Хри-
сте, Сыне Божій! помилуй насъ. Тѣ отвѣчаютъ ему:
аминь. — Онъ имъ говоритъ: спасетъ Богъ за аминь,
—и продолжаетъ: пане старосте и пидстаросте! — Тѣ
говорять ему: а мы рады слухать. — Кто до кого
а мы до Бога и до вашего здоровья. Благословите мо-
лодого князя за стылъ завести. — Они отвѣчаютъ ему:
Богъ благословитъ. — Въ другій разъ. — И въ другій
разъ Богъ благословитъ. — И въ третій разъ. — И
въ третій разъ Богъ благословитъ. — Потомъ оба старо-

сты идутъ за женихомъ, и вводятъ его въ избу. За женихомъ идетъ старшій бояринъ, за старшимъ бояриномъ всѣ бояры. Ихъ сажаютъ за столъ. На мѣстѣ жениха садится дружка, коему подаютъ рюмку водки; онъ принимаетъ. Это значитъ, что онъ пропилъ свое мѣсто. Послѣ этого онъ встаетъ изъ стола, а на его мѣсто садится женихъ; подлѣ него садится свашка съ нѣсколькими дѣвушками, изъ числа конхъ одна держитъ мечъ, убранный цвѣтами и калиной.—Дѣвушки эти ноютъ вмѣстѣ со свашкою :

Та вси аніоли, та вси святые,
 Подъ вишничиками,
 Сили аніоли радомъ на посадъ.
 Сидятъ, а Господь долинку дае.
 Молодый князь Грицю,
 У своего батеньки благословенья просить:
 Благослови мене, ты мій батыньку,
 На посади сесты,
 Та на столыныи мѣсти.

Благословляю тебе, мій сыночку,
 Богъ меня та на помощь, аніоли да радости,
 Господь долинку дае.

Не стій вербо, розывайся,
 Звай соби вербо
 Смиъ сотъ квитокъ и чотыри,
 Шобъ усмиъ боярамъ було по квиточки.
 И одной не стало, молодому. —
 Ото тоби квитка, Гануся дивка. —

Отре-
 зненію
 годаго
 въ мѣ-
 стѣ.

Потомъ свашка съ дѣвушками встаетъ изъ за сто-
 ла; на мѣсто ея опять садится дружка, и кричитъ :
 Господи Іисусе Христе, Сыне Божій! помилуй насъ:

Старосты оти́чаютъ ему: аминь. — Онъ даяъ гово-
рить: спасеть Богъ за аминь. Старосты: нине и младста-
росте! — А мы ради слушать. — Кто до кого, а мы
до Бога и до вашего здаровья. Благословите молодого
князя въз за стола вывести, и до молодой княгини
штить. — Тѣ говорятъ ему: Богъ благословить. —
Дружко: въ другій разъ, и въ третій разъ. — Ста-
росты: Богъ благословить тричи разомъ, — и дружко
выводить жениха въз за стола. Женихъ беретъ съ
собою кувшинъ съ красомъ или пивомъ, и отправаляется
къ невѣстѣ. Женихъ и бояры поють пѣсни, какія только
могутъ притти имъ на память. А свашка съ дѣвушками,
называемыми сватилками, поють обрядную пѣснь:

Слава зоря до мысля рано, рано,
Слава зоря до мысля ранесенько.
Ой мыслю, мій братику, рано, рано!
Ой мыслю, мій братику, ранесенько!
На заходъ же ты ни впередъ мене, рано, рано;
Ни заходъ же ты ни попередъ мене, ранесенько.
Ой зійдемо обоє разомъ, рано, рано;
Ой зійдемо обоє разомъ, ранесенько. —
Освятимо небо и землю рано, рано,
Освятимо небо и землю, ранесенько (*).

По приходѣ жениха съ боярами и дружкой въ домъ ^{Народна} невѣсты, дружко его идетъ впередъ и возвѣщаетъ ^{на погос-} о прибытіи. Ему отворяютъ сѣни; тогда онъ входитъ съ

(*) Зара означаетъ здѣсь невѣсту, а мѣсяць жениха. Есть
повѣрье, что сестра разлученная съ братомъ, переселилась въ
вечернюю зарю, ищетъ его повсюду, плачетъ по нему а по-
тому вѣчно орошаетъ поля своими слезами, а братъ груститъ
по сестрѣ и ходитъ по всему міру, превратившись въ печаль-
ный мѣсяць. —

женихомъ. Потомъ дружка открываетъ дверь избы и
призвать: Господи Иисусе Христе, сыне Божій! помилуй
насъ. Ему отвѣчаютъ: аминь. — Дружка говоритъ:
спасетъ Богъ за аминь. Старосте пане и подстаросте! —
А мы ради слушать. — Кто до кого, а мы до Бога и
до вашего здоровья. Благословите молодого князя за
стыль-завести. — Старосты говорятъ: Богъ благословить.
— Дружка: въ другій разъ и въ третій разъ. — Старо-
сты: Богъ благословить тричи разомъ. — Потомъ онъ
вводитъ его въ избу, сажаетъ за столъ въ передній
уголъ къ невѣстѣ, и самъ садится подалѣ него. Когда
подадутъ ему рюмку вина, тогда онъ выходитъ изъ
за стола, и на мѣсто его садятся двѣ свашки, одна со
стороны жениха а другая невѣсты. — Молодые дѣвуш-
ки поютъ:

Мы не хочимъ выти,
Мы не хочимъ выти,
И въ домови быти.
Мы хочимъ погуляти,
И танцовать.

Свашки встаютъ изъ за стола, а дружка садится на
ихъ мѣсто и говоритъ: Господи Иисусе Христе, сыне
Божій! помилуй насъ. — Ему отвѣчаютъ: аминь. — Спа-
сетъ Богъ за аминь. — Дружка: старосте пане и под-
старосте! — Старосты: а мы ради слушать. — Кто до
кого, а мы до Бога и до вашего здоровья. Нашъ князь
и княгиня киваютъ, моргаютъ, — на гулянье желаютъ.
Староста: Богъ благословить. Дружка, — и въ другій
разъ и въ третій разъ — Старосты: Богъ благословить
тричи разомъ. — Дружка выводитъ изъ за стола и от-
водитъ молодыхъ, бояръ и дружекъ въ особый домъ,
гдѣ всѣ пляшутъ подъ музыку, во всю волюшку. —
Потомъ молодые ложатся спать вмѣстѣ. Старики и ста-

руки остаются въ домѣ невѣсты, гдѣ угощаютъ ихъ особымъ столомъ.

На канувѣ свадьбы невѣста ходитъ съ своими подругами на поклонъ къ тещѣ, которая сажаетъ ее за столъ и угощаетъ.

Въ день свадьбы женихъ и невѣста собираютъ по утра своихъ бояръ и дружекъ. По собраніи ихъ и по полученіи благословенія отъ родителей, идутъ въ церковь: женихъ съ своими боярами а невѣста съ своими дружками. При выходѣ невѣсты изъ избы, дружки поютъ:

Ой ты Ганусько, наша душенька!
 Лежитъ горохъ по дорожкѣ,
 Твоя батенько въ дорожкѣ:
 Винь того не знае,
 Шо дочка гадае. —

Во время вѣнчанія свашка держитъ въ рукахъ пучокъ цвѣтовъ, съ воткнутой въ него восковою свѣчкою, — это называется мечъ. Пучокъ перевязанъ лентами и бываетъ украшенъ херувимчиками. — Подъ ноги молодыхъ посыпаютъ полынь и мяту, чтобы лиходѣи не перепортили ихъ.

По совершеніи вѣнчанія хранятъ пучокъ цвѣтовъ въ домѣ молодой. — Многія покрываются до свадьбы, по дѣвичьему обычаю. — За тѣмъ молодые идутъ въ вѣнцахъ и съ образами въ домъ отца жениха, а другіе снимаютъ вѣнцы въ церквѣ и отправляются въ домъ безъ вѣнцовъ и образовъ. — Пришедшихъ молодыхъ сажаетъ старшій бояринъ и дружка, за столъ, вмѣстѣ съ дружками, свашкою и свитялкою. Потомъ снимаютъ съ молодыхъ вѣнцы, и относятъ съ образами въ церковь. Тогда всѣхъ угощаютъ обѣденнымъ столомъ. После обѣда мать жениха даритъ девами невѣсту, ко-

терая, посидѣвъ нѣсколько времени, отправляется съ дружкой домой. Когда она идетъ, тогда поютъ:

Та ты душечка наша Гануся,
Колесомъ, колесомъ!
Соничко въ гору иде,
Колесомъ, колесомъ!
Соничко въ гору иде,
Молодая Гануся съ дружечками иде.

Утка иде, утешать веле
За собою,
Зеленой шовковой,
Травою.

Послѣ ухода молодой, отправляется женихъ съ своими боярами сѣдлать лошадей, а невеста ходитъ по улицѣ съ своими дружками, распѣвая пѣсни (*). Женихъ и бояре садятся на коней, по среди двора, а мать жениха, насыпавъ въ свою полу пшеницы, бросаетъ ее на сидящихъ. Дружка и подружья ходятъ за матерью и поганяютъ ее палкою. Когда она обойдетъ три раза, тогда подходитъ къ жениху, беретъ коня его за поводъ, и выводитъ со двора. Старшій бояринъ ѣдетъ за нимъ, а потомъ всѣ выѣзжаютъ и разъѣзжаютъ по улицѣ во весь день, при пѣніи пѣсней, какія имъ прійдутъ въ голову. Разъѣзжающій женихъ называется княземъ, окружающіе его боярами, потому говорятъ, когда увидятъ скачущій поѣздъ: князь съ

(*) Иногда молодые, по совершеніи надъ ними вѣчанія, отправляются порознь по своимъ домамъ; женихъ сѣдлаетъ лошадей вѣзетъ съ своими боярами и разъѣзжаетъ съ ними по улицѣ, а молодая ходитъ по улицѣ съ своими дружками.

болрами ѣдетъ, — дайте дорогу! — Князь кланяется народу, а бояре посматриваютъ съ самодовольствіемъ.

Невѣста съ своими дружками ходитъ по улицѣ пѣшкомъ, до самаго вечера; дружки поютъ пѣсни. Иногда онѣ носятъ за нею пукъ цвѣтовъ, или тотъ мечъ, который держался въ церквѣ во время вѣнчанія

Ой ты душенько наша, Гануся!
 Суха рыбочка не трещя,
 Матинько, богатый женихъ
 Не шлеца!
 А бидній не сміе. —
 Такъ моя, русая коса,
 Смиріе (*).

А въ неділю рано, рано,
 Синє море играло.
 Гануся потонає
 Билы ручки поднимає.
 А батинько кругъ бережечка:
 Не потонай, моя дошенько!
 Гришенько, кругъ бережечка:
 Не потонай мое серденько! —

(*) Въ Малороссіи восхваляютъ черную косу, потому что тамъ по большей части черноволосыя дѣвушки; здѣсь же поютъ русую, по причинѣ русоволосыхъ дѣвушекъ. Замѣчательно, что въ Малороссіи мужскій и жевскій полъ преимущественно имѣютъ черные волосы, и собой мушны и женщины, румяны и белолицы. Здѣсь напротивъ: они блѣдые илѣ лучше сказать безжизненные и мрачные. Волосы почти у всѣхъ ихъ русые, а у дѣтей блѣые какъ ленъ; съ 8 или 10. лѣтняго возраста начинаютъ измѣняться.

Часть II.

37-

Ой ты душевно ваю,
 Гануся милонька!
 Нашъ сокотчикъ далеко,
 Мучится нашъ дружечикъ

Тамъ ходила Гануся,
 По крутой гори;
 Зобачыла тамичко
 Селизеничка,
 На тихій воды.
 Приплынь, приплынь
 Теперь къ мени,
 Мій селизеничко.
 А за нею той Грицю,
 На блонь поши.

Летивъ горностайко черезъ садъ,
 Пускавъ парьничко на весь садъ.
 Пора тобі, Ганусю,
 Систи на посадь. —

Якъ піду я до Дунаю,
 Стану та подумаю.
 Ты Дунай, мій Дунай,
 Ты тихая вода.
 Гануся тихо ходила,
 Грива полюбила.

Продъ вечеромъ приходитъ невѣста съ своими дружками, въ свой домъ, и становится у дверей таты. Родители выходятъ къ ней на встрѣчь: отецъ съ иконою а мать съ короваемъ. Невѣста кланяется отцу

своему въ ноги, три раза, потомъ цѣлуетъ икону, а послѣ цѣлуетъ своего отца. За тѣмъ кланяется матерѣ три раза въ ноги, потомъ цѣлуетъ коровай, а послѣ мать. Дѣвушки поютъ въ это время три раза:

Ты кланяйся Гануся,
 Попередъ Господу Богу.
 Отъ сюды неньки въ ноги. —
 Приступи близенько,
 Да поклонись низенько.

Дружка, отворивъ дверь, кричить: Господи Исусе Христе, сыне Божій! помилуй насъ. — Ему отвѣчаютъ: аминь. — Спасетъ Богъ за аминь. Старосте и подстаросте! — Мы ради слушать. — Кто до кого, а мы до вашего здоровья. Благословите молодую за стнлъ завести. Ему отвѣчаютъ: Богъ благословить. — Дружка заводитъ невѣсту за столъ и сажаетъ ея въ переднемъ углу. По лѣвую сторону ея садится дружка а дѣвушки поютъ:

Да вси ангелы, да вси святыи,
 Пидъ викончкомъ силн.
 Молода Гануся, батенька просе:
 Благослови, мій батенько!
 Благослови мене на посади снети.
 Богъ тоби доченько на помощи,
 Ангелы на радости.

Не признаешъ маты,
 Свого дитяти,
 Внисти съ дружками,
 За слезочками!
 Ой выйди, выйди,
 Гануся нянянько. —

Выйди со вснии,
 Миленька матенько!
 Я сядоу за столчконтъ,
 Со вснии дружечками. —

Послѣ прибытія бояръ съ молодымъ, жениха сажаютъ съ боярами за столъ а свашка съ дѣвушками поетъ :

Та гадайте старосты, гадайте,
 По червонному складайте,
 А вы бояре, суньте,
 По червонному пидъ сукно. —
 Теперъ годына не такая,
 И дороженька склизкая.
 Треба молодымъ добытокъ,
 И золотыхъ пидкивокъ. —

Во время пѣнія подносятъ боярамъ по рюмкѣ вина, а ихъ дарятъ деньгами. Старшій бояринъ беретъ деньги къ себѣ. Потомъ дружка говоритъ старостамъ : Госноди Іисусе Христе, сыне Божій ! помилуй насъ. — Старосты отвѣчаютъ : аминь. — Дружка : спасетъ Богъ за аминь. Нашъ князь киваетъ, моргаетъ, на погулянье желаетъ. — Старосты : Богъ благословитъ. — Дружка : въ другій разъ и въ третій разъ. — Богъ благословитъ тричи разомъ. — Дружка выводитъ изъ за стола молодыхъ ; женихъ съ боярами садится на лошадей. Дружка становится предъ дверьми. Выходитъ изъ избы мать жениха, беретъ длинный пруть или хворостину. Дружка садится на нее верхомъ и ѣздитъ. Мать кладетъ въ свою полу хмѣль, орѣхи и нѣсколько мелкихъ денегъ, обходитъ съ дружкой поѣздъ три раза кругомъ, и бросаетъ изъ полы на бояръ. Потомъ она беретъ лошадь жениха своей полой и выводитъ со двора, благословляя его къ поѣзду. Послѣ она угощаетъ род-

ре и становятся въ рядъ подлѣ крѣльца. Невѣста выходитъ въ сѣни съ дружками, которые поютъ:

Оя выйди маты зъ новой хаты,
Та въ рублены синечки. —
Дасмо тоби поклоннѣ,
Заведить насъ за стѣгъ.

Когда мать выйдетъ и молодая станеть ей кланяться въ ноги, тогда поютъ:

Похильное то дерево, та ялица;
Покирное то дитятко Гануся,
Поклонилось отцу и неньци та низенько,
Своему серденьку бѣдценько.

Братъ сестру за стѣгъ веде:
Сестро моя! косою твоею
Мостить мости я стану, —
Стелить ковры! я ѣ сяду.

Пріемъ
молода-
го те-
мешу.

Женихъ стоитъ на дворѣ, теща выходитъ къ нему и подноситъ водку въ стаканѣ или рюмкѣ, или что либо другое. Онъ выливаетъ на гриву лошади, и потомъ передаетъ старшему боярину черезъ свое плечо, который такимъ же образомъ принимаетъ отъ него и разбрызгаетъ объ землю. Тутъ поютъ:

А на зятя та метель мете,
А на зятя дрибенъ дощикъ иде. —

подъедетъ къ воротамъ, онъ забѣгаютъ и гонять его палками на дворъ къ невестѣ; онъ бьетъ плетью своего коня и ускакиваетъ съ боярами; это дѣлается имъ до трехъ разъ. Когда загонятъ его на дворъ, тогда мать невесты беретъ у него лошадь и привязываетъ къ столбу. Женихъ входитъ съ своими боярами въ сѣни, гдѣ встрѣчаетъ его невеста. —

Крѣйся аето за веротами,
 Крѣйся аетемьку кудяцями, дя лисцями,
 Та чорными соболями.
 Та ударили люты морозы на двори,
 Та зморозили молодого молодца на кони.
 Війшла молодая свашка зъ коморы,
 Віймала чашку меду а вина дви :
 Та розыграло молодого молодца на кони.

При этомъ пѣніи теща дарить боярѣ платками, за которые они благодарятъ ее: спасибо сватови, сваси, молодому кшерови и нягитнѣ за подарокъ. Сколько на симъ платки квиточекъ, дай Бигъ, нашей молодій, стільки диточекъ. Та щобъ одно за одного бралось, та на пичъ дралось; а послѣдне оборвалось, та всихъ поугало.

Потомъ бояре отводятъ своихъ лошадей домой, а ^{покупаютъ} ^{молодой.} лошадь жениха и старшаго боярина оставляютъ во дворѣ. На лошадь жениха садится братъ неvěсты, который выѣзжаетъ за ворота и скачетъ на ней около воротъ. Дружко вѣствѣ съ подружкой, который со стороны неvěсты, выходитъ изъ шему за ворота: они выносятъ на подносѣ вино и деньги, и покупаютъ у него сестру. Это дѣается такъ: на тарелку кладутъ деньги, наливаютъ рюмку водки и подаютъ ему. Онъ смотритъ, и если мало, то скачетъ отъ нихъ. Они всячески упрашиваютъ его, добавляютъ ему деньги, и когда онъ согласится принять, тогда беретъ: деньги, хлѣбъ и рюмку съ виномъ; послѣднее выпиваетъ при нихъ. Бояре возвращаются къ жениху. Тутъ дружко собираетъ поѣздъ въ сѣни, отворяетъ дверь и кричитъ: Господи Иисусе Христе, сыне Божій! помилуй насъ. Ему отвѣчаютъ: аминь. — Спасетъ Богъ за аминь. Старосте паве и подстаросте! — А мы рады слушать. — Кто до кого, а мы до Бога и до вашего здоровья : благосло-

вите молодого князя за стѣль завести. Ему отвѣчаютъ: Богъ благословить. Дружко: въ другій разъ и въ третій разъ. — Богъ благословить тричи разомъ. Тогда дружко ведетъ жениха съ боярами и сажаетъ его за столъ. Въ то время садится подлѣ жениха невѣстинъ братъ, ширяетъ соломеннымъ мечемъ въ глаза жениху и не пустеть его за столъ (*). Дружко покупаетъ у него мѣсто, тѣмъ же порядкомъ.

Саманіе
моло-
дихъ за
столъ.

Когда братъ оставляетъ сестру, тогда онъ встаетъ съ мѣста а женихъ садится за столъ, подлѣ своей невѣсты; на противъ ихъ садятся дружки, которыя поютъ:

Да вси ангели, да вси святыи,
Пидъ виконичкомъ силн.
Отдаешъ мене, мій батиньку,
Тай самъ бачешъ. —
Ни разъ, ни двичи заплачешъ!
Якъ ниженьки цвѣточки цвистинуть,
И дивочки виночки плистинуть,
И мимо твій двиръ нестинуть.
Да не будутъ холаты
Мимо хаты и кватирочки отвораты,
А мене на улицу вызываты. —

(*) Въ другихъ мѣстахъ сядятъ, по обѣимъ сторонамъ невѣсты, два мальчика съ палками, изображающими мечъ; на концахъ ихъ наверхено по шишкѣ коровайной и по платку. Когда женихъ приближится къ невѣстѣ, тогда начнутъ они бить его и дружку. Дружко вынимаетъ деньги, и даетъ имъ. Они снова бьютъ его. Дружко спрашиваетъ: сколько же вамъ надобно? Багато (много), и дуже багато (и очень много), отвѣчаютъ они, а якъ не дасте, то за стѣль не пустимо. — По продажѣ мѣста, мальчики выходятъ изъ за стола и уступаютъ мѣсто жениху.

Отдасть мене, мій батинько,
 Та отъ себе,
 Остается рута, мата,
 Уся у тебе.
 Уставай же раненько,
 Та поливай руту, мату,
 Та частенько.
 И раними и вечерними зорями,
 Моими дрибисенькими слизюньками. —

Ой чому, чому,
 Въ снѣ новомъ дому,
 Такъ рано засвѣчено?
 Гануся встала, кисоньку чесала,
 Батинька прохала:
 Порадь мене, мій батиньку,
 Кого въ дружки приняты?
 Бери доненько, чины доненько,
 Усе свою родыньку: —
 Садови доненько свыше,
 А свою родыньку ближше. —

Эти пѣсни поются долго, пока не запоють:

Мы не хочемо питы,
 И въ домони быты;
 Мы хочемо погуляты,
 Съ боярами на дварь танцюваты.

Если плохо угощають, то поють:

На столи мухи, на доми блохи,
 Чимъ наши нерезвья влохи? —
 Отъ того, що въ горшкахъ трохи.

Дать у нашего свата,
 Голова кудреата.
 Вить кудряки потрясе,
 А надъ по чарки горилки нидесе.

Дружко выводитъ молодыхъ изъ за стола и избы по три раза, и при каждомъ выводѣ ихъ изъ за стола и при вводѣ въ избу, спрашиваетъ благословенія. Если выводятъ изъ за стола и избы, то говорятъ : благословите молодого князя и княгиню на погулянье вывести. Если вводитъ въ избу, то говорятъ : благословите молодого князя и княгиню за стілѣ завести. Когда дружко исполнить три раза этотъ обрядъ, — тогда поютъ свашкѣ укоризненную пѣснь :

Свашка налипащка!
 Свашка налипащка!
 Шишокъ налипила,
 Дружекъ и бояръ не дарила. —
 Одну алену въ зеленого сына,
 Тай ту сама зыла. —

Глянь же Ганусю,
 На красный коровай ;
 Карими очами не плачь !
 Иде твоя краса, —
 Загубилась руса коса. —

Тогда подаютъ большой коровай и на него кладутъ платокъ, волосникъ или очипокъ, и серпянокъ. Дружко принимаетъ коровай и сѣзываетъ съ него шишки, которыя онъ подаетъ молодымъ ; но они не принимаютъ ихъ, кланяются и отсылаютъ родственникамъ. Однако онъ насильно кладетъ имъ за пазуху, и потомъ раздастъ боярамъ и дружкамъ.

Тогда припѣваютъ дружки :

Дружко коровай крас,
Семеро дитей нас :
Та уси съ кошилами, —
Вси коровай покрали.

Двѣ свашки: одна со стороны невесты а другая Покрива-
ннѣ мо-
лодой. со стороны жениха, берутъ очипокъ (чепецъ), распе-
таютъ косу молодой, перевазываютъ ее и покрываютъ
голову платкомъ по женскому обычаю. Тогда поютъ :

Покриваючка плаче,
Покриваючка плаче,
Покриватися хоче.
Не такъ покрываца,
Якъ поццловаца. —

Дѣвушки мѣлуются между собою.

Старшая дружка маленька,
Панянька старенька. —
Шлетъ зона письмечко, —
Щобъ дитина була дома.
Щобъ малу дитину привели :
Зъ скрипками, цимбалами,
Зъ хорошиими боярами,

Когда поютъ эту нѣсню, тогда молодая сбрасиваетъ съ
себя платокъ на столъ и продолжаетъ это до трехъ разъ.
За третьимъ разомъ дружко подхватываетъ очипокъ на
палку, бояре и мать молодой начинаютъ рубить ее.
— Дружки поютъ :

Вы бояры, вы бояры,
Не рубайте жердяночку :
Якъ жердяночка сыкнеца,
Очипокъ себеца.

Послѣ этого надѣваютъ на молодую очипокъ и пришиливаютъ къ нему, изъ красной ленты, цѣтокъ. Тогда дружки пѣлуютъ молодую и прощаются съ нею. Сестра молодой садится подлѣ нея за столъ, беретъ женихову шапку, съ пришпиленной къ ней красною лентою, и не отдаетъ шапку, пока не выкупятъ дружка и подружки. Если нѣтъ сестры, то надѣваютъ шапку жениха на голову свахи. Дружка и подружки должны выкупать, и при этомъ поютъ свахи :

Та казали люди: свать богатъ!
Та казали : хорошій мнхъ !
Даютъ полунку, —
Якъ на смнхъ !

Эту пѣснь продолжаютъ дотолѣ пѣть, пока выкупятъ у ней шапку. По выкупѣ шапки встаютъ изъ за стола дружки и бояры, и они идутъ къ старшей дружкѣ ѣсть вареники. Когда они взойдутъ въ хату, тогда свахи поютъ :

Бувъ у насъ батько,
Да вмнъ бувъ стрелець :
Убивъ тетерю,
Справила матиночко вечерю.
Загубивъ дружка дружку,
Въ темниихъ лужку.
Дежъ его жукаты? —
Чи въ рута? чи въ мяти ?
Чи въ своей хаты ?

Между тѣмъ женихъ съ невѣстою дожидаются ихъ за столомъ съ старушками. Пока они ѣдятъ вареники, готовятъ приданое невѣсты.

Отвозъ
придане-
го.

По возвращеніи отъ старшей дружки, дружка выводитъ молодыхъ въ особую комнату и тамъ даетъ имъ ужинать ; послѣ ужина вводитъ ихъ въ избу, гдѣ всѣ

уже пируютъ. Родители, благословивъ невѣсту, даютъ ей образъ, хлѣбъ и черную курицу, и передаютъ приданое. Женихъ и всѣ бояре садятся на лошадей; молодую сажаютъ на сундукъ съ приданнымъ; по бокамъ молодой садятся свашки, изъ коихъ у одной мечъ въ рукахъ, связанный изъ цвѣтовъ; потомъ садится на возъ дружка который беретъ возжи и всѣ отправляются за нимъ въ домъ жениха. Во время дороги поютъ свашки пѣсни. — По приѣздѣ ко двору, женихъ проскакиваетъ съ своими боярами мимо воротъ три раза. Въ воротахъ между тѣмъ накладываютъ кучу соломы, и зажигаютъ. Дружка беретъ лошадь жениха, переводитъ ее чрезъ огонь; за нимъ перескакиваетъ старшій бояринъ, а потомъ всѣ поочередно. За тѣмъ перевозятъ невѣсту черезъ огонь (*), и когда подвозятъ ее къ крыльцу, тогда свашки зацѣваютъ:

Ой выйди, выди,
 Маты зъ хаты!
 Щось тоби бояры привезли:
 Та привезли тоби,
 Молодую княгиню,
 И золотую скрыню —

Мать выходитъ къ снохѣ, цѣлуетъ образъ и беретъ изъ ея рукъ: икону, хлѣбъ и курицу. Бояре снимаютъ приданое и вносятъ въ клѣтъ.

Теща вводитъ молодую въ хату и сажаетъ ее за столъ; свашка вноситъ мечъ за молодую и ставитъ въ передній уголъ. Свашки поютъ:

(*) Это дѣлается въ очищеніе молодыхъ отъ порчи и злыхъ чаръ.

Ой чому, чому,
У снігъ новимъ дону,
Такъ рано засвічено? и т. д.

Поютъ три раза.—Между тѣмъ дружка отпрапляется съ боярами за молодымъ, который уже выѣхалъ со двора и ѣздитъ около воротъ. Онъ хватаетъ лошадь его за поводъ и прекрестясь, ведетъ на дворъ; за нимъ слѣдуютъ всѣ бояре, которые, слѣзая съ лошадей предъ воротами, крестятся съ женихомъ, и потомъ входятъ во дворъ. Женихъ идетъ въ хату и садится подлѣ молодой; по скамейкамъ разсаживаются бояре и дружка раздастъ имъ нарѣзанныя щипки, и угощаетъ виномъ.

Дружка, подружки и двѣ свашки, отводятъ между тѣмъ молодыхъ въ почивальную. Жениха раздѣваетъ дружка, а невѣсту свашки; потомъ кладутъ ихъ спать.— При благополучіи молодой поютъ:

Не бѣдся матицько, не бѣдся!
Въ червоны чоботки обуѣся. —
Тончи вороги шидъ ноги,
А супостаты цидъ паты:
Щобъ наши вороги мовчали,
И видивши бразцали.

Выкатыли, выкатыли,
Дубовую бочку;
Вымашыли, вымашыли,
Щобъ заплеваты дочку;
Положили, положили, —
На новой ирвати.
Що хотили, то робыли,
Чужому дитати.

Нашъ наробывъ та милой дивци, —
 А въ поведальны отгородъ городить,
 Перелазъ наробывъ, — тамъ нашъ. —

Потомъ идуть къ тещѣ. Дорогой поють прежнія пѣс-
 ни. По прибытіи ихъ сюда, запирають двери и прислу-
 шиваются: какія поють пѣсни? Если къ чести доче-
 ри, то отворяють немедленно и впускають ихъ. Если
 къ бесчестью, то не впускають. — Обрадованные ро-
 дители хорошимъ извѣстіемъ, угощаютъ на пропалую
 медомъ и водкою. Тутъ поють:

А у нашего пана свата,
 Надъ спиною латка,
 Надъ спиною, надъ спиною латка.
 Якъ латкою поурасе,
 Горячого пидисе,
 Горячого ядисе,
 Горячого! горячого! —

Тоби маты не журитися,
 Тоби маты не журитися,
 Горилочки та напитися.
 Не журись жарко, та вкинь медку;
 Щобъ було солодесенько,
 Всему ролу веселесенько.
 Та ще вкинь перцу,
 Щобъ пристало къ сердцу. —

Темного лугу малина,
 Темного лугу малина,
 Честного батька дитина. —
 Хоть вона и по ночина ходила,
 При собі лебро носила:

Та пошла вона несколькими лѣтъ,
Свѣсну рѣку на привѣтъ.

• • • • •
• • • • •

Послѣ этого возвращаются въ домъ жениха.

Дружко вводитъ молодыхъ въ избу; они кланяются въ ноги родителямъ и почетнымъ старухамъ. Пированье происходитъ тогда до разсвѣту. На другой день, т. е. въ понедѣльникъ, собираются къ жениху его родственники, а невѣсты къ невѣстѣ, и гуляютъ. Дружко, подаружко, старшій бояринъ и свашка, отправляются съ молодымъ на поклонъ къ тестю; отъ тестя къ крестнымъ родителямъ. Во время поѣзда поютъ похвалы невѣстѣ. По возвращеніи домой, поѣздъ жениха идетъ къ дружкѣ и старшему боярину, а поѣздъ невѣсты къ ея подружкѣ и тамъ веселятся весь день. Вечеромъ всѣ охотятся къ домъ жениха, который вводитъ тещу въ свою избу подъ руки, за сбереженіе ею дочери. Здѣсь новое угощеніе, и когда подгуляютъ, тогда просятъ: покажите намъ нашу молодую! Бабы наряжаютъ когонибудь и выводятъ вмѣсто молодой. Тогда иные кричатъ: наша! наша! — другіе: ни! ни! брехня! Постороннюю выводятъ до трехъ разъ, — потомъ показываютъ настоящую молодую, которая кланяется родственникамъ и со всѣми ими цѣлуется. Дружко держитъ въ рукахъ штофъ съ виномъ, молодой блюдо съ чаркою а отецъ платки, навязанные на палкѣ.

Дружко наливаетъ, молодой подноситъ а отецъ каждого даритъ платкомъ. Выпившій гость обдариваетъ молодого, чѣмъ можетъ: хлѣбомъ зерновымъ, домашними животными, деньгами и пр. Такъ же гости дарятъ невѣсту. За этимъ начинается общее пированье, которое бываетъ у насъ два раза. Здѣсь является музыка и

распѣваются безумолчно пѣсни. Молодежь беретъ за руки и поднимаетъ журавля, съ пригвѣвомъ:

Таки, таки журавель,
 Таки, таки цыбатый,
 Таки, таки журавель,
 Таки, таки цыбатый,
 Таки, таки ногатый,
 Таки, таки цыбатый.
 А я тому журавлю,
 Ноженьку перебью, —
 Таки, таки перебью,
 Таки, таки журавель,
 Таки, таки цыбатый,
 Таки, таки ногатый.

У зажиточныхъ продолжается свадебное гулянье цѣлую недѣлю; у недостаточныхъ оканчивается по большей части во вторникъ.

XIII. ЗАМѢТКИ О СВАДЬБНЫХЪ ОБРЯДАХЪ

ВЪ ГУБЕРНІЯХЪ :

КАЛУЖСКОЙ, ПЕРМСКОЙ, ЕНГДЕЙСКОЙ, ЭСТЛЯНДСКОЙ,
ВЪ ЗЕМЛЯХЪ ДОНСКИХЪ КАЗАКОВЪ И МЕЖДУ УРАЛЬСКИМИ
КАЗАКАМИ.

ВЪ КАЛУЖСКОЙ ГУБЕРНІИ.

I. Деревенская и II. Мѣщанская и купеческая свадьбы.

I. ДЕРЕВЕНСКАЯ СВАДЬБА.

Для засватанія жениха избираются бойкія и прозорливыя свахи, которыя бы все знали въ домѣ невесты. Ихъ всегда сажаютъ на почетномъ мѣстѣ. Когда засватаніе производится чрезъ сватовъ, тогда съ ними такъ же обходятся, какъ съ свахами. Иногда сами отцы просватываютъ своихъ дочерей. Въ такомъ случаѣ это называется *пропить дѣвку*, потому что отцы, подружившись за стаканомъ водки, заклеиваютъ свою дружбу пропоемъ. Давъ другъ другу обѣщаніе, сыграть свадьбу, они бьютъ по рукамъ и начинаютъ пить и пить, потому справедливо говорятъ: *вчера Степка пропилъ дѣвку, а Вася сына*. Послѣ пропоя женихъ избѣгаетъ своей невесты, а она своего жениха; однако женихъ обязанъ снабжать ее, до самой свадьбы, до которой длится иногда болѣе года, писанными лап-

ткань (т. е. строченная помякою), а невеста шить ему писаный колпакъ, который бываетъ обыкновенно бѣлый полотняный, съ вышитыми кумачемъ коймами, украшенный блестками и съ кисточкою. Она еще должна строчить воротникъ у его рубашки, и вышить блестками.

По деревнямъ не всегда бываетъ дѣвишникъ, только въ назначенный день для вѣнчанія отправляется дружка съ родственниками къ священнику, съ хлѣбомъ и солью, и этотъ хлѣбъ-соль состоитъ изъ курника, кренделей и вина. Здѣсь договариваются о платежѣ за свадьбу, и потомъ запиваютъ со всѣмъ причетомъ.

Предъ поѣздомъ молодыхъ въ церковь, каждый изъ нихъ благословляется въ своемъ домѣ: родными и посаженными родителями. Посаженный отецъ наливаетъ потомъ воды въ чашу, прильпываетъ къ ней восковую свѣчу и зажигаетъ ее, или затепливаетъ лампаду у образа, молятся тутъ съ молодыми, и послѣ садятся въ повозку: женихъ, отецъ посаженный, поденяжникъ (поддрузья) и поручитель по жениху. — Съ невестой садится сваха; невеста закрывается фатою прозрачною. У лошадей молодыхъ, обвиваютъ гривы и хвосты лентами, а голову убираютъ оловяными лентами; на шею и подъ уши лошадей навѣшиваютъ бубенчики и колокольчики; на дугъ навязываютъ по нѣсколько колокольчиковъ. Молодые должны, во всю дорогу, креститься какъ можно побольше, чтобы колдуны не спертили ихъ, особенно должны креститься при входѣ въ церковь.

При ступаніи молодыхъ на подножки, (на разостланное полотно или платни), сваха шепчетъ невестѣ, чтобы она прежде жениха стала на подножки, для того, чтобы мужъ былъ ей послушенъ и не сердить. Жениху шепчутъ съ своей стороны, чтобы онъ сталъ

прежде, дабы *держаться* съ *рукасы* *жесту*, а по этому, когда подводят ихъ къ подножкамъ, каждый изъ нихъ старается стать прежде, и глаза зрителей устремляются на ихъ ноги.

По совершеніи вѣчанія надѣваютъ на молодую, на церковной еще паперти, повойникъ женскій и шлыкъ, — края послѣдняго обложены позументомъ. Въ Боровскѣ надѣваютъ жемчужный кокошникъ, съ *глазками*, (блестящими камешками). Новобрачные отправляются домой въ одной уже повозкѣ. Никто изъ молодыхъ не долженъ ѣсть до вѣчанія. — Новобрачныхъ встрѣчаютъ родные съ благословеніемъ, и осыпаютъ ихъ хлѣбнымъ зерномъ; потомъ сажаютъ ихъ за столъ и угощаютъ. — Тѣмъ оканчивается деревенскій обрядъ свадьбы. Иногда бывають пиршества, но это зависитъ отъ состоянія.

II. МѢЩАНСКАЯ И КУПЕЧЕСКАЯ СВАДЬБЫ.

Сваха, со стороны жениха, посылается въ домъ невѣсты: она подходитъ къ воротамъ и стучится. Выходитъ хозяйка и спрашиваетъ: кто и за чѣмъ?... Мы слышали, говоритъ она, у васъ есть товаръ, а у насъ готовъ купецъ... Мать, у которой есть дочь-невѣста, повимаетъ, а по этому, если она согласна выдать дочь свою за мужа, то проситъ сваху въ комнату, угощаетъ ее и потомъ улаживается между нами дѣло. — Если мать не согласна выдать дочь свою за мужа, за предлагаемаго жениха, то говоритъ: подумаемъ. — Благоразумныя матери не допускаютъ свахъ къ разговору, и за воротами отвѣчаютъ имъ: мы не намѣрены обывать товаръ свой черезъ ваши руки. Согласные выдать дочь справляются о достоинствахъ жениха, и потомъ назначаютъ ему день, въ который онъ можетъ смотрѣть

невѣсту. Этотъ смотръ бываетъ болѣе вечеромъ. На этомъ смотрѣ главное угощеніе составляютъ : варенья, плоды, орѣхи и конфеты. Къ жениху выводить невѣсту наряженную, какъ называется, въ пухъ; женихъ знакомится съ нею и испытываетъ ея нравъ. Для этого нарочно приглашаютъ молодыхъ съ прочими гостями, чтобы играть въ карты. Тогда молодой всячески старается задѣть ея *амбизию*, которая тотъ часъ проявляется на лицѣ *политичномъ*. Между тѣмъ сваха выспрашиваетъ: понравился ли женихъ невѣстѣ? и если понравился, то она трубитъ родственникамъ ея, что женихъ смертельно влюбленъ въ свою невѣсту. — Когда женихъ и невѣста понравились другъ другу, тогда назначаютъ сговоръ у невѣсты. Женихъ прѣзжаетъ сюда съ своими родными; такъ же собираются сюда родные невѣсты. Тогда ставятъ столъ посреди комнаты, въ родѣ налоя, обвѣшиваютъ его лентами и ставятъ на немъ закуску. Предъ образомъ затепливаютъ лампаду или свѣчу, иногда накуриваютъ ладаномъ, чтобы придать болѣе святости. Съѣхавшіеся гости садятся по мѣстамъ и говорятъ весьма мало; потомъ вдругъ всѣ встаютъ и молятся долго, читая каждый про себя свою молитву. — По окончаніи молитвы родные сводятъ молодыхъ, благословляютъ ихъ а потомъ они цѣлуются, отъ чего этотъ сговоръ называется еще *цаловки*. — Когда совершится моленіе, тогда говорятъ между собою знакомые: *они уже помолились*, тоже самое, что они уже сговорены. — Послѣ молитвы и цѣлованія всѣ садятся чинно, а невѣста садится рядомъ съ женихомъ, и подаетъ ему свою руку. — Дѣвицы начинаютъ пѣть:

Соколы мои, соколы, и проч.

Поютъ и другія пѣсни, но болѣею частію веселыя. Послѣ сговора женихъ ходитъ къ невѣстѣ своей вечеромъ, но съ гостинцами. Онъ по обыкновенію сидитъ

съ дею и тояитъ бѣлы. Иногда, для развѣснн ихъ нѣжностей, является какой нибудь скрипачъ и маршанчикъ, или какой нибудь шутъ, который, изъ за рюмки водки, выкидываетъ ногами, смѣнить молодыхъ и всю честную компаню, состоящую преимущественно изъ подругъ невѣсты. При этомъ представленн дѣвнцы-подруги стараются выманить у жениха невѣсту, и потомъ держать ее въ залогъ, пока онъ не выкупитъ, за весьма дорогую цѣну. Иначе онъ провозмѣдитъ его, въ своихъ величальныхъ нѣснахъ: *мламы-кору, дасстрвваю, уродожъ* и т. п.

На дѣвнчнкъ собираются родные съ обѣихъ сторонъ, и тутъ невѣста разноситъ имъ поларки. Тѣ, которыхъ она даритъ, должны отдаривать ее. Женихъ подаритъ своей невѣстѣ нкадуку съ жанскими голубными украшеннями, и между ними кладетъ иногда: бѣлицы и румяна. После угощаютъ чаемъ, кофею, вареньемъ и разными плодами. Въ промежуткѣ доютъ дѣвушки ведчанн, въ честь молодыхъ; абаваются играми, и въ то время уводатъ невѣсту, и дрячутъ ее отъ жениха, который снова долженъ выкупать ее. — Закускою оканчивается дѣвнчнкъ.

Предъ поѣздомъ къ вѣнцу, плачетъ невѣста. — Ее подпорсываютъ сѣткою, чтобы не испортнлъ колдунъ. Въ иныхъ мѣстахъ продаютъ косу невѣсты. При вѣнчанн замѣчаютъ, чн свѣча: вѣнчальная сгорнтъ скорѣе, — тому умереть скоро.

Послѣ вѣнчанн провожаютъ молодыхъ изъ церкви съ крестомъ. Родители ихъ встрѣчаютъ, благословляютъ и осыпаютъ зерновымъ хлѣбомъ и хмѣлемъ. — Потомъ сажаютъ ихъ за столъ и угощаютъ. Черезъ нѣсколько времени подаютъ ужинъ, а потомъ молодые разстаются съ гостями. — На другой день бьютъ горники объ стѣну, если молодая цѣломудренна; въ про-

тавномъ случѣй подучаютъ отца ея въ разбитомъ станкѣ или разбитой ризницѣ. — Счастливыхъ молодыхъ провожаютъ въ баню свахи и дружки, съ вѣнцомъ радостнымъ. Ихъ шербатко сопровождаютъ нарядные шутки, которые бьются въ заставку или шадный тазъ; несутъ съ собою цѣлуху и курицу, вѣзятъ въ домъ молодыхъ.

Послѣ бани угощаютъ молодыхъ, а отецъ новобрачной даетъ отъ себя обѣдъ званымъ гостямъ.

Въ тотъ день или на другой, вѣзятъ новобранные съ поклономъ къ родителямъ, роднымъ и знакомымъ, и приглашаютъ ихъ на свой обѣдъ. За тѣмъ даются обѣды отъ другихъ, и тѣмъ заключается свадьба.

ВЪ ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Здѣшнее мѣшанство и купечество женить сыновей довольно молодыми. Невѣсту сватаютъ чрезъ своихъ родственниковъ, или хорошихъ знакомыхъ. О приданомъ никакого не дѣлаютъ договора; но во всемъ подлагаются на волю отца невесты, который надѣляется, сообразно своему состоянію: платьемъ, бѣльемъ, столовой посудой и другими вещами; деньгами рѣдко. Иногда створъ совершается въ присутствіи сватенника, въ домѣ невесты, куда приглашаются ее прительницы. Прежде былъ обычай, что во время створа пѣли дѣвушки печальные пѣсни: о разлуцѣ дочери съ родителями и о будущей ея судьбѣ. Ныгѣ это выводится изъ обыкновенія; поютъ только веселыя пѣсни молодымъ, сидящимъ за столомъ, съ разными прилежаніями; а потомъ гостямъ, которые дарили ихъ за это. Послѣ створа гостятъ въ домѣ невесты ее подруги, помогая ей: нить бѣлье и шитье.

Изъ родственниковъ или друзей жениха собираютъ

ся; тысяцкій, бояре и дружки. Последніе, получивъ отъ неврѣты по лентѣ, навязываемой на лѣвую руку, ѣздятъ къ ней съ подарками отъ жениха; зовутъ гостей на свадьбу и угощаютъ ихъ. Сверхъ нихъ набираются, со стороны неврѣты и жениха, по одной свадѣ, иногда по двѣ. Тысяцкій разспоряжается свадебнымъ обрядомъ. По прибытіи жениха въ церковь, онъ посылаетъ за неврѣтой сваху и нѣскольکو дружковъ, которые прѣзжаютъ за нею въ лучшемъ экипажѣ. По совершениі бракосочетанія, молодые ѣдутъ въ домъ; тутъ встрѣчаютъ ихъ родители, для нихъ посаженныя, на крыльцѣ, иногда въ самой комнатѣ, и благославляютъ: сначала образомъ, потомъ хлѣбомъ, возложивъ крестообразно на головы. Молодые падаютъ имъ въ ноги и цѣлуютъ руки. Послѣ сажаютъ молодыхъ за столъ и начинается угощеніе, которое оканчивается богатымъ ужиномъ. На другой день даютъ роскошный обѣдъ, подъ именовъ *большаго стола*, для родственниковъ, друзей и всѣхъ знакомыхъ, коихъ неврѣста даритъ разными вещами, но преимущественно платками. Обѣдъ иногда продолжается до вечера, послѣ начинается пляска подъ музыку или пѣніе веселыхъ пѣсней. — Молодые первые открываютъ танцы. По прошествіи нѣсколькихъ дней дается *пирожный столъ*, который отличается особой веселостію и пиршествомъ. Музыка, состоящая изъ скрипки и гуслей, раздаетъ безумолчкію. Въ заключеніи свадебнаго веселія, тестъ угощаетъ зятя, и такое угощеніе называется *злббинами*. Женатыя купеческія дѣти живутъ въ домѣ своего отца, хотя бы находилось нѣсколько женатыхъ братьевъ, потому что они вмѣстѣ торгуютъ съ своимъ отцомъ и пользуются общими выгодами отъ торговли. — Жены ихъ раздѣляютъ понедѣльно домашнія работы: съ золовками и сестрами ихъ мужей.

ВЪ БИССЕЙСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Сынъ, желающій жениться, объявляетъ объ этомъ отцу, который избираетъ свата и проситъ его сосватать дѣвицу по мыслямъ сына. Сватъ идетъ къ родителямъ невесты, и если получаетъ согласіе, то возвращается съ радостной вѣстію, и объявляетъ о томъ смотрѣнію невесты. Отецъ съ сыномъ и сватомъ отправляются смотрѣть невесту. Сватъ проситъ показать товаръ. Является на показъ товаръ и глаза молодого разбѣгаются по прелестямъ дѣвушки, которая сидитъ возлѣ матери. Жениху позволяютъ сѣсть возлѣ молодой; отцы и сватъ пьютъ круговую. На другой день сватъ возвращаетъ родителямъ жениха, о времени свадьбы.

У невесты готовится приданое, а у жениха состоитъ поѣздъ: изъ дружки и поддружья, четырехъ бояриновъ, тысяцкого и свахи. Тогда женихъ называется княземъ а невеста княгинею.

Въ день свадьбы женихъ, получивъ благословеніе отъ родителей, ѣдетъ съ своимъ поѣздомъ въ домъ невесты. Впереди ѣдутъ дружка и поддружье, главные распорядители: они охраняютъ поѣздъ на пути отъ всѣхъ несприятныхъ встрѣчъ; сворачиваютъ съ дороги встрѣчныхъ, отворяютъ и запераютъ ворота. За ними ѣдутъ четыре боярина, совершенно враздѣме: они только ѣдутъ, пьютъ и веселятся. Послѣ нихъ ѣдетъ женихъ съ тысяцкимъ, который расплачивается, гдѣ надобно. Сваха заключаетъ поѣздъ жениха.

Гостей встрѣчаютъ на дворѣ родители помолвленной. Невѣста сидитъ въ комнатѣ за столомъ съ мальчикомъ, который долженъ продавать ее. Дружка сирашиваетъ сладкого вина, тысяцкій вынимаетъ деньги, и все это подносятъ мальчику на подносі, съ бѣль-

шимъ уваженіемъ. Мальчикъ сначала не соглашается, потомъ торгуется, требуетъ много, наконецъ говоритъ: «дайте мнѣ съ сѣдломъ коня драго да лютого». Ему тогда прибавляютъ денегъ, онъ беретъ ихъ и тогда мѣсто куплено. — Мѣсто откуплено! мѣсто готово! кричитъ старшій въ семействѣ. — Мальчикъ уходитъ; прѣзжія, кромѣ дружки, садятся за столъ подлѣ невѣсты. Дружка говоритъ отцу и матерѣ: «умѣли вымерить, аспонтъ вамъ дитятно, умѣйте же отдать князю новобрачному». — Отецъ немедленно обвертываетъ свою руку бѣлой ширинкою, беретъ за руку дочь и передаетъ ее жениху, который такъ же принимаетъ ее, обернутой рукою въ ширинку.

Потомъ начинается пиръ. Дѣвушки поютъ пѣсни; женихъ подноситъ княжій медъ а невѣста даритъ его. Послѣ молодые падаютъ въ ноги отцу и матерѣ, принимаютъ отъ нихъ благословеніе и отаразляются въ черновѣ.

Молодой отъ вѣнца везетъ молодую въ свой домъ. Тутъ они кланяются въ ноги родителямъ, и получивъ благословеніе, садятся за столъ; молодницы поютъ пѣсни, женихъ подноситъ княжій медъ а молодая дары. — За тѣмъ сажаютъ молодую на стулъ, среди комнаты, сажаютъ съ нея платокъ и расплетаютъ косу. Новобрачная плечета по своей волнистой косѣ, которую раздѣляютъ родственницы на двѣ части, и обвивъ голову двѣма косицами, надѣваютъ на нее колпакъ. Наконецъ двѣ свахи отводятъ ее въ полкѣтъ, и пожелавъ молодымъ пріятной ночи, запираютъ ихъ замкомъ.

Съ зарею докучливыя свахи и дружка поднимаютъ новобрачныхъ, ведутъ ихъ въ истопленную баню а свахи запираютъ тамъ. Стоя подъ дверьми, они выпрашиваютъ у молодыхъ подарковъ, торгуются, и тогда только открываютъ баню, когда удовлетворятъ ихъ требованіямъ.

Пѣсни поютъ тѣ же самыя, что въ Россіи. Вотъ одна, которая должна быть чьего-нибудь сибирская, въ ней употреблено слово маганый (бывокурый), совершенно не русское.

Двину съ молодцемъ

Особо сильнъ,

Втай рѣчи говорили .

Молодецъ, молодецъ !

Хорошій, пригожій,

Кудрявый, маганый,

Холость, не женатый !

Сшей два башмачка,

Изъ желта песочка.

Двину, двину,

Красная-умная !

Выряди кошечки,

Изъ дождевой капли ;

Концы чтобъ не рвались,

Башмачка не дрались.

Молодецъ, молодецъ !

Хорошій, пригожій,

Кудрявый, маганый,

Холость, не женатый !

Подари фатою,

Изъ макова цвѣта.

Двину, двину,

Красная-умная !

Наряди мнѣ шелку,

Изъ блага снѣга ;

Чтобъ шить бы не рвался,

Фата не поролась.

Молодецъ, молодецъ !

Хорошій, пригожій,

Кудрявый, маганый,

Холость, не женатый !

Слей мнѣ шерстенъ дивный,

Въ праге сонна;
 И аднакъ въ ной всташку,
 Воскочную звезду:
 Дзвиза, дзвиза,
 Красная-умная!
 Напой ты мнѣ коня,
 Средь бурнаго моря;
 Чтобъ конь мой напился,
 А самъ не залился. — (*)

ВЪ ЭСТЛЯНДСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Женихъ отправляется съ сватомъ въ домъ невесты, и покуда свать объясняетъ родителямъ цѣль своего посѣщенія; догадливая дѣвушка поскорѣй прячется въ уголокъ своего дома. Съ позволенія родителей свать отыскиваетъ бѣглянку, и объяснивъ ей имя, званіе, качества и состояніе жениха, приводитъ и сажаетъ ее подлѣ него. Тутъ свать беретъ принесенный штофъ водки, подчуевъ родителей, не забывая себя; а молодецъ съ молодкой, всматриваются между тѣмъ другъ въ друга и знакомятся. — Сватанье происходитъ только по средамъ и четвергамъ. Если при первомъ свиданіи понравятся молодые люди одинъ другому; то посѣщеніе повторяется въ слѣдующій день, и также съ запасомъ водки. Дѣвушка тогда выходитъ уже сама, по одному зову отца или матери. Свать требуетъ рѣшительнаго согласія, и когда получить его, то подчивая водкою, условливается уже о приданомъ и времени брака; а молодые, сидя виѣсть, переговариваются и разговариваютъ свободно. Для окончательныхъ обо всемъ переговорахъ, сходятся и на третій день. —

(*) Степановъ: Опис. енисейск. губ. ч. 2. с. 115.

Когда изготавится приданное невесты и все, что необходимо для пиршества; тогда женихъ, получивъ благословеніе своихъ родителей, прѣзжаетъ съ своимъ дружкой верхомъ, въ домъ родителей невесты, гдѣ уже собрались родные и гости. Невѣсту, советамъ, украденую, благословляютъ родители къ вѣнцу, а женихъ, въ сопровожденіи общихъ родственниковъ и гостей, везетъ ее въ церковь. Впередъ посылается туда дружка, во въ воротахъ, при вѣздѣ въ село или въ ограду церкви, собираются мальчики, болѣе чѣмъ родственниковъ молодыхъ, останавливаютъ его, плетни, и онъ долженъ откупить право вѣзда, бросая имъ нѣсколько мелкихъ монетъ, а если этихъ денегъ мало, то мальчики задерживаютъ дружку. Тогда женихъ знаетъ, что дружка не встрѣчаетъ его, и догадавшись о противѣ, посылаетъ впередъ себя другаго дружку; случается со вторымъ тоже; тогда посылается третій. Щедрость этого послѣдняго, или умѣренность продающихъ право вѣзда, отворяетъ наконецъ ворота, и посланный встрѣчаетъ молодыхъ, уже вѣзжающими. — Въ 12 часовъ по полудни совершаются бракъ; новобрачныхъ поздравляютъ и отправляютъ въ домъ родителей молодой. Тутъ при пивѣ водки и пива, начинаются новыя поздравленія, и вскорѣ потомъ начинается обѣдъ, съ подчиваніемъ тѣми же запитками; водку пьютъ и женщины. Послѣ стола играетъ сирпачъ однообразный свой вальсъ; молодые и гости танцуютъ и вѣютъ въ комнатахъ и на дворѣ; пиршество продолжается до самаго утра. — На другой день прѣсходитъ также пиръ, только въ домъ родителей жениха. Подлѣ обѣда ставятъ на столъ чашу, покрытую полотенцемъ или платкомъ, и гости, по усердію и средствамъ каждаго, кладутъ туда денежныя подарки на разсчетъ новобрачныхъ; а имѣя вмѣсто этого, общаются имъ,

на новое хозяйство: лошади, корову, теленка, овцу, или что нибудь из мелких домашних животных; иногда же вещи, потребныя въ домохозяйствѣ. После свадьбы новобрачные раздѣлываютъ съ постьшеніями и собираютъ обещанные подарки.

ВЪ ЗЕМЛѢ ДОНСКИХЪ КАЗАКОВЪ,

СТАРЕННАЯ СВАДЬБА.

Мушкетеры могли видѣть дѣвушекъ только въ хоровахъ, на гуляньи, на свадьбѣ или на крыльцѣ. Дѣвицъ, до самаго ея замужества, не удавалось сказать трехъ словъ постороннему мушкетеру. Старые Донцы находили грѣхъ, когда мушкетеръ разговаривалъ свободно съ дѣвушкою. Не глядя въ глаза мушкетеру, твердила бабушка своей внучкѣ, — Богъ не дастъ счастья. Рѣдкій Донецъ женился по собственному желанію; большею частію родители назначали ему невесту. Сынъ, время тебѣ жениться, говорилъ отецъ, мы съ матерью выбрали тебѣ невесту: она умѣетъ хозяйничать, изъ хорошаго дома и чиберка (швец). — Воля ваша, отычалъ сынъ, и поклопъ въ ноги. — Дѣло начиналось съ осмотра невесты. — Женихъ съ однимъ или двумя близкими родственниками, отправлялся, по большей части вечеромъ, въ домъ невесты, гдѣ ихъ принимали ее родители. Гости заводили разговоръ о дочерѣ хозяйна, хвалили ее красоту и умъ; называли ее доброй хозяйкою и просили, чтобы она поднесла имъ по чарки вина. По зову матери она являлась, одѣтою по домашнему, держа въ рукѣ подносъ съ кубками вина; разносила и отходила къ сторонѣ, ожидая смиренно, пока выпьютъ гости. Старики съ умысломъ медлили пить, чтобы дать жениху время всмотрѣться въ невесту, и между тѣмъ хвалили вино и подносили

шую его. Принявъ бокалы, она удалялась: вслѣдъ за нею гости, которые не переставали хвалить дочь и оканчивала: Богъ дастъ, она полюбитъ и насъ. —

Черезъ нѣсколько дней послѣ смотра, присылалась отъ жениха сваты изъ родственниковъ или постороннихъ. Для этого выбирали опытныхъ людей, славившихся умѣніемъ высватать и могшихъ насчитать до сотни, сыгравшихъ ими свадьбы. Дурный выборъ сваты ставилъ жениху въ укоръ, и потому часто отказывали ему. — Объясняется же самимъ родителямъ жениха и невесты, почиталось не приличнымъ. Сваты начинали дѣло просто: Кузьмичъ и Акулиновна! (родители жениха) съ вами хотѣтъ вступитъ въ родство, — и т. д., и потомъ осыпала похвалами жениха и его семейство. Имъ отайчали благодарностию за доброе шитьею дочеръ, а между тѣмъ отговаривались, что не могутъ выдать ее, по неимѣнію всего нужнаго для свадьбы, — это уже отказъ. Въ случаѣ согласія родителей невесты, отецъ ея просилъ дать ему время посоветоваться съ своею роднею, и назначалъ день, въ который приходили сваты за отвѣтомъ. Сваты, выходя изъ комнаты, старались прикоснуться рукою къ печи и приговаривали: какъ эта печь не сходитъ съ своего мѣста, такъ бы и отъ насъ не отошла наша невеста. — Въ назначенный день являлись по утру сваты, вынимали изъ за пазухи кусокъ чернаго хлѣба, посыпаннаго солью; клали на столъ, говоря: отецъ и мать Васильевича (жениха) кланяются и просятъ принять хлѣбъ соль. Тогда родители невесты цѣловала гостинецъ. Сватовство оканчивалось согласіемъ, и сваты требовали, въ знакъ согласія, руку ея. Дай Богъ въ добрый часъ, говорилъ отецъ невесты, отнявъ себя престоичишь знаменіемъ, и обернувъ левую своего платья руку, подавалъ ее сватамъ: это называлось ввать руку. — Подать или ввать тогда руку,

не завернуть ее въ полу платья, почиталось дурнымъ предзнаменованіемъ. Въ старину думали дѣвцы, что голая рука есть примѣта бѣдности. — Невѣста подносила тогда сватамъ по стакану меда, которые тутъ же поздравляли ее съ женихомъ.

Въ этотъ вечеръ дѣлалось рукобитье. Женихъ съ родителями и родными приходилъ къ своей невѣстѣ, въ домъ коей собирались ее ближніе родственники. Тамъ встрѣчали жениха и поздравляли его съ невѣстою, а онъ отвѣчалъ поклономъ своему тещю и тещѣ, и становился у порога. Родители давали другъ другу руки, называя уже сватушкой и свашивьшой, и дѣлали зарядъ, на случай отказа какой-либо стороны отъ свадьбы. По окончаніи условій свать выводилъ жениха и невѣсту на средину комнаты, подносилъ имъ по рюмкѣ вина или меда; они выпивъ, цѣловали другъ друга. Родители соединяли ихъ руки, приговаривая: дочь! вотъ тебѣ женихъ, а тебѣ, мой сынъ, невѣста, да благословитъ Господь Богъ союзъ вашъ! — Послѣ благословенія молодые иногда дарили другъ друга. Между тѣмъ вынесли серебряный подносъ, уставленный серебряными съ чернью стаканами, полными меда или вина. Женихъ, послѣ него невѣста, обносили всѣхъ гостей, которые, выпивъ до дна, приветствовали ихъ и желали совершить *кажтосе дѣло*. Этимъ оканчивалось рукобитье, которое называется въ Россіи помолвкою. Когда соединяли руки новой четы, тогда женщины пѣли двѣ пѣсни: *Ой замашка, горюстѣй молодой*, для жениха; и *перепелушка, рабыя перушки*, для невѣсты. По совершеніи рукобитья, старшии уходили въ другую комнату, чтобы записать радостное начало. Женщины, проходя по улицамъ, постоянно пѣли замашку и перепелушку, дабы невѣстѣ житьелей о пренесходившемъ.

Дѣй позыватыя (позыватки), одна со стороны жениха а другая невесты, вѣдили съ утра изъ дома въ домъ, къ роднымъ и вѣшь знакомымъ : съ приглашеніемъ ихъ на сговоръ. — Въ позыватыя собирались молодыя женщины, которыя бы умѣли хорошо упрасивать, были бы веселыя и разговорчивыя. Въ каждомъ домѣ онѣ должны были сказать поклонъ отъ отца и матери, и просить на сговоръ, приговаривая : *да пожалуйте же жъ мои роденькія* ; въ каждомъ домѣ угощали ихъ сладкимъ виномъ и просили выпить непременно. — Къ шести или семи часамъ вечера собирались къ невестѣ ея подружки, а къ ея родителямъ женщины и мужчины. Дѣвушки сидѣли съ особой комнатѣ, а гости, коихъ всегда называли стариками, въ залѣ, въ которомъ былъ раскинутъ большой столъ, покрытый скатертью ; угловый столикъ былъ заваленъ пряниками, орѣхами и съмечками. — Въ домѣ жениха собирались его знакомые ; здѣсь приготовляли десять и двадцать блюдъ съ кренделями, пряниками, орѣхами, винными ягодами, финиками и всякими сладостями, и нѣсколько дюжины бутылокъ лучшаго меда и вина: Всѣ гости отправлялись съ хлѣбомъ и солью, въ домъ невесты : впереди несли блюдо; за гостями шли женатые; потомъ замужнія женщины, и наконецъ женихъ съ своими пріятелями. Родители невесты встрѣчали ихъ на крыльцѣ, вводили въ залу и сажали сватушку, сватиньку и родню ихъ, на первыя мѣста; женихъ съ товарищами становился у порога; принесенными же блюдами и напитками, устанавливали раскинутый по срединѣ столъ. Отецъ невестинъ, потомъ мать, обносли гостей по стакану водки. — Тогда сваты требовали, чтобы молодые, въ виду всего собранія, были сговорены. — Жениха и невесту ставили посреди залы, и повторяли тотъ же обрядъ, который

наблюдался при рукобитии, Родственники жениха и невесты, поздравляя ихъ, дарили другъ друга, Свекоръ и свекровка, должны были превзойти всѣхъ щедростію. Сговоръ оканчивался тѣмъ, что женихъ и невеста подносили гостямъ вино или медъ, и принимали отъ всѣхъ по поцѣлюю. — Отъ послѣдняго гостя убѣгала невеста въ другую комнату къ дѣвушкамъ, и садилась между ними, дабы не отдать мѣста женику даромъ, который долженъ былъ купить его, чтобы сѣсть возлѣ своей суженой. Начинался торгъ, женихъ набавлялъ цѣну, дѣвицы не уступали, говоря, что ихъ невеста золотая, и не дешево ему достанется. Этотъ торгъ забавлялъ всѣхъ, старики оставляли стаканы и толпились смотрѣть. Какъ скоро женихъ получалъ мѣсто, подлѣ своей невесты, тогда родители его просили сватушку, свашиньку и всѣхъ гостей къ себѣ въ домъ, *смотреть печи*. — Это было угощеніе, составившее въ томъ, что посреди залы накрывался столъ; гости садились ужинать, подавали блюдо 30; за каждымъ пили медъ и вино, и чтобы не было отговорокъ, то ко всякому стакану придумывали тостъ: начинали обыкновенно здоровьемъ сватушки, потомъ свашиньки, будущей четы, всѣхъ гостей порознь и наконецъ пили за упокой умершихъ родственниковъ. Во время десерта веселые гости пѣли сначала богатырскія, а потомъ плясовыя пѣсни :

А кто въ мѣсяцъ во садку. — Ахъ матушка жениха, —
Утушка луговая. — Тутъ была перепалочка. и пр.

Женихъ долженъ былъ платить за всѣ издержки этого вечера, даже въ домъ невесты. — Послѣ сговора, родственницы невесты оставались при ней до самой свадьбы, и шли для нее приданое: Если бы какую вещь вздумали отдать въ постороннія руки за деньги, то это ставилось въ укоризну чиберкамъ. —

Женихъ съ друзьями бывалъ каждый вечеръ у невѣсты, и приносилъ узелъ гостинцевъ. Тутъ продолжались игры до полуночи: жмурки, четки, короли, контики и пр.

За два дня до свадьбы, смотрѣли приданое или праздновали *подушки*, а на канунѣ *дѣвичникъ*.

Подушки такъ отправлялись. Вечеру собирались въ домъ невѣсты: въ знакомыя дѣвочки, женихъ съ своими товарищами и родные молодые. Изъ гостей одинъ послѣ другаго входилъ въ комнату, гдѣ находилось приданое: богатая постель и платье въ сундукахъ. Чиберки предлагали имъ садиться на подушки. Женихъ съ невѣстою садился первые, шивецъ подносилъ жениху стаканъ меда, который выливалъ онъ въ нѣсколько приемовъ; цѣлуя всякій разъ свою возлюбленную и приговаривая: *медъ горекъ, надобно подсластить*. Осунувъ бокалъ, онъ клалъ чибернашъ деньги на поднось. Потомъ садился всѣ товарищи молодого; каждый изъ товарищей его просилъ къ себѣ въ сосѣднѣ дѣвицу, правившуюся ему; такъ же каждый пилъ меды и цѣловалъ ее, сколько хотѣлъ. Отвустивъ отъ себя выбранныю имъ, онъ могъ просить другую, третью и т. д. и за всякимъ бокаломъ онъ клалъ деньги на поднось, а подносившіе бросали въ сидящую пару подушками, приговаривая, по татарски: *раса баса сагенъ* (и вамъ того желаемъ). — Сидѣніе на подушкахъ продолжалось до полуночи, и сколько ни были застѣнчивыя дѣвушки, но ни одна не отказывалась отъ поцѣлуевъ. — Бывала иногда музыка, но она не прерывала сидѣнія: пока одни танцовали, другіе не переставали кривать жаркіе поцѣлуи съ дѣвственныкъ устъ.

Дѣвичникъ былъ послѣднимъ праздникомъ для невѣсты. Но въ этотъ день она плакала. Предъ заходомъ деніемъ солнца, она, одна съ нянюшкой, ходила на мо-

щды, слезы, придаютъ и дросилы, какъ благословеніи съ дорючими слезами. Между тѣмъ новобрачныя невѣсты, ахавъ ея родственниковъ и знакомыхъ мужчинъ и женщинъ, на вечеръ, — наволакиваемъ подушки, а на другой день на выданье мѣлести. Но шворены жениха: свахи и дружка, просили гостей, чтобы сажать коровай, а на завтра встрѣтить новобрачныхъ. Съ самаго утра начинали готовить коровай. Когда сажали большой коровай, тогда все собраніе держало за допату; дружка и сваха ослѣпляли печь, и свѣчи: вѣхъ, обогрѣвъ лѣнтами, вручалась на другой день жениху и невѣстѣ, для зажженія предъ алтаремъ.

Гости жениха, набравъ коровай, отправлялись въ вечеру, въ домъ невѣсты. Она, посреди своихъ подругъ, была въ слезахъ; голова ея была покрыта высокой шапкою изъ черныхъ смушекъ, съ красными бархатными или парчевыми верхомъ, украшенными цвѣтами и перьями; въ косѣ висѣлъ золотый косицъ. Подруги напяли жадобныя шѣпки, а раздукъ ея съ родными, — съ появленіемъ жениха замолчали и шѣпки и молодые садидись на подушки. Гости шли къ столу, досадъ которого входили женщины, съ приданнымъ, прицѣвая: сестрицы, подружки, несуте подушки, и пр. Потомъ разбирали постель и другія вещи, и со всѣмъ обществомъ отправлялись къ жениху.

Въ воскресенье, въ день свадьбы, дѣвицы убирала невѣсту, въ брачку, одажду, въ богатый парчевый хит билень, а въ парчевую рубаку; на голову надѣла ту же шапку, какую на дѣвичникѣ, и на носу заплета ли по дѣвичьему. Съ благовѣстомъ къ обѣднѣ, стодъ и мать, благословляла ее вѣнкомъ; жавѣра кланя триземныхъ поклона, цѣловала образъ, кланялась въ ноги плачущимъ родителямъ, прощалась со всѣми родственными, домашними и сама заливалась слезами. — Же-

и обвить или голову, надъвали соболью шапку или новейшимъ; потомъ отправлялся въ домъ жениха. На крыльцѣ встрѣчали молодыхъ родители, съ хлѣбомъ и солью; осыпали ихъ пшеницею или другимъ хлѣбнымъ зерномъ, перемѣшаннымъ съ хлѣбомъ; орѣхами, пряниками, мѣлкой монетою и пр. — Утоотивъ молодыхъ, отвели ихъ на брачное ложе.

Между тѣмъ званые гости паровали, или гости за *молодого князя съ княгиню*, родителей и гостей. Передъ жаркимъ поднимали молодыхъ: все общество требовало, чтобъ имъ показали *честь новобрачныхъ*. Въ знакъ радости о добромъ имени молодой, навизывали дружкѣ вѣтки на обѣ руки, а свахъ окутывали матеріями крестообразно чрезъ плеча; всѣ гости прикалывали къ головному своему убору или къ груди, источка свѣжей камны, какъ символъ невинности. Дружко и сваха просили гостей кушать и пить, и тогда раздавались вѣсни въ честь молодой. Дружко и сваха отправлялись въ первыяхъ къ родителямъ, съ возвѣщеніемъ о дочерней чести и съ приглашеніемъ ихъ на веселіе. Ихъ также перевязывали здѣсь. — Былъ обычай, что когда приглашали родителей молодой прямо къ столу, тогда въ ихъ присутствіи поднимали молодого князя съ княгинюю. —

По собраніи кушанья со столовъ, вводили молодыхъ въ собраніе: дружко естъ впереди на блюдѣ, покрытомъ шелковымъ или парчевымъ платкомъ; изрѣзаный въ куски большой поросей, котораго каждая часть была украшена серебрянымъ лебедемъ или золоченой сосенкою, и на каждой части было положено немного сыру; за дружкой шла сваха подъ руку молодого князя и княгиню. — Сотворивъ молитву, дружко открывала коровай, разносила гостямъ, прося именитъ молодыхъ: *сыръ-каравай принимать и молодилъ надѣлать*; въ слѣдъ за этимъ молодые подчивали ихъ

медомъ и виномъ. Каждый изъ гостей, принявъ часть корова и бокаль, обнималъ новобрачныхъ, поздравлялъ и дарилъ ихъ : кусками богатой матеріи, которую вѣшали на плечо молодой ; оружіями, деньгами и табунами лошадей или рогатого скота. — Родители молодой такъ же получали подарки отъ своихъ сватовъ : отецъ сукно, мать бархатъ или парчу, а прочіихъ гостей дарили: мужчинъ сафьянами или платками а женщинъ красными туфлями. Остальную часть дня проводили въ шумномъ пированіи. Громогласно желали счастья молодымъ, пили за здоровье и кричали во все услышаніе : «желаю здравствовать князю молодому съ княгинею ! князю отцу, матери, дружкѣ съ свахами и всѣмъ любящимъ гостямъ, всей честной компаніи на бѣсѣдѣ, не всѣмъ по имени, но всѣмъ поравненно ; что задумали, загадали, опредѣли, Господи ! таланъ и счастье : слышанное видѣть, желанное получить, и быть въ чести и въ радости нерушимо !» Всѣ отвѣчали : «опредѣли Господи !»

На другой день поутру мать молодой присылала новобрачнымъ супъ изъ курицы, съ изюмомъ и кореньями, и *вареное*, приготовленное на винѣ съ сахаромъ и пріпными кореньями. Блюда носили : няни молодой и бывшія ея прислужницы ; онѣ были перевязаны матеріями и одна въ карикатурномъ видѣ. Проходя по улицѣ, онѣ пѣли свадебныя пѣсни. —

Послѣ продолжительныхъ угощеній съ обѣихъ сторонъ, назначились отводы. Родители молодой давали обѣдъ, на коемъ появлялись въ первый разъ новобрачные, и всѣ гости заключали свое веселіе пированьемъ. —

Точно были такіе свадебные обряды у *низовыхъ казаковъ*, и преимущественно въ Черкасскѣ. Въ

ставцахъ сербскихъ брады имѣли изъ которыхъ нѣкоторыя измѣненія (*).

ВЪ ЗЕМЛѢ ДОНСКИХЪ КАЗАКОВЪ, НЫНѢШНЯЯ СВАДЬБА.

Повсюду невѣста занимаетъ главное мѣсто: и въ забавахъ и при выходѣ ея за мужъ, и вездѣ женихъ старается всею угрождать ей.—Между донскими козаками, коихъ нравы во многихъ сходствуютъ съ малороссійскими, дѣвушка невѣста должна отличаться не столько своею красотою, сколько добротою сердца и знаніемъ хозяйства; посему донской козакъ преимущественно набираетъ ее съ этими качествами; онъ не требуетъ за нею никакого приданаго, напротивъ, самъ одѣваетъ ее, можно сказать, съ ногъ до головы. —

Сговоръ совершается помощію свахи и дружки.—Дѣвичникъ уже есть прощальный день для подругъ невѣсты: онѣ поютъ ей пѣсни, готовятъ ей вѣнчанное платье, убираютъ и заплетаютъ ей косу. Женихъ проводитъ дѣвичный день въ обществѣ съ своими товарищами. Дружку сопутствуетъ ему во всѣхъ его забавахъ. —

Невѣста не отправляется въ церковь съ своими пріятельницами, но за нею пріѣзжаетъ самъ женихъ верхомъ. Лошадь его обвѣшиваются колокольчиками, чтобы невѣста могла слышать его пріѣздъ. Потомъ онъ отправляется къ вѣнцу съ нею и со всѣмъ своимъ поездомъ. Отъ вѣнца ѣдутъ пировать въ домъ жениха.

Послѣ вѣнчанія снимаются колокольчики съ лошади жениха, одной только свахою, которые хранятся родителями новобрачныхъ или самими молодыми. Нѣкто-

(*) Корнил. Русск. старина, изд. С. П. Б. 1825 г.

рые, по звуку колокольчиковъ, дѣлають замѣчанія о счастливой и несчастливой жизни молодыхъ.

Свадебный пиръ бываетъ довольно веселый: музыка изъ двухъ и трехъ скрипокъ, пѣніе, пляска и радужное угощеніе, удерживаютъ пирующихъ на всю ночь, не смотря на то, что новобрачные давно уже спятъ.— Иногда нѣсколько дней сряду гуляютъ гости: то у родителей новобрачныхъ, то у ихъ родственниковъ.— Водка и родное донское вино, лется здѣсь рѣкою.— Чѣмъ болѣе пьютъ, бьютъ стеклянныхъ покаловъ и посуды, тѣмъ жизнь новобрачныхъ должна быть счастливѣе.

МЕЖДУ УРАЛЬСКИМИ КАЗАКАМИ.

Выборъ невѣсты между уральскими казаками, зависитъ отъ жениха; родители не препятствуютъ ему; но избраніе жениха зависитъ отъ родителей.— О приданомъ не спрашиваютъ; что дадутъ родители, тѣмъ довольны; молодые всегда надѣются, что ихъ надѣлать достаточно.—

Послѣ сговора до самой свадьбы, собираются подружки къ невѣстѣ, каждый вечеръ: поютъ пѣсни, пляшутъ и веселятся съ молодцами. Вечернія сходбища продолжаются иногда до полугода. Женихъ обходится съ своею невѣстою, какъ мужъ съ женою. Нарушеніе приличій строго преслѣдуется; свободное же обращеніе, проистекающее отъ взаимной довѣрчивости, отнюдь не дѣлаетъ бесчестнымъ имя дѣвушки.

Въ дѣвичникъ сходятся къ невѣстѣ ея подружки, и поютъ ей прощальныя пѣсни. Сюда допускается и женихъ, который долженъ принести невѣстѣ въ подарокъ: цвѣтное платье, башмаки, головной уборъ, игольникъ съ нитками, наперстокъ и ключи. Последнимъ онъ даетъ ей знать, что она вступаетъ въ права до-

мохозяйки. Невѣста даритъ ему: шапку, сапоги, шейный платокъ, рубашку и шаровары.

Въ назначенный день поѣзда къ вѣнду, невѣсту провожаютъ ея подруги, а жениха его хорошіе пріатели и знакомые. Невѣста отправляется въ церковь въ сопровожденіи старшей дружки и свахъ. Женихъ въ сопровожденіи своего дружки и подружекъ, и онъ ѣдетъ отдѣльно отъ нея. Послѣ вѣнчанія невѣста ѣдетъ въ повозкѣ, съ короткими своими пріятельницами; позади ея сидитъ мать и сваха: послѣдняя должна имѣть кольца на всѣхъ пальцахъ. — Во время поѣзда мать и сваха закрываютъ молодую полотенцемъ, чтобы нечистый глазъ не испортилъ ее. За повозкою ѣдетъ женихъ, послѣ него тянутся, въ цѣсколько рядовъ, вершники, и одинъ изъ нихъ держитъ на длинномъ шестѣ, вмѣсто знамени, полосатую плахту (юбку).

По прибытіи новобрачныхъ домой, ихъ сажаютъ вмѣстѣ за столъ. Свадьбу проводятъ въ пѣтьѣ, пляскѣ и пѣніи, не только дома, но и на улицѣ. Съ пирующими раздѣляютъ веселіе; часто не приглашенные, и гуляютъ до полночи. Молодую отводятъ въ брачную избу сваха и мать посаженная; дѣвушки раздѣваютъ, а молодой приходитъ послѣ, съ однимъ дружкойю.

По утру поздравляютъ новобрачныхъ родные и всѣ ихъ знакомые. Прежде выставляли красное знамя у воротъ, въ ознаменованіе благополучія невѣсты. Въ старинные годы былъ еще обычай, что если кто разводился съ женою, тотъ выводилъ ее на торговое мѣсто и продавалъ; послѣ этого онъ могъ жениться на другой.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВТОРОЙ ЧАСТИ.

I. Обзоръ свадебныхъ обрядовъ	3.
II. Свадьбы великокняжескія	47.
III. Свадьбы Царскія	57.
IV. Свадьбы благородныхъ и простолюдиновъ, по извѣстію Кошихина	82.
V. Свадьба начала хуцъ вѣка, по извѣстію Петра	91.
VI. Свадьба около половины хуцъ вѣка, по извѣстію Олеарія	96.
VII. Измѣненіе свадебъ	107.
VIII. Очеркъ нынѣшнихъ свадебныхъ обрядовъ	116.
IX. Свадьба въ псковской губерніи	143.
X. Свадьба въ костромской губерніи	166.
XI. Свадьба въ орловской губерніи	194.
XII. Свадьба въ олонецкой губерніи	207.
XIII. Свадьба въ вологодской губерніи	230.
XIV. Свадьба въ нижегородской губерніи	261.
XV. Свадьба въ пензенской губерніи	280.
XVI. Свадьба въ саратовской губерніи	288.
XVII. Свадьба въ смоленской губерніи	446.
XVIII. Свадьба въ Бѣлорусіи	460.
XIX. Свадьба литовская	471.
XX. Свадьба малороссійская	485.
XXI. Свадьба переселенцевъ Малороссійянъ, въ сара- товской губерніи	565.
XXII. Замѣтки объ свадебныхъ обрядахъ, въ губерніяхъ: калужской, пермской, енисейской, эстляндской, въ земляхъ донскихъ казаковъ и между уральскими казаками	594.

